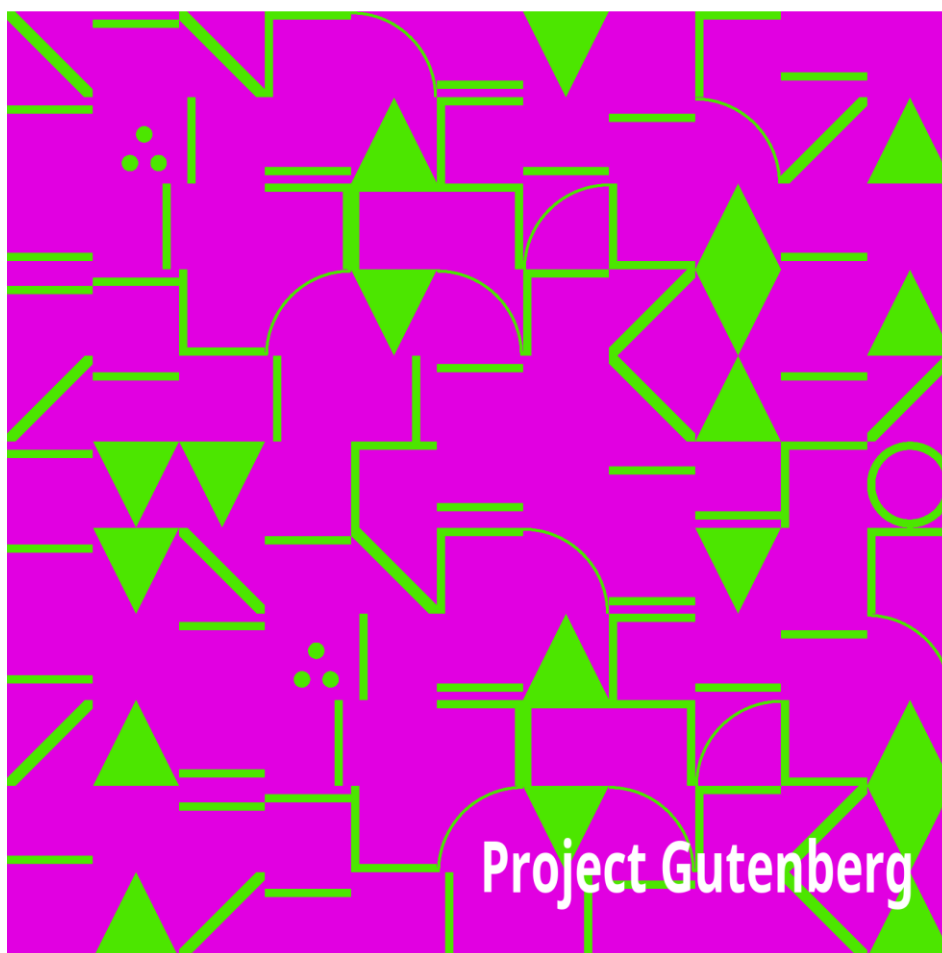

Мемуары о необычайных народных заблуждениях и безумии толпы

Чарльз Маккей

Memoirs of Extraordinary Popular Delusions and the Madness of Crowds

Charles Mackay

The Project Gutenberg eBook of Memoirs of Extraordinary Popular Delusions and the Madness of Crowds.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Мемуары о необычайных народных заблуждениях и безумии толпы

Автор: Чарльз Маккей

Дата выхода: 5 февраля 2008 [eBook #24518]

Последнее обновление: 26 июня 2021 г.

Язык: Английский

Авторские права: Джонатан Ингрэм, Билл Тозиер, Барбара Тозиер и группа онлайн-распределенной корректуры

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK MEMOIRS OF EXTRAORDINARY POPULAR DELUSIONS AND THE MADNESS OF CROWDS ***

MEMOIRS OF EXTRAORDINARY POPULAR DELUSIONS AND THE Madness of Crowds.

By CHARLES MACKAY, LL.D.

АВТОР "ЭГЕРИИ", "САЛАМАНДРИНЫ" И ДР.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ МНОГОЧИСЛЕННЫМИ ГРАВЮРАМИ.

N'en déplaie à ces fous nommés sages de Grèce,

В этом мире нет ни одного человека, который не был бы настолько мудрым;

Все люди - мудрецы, и, несмотря на все их чувства.

Ne diffèrent entre eux que du plus ou du moins.

BOILEAU.

ЛОНДОН:

ОФИС НАЦИОНАЛЬНОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ БИБЛИОТЕКИ,
227 СТРАНД.

1852.

СОДЕРЖАНИЕ.

- [ИНДЕКС.](#)

- ССЫЛКИ.
- Том I.
 - Содержание.
 - Список гравюр.
 - Предисловие.
 - Схема Миссисипи.
 - Пузырь Южного моря.
 - Тюльпаномания.
 - Алхимики.
 - Современные пророчества.
 - Гадания.
 - Магнетизеры.
 - Влияние политики и религии на волосы и бороду.
- Том II.
 - Содержание.
 - Список гравюр.
 - Крестовые походы.
 - Мания ведьм.
 - Медленные отравители.
 - Дома с привидениями.
 - Народные забавы великих городов.
 - Народное восхищение великими ворами.
 - Дуэли и испытания.
 - Реликвии.

СХЕМА МИССИСИПИ: САДЫ ОТЕЛЯ ДЕ СУАССОН, 1720 ГОД.

МЕМУАРЫ О НЕОБЫЧАЙНЫХ НАРОДНЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЯХ.

ТОМ I.

ОРУЖИЕ ПУЗЫРЕЙ - ПРОЦВЕТАНИЕ.

ЛОНДОН:

ОФИС НАЦИОНАЛЬНОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ БИБЛИОТЕКИ,
227 STRAND.

1852.

МЕМУАРЫ ЭКСТРАОРДИНАРНЫХ ПОПУЛЯРНЫХ ДЕЛЮЗИЙ И БЕЗУМИЕ ТОЛП.

By CHARLES MACKAY, LL.D.

АВТОР "ЭГЕРИИ", "САЛАМАНДРИНЫ" И ДР.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ МНОГОЧИСЛЕННЫМИ ГРАВЮРАМИ.

VOL. I.

N'en déplaie à ces fous nommés sages de Grèce,

В этом мире нет ни одного человека, который не был бы настолько мудрым;

Все люди - мудрецы, и, несмотря на все их чувства.

Ne diffèrent entre eux que du plus ou du moins.

BOILEAU.

ЛОНДОН:
ОФИС НАЦИОНАЛЬНОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ БИБЛИОТЕКИ,
227 СТРАНД.

1852.

ЛОНДОН:
НАПЕЧАТАНО РОБСОНОМ, ЛЕВИ И ФРЭНКЛИНОМ,
Great New Street, Fetter Lane.

СОДЕРЖАНИЕ.

- **МИССИСИПСКАЯ СХЕМА.**

Джон Лоу; его рождение и юношеская карьера - Дуэль между Лоу и Уилсоном - Побег Лоу из королевской скамьи - "Земельный банк" - Склонность Лоу к азартным играм на континенте и знакомство с герцогом Орлеанским - Состояние Франции после правления Людовика XIV.-Бумажные деньги, учрежденные в этой стране Лоу - Энтузиазм французского народа по поводу Миссисипской схемы - Маршал Вилларс - Уловки и взятки за интервью с Лоу - Большие колебания акций Миссисипи - Ужасные убийства - Лоу становится генеральным контролером финансов - Большая распродажа всех видов украшений в Париже - Начинаются финансовые трудности - Люди отправляются работать на рудниках Миссисипи, как слепой - Платежи прекращаются в банке - Лоу уволен из министерства - Платежи производятся специями - Лоу и регент сатирически описаны в песнях - Ужасный кризис Миссисипской схемы - Лоу, почти разоренный, бежит в Венецию - Смерть регента - Лоу вынужден снова прибегнуть к азартным играм - Его смерть в Венеции

- **ПУЗЫРЬ ЮЖНОГО МОРЯ.**

Возникновение Харли графа Оксфорда - Биржевая аллея - сцена большого возбуждения - мистер Уолпол - сэр Джон Хант. Уолпол - сэр Джон Блант - Большой спрос на акции - Бесчисленные "пузыри" - Список гнусных проектов и "пузырей" - Большой рост акций "Южного моря" - Внезапное падение - Общее собрание директоров - Страшная кульминация экспедиции "Южного моря" - Последствия для общества - Протест в Палате общин - Бегство Найта - Задержание сэра Джона Бланта - Захват Найта в Тирлемонте - Его второй побег - Лица, связанные с этой схемой, рассмотрены - Их соответствующие наказания - Заключительные замечания

- **ТЮЛЬПАНОМАНИЯ.**

Конрад Геснер - тюльпаны, привезенные из Вены в Англию - ярость за тюльпан среди голландцев - его огромная ценность - любопытный анекдот о моряке и тюльпане - обычные рынки тюльпанов - тюльпаны используются как средство спекуляции - большое падение их стоимости - конец мании

- **АЛХИМИКИ.**

Вводные замечания - Предполагаемая древность искусства - Гебер - Альфараби - Авиценна - Альберт Магнус - Фома Аквинский - Артефий - Ален де Лисл - Арнольд де Вильнев - Пьетро д'Апон - Раймонд Лулли - Роджер Бэкон - Папа Иоанн XXII.-Жан де Мен-Николас Фламель-Георгий Рипли-Базиль Валентин-Бернар Тревский-Тритемий-Марешаль де Рейс-Жак Кёр-Нижние адепты-Прогресс увлечения в XVI и XVII веках-Авгурелло-Корнелий Агриппа-Парацельс-Георгий Агрикола-Денис Захер-Др. Ди и Эдвард Келли - Космополит - Сендивогиус - Росикруциане - Михаил Майер - Роберт Фладд - Якоб Бёмен - Джон Хейдон - Джозеф Френсис Борри - Алхимические писатели семнадцатого века - Делиль - Альберт Алюис - граф де Сен-Жермен - Калиостро - Современное состояние науки

- **СОВРЕМЕННЫЕ ПРОРОЧЕСТВА.**

Ужас приближающегося судного дня - комета как сигнал этого дня - пророчество Уистона - жители Лидса сильно встревожены этим событием - чума в Милане - гадалки и астрологи - пророчество о разливе Темзы - мать Шиптон - Мерлин - Хейвуд - Петр из Понтефракта - Роберт Никсон - составители альманахов

- **ГАДАНИЕ.**

Самонадеянность и слабость человека - Союз гадателей и алхимиков - Судебная астрология, поощряемая в Англии со времен Елизаветы до Вильгельма и Марии - Астролог Лилли, с которым консультировалась Палата общин относительно причины лондонского пожара - Поощрение этого искусства во Франции и Германии - Нострадамус - Базиль Флорентийский - Антиох Тиберт - Кеплер - Некромантия - Роджер Бэкон, Альбертус Магнус, Арнольд Вильнев - Геомантия - Авгур - Гадание: список различных видов гадания-Онейро-Критика (толкование снов)-Оменс

- **МАГНЕТИЗЕРЫ.**

Влияние воображения на лечение болезней - Минеральные магнетизеры - Парацельс - Кирхер, иезуит - Себастьян Вирдиг - Уильям Максвелл - Конвульсии святого Медарда - Отец Хелл - Месмер, основатель животного магнетизма - Д'Эслон, его ученик - М. де Пюйсегюр - Успех доктора Майнаудюка в Лондоне - Холлоуэй, Лотербург, Мэри Пратт и т. д. - "Металлические тракторы" Перкинса - Упадок науки

- **ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ И РЕЛИГИИ НА ПРИЧЕСКУ И БОРОДУ.**

Ранние способы ношения волос и бороды - Указ о запрете и запрете на ношение кудрей - Подчинение Людовика VII причине долгих войн между Англией и Францией - Карл V. Испанский и его придворные - Петр Великий - Его налог на бороды - Возрождение бород и усов после Французской революции 1830 года - Король Баварии (1838) приказывает арестовать и сбрить всех гражданских лиц, носящих усы - Примеры из гобелена Байе

СПИСОК ГРАВЮР В ТОМЕ. I.

- **Фронтиспис - Сады отеля де Суассон.** (С гравюры из коллекции мистера Хокинса).

- Виньетка - "Руки пузырьков", "Процветание". (Зеркало Бабблеров, или Глупость Англии.)
- Джон Лоу. (С редкой гравюры Леона Шенка. 1720 г.)
- Регент д'Орлеан
- Старый Пале-Рояль со стороны сада. (С редкой гравюры, около 1720 года)
- Дом Лоу; улица Квинкампуа .(из книги Нодье "Париж")
- Горбатый мужчина, нанимающий себя в качестве столового
- Отель де Суассон. (Из книги Нодье "Париж")
- Карета расстроена
- Убийство маклера графом Д'Хорном
- Джон Лоу в роли Атласа. (Из Англии при Ганноверском доме)
- Карикатура - новая гребная баржа Люцифера
- Шествие шахтеров на Миссисипи
- Канцлер д'Агессо
- Карикатура - Лоу в автомобиле, запряженном петухами
- М. Д'Аргенсон
- Карикатура "Шея или ничего, или Крах Миссисипской компании".
- Дом на Южном море (с гравюры, около 1750 г.)
- Харли граф Оксфордский
- Сэр Роберт Уолпол
- Корнхилл (с гравюры, около 1720 года)
- Карточка биржевика, или Юмор переулков. 1720. (Из сборника "Bubblers' Medley")
- Карикатура "Люди, взбирающиеся на дерево удачи". (Из альбома "Bubblers' Medley")
- Ворота в зал купеческих портных. (Ворота со старой гравюры)
- Мистер секретарь Крэггс
- Карикатура - Нищие на лошадях. (Из "Медлительности пузырей")
- Карикатура - Британия, снятая директором южноморского судна
- Карикатура - Брабантский экран. (Скопирована с редкой гравюры того времени, хранящейся в коллекции Э. Хокинса, эсквайра, Ф.С.А.)
- Костры на Тауэрском холме
- Граф Сандерленд
- Карикатурно-эмблематический отпечаток схемы Южного моря. (С гравюры Хогарта)
- Карикатура "Оружие бабблеров": Отчаяние. (Из книги "Зеркало Бабблера, или Слава Англии")
- Конрад Геснер
- Алхимик. (С гравюры Тенирса)
- Альбертус Магнус
- Арнольд де Вильнев
- Раймонд Люлли
- Дом Жака Кёра в Бурже. (Из альбома Sommerara)

- Корнелий Агриппа
- Парацельс
- Доктор Ди
- Шоу-камень и магический кристалл доктора Ди. (Оригиналы хранятся у лорда Лондесборо и в Британском музее)
- Инспрук. (Из Парижа Нодье)
- Дом Калиостро (Рю де Клеры, № 278), Париж
- Дом матушки Шиптон
- Генри Эндрюс, оригинальный "Фрэнсис Мур, врач"
- Нострадамус. (С фронтисписа к сборнику его пророчеств, изданному в Амстердаме в 1666 году)
- Серло стрижет волосы Генриху I.
- Петр Великий
- Гобелен Байе

Предисловие.

Читая историю наций, мы обнаруживаем, что, как и у отдельных людей, у них есть свои прихоти и особенности; свои сезоны возбуждения и безрассудства, когда им все равно, что делать. Мы видим, что целые сообщества внезапно сосредотачивают свой разум на одном объекте и сходят с ума в его преследовании; что миллионы людей одновременно оказываются под впечатлением одного заблуждения и бегут за ним, пока их внимание не привлечет какая-нибудь новая глупость, более пленительная, чем первая. Мы видим, как один народ, от самых высших до самых низших его членов, внезапно охвачен яростным желанием военной славы; другой так же внезапно сходит с ума по религиозным соображениям; и ни один из них не приходит в себя, пока не прольет реки крови и не посеет жатву стонов и слез, которую будут пожинать его потомки. В ранний период летописи Европы ее население потеряло рассудок из-за гроба Иисуса и неистовыми толпами устремилось в Святую землю; другой век сошел с ума от страха перед дьяволом и принес сотни тысяч жертв в жертву колдовским заблуждениям. В другое время многие сходили с ума от философского камня и совершали неслыханные до тех пор безрассудства. Когда-то во многих странах Европы считалось преступлением уничтожение врага медленным ядом. Люди, которые отвратились бы от мысли о том, чтобы вонзить нож в сердце человека, без колебаний подмешивали яд в его похлебку. Дамы с мягким происхождением и манерами подхватили заразу убийства, пока отравление под их покровительством не стало вполне модным. Некоторые заблуждения, хотя и известные всему миру, сохранялись веками, процветая среди цивилизованных и образованных народов так же широко, как и среди ранних варваров, у которых они зародились, - например, дуэли, вера в предзнаменования и предсказания будущего, которые, кажется, не могут быть полностью искоренены из народного сознания благодаря прогрессу знаний. Деньги также часто становятся причиной заблуждений многих людей. Трезвомыслящие народы в один момент становились отчаянными игроками и рисковали почти всем своим существованием из-за поворота бумажки. Проследить историю наиболее ярких из этих заблуждений - цель этих страниц. Люди, как хорошо сказано, думают стадами; мы увидим, что они сходят с ума стадами, в то время как приходят в себя медленно и поодиночке.

Некоторые из представленных тем могут быть знакомы читателю; но автор надеется, что даже в них будет найдена достаточная новизна деталей, чтобы сделать их приемлемыми, хотя они не могли быть полностью опущены в знак справедливости по отношению к предмету, о котором предлагалось рассказать. Мемуары о безумии Южного моря и заблуждении Миссисипи более полные и подробные, чем можно найти в других источниках; то же самое можно сказать об истории мании ведьм, которая содержит отчет о ее ужасающем развитии в Германии - часть темы, которая осталась сравнительно нетронутой сэром Вальтером Скоттом в его "Письмах о демонологии и колдовстве", наиболее важных из тех, что еще появлялись на эту страшную, но очень интересную тему.

Народные заблуждения зародились так рано, распространились так широко и продолжались так долго, что вместо двух или трех томов едва ли хватило бы пятидесяти, чтобы подробно изложить их историю. Настоящее издание можно считать скорее сборником заблуждений, чем историей - лишь главой в великой и ужасной книге человеческой глупости, которую еще предстоит написать и о которой Порсон однажды в шутку сказал, что напишет ее в пятистах томах! Между ними помещены очерки о некоторых более легких вещах - забавные примеры подражательности и ошибочности людей, а не примеры глупости и заблуждений.

Религиозные вопросы были намеренно исключены как несовместимые с рамками, установленными для данного произведения; одного только их перечисления хватило бы на целый том.

ДЖОН ЛАВ.

ДЕНЕЖНАЯ МАНИЯ - МИССИСИПСКАЯ СХЕМА.

Содержание

Некоторые объединяются в подпольные компании;

Создают новые акции для торговли за чертой;

Воздушными и пустыми названиями завлекают город,

И сначала поднимают новые кредиты, а потом спускают их;

Разделите пустое ничто на акции,

И собрать толпу за уши. - Дефо.

Личный характер и карьера одного человека так тесно связаны с великим замыслом 1719 и 1720 годов, что история Миссисипского безумия не может иметь более подходящего вступления, чем очерк жизни его великого автора Джона Лоу. Историки расходятся во мнениях, назвать ли его плутом или сумасшедшим. Оба эпитета нещадно применялись к нему при жизни, и пока несчастные последствия его проектов еще глубоко ощущались. Однако потомки нашли повод усомниться в справедливости этих обвинений и признать, что

Джон Лоу не был ни плутом, ни безумцем, а скорее обманутым, чем обманувшим, скорее согрешившим, чем согрешившим. Он был досконально знаком с философией и истинными принципами кредитования. Он понимал денежный вопрос лучше, чем кто-либо из людей его времени; и если его система рухнула с таким огромным треском, то это была не столько его вина, сколько вина людей, среди которых он ее воздвиг. Он не рассчитывал на скупое безумие целой нации; он не видел, что доверие, как и недоверие, можно увеличивать почти *до бесконечности* и что надежда так же экстравагантна, как и страх. Разве мог он предвидеть, что французский народ, подобно человеку из басни, в своем неистовом рвении убьет прекрасную гусыню, которую он привел, чтобы она несла ему столько золотых яиц? Его судьба была похожа на ту, которая, как можно предположить, постигла первого отважного лодочника, плывшего из Эри в Онтарио. Широка и гладка была река, по которой он плыл, быстрым и приятным было его продвижение, и кто мог остановить его на этом пути? Увы ему! Катаракт был близок. Когда стало слишком поздно, он понял, что прилив, который так радостно нес его по течению, был приливом гибели; и когда он попытался восстановить свой путь, то обнаружил, что течение слишком сильно для его слабых усилий, чтобы остановить его, и что он с каждым мгновением приближается к огромному водопаду. Он падал вниз по острым камням, и воды неслись вместе с ним. *Он* разбился вдребезги вместе со своей корой, но воды, взбесившиеся и превратившиеся в пену от бурного спуска, лишь кипели и бурлили некоторое время, а затем снова потекли ровно, как прежде. Так было и с Лоу, и с французами. Он был лодочником, а они - водой.

Джон Лоу родился в Эдинбурге в 1671 году. Его отец был младшим сыном в старинной семье из Файфа и занимался бизнесом ювелира и банкира. Занимаясь своим ремеслом, он скопил значительное состояние, достаточное для того, чтобы удовлетворить столь распространенное среди его соотечественников желание добавить к своему имени территориальное обозначение. С этой целью он приобрел поместья Лористон и Рандлстон, расположенные на берегу залива Ферт, на границе Западного и Среднего Лотиана, и с тех пор стал называться Лоу из Лористона. Предмет наших воспоминаний, будучи старшим сыном, был принят в счетную палату своего отца в возрасте четырнадцати лет и в течение трех лет упорно трудился, чтобы вникнуть в принципы банковского дела, которое в то время осуществлялось в Шотландии. Он всегда проявлял большую любовь к изучению цифр, и его познания в математике считались необычными для одного из его нежных лет. В возрасте семнадцати лет он был высоким, крепким и хорошо сложенным, а его лицо, хотя и сильно побагровевшее от оспы, было приятным в своем выражении и полным ума. В это время он начал пренебрегать своими делами и, став тщеславным в отношении своей персоны, предавался значительной экстравагантности в одежде. Он был очень любим дамами, которые называли его Бо Лоу; в то время как представители другого пола, презирая его вычурность, прозвали его Джессами Джоном. После смерти отца, которая случилась в 1688 году, он полностью от стола, который стал таким утомительным, и, получив доходы отцовского поместья Лористон, отправился в Лондон, чтобы посмотреть мир.

Теперь он был очень молод, тщеславен, красив, довольно богат и совершенно неуправляем. Неудивительно, что по прибытии в столицу он пустился в экстравагантность. Вскоре он стал постоянным посетителем игорных домов и, следуя определенному плану, основанному на каком-то заумном расчете шансов, умудрялся выигрывать значительные суммы. Все азартные игроки завидовали его удаче, и многие стремились подсмотреть за его игрой и поставить свои деньги на те же шансы. В делах галантности он был не менее удачлив; дамы первого ранга благосклонно улыбались красавцу-шотландцу - молодому, богатому, остроумному и услужливому. Но все эти успехи лишь подготавливали почву для неудач. После девяти лет опасной жизни, которую он вел, он стал неисправимым игроком. По мере

того как его любовь к игре возрастала в жестокости, она уменьшалась в благоразумии. Большие потери он возмещал только еще большими авантюрами, и в один несчастный день он проиграл больше, чем мог вернуть, не закладывая семейное имение. В конце концов он решился на этот шаг. В то же время его галантность приводила его к неприятностям. Любовная связь, или легкий флирт, с дамой по фамилии [Вильерс1](#), вызвала негодование мистера Уилсона, который вызвал его на дуэль. Лоу согласился и имел несчастье застрелить своего противника на месте. В тот же день он был арестован и привлечен к суду за убийство родственниками мистера Уилсона. После этого его признали виновным и приговорили к смертной казни. Приговор был заменен штрафом на том основании, что преступление было совершено только как непредумышленное убийство. Брат покойного подал апелляцию, и Лоу был заключен под стражу в Королевской скамье подсудимых, откуда с помощью тех или иных средств, которые он так и не объяснил, ему удалось бежать; после чего был возбужден иск против шерифов, о нем было объявлено в газете, и за его задержание было предложено вознаграждение. Он был описан как "Капитан Джон Лоу, шотландец, двадцати шести лет; очень высокий, черный, худой человек; хорошо сложен, выше шести футов ростом, с большими ямами на лице; крупноносый, говорит широко и громко". Поскольку это было скорее карикатурой, чем его описанием, предполагается, что оно было составлено с целью способствовать его побегу. Ему удалось добраться до континента, где он путешествовал в течение трех лет, уделяя много внимания денежным и банковским делам стран, через которые он проезжал. Несколько месяцев он пробыл в Амстердаме и в некоторой степени спекулировал деньгами. Его утро было посвящено изучению финансов и принципов торговли, а вечер - игорному дому. Принято считать, что он вернулся в Эдинбург в 1700 году. Несомненно, что в этом городе он опубликовал свои "Предложения и доводы в пользу создания Совета торговли". Этот памфлет не вызвал особого интереса.

Через некоторое время после этого он опубликовал проект создания так называемого Земельного [банка2](#), банкноты которого должны были либо никогда не превышать стоимости всех земель государства под обычные проценты, либо быть равными по стоимости земле с правом вступления во владение в определенное время. Этот проект вызвал бурное обсуждение в шотландском парламенте, и предложение о создании такого банка было выдвинуто нейтральной стороной под названием "Эскадрон", которую Лоу заинтересовал в свою пользу. В итоге парламент принял резолюцию о том, что создание любого вида бумажного кредита с целью принуждения к его прохождению является неподходящей мерой для нации.

После провала этого проекта и попыток добиться помилования за убийство мистера Уилсона Лоу удалился на континент и вернулся к своим старым привычкам, связанным с азартными играми. В течение четырнадцати лет он продолжал скитаться по Фландрии, Голландии, Германии, Венгрии, Италии и Франции. Вскоре он близко познакомился с масштабами торговли и ресурсами каждой из них и с каждым днем все больше утверждался в своем мнении, что ни одна страна не может процветать без бумажной валюты. В течение всего этого времени он, по-видимому, поддерживал себя главным образом успешной игрой. В каждом известном игорном доме в столицах Европы его знали и ценили как человека, лучше разбирающегося в хитросплетениях случая, чем любой другой человек того времени. В "Универсальной биографии" говорится, что он был изгнан сначала из Венеции, а затем из Генуи, по решению властей, которые сочли его слишком опасным посетителем для молодежи этих городов. Во время своего пребывания в Париже он стал неприятен д'Аржансону, генерал-лейтенанту полиции, который приказал ему покинуть столицу. Однако это произошло не раньше, чем он успел познакомиться в салонах с герцогом де Вандомом, принцем де Конти, а также с геем герцогом Орлеанским, которому впоследствии суждено

было оказать большое влияние на его судьбу. Герцог Орлеанский был доволен живостью и здравым смыслом шотландского авантюриста, а тот не менее доволен остроумием и приветливостью принца, обещавшего стать его покровителем. Они часто бывали в обществе друг друга, и Лоу использовал любую возможность, чтобы внедрить свои финансовые доктрины в разум того, чья близость к трону указывала на то, что ему суждено в недалеком будущем сыграть важную роль в правительстве.

РЕГЕНТ ФРАНЦИИ.

Незадолго до смерти Людовика XIV, или, как говорят некоторые, в 1708 году, Лоу предложил финансовую схему Десмарету, контролеру. Сообщается, что Людовик поинтересовался, не является ли проектировщик католиком, и, получив отрицательный ответ, отказался иметь с ним какие-либо [дела](#).

Именно после этого отпора он посетил Италию. Его мысли все еще были заняты финансовыми схемами, и он предложил Виктору Амадею, герцогу Савойскому, основать свой земельный банк в этой стране. Герцог ответил, что его владения слишком ограничены для осуществления столь грандиозного проекта и что он слишком бедный государь, чтобы разориться. Однако он посоветовал ему еще раз попробовать обратиться к королю Франции, так как был уверен, что, зная характер французов, народ будет в восторге от плана, не только столь нового, но и столь правдоподобного.

Людовик XIV умер в 1715 году, а наследнику престола было всего семь лет, и герцог Орлеанский взял на себя бразды правления, как регент, на время его несовершеннолетия. Теперь Лоу оказался в более выгодном положении. В его делах наступил прилив, который, взятый в полноводье, должен был унести его к удаче. Регент был его другом, уже знакомым с его теорией и притязаниями и склонным, кроме того, помогать ему в любых усилиях по восстановлению израненного кредита Франции, склоненного к земле экстравагантностью долгого правления Людовика XIV.

Едва этот монарх лег в могилу, как народная ненависть, подавляемая так долго, вспыхнула против его памяти. Тот, кто при жизни был польщен избытком поклонения, которому история едва ли найдет аналог, теперь был проклят как тиран, фанатик и грабитель. Его статуи были изваяны и изуродованы, его чучела снесены под проклятиями народа, а его имя стало синонимом эгоизма и угнетения. Слава его оружия была забыта, и ничего не помнили, кроме его поражений, расточительности и жестокости.

Финансы страны находились в состоянии крайнего беспорядка. Расточительный и коррумпированный монарх, чьей расточительности и коррумпированности подражали почти

все чиновники, от высшего до низшего звена, довел Францию до грани разорения. Государственный долг составлял 3000 миллионов ливров, доходы - 145 миллионов, расходы правительства - 142 миллиона в год; оставалось всего три миллиона, чтобы выплачивать проценты с 3000 миллионов. Первой заботой регента было найти средство от столь масштабного зла, и в срочном порядке был созван совет для рассмотрения этого вопроса. Герцог де Сен-Симон придерживался мнения, что ничто не спасет страну от революции, кроме средства, одновременно смелого и опасного. Он посоветовал регенту созвать Генеральные штаты и объявить о национальном банкротстве. Герцог де Ноай, человек сговорчивых принципов, опытный придворный и совершенно не желающий доставлять себе неприятности и раздражения, от которых могла бы уберечь изобретательность, воспротивился проекту Сен-Симона всем своим влиянием. Он считал эту затею в равной степени бесчестной и разорительной. Регент был того же мнения, и это отчаянное средство пало на землю.

Принятые в итоге меры, хотя и обещали справедливость, только усугубили зло. Первая, самая бесчестная мера не принесла государству никакой пользы. Была проведена перечеканка, в результате которой валюта обесценилась на одну пятую; те, кто сдавал на монетный двор тысячу золотых или серебряных монет, получали обратно монету того же номинала, но лишь на четыре пятых веса металла. Благодаря этой уловке казна получила семьдесят два миллиона ливров, а все торговые операции страны были нарушены. Пустяковое уменьшение налогов заглушило крики народа, и за небольшим текущим преимуществом было забыто великое перспективное зло.

Затем была учреждена судебная палата для расследования махинаций ростовщиков и фермеров с доходами. Сборщики налогов никогда не пользуются популярностью ни в одной стране, но в этот период они заслужили всю ту дурную славу, которой были окружены во Франции. Как только этих генеральных фермеров со всеми их подчиненными агентами, называемыми [maltôtiers](#)⁴, призвали к ответу за их проступки, народом овладела самая экстравагантная радость. Палата правосудия, учрежденная главным образом для этой цели, была наделена весьма широкими полномочиями. Она состояла из председателей и советов парламента, судей судов помощи и просьб, а также чиновников Счетной палаты под общим председательством министра финансов. Информаторов побуждали давать показания против преступников обещанием пятой части штрафов и конфискаций. Десятая часть всех скрытых вещей, принадлежащих виновным, была обещана тем, кто предоставит средства для их обнаружения.

Обнародование эдикта, учреждающего этот суд, вызвало определенное смятение среди основных заинтересованных лиц, которое можно объяснить только предположением, что их казнокрадство было огромным. Но они не встретили сочувствия. Проведенные против них судебные процессы оправдали их ужас. Бастилия вскоре оказалась не в состоянии вместить заключенных, которых туда отправляли, а тюрьмы по всей стране кишмя кишели виновными и подозреваемыми. Был издан приказ всем трактирщикам и почтмейстерам отказывать в лошадях тем, кто попытается спастись бегством; всем было запрещено под страхом крупных штрафов укрывать их или способствовать их бегству. Одни были приговорены к столбу, другие - к галерам, а наименее виновные - к штрафу и тюремному заключению. Лишь одного, Сэмюэля Бернарда, богатого банкира и генерального фермера из отдаленной от столицы провинции, приговорили к смертной казни. Незаконные доходы этого человека, которого считали тираном и угнетателем своего округа, были столь велики, что он предложил шесть миллионов ливров, или 250 000 фунтов стерлингов, чтобы ему позволили бежать.

Его взятка была отвергнута, и он понес смертную казнь. Другие, возможно, более виновные, были более удачливы. Конфискация, благодаря тому, что преступники скрывали свои сокровища, часто приносила меньше денег, чем штраф. Суровость правительства ослабла, и штрафы под названием налогов стали взиматься со всех нарушителей без разбора; но все отделы администрации были настолько коррумпированы, что страна мало выиграла от сумм, которые таким образом поступали в казну. Главную долю добычи получали придворные, жены и любовницы придворных. Один подрядчик был обложен налогом, пропорционально его богатству и вине, в размере двенадцати миллионов ливров. Граф * * *, человек, имеющий вес в правительстве, обратился к нему и предложил добиться отмены штрафа, если тот даст ему сто тысяч крон. "Вы опоздали, мой друг, - ответил финансист, - я уже заключил сделку с вашей женой на пятьдесят тысяч" ⁵.

Таким образом было собрано около ста восьмидесяти миллионов ливров, из которых восемьдесят пошли на погашение долгов, взятых правительством. Оставшаяся сумма попала в карманы придворных. Мадам де Ментенон, пишущая по этому поводу, пишет: "Мы каждый день слышим о каком-то новом пожаловании регента. Народ очень ропщет на такой способ использования денег, отнятых у казнокрадов". Люди, которые после первого всплеска негодования обычно выражают сочувствие слабым, были возмущены тем, что столь суровые меры применяются с такой малой целью. Они не видели справедливости в том, чтобы грабить одних мошенников, чтобы накормить других. Через несколько месяцев все наиболее виновные были привлечены к ответственности, и Палата правосудия стала искать жертв в более скромных слоях общества. Обвинения в мошенничестве и вымогательстве выдвигались против торговцев с хорошим характером из-за больших поблажек обычным доносчикам. Они были вынуждены раскрывать свои дела перед этим трибуналом, чтобы доказать свою невиновность. Голос жалобы раздавался со всех сторон, и по истечении года правительство сочло целесообразным прекратить дальнейшее разбирательство. Палата правосудия была распущена, и была объявлена всеобщая амнистия для всех, против кого еще не были выдвинуты обвинения.

В разгар этой финансовой неразберихи на сцене появился Лоу. Никто так глубоко, как регент, не чувствовал плачевного состояния страны, но никто так не стремился к тому, чтобы с полной отдачей приложить свои плечи к рулю. Он не любил дела, подписывал официальные документы без должного изучения и доверял другим то, за что должен был браться сам. Заботы, неотделимые от его высокого поста, были для него обременительны. Он видел, что нужно что-то сделать, но у него не хватало энергии, чтобы это сделать, и не хватало добродетели, чтобы пожертвовать своими удобствами и удовольствиями в этой попытке. Неудивительно, что при таком характере он благосклонно выслушивал могучие проекты, столь легкие в исполнении, ловкого авантюриста, которого он раньше знал и чьи таланты ценил.

Когда Лоу появился при дворе, он был принят очень радушно. Он подал регенту два меморандума, в которых излагал беды, постигшие Францию из-за недостатка валюты, в разное время обесценивавшейся. Он утверждал, что металлическая валюта, без помощи бумажных денег, совершенно не соответствует потребностям торговой страны, и особенно приводил примеры Великобритании и Голландии, чтобы показать преимущества бумажных денег. Он привел много разумных аргументов по вопросу о кредите и предложил в качестве средства восстановления кредита Франции, находившейся в то время на таком низком уровне среди наций, разрешить ему создать банк, который должен управлять королевскими доходами и выпускать банкноты как под эти, так и под земельные гарантии. Кроме того, он

предложил, чтобы этот банк управлялся от имени короля, но под контролем комиссаров, назначаемых Генеральными штатами.

Пока эти меморандумы находились на рассмотрении, Лоу перевел на французский язык свое сочинение о деньгах и торговле и использовал все средства, чтобы распространить среди нации свою славу финансиста. Вскоре о нем заговорили. Доверенные лица регента распространяли за границей его похвалы, и все ожидали от месье Ласса великих свершений.⁶

5 мая 1716 года был опубликован королевский указ, в котором Лоу вместе со своим братом разрешалось основать банк под названием "Лоу и компания", банкноты которого должны были поступать в уплату налогов. Капитал был определен в шесть миллионов ливров, в двенадцати тысячах акций по пятьсот ливров каждая, которые можно было купить на одну четверть в специях, а остальные - в *государственных билетах*. Было сочтено нецелесообразным предоставлять ему все привилегии, о которых он просил в своих меморандумах, пока опыт не покажет их безопасность и выгоду.

Теперь юриспруденция была на верном пути к удаче. Тридцатилетний опыт помог ему в управлении банком. Он сделал все свои векселя оплачиваемыми по предъявлению и в монете, актуальной на момент их выпуска. Последнее было мастерским ходом в политике, и сразу же сделало его банкноты более ценными, чем драгоценные металлы. Последние постоянно подвергались обесцениванию из-за неразумных действий правительства. Тысяча ливров серебра могла стоить номинальную стоимость в один день, а на следующий - уменьшиться на одну шестую, но банкнота банка Лоу сохраняла свою первоначальную стоимость. В то же время он публично заявил, что банкир заслуживает смерти, если выпускает банкноты, не имея достаточного обеспечения для удовлетворения всех требований. В результате его банкноты быстро выросли в цене, и их стали принимать на один процент дороже, чем специю. Вскоре и торговля страны почувствовала выгоду. Чахнувшая торговля начала поднимать голову; налоги платились с большей регулярностью и меньшим ропотом; установилась такая степень доверия, которая не могла не стать еще более выгодной, если бы продолжалась. В течение года банкноты Лоу подорожали до пятнадцати процентов, в то время как *государственные билеты*, выпущенные правительством в качестве обеспечения долгов, взятых на себя экстравагантным Людовиком XIV, имели скидку не менее семидесяти восьми с половиной процентов. Сравнение было слишком большим в пользу Лоу, чтобы не привлечь внимание всего королевства, и его кредит расширился день ото дня. Отделения его банка были почти одновременно открыты в Лионе, Рошели, Туре, Амьене и Орлеане.

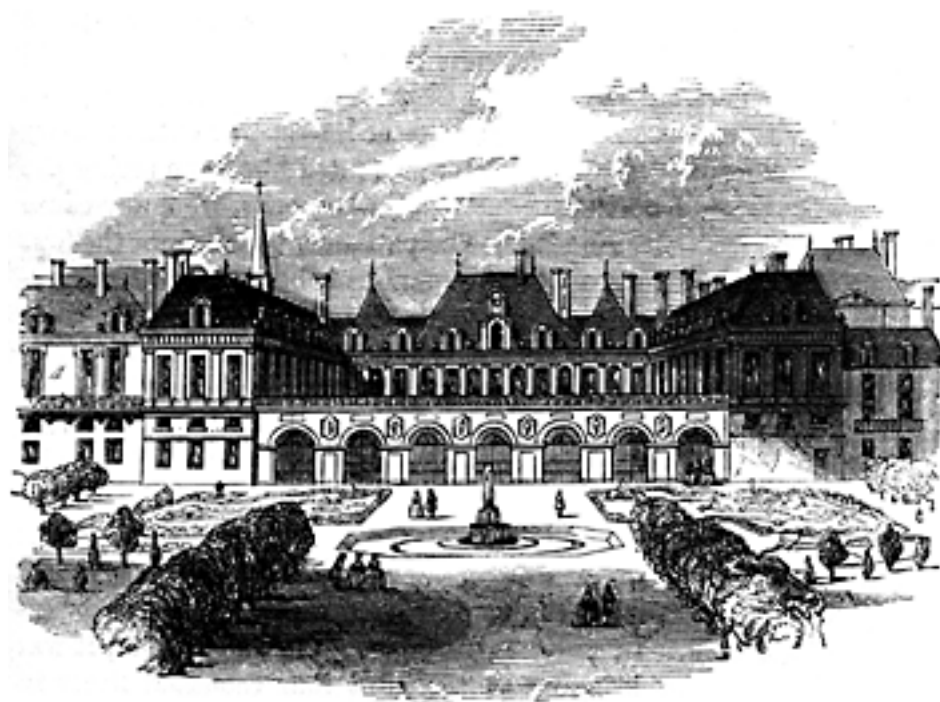
Регент, по-видимому, был совершенно ошеломлен своим успехом, и постепенно у него возникла мысль, что бумага, которая может так помочь металлической валюте, может полностью заменить ее. На этой фундаментальной ошибке он впоследствии и остановился. Тем временем Лоу приступил к реализации знаменитого проекта, который донес его имя до потомков. Он предложил регенту (который не мог ему ни в чем отказать) создать компанию, которая обладала бы исключительной привилегией торговать на великой реке Миссисипи и в провинции Луизиана, расположенной на ее западном берегу. Предполагалось, что эта страна изобилует драгоценными металлами, а компания, поддерживаемая прибылями от своей исключительной торговли, должна была стать единственным фермером, уплачивающим налоги, и единственным чеканщиком денег. В августе 1717 года была выдана грамота, учреждающая компанию. Капитал был разделен на двести тысяч акций по пятьсот ливров каждая, которых могли быть оплачены *государственными билетами* по их номинальной стоимости, хотя на рынке они стоили не более ста шестидесяти ливров.

Именно в этот момент народ охватило безумие спекуляций. Банк Лоу принес столько пользы, что любым обещаниям на будущее, которые он считал нужным давать, охотно верили. Регент каждый день даровал удачливому проектору новые привилегии. Банк получил монополию на продажу табака, исключительное право на аффинаж золота и серебра и, наконец, был преобразован в Королевский банк Франции. В опьянении успехом и Лоу, и регент забыли о максиме, так громко провозглашенной первым, что смерти заслуживает тот банкир, который выпускает бумаги, не имея необходимых средств для их обеспечения. Как только банк из частного превратился в государственное учреждение, регент вызвал фабрикацию банкнот на сумму в тысячу миллионов ливров. Это был первый отход от здравых принципов, в котором Лоу не может быть справедливо обвинен. Пока дела банка находились под его контролем, эмиссия никогда не превышала шестидесяти миллионов. Неизвестно, противился ли Лоу этому неумеренному увеличению; но поскольку оно произошло сразу после того, как банк стал королевским учреждением, справедливо возложить вину за изменение системы на регента.

Лоу обнаружил, что живет под деспотическим правительством; но он еще не знал о пагубном влиянии, которое такое правительство может оказывать на столь тонкую структуру, как кредитная. Он обнаружил это впоследствии, к своему несчастью, а пока терпел, когда регент побуждал его к действиям, которые его собственный разум, должно быть, не одобрял. По слабости, достойной порицания, он оказал помощь в наводнении страны бумажными деньгами, которые, не имея под собой прочного фундамента, рано или поздно должны были упасть. Необыкновенная нынешняя удача ослепляла его глаза и не позволяла увидеть тот злой день, который разразится над его головой, как только по какой-либо причине или по другому поводу прозвучит сигнал тревоги. Парламент с самого начала завидовал его влиянию как иностранца и, кроме того, сомневался в безопасности его проектов. По мере того как его влияние расширялось, их враждебность возрастала. Д'Агессо, канцлер, был бесцеремонно уволен регентом за его противодействие значительному увеличению количества бумажных денег и постоянному обесцениванию золотой и серебряной монеты королевства. Это только усилило враждебность парламента, а когда на освободившееся место канцлера был назначен д'Аржансон, человек, преданный интересам регента, и в то же время ставший министром финансов, они стали еще более жестокими, чем прежде. Первая же мера нового министра привела к дальнейшему обесцениванию монеты. Чтобы погасить *государственные билли*, было приказано, чтобы лица, принесшие на монетный двор четыре тысячи ливров в специях и тысячу ливров в *государственных билли*, получали обратно монету на сумму пять тысяч ливров. Д'Аржансон очень расчувствовался, создав таким образом пять тысяч новых и меньших ливров из четырех тысяч старых и больших, будучи слишком невежественным в истинных принципах торговли и кредита, чтобы осознать, какой огромный ущерб он наносит и тому, и другому.

Парламент сразу же понял всю нецелесообразность и опасность такой системы и неоднократно обращался к регенту с настоятельными просьбами. Последний отказался рассматривать их петиции, и тогда парламент, смело и необычно расширив полномочия, повелел не принимать в уплату никаких денег, кроме старых стандартов. Регент созвал *судебную палату* и отменил указ. Парламент воспротивился и издал другой. Регент снова воспользовался своей привилегией и отменил его, пока парламент, уязвленный более жесткой оппозицией, не принял еще один декрет от 12 августа 1718 года, запрещающий банку Лоу иметь какое-либо отношение, прямое или косвенное, к управлению доходами; и запрещающий всем иностранцам, под страхом суровых наказаний, вмешиваться, как от своего имени, так и от имени других, в управление финансами государства. Парламент считал Лоу виновником всех бед, а некоторые члены совета в порыве своей вражды

предлагали предать его суду и, если его признают виновным, повесить на воротах Дворца правосудия.

КОРОЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ СО СТОРОНЫ САДА.

Лоу в великой тревоге бежал в Пале-Рояль и бросился под защиту регента, моля принять меры, чтобы привести парламент к повиновению. Регенту было не до того - как по этой причине, так и из-за споров, возникших по поводу узаконивания герцога Мэнского и графа Тулузского, сыновей покойного короля. В конце концов парламент был подавлен арестом председателя и двух советников, которых отправили в дальние тюрьмы.

Таким образом, первая туча над перспективами Лоу рассеялась: освободившись от опасений, он посвятил свое внимание знаменитому проекту Миссисипи, акции которого быстро росли, несмотря на действия парламента. В начале 1719 года был опубликован эдикт, предоставлявший Миссисипской компании исключительную привилегию на торговлю в Ост-Индии, Китае и Южных морях, а также во всех владениях французской Ост-Индской компании, учрежденной Кольбером. Вследствие такого значительного расширения бизнеса компания приняла более подходящее название "Индийская компания" и выпустила пятьдесят тысяч новых акций. Перспективы, которые теперь открывал Лоу, были самыми великолепными. Он обещал ежегодные дивиденды в размере двухсот ливров на каждую акцию из пятисот, что, учитывая, что акции оплачивались *биллями* по их номинальной стоимости, но стоили всего 100 ливров, составляло около 120 процентов прибыли.

ДОМ ЗАКОНА; УЛИЦА КИНКАМПУА.

Общественный энтузиазм, который так долго нарастал, не мог устоять перед столь великолепным видением. На пятьдесят тысяч новых акций было подано не менее трехсот тысяч заявок, и дом Лоу на улице Квинкампуа с утра до вечера обступали жаждущие. Поскольку удовлетворить их всех было невозможно, прошло несколько недель, прежде чем удалось составить список новых счастливых держателей акций, и за это время нетерпение публики возросло до безумия. Герцоги, маркизы, графы со своими герцогинями, маркизами и графинями каждый день часами простаивали на улицах перед дверью мистера Лоу, чтобы узнать результат. Наконец, чтобы избежать толчеи плебейской толпы, которая тысячами заполняла всю улицу, они сняли квартиры в соседних домах, чтобы постоянно находиться рядом с храмом, из которого новый Плут распространял богатство. С каждым днем стоимость старых акций росла, а новых заявок, вызванных золотыми мечтами всего народа, становилось так много, что было сочтено целесообразным создать не менее трехсот тысяч новых акций по пять тысяч ливров каждая, чтобы регент мог воспользоваться народным энтузиазмом для погашения государственного долга. Для этого требовалась сумма в пятнадцать сотен миллионов ливров. Народ был так полон энтузиазма, что, если бы правительство разрешило, было бы подписано втрое больше.

Лоу находился в зените своего процветания, а народ стремительно приближался к зениту своего увлечения. И высшие, и низшие слои общества были охвачены видением безграничного богатства. Среди аристократии, за исключением герцога Сен-Симона и маршала Виллара, не было ни одного известного человека, который не занимался бы покупкой или продажей акций. Люди любого возраста, пола и состояния спекулировали на

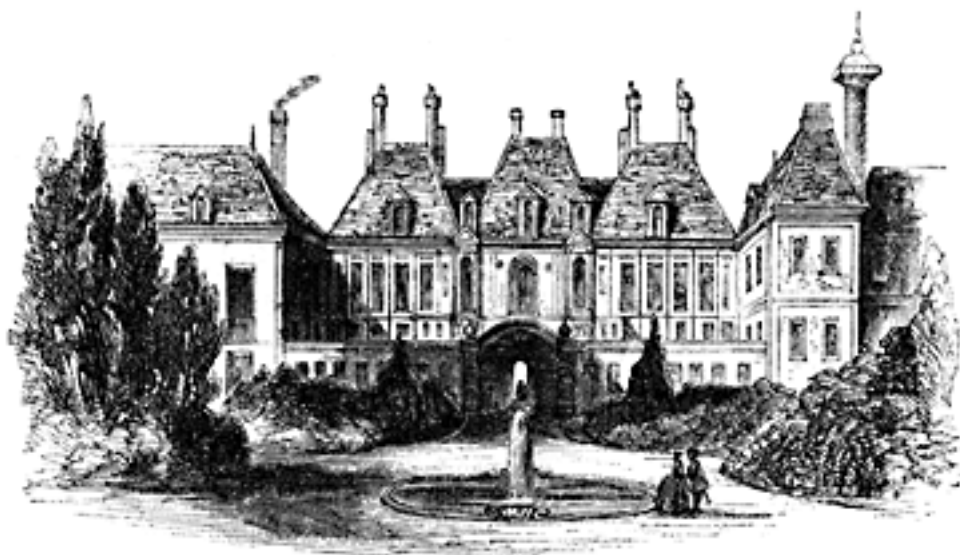
повышении и понижении курса облигаций Миссисипи. Рю де Кинкампуа была главным пристанищем работоторговцев, а поскольку улица была узкой и неудобной, на ней постоянно происходили несчастные случаи из-за огромного давления толпы. Дома на ней, стоившие в обычное время тысячу ливров годовой ренты, приносили по двенадцать-шестнадцать тысяч. Сапожник, имевший в нем ларек, получал около двухсот ливров в день, сдавая его в аренду и предоставляя письменные принадлежности маклерам и их клиентам. Рассказывают, что горбун, стоявший на улице, получал значительные суммы, предоставляя свой горб в качестве письменного стола жаждущим спекуляций! Большое скопление людей, собравшихся для совершения сделок, привлекло еще большее количество зрителей. Это снова привлекло сюда всех воров и аморальных личностей Парижа, и начались постоянные беспорядки и волнения. С наступлением темноты часто приходилось посылать отряд солдат, чтобы очистить улицу.

СЕНЕЖКА.

Лоу, обнаружив неудобство своего места жительства, перебрался на Вандомскую площадь, куда за ним последовала толпа *агиотеров*. Эта просторная площадь вскоре стала такой же многолюдной, как улица Квинкампуа: с утра до вечера она представляла собой подобие ярмарки. Здесь были возведены лотки и палатки для ведения дел и продажи прохладительных напитков, а в самом центре расположились азартные игроки со своими рулеточными столами и собирали с толпы золотой или, скорее, бумажный урожай. Бульвары и скверы были оставлены; любители прогулок предпочитали Вандомскую площадь, которая стала модным местом отдыха праздных людей, а также общим местом встречи занятых. Шум был настолько сильным в течение всего дня, что канцлер, чей суд располагался на площади,

жаловался регенту и муниципалитету, что не может слышать адвокатов. Лоу, когда к нему обратились, выразил готовность помочь в устранении помехи и с этой целью заключил договор с принцем де Кариньяном на отель де Суассон, который имел сад в несколько акров на заднем дворе. Была заключена сделка, по которой Лоу стал покупателем отеля по огромной цене, а принц оставил за собой великолепные сады как новый источник прибыли. Они содержали несколько прекрасных статуй и несколько фонтанов, и в целом были разбиты с большим вкусом. Как только Лоу поселился в новой обители, был издан указ, запрещающий всем лицам покупать или продавать акции где бы то ни было, кроме как в садах отеля Суассона. В центре, среди деревьев, для удобства биржевиков было возведено около пятисот небольших палаток и павильонов. Различные цвета, яркие ленты и знамена, развевающиеся на них, оживленные толпы, которые постоянно входили и выходили, непрерывающийся гул голосов, шум, музыка, странная смесь бизнеса и удовольствия на лицах толпы - все это придавало месту атмосферу очарования, которая совершенно завораживала парижан. Принц де Кариньян получал огромные прибыли, пока длилась эта иллюзия. Каждая палатка сдавалась по пятьсот ливров в месяц, а поскольку их было не менее пятисот, его ежемесячный доход только из этого источника должен был составлять 250 000 ливров, или около 10 000 фунтов стерлингов.

ОТЕЛЬ ДЕ СУАССОН.

Честный старый солдат, маршал Вилларс, был так раздосадован, видя глупость, постигшую его соотечественников, что никогда не мог сдержанно говорить на эту тему. Проезжая однажды по Вандомской площади в своей карете, этот хладнокровный джентльмен был так раздражен увлеченностью людей, что резко приказал кучеру остановиться и, высунув голову из окна кареты, целых полчаса изводил их "отвратительной скупостью". Это был не очень мудрый поступок с его стороны. Со всех сторон раздавались шипение и крики смеха, и в его адрес сыпались разные шутки. Наконец, почувствовав сильные признаки того, что в направлении его головы по воздуху летит нечто более осязаемое, маршал с радостью поехал дальше. Больше он никогда не повторял этот эксперимент.

Два трезвых, спокойных и философски настроенных литератора, местье де ла Мотт и аббат Террасон, поздравили друг друга с тем, что они, по крайней мере, свободны от этого странного увлечения. Через несколько дней после этого, когда достойный аббат выходил из гостиницы Суассона, куда он отправился, чтобы купить акции Миссисипи, он увидел не кого иного, как своего друга Ла Мотта, вошедшего с той же целью. "Ха!" - сказал аббат, улыбаясь, -

"Это *вы*?" "Да", - ответил Ла Мотт, проталкиваясь мимо него так быстро, как только мог; "И это можете быть *вы*?" В следующий раз, когда два ученых встретились, они говорили о философии, о науке, о религии, но ни один из них долго не решался проронить ни слова о Миссисипи. Наконец, когда она была упомянута, они согласились, что человек никогда не должен клясться в том, что он делает что-то одно, и что нет такой экстравагантности, на которую не был бы способен даже мудрый человек.

За это время Лоу, новый Плут, сразу стал самой важной персоной в государстве. Придворные покинули покои регента, пэры, судьи и епископы толпились в отеле Суассона; офицеры армии и флота, титулованные и модные дамы и все, кому наследственное звание или государственная служба давали право на первенство, ожидали в его покоях, чтобы выпросить часть его индийских запасов. Лоу так донимали, что он не мог видеть и десятой части просителей, и все маневры, какие только могла предложить изобретательность, использовались, чтобы получить к нему доступ. Пэры, чье достоинство было бы оскорблено, если бы регент заставил их ждать полчаса для беседы, были готовы ждать шесть часов, чтобы получить возможность увидеть месье Лоу. Его слугам платили огромные гонорары, если они просто объявляли их имена. Знатные дамы использовали для этого все прелести своих улыбок, но многие из них приходили день за днем в течение двух недель, прежде чем им удавалось добиться аудиенции. Когда Лоу принимал приглашение, его иногда так окружали дамы, требовавшие внести их имена в списки акционеров новой акции, что, несмотря на свою известную и привычную галантность, он вынужден был вырываться *силой*. Чтобы получить возможность поговорить с ним, использовались самые нелепые уловки. Одна дама, тщетно пытавшаяся в течение нескольких дней, оставила в отчаянии все попытки увидеть его в его собственном доме, но приказала своему кучеру строго следить за ней, когда она будет выходить из кареты, и, если он увидит приближающегося мистера Лоу, наехать на столб и расстроить ее. Кучер пообещал послушаться, и в течение трех дней леди непрерывно ездила по городу, внутренне молясь о том, чтобы ей представилась возможность перевернуться. Наконец она заметила мистера Лоу и, дернув за веревку, крикнула кучеру: "Расстройте нас сейчас! Ради Бога, расстройте нас сейчас!" Кучер налетел на столб, дама закричала, карета перевернулась, и Лоу, видевший *происшествие*, поспешил на место, чтобы оказать помощь. Хитрую даму привели в отель де Суассон, где она вскоре сочла нужным оправиться от испуга и, извинившись перед мистером Лоу, призналась в своей хитрости. Лоу улыбнулся и записал даму в свои книги как покупателя большого количества индийских акций. Другую историю рассказывают о мадам де Буша, которая, зная, что мистер Лоу обедает в одном доме, отправилась туда в карете и подала сигнал о пожаре. Компания вышла из-за стола, и Лоу в том числе; но, увидев, что одна дама спешит в дом, чтобы его, в то время как все остальные разбегаются, он заподозрил подвох и убежал в другом направлении.

Рассказывают и много других анекдотов, которые, даже если они несколько преувеличены, все же стоит сохранить, поскольку они показывают дух того необычного периода.⁷ Однажды регент в присутствии д'Аржансона, аббата Дюбуа и некоторых других лиц упомянул, что он желает назначить какую-нибудь даму, по крайней мере, герцогиню, для присмотра за его дочерью в Модене; "но, - добавил он, - я не знаю точно, где ее найти". "Нет!" - ответил один из них с удивлением, - "я могу сказать вам, где найти всех герцогинь во Франции: вам нужно только пойти к господину Лоу; вы увидите их каждую в его прихожей".

Месье де Ширак, знаменитый врач, купил акции в неудачный период и очень хотел их продать. Однако акции продолжали падать в течение двух-трех дней, что очень его встревожило. Он все думал об этом, как вдруг его позвали к одной даме, которой показалось, что она нездорова. Он прибыл, был поднят по лестнице и пощупал пульс дамы. "Он падает, падает! Боже правый! Он падает непрерывно!" - задумчиво произнес он, в то время как дама с тревогой смотрела ему в лицо, ожидая его мнения. "О, месье де Ширак, - сказала она, поднимаясь на ноги и звоня в колокольчик, чтобы позвать на помощь, - я умираю! Я умираю! Он падает! Он падает! Он падает!" "Что падает?" - изумленно спросил доктор. "Мой пульс! Мой пульс!" - сказала дама; "Должно быть, я умираю". "Успокойте ваши опасения, моя дорогая мадам, - сказал месье де Ширак, - я говорил о колодках. По правде говоря, я сильно проигрался, и мой разум так расстроен, что я едва ли понимаю, что говорю".

За несколько часов цена акций иногда поднималась на десять или двадцать процентов, и многие люди из самых скромных слоев общества, которые утром вставали нищими, ложились спать в достатке. Один крупный держатель акций, заболев, послал своего слугу продать двести пятьдесят акций по восемь тысяч ливров за штуку - по той цене, по которой они тогда котировались. Слуга отправился и, придя в Жарден де Суассон, обнаружил, что за это время цена выросла до десяти тысяч ливров. Разницу в две тысячи ливров на двести

пятьдесят акций, составлявшую 500 000 ливров, или 20 000 фунтов стерлингов, он очень спокойно передал в свое пользование, а остаток отдал хозяину и в тот же вечер отправился в другую страну. Кучер Лоу за очень короткое время заработал достаточно денег, чтобы завести собственную карету, и попросил разрешения оставить службу. Лоу, который уважал этого человека, попросил его об одолжении, чтобы он постарался перед отъездом найти ему замену не хуже себя. Кучер согласился и вечером привел двух своих бывших товарищей, сказав мистеру Лоу, чтобы тот выбирал между ними, а он возьмет другого. Кухарки и лакеи то и дело оказывались столь же удачливыми и, преисполненные гордости за свое легко доставшееся богатство, совершали самые нелепые ошибки. Сохраняя прежний язык и манеры, с нарядами своего нового положения, они постоянно давали повод для жалости здравомыслящих, презрения трезвых и смеха всех окружающих. Но еще более отвратительными были глупость и подлость высших слоев общества. Один только случай, рассказанный герцогом де Сен-Симоном, свидетельствует о недостойной скупости, которой было заражено все общество. Человек по имени Андре, не имевший ни характера, ни образования, путем удачных спекуляций облигациями Миссисипи в невероятно короткий срок приобрел огромное состояние. По выражению Сен-Симона, "он накопил горы золота". Разбогатев, он стал стыдиться низости своего происхождения и превыше всего желал быть связанным со знатностью. У него была дочь, младенец всего трех лет от роду, и он вступил в переговоры с аристократической и нуждающейся семьей д'Ойсе, чтобы это дитя на определенных условиях вышло замуж за одного из членов этого дома. Маркиз д'Ойсе, к своему стыду, согласился и пообещал сам жениться на ней по достижении ею двенадцати лет, если отец будет выплачивать ему сто тысяч крон и по двадцать тысяч ливров ежегодно до самого бракосочетания. Самому маркизу шел тридцать третий год. Эта скандальная сделка была должным образом подписана и скреплена печатью; кроме того, биржевик согласился передать своей дочери в день свадьбы состояние в несколько миллионов. Герцог Бранкас, глава семьи, присутствовал на всех переговорах и участвовал во всех прибылях. Сен-Симон, который относится к этому делу с легкомыслием, свойственным, по его мнению, столь удачной шутке, добавляет, "что люди не жалели своих нареканий на этот прекрасный брак", и далее сообщает нам, "что через несколько месяцев после этого проект потерпел крах из-за свержения закона и разорения честлюбивого месье Андре". Однако, судя по всему, у знатной семьи так и не хватило честности вернуть сто тысяч крон.

На фоне подобных событий, которые, хотя и унизительны, но в значительной степени смехотворны, происходили и другие, более серьезные. Грабежи на улицах происходили ежедневно из-за огромных сумм в бумагах, которые люди носили с собой. Нередки были и убийства. Одно дело, в частности, приковало внимание всей Франции, причем не только из-за чудовищности преступления, но и из-за ранга и высоких связей преступника.

Граф д'Горн, младший брат принца д'Горна и родственник знатных семейств д'Аремберг, де Линь и де Монморанси, был молодым человеком с рассеянным характером, в меру экстравагантным и беспринципным настолько же, насколько и экстравагантным. В связке с двумя другими такими же безрассудными молодыми людьми, как и он сам, по имени Милле, пьемонтский капитан, и Дестамп, или Лестанг, Флеминг, он задумал ограбить одного очень богатого маклера, который, к несчастью для него самого, имел при себе большие суммы. Граф притворился, что хочет купить у него несколько акций Индийской компании, и с этой целью назначил ему встречу в *кабаре*, или низком публичном доме, расположенном по соседству с Вандомской площадью. Ничего не подозревающий маклер был пунктуален в назначенное время, как и граф д'Горн с двумя его помощниками, которых он представил как своих особых друзей. После нескольких минут разговора граф д'Горн внезапно набросился на свою жертву и нанес ей три удара в грудь. Тот тяжело упал на землю, и пока граф рылся в портфеле облигаций Миссисипи и Индийского банка на сумму в сто тысяч крон, Милле, пьемонтец, наносил несчастному маклеру новые и новые удары, чтобы удостовериться в его смерти, но маклер не упал без борьбы, и его крики привели на помощь людей из *кабаре*. Лестанг, другой убийца, приставленный сторожить лестницу, выпрыгнул из окна и скрылся; но Милле и граф д'Горн были схвачены в тот же миг.

Это преступление, совершенное в открытый день и в таком публичном месте, как *кабаре*, привело Париж в смятение. Суд над убийцами начался на следующий день; и улики были столь очевидны, что их обоих признали виновными и приговорили к тому, чтобы заживо разорвать на колесе. Знатные родственники графа д'Горна полностью запрудили

предбанник регента, моля о пощаде заблудшего юноши и утверждая, что он безумен. Регент избегал их как можно дольше, решив, что в столь жестоком деле правосудие должно идти своим чередом. Но настойчивость этих влиятельных поклонников нельзя было преодолеть так просто; в конце концов они заставили себя явиться к регенту и молили его избавить их дом от позора публичной казни. Они намекнули, что принцы д'Орн связаны с прославленной Орлеанской семьей, и добавили, что сам регент будет опозорен, если его родственник погибнет от рук обычного палача. Регент, к его чести, стойко выдержал все их уговоры и ответил на их последний аргумент словами Корнеля:

"Le crime fait la honte, non pas l'échafaud" ("Преступление - это честь, а не позор").

добавив, что, какой бы позор ни был связан с наказанием, он охотно разделит его с другими родственниками. День за днем они повторяли свои уговоры, но всегда с одним и тем же результатом. Наконец они решили, что если им удастся склонить в свою пользу герцога де Сен-Симона - человека, к которому регент испытывал искреннее уважение, - то они смогут добиться своего. Герцог, чистокровный аристократ, был потрясен не меньше их тем, что благородный убийца должен умереть той же смертью, что и плебейский преступник, и заявил регенту о нецелесообразности наживать врагов столь многочисленной, богатой и могущественной семье. Он также напомнил, что в Германии, где у семьи д'Аремберг были большие владения, по закону ни один родственник человека, разбившегося на колесе, не мог занять государственную должность или работу, пока не сменилось целое поколение. По этой причине он считал, что наказание виновного графа может быть заменено обезглавливанием, которое во всей Европе считалось гораздо менее позорным. Регент был тронут этим аргументом и уже собирался согласиться, когда Лоу, которого особенно интересовала судьба убитого, подтвердил его прежнее решение предоставить закону действовать по своему усмотрению.

Родственники д'Хорна были доведены до последней крайности. Принц де Робек Монморанси, отчаявшись в других средствах, нашел возможность проникнуть в темницу преступника и, предложив ему чашу с ядом, умолял спасти их от позора. Граф д'Горн отвернул голову и отказался ее принять. Монморанси еще раз надавил на него и, потеряв всякое терпение, повернулся на пятках и, воскликнув: "Умри, как хочешь, подлый негодяй! Тебе подобает погибнуть только от рук палача!", оставил его на произвол судьбы.

Сам д'Горн обратился к регенту с просьбой обезглавить его, но Лоу, имевший большее влияние на его разум, чем кто-либо другой, за исключением печально известного аббата Дюбуа, его воспитателя, настаивал на том, что он не может по справедливости поддаться корыстным взглядам д'Горнов. Регент с самого начала придерживался того же мнения, и в течение шести дней после совершения преступления д'Горн и Милле были разбиты о колесо на площади де Грив. Другой убийца, Лестанг, так и не был задержан.

Такое быстрое и суровое правосудие пришлось по душе жителям Парижа. Даже месье де Кинкампуа, как они называли Лоу, получил долю одобрения за то, что побудил регента не проявлять благосклонности к патрицию. Но количество грабежей и убийств не уменьшилось; не было сочувствия богатым грабителям, когда их грабили. Общая распущенность общественной морали, и без того заметная, стала еще более заметной благодаря быстрому проникновению в средние классы, которые до сих пор оставались сравнительно чистыми между открытыми пороками высшего класса и скрытыми преступлениями класса низшего. Пагубная любовь к азартным играм распространилась по всему обществу и унесла с собой все общественные и почти все частные добродетели.

На некоторое время, пока сохранялось доверие, торговля получила импульс, который не мог не принести пользы. Особенно хорошие результаты ощущались в Париже. В столицу со всех концов стекались незнакомцы, стремящиеся не только заработать деньги, но и потратить их. Герцогиня Орлеанская, мать регента, подсчитала, что за это время население страны увеличилось на 305 000 душ за счет большого притока чужеземцев со всех концов света. Домохозяева были вынуждены устраивать кровати в мансардах, кухнях и даже конюшнях для размещения постояльцев; город был настолько переполнен каретами и автомобилями всех видов, что на главных улицах приходилось ездить пешком, опасаясь несчастных случаев. Ткацкие станки страны работали с необычайной активностью, поставляя богатые кружева, шелка, широкие ткани и бархат, которые, будучи оплаченными в изобилии бумагой, выросли в цене в четыре раза. Продовольствие тоже не отставало. Хлеб, мясо и овощи продавались по ценам, превышающим когда-либо существовавшие; в то время как заработная плата за труд выросла точно в такой же пропорции. Ремесленник, который раньше получал пятнадцать су в день, теперь получал шестьдесят. Новые дома строились во всех направлениях; иллюзорное процветание сияло над землей и так ослепляло глаза всей нации, что никто не мог разглядеть темную тучу на горизонте, возвещавшую о быстро приближающейся буре.

Сам Лоу, волшебник, по мановению палочки которого произошли столь удивительные перемены, конечно же, разделял всеобщее процветание. За его женой и дочерью ухаживали представители высшей знати, а их союза искали наследники герцогских и княжеских домов. Он приобрел два великолепных поместья в разных частях Франции и вступил в переговоры с семьей герцога де Сюлли о покупке маркизата Росни. Религия препятствовала его продвижению по службе, но регент обещал, если он публично примет католическую веру, сделать его генеральным контролером финансов. Лоу, у которого было не больше настоящей религии, чем у любого другого исповедующего азартные игры, с готовностью согласился и был подтвержден аббатом де Тенсином в соборе Мелуна в присутствии огромной толпы [зрителей](#)⁸. На следующий день он был избран почетным церковным старостой прихода Сен-Рош, по случаю чего преподнес ему в дар сумму в пятьсот тысяч ливров. Его благотворительность, всегда великолепная, не всегда была столь показной. Он раздавал большие суммы в частном порядке, и ни одна история о настоящей беде не доходила до его ушей напрасно.

В это время он был, безусловно, самым влиятельным человеком в государстве. Герцог Орлеанский был настолько уверен в его проницательности и успехе своих планов, что всегда советовался с ним по каждому важному вопросу. Он ни в коем случае не возвышался чрезмерно благодаря своему процветанию, а оставался тем же простым, приветливым, здравомыслящим человеком, каким он проявлял себя в невзгодах. Его галантность, неизменно восхищавшая прекрасных собеседниц, была столь любезной, столь джентльменской и столь уважительной, что даже влюбленный не мог бы на нее обидеться. Если в каких-то случаях он и проявлял признаки надменности, то только по отношению к дрожащим вельможам, которые осыпали его поклонениями, пока они не становились пышными. Ему часто доставляло удовольствие наблюдать, как долго он сможет заставлять их танцевать перед ним ради одной-единственной услуги. С теми из своих соотечественников, кто по воле случая посещал Париж и добивался беседы с ним, он, напротив, был предельно вежлив и внимателен. Когда Арчибальд Кэмпбелл, граф Айла, а впоследствии герцог Аргайл, обратился к нему на Вандомской площади, ему пришлось пройти через предбанник, переполненный особами первой величины, жаждущими увидеть великого финансиста, чтобы их имена были внесены первыми в список на какую-то новую подписку. Сам же Лоу спокойно сидел в своей библиотеке и писал письмо садовнику из отцовского поместья

Лористон о посадке капусты! Граф пробыл в гостях довольно долго, сыграл с соотечественником партию в пикет и покинул его, очарованный его непринужденностью, здравым смыслом и хорошим воспитанием.

ЗАКОН КАК АТЛАС.9

Среди вельмож, которые благодаря легковерию публики в это время получили суммы, достаточные для того, чтобы поправить свои разрушенные состояния, можно назвать герцогов де Бурбон, де Гиш, де ла Форс¹⁰, де Шольн и д'Антен; маршала д'Эстре; принцев де Роан, де Пуа и де Леон. Герцог де Бурбон, сын Людовика XIV от мадам де Монтеспан, был особенно удачлив в своих спекуляциях с миссисипской бумагой. Он перестроил королевскую резиденцию Шантильи в стиле небывалого великолепия; страстно любя лошадей, он построил ряд конюшен, которые давно славились во всей Европе, и импортировал сто пятьдесят лучших скакунов из Англии для улучшения породы во Франции. Он купил большую территорию в Пикардии и стал обладателем почти всех ценных земель, лежащих между Уазой и Соммой.

После того как были нажиты такие состояния, неудивительно, что Лоу стал почти объектом поклонения со стороны меркантильного населения. Никогда еще монарх не был так польщен, как сейчас. Все мелкие поэты и литераторы того времени изливали на него потоки восхищения. По их словам, он был спасителем страны, божеством-покровителем Франции; остроумие было во всех его словах, доброта - во всем его облике, а мудрость - во всех его поступках. За его каретой, когда он выезжал за границу, следовала такая огромная толпа, что регент послал ему в качестве постоянного эскорта конный отряд, чтобы расчищать перед ним улицы.

В это время было замечено, что никогда прежде Париж не был так полон предметов элегантности и роскоши. Статуи, картины и гобелены в огромных количествах ввозились из иностранных государств и находили готовый рынок сбыта. Все эти милые мелочи в виде мебели и украшений, в изготовлении которых французы преуспели, перестали быть исключительно забавой аристократии, их можно было найти в изобилии в домах торговцев и среднего класса в целом. Ювелирные изделия самого дорогого описания привозили в Париж как на самый выгодный март; среди прочих - знаменитый бриллиант, купленный регентом и названный его именем, который долгое время украшал корону Франции. Он был куплен за два миллиона ливров, при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что регент не так сильно выиграл от толчка, который получила торговля, как некоторые из его подданных. Когда бриллиант был впервые предложен ему, он отказался его купить, хотя

желал обладать им превыше всего, утверждая в качестве причины, что его долг перед страной, которой он управлял, не позволит ему потратить столь крупную сумму государственных денег на простую драгоценность. Это веское и благородное оправдание повергло всех придворных дам в тревогу, и в течение нескольких дней не было слышно ничего, кроме выражений сожаления о том, что столь редкий драгоценный камень должен быть вывезен из Франции, поскольку ни один частный человек не был достаточно богат, чтобы купить его. Регента постоянно упрашивали, но все было тщетно, пока герцог де Сен-Симон, который при всех своих способностях был в некотором роде болтуном, не взялся за это важное дело. Его уговоры поддержал Лоу, и добродушный регент дал свое согласие, предоставив изобретательности Лоу найти средства для оплаты. Владелец взял на себя обязательство выплатить два миллиона ливров в течение определенного срока, получив за это время пять процентов с этой суммы и, кроме того, все ценные вырезки из драгоценного камня. Сен-Симон в своих "Мемуарах" с неменьшим самодовольством рассказывает о своей доле в этой сделке. Описав бриллиант размером с зелень, почти круглой формы, идеально белый, без изъянов и весом более пятисот зерен, он с усмешкой сообщает миру, "что считает своей большой заслугой то, что побудил регента совершить столь выдающуюся покупку". Другими словами, он гордился тем, что побудил его пожертвовать своим долгом и купить для себя безделушку по экстравагантной цене за счет государственных средств.

Так система продолжала процветать до начала 1720 года. Предупреждения парламента о том, что слишком большое количество бумажных денег рано или поздно приведет страну к банкротству, были проигнорированы. Регент, ничего не смысливший в финансовой философии, считал, что система, давшая столь хорошие результаты, не может быть доведена до крайности. Если пятьсот миллионов бумаг принесли такую пользу, то еще пятьсот миллионов принесут еще большую пользу. В этом заключалась главная ошибка регента, которую Лоу не пытался развеять. Необычайная жадность народа поддерживала это заблуждение; и чем выше становилась цена на индийские и миссисипские акции, тем больше выпускалось *банкнот*, чтобы не отставать от нее. Воздвигнутое таким образом здание можно было бы с полным основанием сравнить с великолепным дворцом, воздвигнутым Потемкиным, этим княжеским варваром России, чтобы удивить и порадовать свою императорскую госпожу: огромные глыбы льда были навалены одна на другую; ионические колонны самой искусной работы, из льда, образовывали благородный портик; купол из того же материала сиял на солнце, которого хватало только на то, чтобы позолотить, но не растопить его. Вдали он сверкал, как дворец из кристаллов и бриллиантов; но подул теплый ветер с юга, и величественное здание растворилось, пока никто не смог даже собрать его осколки. Так и с Лоу и его бумажной системой. Не успело дыхание народного недоверия подуть на нее, как она рухнула, и никто уже не смог ее поднять.

Первая небольшая тревога была вызвана в начале 1720 года. Принц де Конти, обиженный тем, что Лоу отказал ему в покупке новых акций Индии по его собственной цене, отправил в свой банк требование оплатить специями такое огромное количество банкнот, что для их перевозки потребовалось три повозки. Лоу пожаловался регенту и обратил его внимание на вред, который будет причинен, если подобный пример найдет много подражателей. Регент был слишком хорошо осведомлен об этом и, послав за принцем де Конти, приказал ему, под страхом своего высокого недовольства, вернуть банку две трети денег, которые он из него вывел. Принц был вынужден подчиниться деспотическому приказу. К счастью для кредита Лоу, де Конти был непопулярным человеком: все осуждали его подлость и скупость и соглашались с тем, что с Лоу обошлись плохо. Странно, однако, что столь незначительное спасение не заставило и Лоу, и регента еще больше стремиться к ограничению своих полномочий. Вскоре нашлись и другие, кто из недоверия подражал примеру, поданному де

Кonti в отместку. Более остроумные биржевики справедливо полагали, что цены не могут расти вечно. Бурдон и Ла Ришардьер, известные своими обширными операциями в фондах, спокойно и в небольших количествах за один раз переводили свои банкноты в специи и отправляли их в иностранные государства. Они также покупали столько пластин и дорогих украшений, сколько могли унести, и тайно отправляли их в Англию или Голландию. Работорговец Вермале, учуявший приближение бури, набрал золотых и серебряных монет на сумму около миллиона ливров, которые упаковал в крестьянскую телегу, засыпав сеном и коровьим навозом. Затем он переоделся в грязную крестьянскую *кофту* и в целости и сохранности перевез свой драгоценный груз в Бельгию. Оттуда он вскоре нашел средства, чтобы перевезти его в Амстердам.

До сих пор ни один класс не испытывал трудностей с получением денег для своих нужд. Но такая система не могла долго продолжаться, не вызывая дефицита. Со всех сторон слышались жалобы, и вскоре были проведены расследования, в результате которых причина была обнаружена. Совет долго обсуждал, какие средства следует предпринять, и Лоу, к которому обратились за советом, высказал мнение, что следует издать эдикт, обесценивающий монету на пять процентов ниже стоимости бумаги. Эдикт был опубликован, но, не достигнув желаемого эффекта, за ним последовал другой, в котором обесценивание было увеличено до десяти процентов. В то же время платежи банка были ограничены ста ливрами в золоте и десятью в серебре. Все эти меры оказались безрезультатными для восстановления доверия к бумаге, хотя ограничение наличных платежей столь узкими рамками поддерживало кредит банка.

НОВЫЙ ГРЕБНОЙ БАРКАС ЛЮЦИФЕРА.11

Несмотря на все усилия, драгоценные металлы продолжали вывозиться в Англию и Голландию. То немногое, что оставалось в стране, тщательно берегли или прятали, пока нехватка не стала столь велика, что торговые операции больше не могли вестись. В этой чрезвычайной ситуации Лоу решился на смелый эксперимент - полностью запретить использование монеты. В феврале 1700 года был опубликован эдикт, который, вместо того чтобы восстановить кредит бумаги, как предполагалось, разрушил его безвозвратно и поставил страну на грань революции. Согласно этому знаменитому эдикту, любому человеку запрещалось иметь в своем владении более пятисот ливров (20 л.) монет под страхом крупного штрафа и конфискации найденных сумм. Также запрещалось скупать ювелирные изделия, пластины и драгоценные камни, а доносчиков поощряли к поиску преступников, обещая половину суммы, которую они могут обнаружить. Вся страна подняла крик бедствия из-за этой неслыханной тирании. Ежедневно происходили самые отвратительные преследования. Частная жизнь семей нарушалась вторжением доносчиков и их агентов. Самых добродетельных и честных осуждали за то, что их видели с *луидором* в руках. Слуги предавали своих хозяев, один гражданин становился шпионом своего соседа, а аресты и конфискации настолько умножились, что суды с трудом справлялись с огромным количеством дел, вызванным этим. Достаточно было доносчику сказать, что он подозревает какого-либо человека в сокрытии денег в его доме, и тут же выдавался ордер на обыск. Лорд Стэр, английский посол, заявил, что теперь невозможно сомневаться в искренности

обращения Лоу в католическую религию; он создал *инквизицию*, после того как предоставил множество доказательств своей веры в *трансубстанцию*, превратив столько золота в бумагу.

Все эпитеты, какие только могла придумать народная ненависть, сыпались на регента и несчастный Закон. Монеты на сумму свыше пятисот ливров стали незаконным платежным средством, а бумажные деньги никто не брал, если это было возможно. Никто не знал сегодня, сколько будут стоить его банкноты завтра. "Никогда, - пишет Дюкло в своих "Секретных мемуарах о регентстве", - не было более капризного правительства, никогда не было более бешеной тирании, осуществляемой менее твердыми руками". Для тех, кто был свидетелем ужасов тех времен и кто сейчас вспоминает о них, как о сне, невозможно представить, что не разразилась внезапная революция, что Лоу и регент не погибли трагической смертью. Их обоих держали в ужасе, но народ ограничивался жалобами; мрачное и робкое отчаяние, тупое оцепенение охватило всех, и умы людей были слишком гнусны, чтобы быть способными на мужественное преступление". Похоже, что в одно время было организовано народное движение. На стенах были развешаны подстрекательские письма, которые в виде ручных листов рассылались по домам самых известных людей. Одна из них, приведенная в "Мемориях Режанс", была следующего содержания: "Сударь и сударыня, уведомляю вас, что в субботу и воскресенье, если дела не изменятся, снова будет проводиться День святого Варфоломея. Просим вас не выходить, ни вас, ни ваших слуг. Да сохранит вас Господь от огня! Предупредите своих соседей. Датируется субботой, 25 мая 1720 года". Огромное количество шпионов, которыми был заселен город, вызывало недоверие жителей друг к другу, и за исключением нескольких пустяковых беспорядков, устроенных вечером незначительной группой, которая вскоре была рассеяна, мир в столице не был нарушен.

Стоимость акций Луизианы, или Миссисипи, стремительно падала, и мало кто верил сказкам об огромных богатствах этого региона. Поэтому была предпринята последняя попытка вернуть общественное доверие к проекту Миссисипи. Для этого по распоряжению правительства был проведен всеобщий призыв в армию всех бедняков Парижа. До шести тысяч самых отбросов населения были призваны, как на войну, снабжены одеждой и инструментами, чтобы отправиться в Новый Орлеан для работы на золотых приисках,

которых там якобы много. День за днем их шествовали по улицам с пиками и лопатами, а затем небольшими отрядами отправляли в порты для отправки в Америку. Две трети из них так и не добрались до места назначения, а рассеялись по стране, продали свои инструменты за то, что смогли достать, и вернулись к прежнему образу жизни. Менее чем через три недели половину из них снова можно было найти в Париже. Этот маневр, однако, вызвал незначительный рост запасов Миссисипи. Многие люди, отличавшиеся излишней доверчивостью, верили, что в новой Голконде начались серьезные работы и что золотые и серебряные слитки снова будут найдены во Франции.

В конституционной монархии были бы найдены более надежные средства для восстановления общественного кредита. В Англии в последующий период, когда подобное заблуждение привело к подобным бедствиям, меры, принятые для исправления ситуации, были самыми разными; но во Франции, к сожалению, исправление ситуации было оставлено на усмотрение авторов бедствия. Произвол регента, пытавшегося вывести страну, лишь еще глубже погрузил ее в трясину. Все платежи было приказано производить в бумаге, и с 1 февраля по конец мая было изготовлено банкнот на сумму до 1500 миллионов ливров, или 60 000 000 фунтов стерлингов. Но как только прозвучал сигнал тревоги, никакое искусство не могло заставить народ испытывать хоть малейшее доверие к бумаге, не подлежащей обмену на металл. Месье Ламбер, председатель парижского парламента, сказал регенту в лицо, что он предпочел бы иметь сто тысяч ливров в золоте или серебре, чем пять миллионов в банкнотах своего банка. Когда таково было всеобщее мнение, обильная эмиссия бумаги только усиливала зло, делая еще более огромным разрыв между количеством специй и банкнот в обращении. Монета, обесценить которую было целью регента, росла в цене при каждой новой попытке уменьшить ее. В феврале было решено, что Королевский банк должен быть присоединен к Индийской компании. Соответствующий эдикт был опубликован и зарегистрирован парламентом. Государство оставалось гарантом банкнот банка, и больше ни один не должен был выпускаться без приказа совета. Все доходы банка, с тех пор как он был выведен из-под власти Лоу и стал национальным учреждением, регент передал Индийской компании. Эта мера позволила на короткое время повысить стоимость луизианских и других акций компании, но не смогла поставить государственный кредит на какую-либо постоянную основу.

В начале мая состоялся государственный совет, на котором присутствовали Лоу, д'Аржансон (его коллега по управлению финансами) и все министры. Тогда было подсчитано, что общая сумма банкнот в обращении составляет 2600 миллионов ливров, в то время как монет в стране было не более половины этой суммы. Большинству членов совета было очевидно, что необходимо принять какой-то план по выравниванию денежной массы. Одни предлагали снизить стоимость банкнот до стоимости специи, другие - повысить номинальную стоимость специи до тех пор, пока она не сравняется с бумагой. Лоу, как говорят, выступал против обоих этих проектов, но не смог предложить другого, и было решено, что банкноты должны быть обесценены наполовину. 21 мая был издан эдикт, согласно которому акции Индийской компании и банкноты банка должны были постепенно уменьшаться в цене, пока в конце года их стоимость не станет равна половине номинала. Парламент отказался зарегистрировать эдикт, что вызвало сильнейший взрыв негодования, а состояние страны стало настолько тревожным, что в качестве единственного средства сохранения спокойствия совет регентства был вынужден задуть свои собственные действия, опубликовав в течение семи дней другой эдикт, возвращающий банкнотам их первоначальную стоимость.

В тот же день (27 мая) банк прекратил выплаты специями. Лоу и д'Аржансон были уволены из министерства. Слабый, колеблющийся и трусливый регент свалил всю вину на Лоу,

которому, когда он явился в Пале-Рояль, было отказано в приеме. Однако в сумерках за ним послали, и он был введен во дворец через потайную [дверь12](#), когда регент попытался утешить его и всячески оправдывался за ту суровость, с которой он был вынужден обращаться с ним на людях. Поведение Лоу было столь капризным, что через два дня после этого он публично пригласил его в оперу, где тот сидел в королевской ложе рядом с регентом, который при всем народе отнесся к нему с подчеркнутым вниманием. Но ненависть к Лоу была столь велика, что эксперимент едва не оказался для него роковым. Толпа забросала его карету камнями как раз в тот момент, когда он входил в свою собственную дверь; и если бы кучер не сделал резкий рывок во двор, а домочадцы не закрыли ворота, его, по всей вероятности, вытащили бы наружу и разорвали на куски. На следующий день его жена и дочь также подверглись нападению толпы, когда они возвращались в карете со скачек. Когда регенту доложили об этих событиях, он послал Лоу сильный отряд швейцарских гвардейцев, которые денно и ночно дежурили во дворе его резиденции. Народное негодование в конце концов настолько возросло, что Лоу, сочтя свой собственный дом, даже с этой охраной, небезопасным, укрылся в Пале-Рояле, в апартаментах регента.

Канцлер д'Агессо, уволенный в 1718 году за противодействие проектам Лоу, теперь был отозван для помощи в восстановлении кредита. Регент слишком поздно признал, что относился с неоправданной суровостью и недоверием к одному из самых способных, а возможно, и единственному честному государственному деятелю того развращенного периода. Со времени своего позора он удалился в свой загородный дом во Френе, где в разгар суровых, но восхитительных философских занятий забыл об интригах недостойного двора. Сам Лоу и шевалье де Конфлан, джентльмен из окружения регента, были отправлены в почтовой карете с приказом доставить экс-канцлера в Париж вместе с ними. Д'Агессо согласился оказать посильную помощь, вопреки советам своих друзей, которые не одобряли, чтобы он принял какой-либо отказ от должности, носителем которой был Лоу. По прибытии в Париж пять советников парламента были допущены к комиссару финансов, и 1 июня был опубликован приказ, отменяющий закон, по которому накопление монеты на сумму более пятисот ливров считалось преступлением. Каждому разрешалось иметь столько specie, сколько он пожелает. Для того чтобы банкноты могли быть изъяты, было создано двадцать пять миллионов новых банкнот под залог доходов города Парижа, под два с половиной процента. Изъятые банкноты были публично сожжены перед Домом де Вилль. Новые банкноты были в основном достоинством в десять ливров каждая; 10 июня банк был вновь открыт, имея достаточное количество серебряной монеты для размена на них.

Д'АГУЭССО.

Эти меры принесли немалую пользу. Все население Парижа поспешило в банк, чтобы получить монету для своих мелких банкнот; а поскольку серебра стало не хватать, им платили медью. Мало кто жаловался, что она слишком тяжела, хотя на улицах постоянно можно было видеть бедняков, которые трудились и потели, нагруженные больше, чем они могли с комфортом нести, в виде мелочи на пятьдесят ливров. Толпы вокруг банка были так велики, что не проходило и дня, чтобы кого-нибудь из них не придавило насмерть. 9 июля толпа была настолько плотной и шумной, что стражники, стоявшие у входа в Сад Мазарина, закрыли ворота и не пускали больше никого. Толпа пришла в ярость и стала бросать камни через перила в солдат. Те, в свою очередь, разозлившись, пригрозили открыть огонь по народу. В этот момент в одного из них попал камень, и, подняв ружье, он выстрелил в толпу. Один человек сразу же упал замертво, а другой был тяжело ранен. В любой момент можно было ожидать, что на берегу начнется общая атака; но ворота Сада Мазарина были открыты для толпы, которая увидела целый отряд солдат с примкнутыми штыками, готовых принять их, и довольствовалась тем, что дала волю своему негодованию в столах и шипении.

Через восемь дней после этого скопление народа было столь огромным, что пятнадцать человек были зажаты насмерть у дверей банка. Народ был настолько возмущен, что вынес на носилках три тела и направился в количестве семи или восьми тысяч человек в сады Пале-Рояля, чтобы показать регенту, какие несчастья он и Лоу навлекли на страну. Кучер Лоу, сидевший в карете своего хозяина во дворе дворца, проявил больше рвения, чем благоразумия, и, не желая, чтобы толпа издевалась над его господином, сказал достаточно громко, чтобы его услышали несколько человек, что все они - чернокнижники и заслуживают повешения. Толпа тут же набросилась на него и, решив, что в карете находится Лоу, разнесла ее в щепки. Неосторожный кучер едва спасся. Больше ничего страшного не произошло; когда появились войска, толпа спокойно разошлась, после того как регент заверил, что три тела, которые они привезли, чтобы показать ему, должны быть достойно похоронены за его собственный счет. Во время этих беспорядков заседал парламент, и президент взял на себя обязанность выйти и посмотреть, в чем дело. Вернувшись, он сообщил членам совета, что карета Лоу была разбита толпой. Все члены совета одновременно поднялись и выразили свою радость громкими криками, а один человек, более ревностный в своей ненависти, чем остальные, воскликнул: "А сам Лоу, неужели он разорван на куски?"¹³

Многое, несомненно, зависело от кредита Индийской компании, которая отвечала перед нацией столь крупной суммой. Поэтому на совете министерства было высказано мнение, что любые привилегии, которые могут быть предоставлены, чтобы позволить ей выполнить свои обязательства, принесут наилучшие результаты. С этой целью было предложено закрепить за ней исключительную привилегию на всю морскую торговлю, и соответствующий эдикт был опубликован. Но, к сожалению, было забыто, что подобная мера приведет к разорению всех купцов страны. Идея такой огромной привилегии вызвала всеобщее недовольство, и в парламент стали поступать петиции с просьбой отказать в регистрации указа. Они отказались, и регент, заметив, что они только и делают, что раздувают пламя смуты, сослал их в Блуа. По ходатайству д'Агессо место ссылки было изменено на Понтуаз, и советники отправились туда, решив бросить вызов регенту. Они приняли все меры, чтобы сделать свое временное изгнание как можно более приятным. Президент давал самые изысканные ужины, на которые приглашал всю самую веселую и остроумную компанию Парижа. Каждый вечер устраивались концерт и бал для дам. Обычно серьезные и торжественные судьи и советники присоединились к карточной игре и другим развлечениям, ведя в течение нескольких недель жизнь самых экстравагантных удовольствий, не иначе как для того, чтобы

показать регенту, насколько незначительным они считают свое изгнание, и что, если они пожелают, они могут сделать Понтуаз более приятным местом жительства, чем Париж.

Из всех народов мира французы наиболее известны тем, что поют о своих обидах. Об этой стране с некоторой долей правды было замечено, что вся ее история может быть прослежена в ее песнях. Когда Лоу, потерпев полное фиаско в своих самых смелых планах, стал несносным, сатира, конечно, ухватилась за него; и в то время как карикатуры на его персону появились во всех магазинах, улицы огласились песнями, в которых не было пощады ни ему, ни регенту. Многие из этих песен были далеко не приличными, а одна из них, в частности, советовала использовать все его записки в самых неблагородных целях, на которые только способна бумага. Но следующая, сохранившаяся в письмах герцогини Орлеанской, была самой лучшей и самой популярной, и ее можно было слышать месяцами во всех парижских *карефурах*. Применение хора достаточно счастливо:

Aussitôt que Lass arriva

Dans notre bonne ville,

Monsieur le Régent publia

Que Lass serait utile

Для восстановления нации.

Фаридондон! Фаридондон!

Мы все обогатились,

Бириби!

Как барбарец,

Мой друг!

Парпайлот, чтобы надеть

все богатства Франции,

Сонгеа, чтобы заверить

нашего доверия.

Он отказывается от своих слов,

La faridondaine! la faridondon!

Mais le fourbe s'est converti,

Бириби!

A la façon de Barbari,

Мой друг!

Ласс, сын Сатаны.

Мы встретили всех в аумоне,

Il nous a pris tout notre argent

И не отдаст никому.

Но есть Регент, человечный и добрый,

La faridondaine! la faridondon!

Мы отдадим все, что у нас есть,

Бурибу!

По примеру Барбару,

Мой друг!

Следующая эпиграмма относится к той же дате:

Lundi, j'achetai des actions;

Mardi, je gagnai des millions;

Mercredi, j'arrangeai mon ménage,

Jeudi, je pris un équipage,

Vendredi, je m'en fus au bal,

Et Samedi, à l'hôpital.

Среди карикатур, которые в изобилии публиковались и которые так же ясно, как и более серьезные вещи, показывали, что нация пробудилась к осознанию своей глупости, была одна, факсимиле которой сохранилось в "Мемориях Режанс". Автор описывает его следующим образом: "Богиня Акций в своей триумфальной машине, которую везет Богиня Глупости. Те, кто тянет машину, олицетворяют Миссисипи с его деревянной ногой, Южное море, Банк Англии, Компанию Западного Сенегала и различные гарантии. Чтобы машина не катилась достаточно быстро, агенты этих компаний, известные своими длинными лисьими хвостами и хитрым видом, поворачивают спицы колес, на которых написаны названия нескольких акций и их стоимость, то высокая, то низкая, в зависимости от оборотов колеса. На земле лежат товары, дневники и бухгалтерские книги законной торговли, раздавленные колесницей Глупости. Позади - огромная толпа людей всех возрастов, полов и состояний, жаждущих заполучить Фортуны и сражающихся друг с другом за долю, которую она так щедро распределяет между ними. В облаках сидит демон, пускающий мыльные пузыри, которые также являются предметом восхищения и ажиотажа толпы, прыгающей друг другу на спины, чтобы добраться до них, пока они не лопнули. Прямо на пути машины, загораживая проход, стоит большое здание с тремя дверями, через одну из которых она должна пройти, если поедет дальше, а вместе с ней и вся толпа. Над первой дверью написано: "*Hôpital des Foux*", над второй - "*Hôpital des Malades*", над третьей - "*Hôpital des Gueux*". Другая карикатура изображала Лоу сидящим в большом котле, кипящем в пламени народного безумия, в окружении буйной толпы, которая высыпала в него все свое золото и серебро и с радостью принимала взамен бумажки, которые он раздавал им горстями.

Пока длилось это волнение, Лоу тщательно следил за тем, чтобы не появляться на улицах без охраны. Закрывшись в апартаментах регента, он был защищен от любого нападения; а когда

он решался выехать за границу, то делал это либо *инкогнито*, либо в одной из королевских карет, с мощным эскортом. Сохранился забавный анекдот о том, с какой ненавистью к нему относились люди и как жестоко с ним обошлись бы, попади он в их руки. Джентльмен по фамилии Бурсель проезжал в своей карете по улице Сент-Антуан, когда его дальнейшему движению помешала повозка, перегородившая дорогу. Слуга месье Бурселя нетерпеливо попросил кучера убраться с дороги и, получив отказ, ударил его по лицу. Из-за беспорядка вскоре собралась толпа, и М. Бурсель вышел из кареты, чтобы восстановить порядок. Кучер, сообразив, что у него теперь есть еще один нападавший, придумал, как избавиться от обоих, и закричал так громко, как только мог: "Помогите! Помогите! Убийство! Убийство! Вот Лоу и его слуга, которые собираются убить меня! Помогите! Помогите!" На этот крик люди вышли из своих магазинов, вооружившись палками и другим оружием, а толпа собрала камни, чтобы отомстить предполагаемому финансисту. К счастью для месье Бурселя и его слуги, дверь церкви иезуитов была широко открыта, и, видя, что шансы против них невелики, они бросились к ней со всей скоростью. Они достигли алтаря, преследуемые народом, и даже там подверглись бы жестокому обращению, если бы, обнаружив открытую дверь, ведущую в ризницу, не проскочили через нее и не закрыли ее за собой. Встревоженные и возмущенные священники убедили толпу покинуть церковь и, обнаружив на улице карету месье Бурселя, выместили на ней свою злобу и нанесли ей значительный ущерб.

Двадцать пять миллионов, обеспеченных муниципальными доходами города Парижа, под столь низкий процент - два с половиной процента, не пользовались популярностью среди крупных держателей акций Миссисипи. Поэтому конвертация ценных бумаг представляла значительные трудности, так как многие предпочитали держать падающие бумаги компании Лоу в надежде на благоприятный поворот событий. 15 августа, с целью ускорить конвертацию, был принят эдикт, объявлявший, что все векселя на сумму от тысячи до десяти тысяч ливров не должны обращаться, кроме как для покупки аннуитетов и банковских счетов, или для уплаты взносов, причитающихся по акциям компании.

В октябре следующего года был принят еще один эдикт, лишавший эти банкноты всякой ценности после ноября следующего месяца. Управление монетным двором, сбор доходов и все прочие преимущества и привилегии Индийской, или Миссисипской, компании были у них отняты, и они превратились в простую частную компанию. Это стало смертельным ударом для всей системы, которая теперь оказалась в руках ее врагов. Закон потерял всякое влияние в Совете финансов, а компания, лишившись своих иммунитетов, не могла больше иметь и тени надежды на то, что сможет выполнить свои обязательства. Всех, кого подозревали в незаконных прибылях в то время, когда общественное заблуждение достигло своего апогея, разыскали и оштрафовали на крупные суммы. Предварительно было предписано составить список первоначальных владельцев, чтобы те, кто еще сохранил свои акции, передали их на хранение в компанию, а те, кто не успел получить акции, на которые они записали свои имена, должны были теперь приобрести их у компании по цене 13 500 ливров за каждую акцию в 500 ливров. Не желая платить эту огромную сумму за акции, которые фактически продавались со скидкой, акционеры собрали все свои вещи и попытались найти убежище в других странах. Немедленно были отданы приказы властям в портах и на границах задерживать всех путешественников, пытающихся покинуть королевство, и держать их под стражей, пока не выяснится, нет ли у них при себе пластин или драгоценностей, или же они причастны к позднейшей акции. Тем немногим, кто сбежал, было назначено наказание в виде смертной казни, а в отношении тех, кто остался, были приняты самые произвольные меры.

Сам Лоу в минуту отчаяния решил покинуть страну, где его жизнь больше не была в безопасности. Поначалу он лишь попросил разрешения удалиться из Парижа в одно из своих загородных поместий, которое регент с радостью предоставил. Последний был сильно удручен таким несчастливым поворотом дел, но его вера в истинность и эффективность финансовой системы Лоу оставалась непоколебимой. Ему открылись глаза на его собственные ошибки, и в течение нескольких оставшихся лет своей жизни он постоянно мечтал о возможности вновь утвердить эту систему на более надежной основе. Во время последней беседы Лоу с принцем он, как сообщается, сказал: "Я признаю, что совершил много ошибок. Я совершил их, потому что я человек, а всем людям свойственно ошибаться; но я торжественно заявляю вам, что ни один из них не проистекал из злых или нечестных побуждений, и что ничего подобного не будет найдено во всем моем поведении".

ЗАКОН В АВТОМОБИЛЕ, ЗАПРЯЖЕННОМ ПЕТУХАМИ. 14

Через два-три дня после его отъезда регент прислал ему очень любезное письмо, разрешая покинуть королевство, когда ему будет угодно, и сообщая, что он приказал подготовить его паспорта. В то же время он предложил ему любую сумму денег, которая может ему понадобиться. Лоу почтительно отказался от денег и отправился в Брюссель в почтовой карете, принадлежащей мадам де При, любовнице герцога Бурбонского, в сопровождении шести конных гвардейцев. Оттуда он отправился в Венецию, где пробыл несколько месяцев, став объектом величайшего любопытства жителей, которые считали его обладателем огромного богатства. Однако никакое мнение не могло быть более ошибочным. С большей щедростью, чем можно было ожидать от человека, который большую часть своей жизни был исповедующим азартные игры, он отказался обогащаться за счет разоренного народа. Во

время ажиотажного спроса на акции Миссисипи он не сомневался в конечном успехе своих проектов по превращению Франции в самую богатую и могущественную страну Европы. Все свои доходы он вложил в покупку земельных владений во Франции - верное доказательство его веры в стабильность своих планов. Он не хранил ни тарелок, ни драгоценностей и не отправлял деньги, подобно бесчестным дельцам, в чужие страны. Все его состояние, за исключением одного бриллианта стоимостью около пяти-шести тысяч фунтов стерлингов, было вложено во французскую землю, и когда он покинул эту страну, то оставил ее почти нищей. Уже один этот факт должен спасти его память от обвинения в безрассудстве, так часто и так несправедливо выдвигаемого против него.

Как только стало известно о его отъезде, все его имения и ценная библиотека были конфискованы. Среди прочего, аннуитет в 200 000 ливров (8000 фунтов стерлингов) на жизнь его жены и детей, купленный за пять миллионов ливров, был конфискован, несмотря на то, что специальный эдикт, составленный с этой целью в дни его процветания, прямо объявил, что он никогда не должен быть конфискован ни по какой причине. В народе возникло большое недовольство тем, что Лоу удалось избежать наказания. Толпа и парламент были бы рады видеть его повешенным. Те немногие, кто не пострадал от коммерческой революции, радовались, что *шарлатан* покинул страну; но все те (а они были наиболее многочисленны), чьи судьбы были затронуты, сожалели, что его глубокое знание бедственного положения страны и причин, которые привели к нему, не помогло найти более эффективное средство.

На заседании Совета финансов и Генерального совета регентства на стол были положены документы, из которых следовало, что количество банкнот в обращении составляет 2700 миллионов. Регент был призван объяснить, как получилось, что даты выпуска этих банкнот не совпадают с датами эдиктов, которыми они были санкционированы. Он мог бы спокойно взять всю вину на себя, но предпочел, чтобы доля вины легла на отсутствующего человека; поэтому он заявил, что Лоу по собственной инициативе выпустил 1200 миллионов банкнот в разное время и что он (регент), видя, что дело сделано безвозвратно, отстранил Лоу, отменив декреты совета, санкционировавшие увеличение. Было бы больше пользы, если бы он сказал всю правду, когда он об этом, и признал, что в основном из-за его экстравагантности и нетерпения Лоу был побужден переступить границы безопасных спекуляций. Было также установлено, что государственный долг на 1 января 1721 года составлял 3100 миллионов ливров, или более 124 000 000 фунтов стерлингов, а проценты по нему - 3 196 000 фунтов. Немедленно была назначена комиссия, или *виза*, для изучения всех ценных бумаг государственных кредиторов, которые должны были быть разделены на пять классов; первые четыре включали тех, кто приобрел свои бумаги на реальные средства, а последние - тех, кто не мог представить доказательств того, что заключенные ими сделки были реальными и *добросовестными*. Ценные бумаги последних было приказано уничтожить, а ценные бумаги первых четырех классов были подвергнуты самой строгой и ревностной проверке. Результатом трудов *визави* стал отчет, в котором они советовали снизить проценты по этим ценным бумагам до пятидесяти шести миллионов ливров. Этот совет они обосновали изложением различных фактов казнокрадства и вымогательства, которые они обнаружили; соответствующий эдикт был опубликован и должным образом зарегистрирован парламентами королевства.

Д'АРГЕНСОН.

После этого был учрежден еще один трибунал под названием *Арсенальная палата*, который рассматривал все махинации, совершенные в финансовых департаментах правительства в течение последнего несчастного периода. Мастер запросов по имени Фальоне, а также аббат Клеман и два служащих у них в подчинении были замешаны в различных махинациях на сумму до миллиона ливров. Первые двое были приговорены к обезглавливанию, а последний - к повешению; однако впоследствии наказание было заменено пожизненным заключением в Бастилии. Было выявлено множество других фактов нечестности, которые были наказаны штрафом и тюремным заключением.

Д'Аргенсон разделил с Лоу и регентом непопулярность, настигшую всех, кто был причастен к безумию на Миссисипи. Его отстранили от должности канцлера, чтобы освободить место для д'Агессо; но он сохранил титул Хранителя Печати, и было разрешено присутствовать на советах, когда ему заблагорассудится. Однако он счел за лучшее удалиться из Парижа и некоторое время вести уединенную жизнь в своем загородном поместье. Но он не был создан для отшельничества; став угрюмым и недовольным, он усугубил болезнь, от которой долго мучился, и умер менее чем через двенадцать месяцев. Население Парижа так ненавидело его, что пронесло свою ненависть даже до его могилы. Когда его похоронная процессия направлялась к церкви Святого Николая дю Шардоннере, месту захоронения его семьи, ее настигла буйная толпа, и два его сына, следовавшие в качестве главных скорбящих, были вынуждены ехать по улице так быстро, как только могли, чтобы избежать насилия.

Что касается Лоу, то в течение некоторого времени он питал надежду, что его отзовут во Францию, чтобы помочь установить ее кредит на более прочной основе. Смерть регента в 1723 году, который внезапно скончался, когда он сидел у камина и беседовал со своей любовницей, герцогиней де Фаларис, лишила его этой надежды, и он был вынужден вести прежнюю азартную жизнь. Он не раз был вынужден заложить свой бриллиант, единственный остаток своего огромного богатства, но удачная игра обычно позволяла ему выкупить его. Преследуемый своими кредиторами в Риме, он отправился в Копенгаген, где получил разрешение от английского министерства на проживание в родной стране, поскольку в 1719 году ему было выслано прощение за убийство мистера Уилсона. Его привезли на адмиральском корабле - обстоятельство, послужившее поводом для коротких дебатов в палате лордов. Граф Кониингсби жаловался, что человеку, отрекшемуся от своей страны и религии, оказывают такие почести, и выражал уверенность, что его присутствие в Англии в то время, когда народ так обескуражен гнусными действиями директоров Южного

моря, будет сопряжено с немалой опасностью. Он уведомил о ходатайстве по этому вопросу; но оно было отклонено, поскольку никто из членов палаты не проявил ни малейшего участия в опасениях его светлости. Лоу оставался в Англии около четырех лет, а затем отправился в Венецию, где умер в 1729 году в весьма стесненных обстоятельствах. В то время была написана следующая эпитафия:

"Ci gît cet Ecossais célèbre,

Ce calculateur sans égal,

Qui, par les règles de l'algèbre,

A mis la France à l'hôpital".

Его брат, Уильям Лоу, который вместе с ним занимался управлением банком и Луизианской компанией, был заключен в Бастилию за предполагаемые махинации, но его вина так и не была доказана. Он был освобожден через пятнадцать месяцев, и стал основателем семьи, которая до сих пор известна во Франции под титулом маркизов Лористон.

ШЕЮ ИЛИ НИЧЕГО.15

В следующей главе вы найдете рассказ о безумии, которое охватило народ Англии в то же время и при очень похожих обстоятельствах, но которое, благодаря энергии и здравому смыслу конституционного правительства, привело к результатам гораздо менее катастрофическим, чем те, что наблюдались во Франции.

ДОМ НА ЮГЕ МОРЯ.

ПУЗЫРЬ ЮЖНОГО МОРЯ.

Содержание

В конце концов коррупция, подобно всеобщему наводнению,

Всех затопила; и скупость подкралась,

Распространилась, как низкорожденный туман, и скрыла солнце.

Государственные деятели и патриоты в равной степени играли на бирже,

Пиршество и дворецкий одинаково делили ложе;

И судьи работали, и епископы кусали город,

И могущественные герцоги собирали карты на полкроны:

Британия утопала в гнусных чарах корысти.- Поуп.

Компания Южного моря была основана знаменитым Харли графом Оксфордом в 1711 году с целью восстановления общественного кредита, пострадавшего после отставки министерства вигов, и обеспечения погашения долговых обязательств армии и флота, а также других частей плавающего долга, составлявшего почти десять миллионов стерлингов. Компания купцов, в то время еще не имевшая названия, взяла этот долг на себя, а правительство согласилось обеспечить им на определенный срок проценты в размере шести процентов. Для обеспечения этих процентов, составляющих 600 000 л. в год, были введены постоянные пошлины на вина, уксус, индийские товары, шелка, табак, китовые плавники и некоторые другие изделия. Была предоставлена монополия на торговлю в Южных морях, и компания, будучи учрежденной актом парламента, получила название, под которым она известна с тех пор. Министр ставил себе в заслугу свою долю в этой сделке, и его льстецы всегда называли эту схему "шедевром графа Оксфорда".

ХАРЛИ ГРАФ ОКСФОРДСКИЙ

Уже в этот ранний период своей истории у компании и общественности сформировались самые провидческие представления об огромных богатствах восточного побережья Южной Америки. Все слышали о золотых и серебряных рудниках Перу и Мексики; все верили, что они неисчерпаемы и что стоит только послать на побережье английские мануфактуры, как туземцы отплатят сторицей золотыми и серебряными слитками. Усердно распространяемое сообщение о том, что Испания готова уступить четыре порта на побережье Чили и Перу для целей торговли, повысило общую уверенность, и в течение многих лет акции Южноморской компании пользовались большим спросом.

Филипп V Испанский, однако, никогда не собирался допускать англичан к свободной торговле в портах Испанской Америки. Были начаты переговоры, но единственным их результатом стал контракт *assiento*, или привилегия поставлять в колонии негров в течение тридцати лет, а также отправлять раз в год судно, ограниченное как по тоннажу, так и по стоимости груза, для торговли с Мексикой, Перу или Чили. Последнее разрешение было дано только при жестком условии, что король Испании должен получать четвертую часть прибыли, а с остальной части взимать налог в размере пяти процентов. Это стало большим разочарованием для графа Оксфорда и его партии, которым гораздо чаще, чем они считали нужным, напоминали о том, что

"Parturiunt montes, nascitur ridiculus mus".

Однако общественное доверие к Южноморской компании не было поколеблено. Граф Оксфорд объявил, что в течение первого года Испания разрешит двум кораблям, в дополнение к ежегодному, перевозить товары; был опубликован список, в котором все порты и гавани этих берегов были помпезно указаны как открытые для торговли Великобритании. Первое плавание годового корабля состоялось только в 1717 году, а в следующем году торговля была пресечена из-за разрыва с Испанией.

В речи короля, произнесенной на открытии сессии 1717 года, содержались явные намеки на состояние государственного кредита и рекомендации принять надлежащие меры для сокращения национального долга. Две крупные денежные корпорации, Компания Южного моря и Банк Англии, внесли свои предложения в парламент 20 мая следующего года. South-Sea Company просила увеличить свой капитал в десять миллионов до двенадцати, по подписке или иным способом, и предлагала принять пять процентов вместо шести на всю сумму. Банк сделал не менее выгодные предложения. Палата некоторое время

дискутировала, и в итоге были приняты три закона, названные "Закон о Южном море", "Закон о банке" и "Закон об общем фонде". Согласно первому из них, предложения Компании Южного моря были приняты, и эта организация была готова предоставить два миллиона в счет погашения основной суммы и процентов по долгу штата за четыре лотерейных фонда девятого и десятого годов правления королевы Анны. В соответствии со вторым актом банк получил более низкую процентную ставку на сумму 1 775 027 л. 15 с., причитающуюся ему от государства, и согласился передать на аннулирование столько казначейских векселей, сколько составляло два миллиона стерлингов, и принять аннуитет в сто тысяч фунтов стерлингов по ставке пять процентов, который можно было погасить за один год. Кроме того, они должны были быть готовы предоставить в случае необходимости сумму, не превышающую 2 500 000 фунтов стерлингов, на тех же условиях пятипроцентного процента с правом выкупа парламентом. В Законе об общем фонде перечислялись различные недостатки, которые должны были быть восполнены за счет средств, полученных из вышеупомянутых источников.

Таким образом, имя Южноморской компании постоянно находилось на виду у общественности. Хотя торговля с южноамериканскими государствами практически не увеличивала их доходы, они продолжали процветать как денежная корпорация. Их акции пользовались большим спросом, и директора, воодушевленные успехом, начали придумывать новые способы расширения своего влияния. Миссисипская схема Джона Лоу, которая так ошеломила и очаровала французский народ, внушила им мысль, что они могут вести такую же игру в Англии. Ожидаемый провал его планов не отвлек их от задуманного. Мудрые в своем самомнении, они вообразили, что смогут избежать его ошибок, вечно осуществлять свои планы и натягивать кредитный шнур до предела, не давая ему оборваться.

Именно в то время, когда план Лоу был на пике популярности, когда люди тысячами толпились на улице Квинкампуа и разоряли себя с бешеным нетерпением, директора South-Sea представили парламенту свой знаменитый план погашения государственного долга. Видения безграничного богатства проплывали перед очарованными глазами людей в двух самых знаменитых странах Европы. Англичане начали свою карьеру экстравагантности несколько позже французов; но как только бред охватил их, они были полны решимости не уступать. 22 января 1720 года Палата общин собралась в комитет, чтобы рассмотреть ту часть речи короля на открытии сессии, которая касалась государственных долгов и предложения Южноморской компании о погашении и затоплении этих долгов. В этом предложении подробно и под несколькими заголовками излагались долги государства в размере 30 981 712 фунтов стерлингов, которые компания хотела взять на себя, заплатив пять процентов годовых и обеспечив их до середины лета 1727 года; после этого все должно было быть выкуплено по желанию законодательного органа, а проценты должны были быть снижены до четырех процентов. Предложение было принято с большим одобрением, но у Банка Англии было много друзей в Палате общин, которые желали, чтобы этот орган разделил преимущества, которые могли быть получены. От имени этой корпорации было заявлено, что они оказали большие и выдающиеся услуги государству в самые трудные времена и заслуживают, по крайней мере, того, чтобы в случае получения каких-либо преимуществ от публичных сделок такого рода им было отдано предпочтение перед компанией, которая никогда ничего не делала для нации. Дальнейшее рассмотрение этого вопроса было отложено на пять дней. Тем временем управляющие банка разработали план. Компания Южного моря, опасаясь, что банк может предложить правительству более выгодные условия, чем они сами, пересмотрела свое прежнее предложение и внесла в него некоторые изменения, которые, как они надеялись, сделают его более приемлемым. Главным

изменением было условие, что правительство может выкупить эти долги по истечении четырех лет, а не семи, как предлагалось вначале. Банк решил не уступать в этом необычном аукционе, и губернаторы также пересмотрели свое первое предложение и прислали новое.

Таким образом, каждая корпорация сделала по два предложения, и палата приступила к обсуждению. Мистер Роберт Уолпол выступал в поддержку банка, а мистер Эйслаби, канцлер казначейства, был главным защитником интересов Южноморской компании. 2 февраля было решено, что предложения последней наиболее выгодны для страны. Соответственно, они были приняты, и было дано разрешение внести соответствующий законопроект.

Биржевая аллея была в лихорадке возбуждения. Акции компании, которые накануне стоили сто тридцать, постепенно поднялись до трехсот и продолжали расти с поразительной быстротой в течение всего времени, пока обсуждался законопроект в его нескольких стадиях. Мистер Уолпол был почти единственным государственным деятелем в Палате, который смело выступил против него. Красноречивым и торжественным языком он предупреждал их о том, к каким бедам это приведет. По его словам, она поощряет "опасную практику биржевой торговли и отвлекает гений нации от торговли и промышленности. Он станет опасной приманкой для неосторожных людей, заставляя их расставаться с доходами от своего труда ради перспективы мнимого богатства". Великий принцип проекта был злом первой величины; он заключался в искусственном повышении стоимости акций путем возбуждения и поддержания всеобщей увлеченности и обещания дивидендов из средств, которые никогда не могли быть достаточными для этой цели". В пророческом духе он добавил: , что если план удастся, директора станут хозяевами правительства, сформируют новую абсолютную аристократию в королевстве и будут контролировать решения законодательной власти. Если же план провалится, в чем он был убежден, то это приведет к всеобщему недовольству и разорению страны. Заблуждение будет настолько сильным, что, когда наступит злой день, а он наступит, народ, как во сне, начнет спрашивать себя, могло ли все это быть правдой. Все его красноречие было напрасным. На него смотрели как на лжепророка или сравнивали с хриплым вороном, выкрикивающим предзнаменования зла. Друзья же сравнивали его с Кассандрой, предсказывающей зло, в которое можно было поверить только тогда, когда оно приходило домой, к очагам людей, и смотрело им в лицо за их же досками. Хотя в прежние времена зал с величайшим вниманием слушал каждое слово, слетавшее с его губ, скамьи опустели, когда стало известно, что он будет говорить по вопросу о Южном море.

СЭР РОБЕРТ УОЛПОЛ

Законопроект два месяца проходил через Палату общин. В течение этого времени директора и их друзья, а особенно председатель совета директоров, знаменитый сэр Джон Блант, прилагали все усилия, чтобы поднять цену акций. В ход пошли самые экстравагантные слухи. Говорили о договорах между Англией и Испанией, по которым последняя должна была предоставить свободную торговлю всем своим колониям, а богатая продукция рудников Потоси-ла-Пас должна была доставляться в Англию, пока серебро не станет почти таким же, как железо. Для производства хлопка и шерстяных изделий, которыми мы могли снабжать их в изобилии, жители Мексики должны были опустошать свои золотые рудники. Компания купцов, торгующих в Южных морях, стала бы самой богатой в мире, и каждая сотня фунтов, вложенная в нее, приносила бы владельцу акций сотни фунтов в год. В конце концов акции были подняты этими способами почти до четырехсот, но, после значительных колебаний, установились на уровне трехсот тридцати, и по этой цене они оставались, когда билль прошел в палате общин большинством в 172 против 55.

В Палате лордов законопроект прошел все стадии с беспрецедентной быстротой. 4 апреля он был прочитан в первый раз, 5-го - во второй, 6-го - принят к рассмотрению, 7-го - прочитан в третий раз и принят.

Несколько пэров горячо выступили против этого плана, но их предостережения попали в тупые, холодные уши. Спекулятивное безумие охватило их так же, как и плебеев. Лорды Норт и Грей заявили, что законопроект несправедлив по своей сути и может оказаться фатальным по своим последствиям, поскольку рассчитан на обогащение немногих и обнищание многих. За ним последовал герцог Уортон; но поскольку он лишь повторил аргументы, столь красноречиво изложенные Уолполом в нижней палате, его не слушали даже с тем вниманием, которое было уделено лордам Норту и Грею. Граф Коупер выступил на той же стороне и сравнил законопроект со знаменитым конем при осаде Трои. Как и тот, он был введен и принят с большой помпой и радостными восклицаниями, но нес в себе предательство и разрушение. Граф Сандерленд постарался ответить на все возражения; и когда вопрос был поставлен, оказалось, что всего семнадцать пэров против, а восемьдесят три - за проект. В тот же день, когда законопроект прошел через лордов, он получил королевскую санкцию и стал законом страны.

В то время казалось, что вся страна превратилась в биржевых джобберов. Биржевая аллея каждый день забивалась толпами, а Корнхилл становился непроходимым из-за количества карет. Все приходили покупать акции. "Каждый дурак стремился стать плутом". В словах баллады, опубликованной в то время и распеваемой на [улицах](#)¹⁶

"Тогда звезды и подвязки появились

Среди низкого сброда;

Чтобы покупать и продавать, видеть и слышать

Иудеи и язычники ссорились.

Сюда приезжали самые большие дамы,

И на колесницах ежедневно катались,

Или закладывали свои драгоценности.

Чтоб на аллее рискнуть".

Неумеренную жажду наживы, поразившую все слои общества, не удалось утолить даже на Южном море. В ход пошли другие, самые экстравагантные схемы. Списки акций быстро заполнялись, и торговля ими велась в огромных масштабах, при этом, разумеется, использовались все средства, чтобы поднять их стоимость на рынке до искусственного уровня.

КОРНХИЛЛ, 1720 ГОД.

Вопреки всем ожиданиям, акции South-Sea упали, когда билль получил королевскую санкцию. 7 апреля акции котировались по триста десять, а на следующий день - по двести девяносто. Директора уже почувствовали вкус прибыли от своей затеи, и было маловероятно, что они спокойно позволят акциям обрести свой естественный уровень, не предпринимая усилий по их повышению. Немедленно к работе приступили их деловитые эmissары. Каждый человек, заинтересованный в успехе проекта, старался собрать вокруг себя узел слушателей, которым он рассказывал о сокровищах южноамериканских морей. Биржевая аллея была заполнена внимательными группами. Один только слух, утверждаемый с предельной уверенностью, оказал немедленный эффект на акции. Говорили, что граф Стэнхоуп получил во Франции предложения от испанского правительства обменять Гибралтар и Порт-Магон на некоторые места на побережье Перу, чтобы обезопасить и расширить торговлю в Южных морях. Вместо того чтобы ежегодно отправлять в эти порты один корабль и отчислять королю Испании двадцать пять процентов от прибыли, компания могла строить и фраговать столько кораблей, сколько пожелает, и не платить никаких процентов ни одному иностранному государству.

"Перед глазами заплескали слитки, и акции стремительно пошли вверх.

и акции стремительно росли. 12 апреля, через пять дней после того, как законопроект стал законом, директора открыли свои книги для подписки на миллион, из расчета 300 фунтов

стерлингов на каждые 100 фунтов капитала. Набралось столько людей всех сословий, что эта первая подписка составила более двух миллионов первоначальных акций. Она должна была быть оплачена пятью платежами по 60 фунтов стерлингов за каждые 100 фунтов. Через несколько дней акции достигли трехсот сорока, и подписки были проданы за двойную цену первого платежа. Чтобы поднять акции еще выше, на общем собрании директоров 21 апреля было объявлено, что дивиденды в середине лета должны составлять десять процентов, и что все подписчики должны иметь право на такую же сумму. Эти постановления, отвечающие цели, были приняты, и директора, чтобы усилить энтузиазм богатых людей, открыли свои книги для второй подписки на миллион, под четыреста процентов. Люди всех сословий с таким нетерпением ждали возможности спекулировать этими средствами, что в течение нескольких часов по этой ставке было подписано не менее полутора миллионов.

Тем временем повсюду стали возникать бесчисленные акционерные общества. Вскоре они получили название "Пузыри", самое подходящее, какое только могло придумать воображение. Население часто бывает счастливо в своих прозвищах. Ни одно из них не может быть более подходящим, чем "Пузыри". Некоторые из них продержались неделю или две недели, и о них больше ничего не было слышно, а другие не смогли прожить и этого короткого срока. Каждый вечер рождались новые планы, а каждое утро - новые проекты. Представители высшей аристократии были так же увлечены этой жаркой погоней за выгодой, как и самый заурядный работяга на Корнхилле. Принц Уэльский стал управляющим одной из компаний и, как говорят, заработал на своих спекуляциях 40 000 фунтов стерлингов.¹⁷ Герцог Бриджуотер начал реализацию плана по благоустройству Лондона и Вестминстера, а герцог Чандос - другого. Было около сотни различных проектов, каждый из которых был более экстравагантным и обманчивым, чем другой. Говоря словами "Политического государства", они были "запущены и продвигались хитрыми плутами, затем их преследовали толпы жадных глупцов, и в конце концов они оказались в действительности тем, чем их вульгарное название обозначало их - пузырями и простыми обманами". Было подсчитано, что в результате этих необоснованных действий было выиграно и проиграно около полутора миллионов стерлингов, что привело к обнищанию многих глупцов и обогащению многих мошенников.

Некоторые из этих схем были достаточно правдоподобны, и, если бы они были предприняты в то время, когда общественное мнение не было возбуждено, их можно было бы реализовать с выгодой для всех заинтересованных сторон. Но они были созданы лишь для того, чтобы поднять акции на рынке. Проектировщики воспользовались первой же возможностью повышения курса, чтобы распродать акции, и на следующее утро их затее пришел конец. Мейтланд в своей "Истории Лондона" серьезно сообщает нам, что одним из проектов, получивших большое поощрение, было создание компании "по изготовлению торговых досок из древесной пыли". Это, несомненно, шутка, но есть множество свидетельств того, что десятки проектов, едва ли более разумных, прожили свой маленький день, разорив сотни людей, прежде чем пали. Один из них касался колеса для вечного двигателя с капиталом в один миллион; другой - "для поощрения разведения лошадей в Англии, улучшения глебов и церковных земель, ремонта и перестройки пасторалей и викариев". Почему духовенство, которое в основном интересовалось последним пунктом, должно было проявлять такой большой интерес к первому, можно объяснить только предположением, что схема была разработана узлом парсонов, занимающихся охотой на лис, которые когда-то были так распространены в Англии. Акции этой компании были быстро раскуплены. Но самой абсурдной и нелепой из всех, которая более других показала полное безумие людей, была компания, созданная неизвестным авантюристом и озаглавленная "Компания для осуществления выгодного дела, но никто не должен знать, в чем оно заключается". Если бы

этот факт не был подтвержден десятками достоверных свидетелей, невозможно было бы поверить, что хоть один человек мог быть обманут подобным проектом. Гениальный человек, предпринявший этот смелый и успешный выпад против общественного доверия, просто указал в своем проспекте, что требуемый капитал составляет полмиллиона, в пяти тысячах акций по 100 фунтов стерлингов каждая, депозит 2 фунта за акцию. Каждый подписчик, оплатив свой депозит, будет иметь право на 100 л. годовых на акцию. Каким образом будет получена эта огромная прибыль, он не соизволил сообщить им в тот момент, но пообещал, что через месяц все подробности будут должным образом объявлены, и объявил конкурс на оставшиеся 98 фунтов подписки. На следующее утро, в девять часов, этот великий человек открыл офис на Корнхилле. Толпы людей окружили его дверь, а когда он закрылся в три часа, то обнаружил, что не менее тысячи акций были подписаны, и депозиты выплачены. Таким образом, за пять часов он стал обладателем 2000 л. Он был достаточно философски настроен, чтобы удовлетвориться своей затеей, и в тот же вечер отправился на континент. Больше о нем никогда не слышали.

Свифт мог бы воскликнуть, сравнивая Change Alley с заливом в Южном море:

"Подписчики тысячами плывут сюда,
И толкают друг друга вниз,
Каждый гребет в своей дырявой лодке,
Здесь они ловят рыбу в поисках золота и тонут.
Теперь они погребены в глубинах,
то снова поднимаются к небесам,
Они то наматывают круги, то шатаются,
как пьяные.
А в это время на скалах Гаррауэя,
дикая раса, вскормленная кораблекрушениями,
подстерегают затонувшие скалы,
И обдирают тела мертвецов".

Еще одним успешным мошенничеством были "глобусные *разрешения*", как их называли. Они представляли собой не что иное, как квадратные куски игральных карт, на которых был оттиск сургучной печати с вывеской таверны "Глобус", расположенной по соседству с Биржевой аллеей, и надписью "Разрешение на парусную ткань". Владельцы не получали от них никакой другой выгоды, кроме разрешения подписаться в будущем на новую мануфактуру по производству парусины, которую проектировал один человек, известный в то время как человек с большим состоянием, но впоследствии замешанный в махинациях и наказании директоров Южного моря. Эти разрешения продавались в переулке за шестьдесят гиней.

Знатные люди обоих полов принимали самое активное участие во всех этих кипучих делах; мужчины ходили в таверны и кофейни, чтобы встретиться со своими маклерами, а дамы с той же целью заходили в лавки мельников и галантерейщиков. Но из этого вовсе не следовало, что все эти люди верили в осуществимость схем, на которые они подписывались; для их

целей было достаточно, чтобы их акции, благодаря искусству биржевых маклеров, вскоре были бы подняты до уровня премии, когда они избавились бы от них со всей целесообразностью для действительно легковых. Толпа в переулке была так сильно смята, что акции одного и того же пузыря в один и тот же момент продавались на десять процентов дороже в одном конце переулочка, чем в другом. Здравомыслящие люди смотрели на необычайную увлеченность людей с печалью и тревогой. В парламенте и вне его были и такие, кто ясно предвидел надвигающееся разорение. Мистер Уолпол не прекращал своих мрачных предчувствий. Его опасения разделяли все думающие люди, и они с особой силой воздействовали на правительство. 11 июня, в день восстания парламента, король опубликовал прокламацию, в которой объявил, что все эти незаконные проекты должны считаться общественным вредительством и преследоваться по закону, а также запретил любому маклеру под страхом штрафа в пятьсот фунтов покупать или продавать акции этих компаний. Несмотря на эту прокламацию, мошенники-спекулянты продолжали их проворачивать, а обманутые люди - поощрять. 12 июля был опубликован приказ лордов-судей, собравшихся в Тайном совете, в котором отклонялись все петиции, поданные на получение патентов и хартий, и распускались все компании-пузыри. Следующая копия приказа их светлостей, содержащая перечень всех этих гнусных проектов, не будет считаться неинтересной в настоящее время, когда периодически в общественном сознании проявляется слишком большая склонность к подобным действиям:

"В зале Совета, Уайтхолл, 12-й день июля 1720 года. Присутствуют их превосходительства лорды-судьи в Совете.

"Их превосходительства лорды-судьи в совете, принимая во внимание многочисленные неудобства, возникающие для общества в связи с несколькими проектами по созданию акционерных обществ для различных целей, и что многие подданные его величества были привлечены к расставанию со своими деньгами под предлогом заверений в том, что их прошения о патентах и хартиях, позволяющих им осуществлять то же самое, будут удовлетворены: чтобы предотвратить подобные навязывания, их превосходительства в этот день приказали представить им указанные несколько ходатайств вместе с полученными по ним отчетами от Торгового совета, поверенного его величества и генерального солиситора; и после их зрелого рассмотрения, по совету Тайного совета его величества, им было угодно распорядиться, чтобы указанные ходатайства были отклонены, а именно:

"1. Петиция нескольких лиц, молящих о выдаче патента на ведение рыболовного промысла под названием "Великий рыболовный промысел Великобритании".

"2. Ходатайство Компании Королевского рыболовства Англии о предоставлении дополнительных полномочий, которые будут способствовать ведению упомянутого рыболовства".

"3. Ходатайство Джорджа Джеймса, от своего имени и от имени различных лиц, имеющих отношение к национальному рыболовству, с просьбой о выдаче ему регистрационной грамоты, чтобы дать им возможность заниматься тем же самым.

"4. Петиция нескольких купцов, торговцев и других лиц, чьи имена подписаны, с просьбой об учреждении для возрождения и ведения китового промысла в Гренландии и других местах.

"5. Петиция сэра Джона Ламберта и других лиц, подписавшихся под ней, от своего имени и от имени большого числа купцов, с просьбой о создании корпорации для

ведения гренландской торговли, и в частности китового промысла в проливе Дэвиса.

"6. Еще одно прошение о гренландской торговле.

"7. Петиция нескольких купцов, джентльменов и граждан, молящих об объединении для покупки и строительства кораблей для сдачи в аренду или фрахта.

"8. Петиция Сэмюэля Антрима и других, молящих о выдаче патента на посев конопли и льна.

"9. Ходатайство нескольких купцов, мастеров кораблей, изготовителей парусов и парусины, с просьбой выдать им хартию об учреждении, чтобы они могли вести и развивать упомянутую мануфактуру на основе совместного капитала.

"10. Ходатайство Томаса Бойда и нескольких сотен купцов, владельцев и хозяев кораблей, изготовителей парусов, ткачей и других торговцев, с просьбой выдать им учредительную хартию, позволяющую им занимать деньги для покупки земель, чтобы производить парусину и тонкую голландию.

"11. Петиция от имени нескольких лиц, заинтересованных в патенте, выданном покойным королем Вильгельмом и королевой Марией на производство льна и парусины, с просьбой не выдавать хартию каким бы то ни было лицам на производство парусины, но подтвердить привилегию, которой они пользуются сейчас, а также предоставить им дополнительные полномочия на производство хлопка и хлопкового шелка.

"12. Петиция нескольких граждан, купцов и торговцев в Лондоне и других лиц, подписчиков британской акции по общему страхованию от огня в любой части Англии, с просьбой об инкорпорации для осуществления указанного предприятия.

"13. Петиция нескольких верных подданных его величества из города Лондона и других частей Великобритании, молящих о том, чтобы их зарегистрировали для осуществления общего страхования от убытков в результате пожара в пределах королевства Англия.

"14. Петиция Томаса Сёрджеса и других подданных его величества, подписавшихся от своего имени и от имени других подписчиков на фонд в 1 200 000 л. для ведения торговли с германскими владениями его величества, с просьбой об учреждении компании под названием "Гарбургская компания".

"15. Ходатайство Эдварда Джонса, торговца древесиной, от своего имени и от имени других лиц, с просьбой об учреждении компании для импорта древесины из Германии.

"16. Петиция нескольких лондонских купцов, молящих об учреждении хартии для ведения солеваренного дела.

"17. Петиция капитана Макфедриса, лондонского купца, от своего имени и от имени нескольких купцов, суконщиков, шляпников, красильщиков и других торговцев, с просьбой выдать им учредительную грамоту, позволяющую собрать достаточную сумму денег для покупки земель для посадки и выращивания дерева, называемого маддер, для использования красильщиками.

"18. Прошение Джозефа Галендо из Лондона, изготовителя нюхательного табака, о выдаче патента на его изобретение по приготовлению и лечению виргинского табака для нюхательного табака в Виргинии и изготовлению такового во всех владениях его величества."

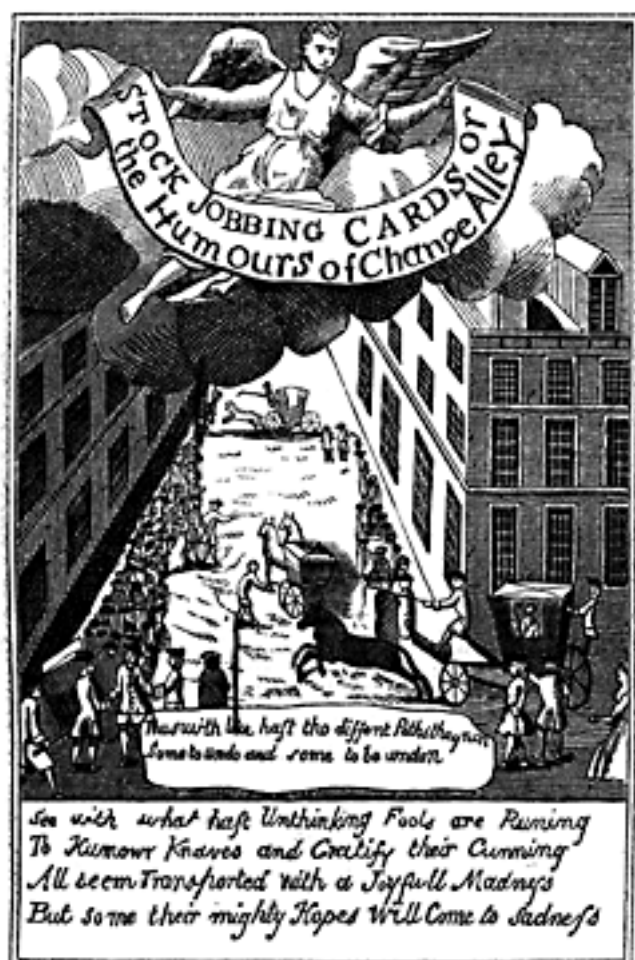
Список пузырьков.

Этим же указом следующие пузырьные компании были объявлены незаконными и соответственно упразднены:

1. Для импорта шведского железа.
2. Для снабжения Лондона морским углем. Капитал - три миллиона.
3. За строительство и перестройку домов по всей Англии Капитал, три миллиона.
4. На изготовление муслина.
5. Для продолжения и улучшения английских квасцовых заводов.
6. Для окончательного заселения острова Бланко и Сал Тартагус.
7. Для снабжения города Дил пресной водой.
8. За импорт кружев из Фландрии.
9. Для улучшения земель в Великобритании. Капитал - четыре миллиона.
10. Для поощрения разведения лошадей в Англии, улучшения глебских и церковных земель, а также для ремонта и перестройки домов пасторов и викариев.
11. Для производства железа и стали в Великобритании,
12. Для улучшения земель в графстве Флинт. Капитал - один миллион.
13. На покупку земель для строительства. Капитал, два миллиона.
14. Для торговли волосами.
15. Для возведения солеварни на Святом острове. Капитал - два миллиона.
16. Для покупки и продажи поместий и выдачи денег под залог.
17. За осуществление выгодного предприятия, но никто не знает, в чем оно заключается.
18. За мощение улиц Лондона. Капитал - два миллиона.
19. За организацию похорон в любой части Великобритании.
20. За покупку и продажу земель и предоставление денег под проценты. Капитал - пять миллионов.
21. Для ведения королевского рыболовства Великобритании. Капитал, десять миллионов.
22. Обеспечение заработной платы моряков.
23. Для создания ссудных касс для помощи и поощрения трудолюбивых. Капитал, два миллиона.
24. На покупку и улучшение арендованных земель. Капитал, четыре миллиона.
25. Для импорта смолы и дегтя, а также других военно-морских товаров из Великобритании и Америки.
26. Для торговли одеждой, войлоком и пантилем.
27. На покупку и улучшение поместья и королевских владений в Эссексе.
28. На страхование лошадей. Капитал - два миллиона.
29. Для экспорта шерстяных изделий и импорта меди, латуни и железа. Капитал - четыре миллиона.
30. Для большой амбулатории. Капитал, три миллиона.
31. Для возведения мельниц и приобретения свинцовых рудников. Капитал, два миллиона.
32. На усовершенствование искусства изготовления мыла.
33. На поселение на острове Санта-Крус.

34. На проходку шурфов и выплавку свинцовой руды в Дербишире.
35. На изготовление стеклянных бутылок и другого стекла.
36. На колесо для вечного двигателя. Капитал - один миллион.
37. На улучшение садов.
38. Для страхования и увеличения состояния детей.
39. Для ввоза и погрузки товаров на таможне, а также для ведения переговоров с купцами.
40. Для ведения шерстяного производства на севере Англии.
41. За ввоз ореховых деревьев из Виргинии, капитал - два миллиона.
42. За изготовление манчестерских тканей из ниток и хлопка.
43. За изготовление мыла Joppa и Castile.
44. Для улучшения кованого железа и стальных мануфактур этого королевства. Капитал четыре миллиона.
45. Для торговли кружевами, голландами, кембриками, газонами и т. д. Капитал два миллиона.
46. Для торговли и улучшения некоторых товаров, производимых в этом королевстве, и т. д. Капитал - три миллиона.
47. Для снабжения лондонских рынков скотом.
48. Для изготовления зазеркалья, каретных очков и т. д. Капитал - два миллиона.
49. Для разработки оловянных и свинцовых рудников в Корнуолле и Дербишире.
50. Для производства рапсового масла.
51. Для импорта бобрового меха. Капитал, два миллиона.
52. Для производства картона и упаковочной бумаги.
53. Для импорта масел и других материалов, используемых в шерстяном производстве.
54. Для улучшения и увеличения шелковых мануфактур.
55. Для ссуды денег под акции, аннуитеты, тальи и т. д.
56. Для выплаты пенсий вдовам и другим лицам с небольшой скидкой. Капитал - два миллиона.
57. Для улучшения солодовых ликеров. Капитал, четыре миллиона.
58. Для грандиозного американского рыболовства.
59. На покупку и улучшение фенских земель в Линкольншире. Капитал, два миллиона.
60. Для улучшения бумажного производства Великобритании.
61. Компания "Боттомри".
62. За сушку солода горячим воздухом.
63. Для ведения торговли на реке Оронооко.
64. Для более эффективного изготовления байки в Колчестере и других частях Великобритании.
65. За закупку военно-морских товаров, снабжение продовольствием и выплату жалованья рабочим.
66. Для найма бедных ремесленников и снабжения купцов и других людей часами.
67. Для улучшения обработки земли и разведения скота.
68. Другой - для улучшения породы лошадей.
69. Еще один для страхования лошадей.

70. Для ведения торговли кукурузой в Великобритании.
71. Для страхования всех хозяев и хозяек от убытков, которые они могут понести из-за слуг. Капитал - три миллиона.
72. На возведение домов или больниц для приема и содержания незаконнорожденных детей. Капитал, два миллиона.
73. Для отбеливания грубого сахара без применения огня и потери вещества.
74. Для строительства верховых дорог и пристаней в Великобритании.
75. Для страхования от краж и грабежей.
76. Для извлечения серебра из свинца.
77. Для изготовления фарфора и делфтской посуды. Капитал - один миллион.
78. Для импорта табака и его последующего экспорта в Швецию и на север Европы. Капитал - четыре миллиона.
79. Для производства железа из каменного угля.
80. Для снабжения городов Лондона и Вестминстера сеном и соломой. Капитал, три миллиона.
81. Для мануфактуры парусов и упаковочной ткани в Ирландии.
82. Для приема балласта.
83. На покупку и оснащение кораблей для подавления пиратов.
84. Для ввоза древесины из Уэльса. Капитал, два миллиона.
85. Для производства каменной соли.
86. За превращение зыбучего серебра в ковкий тонкий металл.

АЛЛЕЯ ПЕРЕМЕН.18

Кроме этих пузырей, ежедневно возникало множество других, несмотря на осуждение правительства и насмешки все еще здравомыслящей части общества. Типографии изобиловали карикатурами, а газеты - эпиграммами и сатирами на распространенную глупость. Один изобретательный карточный мастер выпустил пачку игровых карт "Южное море", которые теперь встречаются крайне редко; каждая карта, помимо обычных фигурок, содержала в одном углу карикатуру на компанию по производству пузырей очень маленького размера с соответствующими стихами под ней. Одним из самых известных пузырьков была "Машинная компания Пакля", выпускавшая круглые и квадратные пушечные ядра и пули и совершившая полный переворот в военном искусстве. Ее претензии на благосклонность публики сводились к восьмерке пик:

"Редкое изобретение - уничтожить толпу

дураков дома, а не дураков за границей.

Не бойтесь, друзья мои, этой ужасной машины,

Ранены лишь те, кто имеет в ней долю".

КАРИКАТУРА НА ДЕРЕВО19

Девятка сердец представляла собой карикатуру на Английскую медную и латунную компанию со следующей эпиграммой:

"Глупец, что хочет быть менялой

Золотых и серебряных монет на английскую медь,

Может в Переулке перемен показать себя ослом,

И выдать богатый металл за взрослую латунь".

Восьмерка бубнов отметила компанию по колонизации Акадии такой шуткой:

"Тот, кто богат и хочет надуть

Хорошую круглую сумму в Северной Америке,

Пусть запишется в дольщики,

И ослиные уши будут честью для него и его носителя".

И в таком же стиле каждая карта из колоды разоблачала какую-нибудь коварную затею и высмеивала людей, которые становились ее жертвами. Было подсчитано, что общая сумма, предложенная для реализации этих проектов, составила до трехсот миллионов стерлингов.

КУПЕЧЕСКИЙ ШЛЮЗ

Пора, однако, вернуться к великому заливу Южного моря, поглотившему состояния стольких тысяч скупых и легковверных. 29 мая акции компании поднялись до пятисот, и около двух третей правительственных пенсионеров обменяли ценные бумаги государства на ценные бумаги компании South-Sea. В течение всего мая акции продолжали расти, и 28 числа они котировались по пятьсот пятьдесят. Через четыре дня после этого они совершили невероятный скачок, внезапно поднявшись с пятисот пятидесяти до восьмисот девяноста. Теперь, по общему мнению, акции не могли подняться выше, и многие воспользовались этой

возможностью, чтобы распродать их и получить свою прибыль. Многие дворяне и лица, находившиеся в свите короля и собиравшиеся сопровождать его в Ганновер, также стремились продать акции. 3 июня на аллее появилось так много продавцов и так мало покупателей, что акции сразу упали с восьмисот девяноста до шестисот сорока. Директора встревожились и отдали своим агентам приказ покупать. Их усилия увенчались успехом. Ближе к вечеру доверие восстановилось, и акции выросли до семисот пятидесяти. По этой цене, с небольшими колебаниями, они оставались до закрытия бухгалтерских книг компании 22 июня.

Было бы излишне и неинтересно подробно описывать различные приемы, использованные директорами для поддержания цены акций. Достаточно будет сказать, что в итоге она выросла до тысячи процентов. По этой цене они котировались в начале августа. Пузырь был уже надут и начал дрожать и трястись, готовясь лопнуть.

Многие из правительственных аннуитетов выразили недовольство директорами. Они обвиняли их в предвзятости при составлении списков на акции по каждой подписке. Дополнительное беспокойство вызвало то, что стало известно, что председатель совета директоров сэр Джон Блант и некоторые другие продали акции. В течение всего августа акции падали, и 2 сентября они котировались всего по семьсот.

Положение дел стало тревожным. Чтобы предотвратить, по возможности, полное исчезновение общественного доверия к своим действиям, директора созвали общий суд всей корпорации, который собрался в зале "Купеческие портные" 8 сентября. К девяти часам утра помещение было заполнено до отказа; Чипсайд перегородила толпа, не имевшая возможности попасть внутрь, и царило сильнейшее волнение. Директора и их друзья собрались в большом количестве. Сэр Джон Феллоуз, субгубернатор, был вызван на сцену. Он ознакомил собравшихся с причиной их встречи, зачитал им несколько постановлений суда директоров и дал отчет об их работе, о поступлении в выкупные и невыкупные фонды и о подписке деньгами. Затем господин секретарь Крэгг произнес короткую речь, в которой высоко оценил поведение директоров и подчеркнул, что ничто не может более эффективно способствовать доведению этой схемы до совершенства, чем единение между собой. В заключение он поблагодарил суд директоров за их благоразумное и умелое управление и пожелал им действовать так, как они сочтут нужным для интересов и выгод корпорации. Мистер Хунгерфорд, который в Палате общин очень ярко проявил себя благодаря своему рвению в интересах компании South-Sea и которого проницательно подозревали в том, что он извлек немалую выгоду, угадав подходящий момент для продажи, был очень красноречив по этому поводу. Он сказал, что видел взлеты и падения, упадок и возрождение многих сообществ подобного рода, но, по его мнению, ни одно из них не совершило таких чудесных дел за столь короткий срок, как компания "Саут-Си". Они сделали больше, чем могли бы сделать корона, кафедра или скамья подсудимых. Они примирили все партии в одном общем интересе; они усыпили, если не полностью погасили, все внутренние противоречия и вражду нации. Благодаря росту их акций денежные люди значительно увеличивали свои состояния; деревенские джентльмены видели, как стоимость их земель удваивалась и утраивалась в их руках. В то же время они приносили пользу церкви, и не один преподобный священнослужитель получил благодаря этому проекту большие суммы. Короче говоря, они обогатили всю нацию и, как он надеялся, не забыли о себе. На последнюю часть этой речи, которая по экстравагантности своей хвалебной речи была далека от сатиры, было обращено некоторое шипение; но директора и их друзья, а также все победители в зале горячо аплодировали. Герцог Портлендский говорил в том же духе и выражал удивление, почему кто-то должен быть недоволен; разумеется, он был победителем в своих спекуляциях и

находился в таком же состоянии, как толстый олдермен из "Шуток Джо Миллера", который, когда съедал хороший обед, складывал руки на пузе и выражал сомнение, что на свете может быть голодный человек.

МР. СЕКРЕТАРЬ КРЭГГС.

На этом собрании было принято несколько резолюций, но они не оказали никакого влияния на общественность. Вечером того же дня акции упали до шестисот сорока, а на следующий день - до пятисот сорока. День за днем они продолжали падать, пока не опустились до четырехсот. В письме мистера Бродерика, члена парламента, лорду-канцлеру Миддлтоу от 13 сентября, опубликованном в книге Кокса "Уолпол", первый пишет: "Есть разные предположения, почему директора "Саут-Си" допустили, чтобы облако разошлось так рано. Я не сомневался, что они сделают это, когда найдут в этом свою выгоду. Они так растянули кредит, что спекуляций оказалось недостаточно для его поддержания. Их самые значительные люди ушли, обезопасив себя за счет потерь заблуждающихся, легкомысленных, чье понимание было подавлено жадностью и надеждой сделать горы из кротовых холмов. Тысячи семей будут доведены до нищеты. Оцепенение невыразимо, ярость не поддается описанию, а ситуация в целом настолько отчаянная, что я не вижу ни одного плана или схемы, о которых можно было бы даже подумать, чтобы предотвратить удар, так что я не могу притворяться, что могу предположить, что будет сделано дальше". Через десять дней после этого, когда акции все еще падали, он пишет: "Компания еще не пришла к какому-либо решению, поскольку они находятся в таком лесу, что не знают, в какую сторону повернуть. От нескольких джентльменов, недавно приехавших в город, я узнал, что само имя человека с Южных морей становится отвратительным во всех странах. Множество золотых дел мастеров уже разбежалось, и с каждым днем их становится все больше. Я сомневаюсь, что треть, а то и четверть из них смогут это выдержать. С самого начала я основывал свое суждение обо всем этом деле на неоспоримой максиме, что десять миллионов (что больше нашей оборотной наличности) не могут обеспечить оборот двухсот миллионов, за пределами которых простирается наш бумажный кредит. Поэтому, когда бы это ни стало сомнительным, какова бы ни была причина, наша благородная государственная машина неизбежно должна рухнуть".

12 сентября, по настоятельной просьбе г-на секретаря Крэггса, состоялось несколько конференций между директорами Южного моря и директорами Банка. Распространенное сообщение о том, что последний согласился выпустить в обращение облигации компании Южного моря на шесть миллионов, вызвало рост курса акций до шестисот семидесяти; но во второй половине дня, как только стало известно, что сообщение не имеет под собой

оснований, акции снова упали до пятисот восьмидесяти, на следующий день - до пятисот семидесяти, и так постепенно до **четырёхсот20**.

Министерство было серьезно встревожено таким положением дел. Директора не могли появиться на улицах, не подвергаясь оскорблениям; ежеминутно возникали опасные беспорядки. Королю в Ганновер были отправлены депеши с просьбой о немедленном возвращении. За мистером Уолполом, который оставался в своей загородной резиденции, послали, чтобы он использовал свое известное влияние на директоров Банка Англии и побудил их принять предложение компании South-Sea о выпуске в обращение некоторого количества их облигаций.

Банк очень не хотел вмешиваться в дела компании; он боялся быть втянутым в беды, которые не мог облегчить, и принимал все предложения с видимой неохотой. Но всеобщий голос нации призывал ее прийти на помощь. Все видные деятели коммерческой политики были призваны дать совет в чрезвычайной ситуации. В итоге черновой вариант договора, составленный мистером Уолполом, был принят в качестве основы для дальнейших переговоров, и общественная тревога немного утихла.

На следующий день, 20 сентября, в Merchant Tailors' Hall состоялся общий суд компании South-Sea, на котором были приняты резолюции, уполномочивающие директоров договориться с Банком Англии или любыми другими лицами о распространении облигаций компании или заключить любое другое соглашение с Банком, которое они сочтут нужным. Один из ораторов, мистер Пултней, сказал, что очень удивительно видеть необычайную панику, охватившую народ. Люди бегали туда-сюда в тревоге и ужасе, их воображение было наполнено каким-то великим бедствием, формы и размеров которого никто не знал:

"Черная стояла ночь.

Свирепый, как десять фурий, ужасный, как ад".

На общем собрании Банка Англии, состоявшемся через два дня после этого, управляющий сообщил о нескольких совещаниях по делам Южноморской компании, добавив, что директора пока не сочли нужным принять какое-либо решение по этому вопросу. Тогда была предложена и принята без единого несогласного резолюция, уполномочивающая директоров договориться с представителями Южноморской компании о выпуске их облигаций на ту сумму, на каких условиях и в течение того времени, которое они сочтут нужным.

Таким образом, обе стороны были вправе действовать так, как они сочтут нужным в интересах общества. В Банке были открыты книги для подписки на три миллиона для поддержки государственного кредита на обычных условиях: 15 фунтов стерлингов на депозит, 3 фунта стерлингов на премию и 5 фунтов стерлингов на проценты. В первой половине дня было такое большое скопление людей, все с нетерпением несли свои деньги, что считалось, что подписка будет выполнена в тот же день; но еще до полудня ситуация изменилась. Несмотря на все, что можно было сделать, чтобы предотвратить это, акции компании South-Sea стремительно падали. Их облигации были настолько дискредитированы, что на самых известных ювелиров и банкиров начался набег, и некоторые из них, ссудив большие суммы под акции South-Sea, были вынуждены закрыть свои магазины и скрыться. Компания "Меч-лезвие", которая до сих пор была главным кассиром Южноморской компании, прекратила выплаты. Это, рассматриваемое как начало зла, вызвало большой ажиотаж в банке, который теперь был вынужден выплачивать деньги гораздо быстрее, чем они получали их по подписке утром. Следующий день был

праздничным (29 сентября), и у банка появилась небольшая передышка. Они устояли перед бурей, но их бывшие конкуренты, компания South-Sea, потерпели крушение. Их акции упали до ста пятидесяти, а постепенно, после различных колебаний, до ста тридцати пяти.

Банк, обнаружив, что не в состоянии восстановить общественное доверие и остановить волну разорения, не подвергаясь риску быть сметенным вместе с теми, кого он намеревался спасти, отказался выполнять соглашение, в которое он частично вступил. Они не были обязаны продолжать сотрудничество; ведь так называемый Банковский контракт был не более чем черновым наброском соглашения, в котором были оставлены пробелы для некоторых важных деталей и которое не содержало никаких санкций за их отделение. "И таким образом, - говоря словами парламентской истории, - в течение восьми месяцев наблюдались подъем, прогресс и падение этой могущественной структуры, которая, будучи заведена таинственными пружинами на удивительную высоту, приковала к себе взоры и ожидания всей Европы, но чей фундамент, состоящий из мошенничества, иллюзий, легковерия и инфантильности, рухнул на землю, как только было обнаружено хитроумное управление ее директоров".

В расцвете сил, во время распространения этого опасного заблуждения, нравы нации стали заметно развращенными. Парламентское расследование, начатое с целью выявления преступников, раскрыло позорные сцены, позорящие как нравственность преступников, так и интеллект людей, среди которых они возникли. Исследовать все зло, к которому это привело, - очень интересное занятие. Нации, как и отдельные люди, не могут безнаказанно становиться отчаянными азартными игроками. Рано или поздно наказание обязательно настигнет их. Один знаменитый [писатель](#)²¹ совершенно не прав, когда говорит, "что такая эпоха, как эта, наиболее неблагоприятна для историка; что ни одного читателя, обладающего чувствами и воображением, не могут развлечь или заинтересовать подробности подобных сделок, которые не допускают ни теплоты, ни красок, ни прикрас; подробности которых служат лишь для демонстрации неживой картины безвкусного порока и подлой дегенерации". Напротив, - и Смоллетт мог бы это обнаружить, будь он в юморе, - эта тема способна вызвать столько интереса, сколько может пожелать даже новеллист. Разве нет тепла в отчаянии разграбленного народа, разве нет жизни и оживления в картине, которую можно нарисовать, изобразив горе сотен обедневших и разоренных семей? Вчерашние богачи становятся нищими сегодня? Могущественные и влиятельные люди превращаются в изгнанников и отверженных, а голос самосожаления и порицания раздается из каждого уголка страны? Разве может быть скучной или непоучительной картина, когда целый народ внезапно сбрасывает с себя оковы разума и бежит дико за золотым видением, упрямо отказываясь верить, что оно не реально, пока, подобно заблуждающемуся оленю, бегущему за *ignis fatuus*, не погружается в трясины? Но в таком лживом духе слишком часто писалась история. Интриги недостойных придворных, чтобы добиться расположения еще более недостойных королей, или записи убийственных сражений и осад, были расширены и рассказаны снова и снова, со всем красноречием стиля и всеми прелестями фантазии; в то время как обстоятельства, которые наиболее глубоко затронули мораль и благосостояние народа, были пропущены мимо внимания, как сухие и скучные, не способные ни согреться, ни окраситься.

КАРИКАТУРА.22

Во время развития этого знаменитого пузыря Англия представляла собой необычное зрелище. Общественное сознание находилось в состоянии нездорового брожения. Люди больше не были удовлетворены медленной, но верной прибылью осторожной промышленности. Надежда на безграничное богатство в будущем делала их беспечными и экстравагантными в отношении сегодняшнего дня. Появилась неслыханная до тех пор роскошь, которая повлекла за собой соответствующую распущенность нравов. Непомерная наглость невежд, наживших неожиданное богатство благодаря удачным азартным играм, заставляла людей истинного джентри ума и манер краснеть от мысли, что золото способно возвысить недостойных в обществе. Надменность некоторых из этих "шифровальщиков", как их назвал сэр Ричард Стил, была припомнена им в день их несчастья. В ходе парламентского расследования многие из директоров пострадали больше за свою наглость, чем за казнокрадство. Один из них, который в полной гордыне невежественного богача заявил, что будет кормить свою лошадь золотом, был низведен почти до хлеба и воды; каждый надменный взгляд, каждая властная речь были сведены на нет, и они сторицей отплатили им бедностью и унижением.

Положение дел во всей стране было настолько тревожным, что Георг I сократил свое пребывание в Ганновере и со всей поспешностью вернулся в Англию. Он прибыл 11 ноября, а парламент был созван на заседание 8 декабря. Тем временем в каждом крупном городе империи прошли общественные собрания, на которых принимались петиции, молящие законодателей отомстить директорам South-Sea, которые своими мошенническими действиями поставили нацию на грань разорения. Никто, похоже, не предполагал, что сама нация виновна в этом не меньше, чем компания South-Sea. Никто не винил доверчивость и

скупость народа, унижительную жажду наживы, поглотившую все более благородные качества национального характера, или увлеченность, заставившую толпу с таким неистовым рвением броситься в сети, расставленные для них интриганами. Об этих вещах никогда не упоминалось. Народ был простым, честным, трудолюбивым, его разорила шайка разбойников, которых следовало повесить, заманить и четвертовать без всякой пощады.

Таково было почти единодушное мнение страны. Обе палаты парламента были не более благоразумны. Еще до того, как вина директоров "Южного моря" стала известна, наказание было единственным криком. Король в своей тронной речи выразил надежду, что они будут помнить, что все их благоразумие, темперамент и решимость необходимы для того, чтобы найти и применить надлежащее средство для устранения их несчастий. В ходе обсуждения ответа на обращение несколько ораторов разразились самыми яростными ругательствами в адрес директоров проекта Южного моря. Особенно яростно высказывался лорд Моулсворт. "Некоторые утверждали, что не существует закона о наказании директоров компании Южного моря, которые справедливо считаются авторами нынешних бед государства. По его мнению, в этом случае им следовало бы последовать примеру древних римлян, которые, не имея закона против отцеубийства, поскольку их законодатели полагали, что ни один сын не может быть настолько неестественно порочным, чтобы обагрить руки в крови своего отца, приняли закон о наказании за это отвратительное преступление, как только оно было совершено. Они постановили, что виновный должен быть засунут в мешок и брошен живым в Тибр. Он считал, что организаторы и исполнители злодейского плана на Южном море - отцеубийцы своей страны, и был бы удовлетворен, если бы их подобным образом завязали в мешки и бросили в Темзу". Другие члены говорили с не меньшим самообладанием и благоразумием. Мистер Уолпол был более умерен. Он рекомендовал, чтобы их первой заботой было восстановление общественного доверия. Если бы в Лондоне случился пожар, все мудрые люди, прежде чем искать поджигателей, помогли бы погасить пламя и предотвратить распространение пожара". Общественное доверие получило опасную рану и истекает кровью, и следовало как можно скорее применить к нему лекарство. Было достаточно времени, чтобы потом наказать убийцу". 9 декабря обращение в ответ на речь Его Величества было согласовано, после поправки, которая была принята без разногласий, было добавлено слово, выражающее решимость палаты не только искать средства для исправления национальных бедствий, но и наказывать их авторов.

БРИТАНИЯ, РАЗДЕТАЯ ДИРЕКТОРОМ ЮЖНОГО МОРЯ.[23](#)

Расследование прошло быстро. Директорам было приказано представить палате полный отчет обо всех своих действиях. Были приняты резолюции о том, что бедствие произошло в основном из-за гнусного искусства биржевых маклеров и что ничто не может так способствовать восстановлению общественного кредита, как закон о предотвращении этой позорной практики. Затем поднялся мистер Уолпол и заявил, что, "как он уже намекал ранее, он потратил некоторое время на разработку плана восстановления общественного кредита, но, поскольку его исполнение зависит от положения, которое было заложено как фундаментальное, он счел нужным, прежде чем раскрыть свой план, получить информацию о том, может ли он полагаться на это основание. Вопрос заключался в том, должна ли подписка на государственные долги и обременения, денежные подписки и другие контракты, заключенные с Компанией Южного моря, оставаться в нынешнем состоянии?" Этот вопрос вызвал оживленную дискуссию. В конце концов, большинством в 259 голосов против 117 было решено, что все эти контракты должны оставаться в их нынешнем состоянии, если они не будут изменены в интересах собственников общим судом Южноморской компании или отменены в установленном порядке. На следующий день мистер Уолпол представил перед комитетом всей палаты свой план восстановления государственного кредита, суть которого заключалась в том, чтобы на определенных условиях вложить девять миллионов акций Южноморской компании в Банк Англии и такую же сумму в Ост-Индскую компанию. План был благосклонно принят палатой. После нескольких возражений было приказано получить предложения от двух великих корпораций. Обе они не пожелали оказать помощь, и план встретил горячее, но бесплодное сопротивление на общих судах, созданных для его обсуждения. Однако в конце концов они пришли к согласию относительно условий, на которых они согласятся распространять облигации Южного моря, и их отчет был представлен комитету, билль был внесен под руководством мистера Уолпола и благополучно проведен через обе палаты парламента.

В то же время был внесен билль о запрете директорам, губернатору, субгубернатору, казначею, кассиру и клеркам South-Sea покидать королевство в течение двенадцати месяцев, а также об обнаружении их имущества и вещей и запрете на их перевозку или отчуждение. Все наиболее влиятельные члены палаты поддержали законопроект. Мистер Шиппен, увидев на своем месте министра Крэггса и поверив вредным слухам, ходившим о поведении этого министра в делах на Южном море, решил поскорее его потрогать. Он сказал, что рад видеть, как британская палата общин вновь обретает свою первоизданную силу и дух и действует на благо общества с таким единодушием. Необходимо обеспечить безопасность лиц и имущества директоров "Саут-Си" и их служащих; "но, - добавил он, пристально глядя на мистера Крэггса, - есть и другие люди, занимающие высокие должности, которых со временем он не побоится назвать, и которые не менее виновны, чем директора". Мистер Крэггс впал в ярость и заявил, что если эти намеки направлены против него, то он готов удовлетворить любого человека, который задаст ему вопрос в Палате или вне ее. Со всех сторон немедленно раздались громкие крики, призывающие к порядку. В разгар шума поднялся лорд Моулсворт и выразил удивление смелостью мистера Краггса, бросившего вызов всей Палате общин. Он, лорд Моулсворт, хотя и несколько стар, ему уже за шестьдесят, ответит мистеру Крэггсу все, что тот скажет в палате, и он уверен, что рядом с ним есть много молодых людей, которые не побоятся посмотреть мистеру Крэггсу в лицо вне палаты. Со всех сторон снова раздались крики о необходимости соблюдения порядка; члены встали одновременно; казалось, что каждый голос раздается одновременно. Спикер тщетно призывал к порядку. Замешательство продолжалось несколько минут, в течение которых лорд Моулсворт и мистер Краггс были почти единственными членами, сохранившими свои места. Наконец, призыв к мистеру Крэггсу стал настолько яростным, что он счел нужным подчиниться всеобщему чувству палаты и объяснить свое непарламентское выражение. Он сказал, что, давая удовлетворение противникам его поведения в палате, он имел в виду не то, что будет драться, а то, что объяснит свое поведение. На этом дело закончилось, и палата продолжила обсуждение того, каким образом следует проводить расследование дел Южноморской компании - в составе большого или избранного комитета. В конце концов был назначен секретный комитет из тринадцати человек, наделенный полномочиями посылать запросы о лицах, бумагах и записях.

Лорды проявили такое же рвение и такую же поспешность, как и общинники. Епископ Рочестерский заявил, что эта схема была подобна моровой язве. Герцог Уортон заявил, что палата не должна проявлять уважения к людям; со своей стороны, он отказался бы от самого близкого друга, если бы тот был вовлечен в этот проект. Нация была разграблена самым позорным и вопиющим образом, и он готов пойти так же далеко, как и любой другой человек, чтобы наказать преступников. Лорд Стэнхоуп заявил, что каждый фартинг, которым владели преступники, будь то директора или не директора, должен быть конфискован, чтобы возместить общественные убытки.

В течение всего этого времени общественное волнение было чрезвычайным. Из книги Кокса "Уолпол" мы узнаем, что само имя директора компании South-Sea считалось синонимом всех видов мошенничества и злодейства. Из графств, городов и округов во всех частях королевства поступали петиции, взывающие к справедливости, причитающейся обиженной нации, и к наказанию злодейских казнокрадов. Тех умеренных людей, которые не пошли бы на крайние меры, даже в наказании виновных, обвиняли в соучастии, подвергали постоянным оскорблениям и яростным ругательствам, посвящали, как в анонимных письмах, так и в публичных публикациях, скорейшему отмщению обиженному народу. Обвинения в адрес господина Айслаби, канцлера казначейства, и господина Крэггса, еще одного члена министерства, были столь громкими, что Палата лордов решила немедленно приступить к

расследованию в их отношении. 21 января было приказано, чтобы все маклеры, имеющие отношение к схеме Южного моря, представили Палате отчет о купленных или проданных ими акциях или подписках для любого из служащих Казначейства или Казначейства, или в доверительное управление для любого из них, начиная с Михаэля 1719 года. Когда этот отчет был предоставлен, оказалось, что большое количество акций было передано в пользование г-ну Эйслаби. Пятеро директоров "Саут-Си", включая мистера Эдварда Гиббона, деда знаменитого историка, были отданы под охрану "черного жезла". По предложению графа Стэнхоупа было единогласно решено, что приобретение или предоставление кредита под акции без фактически выплаченного или достаточно обеспеченного ценного вознаграждения, а также покупка акций любым директором или агентом компании South-Sea для использования или в интересах любого члена администрации или любого члена любой из палат парламента в течение того времени, пока законопроект о South-Sea еще находится на рассмотрении в парламенте, является отъявленной и опасной коррупцией. Через несколько дней после этого была принята еще одна резолюция о том, что несколько директоров и должностных лиц компании, тайно продавших ей свои собственные акции, были виновны в явном мошенничестве и нарушении доверия и тем самым в основном стали причиной несчастливой поворота дел, который так сильно повлиял на общественный кредит. Мистер Эйслаби сложил с себя полномочия канцлера казначейства и отсутствовал в парламенте до тех пор, пока официальное расследование его личной вины не было передано на рассмотрение законодательного органа.

Тем временем Найт, казначей компании, которому были доверены все опасные секреты нечестных директоров, собрал свои книги и документы и сбежал из страны. Замаскировавшись, он сел в небольшую лодку на реке и, перебравшись на нанятое для этой цели судно, благополучно добрался до Кале. Комитет по секретности сообщил Палате об этом обстоятельстве, и было принято единогласное решение представить королю два обращения: первое - с просьбой издать прокламацию, предлагающую вознаграждение за поимку Найта, и второе - с немедленным приказом закрыть порты и тщательно охранять побережье, чтобы предотвратить побег из королевства упомянутого Найта или других офицеров компании "Южное море". Чернила едва успели высохнуть на этих обращениях, как они были доставлены королю мистером Метуэном, назначенным палатой представителей для этой цели. В тот же вечер была издана королевская прокламация, предлагающая награду в две тысячи фунтов за поимку Найта. Палата общин приказала запереть двери и положить ключи на стол. Генерал Росс, один из членов Комитета секретности, сообщил им, что они уже обнаружили целую цепь глубочайших злодеяний и мошенничества, которые когда-либо были придуманы адом для разорения нации, и в свое время они представят их Палате. Тем временем, для дальнейшего раскрытия, Комитет счел крайне необходимым обеспечить безопасность некоторых директоров и главных должностных лиц Южного моря, а также захватить их бумаги. Предложение об этом было принято единогласно. Сэр Роберт Чаплин, сэр Теодор Янссен, мистер Соубридж и мистер Ф. Эйлс, члены Палаты представителей и директора компании South-Sea, были вызваны в суд, чтобы явиться на свои места и ответить за свои коррупционные действия. Сэр Теодор Янссен и мистер Собридж ответили на свои имена и постарались оправдать себя. Палата терпеливо выслушала их, а затем приказала им удалиться. Затем было сделано предложение, и оно было поддержано *permine contradicente*, что они были виновны в известном нарушении доверия, причинили много убытков большому числу подданных его величества и нанесли большой ущерб общественному кредиту. Затем было приказано, чтобы за этот проступок они были исключены из палаты и взяты под стражу сержантом-оружейником. Сэр Роберт Чаплин и мистер Эйлс, присутствовавшие на своих местах через четыре дня после этого, также были изгнаны из палаты. В то же время было решено обратиться к королю с просьбой дать

указания своим министрам при иностранных дворах подать прошение о Найте, чтобы его передали английским властям, если он укроется в каком-либо из их владений. Король сразу же согласился, и в ту же ночь во все части континента были отправлены гонцы.

Среди директоров, взятых под стражу, был сэр Джон Блант, человек, которого народное мнение обвиняет в том, что он был первоначальным автором и отцом этой схемы. Этот человек, как сообщает нам Поуп в своем послании к Аллену лорду Батерсту, был диссидентом, отличался самым религиозным поведением и исповедовал себя великим верующим.²⁴ Он постоянно выступал против роскоши и коррупции века, пристрастности парламентов и бед партийного духа. Особенно красноречиво он выступал против скупости великих и знатных особ. Изначально он был подьячим, а впоследствии стал не только директором, но и самым активным управляющим компании South-Sea. Стал ли он впервые выступать против скупости великих людей именно в этом качестве, нам неизвестно. Конечно, он видел достаточно, чтобы оправдать свою самую суровую анафему; но если бы проповедник сам был свободен от порока, который он осуждал, его заявления имели бы больший эффект. Его доставили под стражей в палату лордов и подвергли длительному допросу. Он отказался отвечать на несколько важных вопросов. Он сказал, что его уже допрашивал комитет палаты общин, и поскольку он не помнит своих ответов и может противоречить сам себе, он отказался отвечать перед другим судом. Это заявление, само по себе являющееся косвенным доказательством вины, вызвало некоторое волнение в палате. Ему снова задали императивный вопрос, продавал ли он когда-либо часть акций кому-либо из членов администрации или членам любой из палат парламента, чтобы облегчить принятие законопроекта. Он снова отказался отвечать. По его словам, он хотел бы относиться к Палате со всем возможным уважением, но ему было неприятно, что его заставляют обвинять самого себя. После нескольких безуспешных попыток освежить его память ему было приказано удалиться. Между друзьями и противниками министерства завязалась бурная дискуссия. Утверждалось, что администрации не чужда удобная неразговорчивость сэра Джона Бланта. Герцог Уортон сделал замечание графу Стэнхоупу, на что тот горячо обиделся. Он говорил в сильном волнении и с такой яростью, что у него внезапно прилила кровь к голове. Ему стало так плохо, что он был вынужден покинуть палату и удалиться в свои покои. Ему немедленно сделали обкалывание, а на следующее утро также пустили кровь, но с небольшим облегчением. Смертельный исход не предвиделся. Ближе к вечеру он занемог и, повернувшись на лицо, скончался. Внезапная смерть этого государственного деятеля вызвала большое горе в народе. Георг I очень переживал и на несколько часов закрылся в своей каморке, безутешно сожалея о своей утрате.

Казначей компании Найт был задержан в Тирлемоне, близ Льежа, одним из секретарей мистера Литеса, британского резидента в Брюсселе, и помещен в цитадель Антверпена. Ко двору Австрии неоднократно обращались с просьбой выдать его, но тщетно. Рыцарь бросился под защиту Брабантского государства и потребовал, чтобы его судили в этой стране. По одной из статей Joyeuse Entrée брабантским землям была предоставлена привилегия, согласно которой каждый преступник, задержанный в этой стране, должен быть судим в этой стране. Штаты настаивали на своей привилегии и отказывались передать рыцаря британским властям. Последние не прекращали своих уговоров, но тем временем Найт сбежал из крепости.

БРАБАНТСКИЙ ЭКРАН.25

16 февраля Комитет по секретности представил Палате представителей свой первый доклад. Они заявили, что их расследование было сопряжено с многочисленными трудностями и неудобствами; каждый, кого они проверяли, старался, насколько это было в его силах, нанести ущерб целям правосудия. В некоторых из представленных им книг были сделаны ложные и фиктивные записи; в других - денежные записи с пробелами для имен держателей акций. Часто встречались подчистки и изменения, а в некоторых книгах листы были вырваны. Они также обнаружили, что некоторые книги, представляющие большую важность, были полностью уничтожены, а некоторые были унесены или спрятаны. С самого начала своего расследования они заметили, что вопросы, о которых шла речь, были весьма разнообразны и обширны. Многим лицам были доверены различные функции по исполнению закона, и под их прикрытием они действовали недозволенным образом, распоряжаясь имуществом многих тысяч людей на многие миллионы денег. Они обнаружили, что до принятия закона о Южном море в бухгалтерских книгах компании была сделана запись на сумму 1 259 325 фунтов стерлингов за счет акций, проданных на сумму 574 500 фунтов стерлингов. Эти акции были фиктивными, и ими распорядились с целью способствовать принятию закона. Они были проданы в разные дни и по разным ценам, от 150 до 325 процентов. Удивившись тому, что столь крупная сумма была продана в то время, когда компания не имела права увеличивать свой капитал, комитет решил самым тщательным образом расследовать всю сделку. Губернатор, субгубернатор и несколько директоров были доставлены к ним и подвергнуты тщательному допросу. Они установили, что в то время, когда были сделаны эти записи, компания не владела таким количеством акций, имея в своем распоряжении лишь небольшое количество, не превышающее тридцати тысяч фунтов стерлингов в крайнем случае. Проведя расследование, они установили, что это количество акций должно рассматриваться как принятое или удерживаемое компанией в пользу предполагаемых покупателей, хотя не было заключено никакого взаимного соглашения о его поставке или принятии в определенное время. Предполагаемые покупатели не вносили никаких денег, не давали компании никаких залогов или гарантий; таким образом, если бы цена акций упала, как можно было бы ожидать, если бы акт не был принят, они не понесли бы никаких убытков. Если же, напротив, цена на акции повысится (как это и произошло в результате успешной реализации схемы), разница в цене должна была быть возмещена. Соответственно, после принятия закона счет акций был выверен и согласован с мистером Найтом, а мнимым покупателям была выплачена разница

из наличных средств компании. Эти фиктивные акции, находившиеся в основном в распоряжении сэра Джона Бланта, мистера Гиббона и мистера Найта, были распределены между несколькими членами правительства и их приближенными в качестве взятки, чтобы облегчить принятие законопроекта. Графу Сандерленду было выделено 50 000 л. из этого запаса; герцогине Кендальской - 10 000 л.; графине Платенской - 10 000 л.; двум ее племянницам - 10 000 л.; г-ну секретарю Крэггсу - 30 000 л.; г-ну Чарльзу Стэнхоупу (одному из секретарей казначейства) - 10 000 л.; компании "Меч-лезвие" - 50 000л. Также выяснилось, что мистер Стэнхоуп получил огромную сумму в 250 000л. в качестве разницы в цене некоторых акций через руки Тернера, Касволла и Ко, но его имя было частично стерто из их книг и заменено на Стэнхоуп. Эйслаби, канцлер казначейства, получил еще более отвратительные доходы. У него был счет в той же фирме, которая также была директором South-Sea, на сумму 794 451 литр. Кроме того, он посоветовал компании провести вторую подписку на полтора миллиона вместо миллиона, по собственному почину и без всякого ордера. Третья подписка была проведена столь же бесславно. За имя мистера Эйслаби было заплачено 70 000 фунтов стерлингов; за имя мистера Краггса-старшего - 659 000 фунтов стерлингов; за имя графа Сандерленда - 160 000 фунтов стерлингов; за имя мистера Стэнхоупа - 47 000 фунтов стерлингов. За этим отчетом последовали шесть других, менее важных. В конце последнего комитет заявил, что отсутствие Найта, которому было поручено основное дело, не позволило им продолжить расследование.

Первый отчет было приказано напечатать и принять к рассмотрению на следующий день, кроме одного последующего. После весьма бурных и оживленных дебатов был принят ряд резолюций, осуждающих поведение директоров, членов парламента и администрации, связанной с ними, и заявляющих, что каждый из них должен возместить из своего имущества ущерб, который они нанесли обществу. Их действия были объявлены коррумпированными, позорными и опасными, и было приказано внести законопроект для облегчения участи несчастных страдальцев.

КОСТРЫ НА ТАУЭР-ХИЛЛ

Мистер Чарльз Стэнхоуп был первым, кого привлекли к ответственности за участие в этих сделках. В свою защиту он утверждал, что в течение нескольких лет все деньги, которыми он владел, он хранил в руках мистера Найта, а все акции, которые мистер Найт приобретал для него, он оплачивал за них. Что касается акций, купленных для него компанией "Тернер, Казуолл и Ко", то он ничего об этом не знал. Что бы ни было сделано в этом вопросе, это было сделано без его полномочий, и он не мог нести за это ответственность. Тернер и Ко взяли последнее обвинение на себя; но каждому непредвзятому и непредубежденному человеку было известно, что мистер Стэнхоуп выиграл 250 000 фунтов стерлингов, которые находились в руках этой фирмы на его счет. Однако большинством в три голоса он был оправдан. Были предприняты все возможные усилия, чтобы оградить его. Лорд Стэнхоуп, сын графа Честерфилда, обошел всех колеблющихся членов, используя все свое красноречие, чтобы побудить их либо проголосовать за оправдание, либо покинуть палату. Многие слабоумные деревенские джентльмены поддались на его уговоры, и результат был таким, как уже говорилось. Оправдательный приговор вызвал сильнейшее недовольство по всей стране. В разных частях Лондона собирались толпы угрожающего характера; в целом опасались беспорядков, тем более что многие ожидали, что допрос еще более тяжкого преступника закончится аналогично. Мистер Эйслаби, чей высокий пост и глубокие обязанности должны были сохранить его честность, даже если бы его родные принципы были недостаточны, справедливо считался, возможно, величайшим преступником из всех. Его дело было рассмотрено в день, следующий за оправданием мистера Стэнхоупа. В зале заседаний царил большое волнение, а в вестибюлях и на проспектах палаты толпились люди, которым не терпелось узнать результат. Дебаты продолжались весь день. Мистер Эйслаби нашел мало друзей: его вина была столь очевидна и столь чудовищна, что ни у кого не хватило духу выступить в его защиту. В конце концов, без единого несогласного голоса было решено, что мистер Эйслаби поощрял и поддерживал преступление. Эйслаби поощрял и способствовал разрушительному осуществлению плана Южного моря с целью собственной непомерной прибыли, а также объединился с директорами в их пагубной практике, что привело к разрушению общественной торговли и кредита королевства: что за свои проступки он должен быть с позором изгнан из Палаты общин и заключен в лондонский Тауэр; что ему запрещено покидать пределы королевства в течение целого года или до конца следующей сессии парламента; и что он должен составить правильный отчет обо всем своем имуществе, чтобы оно могло быть использовано для помощи тем, кто пострадал от его недобросовестной практики.

Этот приговор вызвал величайшую радость. Несмотря на то что он был вынесен в половине двенадцатого ночи, он быстро распространился по городу. Несколько человек осветили свои дома в знак радости. На следующий день, когда мистера Эйслаби доставили в Тауэр, толпа собралась на Тауэр-хилл с намерением поколотить его. Не преуспев в этом, они разожгли большой костер и танцевали вокруг него в порыве своего восторга. Несколько костров было разведено и в других местах; Лондон выглядел как праздник, и люди поздравляли друг друга, словно только что избежали какого-то большого несчастья. Ярость, вызванная оправданием мистера Стэнхоупа, достигла такой высоты, что никто не мог сказать, чем бы она закончилась, если бы мистер Эйслаби встретил такую же снисходительность.

Чтобы увеличить общественное удовлетворение, сэр Джордж Казуолл, представитель фирмы "Тернер, Казуолл и Ко", на следующий день был изгнан из палаты, заключен в Тауэр и получил приказ вернуть 250 000 фунтов стерлингов.

ГРАФ САНДЕРЛЕНД.

Далее была рассмотрена та часть отчета Комитета по секретности, которая касалась графа Сандерленда. Были предприняты все усилия, чтобы очистить его светлость от обвинений. Поскольку дело против него основывалось главным образом на показаниях, полученных от сэра Джона Бланта, были предприняты большие усилия, чтобы показать, что слову сэра Джона нельзя верить, особенно в вопросе, затрагивающем честь пэра и тайного советника. Все друзья министерства сплотились вокруг графа, и, по общему мнению, обвинительный приговор против него приведет к власти министерство Тори. В итоге он был оправдан большинством голосов - 233 против 172; но вся страна была уверена в его виновности. Повсюду выражалось величайшее негодование, и в Лондоне вновь собрались угрожающие толпы. К счастью, никаких беспорядков не произошло.

В этот день скончался мистер Крэггс Старший. Для рассмотрения его дела было назначено утро. Было принято считать, что он отравился. Оказалось, однако, что горе от потери сына, одного из секретарей казначейства, умершего пять недель назад от оспы, сильно одолевало его. Для этого сына, горячо любимого, он сколачивал огромные кучи богатств: он получал деньги, но не честным путем; а того, ради кого он продал свою честь и запятнал свою славу, теперь не было. Страх перед дальнейшим разоблачением усилил его душевные терзания и в конце концов привел к апоплексическому удару, от которого он скончался. Он оставил после себя полуторамиллионное состояние, которое впоследствии было конфисковано в пользу страдальцев от несчастного заблуждения, в создании которого он принимал столь активное участие.

Один за другим были рассмотрены дела каждого директора компании. Сумма в размере двух миллионов четырнадцати тысяч фунтов стерлингов была конфискована из их имений для возмещения причиненного ими вреда, при этом каждому человеку был положен определенный остаток, пропорциональный его поведению и обстоятельствам, с которым он мог начать мир заново. Сэру Джону Бланту из его состояния в 183 000 л. было разрешено выплатить только 5000 л.; сэру Джону Феллоузу - 10 000 л. из 243 000 л.; сэру Теодору Янссену - 50 000 л. из 243 000 л.; мистеру Эдварду Гиббону - 10 000 л. из 106 000 л.; сэру Джону

Ламберту - 5000 л. из 72 000 л. К другим, не столь глубоко вовлеченным, относились с большей либеральностью. Историк Гиббон, чьим дедом был мистер Эдвард Гиббон, которого так сильно обделили, дал в "Мемуарах о своей жизни и сочинениях" интересный отчет о заседаниях парламента в это время. Он признает, что не является беспристрастным свидетелем; но, поскольку все писатели, из которых можно почерпнуть хоть какие-то сведения о событиях этих катастрофических лет, были предвзяты с другой стороны, заявления великого историка приобретают дополнительную ценность. Хотя бы по принципу *audi alteram partem*, его мнение имеет право на рассмотрение. "В 1716 году, - говорит он, - мой дед был избран одним из директоров Южноморской компании, и его книги служат доказательством того, что до принятия этой роковой должности он приобрел независимое состояние в 60 000 л. Но его состояние было уничтожено в результате кораблекрушения 1720 года, и труды тридцати лет были уничтожены в один день. Что касается использования или злоупотребления схемой Южного моря, виновности или невиновности моего деда и его братьев-директоров, то я не являюсь ни компетентным, ни бескорыстным судьей. Однако справедливость современных времен должна осудить насильственные и произвольные действия, которые опозорили бы дело правосудия и сделали бы несправедливость еще более одиозной. Не успела нация очнуться от золотого сна, как народ и даже парламент потребовали жертв; но со всех сторон было признано, что директора, как бы он ни был виновен, не могли коснуться никакие известные законы страны. Неистовые идеи лорда Моулсворта не были реализованы в буквальном смысле слова; но был введен билль о наказаниях и штрафах - закон, имеющий обратную силу, для наказания преступлений, которые не существовали на момент их совершения. Законодательный орган ограничивал лица директоров, налагал непомерные гарантии на их явку, а также отмечал их характер предыдущей нотой бесчестия. Они были вынуждены под присягой сообщить строгую стоимость своих владений и были лишены права передавать или отчуждать какую-либо часть своего имущества. Против билля о штрафах и наказаниях общим правом каждого подданного является право быть выслушанным своим адвокатом в суде. Они молились о том, чтобы их выслушали. Их мольба была отклонена, и их угнетатели, не требовавшие никаких доказательств, не стали слушать никакой защиты. Сначала было предложено выделить одну восьмую часть их имущества на будущее содержание директоров; но было особенно настоятельно заявлено, что, учитывая различные оттенки богатства и вины, такая пропорция будет слишком легкой для многих, а для некоторых, возможно, окажется слишком тяжелой. Характер и поведение каждого человека взвешивались отдельно; но вместо спокойной торжественности судебного расследования судьба и честь тридцати трех англичан стали предметом торопливых разговоров, забавой беззаконного большинства; и самый подлый член комитета, злобным словом или молчаливым голосованием, мог потакать своей общей злобе или личной неприязни. Обида усугублялась оскорблением, а оскорбление - любезностью. Прибавки в 20 фунтов стерлингов или 1 шиллинг были легкомысленно перенесены. Смутное сообщение о том, что директор ранее участвовал в другом проекте, в результате которого неизвестные лица потеряли свои деньги, принималось как доказательство его действительной вины. Одного человека погубили за то, что он произнес глупую речь о том, что его лошади должны питаться золотом; другого - за то, что он возгордился настолько, что однажды в казначействе отказал в вежливом ответе лицам, стоящим гораздо выше его. Все они были осуждены, отсутствующие и не услышанные, в виде произвольных штрафов и конфискаций, которые отнимали большую часть их имущества. Такое наглое притеснение едва ли может быть защищено всемогуществом парламента. Мой дед не мог рассчитывать на более снисходительное отношение к себе, чем его товарищи. Его торийские принципы и связи делали его несносным для правящих сил. Его имя стало известно в подозрительной тайне. Его известные способности не могли служить

оправданием невежеству или ошибке. Во время первого процесса против директоров "Южного моря" мистер Гиббон был одним из первых взят под стражу, а в окончательном приговоре мера его штрафа объявила его безусловно виновным. Общая сумма, которую он под присягой представил Палате общин, составила 106 543 л. 5s. 6d., без учета предыдущих расчетов. Для г-на Гиббона были предложены две разные надбавки в размере 15 000 и 10 000 фунтов стерлингов; но, когда вопрос был поставлен, он был принят без разделения на меньшую сумму. На этих руинах, с мастерством и заслугами, которых парламент не смог его лишить, мой дед в зрелом возрасте воздвиг здание нового состояния. Труды шестнадцати лет были сполна вознаграждены; и у меня есть основания полагать, что второе строение не сильно уступало первому".

ПУЗЫРЬ ЮЖНОГО МОРЯ - КАРИКАТУРА ХОГАРТА.²⁶

После наказания директоров законодательные органы занялись восстановлением общественного кредита. Схема Уолпола была признана недостаточной, и он потерял репутацию. В конце 1720 года был произведен подсчет всего капитала Южноморской компании. Оказалось, что он составляет тридцать семь миллионов восемьсот тысяч фунтов стерлингов, из которых акции, распределенные между всеми владельцами, составили только двадцать четыре миллиона пятьсот тысяч фунтов стерлингов. Остальные тринадцать миллионов триста тысяч фунтов принадлежали компании в ее корпоративном качестве и являлись прибылью, полученной ею в результате национального заблуждения. Около восьми миллионов из этой суммы были изъяты у компании и распределены между собственниками и подписчиками в целом, что составило дивиденд в размере около 33l. 6s. 8d. per cent. Это было большим облегчением. Далее было постановлено, что лица, занявшие деньги у Южноморской компании под акции, фактически переданные и заложенные во время займа компании или для ее использования, должны быть освобождены от всех требований после уплаты десяти процентов от занятых сумм. Таким образом, они одолжили около одиннадцати миллионов в то время, когда цены были неестественно высоки; и теперь они получили обратно один миллион сто тысяч, когда цены опустились до своего обычного уровня.

Но прошло немало времени, прежде чем общественный кредит был полностью восстановлен. Предприятие, подобно Икару, взлетело слишком высоко и растопило воск своих крыльев; подобно Икару, оно упало в море и, барахтаясь в его волнах, узнало, что его родная стихия - твердая земля. С тех пор она никогда не пыталась взлететь так высоко.

Во времена великого коммерческого процветания не раз проявлялась тенденция к чрезмерной спекуляции. Успех одного проекта обычно порождает другие подобные. В торговой стране народное подражание всегда подхватывает такие успехи и увлекает общество, слишком жаждущее прибыли, в пропасть, из которой трудно выбраться. Компании-пузыри, подобные тем, что возникли благодаря проекту Южного моря, прожили свой маленький день в знаменитый год паники, 1825. В тот раз, как и в 1720 году, доброта собрала богатую жатву с корыстолюбия, но оба пострадали, когда наступил день расплаты. Замыслы 1836 года в свое время грозили столь же катастрофическими результатами, но их, к счастью, удалось предотвратить, пока не стало слишком поздно.²⁷

ОРУЖИЕ ПУЗЫРЬКОВ - ОТЧАЯНИЕ - С ГРАВЮРЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Э. ХОКИНСА, ЭСК.

КОНРАД ГЕСНЕР.

ТЮЛЬПАНОМАНИЯ.

Содержание

Quis furor, ô cives! - Люкан.

Тюльпан, названный так, как говорят, от турецкого слова, означающего тюрбан, был завезен в Западную Европу примерно в середине XVI века. Конрад Геснер, которому принадлежит заслуга введения этого растения в культуру, не подозревая о том, какой переполох оно вскоре произведет в мире, говорит, что впервые увидел его в 1559 году в саду в Аугсбурге, принадлежавшем ученому советнику Герварту, человеку, очень известному в свое время своей коллекцией редких экзотических растений. Луковицы были посланы этому джентльмену его другом из Константинополя, где цветок был давно любим. В течение десяти или одиннадцати лет после этого тюльпаны стали пользоваться большим спросом у богатых людей, особенно в Голландии и Германии. Богачи из Амстердама отправляли луковицы прямо в Константинополь и платили за них самые экстравагантные цены. Первые корни, посаженные в Англии, были привезены из Вены в 1600 году. До 1634 года тюльпан ежегодно приобретал все большую популярность, пока не стал считаться доказательством дурного вкуса любого состоятельного человека, не имеющего коллекции. Многие ученые, включая Помпея де Анжелиса и знаменитого Липсия Лейденского, автора трактата "О Констанции", страстно любили тюльпаны. Ярость к их обладанию вскоре охватила и средние слои общества, и купцы и лавочники, даже со средним достатком, стали соперничать друг с другом в редкости этих цветов и абсурдных ценах, которые они за них платили. Известно, что один торговец в Харлаеме заплатил половину своего состояния за один корень, но не для того, чтобы продать его с выгодой, а чтобы держать в собственной оранжерее для восхищения своих знакомых.

Можно было бы предположить, что в этом цветке должны были быть какие-то большие достоинства, чтобы сделать его столь ценным в глазах столь благоразумного народа, как голландцы; но он не обладает ни красотой, ни благоуханием розы, ни красотой "сладкого, сладкого горошка"; он также не так долговечен, как тот и другой. Коули, правда, громко восхваляет его. Он говорит.

"Затем появился тюльпан, весь в красках,
Но беспутный, полный гордости и игры;
В мире не найти красителя, которому не нашлось бы места;
И, смешивая новые краски, она может менять свой облик;
И пурпур, и золото ей подвластны,
Богатейшие рукоделия она любит носить;
Ее единственное занятие - радовать глаз,
И в нарядах всех затмить".

Это, хотя и не очень поэтичное, описание поэта. Бекман в своей "Истории изобретений" описывает ее с большей достоверностью и в прозе, более приятной, чем поэзия Коули. Он говорит: "Немного найдется растений, которые в результате случайности, слабости или болезни приобретают столько разновидностей, как тюльпан. Когда он не культивируется и находится в естественном состоянии, он почти одноцветный, имеет большие листья и необычайно длинный стебель. Когда растение ослаблено культивацией, оно становится более приятным на взгляд цветовода. Лепестки становятся бледнее, мельче и разнообразнее по оттенку, а листья приобретают более мягкий зеленый цвет. Таким образом, этот шедевр культуры, становясь все красивее, становится все слабее, так что при самом большом умении и внимании его едва ли можно пересадить или даже сохранить жизнь".

Многие люди неосознанно привязываются к тому, что доставляет им много хлопот, как мать часто любит своего больного и вечно страдающего ребенка больше, чем своего более здорового отпрыска. По такому же принципу следует объяснять незаслуженную похвалу, воздаваемую этим хрупким цветам. В 1634 году желание голландцев обладать ими было столь велико, что обычная промышленность страны была заброшена, а население, вплоть до самых низов, включилось в торговлю тюльпанами. По мере роста мании цены росли, пока в 1635 году не стало известно, что многие люди выложили состояние в 100 000 флоринов за покупку сорока корней. После этого стало необходимо продавать их по весу в *перитах*, небольшом весе, меньше зерна. Тюльпан сорта *Адмирал Лифкен* весом 400 *перитов* стоил 4400 флоринов; *Адмирал Ван дер Эйк* весом 446 *перитов* - 1260 флоринов; *Чайлдер* весом 106 *перитов* - 1615 флоринов; *Вице-король* весом 400 *перитов* - 3000 флоринов, и, что самое ценное, *Семпер Август* весом 200 *перитов* считался очень дешевым - 5500 флоринов. Последний был очень востребован, и даже за луковицу низкого качества можно было выручить 2000 флоринов. Рассказывают, что однажды, в начале 1636 года, во всей Голландии было всего два корня этого сорта, и те не из самых лучших. Один из них находился у торговца в Амстердаме, а другой - в Харлаеме. Спекулянты так стремились заполучить их, что один человек предложил за харлаемский тюльпан целых двенадцать акров земли под застройку. Амстердамский тюльпан был куплен за 4600 флоринов, новую карету, двух серых лошадей и полный комплект упряжи. Хантинг, трудолюбивый автор того времени, написавший фолиант в тысячу страниц о тюльпаномании, сохранил фолиант с перечнем

различных предметов и их стоимостью, которые были доставлены за один-единственный корень редкого сорта под названием "Вице-король":

	флорины.
Два фунта пшеницы	448
Четыре фунта ржи	558
Четыре упитанных быка	480
Восемь упитанных свиней	240
Двенадцать упитанных овец	120
Два бочонка вина	70
Четыре тунна пива	32
Два тунна сливочного масла	192
Тысяча фунтов сыра	120
Полная кровать	100
Костюм одежды	80
Серебряная чашка для питья	60
	2500

Люди, которые отсутствовали в Голландии и которым выпал шанс вернуться, когда эта глупость достигла своего максимума, иногда попадали в неловкие дилеммы из-за своего невежества. В "Путешествиях Бленвиля" приводится забавный случай такого рода. Один богатый купец, который не мало гордился своими редкими тюльпанами, получил однажды очень ценный груз из Леванта. О его прибытии ему сообщил моряк, который явился с этой целью в счетную палату, тюки с товарами всех видов. Купец, чтобы вознаградить его за новость, щедро преподнес ему на завтрак отличную красную селедку. Моряк, судя по всему, очень любил лук, и, увидев на прилавке этого либерального торговца луковицу, очень похожую на лук, и подумав, что она, несомненно, не на своем месте среди шелков и бархата, он ловко воспользовался случаем и сунул ее в карман, как приправу к селедке. Справившись со своим призом, он направился на набережную, чтобы позавтракать. Едва он отвернулся, как торговец упустил свой ценный *Semper Augustus* стоимостью три тысячи флоринов, или около 280 фунтов стерлингов. Все заведение мгновенно всколыхнулось; драгоценный корень стали искать повсюду, но его не нашли. Душевное смятение купца было велико. Поиски возобновились, но снова безрезультатно. Наконец кто-то вспомнил о моряке.

Несчастный купец выскочил на улицу при одном только предложении. Его встревоженные домочадцы последовали за ним. Моряк, простая душа, и не думал скрываться. Его нашли спокойно сидящим на мотке веревки и доедающим последний кусочек своего "лука". Он и не подозревал, что ел завтрак, стоимость которого могла бы радовать команду целого корабля в течение двенадцати месяцев, или, как выразился сам ограбленный купец, "мог бы роскошно накормить принца Оранского и весь двор штатдхольдера". Антоний заставил растворить жемчуг в вине, чтобы выпить за здоровье Клеопатры; сэр Ричард Уиттингтон был столь же безрассудно великолепен, развлекая короля Генриха V; а сэр Томас Грешем выпил бриллиант, растворенный в вине, за здоровье королевы Елизаветы, когда она открывала Королевскую биржу; но завтрак этого плутоватого голландца был столь же великолепен, как и у обоих. К тому же у него было преимущество перед своими расточительными предшественниками: их драгоценные камни не улучшали ни вкуса, ни полезности вина, в то время как его тюльпан был весьма вкусен с красной селедкой. Самым неприятным в этом

деле для него было то, что он несколько месяцев просидел в тюрьме по обвинению в преступлении, выдвинутому против него купцом.

С одним английским путешественником произошла другая история, не менее смехотворная. Этот джентльмен, ботаник-любитель, случайно увидел корень тюльпана, лежавший в оранжерее богатого голландца. Не зная о его качестве, он достал перочинный нож и содрал с него кожуру, намереваясь провести над ним эксперименты. Когда растение уменьшилось вдвое, он разрезал его на две равные части, делая при этом множество ученых замечаний по поводу необычного внешнего вида неизвестной луковицы. Вдруг хозяин набросился на него и, с яростью в глазах, спросил, знает ли он, что делал? "Чистил самый необычный лук", - ответил философ. "*Хундерт таузенд дуйвель!*" - сказал датчанин; "*Это адмирал Ван дер Эйк*". "Спасибо, - ответил путешественник, доставая записную книжку, чтобы сделать в ней запись, - у вас в стране часто встречаются такие адмиралы?" "Смерть и дьявол!" - сказал голландец, схватив изумленного ученого за воротник; "Пойдемте к синдику, и вы все увидите". Несмотря на его уговоры, путешественника повели по улицам, за которыми следовала толпа людей. Когда его привели в присутствие магистрата, он, к своему ужасу, узнал, что корень, на котором он ставил опыты, стоит четыре тысячи флоринов; и, несмотря на все, что он мог привести в свое оправдание, его посадили в тюрьму до тех пор, пока он не найдет бумаги для выплаты этой суммы.

В 1636 году спрос на тюльпаны редких сортов настолько возрос, что на амстердамской бирже, в Роттердаме, Харлаеме, Лейдене, Алкмаре, Хоорне и других городах были созданы регулярные рынки для их продажи. Симптомы азартных игр впервые стали очевидны. Биржевые дельцы, всегда готовые к новым спекуляциям, активно торговали тюльпанами, используя все средства, которые они так хорошо умели применять, чтобы вызвать колебания цен. Поначалу, как и во время всех этих азартных маний, доверие было на высоте, и каждый получал прибыль. Тюльпанщики спекулировали на росте и падении акций тюльпанов и получали большие прибыли, покупая их, когда цены падали, и продавая, когда они росли. Многие люди неожиданно разбогатели. Золотая приманка заманчиво висела перед людьми, и они один за другим, как мухи вокруг горшочка с медом, устремлялись в тюльпанные магазины. Все воображали, что страсть к тюльпанам будет длиться вечно и что богачи со всех концов света будут отправляться в Голландию и платить за них любые цены. Богатства Европы будут сосредоточены на берегах Зюйдер-Зее, а бедность изгнана из благодатного климата Голландии. Тюльпанами занимались дворяне, горожане, фермеры, механики, моряки, лакеи, служанки, даже трубочисты и старухи. Люди всех сословий превращали свое имущество в деньги и вкладывали их в цветы. Дома и земли выставались на продажу по разорительно низким ценам, или их уступали в оплату сделок, заключенных на тюльпановом рынке. Иностранцы были охвачены тем же ажиотажем, и деньги хлынули в Голландию со всех сторон. Постепенно цены на предметы первой необходимости снова выросли: дома и земли, лошади и кареты, всевозможные предметы роскоши подорожали вместе с ними, и в течение нескольких месяцев Голландия казалась прихожей Плуто. Торговые операции стали настолько обширными и запутанными, что возникла необходимость в составлении свода законов для руководства торговцами. Также были назначены нотариусы и клерки, которые посвятили себя исключительно интересам торговли. В некоторых городах название "государственный нотариус" было почти неизвестно, его место занял "тюльпанный нотариус". В небольших городах, где не было биржи, в качестве "места показа" обычно выбиралась главная таверна, где высокие и низкие люди торговали тюльпанами и подтверждали свои сделки за роскошными ужинами. На таких обедах иногда присутствовали две-три сотни человек, и большие вазы с цветущими тюльпанами ставились

через равные промежутки времени на столы и буфеты, чтобы они могли наслаждаться ими во время трапезы.

Однако в конце концов более благоразумные стали понимать, что это безрассудство не может продолжаться вечно. Богатые люди больше не покупали цветы, чтобы сохранить их в своих садах, а продавали их снова с прибылью в цент. Стало ясно, что в конце концов кто-то должен понести страшные потери. По мере распространения этого убеждения цены падали и больше не поднимались. Доверие было уничтожено, и дилеров охватила всеобщая паника. А договорился купить у *Б* десять *Semper Augustines* по четыре тысячи флоринов за штуку через шесть недель после подписания контракта. *В* назначенное время *Б* был готов привезти цветы; но цена упала до трех-четырёх сотен флоринов, и *А* отказался либо выплатить разницу, либо получить тюльпаны. День за днем во всех городах Голландии объявляли о неплательщиках. Сотни людей, которые еще несколько месяцев назад начали сомневаться в том, что в стране существует такая вещь, как бедность, вдруг оказались обладателями нескольких луковиц, которые никто не хотел покупать, даже если они предлагали их за четверть той суммы, которую за них заплатили. Повсюду раздавался крик беды, и каждый обвинил своего соседа. Те немногие, кому удалось обогатиться, прятали свои богатства от сограждан и вкладывали их в английские или другие фонды. Многие из тех, кто на короткое время вырвался из скромных слоев общества, были возвращены в свою прежнюю неизвестность. Значительные купцы были доведены почти до нищеты, а многие представители знатного рода увидели, что состояние их дома разрушено до неузнаваемости.

Когда первая тревога улеглась, владельцы тюльпанов в нескольких городах провели общественные собрания, чтобы обсудить, какие меры лучше всего принять для восстановления общественного кредита. Было решено, что со всех концов страны в Амстердам должны быть посланы депутаты, чтобы посоветоваться с правительством о том, как исправить ситуацию. Правительство сначала отказалось вмешиваться, но посоветовало держателям тюльпанов договориться между собой о каком-нибудь плане. Для этого было проведено несколько собраний, но ни одна мера не могла быть придумана, чтобы удовлетворить заблуждающихся людей или исправить хотя бы малую часть того зла, которое было сделано. Язык жалоб и упреков был у всех на устах, и все собрания носили самый бурный характер. В конце концов, однако, после долгих препирательств и недоброжелательства, в Амстердаме собравшиеся депутаты постановили, что все контракты, заключенные в разгар мании или до ноября 1636 года, должны быть признаны недействительными, а те, что были заключены после этой даты, должны быть освобождены от обязательств, если покупатели заплатят продавцу десять процентов. Это решение не принесло удовлетворения. Продавцы, у которых тюльпаны были на руках, конечно, были недовольны, а те, кто обязался купить, считали, что с ними плохо обошлись. Тюльпаны, которые в свое время стоили шесть тысяч флоринов, теперь должны были закупаться за пятьсот; таким образом, композиция из десяти процентов была на сто флоринов больше фактической стоимости. Иски о нарушении договора грозили подать во все суды страны, но последние отказывались принимать к рассмотрению игорные сделки.

В конце концов дело было передано на рассмотрение провинциального совета в Гааге, и все с уверенностью ожидали, что мудрость этого органа изобретет какую-нибудь меру, с помощью которой кредит будет восстановлен. Ожидание решения было растянуто, но оно так и не пришло. Члены Совета продолжали обсуждать неделю за неделей и, наконец, после трехмесячных раздумий заявили, что не могут предложить окончательного решения, пока не получат больше информации. Однако они посоветовали, чтобы в это время каждый

продавец в присутствии свидетелей предлагал тюльпаны *in natura* покупателю за оговоренную сумму. Если тот откажется, их можно будет выставить на продажу с публичного аукциона, а первоначальный подрядчик будет нести ответственность за разницу между фактической и оговоренной ценой. Именно такой план рекомендовали депутаты, и уже было доказано, что он не принесет пользы. В Голландии не было суда, который мог бы принудить к выплате. Вопрос был поднят в Амстердаме, но судьи единогласно отказались вмешиваться, сославшись на то, что долги, взятые в азартных играх, не являются долгами по закону.

Так дело и заглохло. Найти средство защиты было не в силах правительства. Тем, кому не повезло иметь на руках запасы тюльпанов в момент внезапной реакции, оставалось лишь философски переносить свое разорение; тем, кто получил прибыль, было позволено сохранить ее; но торговля страны испытала тяжелый удар, от которого она оправилась лишь через много лет.

Примеру голландцев в некоторой степени подражали в Англии. В 1636 году тюльпаны были публично проданы на Лондонской бирже, и джобберы приложили максимум усилий, чтобы поднять их до фиктивной стоимости, которую они приобрели в Амстердаме. В Париже джобберы также стремились вызвать тюльпаноманию. В обоих городах им это удалось лишь частично. Однако сила примера привела к тому, что цветы стали пользоваться большой популярностью, и среди определенного класса людей тюльпаны с тех пор ценятся выше, чем любые другие полевые цветы. Голландцы до сих пор известны своей пристрастностью к ним и продолжают платить за них более высокие цены, чем любой другой народ. Как богатый англичанин хвастается своими прекрасными скаковыми лошадьми или старинными картинами, так и богатый голландец хвастается своими тюльпанами.

В Англии в наши дни, как это ни странно, тюльпан приносит больше денег, чем дуб. Если бы удалось найти такой тюльпан, *rara in terris* и черный, как черный лебедь Ювенала, его цена равнялась бы цене дюжины акров стоячей кукурузы. В Шотландии в конце семнадцатого века самая высокая цена на тюльпаны, по данным автора дополнения к третьему изданию Британской энциклопедии, составляла десять гиней. С тех пор их стоимость, по-видимому, снижалась вплоть до 1769 года, когда двумя самыми ценными сортами в Англии стали *Дон Кеведо* и *Валентиньер*, первый из которых стоил две гинеи, а второй - две гинеи с половиной. Эти цены, по-видимому, были минимальными. В 1800 году обычная цена составляла пятнадцать гиней за одну луковицу. В 1835 году луковица вида под названием "Мисс Фанни Кембл" была продана с публичного аукциона в Лондоне за семьдесят пять фунтов. Еще более примечательной была цена тюльпана, принадлежавшего садовнику на Королевской дороге в Челси, - в его каталогах он значился по цене двести гиней.

АЛХИМИСТЫ, ИЛИ Искатели философского камня и воды жизни.

Содержание

Меркурий (loquitur). Какую только тайну не знают эти люди, помимо разжигания углей и черпания усково! Как бы они ни притворялись, прикрываясь именами Гебера, Арнольда, Лулли или бомбардира Гогенгейма, что совершают чудеса в искусстве и измену природе! Как будто звание философа, этого создания славы, должно быть извлечено из печи! Я - их сырье и их сублимат, их осадок и их разложения; их мужчина и их женщина, иногда их гермафродит - как они только не называют меня! Они распекут вам могильную матрону, как мать служанок, и восставят из ее пепла юную девственницу, свежую, как нива; положат на угли старого придворного, как сосиску или сельдь, и, достаточно прожарив его, вдуют в него душу с помощью мехов! Видите, они снова начинают собираться и стягивают свои силы против меня! Гений этого места защищает меня! - Маска Бена Джонсона: Меркурий оправдывается перед алхимиками.

Неудовлетворенность своим положением, похоже, свойственна человеку во все века и в любом климате. Однако оно отнюдь не является злом, как можно было бы предположить вначале, а стало великим цивилизатором нашей расы и, более чем что-либо другое, помогло нам подняться над состоянием животных. Но то же недовольство, которое было источником всех улучшений, стало родителем немалого потомства глупостей и нелепостей; проследить эти последние - наша настоящая задача. Как бы ни была обширна тема, она легко сводится к таким рамкам, которые сделают ее всеобъемлющей, не утомительной, и сделают ее изучение одновременно поучительным и забавным.

Три причины особенно возбуждали недовольство человечества и, побуждая нас искать средства для исправления непоправимого, запутали нас в дебрях безумия и заблуждений. Это смерть, труд и незнание будущего - обреченность человека на этой земле, к которой он проявляет свою антипатию своим жизнелюбием, стремлением к изобилию и жаждой проникнуть в тайны грядущих дней. Первое привело многих к мысли о том, что они могут

найти средства избежать смерти, а если это не удастся, то они, тем не менее, смогут так продлить существование, чтобы считать его веками, а не единицами. Отсюда возникли поиски, которые так долго продолжались и продолжают до сих пор, *эликсир vitae*, или *воды жизни*, которые заставили тысячи претендовать на него и миллионы верить в него. Из второго возникли поиски философского камня, который должен был создать изобилие, превращая все металлы в золото; а из третьего - ложные науки астрологии, гадания и их разновидностей - некромантии, хиромантии, авгуров - со всем их набором знаков, предзнаменований и предзнаменований.

Прослеживая карьеру заблуждающихся философов или умышленных обманщиков, которые поощряли или охотились на доверчивость человечества, мы разделим их на три класса, что упростит и прояснит предмет: первый - алхимики, или те, кто посвятил себя открытию философского камня и воды жизни; второй - астрологи, некроманты, колдуны, геоманты и все те, кто претендует на открытие будущего; И третья - торговцы чарами, амулетами, филтерами, универсальными панацеями, прикосновением к злу, семью сыновьями седьмого сына, составителями симпатических порошков, гомеопатами, животными магнетизерами и всем пестрым племенем шарлатанов, эмпириков и заклинателей.

Но, рассказывая о карьере таких людей, можно обнаружить, что многие из них объединяли в себе несколько или все упомянутые функции; что алхимик был гадателем или некромантом, что он притворялся, будто лечит все болезни прикосновением или чарами, и творил чудеса любого рода. В темные и ранние века европейской истории это особенно характерно. Даже если мы перейдем к более поздним периодам, мы обнаружим большие трудности в разделении характеров. Алхимик редко ограничивался только своей притворной наукой, колдун и некромант - своей, а шарлатан-медик - своей. Начиная с алхимии, некоторая путаница этих классов неизбежна, но по мере продвижения вперед все прояснится.

Давайте не будем, гордясь своим превосходным знанием, с презрением отворачиваться от глупостей наших предшественников. Изучение ошибок, в которые впадали великие умы в поисках истины, никогда не может быть неинструктивным. Как человек оглядывается на дни своего детства и юности и вспоминает странные представления и ложные мнения, которые определяли его поступки в то время, чтобы удивиться им; так и общество должно для своего назидания оглянуться на мнения, которые управляли веками, ушедшими в прошлое. Тот поверхностный мыслитель, кто презирает и отказывается слушать о них только потому, что они абсурдны. Ни один человек не может быть настолько мудрым, чтобы не извлечь некоторую мудрость из своих прошлых ошибок, будь то мысли или действия; и ни одно общество не достигло таких успехов, чтобы не могло улучшиться от ретроспективного анализа своей прошлой глупости и легковерия. И такое исследование не только поучительно: тот, кто читает только для развлечения, не найдет в летописи человеческого разума главы более забавной, чем эта. Она открывает все царство вымысла - дикого, фантастического, чудесного и всего огромного разнообразия вещей, "которых нет и быть не может, но которые воображают и в которые верят".

Более тысячи лет искусство алхимии пленяло многих благородных духов, и в него верили миллионы. Его происхождение покрыто мраком. Одни его почитатели утверждают, что оно имеет древность, созвучную сотворению самого человека, другие, наоборот, относят его не далее времен Ноя. Винсент де Бове утверждает, что все древние люди должны были обладать знаниями об алхимии; в частности, он ссылается на Ноя, который был знаком с *эликсиром vitae*, иначе он не смог бы дожить до столь преклонного возраста и родить детей,

когда ему было уже за пятьсот. Ленгле дю Френуа в своей "Истории Герметической Философии" говорит: "Большинство из них утверждали, что Шем, или Хем, сын Ноя, был искусен в этом искусстве, и считали весьма вероятным, что слова "химия" и "алхимия" происходят от его имени". Другие говорят, что это искусство произошло от египтян, среди которых оно было впервые основано Гермесом Трисмегистом. Моисей, которого считают первоклассным алхимиком, получил свои знания в Египте, но он держал их при себе и не стал наставлять детей Израиля в их тайнах. Все авторы, пишущие об алхимии, с триумфом приводят историю о золотом тельце в 32-й главе книги Исход, чтобы доказать, что этот великий законодатель был искусен и мог делать или не делать золото по своему желанию. Записано, что Моисей так разгневался на израильтян за их идолопоклонство, "что взял тельца, которого они сделали, и сжег его в огне, и истолок в порошок, и посыпал им воды, и заставил сынов Израилевых пить из него". Этого, говорят алхимики, он никогда не смог бы сделать, если бы не владел философским камнем; никаким другим способом он не смог бы заставить золотой порошок плавать в воде. Но мы должны оставить этот сложный вопрос на рассмотрение адептов этого искусства, если таковые имеются, и перейти к более современным периодам его истории. Иезуит отец Мартини в своей "Истории Синики" утверждает, что китайцы занимались этим искусством за две тысячи пятьсот лет до рождения Христа; но его утверждение, ничем не подкрепленное, ничего не стоит. Однако, судя по всему, претенденты на искусство изготовления золота и серебра существовали в Риме в первые века после христианской эры, и, будучи обнаруженными, они подлежали наказанию, как рыцари и самозванцы. В Константинополе в четвертом веке в трансмутацию металлов верили очень широко, и многие греческие епископы писали трактаты на эту тему. Их имена сохранились, а некоторые сведения об их работах приведены в третьем томе "Истории герметической философии" Лангле дю Френуа. Они считали, что все металлы состоят из двух субстанций: металлической земли и красного горючего вещества, которое они называли серой. Чистое соединение этих веществ образует золото; другие же металлы смешиваются с различными инородными компонентами и загрязняются ими. Задача философского камня состояла в том, чтобы растворить или нейтрализовать все эти ингредиенты, в результате чего железо, свинец, медь и все другие металлы превращались бы в первоначальное золото. Многие ученые и умные люди тратили свое время, здоровье и силы на эти тщетные поиски, но в течение нескольких столетий эта идея не занимала воображение людей. История заблуждения представляется в некотором роде потерянной с этого времени до восьмого века, когда оно появилось среди арабов. С этого периода становится легче проследить ее развитие. Тогда появился мастер, которого долгое время считали отцом этой науки, и чье имя неразрывно связано с ней.

Гебер.

Об этом философе, посвятившем свою жизнь изучению алхимии, известно лишь немного. Считается, что он жил в 730 году. Его настоящее имя было Абу Мусса Джафар, к которому добавлялось Аль Софи, или "Мудрый", и родился он в Хуране, в [Месопотамии](#)²⁸. Некоторые считали его греком, другие - испанцем, третьи - принцем Хиндостана; но из всех ошибок, которые были сделаны в отношении него, самой смехотворной была ошибка французского переводчика "Истории медицины" Шпренгера, который решил, по звучанию его имени, что он был немцем, и перевел его как "Donnateur", или "Даритель". Подробности его жизни неизвестны, но утверждается, что он написал более пятисот работ о философском камне и воде жизни. Он был большим энтузиастом в своем искусстве и сравнивал недоверчивых людей с маленькими детьми, запертыми в узкой комнате без окон и проемов, которые, поскольку не видели ничего за ее пределами, отрицали существование самого большого земного шара. Он считал, что препарат из золота излечит все недуги, причем не только

человека, но и низших животных и растений. Он также полагал, что все металлы страдают от болезней, за исключением золота, которое единственное находится в полном здравии. Он утверждал, что тайна философского камня уже не раз была открыта, но что древние и мудрые люди, которые ее разгадали, никогда не сообщат ее людям ни словом, ни письмом из-за своего недостойнства и недоверчивости.²⁹ Но жизнь Гебера, хотя и прошла в погоне за этой тщетной химерой, не была совсем бесполезной. Он наткнулся на открытия, которых не искал, и наука обязана ему первым упоминанием о едком сублимате, красном оксиде ртути, азотной кислоте и нитрате серебра.³⁰

Более двухсот лет после смерти Гебера арабские философы посвятили изучению алхимии, присоединив к ней астрологию. Самым известным из них был

Альфараби.

Альфараби жил в начале десятого века и пользовался репутацией одного из самых ученых людей своего века. Всю свою жизнь он провел в путешествиях из страны в страну, чтобы собрать мнения философов о великих тайнах природы. Ни одна опасность не пугала его, ни один труд не утомлял его. Многие государи пытались удержать его при своих дворах, но он не успокаивался, пока не открыл великую цель своей жизни - искусство сохранять ее на века и делать золота столько, сколько ему нужно. Этот бродячий образ жизни в конце концов оказался для него роковым. Он посетил Мекку не столько с религиозными, сколько с философскими целями, когда, возвращаясь через Сирию, остановился при дворе султана Сейфеддуле, который славился как покровитель учености. Он предстал в своем дорожном одеянии перед монархом и его придворными и без приглашения прохладно уселся на диван рядом с принцем. Придворные и мудрецы были возмущены, а султан, не знавший незваного гостя, поначалу был склонен последовать их примеру. Он обратился к одному из своих офицеров и приказал ему выгнать самонадеянного незнакомца из комнаты; но Альфараби, не двигаясь с места, осмелился наложить на него руки и, спокойно обратившись к принцу, заметил, что не знает, кто его гость, иначе он обращался бы с ним с честью, а не с насилием. Султан, вместо того чтобы еще больше разгневаться, как это сделали бы многие властители, восхитился его хладнокровием и, попросив его сесть еще ближе к нему на диван, вступил с ним в долгую беседу о науках и божественной философии. Все придворные были очарованы незнакомцем. Были предложены вопросы для обсуждения, по всем из которых он продемонстрировал превосходные знания. Он убеждал каждого, кто осмеливался с ним спорить, и так красноречиво говорил о науке алхимии, что его сразу же признали вторым после самого великого Гебера. Один из присутствовавших врачей поинтересовался, знаком ли человек, знающий столько наук, с музыкой? Альфараби ничего не ответил, а лишь попросил принести ему лютню. Лютню принесли, и он заиграл такие восхитительные и нежные мелодии, что все придворные растрогались до слез. Затем он сменил тему и заиграл такие зажигательные мелодии, что заставил всех серьезных философов, султана и всех остальных, танцевать так быстро, как только могли их нести ноги. Затем он снова отрезвил их траурной мелодией, заставив рыдать и вздыхать, словно разбитое сердце. Султан, восхищенный его способностями, уговаривал его остаться, предлагая ему все возможные средства, какие только могли дать богатство, власть и достоинство; но алхимик решительно отказался, так как, по его словам, ему было предписано никогда не успокаиваться, пока он не найдет философский камень. В тот же вечер он отправился в путь и был убит разбойниками в пустынях Сирии. Биографы не приводят никаких других сведений о его жизни, кроме упоминания о том, что он написал несколько ценных трактатов о своем искусстве, все из которых, однако, были утеряны. Его смерть наступила в 954 году.

Авиценна.

Авиценна, настоящее имя которого было Эбн Цинна, другой великий алхимик, родился в Бохаре в 980 году. Его репутация как врача и человека, сведущего во всех науках, была столь велика, что султан Магдал Дулет решил испытать его силы в великой науке управления. Он стал великим визирем этого принца и управлял государством с некоторым преимуществом, но в науке, которая была еще более сложной, он потерпел полное фиаско. Не умея управлять своими страстями, он предался вину и женщинам и вел жизнь бесстыдного разврата. Среди разнообразных дел и удовольствий он все же нашел время написать семь трактатов о философском камне, которые на протяжении многих веков считались очень ценными для претендентов на это искусство. Нечасто выдающийся врач, каким был Авиценна, предается чувственным наслаждениям; но за несколько лет он настолько увлекся, что был смещен со своего высокого поста и вскоре умер от преждевременной старости и осложнения болезней, вызванных распутством. Его смерть наступила в 1036 году. После его смерти мало кто из известных философов в Аравии посвятил себя изучению алхимии, но вскоре после этого она стала привлекать больше внимания в Европе. Знающие люди во Франции, Англии, Испании и Италии выражали свою веру в эту науку, а многие посвящали ей все свои силы. В двенадцатом и тринадцатом веках она получила широкое распространение, и с ней связаны некоторые из самых ярких имен той эпохи. Среди наиболее выдающихся из них

Альбертус Магнус и Фома Аквинский.

Первый из этих философов родился в 1193 году в знатной семье в Лауингене, в герцогстве Нойбург, на Дунае. Первые тридцать лет своей жизни он казался удивительно тупым и глупым, и все боялись, что из него ничего хорошего не выйдет. В раннем возрасте он поступил в доминиканский монастырь, но так мало продвинулся в учебе, что не раз был готов бросить ее в отчаянии, но был наделен необычайным упорством. По мере того как он достигал среднего возраста, его ум расширялся, и он учился всему, к чему бы ни прикладывал свои усилия, с необычайной легкостью. Столь поразительные перемены в том возрасте можно было объяснить только чудом. Утверждали и верили, что Пресвятая Дева, тронутая его великим желанием стать ученым и знаменитым, сжалилась над его неспособностью, явилась ему в монастыре, где он сидел почти в отчаянии, и спросила, в чем он желает преуспеть - в философии или в божественности. Он выбрал философию, к огорчению Девы, которая мягко и печально упрекнула его в том, что он не сделал лучшего выбора. Она, однако, удовлетворила его просьбу, чтобы он стал самым выдающимся философом эпохи, но поставила ему в укор то, что он, находясь в зените славы, должен вернуться к своей прежней неспособности и глупости. Альбертус никогда не брал на себя труд опровергнуть эту историю, но продолжал свои занятия с таким неослабевающим рвением, что его репутация быстро распространилась по всей Европе. В 1244 году знаменитый Фома Аквинский поступил к нему на обучение. О мастере и его ученике рассказывают много необычных историй. Хотя они уделяли должное внимание другим отраслям науки, они никогда не пренебрегали поисками философского камня и *эликсира vitae*. Хотя они не обнаружили ни того, ни другого, считалось, что Альберт завладел частью секрета жизни и нашел средства для оживления медной статуи, над созданием которой, при правильном соединении планет, он был занят много лет своей жизни. Вместе с Фомой Аквинским он доработал ее, наделил способностью говорить и заставил выполнять функции домашнего слуги. В этом качестве она была очень полезна; но из-за какого-то дефекта в механизме она болтала гораздо больше, чем было приятно обоим философам. От его болтливости пытались избавиться различными средствами, но тщетно; и однажды Фома Аквинский так разгневался на шум, который он производил, когда был занят решением

математической задачи, что схватил громоздкий молоток и разбил его вдребезги.³¹ Впоследствии он сожалел о своем поступке, и хозяин упрекал его за то, что он поддался гневу, столь неподобающему для философа. Они не сделали ни одной попытки оживить статую.

АЛЬБЕРТУС МАГНУС.

Подобные истории свидетельствуют о духе эпохи. Каждого великого человека, пытавшегося изучить тайны природы, считали магом; и не стоит удивляться, что, когда сами философы претендовали на открытие эликсира, дарующего бессмертие, или красного камня, который должен был создать безграничное богатство, народное мнение усиливало их притязания и наделяло их еще более чудодейственными способностями. Об Альбертусе Магнусе говорили, что он может даже изменять течение времен года - подвиг, который многие считали менее трудным, чем открытие великого эликсира. Альбертус хотел получить участок земли, на котором можно было бы построить монастырь в окрестностях Кельна. Земля принадлежала Вильгельму графу Голландскому и королю римлян, который по тем или иным причинам не хотел с ней расставаться. Сообщается, что Альбертус получил его следующим необычным способом: Он пригласил принца, когда тот проезжал через Кельн, на великолепное развлечение, приготовленное для него и всего его двора. Принц принял приглашение и со свитой отправился в резиденцию мудреца. Была середина зимы, Рейн замерз, и холод стоял такой лютый, что рыцари не могли сесть на коней, не рискуя лишиться пальцев ног от мороза. Поэтому, прибыв в дом Альберта, они с удивлением обнаружили, что трапеза была устроена в его саду, где снег лежал на глубине нескольких футов. Граф в ярости сел на своего коня, но Альберт наконец уговорил его сесть за стол. Не успел он этого сделать, как темные тучи сползли с неба, засияло теплое солнце, холодный северный ветер резко повернул в сторону и подул легкий бриз с юга, снега растаяли, лед на ручьях сошел, деревья распустили зеленые листья, под ногами распустились цветы, а жаворонки, соловьи, дрозды, кукушки, дрозды и всякие милые певчие птицы запели гимны с каждого дерева. Граф и его сопровождающие очень удивились, но съели свой ужин, и в награду за это Альберт получил свой участок земли для строительства монастыря. Однако он не показал им всю свою силу. Как только трапеза закончилась, он сказал слово, и темные тучи заслонили солнце, снег повалил крупными хлопьями, певчие птицы замерли, листья опали с деревьев, а ветер подул такой холодный и заунывный, что гости закутались в свои толстые плащи и вернулись в дом, чтобы погреться у пылающего огня на кухне [Альберта](#)³².

Фома Аквинский тоже умел творить чудеса не хуже своего хозяина. О нем рассказывают, что он поселился на одной из улиц Кельна, где его сильно раздражал непрекращающийся стук копыт лошадей, которых конюхи ежедневно вели по ней на зарядку. Он просил последних выбрать другое место, где они могли бы не мешать философу; но конюхи остались глухи ко всем его просьбам. В такой ситуации он прибегнул к помощи магии. Он смастерил из бронзы маленького коня, на котором начертал несколько кабалистических символов, и закопал его в

полночь посреди шоссе. На следующее утро отряд конюхов, как обычно, выехал на дорогу, но лошади, подъехав к месту, где была похоронена волшебная лошадь, взвились на дыбы, ноздри их расширились от ужаса, гривы встали дыбом, а пот ручьями стекал по бокам. Напрасно всадники нажимали на шпоры, напрасно уговаривали или угрожали - животные не проходили мимо места. На следующий день успех был не лучше. В конце концов они были вынуждены искать другое место для своих упражнений, и Фома Аквинский был оставлен в покое.³³

Альбертус Магнус был поставлен епископом Ратисбона в 1259 году, но занимал эту должность всего четыре года, после чего ушел в отставку, сославшись на то, что ее обязанности отнимают слишком много времени, которое он хотел посвятить философии. Он умер в Кельне в 1280 году, в преклонном возрасте восьмидесяти семи лет. Доминиканские писатели отрицают, что он когда-либо искал философский камень, но его трактат о минералах в достаточной степени доказывает, что он это делал.

Артефиус.

Артефий, имя которого отмечено в анналах алхимии, родился в начале двенадцатого века. Он написал два знаменитых трактата: о философском камне и об искусстве продления человеческой жизни. В последнем трактате он хвастается своей высокой квалификацией для наставления человечества в этом вопросе, ведь в то время ему шел тысяча двадцать пятый год от роду! У него было много учеников, которые верили в его преклонный возраст и пытались доказать, что он был Аполлоном Тианским, который жил вскоре после пришествия Иисуса Христа и чья жизнь и притворные чудеса были так подробно описаны Филостратом. Он тщательно следил за тем, чтобы никогда не противоречить истории, которая так усиливала власть, которую он желал иметь над своими сородичами. При каждом удобном случае он хвастался этим; обладая прекрасной памятью, богатым воображением и доскональным знанием всей существующей истории, он никогда не был в затруднении, когда его спрашивали о внешности, манерах или характере великих людей древности. Он также утверждал, что нашел философский камень, и говорил, что в поисках его он спустился в ад и видел дьявола, сидящего на золотом троне, с легионом импов и извергов вокруг него. Его труды по алхимии были переведены на французский язык и опубликованы в Париже в 1609 или 1610 году.

Ален де Лисл.

Современником Альбертуса Магнуса был Ален де Лисл из Фландрии, которого за его великую образованность прозвали "универсальным врачом". Считалось, что он обладает знаниями во всех науках и, подобно Артефию, открыл *эликсир vitae*. Он стал одним из монахов аббатства Сито и умер в 1298 году в возрасте около ста десяти лет. О нем говорили, что на пятидесятом году жизни он был близок к смерти, но удачное открытие эликсира позволило ему прибавить к своему существованию еще шестьдесят лет. Он написал комментарий к пророчествам Мерлина.

Арнольд де Вильнев.

Этот философ оставил после себя гораздо большую славу. Он родился в 1245 году и с большим успехом изучал медицину в Парижском университете. После этого он в течение двадцати лет путешествовал по Италии и Германии, где познакомился с Пьетро д'Апоне, человеком, схожим с ним по характеру и увлекавшимся теми же занятиями. Как врач, он еще при жизни считался самым способным из всех, кого когда-либо видел мир. Как и все ученые

люди того времени, он занимался астрологией и алхимией, и считалось, что он сделал огромное количество золота из свинца и меди. Когда Пьетро д'Апоне был арестован в Италии и предстал перед судом как колдун, аналогичное обвинение было выдвинуто и против Арнольда; но ему удалось вовремя покинуть страну и избежать участи своего несчастного друга. Предсказав конец света, он потерял некоторую репутацию, но впоследствии вновь обрел ее. Время его смерти точно не известно, но, должно быть, это произошло до 1311 года, когда папа Климент V написал циркулярное письмо всем священнослужителям Европы, которые жили под его покровительством, с просьбой приложить все усилия, чтобы обнаружить знаменитый трактат Арнольда "О врачебной практике". Автор обещал при жизни преподнести этот труд в дар Святому престолу, но умер, так и не выполнив этого обещания.

АРНОЛЬД ДЕ ВИЛЛЕНЕВ.

В очень любопытном труде месье Лонгевиля Харкуэ "История людей, проживших несколько столетий, а затем снова ставших молодыми" приводится расписка, якобы данная Арнольдом де Вильневом, с помощью которой любой человек может продлить свою жизнь на несколько сотен лет или около того. Прежде всего, говорят Арнольд и месье Харкуэ, "человек, намеревающийся таким образом продлить свою жизнь, должен два или три раза в неделю хорошо натирать себя соком или косточкой кассии (*moëlle de la casse*). Каждый вечер, ложась спать, он должен накладывать на сердце пластырь, состоящий из определенного количества восточного шафрана, листьев красной розы, сандалового дерева, алоэ и янтаря, разжиженного в масле розы и лучшем белом воске. Утром он должен снять его и тщательно уложить в свинцовую коробку до следующей ночи, когда его снова нужно будет нанести. Если он сангвиник, то должен взять шестнадцать цыплят, если флегматик - двадцать пять, а если меланхолик - тридцать, которые должны быть помещены во двор, где чистый воздух и вода. Он должен питаться ими, съедая по одной в день; но прежде цыплят следует откормить особым способом, который пропитает их плоть качествами, которые должны принести долголетие едоку. Лишенные всякой другой пищи, пока они почти не умрут от голода, они должны питаться бульоном из змей и уксуса, который должен быть загущен пшеницей и отрубями". При приготовлении этого бульона должны быть выполнены различные церемонии, о которых те, кто интересуется этим вопросом, могут прочитать в книге М. Харкуэ; цыплята должны питаться им в течение двух месяцев. После этого они пригодны к столу, и их следует запивать умеренным количеством хорошего белого вина или кларета. Этого режима следует придерживаться регулярно каждые семь лет, и любой человек может дожить до старости, как Мафусаил! Следует отметить, что у М. Харкуэ мало оснований приписывать эту драгоценную композицию Арнольду из Вильнева. Оно не содержится в собрании сочинений

этого философа, но впервые было обнаружено неким М. Пуарье в начале XVI века, который утверждал, что обнаружил его в MS. в несомненном авторстве Арнольда.

Пьетро д'Апоне.

Этот неудачливый мудрец родился в Апоне, недалеко от Падуи, в 1250 году. Как и его друг Арнольд де Вильнев, он был выдающимся врачом и претендовал на искусство астрологии и алхимии. Он много лет практиковал в Париже и нажил огромное состояние, убивая и исцеляя, а также предсказывая судьбу. В злосчастный для него день он вернулся в свою страну, имея репутацию мага первого порядка. По всеобщему мнению, он вызвал из преисподней семь злых духов, которых держал заключенными в семи хрустальных вазах, пока ему не требовались их услуги, и тогда он отправлял их на край земли, чтобы они исполнили его волю. Один дух преуспел в философии, второй - в алхимии, третий - в астрологии, четвертый - в физике, пятый - в поэзии, шестой - в музыке, седьмой - в живописи, и когда Пьетро желал получить информацию или наставления в любом из этих искусств, ему достаточно было подойти к своей хрустальной вазе и освободить духа-предводителя. Тотчас же ему открывались все секреты искусства, и он мог, если ему было угодно, превзойти Гомера в поэзии, Апеллеса в живописи или самого Пифагора в философии. Хотя он умел делать золото из латуни, о нем говорили, что он очень скупно расходовал свои силы в этом отношении и постоянно снабжал себя деньгами другими, менее надежными способами. Выдавая золото, он произносил некое заклинание, известное только ему самому, и на следующее утро золото снова оказывалось в его собственном владении. Торговец, которому он его отдавал, мог запереть его в свой крепкий ящик и приставить к нему отряд солдат, но зачарованный металл возвращался к своему старому хозяину. Даже если бы его закопали в землю или бросили в море, рассвет следующего утра застал бы его в карманах Пьетро. Поэтому мало кто любил иметь дело с таким человеком, особенно в отношении золота. Некоторые, более смелые, чем остальные, полагали, что его власть не распространяется на серебро; но, проведя эксперимент, они обнаружили, что ошиблись. Болты и прутья не могли сдержать его, и оно иногда становилось невидимым в их руках и по воздуху перелетало в кошелёк фокусника. Он неизбежно приобрел очень скверный характер, и, высказав некоторые взгляды на религию, прямо противоположные ортодоксальным, он был вызван в трибунал инквизиции, чтобы ответить за свои преступления как еретик и колдун. Он громко заявлял о своей невиновности, даже на дыбе, где он перенес больше пыток, чем могла выдержать природа. Он умер в тюрьме, так и не дождавшись окончания суда, но впоследствии был признан виновным. Его кости было приказано выкопать и публично сжечь. Его также сожгли в чучеле на улицах Падуи.

Раймонд Лулли.

РЭЙМОНД ЛУЛЛИ.

В то время как Арнольд де Вильнев и Пьетро д'Апоне процветали во Франции и Италии, в Испании появился более знаменитый адепт, чем каждый из них. Это был Раймонд Лулли, имя которого стоит в первом ряду среди алхимиков. В отличие от многих своих предшественников, он не претендовал на астрологию или некромантию, но, взяв за образец Гебера, тщательно изучал природу и состав металлов, не прибегая к чарам, заклинаниям или каким-либо глупым церемониям. Однако к изучению этого искусства он приступил лишь в конце жизни. Его ранний и средний возраст прошли по-разному, и вся его история в высшей степени романтична. Он родился в знаменитой семье на Майорке в 1235 году. Когда этот остров был отвоеван у сарацин Яковом I, королем Арагона, в 1230 году, отец Раймонда, который был родом из Каталонии, поселился там и получил значительное назначение от короны. Раймонд женился в раннем возрасте, и, будучи любителем удовольствий, покинул уединение родного острова и вместе с невестой перебрался в Испанию. Он стал Великим сенешалем при дворе короля Якова и вел веселую жизнь в течение нескольких лет. Верный своей жене, он постоянно гонялся за новой красавицей, пока наконец его сердце не остановилось на прекрасной, но недоброй Амброзии де Кастелло. Эта дама, как и ее поклонник, была замужем, но, в отличие от него, была верна своим обетам и относилась ко всем его просьбам с презрением. Раймонд был так очарован, что отпор только усиливал его пламя; он ночами простаивал под ее окнами, писал страстные стихи в ее честь, пренебрегал своими делами и становился объектом внимания всех придворных. Однажды, наблюдая за ней под решеткой, он случайно увидел ее грудь, когда ее шейный платок развеивался на ветру. На него снизошел приступ вдохновения, он сел и сочинил несколько нежных строф на эту тему и послал их госпоже. Прекрасная Амброзия никогда прежде не отвечала на его письма, но на это она ответила. Она сказала ему, что никогда не сможет выслушать его просьбу; что мудрому человеку не подобает заикливаться своими мыслями, как это делал он, на ком-либо другом, кроме своего Бога; и умоляла его посвятить себя религиозной жизни и победить недостойную страсть, которая, как он полагал, поглотила его. При этом она предложила, если он того пожелает, показать ему прекрасное лоно, которое так пленило его. Раймонд был в восторге. Он подумал, что вторая часть этого послания плохо согласуется с первой и что Амброзия, несмотря на добрые советы, которые она ему давала, наконец-то

смирилась и сделает его счастливым, как он того пожелает. Он ходил за ней из дома в дом, уговаривая исполнить обещание, но Амброзия была холодна и со слезами умоляла его больше не умолять ее, ибо она никогда не сможет стать его и не станет, если завтра будет свободна. "Что же означает ваше письмо?" - спросил отчаявшийся любовник. "Я покажу вам!" - ответила Амброзия, и тут же обнажила грудь, явив взору своего ужасного поклонника большой рак, охвативший обе груди. Она увидела, что он потрясен, и, протянув к нему руку, снова стала молить его вести религиозную жизнь и устремить свое сердце к Творцу, а не к твари. Он вернулся домой изменившимся человеком. На следующий день он бросил свое ценное назначение при дворе, расстался с женой и распрощался с детьми, разделив между ними половину своего огромного состояния. Другую половину он поделил между бедняками. Затем он бросился к подножию распятия и посвятил себя служению Богу, поклявшись в качестве наиболее приемлемого искупления своих ошибок посвятить остаток своих дней обращению мусульман в христианскую религию. Во сне он увидел Иисуса Христа, который сказал ему: "Раймонд! Раймонд! Следуй за мной!" Видение повторилось трижды, и Раймонд был убежден, что это было прямое указание с небес. Приведя свои дела в порядок, он отправился в паломничество к святыни святого Иакова Компостельского, а затем десять лет прожил в уединении среди гор Аранда. Здесь он выучил арабский язык, чтобы подготовиться к миссии по обращению магометан. Он также изучал различные науки, преподаваемые в трудах ученых Востока, и впервые познакомился с трудами Гебера, которым суждено было оказать столь большое влияние на его дальнейшую жизнь.

По окончании этого испытательного срока, когда ему пошел сороковой год, он вышел из своего уединения к более активной жизни. На остатки своего состояния, накопленного за время отшельничества, он основал колледж для изучения арабского языка, который был одобрен папой и получил множество похвал в адрес его усердия и благочестия. В это время он едва избежал убийства, совершенного арабским юношей, которого он взял к себе на службу. Раймонд молил Бога в некоторых приступах фанатизма, чтобы он принял мученическую смерть за его святое дело. Его слуга подслушал его молитву и, будучи таким же фанатиком, как и его хозяин, решил исполнить его желание и одновременно наказать его за проклятия, которые он непрерывно обрушивал на Магомета и всех, кто в него верил, пронзив его в сердце. Однажды, сидя за столом, он нанес удар своему господину, но инстинкт самосохранения оказался сильнее желания мученичества, Раймонд схватился со своим противником и поверг его. Сам он не захотел лишать себя жизни, но передал его городским властям, которые впоследствии нашли его мертвым в своей тюрьме.

После этого приключения Раймонд отправился в Париж, где прожил некоторое время и завел знакомство с Арнольдом де Вильневом. От него он, вероятно, получил некоторое поощрение к поискам философского камня, так как с этого времени стал уделять меньше внимания религиозным вопросам и больше - изучению алхимии. Тем не менее он никогда не терял из виду великую цель, ради которой жил, - обращение магометан, и отправился в Рим, чтобы лично пообщаться с папой Иоанном XXI. о наилучших мерах, которые следует принять для достижения этой цели. Папа ободрил его на словах, но не смог привлечь к задуманному предприятию других лиц. Поэтому Раймонд отправился в Тунис один, и был любезно принят многими арабскими философами, которые были наслышаны о его славе профессора алхимии. Если бы он придерживался алхимии, находясь в их стране, все было бы хорошо для него; но он начал проклинать Магомета и попал в беду. Проповедуя доктрины христианства на большом базаре Туниса, он был арестован и брошен в тюрьму. Вскоре после этого он предстал перед судом и был приговорен к смерти. Некоторые из его друзей-философов усердно ходатайствовали за него, и он был помилован при условии, что немедленно покинет Африку и никогда больше не ступит на ее территорию. Если его снова найдут там, то

независимо от того, какую цель он преследовал и сколько времени прошло, его первоначальный приговор будет приведен в исполнение. Раймонд совсем не стремился к мученичеству, когда дело доходило до дела, как бы он ни относился к нему, когда опасности не было, и он с радостью принял свою жизнь на этих условиях и покинул Тунис с намерением отправиться в Рим. Впоследствии он изменил свой план и обосновался в Милане, где в течение долгого времени с большим успехом занимался алхимией, а по некоторым данным, и астрологией.

Большинство писателей, которые верили в секреты алхимии и обратили внимание на жизнь Раймонда Лулли, утверждают, что, находясь в Милане, он получил письма от короля Англии Эдуарда, приглашавшего его поселиться в его государствах. Они добавляют, что Лулли с радостью принял приглашение и получил в свое пользование апартаменты в лондонском Тауэре, где он очистил много золота, руководил чеканкой монет "розовых дворян" и изготовил из железа, зыбучего серебра, свинца и олова золота на сумму шесть миллионов. Авторы "Универсальной биографии", превосходного авторитета в целом, отрицают, что Раймонд когда-либо был в Англии, и говорят, что во всех этих историях о его чудесных способностях алхимика, он был принят за другого Раймонда, еврея из Таррагоны. Науде в своей "Апологии" просто говорит, что "шесть миллионов были даны Раймондом Лулли королю Эдуарду для войны с турками и другими неверными": не то чтобы он превратил столько металла в золото; но, как он потом добавляет, он посоветовал Эдуарду обложить шерсть налогом, который и дал эту сумму. Чтобы показать, что Раймонд отправился в Англию, его поклонники цитируют приписываемую ему работу *De Transmutatione Animæ Metallorum*, в которой он прямо говорит, что был в Англии по ходатайству короля.³⁴ Герметические авторы не согласны с тем, кто пригласил его - Эдуард I или Эдуард II; но, указывая дату его путешествия в 1312 году, они делают вывод, что это был Эдуард II. Эдмонд Дикенсон в своем труде "Квинтэссенции философов" говорит, что Раймонд работал в Вестминстерском аббатстве, где через много времени после его ухода в занимаемой им келье было найдено большое количество золотой пыли, из которой архитекторы извлекли большую выгоду. В биографическом очерке Джона Кремера, аббата Вестминстера, приведенном Ленглетом, говорится, что Раймонд попал в Англию в основном благодаря его содействию. Кремер уже тридцать лет был занят тщетными поисками философского камня, когда случайно встретил Раймонда в Италии и попытался склонить его к передаче своего великого секрета. Раймонд сказал ему, что он должен найти его сам, как это делали все великие алхимики до него. Кремер, вернувшись в Англию, в высоких выражениях рассказал королю Эдуарду о чудесных достижениях философа, и ему тут же было отправлено письмо с приглашением. Роберт Константинус в "*Nomenclator Scriptorum Medicorum*", опубликованном в 1515 году, пишет, что после долгих поисков он выяснил, что Раймонд Лулли некоторое время жил в Лондоне и что он действительно изготавливал золото с помощью философского камня в Тауэре; он видел золотые куски его монет, которые до сих пор называются в Англии дворянами Раймонда, или розовыми дворянами. Сам Лулли, похоже, хвастался тем, что делал золото; в своем известном *Testamentum* он утверждает, что превратил в этот металл не менее пятидесяти тысяч фунтов веса зыбучего серебра, свинца и олова.³⁵ Кажется весьма вероятным, что английский король, поверив в необыкновенные способности алхимика, пригласил его в Англию, чтобы испытать их, и что он занимался аффинажем золота и чеканкой монет. Камден, не отличавшийся легковерием в подобных вопросах, подтверждает историю о чеканке им монет для знати; и нет ничего удивительного в том, что человек, известный своими познаниями в металлах, был занят в таком качестве. В это время Раймонд был уже пожилым человеком, ему шел семьдесят седьмой год, и он находился в преклонном возрасте. Он охотно верил, что открыл великую тайну, и скорее поддерживал слухи, чем опровергал их. Он недолго оставался в Англии, но вернулся в Рим,

чтобы осуществить проекты, которые были ближе его сердцу, чем профессия алхимика. Он предлагал их нескольким сменявшим друг друга папам, но они практически не имели успеха. Первый - план введения восточных языков во всех монастырях Европы; второй - сведение в одно целое всех военных орденов, чтобы, объединившись, они могли эффективнее действовать против сарацин; третий - запрещение государем-понтификом чтения в школах сочинений Аверроэса, как более благоприятных для магометанства, чем для христианства. Папа принял старика не слишком радушно, и, пробыв в Риме около двух лет, он снова отправился в Африку, один и без защиты, чтобы проповедовать Евангелие Иисуса. Он высадился в Боне в 1314 году и так разозлил магометан, прокляв их пророка, что они забили его камнями и оставили умирать на берегу моря. Через несколько часов после этого его нашли генуэзские купцы, которые подняли его на борт своего судна и отплыли в сторону Майорки. Несчастный еще дышал, но не мог говорить. В таком состоянии он пролежал несколько дней и скончался как раз в тот момент, когда судно подошло к его родным берегам. Его тело с большой помпой доставили в церковь Святой Евлалии в Пальме, где в его честь были организованы общественные похороны. Впоследствии говорили, что у его гробницы происходили чудеса.

Так закончилась карьера Раймонда Лулли, одного из самых необычных людей своей эпохи, и, за исключением его последнего хвастовства о шести миллионах золота, наименее склонного к шарлатанству из всех профессоров алхимии. Его труды были очень многочисленны и насчитывают около пятисот томов, посвященных грамматике, риторике, морали, теологии, политике, гражданскому и каноническому праву, физике, метафизике, астрономии, медицине и химии.

Роджер Бэкон.

Мощное заблуждение алхимии охватило ум еще более великого человека, чем Раймонд Лулли. Роджер Бэкон твердо верил в философский камень и проводил большую часть своего времени в его поисках. Его пример помог всем ученым того времени убедиться в его практической осуществимости и еще больше укрепиться в стремлении к нему. Он родился в Ильчестере, в графстве Сомерсет, в 1214 году. Некоторое время он учился в Оксфордском университете, а затем в Парижском, где получил степень доктора богословия. Вернувшись в Англию в 1240 году, он стал монахом ордена Святого Франциска. Он был, безусловно, самым ученым человеком своей эпохи; его познания настолько превосходили понимание современников, что они могли объяснить их только предположением, что он был обязан ими дьяволу. Вольтер небезосновательно назвал его "Де-л'ор, обложенный всеми обычаями своего века"; но корка суеверий, окутывавшая его могучий ум, хоть и потускнела, но не смогла затмить яркость его гения. Ему, и, видимо, только ему, среди всех пытливых духов того времени, были известны свойства вогнутой и выпуклой линз. Он также изобрел волшебный фонарь, эту милую игрушку современности, которая приобрела для него репутацию, озлобившую его жизнь. В истории алхимии нельзя не упомянуть имя этого великого человека, хотя, в отличие от многих других, о которых мы будем иметь случай рассказать, он сделал ее второстепенной по отношению к другим занятиям. Любовь к универсальному знанию, наполнявшая его разум, не позволила ему пренебречь одной из отраслей науки, абсурдность которой ни он, ни мир еще не могли осознать. Он сполна компенсировал время, потерянное на эти поиски, своими познаниями в физике и знакомством с астрономией. Телескоп, горящие очки и порох - открытия, которые могут пронести его славу в самые отдаленные времена и сделать мир слепым в отношении одного места глупости - диагноза

эпохи, в которой он жил, и обстоятельств, которыми он был окружен. Его трактат "О восхитительной силе искусства и природы в изготовлении философского камня" был переведен на французский язык Жираром де Тормесом и опубликован в Лионе в 1557 году. В том же году на французском языке было опубликовано его "Зеркало алхимии", а в 1612 году - в Париже, с некоторыми дополнениями из работ Раймонда Лулли. Полный список всех опубликованных трактатов на эту тему можно найти у Ленгле дю Френуа.

Папа Иоанн XXII.

Этот прелат, как говорят, был другом и учеником Арнольда де Вильнева, у которого он обучался всем секретам алхимии. Традиция утверждает, что он изготовил огромное количество золота и умер богатым, как Крёз. Он родился в Кагоре, в провинции Гиенна, в 1244 году. Он был очень красноречивым проповедником и вскоре достиг высокого положения в церкви. Он написал труд о трансмутации металлов и имел знаменитую лабораторию в Авиньоне. Он издал две буллы против многочисленных претендентов на это искусство, появившихся во всех частях христианства; из этого можно сделать вывод, что он сам был свободен от заблуждения. Алхимики, однако, называют его одним из самых выдающихся и успешных профессоров своего искусства и говорят, что его буллы были направлены не против настоящих адептов, а против лжепритворщиков. Они делают особый акцент на этих словах в его булле: "Spondent, quas non exhibent, divitias, *pauperes* alchymistæ". Эти слова, как они утверждают, относятся только к *бедным* алхимикам, а значит, ложным. Он умер в 1344 году, оставив в своей казне сумму в восемнадцать миллионов флоринов. Народная молва утверждала, что он создал, а не накопил это сокровище; и алхимики самодовольно приводят это в качестве доказательства того, что философский камень не был такой уж химерой, как утверждают недоверчивые. Они считают само собой разумеющимся, что Иоанн действительно оставил эти деньги, и спрашивают, каким способом он мог их накопить. Отвечая на свой же вопрос, они с триумфом заявляют: "Из его книги следует, что это было сделано с помощью алхимии, секретам которой он научился у Арнольда де Вильнева и Раймонда Люлли. Но он был так же благоразумен, как и все другие философы-герметисты. Кто бы ни читал его книгу, чтобы узнать его секрет, все его труды были бы напрасны; папа позаботился о том, чтобы не разглашать его". К несчастью для собственной репутации, все эти золотопромышленники находятся в одинаковом положении; их великий секрет теряет свою ценность при рассказе, и поэтому они держат его при себе. Возможно, они думали, что, если все смогут трансмутировать металлы, золота станет так много, что оно перестанет цениться, и потребуются какое-то новое искусство, чтобы превратить его обратно в сталь и железо. Если это так, то общество в большом долгу перед ними за их терпение.

Жан де Мен.

В это время искусством занимались люди всех сословий; последний из упомянутых был папой римским, а тот, о ком мы сейчас говорим, - поэтом. Жан де Мён, знаменитый автор "Романа розы", родился в 1279 или 1280 году и был известной персоной при дворах Людовика X., Филиппа Длинного, Карла IV и Филиппа де Валуа. В его знаменитой поэме "Роман де ла Роза", посвященной всем темам, которые были в моде в то время, обязательно упоминается алхимия. Жан был твердым приверженцем этого искусства и написал, помимо "Романа", две более короткие поэмы, которые называются "Обращение природы к странствующему алхимику" и "Ответ алхимика природе". Поэзия и алхимия были его наслаждением, а священники и женщины - его отвращением. О нем и дамах при дворе Карла IV рассказывают приятную историю. Он написал следующее пасквильное двустишие о представительницах прекрасного пола:

"Все вы, вы, вы или вы,

De fait ou de volonté, putains;

Et qui très bien vous chercherait,

Toutes putains vous trouverait. "36

Это, естественно, вызвало сильную обиду; и однажды в прихожей короля его заметили некоторые дамы, ожидавшие аудиенции, и решили наказать его. В количестве десяти или двенадцати человек они вооружились тростями и прутьями и, окружив незадачливого поэта, призвали присутствующих джентльменов раздеть его догола, чтобы свершить над ним справедливую месть, и прогнали его плетью по улицам города. Некоторые из присутствовавших господ ничуть не смутились и пообещали, что получат большое удовольствие от его наказания. Но Жан де Мён не поддался их угрозам и спокойно встал посреди них, умоляя сначала выслушать его, а потом, если он не удовлетворится, пусть делают с ним что хотят. Тишина была восстановлена, он встал на стул и начал свою защиту. Он признал, что является автором предосудительных стихов, но отрицал, что они относятся ко всему женскому роду. Он имел в виду только порочных и брошенных, тогда как те, кого он видел вокруг себя, были образцами добродетели, красоты и скромности. Однако если какая-нибудь из присутствующих дам считала себя оскорбленной, он соглашался, чтобы его раздели, и она могла бить его плетью до тех пор, пока у нее не устанут руки. Добавим, что таким образом Жан избежал порки, и гнев представительниц прекрасного пола сразу же утих. Однако присутствующие джентльмены были уверены, что если бы каждая дама в зале, чей характер соответствовал стихам, поверила ему на слово, то поэта, скорее всего, забили бы до смерти. Всю свою жизнь он проявлял большую враждебность к священству, а его знаменитая поэма изобилует отрывками, в которых отражается их скупость, жестокость и безнравственность. После смерти он оставил большую коробку, наполненную каким-то весомым материалом, который он завещал кордельерам в качестве примирения за те оскорбления, которые он им причинил. Поскольку его практика алхимии была хорошо известна, считалось, что шкатулка наполнена золотом и серебром, и Кордельеры поздравляли друг друга с богатым приобретением. Когда же ящик открыли, то к своему ужасу обнаружили, что он наполнен лишь *сланцами*, испещренными иероглифами и кабалистическими знаками. Возмущенные таким оскорблением, они решили отказать ему в христианском погребении под предлогом того, что он был колдуном. Однако он был с почестями похоронен в Париже, на его похоронах присутствовал весь двор.

Николас Фламель.

История этого алхимика, переданная традицией и запечатленная на страницах Ленгле да Френуа, не лишена некоторого изумления. Он родился в Понтуазе, в бедной, но уважаемой семье, в конце XIII или начале XIV века. Не имея никакого состояния, он в раннем возрасте отправился в Париж, чтобы попытать счастья в качестве общественного писца. Он получил хорошее образование, прекрасно владел языками и был отличным пером. Вскоре он получил профессию переписчика писем и копировщика и часто сидел на углу улицы Мариво, занимаясь своим делом; но он едва ли получал достаточно прибыли, чтобы поддерживать тело и душу. Чтобы поправить свое положение, он попробовал заняться поэзией, но это занятие оказалось еще более жалким. В качестве переписчика он, по крайней мере, зарабатывал на хлеб и сыр; но его рифмы не стоили и корочки. Тогда он попробовал рисовать, но с тем же успехом; и в качестве последнего средства стал искать философский

камень и гадать. Эта затея оказалась более удачной; вскоре его состояние увеличилось, и у него появились средства для безбедного существования. Поэтому он взял себе жену Петронеллу и начал копить деньги, но внешне оставался таким же бедным и несчастным, как и прежде. Через несколько лет он отчаянно увлекся изучением алхимии и не думал ни о чем, кроме философского камня, эликсира жизни и универсального алкахеста. В 1257 году он случайно купил за два флорина старинную книгу, которая вскоре стала его единственным занятием. Она была написана стальным инструментом на коре деревьев и содержала двадцать один, или, как он сам всегда выражался, трижды семь, лист. Письмо было очень изящным и на латинском языке. Каждый седьмой лист содержал рисунок без надписи. На первом из них была изображена змея, глотающая прутья, на втором - крест с распятым на нем змеем, а на третьем - пустыня, посреди которой находился фонтан, по которому из стороны в сторону ползали змеи. Она утверждала, что написана не менее известным человеком, чем "Авраам, патриарх, еврей, принц, философ, священник, левит и астролог", и призывала проклятия на любого, кто взглянет на нее, не будучи "жертвоприносителем или писцом". Николас Фламель никогда не считал необычным, что Авраам знал латынь, и был уверен, что символы на его книге были начертаны руками самого великого патриарха. Поначалу он боялся читать книгу, узнав о содержащемся в ней проклятии, но преодолел это затруднение, вспомнив, что, хотя он и не был жертвоприносителем, он практиковался в качестве писца. Когда он читал, его охватило восхищение, и он обнаружил, что это был совершенный трактат о трансмутации металлов. Все процессы были четко объяснены: сосуды, реторты, смеси, правильное время и сезоны для экспериментов. Но, как на зло, предполагалось наличие философского камня, или главного действующего вещества. Это была трудность, которую невозможно было преодолеть. Это было все равно что рассказать голодающему, как приготовить говяжий стейк, вместо того чтобы дать ему денег на его покупку. Но Николас не отчаивался и принялся изучать иероглифы и аллегорические изображения, которыми изобиловала книга. Вскоре он убедился, что это была одна из священных книг иудеев и что она была взята из Иерусалимского храма при его разрушении Титом. Процесс рассуждений, с помощью которых он пришел к такому выводу, не указан.

Из какого-то выражения в трактате он узнал, что аллегорические рисунки на четвертом и пятом листах хранят секрет философского камня, без которого вся изящная латынь указаний была совершенно бесполезна. Он пригласил всех алхимиков и ученых Парижа, чтобы они пришли и изучили их, но все они ушли так же мудро, как и пришли. Никто не мог ничего сказать ни о Николасе, ни о его картинах; а некоторые даже зашли так далеко, что заявили, будто его бесценная книга не стоит и фартинга. С этим нельзя было смириться, и Николас решил сам открыть великую тайну, не беспокоя философов. На первой странице четвертого листа он обнаружил изображение Меркурия, на которого напал старик, похожий на Сатурна или Время. На голове у него были часовые часы, а в руке - коса, которой он наносил удары по ногам Меркурия. На оборотной стороне листа был изображен грубо раскачиваемый ветром цветок, растущий на вершине горы, с голубым стеблем, красными и белыми цветами и листьями из чистого золота. Вокруг него было множество драконов и грифонов. На первой странице пятого листа был изображен прекрасный сад, посреди которого стояло цветущее розовое дерево, опирающееся на ствол гигантского дуба. У его подножия бил фонтан молочно-белой воды, который, образовав небольшой ручей, протекал через сад, а затем затерялся в песках. На второй странице был изображен король с мечом в руке, управляющий множеством солдат, которые, выполняя его приказ, убивали огромное количество маленьких детей, отвергая молитвы и слезы их матерей, пытавшихся спасти их от гибели. Кровь детей была тщательно собрана другой группой солдат и помещена в большой сосуд, в котором купались две аллегорические фигуры солнца и луны.

Двадцать один год бедный Николай изнурял себя изучением этих картин, но так ничего и не смог из них сделать. Наконец его жена Петронелла уговорила его найти какого-нибудь ученого раввина; но в Париже не нашлось ни одного достаточно ученого раввина, который был бы ему полезен. Евреев мало кто побуждал поселиться во Франции, а все вожди этого народа находились в Испании. В Испанию, соответственно, и отправился Николас Фламель. Он оставил свою книгу в Париже, опасаясь, вероятно, что ее могут украсть в дороге, и, сказав соседям, что отправляется в паломничество к святилищу святого Иакова Компостельского, пешком двинулся к Мадриду в поисках раввина. В этой стране он пробыл два года и стал известен большому числу евреев, потомков тех, кто был изгнан из Франции в правление Филиппа Августа. Верующие в философский камень рассказывают о его приключениях следующее: Говорят, что в Леоне он познакомился с обращенным в христианство евреем по имени Кош, очень ученым врачом, которому он объяснил название и характер своей маленькой книги. Доктор был вне себя от радости, как только услышал ее название, и тут же решил сопровождать Николаса в Париж, чтобы тот мог ее увидеть. Они отправились в путь вместе; по дороге доктор развлекал своего спутника историей своей книги, которая, если она подлинная, как он полагал, судя по описанию, которое он слышал о ней, была написана рукой самого Авраама и находилась во владении не менее выдающихся личностей, чем Моисей, Иисус Навин, Соломон и Эсдрас. В ней содержались все секреты алхимии и многих других наук, и она была самой ценной книгой, когда-либо существовавшей в этом мире. Доктор и сам был неплохим адептом, и Николас извлек из его беседы немалую пользу: в одежде бедных паломников они отправились в Париж, уверенные, что в их силах превратить в чистое золото любую старую лопату в этой столице. Но, к несчастью, когда они достигли Орлеана, доктор опасно заболел. Николай дежурил у его постели, выполняя двойную роль - лекаря и сиделки; но через несколько дней он умер, сокрушаясь при последнем вздохе, что не дождался появления драгоценного тома. Николас отдал последние почести его телу и со скорбным сердцем, без единого су в кармане, отправился домой к своей жене Петронелле. Он сразу же возобновил изучение своих картин, но целых два года был так далек от их понимания, как никогда. Наконец, на третий год, его понимание прояснилось. Он вспомнил какое-то выражение своего друга доктора, которое до сих пор ускользало от его памяти, и обнаружил, что все его предыдущие эксперименты были проведены на неверной основе. Теперь он возобновил их с новой энергией, и в конце года с удовлетворением увидел, что все его труды вознаграждены. 13 января 1382 года, говорит Ленгле, он сделал проекцию на ртуть и получил очень превосходное серебро. 25 апреля он превратил большое количество ртути в золото, и великий секрет был раскрыт.

Николасу было уже около восьмидесяти лет, а он все еще был крепким и сильным стариком. Его друзья говорят, что одновременно с открытием эликсира жизни он нашел средства, чтобы держать смерть на расстоянии еще четверть века; и что он умер в 1415 году в возрасте 116 лет. За это время он заработал огромное количество золота, хотя внешне был беден как мышь. В ранний период своего изменившегося состояния он, как достойный человек, посоветовался со своей старой женой Петронеллой о том, как лучше использовать свое богатство. Петронелла ответила, что, поскольку, к сожалению, у них нет детей, лучшее, что он может сделать, - это построить больницы и заложить церкви. Николас тоже так думал, особенно когда начал понимать, что его эликсир не может уберечь от смерти и что мрачный враг стремительно наступает на него. Он богато одарил церковь Сен-Жак-де-ла-Бушери, недалеко от улицы Мариво, где прожил всю свою жизнь, а также семь других в разных частях королевства. Он также основал четырнадцать госпиталей и построил три часовни.

Слава о его огромном богатстве и щедрой благотворительности вскоре распространилась по всей стране, и его посетили, в частности, знаменитые врачи того времени Жан Жерсон, Жан

де Курткуисс и Пьер д'Аилли. Они нашли его в его скромной квартире, убого одетого и евшего кашу из глиняного сосуда, и в отношении его секрета, такого же непроницаемого, как и все его предшественники в алхимии. Слава о нем достигла ушей короля Карла VI, который послал месье де Крамуази, магистра запросов, выяснить, действительно ли Николай открыл философский камень. Но М. де Крамуази ничего не добился своим визитом; все его попытки разговаривать алхимика были безуспешны, и он вернулся к своему королевскому господину не более мудрым, чем пришел. Именно в этом, 1414 году, он потерял свою верную Петронеллу. Он недолго пережил ее, но умер в следующем году и был похоронен с большой пышностью благодарными священниками Сен-Жак-де-ла-Бушери.

Огромное богатство Николаса Фламеля не вызывает сомнений, о чем свидетельствуют записи нескольких церквей и больниц Франции. То, что он занимался алхимией, также не вызывает сомнений, поскольку он оставил после себя несколько работ на эту тему. Те, кто хорошо его знал и не верил в философский камень, дают удовлетворительную разгадку секрета его богатства. Они говорят, что он всегда был скрягой и ростовщиком; что его путешествие в Испанию было предпринято совсем не по тем мотивам, о которых говорят алхимики; что на самом деле он отправился собирать долги, причитающиеся с евреев в этой стране их собратям в Париже, и что он взимал комиссионные в размере всего процента, учитывая трудности сбора и опасности пути; что, обладая тысячами, он почти ни на что не жил; и был общим ростовщиком, с огромными прибылями, для всех рассеянных молодых людей при французском дворе.

Среди работ, написанных Николасом Фламелем на тему алхимии, - "Философское резюме", поэма, переизданная в 1735 году в качестве приложения к третьему тому "Романа де ла Роза". Он также написал три трактата по натурфилософии и алхимическую аллегию под названием *Le Désir désiré*. Образцы его работ и факсимиле рисунков из книги Авраама можно увидеть в "Библиотеке философов-химиков" Сальмона. Автор статьи "Фламель" в "Универсальной биографии" говорит, что в течение ста лет после смерти Фламеля многие адепты верили, что он все еще жив и будет жить еще до шестисот лет. Дом, который он раньше занимал, на углу улицы Мариво, часто захватывали доверчивые спекулянты и обчищали его сверху донизу в надежде найти золото. Незадолго до 1816 года в Париже распространился слух, что некоторые жильцы нашли в подвале несколько кувшинов, наполненных темного цвета тягучим веществом. Поверивший во все чудесные истории, рассказанные Николасом Фламелем, купил этот дом и чуть не разнес его на куски, обшаривая стены и обшивку в поисках спрятанного золота. Однако он ничего не получил за свои труды, и ему пришлось оплатить большой счет за восстановление ветхости.

Джордж Рипли.

Пока алхимия культивировалась на европейском континенте, ею не пренебрегали и на Британских островах. Со времен Роджера Бэкона она поражала воображение многих пылких людей в Англии. В 1404 году был принят парламентский акт, объявивший изготовление золота и серебра преступлением. В то время ощущалась большая тревога, чтобы какой-нибудь алхимик не преуспел в своих проектах и, возможно, не навлек на государство гибель, предоставив безграничное богатство какому-нибудь тирану, который воспользовался бы им для порабощения своей страны. Эта тревога, по-видимому, вскоре улеглась, поскольку в 1455 году король Генрих VI, по совету своего совета и парламента, выдал четыре последовательных патента и поручения нескольким рыцарям, жителям Лондона, химикам, монахам, священникам и другим лицам, чтобы они нашли философский камень и эликсир, "к великой пользе", говорится в патенте, "королевства и к тому, чтобы король мог оплатить все долги короны настоящим золотом и серебром". Принн в своем "*Aurum Reginæ*" в качестве

примечания к этому отрывку отмечает, что причиной выдачи королем этого патента церковникам было то, что "они были такими хорошими мастерами по трансмутации хлеба и вина в евхаристии, а потому с большей вероятностью могли бы осуществить трансмутацию низких металлов в лучшие". Никакого золота, разумеется, так и не было изготовлено; а в следующем году король, сильно сомневаясь в целесообразности этой затеи, прислушался к дальнейшему совету и назначил комиссию из десяти ученых людей и выдающихся личностей, чтобы они рассудили и засвидетельствовали ему, является ли трансмутация металлов делом практически осуществимым или нет. Неизвестно, сделала ли эта комиссия какой-либо доклад по данному вопросу.

В последующее царствование появился алхимик, претендовавший на открытие секрета. Это был Джордж Рипли, каноник из Бридлингтона в Йоркшире. Он двадцать лет учился в университетах Италии и был очень любим папой Иннокентием VIII, который сделал его одним из своих домашних капелланов и церемониймейстером в своем доме. Вернувшись в Англию в 1477 году, он посвятил королю Эдуарду IV свой знаменитый труд "Соединение алхимии, или Двенадцать врат, ведущих к открытию философского камня". Эти врата он описал как кальцинацию, раствор, разделение, соединение, гниение, конгеляцию, цибацию, сублимацию, ферментацию, возвышение, умножение и проекцию; к ним он мог бы добавить еще и приставание, самый важный процесс из всех. Он был очень богат и позволял верить, что может делать золото из железа. Фуллер в своих "Достоинствах Англии" рассказывает, что один английский джентльмен с хорошей репутацией сообщил, что во время своего путешествия за границу он видел на острове Мальта запись, в которой говорилось, что Рипли ежегодно давал рыцарям этого острова и Родоса огромную сумму в сто тысяч фунтов стерлингов, чтобы они могли вести войну с турками. В старости он стал анхоритом в окрестностях Бостона и написал двадцать пять томов на тему алхимии, самым важным из которых является уже упомянутый *Duodecim Portarum*. Перед смертью он, кажется, признал, что напрасно потратил свою жизнь на это тщетное занятие, и попросил, чтобы все люди, когда им встретятся какие-либо из его книг, сожгли их или не доверяли им, поскольку они были написаны только по его мнению, а не на основании доказательств, и что последующее испытание показало ему, что они ложны и тщетны.³⁷

Базиль Валентин.

В пятнадцатом веке в Германии также появилось много знаменитых алхимиков, главными из которых являются Василий Валентин, Бернард из Трева и аббат Тритемий. Василий Валентин родился в Майенсе и стал настоятелем собора Святого Петра в Эрфурте около 1414 года. Известно, что при жизни он усердно искал философский камень и написал несколько работ о процессе трансмутации. Долгие годы их считали утраченными, но после его смерти обнаружили, что они вложены в каменную кладку одного из столбов аббатства. Их было двадцать один, и они полностью изложены в третьем томе "Истории Герметической философии" Ленглета. Алхимики утверждали, что сами небеса сговорились вынести на свет эти необычные труды; что столб, в котором они были заключены, чудесным образом был разбит молнией, а как только манускрипты были освобождены, столб снова закрылся по собственной воле!

Бернард Тревесский.

Жизнь этого философа - замечательный пример неправильного применения таланта и настойчивости. В поисках своей химеры ничто не могло его остановить. Неоднократные разочарования никогда не уменьшали его надежд; с четырнадцати до восьмидесяти пяти лет

он непрерывно работал среди препаратов и печей своей лаборатории, растрачивая свою жизнь с целью ее продления и доводя себя до нищеты в надежде разбогатеть.

Он родился то ли в Тревесе, то ли в Падуге в 1406 году. Его отец, по одним сведениям, был врачом в этом городе, по другим - графом Тревского марша и одним из самых богатых дворян своей страны. В любом случае, будь то дворянин или врач, он был богатым человеком и оставил своему сыну великолепное поместье. В возрасте четырнадцати лет он впервые увлекся наукой алхимии и читал арабских авторов на их родном языке. Он сам оставил интереснейшие записи о своих трудах и странствиях, из которых в основном и взяты следующие сведения. Первой книгой, попавшей ему в руки, была книга арабского философа Разеса, прочитав которую, он вообразил, что открыл средство увеличения золота в сто раз. В течение четырех лет он работал в своей лаборатории, постоянно держа перед собой книгу Разеса. По истечении этого срока он обнаружил, что потратил на свой эксперимент не менее восьмисот крон, а за свои труды не получил ничего, кроме огня и дыма. Теперь он начал терять доверие к Разе и обратился к работам Гебера. Он усердно изучал его в течение двух лет, и, будучи молодым, богатым и доверчивым, был окружен всеми алхимиками города, которые любезно помогали ему тратить деньги. Он не терял ни веры в Гебера, ни терпения к его голодным помощникам, пока не потерял две тысячи крон - весьма значительную сумму по тем временам.

Среди всей толпы притворных ученых, окружавших его, был только один такой же увлеченный и бескорыстный, как он сам. С этим человеком, монахом ордена Святого Франциска, он завязал тесную дружбу и проводил почти все свое время. В их руки попали неясные трактаты Рупецисса и Сакробоско, прочитав которые, они убедились, что сильно ректифицированный винный спирт - это универсальный альякаст, или растворитель, который очень поможет им в процессе трансмутации. Они ректифицировали спирт тридцать раз, пока не сделали его настолько крепким, что он мог лопнуть в сосудах, в которых находился. Проработав три года и потратив на спирт триста крон, они обнаружили, что идут по ложному пути. Они попробовали квасцы и медь, но великий секрет все еще ускользал от них. Тогда они вообразили, что во всех экскрементах, особенно человеческих, заключена чудесная сила, и более двух лет проводили опыты с ртутью, солью и расплавленным свинцом! И снова адепты стекались к нему из дальних и ближних мест, чтобы помочь своими советами. Он принял их всех радушно и поделил свое богатство между ними так щедро и безоговорочно, что они дали ему имя "Добрый Тревизан", под которым он до сих пор часто упоминается в работах, посвященных алхимии. В течение двенадцати лет он вел такую жизнь, каждый день проводя опыты с каким-нибудь новым веществом и молясь Богу ночью и утром, чтобы он открыл секрет трансмутации.

В этот промежуток времени он потерял своего друга-монаха, и к нему присоединился магистрат города Трев, такой же пылкий, как и он сам, в поисках. Его новый знакомый вообразил, что океан - мать золота и что морская соль может превратить свинец или железо в драгоценные металлы. Бернар решил попробовать и, перевезя свою лабораторию в дом на берегу Балтики, больше года работал с солью, плавил ее, сублимировал, кристаллизовал, а иногда и пил, ради других экспериментов. Но странный энтузиаст не унывал, и неудача в одном испытании только усиливала его желание попробовать другое.

Ему уже подходило к пятидесяти годам, а он еще ничего не видел в мире. Поэтому он решил отправиться в путешествие по Германии, Италии, Франции и Испании. Везде, где он останавливался, он наводил справки, нет ли поблизости алхимиков. Он неизменно разыскивал их и, если они были бедны, помогал им, а если зажиточны, то поощрял их. В Сито он познакомился с неким Жоффреем Левье, тамошним монахом, который убедил его, что

эссенция яичной скорлупы - ценный ингредиент. Он попробовал, что можно сделать, и только мнение адвоката из Бергема во Фландрии, который сказал, что великий секрет кроется в уксусе и меди, помешало ему потратить год или два на эксперименты. Он убедился в абсурдности этой идеи только после того, как едва не отравился. Он прожил во Франции около пяти лет, когда, случайно услышав, что некий магистр Генрих, духовник императора Фридриха III, открыл философский камень, отправился в Германию, чтобы нанести ему визит. Как обычно, он окружил себя множеством голодных иждивенцев, несколько из которых решили сопровождать его. У него не хватило духу отказать им, и он прибыл в Вену с пятью из них. Бернард послал исповеднику вежливое приглашение и устроил ему роскошное развлечение, на котором присутствовали почти все алхимики Вены. Мастер Генрих откровенно признался, что не открыл философский камень, но всю жизнь занимался его поисками и будет заниматься ими, пока не найдет или не умрет. Это был человек по сердцу Бернарду, и они поклялись друг другу в вечной дружбе. За ужином было решено, что каждый из присутствующих алхимиков должен внести определенную сумму, чтобы собрать сорок две марки золота, которые через пять дней, как уверенно утверждал мастер Генрих, увеличатся в его печи в пять раз. Бернард, будучи самым богатым человеком, внес львиную долю - десять марок золота, мастер Генрих - пять, а остальные - по одной-две, за исключением иждивенцев Бернарда, которые были вынуждены занять свою долю у своего покровителя. Был проведен грандиозный эксперимент: золотые марки поместили в тигель с большим количеством соли, меди, аквафортиса, яичной скорлупы, ртути, свинца и навоза. Алхимики с интересом наблюдали за этим драгоценным месивом, ожидая, что оно агломерируется в один комок чистого золота. По истечении трех недель они отказались от испытания, оправдываясь тем, что тигель был недостаточно прочен или что не хватало какого-то необходимого ингредиента. Неизвестно, опускал ли кто-нибудь из воров руки в тигель, но утверждается, что золото, найденное в нем по окончании эксперимента, стоило всего шестнадцать марок, вместо сорока двух, которые были положены туда в начале.

Бернард, хотя и не сделал в Вене ни одного золотого, унес с собой весьма значительное количество. Он так остро ощутил потерю, что поклялся больше не вспоминать о философском камне. Этого мудрого решения он придерживался в течение двух месяцев, но был несчастен. Он находился в состоянии азартного игрока, который не может устоять перед очарованием игры, пока у него остается монета, но играет дальше, надеясь вернуть былые потери, пока надежда не покидает его, и он больше не может жить. Он снова вернулся к своим любимым тиглям и решил продолжить путешествие в поисках философа, открывшего секрет и сообщившего ему такому ревностному и настойчивому адепту, как он сам. Из Вены он отправился в Рим, а из Рима - в Мадрид. Сев на корабль в Гибралтаре, он отправился в Мессину, из Мессины на Кипр, с Кипра в Грецию, из Греции в Константинополь, а оттуда в Египет, Палестину и Персию. Эти странствия заняли у него около восьми лет. Из Персии он вернулся в Мессину, а оттуда во Францию. Затем он перебрался в Англию, все еще в поисках своей великой химеры; это заняло еще четыре года его жизни. Теперь он старел и беднел; ему было шестьдесят два года, и он был вынужден продать большую часть своего состояния, чтобы обеспечить свои расходы. Путешествие в Персию обошлось ему в тринадцать тысяч крон, из которых примерно половина была честно переплавлена в его всепожирающих печах; другая половина была растащена на подхалимов, которых он считал своим долгом выискивать в каждом городе, где останавливался.

Вернувшись в Трев, он, к своему прискорбию, обнаружил, что если и не настоящим нищим, то не намного лучше. Родственники смотрели на него как на сумасшедшего и отказывались даже видеть его. Слишком гордый, чтобы просить у кого-либо милостей, и все еще уверенный, что когда-нибудь он станет обладателем безграничного богатства, он решил

удалиться на остров Родос, где он мог бы тем временем скрыть свою бедность от глаз всего мира. Здесь он мог бы жить безвестно и счастливо; но, как назло, он сошелся с монахом, таким же безумным, как и он сам, в вопросе трансмутации. Однако оба они были настолько бедны, что не могли позволить себе купить необходимые материалы для работы. Они поддерживали дух друг друга заученными беседами о герметической философии и чтением всех великих авторов, писавших на эту тему. Так они лелеяли свою глупость, как добрая жена Тама О'Шантера лелеяла свой гнев, "чтобы согреть его". После того как Бернард прожил около года на Родосе, один купец, знавший его семью, выдал ему восемь тысяч флоринов под залог последних оставшихся акров его ранее большого поместья. Снова получив средства, он возобновил свои труды со всем рвением и энтузиазмом молодого человека. В течение трех лет он почти не выходил из своей лаборатории: он ел там, спал там и даже не давал себе времени помыть руки и почистить бороду, настолько интенсивным было его увлечение. Меланхолично думать, что такое замечательное упорство должно было быть потрачено впустую в столь тщетном стремлении, и что у столь непобедимой энергии не было более достойного поля для деятельности. Даже когда он просадил последние монеты, и у него не осталось ничего, что могло бы помочь ему в старости не умереть с голоду, надежда не покидала его. Он все еще мечтал о конечном успехе и, седобородый восьмидесятилетний старик, перечитывал всех авторов, посвященных герметическим тайнам, начиная с Гебера и до наших дней, чтобы не ошибиться в понимании какого-то процесса, который еще не поздно было возобновить. Алхимики утверждают, что в конце концов ему это удалось, и он открыл секрет трансмутации на восемьдесят втором году жизни. Они добавляют, что он прожил три года после этого, чтобы насладиться своим богатством. Действительно, он дожил до столь преклонного возраста и сделал ценное открытие - более ценное, чем золото или драгоценные камни. Он узнал, как он сам сообщает нам, незадолго до того, как ему исполнилось восемьдесят три года, что великий секрет философии заключается в довольстве своей участью. Счастье было бы для него, если бы он открыл его раньше, до того, как стал дряхлым, нищим и изгнанником!

Он умер на Родосе в 1490 году, и все алхимики Европы пели над ним элегии и восхваляли его как "доброго Тревизана". Он написал несколько трактатов о своей химере, главными из которых являются "Книга о химии", "Verbum dimissum" и эссе "De Natura Ovi".

Тритемий.

Имя этого выдающегося человека прославилось в анналах алхимии, хотя он сделал совсем немного, чтобы заслужить столь сомнительную честь. Он родился в 1462 году в деревне Триттхайм, в курфюршестве Трев. Его отцом был Джон Хайденберг, виноградарь, имевший легкие обстоятельства, который умер, когда сыну было всего семь лет, и оставил его на попечение матери. Вскоре после этого она снова вышла замуж и не обращала внимания на бедного мальчика, отпрыска своего первого брака. В пятнадцать лет он даже не знал грамоты, к тому же был полуголоден и подвергался другим видам жестокого обращения со стороны отчима; но любовь к знаниям проросла в груди несчастного юноши, и он научился читать в доме соседа. Тесть поручил ему работать на виноградниках, и так он проводил все дни, но ночи принадлежали ему. Он часто незаметно уходил, когда все домашние крепко спали, и при свете луны размышлял над своими занятиями в поле; так он выучил латынь и зачатки греческого языка. Из-за этой любви к учебе он подвергся столь жестокому обращению дома, что решил покинуть его. Потребовав наследство, которое оставил ему отец, он отправился в Трев и, приняв имя Тритемий, по названию своей родной деревни Триттхейм, прожил там несколько месяцев под руководством выдающихся мастеров, которые готовили его к поступлению в университет. В возрасте двадцати лет он решил, что

хочет еще раз увидеть свою мать, и с этой целью отправился пешком из далекого университета. По прибытии в Шпаннхейм поздно вечером хмурого зимнего дня начался такой сильный снегопад, что он не смог продолжить путь к городу. Поэтому он укрылся на ночь в соседнем монастыре; но буря продолжалась несколько дней, дороги стали непроходимыми, а гостеприимные монахи и слышать не хотели о его отъезде. Ему так понравились они и их образ жизни, что он вдруг решил поселиться среди них и отречься от мира. Они были рады ему не меньше и с радостью приняли его как брата. Через два года, будучи еще совсем молодым, он был единогласно избран их аббатом. Финансовые дела монастыря были сильно запущены, стены здания разрушались, и все было в беспорядке. Тритемий, благодаря своему умелому управлению и регулярности, провел реформу во всех сферах расходов. Монастырь был отремонтирован, и ежегодный избыток, вместо недостатка, вознаградил его за труды. Ему не нравилось видеть монахов праздными или занятыми только молитвами для своих дел и шахматами для отдыха. Поэтому он поручил им переписывать труды выдающихся авторов. Они трудились так усердно, что за несколько лет их библиотека, насчитывавшая всего около сорока томов, пополнилась несколькими сотнями ценных рукописей, включавших в себя множество классических латинских авторов, а также труды первых отцов, главных историков и философов более позднего времени. Он сохранял сан аббата Шпаннхейма в течение двадцати одного года, когда монахи, уставшие от суровой дисциплины, которую он поддерживал, восстали против него и выбрали другого аббата на его место. После этого он стал аббатом Сент-Джеймса в Вюрцбурге, где и умер в 1516 году.

Во время своего пребывания в Шпанхайме он написал несколько работ по оккультным наукам, главными из которых являются сочинение о геомантии, или гадании с помощью линий и кругов на земле; другое - о колдовстве; третье - об алхимии; и четвертое - об управлении миром ангелами-предводителями, которое было переведено на английский язык и опубликовано знаменитым Уильямом Лилли в 1647 году.

Верующие в возможность трансмутации утверждали, что процветание аббатства Шпанхейм под его руководством объяснялось скорее философским камнем, чем мудрой экономией. Тритемия, как и многих других ученых, обвиняли в магии; рассказывают чудесную историю о том, как он поднял из могилы Марию Бургундскую по ходатайству ее овдовевшего мужа, императора Максимилиана. Его работа о стеганографии, или кабалистическом письме, была обличена графом Палатином, Фридрихом II, как магическая и дьявольская; он снял ее с полки своей библиотеки и бросил в огонь. Считается, что Тритемий - первый писатель, который упоминает чудесную историю о дьяволе и докторе Фаустусе, в истинность которой он твердо верил. Он также рассказывает о причудах духа по имени *Худекин*, которым он иногда [мучился](#)³⁸.

Маршалль де Рэйс.

Одним из величайших поборников алхимии в XV веке был Жиль де Лаваль, лорд Рэйс и маршал Франции. Его имя и деяния малоизвестны, но в анналах преступлений и безрассудства они могут претендовать на высшее и худшее первенство. Вымысел никогда не придумывал ничего более дикого и ужасного, чем его карьера; и если бы детали не были слишком хорошо подтверждены юридическими и другими документами, не допускающими сомнений, любитель романтики мог бы легко представить, что они были взяты в угоду ему из запасников плодovitого мозга, а не со страниц истории.

Он родился около 1420 года в одной из знатнейших семей Бретани. Его отец умер, когда Жилю исполнилось двадцать лет, и в столь раннем возрасте он бесконтрольно завладел состоянием, которому могли бы позавидовать монархи Франции. Он был ближайшим

родственником Монморанси, Ронси и Краонов, владел пятнадцатью княжескими владениями и имел ежегодный доход около трехсот тысяч ливров. Кроме того, он был красив, учен и храбр. Он сильно отличился в войнах Карла VII и был награжден этим монархом саном маршала Франции. Но он был экстравагантен и роскошен в своем образе жизни и с ранних лет привык к удовлетворению всех желаний и страстей, что в конце концов привело его от порока к пороку и от преступления к преступлению, пока более черного имени, чем его, не найти ни в одной летописи человеческих беззаконий.

В своем замке Шамптоке он жил со всем великолепием восточного халифа. Он содержал отряд из двухсот всадников, которые сопровождали его повсюду, куда бы он ни отправился; его выезды на охоту и зверобойный промысел были предметом удивления всей округи, настолько великолепны были наряды его коней и платья его приближенных. Днем и ночью его замок был открыт круглый год для посетителей любого уровня. Он взял за правило угощать вином и гиппокрасом даже самого бедного нищего. Каждый день в его просторных кухнях жарили быка целиком, а также овец, свиней и домашнюю птицу, которых хватало на пятьсот человек. Не менее великолепен он был и в своих богослужениях. Его личная часовня в Шамптоке была самой красивой во Франции и намного превосходила все те, что находились в богатых соборах Нотр-Дам в Париже, Амьене, Бове или Руане. Он был увешан золотыми тканями и богатым бархатом. Все люстры были из чистого золота, дивно инкрустированного серебром. Большое распятие над алтарем было из чистого серебра, а потиры и ладанки - из чистого золота. Кроме того, у него был прекрасный орган, который он заставлял переносить из одного замка в другой на плечах шести человек, когда менял место жительства. Он содержал хор из двадцати пяти маленьких детей обоего пола, которых обучали пению первые музыканты того времени. Хозяином своей капеллы он называл епископа, который имел при себе деканов, архидьяконов и викариев, получавших большое жалованье; епископ - четыреста крон в год, остальные - поровну.

Он также содержал целый отряд игроков, включая десять танцовщиц и столько же исполнителей баллад, а также моррис-танцоров, жонглеров и конных бандитов всех мастей. Театр, на котором они выступали, был оборудован без особых затрат, и каждый вечер они разыгрывали мистерии или танцевали моррис для развлечения себя и домочадцев, а также незнакомцев, разделявших его расточительное гостеприимство.

В возрасте двадцати трех лет он женился на Екатерине, богатой наследнице дома Туаров, для которой обставил свой замок на сумму в сто тысяч крон. Его женитьба стала сигналом для новой экстравагантности, и он пустился во все тяжкие, чем когда-либо прежде; посылал из чужих стран прекрасных певцов или знаменитых танцовщиц, чтобы они развлекали его и его супругу, и почти каждую неделю устраивал тильты и турниры в своем большом дворе для всех рыцарей и дворян провинции Бретань. Двор герцога Бретани не был и в половину таким роскошным, как двор маршала де Рэйса. Его полное пренебрежение к богатству было так хорошо известно, что за каждую купленную вещь его заставляли платить в три раза больше ее стоимости. Его замок был полон нуждающихся паразитов и потворщиков его удовольствий, среди которых он щедро раздавал награды. Но обычная чередя чувственных наслаждений в конце концов перестала доставлять ему удовольствие; он стал более воздержанным в застольных удовольствиях и пренебрегал прелестными танцовщицами, которые раньше занимали так много его внимания. Иногда он был мрачен и замкнут, а в его взгляде читалась неестественная дикость, что свидетельствовало о зарождающемся безумии. Однако его речи были как всегда разумны, его учтивость по отношению к гостям, стекавшимся в Шамптоке издалека, ничуть не уменьшилась, а ученые священники, беседуя с ним, думали про себя, что мало кто из знати Франции так хорошо осведомлен, как Жиль де

Лаваль. Но постепенно по стране распространились мрачные слухи; появились намеки на убийства и, если возможно, еще более жестокие деяния; было замечено, что многие маленькие дети обоих полов внезапно исчезли, и о них больше никогда не было слышно. Одного или двух проследили до замка Шамптоке и никогда не видели, чтобы они покидали его; но никто не осмеливался открыто обвинять такого могущественного человека, как маршал де Рэйс. Всякий раз, когда в его присутствии заходила речь о пропавших детях, он выражал величайшее изумление по поводу загадочности их судьбы и негодование против тех, кто мог быть виновен в их похищении. Однако мир не был обманут; его имя стало для детей таким же грозным, как имя пожирающего людоеда в сказках, и их учили обходить за много миль вокруг, а не проходить под башнями Шамптоке.

В течение нескольких лет безрассудная расточительность маршала истощила все его средства, и он был вынужден выставить часть своих владений на продажу. Герцог Бретани заключил с ним договор о продаже ценного сеньора Ингранде, но наследники Жиль умоляли Карла VII вмешаться и остановить продажу. Карл немедленно издал эдикт, подтвержденный провинциальным парламентом Бретани, запрещающий ему отчуждать отцовские владения. Жилю ничего не оставалось, как подчиниться. Ему нечем было поддержать свою экстравагантность, кроме жалованья маршала Франции, которое не покрывало и десятой части его расходов. Человек с его привычками и характером не мог сократить свои расточительные расходы и жить разумно; он не мог безропотно уволить своих всадников, шутов, танцоров морриса, хористов и тунейдцев или ограничить свое гостеприимство теми, кто в нем действительно нуждался. Несмотря на сокращение средств, он решил жить, как жил раньше, и стать алхимиком, чтобы делать золото из железа и оставаться самым богатым и величественным среди вельмож Бретани.

Во исполнение этого намерения он отправился в Париж, Италию, Германию и Испанию, приглашая всех адептов этой науки посетить его в Шамптоке. Посланниками, которых он отправил с этой миссией, были два его самых нуждающихся и беспринципных иждивенца, Жиль де Силле и Роже де Бриквилль. Последнему, покорному потворщику его самых тайных и отвратительных удовольствий, он поручил воспитание своей дочери, оставшейся без матери, ребенка пяти лет от роду, с разрешением выдать ее замуж в надлежащее время за любого человека, которого он выберет, или за себя, если ему это больше понравится. Этот человек с большим рвением включился в новые планы своего господина и представил ему некоего Прелати, алхимика из Падуи и врача из Пуату, который увлекался теми же занятиями.

Маршал распорядился оборудовать для них великолепную лабораторию, и все трое приступили к поискам философского камня. Вскоре к ним присоединился еще один мнимый философ по имени Энтони Палермо, который помогал им в течение года. Все они роскошно жили за счет маршала, вытягивая из него все деньги, которыми он располагал, и изо дня в день теша себя надеждой, что им удастся достичь цели своих поисков. Время от времени в его замок прибывали новые претенденты из самых отдаленных уголков Европы, и в течение нескольких месяцев у него работало до двадцати алхимиков, которые пытались превратить медь в золото, а золото, которое все еще оставалось у него, тратили на лекарства и эликсиры.

Но Повелитель Лучей был не из тех, кто терпеливо терпит их затянувшиеся процессы. Довольные своими удобными покоем, они бегали изо дня в день и могли бы делать это годами, если бы им было позволено. Но он внезапно уволил их всех, за исключением итальянца Прелати и врача из Пуату. Их он оставил, чтобы они помогли ему раскрыть секрет философского камня более смелым методом. Пуатуанец убедил его, что дьявол является

великим хранителем этой и всех других тайн, и что он представит его перед Жилем, который может заключить с ним любой договор, какой пожелает. Жиль выразил готовность и пообещал отдать дьяволу все, кроме своей души, или совершить любой поступок, который архивраг может ему навязать. В сопровождении лекаря он отправился в полночь в дикое место в соседнем лесу; лекарь начертил вокруг них магический круг на газоне и в течение получаса бормотал заклинания, призывая злого духа восстать по его приказу и раскрыть секреты алхимии. Жиль с интересом наблюдал за происходящим и с каждым мгновением ожидал, что земля разверзнется и явит его взору великого врага человечества. Наконец глаза лекаря стали неподвижными, волосы встали дыбом, и он заговорил, словно обращаясь к извергу. Но Жиль не видел ничего, кроме своего спутника. Наконец лекарь как бесчувственный упал на землю. Жиль спокойно смотрел на него, ожидая конца. Через несколько минут лекарь поднялся и спросил его, не видел ли он, как разгневан дьявол? Жиль ответил, что ничего не видел; тогда его спутник сообщил ему, что Вельзевул явился в виде дикого леопарда, злобно зарычал на него и ничего не сказал, и что причина, по которой маршал не видел и не слышал его, в том, что он колебался, стоит ли ему полностью посвятить себя службе. Де Рейс признал, что у него действительно были сомнения, и спросил, что нужно сделать, чтобы заставить дьявола высказаться и раскрыть свою тайну? Лекарь ответил, что некий человек должен отправиться в Испанию и Африку, чтобы собрать определенные травы, которые растут только в этих странах, и предложил поехать самому, если де Рейс предоставит необходимые средства. Де Рейс сразу же согласился, и на следующий день лекарь отправился в путь со всем золотом, которое смог выделить его дурак. Маршал больше никогда не видел его лица.

Но нетерпеливый лорд Шамптоке не мог успокоиться. Золото было необходимо для его удовольствий, и, если только не прибегнуть к сверхъестественной помощи, у него не было возможности получить дополнительные запасы. Лекарь не прошел и двадцати лье, как Жиль решил предпринять еще одну попытку заставить дьявола открыть ему искусство изготовления золота. Для этого он отправился в путь один, но все его заклинания оказались безрезультатными. Вельзевул упрямылся и не хотел появляться. Решив покорить его, если удастся, он отдался в руки итальянского алхимика Прелати. Тот предложил взяться за дело при условии, что де Рейс не будет вмешиваться в колдовство, а также согласился снабдить его всеми чарами и талисманами, которые могут понадобиться. Кроме того, он должен был вскрыть вену на своей руке, подписать своей кровью договор о том, что "будет исполнять волю дьявола во всем", и принести ему в жертву сердце, легкие, руки, глаза и кровь маленького ребенка. Жадный мономаньяк не стал медлить и сразу же согласился на предложенные ему отвратительные условия. На следующую ночь Прелати вышел из дома один и, пробыв там три или четыре часа, вернулся к Жилю, который сидел и с тревогой ждал его. Прелати сообщил ему, что видел дьявола в облике красивого юноши лет двадцати. Далее он сказал, что дьявол желает, чтобы его называли *Барроном* во всех будущих обращениях; и показал ему множество слитков чистого золота, зарытых под большим дубом в соседнем лесу; все они и еще столько же, сколько он пожелает, должны стать собственностью маршала де Рейса, если он останется тверд и не нарушит ни одного условия договора. Далее Прелати показал ему небольшой ларец с черной пылью, которая превращает железо в золото; но поскольку процесс этот весьма хлопотный, он посоветовал им довольствоваться слитками, которые они нашли под дубом и которые с лихвой удовлетворяют все желания, какие только может пожелать самое экстравагантное воображение. Однако они не должны были пытаться искать золото до тех пор, пока не пройдет семь раз по семь недель, иначе за свои труды они не найдут ничего, кроме сланцев и камней. Жиль выразил крайнюю досаду и разочарование и сразу же заявил, что не может ждать так долго; если бы дьявол не был больше, Прелати мог бы сказать ему, что с маршалом

де Рэйсом нельзя шутить, и отказался бы от дальнейшего общения с ним. Наконец Прелати уговорил его подождать семь раз по семь дней. В полночь они отправились с кирками и лопатами раскапывать землю под дубом, где не нашли ничего, что могло бы их вознаградить, кроме большого количества сланцев, испещренных иероглифами. Теперь настала очередь Прелати гневаться, и он громко поклялся, что дьявол - не кто иной, как лжец и обманщик. Маршал сердечно присоединился к этому мнению, но хитрый итальянец легко уговорил его провести еще одно испытание. При этом он пообещал, что следующей ночью постарается выяснить причину, по которой дьявол нарушил свое слово. Он вышел один и, вернувшись, сообщил своему покровителю, что видел Бэррона, который был очень зол, что они не выждали положенного времени, прежде чем искать слитки. Баррон также сказал, что маршал де Рэйс вряд ли может ожидать от него каких-либо милостей в то время, когда ему должно быть известно, что он задумал совершить паломничество в Святую землю, чтобы искупить свои грехи. Итальянец, несомненно, догадался об этом по какому-то неосторожному выражению своего покровителя, ведь де Рэйс откровенно признался, что бывали моменты, когда, устав от мира и его суеты, он думал посвятить себя служению Богу.

Так итальянец из месяца в месяц заманивал своего доверчивого и провинившегося покровителя, вытягивая из него все ценности, которыми тот владел, и только ждал удобного случая, чтобы скрыться с награбленным. Но день расплаты настал для обоих. Молодые девушки и юноши продолжали исчезать самым загадочным образом, а слухи против владельца Шамптоке становились все громче и отчетливее, так что церковь была вынуждена вмешаться. Епископ Нантский передал герцогу Бретани, что будет публичным скандалом, если обвинения против маршала де Рэйса не будут расследованы. В результате он был арестован в собственном замке вместе со своим сообщником Прелати и брошен в темницу в Нанте дожидаться суда.

Судьями, назначенными для суда над ним, были епископ Нантский, канцлер Бретани, викарий инквизиции во Франции и знаменитый Пьер л'Эпиталь, председатель провинциального парламента. Ему были предъявлены следующие обвинения: колдовство, содомия и убийство. В первый день суда Жиль вел себя крайне дерзко. Он дерзил судьям, сидевшим на судейском месте, называя их симонистами и людьми нечистой жизни, и заявил, что скорее будет повешен на шею, как собака, без суда и следствия, чем признает себя виновным или невиновным перед такими презренными негодяями. Но по ходу процесса его уверенность покинула его, и он был признан виновным по самым явным уликам во всех преступлениях, которые ему вменялись. Было доказано, что он получал безумное удовольствие, нанося удары жертвам своей похоти и наблюдая за трепетом их плоти и угасающим блеском их глаз, когда они умирали. Признание Прелати впервые ознакомило судей с этим ужасным безумием, а сам Жиль подтвердил его перед смертью. За три года в двух его замках - Шамптоке и Машекуе - пропало около сотни детей, большая часть из которых, если не все, были убиты по вожделению или по скупости этого чудовища. Он воображал, что таким образом сделал дьявола своим другом и что его вознаграждением будет тайна философского камня.

Жиль и Прелати были приговорены к сожжению заживо. На месте казни они приняли вид покаяния и религии. Жиль нежно обнял Прелати и сказал: *"Прощай, друг Франциск! В этом мире мы больше никогда не встретимся, но давайте возложим надежды на Бога; мы увидимся в раю"*. Из уважения к его высокому положению и связям наказание маршала было смягчено настолько, что его не сожгли заживо, как Прелати. Его сначала задушили, а затем бросили в пламя: его тело, когда оно наполовину сгорело, отдали родственникам для погребения, а тело итальянца сожгли до пепла, а затем развеяли по ветру.³⁹

Жак Кёр.

Этот выдающийся претендент на тайну философского камня был современником последнего из упомянутых. Он был крупной персоной при дворе Карла VII и играл заметную роль в событиях его правления. Из очень скромного происхождения он поднялся до высших государственных почестей и накопил огромное богатство за счет казнокрадства и грабежа страны, которой должен был служить. Чтобы скрыть свои проступки в этом отношении и отвлечь внимание от истинного источника своего богатства, он хвастался тем, что открыл искусство превращения неблагородных металлов в золото и серебро.

Его отец был золотых дел мастером в городе Бурж, но к последним годам жизни его обстоятельства настолько ухудшились, что он был не в состоянии оплатить необходимые сборы, чтобы обеспечить прием сына в гильдию. Однако в 1428 году молодой Жак стал рабочим на Королевском монетном дворе в Бурже и вел себя так хорошо, демонстрируя такие глубокие познания в металлургии, что быстро добился повышения в этом заведении. Ему также посчастливилось познакомиться с прекрасной Агнес Сорель, которая оказывала ему покровительство и очень его уважала. Теперь у Жака было три преимущества - способности, упорство и расположение любовницы короля. Многие добиваются успеха, имея лишь одно из этих достоинств, и было бы странно, если бы Жак Кёр, обладавший всеми этими достоинствами, томился в неизвестности. Еще будучи молодым человеком, он стал мастером монетного двора, на котором был подмастерьем, и в то же время был назначен на вакантную должность главного казначея королевского дома.

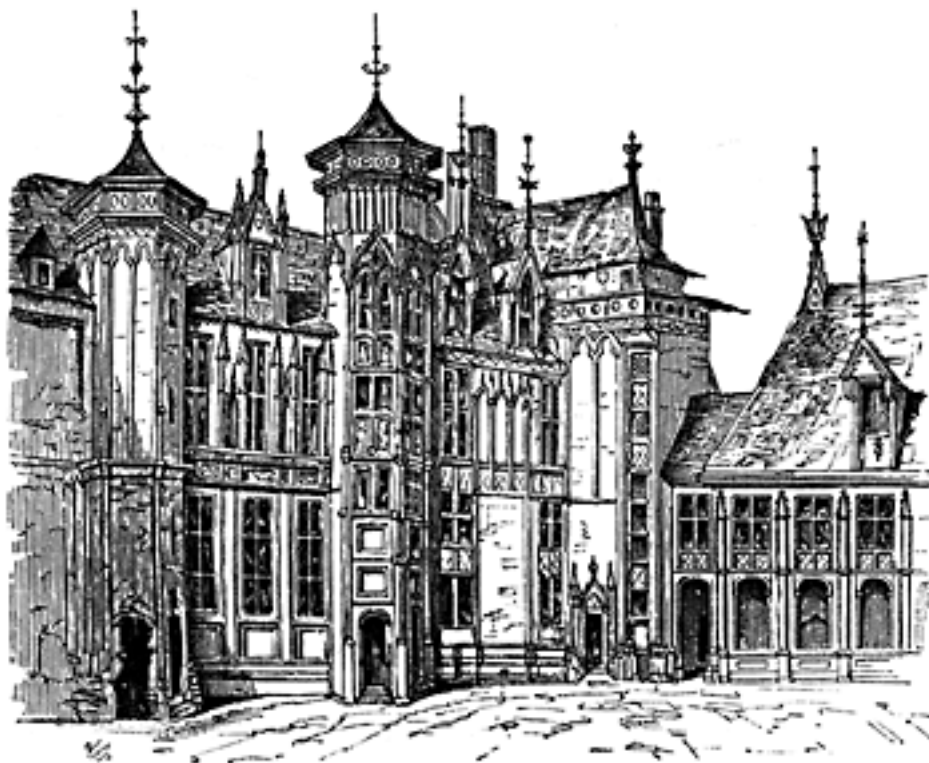
Он обладал обширными познаниями в области финансов и прекрасно использовал их в своих интересах, как только ему стали доверять крупные суммы. Он занимался спекуляцией товарами первой необходимости и приобрел популярность, скупая зерно, мед, вина и другие продукты, пока не наступал дефицит, и тогда он продавал их с огромной выгодой. Пользуясь королевской благосклонностью, он без колебаний притеснял бедняков постоянными актами легализации и монополии. Как нет врага злее, чем отвергнутый друг, так и среди всех тиранов и попирателей бедняков нет столь свирепого и безрассудного, как выскочка, вышедший из их рядов. Оскорбительная гордыня Жака Кёра по отношению к нижестоящим была предметом возмущенных упреков в его собственного города, а его смиренное отношение к тем, кто был выше его по положению, вызывало такое же презрение у аристократов, в чье общество он ворвался. Но Жаку не было дела до первых, а ко вторым он был слеп. Он продолжал свою карьеру, пока не стал самым богатым человеком во Франции, и был настолько полезен королю, что ни одно важное предприятие не начиналось, пока с ним не посоветовались. В 1446 году он был отправлен с посольством в Геную, а в следующем году - к папе Николаю V. В обеих этих миссиях он показал себя с лучшей стороны и был вознагражден прибыльным назначением в дополнение к тем, которые уже занимал.

В 1449 году англичане в Нормандии, лишившись своего великого полководца герцога Бедфорда, нарушили перемирие с французским королем и овладели небольшим городком, принадлежавшим герцогу Бретани. Это послужило сигналом к возобновлению войны, в ходе которой французы вновь овладели почти всей провинцией. Деньги на эту войну были предоставлены, по большей части, Жаком Кёром. Когда Руан уступил французам, и Карл триумфально въехал в город в сопровождении Дюнуа и самых знаменитых генералов, Жак был в числе самых блестящих из его *кортежа*. Его колесница и лошади соперничали с королевскими по великолепию убранства; враги говорили о нем, что он публично хвастался тем, что только он один изгнал англичан, и что доблесть войск была бы ничтожной без его золота.

Дюнуа, похоже, тоже был отчасти того же мнения. Не умаляя храбрости армии, он признавал полезность умелого финансиста, на чьи средства она кормилась и получала жалованье, и постоянно оказывал ему мощную защиту.

Когда наступил мир, Жак снова посвятил себя коммерции и построил несколько галер для торговли с генуэзцами. Он также приобрел большие владения в различных частях Франции; главными из них были баронства Сен-Фаржо, Менетон, Салон, Маубранш, Меон, Сен-Жеран де Во и Сен-Аон де Буасси; графства или графства Ла-Палисс, Шампиньель, Бомон и Вильнев-ла-Жене, а также маркизат Туси. Он также обеспечил своему сыну, Жану Керу, избравшему своей профессией церковь, пост не менее значимый, чем пост архиепископа Буржа.

Все говорили, что такое богатство не могло быть приобретено честным путем; и богатые, и бедные с нетерпением ждали дня, который должен был смирить гордыню человека, которого одни считали выскочкой, а другие - угнетателем. Жак был несколько встревожен слухами, ходившими о нем, и темными намеками на то, что он обесценил монету королевства и подделал печать короля на одном важном документе, чем обманул государство на весьма значительную сумму. Чтобы заглушить эти слухи, он пригласил к себе в гости многих алхимиков из иностранных государств и распространил контрслух, что открыл секрет философского камня. Он также построил в своем родном городе великолепный дом, над входом которого изваял эмблемы этой науки. Через некоторое время после этого он построил еще один, не менее великолепный, в Монпелье, на котором сделал аналогичную надпись. Он также написал трактат по герметической философии, в котором утверждал, что знает секрет превращения металлов.

ДОМ ЖАКА КЁРА, БУРЖ.

Но все эти попытки замаскировать свои многочисленные махинации оказались безуспешными, и в 1452 году он был арестован и предстал перед судом по нескольким

обвинениям. Только по одному из них, придуманному его врагами, чтобы погубить его, он был оправдан; речь шла о том, что он был соучастником смерти от яда своей доброй покровительницы Агнессы Сорель. По остальным пунктам он был признан виновным и приговорен к изгнанию из королевства, а также к выплате огромного штрафа в четыреста тысяч крон. Было доказано, что он подделал королевскую печать; что в качестве хозяина монетного двора в Бурже он в значительной степени обесценил золотую и серебряную монету королевства; и что он без колебаний снабжал турок оружием и деньгами, чтобы они могли вести войну против своих христианских соседей, за что получал самые щедрые вознаграждения. Карл VII был глубоко опечален его осуждением и до последнего верил, что он невиновен. Благодаря его усилиям штраф был снижен до суммы, которую Жак Кёр мог заплатить. Пробыв некоторое время в тюрьме, он был освобожден и покинул Францию с большой суммой денег, часть которой, как утверждалось, была тайно выплачена ему Карлом из доходов от его конфискованных поместий. Он удалился на Кипр, где умер около 1460 года, будучи самым богатым и заметным человеком на острове.

Все авторы, пишущие об алхимии, называют Жака Кёра членом своего братства и считают ложью и клеветой более рациональное объяснение его богатства, которое содержится в протоколах суда над ним. Пьер Борель в своей книге "Древности Гаулии" придерживается мнения, что Жак был честным человеком и что он делал свое золото из свинца и меди с помощью философского камня. Алхимические адепты в целом придерживались того же мнения, но им было трудно убедить в этом даже его современников. Потомки еще менее склонны верить в это.

Низшие адепты четырнадцатого и пятнадцатого веков.

В четырнадцатом и пятнадцатом веках в каждой стране Европы появилось множество других претендентов на тайны философского камня. Возможность трансмутации была настолько общепризнанной, что каждый химик был в большей или меньшей степени алхимиком. Германия, Голландия, Италия, Испания, Польша, Франция и Англия породили тысячи неизвестных адептов, которые поддерживали себя в погоне за своей химерой за счет более прибыльных средств астрологии и гадания. Монархи Европы не меньше своих подданных были убеждены в возможности открытия философского камня. Генрих VI и Эдуард IV в Англии поощряли алхимию. В Германии ей уделяли внимание императоры Максимилиан, Рудольф и Фридрих II, а их примеру подражали все нижестоящие властители в пределах их владений. В Германии среди знати и мелких государей было принято приглашать алхимика поселиться среди них, чтобы заточить его в темнице, пока он не заработает достаточно золота, чтобы заплатить миллионы за его выкуп. В результате многие бедняги оказались в вечном заточении. Аналогичная участь, судя по всему, была уготована Эдуардом II Раймонду Лулли, которому под предлогом оказания ему такой чести были предоставлены апартаменты в лондонском Тауэре. Он вовремя понял, что с ним собираются сыграть, и сумел сбежать; некоторые из его биографов утверждают, что он прыгнул в Темзу и доплыл до судна, которое ждало его. В шестнадцатом веке использовалась та же система, о чем более подробно будет рассказано в жизни Сетона Космополита.

Ниже приводится каталог главных авторов по алхимии, которые процветали в эту эпоху и чьи жизни и приключения либо неизвестны, либо недостойны более подробного упоминания. Джон Даустон, англичанин, жил в 1315 году и написал два трактата о философском камне. Ричард, или, как некоторые называют его, Роберт, также англичанин, жил в 1330 году и написал работу под названием "Коррекция алхимических заболеваний", которая пользовалась большим уважением до времен Парацельса. В том же году жил Петр из Ломбардии, который написал так называемый "Полный трактат о Герметической науке",

сокращенное издание которого впоследствии опубликовал Лачини, монах из Калабрии. В 1330 году самым известным алхимиком Парижа был некто Одомаре, чей труд "De Practica Magistri" долгое время был настольной книгой среди братьев по науке. Иоанн де Рупецисса, французский монах из ордена Святого Франциска, процветал в 1357 году и выдавал себя за пророка, а также за алхимика. Некоторые из его пророчеств были настолько неприятны папе Иннокентию VI, что понтифик решил положить им конец, заперев пророка в подземельях Ватикана. Принято считать, что он умер там, хотя никаких доказательств этому нет. Его главные работы: "Книга света", "Пять сущностей", "Небо философов" и его грандиозный труд "De Confectione Lapidis". Он не считался светочем среди адептов. Ортолани был еще одним претендентом, о котором ничего не известно, кроме того, что он занимался алхимией и астрологией в Париже незадолго до Николаса Фламеля. Его труд о практике алхимии был написан в этом городе в 1358 году. Исаак Голландский писал, как предполагается, примерно в это же время; его сын также посвятил себя этой науке. Об их жизни ничего не известно. Бурхааве с похвалой отзываясь о многих местах в их работах, а Парацельс высоко их ценил: главные из них - "De Triplici Ordine Elixiris et Lapidis Theoria", напечатанная в Берне в 1608 году; и "Mineralia Opera, seu de Lapide Philosophico", напечатанная в Миддлбурге в 1600 году. Они также написали восемь других работ на ту же тему. Кофсткий, поляк, написал алхимический трактат под названием "Настойка минералов" около 1488 года. В этом списке авторов нельзя забывать и о королевском имени. Карл VI Французский, один из самых легковверных принцев того времени, чей двор просто кишел алхимиками, фокусниками, астрологами и шарлатанами всех мастей, предпринял несколько попыток обнаружить философский камень и решил, что знает о нем так много, что решил просветить мир трактатом; он называется "Королевский труд Карла VI Французского и сокровище философии". Считается, что именно из него Николас Фламель почерпнул идею своего *Désir désiré*. Ленгле дю Френуа утверждает, что она очень аллегорична и совершенно непонятна. За более полным списком философов-герметистов XIV-XV веков читателя отсылают к третьему тому "Истории" Ленгле, который уже цитировался.

ПРОГРЕСС УВЛЕЧЕНИЯ В ШЕСТНАДЦАТОМ И СЕМНАДЦАТОМ ВЕКАХ - СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ НАУКИ.

В течение XVI и XVII веков поиски философского камня продолжали тысячи энтузиастов и легковверных; но в этот период произошли большие перемены. Выдающиеся люди, посвятившие себя этому исследованию, полностью изменили его аспект и стали связывать с обладанием своим чудесным камнем и эликсиром не только превращение основания в драгоценные металлы, но и решение всех трудностей других наук. Они утверждали, что с его помощью человек будет теснее общаться со своим Создателем, что болезни и печали будут изгнаны из мира, а "миллионы духовных существ, которые ходят по земле невидимыми", станут видимыми и превратятся в друзей, спутников и наставников человечества. В семнадцатом веке эти поэтические и фантастические доктрины привлекли внимание всей Европы; из Германии, где они были впервые распространены Розенкрейцем, они распространились во Франции и Англии и разбили здравые суждения многих умных, но слишком увлеченных искателей истины. Парацельс, Ди и многие другие, менее известные, были очарованы изяществом и красотой новой мифологии, которая стала украшать литературу Европы. Большинство алхимиков XVI века, хотя и не знали о Росикрусианах как о секте, были в той или иной степени приурочены к их причудливым догматам: но прежде чем говорить об этих поэтических визионерах более подробно, необходимо возобновить историю герметического безрассудства и проследить постепенное изменение, охватившее

мечты адептов. Как видно, увлечение скорее усиливалось, чем ослабевало по мере того, как мир становился старше.

Аугурелло.

Среди алхимиков, родившихся в пятнадцатом и отличившихся в шестнадцатом веке, первым по дате считается Иоанн Аурелио Аугурелло. Он родился в Римини в 1441 году и стал профессором *словесности* в Венеции и Тревизе. Он рано убедился в истинности герметической науки и часто молил Бога о том, чтобы ему посчастливилось открыть философский камень. Он был постоянно окружен атрибутами химии и тратил все свое состояние на покупку лекарств и металлов. Он также был поэтом, но не столько достойным, сколько претенциозным. Свою "Хризопею", в которой он претендовал на обучение искусству изготовления золота, он посвятил папе Льву X., надеясь, что понтифик щедро вознаградит его за комплимент; но папа был слишком хорошим знатоком поэзии, чтобы быть довольным посредственностью его поэмы, и слишком хорошим философом, чтобы одобрить странные доктрины, которые она пропагандировала; поэтому он был далеко не в восторге от посвящения. Говорят, что когда Огурелло обратился к нему за наградой, папа с великой церемонией и видимой добротой и сердечностью достал из кармана пустой кошелек и подарил его алхимику, сказав, что раз уж он умеет делать золото, то самый подходящий подарок, который можно ему сделать, - это кошелек, в который его можно положить. Это скудное вознаграждение было всем, что бедный алхимик когда-либо получал за свою поэзию или алхимию. Он умер в состоянии крайней нищеты, на восемьдесят третьем году жизни.

Корнелий Агриппа.

Этот алхимик оставил после себя выдающуюся репутацию. О его способностях рассказывали и верили в самые необыкновенные истории. Он мог превратить железо в золото одним лишь словом. Все духи воздуха и демоны земли были под его властью и обязаны были во всем ему подчиняться. Он мог воскресить из мертвых формы великих людей других дней и заставить их предстать "в том виде, в каком они жили", перед взором любопытных, у которых хватало смелости выдержать их присутствие.

КОРНЕЛИЙ АГРИППА.

Он родился в Кельне в 1486 году и уже в раннем возрасте начал изучать химию и философию. С помощью тех или иных средств, которые никогда не были четко объяснены, ему удалось произвести на современников большое впечатление своими удивительными достижениями. В раннем возрасте двадцати лет его репутация как алхимика была настолько велика, что главные адепты Парижа написали в Кельн, приглашая его поселиться во Франции и помочь им своим опытом в открытии философского камня. Почести сыпались на него густой чередой, и он был высоко почитаем всеми учеными людьми своего времени. Меланктон отзывается о нем с уважением и похвалой. Эразм также свидетельствует в его пользу; и общий голос его эпохи провозгласил его светом литературы и украшением философии. Некоторым людям, благодаря чрезмерному самолюбованию, удается убедить своих современников в том, что они действительно очень великие люди: они так громко сообщают людям о своих достижениях и так непрерывно восхваляют себя, что аплодисменты всего мира переходят в шторм. Так, похоже, было и с Агриппой. Он называл себя возвышенным теологом, прекрасным юристом, искусным врачом, великим философом и успешным алхимиком. Мир, наконец, поверил ему на слово и решил, что человек, который так много говорит, должен обладать какими-то достоинствами, - что это действительно великая труба, которая издала такой упрямый звук. Он стал секретарем императора Максимилиана, который пожаловал ему титул шевалье и дал почетное командование полком. Затем он стал профессором древнееврейского языка и *литературы* в университете Доле во Франции, но, поссорившись с монахами-францисканцами по некоторым сложным вопросам богословия, был вынужден покинуть город. Он нашел убежище в Лондоне, где около года преподавал иврит и лил нативы. Из Лондона он отправился в Павию, где читал лекции о сочинениях, реальных или предполагаемых, Гермеса Трисмегиста; и мог бы жить там в мире и почете, если бы снова не поссорился с духовенством. С их помощью его положение стало настолько невыгодным, что он с радостью принял предложение магистрата Меца стать их синдиком и генеральным адвокатом. И здесь его любовь к диспутам нажила ему врагов: богословские мудрецы этого города утверждали, что у святой Анны было три мужа, и это мнение было подтверждено народной молвой того времени. Агриппа без нужды столкнулся с этим мнением, или предрассудком, как он его называл, и тем самым потерял значительную часть своего влияния. Вскоре после этого произошел другой спор, более достойный его характера, и он навсегда опустил в оценке мецианцев. Гуманно приняв роль молодой девушки, обвиненной в колдовстве, его враги утверждали, что он сам был колдуном, и подняли такую бурю вокруг его головы, что он был вынужден бежать из города. После этого он стал врачом Луизы Савойской, матери короля Франциска I. Эта дама была любопытна к будущему и потребовала от своего врача предсказать ее рождение. Агриппа ответил, что не будет поощрять такое праздное любопытство. В результате он потерял ее доверие и был немедленно уволен. Если бы его ответ объяснялся убежденностью в бесполезности астрологии, можно было бы восхититься его честной и бесстрашной независимостью; но когда становится известно, что в то же самое время он постоянно занимался гаданиями и предсказаниями и предсказывал Бурбонскому коннетаблю блестящий успех во всех его начинаниях, остается только удивляться тому, что он таким образом отдал от себя могущественного друга из-за простого легкомыслия и извращения.

В это время Генрих VIII пригласил его в Англию и Маргариту Австрийскую, правительницу Низких стран, поселиться в их владениях. Он выбрал службу у последней, под влиянием которой стал историографом императора Карла V. К несчастью для Агриппы, он никогда не был достаточно устойчив, чтобы долго оставаться на одном месте, и обижал своих покровителей своей неугомонностью и самонадеянностью. После смерти Маргариты он был заключен в тюрьму в Брюсселе по обвинению в колдовстве. Через год его освободили, и,

покинув страну, он пережил множество превратностей. Он умер в большой бедности в 1534 году в возрасте сорока восьми лет.

Находясь на службе у Маргариты Австрийской, он жил в основном в Лувене, в этом городе он написал свою знаменитую работу "О тщете и ничтожестве человеческого знания". Он также написал в угоду своей королевской госпоже трактат "О превосходстве женского пола", который посвятил ей в знак благодарности за оказанные ему услуги. Репутация, которую он оставил после себя в этих провинциях, была не иначе как благоприятной. Множество чудесных историй, которые о нем рассказывают, относятся к этому периоду его жизни. Говорили, что золото, которое он платил торговцам, с которыми имел дело, всегда выглядело необыкновенно ярким, но неизменно превращалось в куски шифера и камня в течение четырех-двадцати часов. Считалось, что он изготовил большое количество этого фальшивого золота с помощью дьявола, который, судя по всему, имел лишь очень поверхностное представление об алхимии, причем гораздо меньшее, чем ему приписывал маршал де Рэйс. Иезуит Дельрио в своей книге о магии и колдовстве рассказывает о нем еще более необычную историю. Однажды Агриппа покинул свой дом в Лувене и, намереваясь отсутствовать некоторое время, отдал ключ от своего кабинета жене со строгим приказом, чтобы никто не входил туда во время его отсутствия. Сама дама, как ни странно, не испытывала никакого любопытства к тайнам мужа и ни разу не подумала войти в запретную комнату; но один молодой студент, которому в доме философа отвели мансарду, горел горячим желанием осмотреть кабинет, надеясь, что ему удастся похитить какую-нибудь книгу или прибор, который научит его искусству трансмутации металлов. Юноша был красив, красноречив и, кроме того, весьма благосклонен к прелестям дамы, и она без особого труда уговорила его дать ключ, но дала строгий наказ ничего не убирать. Ученик пообещал беспрекословное послушание и вошел в кабинет Агриппы. Первым предметом, который привлек его внимание, был большой *гримуар*, или книга заклинаний, лежавшая открытой на столе философа. Он немедленно сел и начал читать. При первом же слове ему показалось, что он услышал стук в дверь. Он прислушался, но все было тихо. Подумав, что воображение обмануло его, он стал читать дальше, как вдруг раздался более громкий стук, который так напугал его, что он вскочил на ноги. Он попытался сказать "Войдите", но язык отказал ему, и он не смог произнести ни звука. Он устремил взгляд на дверь, которая, медленно открывшись, показала незнакомца величественного вида, но с хмурыми чертами лица, который сурово спросил, зачем его вызвали? "Я вас не вызывал", - ответил дрожащий студент. "Вызывал!" - сердито сказал незнакомец; "А демонов нельзя вызывать напрасно". Ученик не смог ничего ответить, и демон, разгневанный тем, что кто-то из непосвященных вызвал его из самонадеянности, схватил его за горло и задушил. Когда Агриппа вернулся через несколько дней после этого, он обнаружил, что его дом кишит дьяволами. Некоторые из них сидели на дымовых горшках, задирая ноги вверх, а другие играли в чехарду на самом краю парапета. Его кабинет был настолько заполнен ими, что он с трудом пробирался к своему столу. Пробившись сквозь них локтями, он обнаружил, что его книга открыта, а ученик лежит на полу мертвый. Он сразу же понял, как было совершено злодеяние, и, отстранив всех низших импов, спросил главного демона, как он мог так опрометчиво поступить, чтобы убить юношу. Демон ответил, что его без нужды вызвал оскорбительный юноша, и он не мог поступить иначе, как убить его за самонадеянность. Агриппа сурово отчитал его и приказал немедленно оживить мертвое тело и ходить с ним по рыночной площади весь день. Демон так и сделал; ученик ожил и, продев руку через руку своего неземного убийцы, очень любовно прогуливался с ним на глазах у всего народа. На закате тело снова упало, холодное и безжизненное, как и прежде, и было отнесено толпой в больницу; по общему мнению, он скончался в приступе апоплексии. Его проводник тут же исчез. При осмотре тела на шее были обнаружены следы удушения, а на различных частях

тела - отпечатки длинных когтей демона. Эти появления, а также история, которая вскоре получила распространение, о том, что спутник молодого человека исчез в облаке пламени и дыма, открыли людям глаза на правду. Магистрат Лувена начал расследование, и в результате Агриппа был вынужден покинуть город.

Другие авторы, помимо Дельрио, рассказывают похожие истории об этом философе. В те времена мир всегда охотно верил в сказки о магии и колдовстве, а когда, как в случае с Агриппой, предполагаемый маг выдавал себя за такового и заявлял о своих чудесах, неудивительно, что эпоха допускала его притязания. Это было опасное хвастовство, которое иногда приводило к колу или виселице, а потому считалось небезосновательным. Паулюс Йовиус в своей "Эвлогии доктора Вирума" говорит, что дьявол в виде большой черной собаки сопровождал Агриппу, куда бы он ни пошел. Томас Нэш в своих "Приключениях Джека Уилтона" рассказывает, что по просьбе лорда Суррея, Эразма и некоторых других ученых Агриппа вызвал из могилы многих великих философов древности; среди них Тулли, которого он заставил заново произнести свою знаменитую ораторию в честь Росиуса. Он также продемонстрировал лорду Суррея, когда тот находился в Германии, точное сходство в бокале с его любовницей, прекрасной Джеральдиной. Она была изображена на кушетке, плачущей об отсутствии своего возлюбленного. Лорд Суррей записал точное время, когда он увидел это видение, и впоследствии убедился, что его любовница действительно была занята этим в ту самую минуту. Для Томаса Кромвеля Агриппа изобразил короля Генриха VIII, охотящегося в Виндзорском парке с главными лордами своего двора; а чтобы порадовать императора Карла V, он вызвал из гробницы царя Давида и царя Соломона.

Науде в своей "Апологии великих людей, которые были ложно заподозрены в магии" прилагает немало усилий, чтобы очистить Агриппу от обвинений, возведенных на него Дельрионом, Паулуsom Йовиусом и другими подобными невежественными и предвзятыми писателями. Подобные истории требовали опровержения во времена Науде, но теперь их можно смело оставить распадаться в их собственной нелепости. Однако то, что они должны были закрепиться в памяти человека, утверждавшего, что он может заставить железо повиноваться ему, когда он велит ему стать золотом, и написавшего такой труд по магии, который носит его имя, ничуть не удивительно.

Парацельс.

Этот философ, которого Науде назвал "зенитом и восходящим солнцем всех алхимиков", родился в Айнзидельне, недалеко от Цюриха, в 1493 году. Его настоящее имя было Хоэнхайм; к нему, как он сам сообщает нам, были добавлены крестильные имена Ауреолус Теофраст Бомбастес Парацельс. Последнее из них он выбрал для своего общего обозначения, когда был еще мальчиком, и сделал его, прежде чем умер, одним из самых известных в летописях своего времени. Его отец, который был врачом, обучал своего сына тому же делу. Последний был способным ученым и добился больших успехов. Случайно в его руки попали труды Исаака Голландуса, и с тех пор он был поражен манией философского камня. Отныне все его мысли были посвящены металлургии, и он отправился в Швецию, чтобы посетить рудники этой страны и изучить руды, пока они еще лежат в недрах земли. Он также посетил Тритемия в монастыре Спанхейм и получил от него наставления в науке алхимии. Продолжая свои странствия, он проследовал через Пруссию и Австрию в Турцию, Египет и Тартарию, а затем, вернувшись в Константинополь, научился, как он хвастался, искусству трансмутации и стал обладателем *эликсыра vitae*. Затем он стал врачом в своей родной Швейцарии, в Цюрихе, и начал писать труды по алхимии и медицине, которые сразу же привлекли внимание всей

Европы. Незнание этих трудов не мешало их славе, ведь чем меньше понимали автора, тем больше ценили его демонологи, фанатики и охотники за философским камнем. Его слава как врача не отставала от той, которой он пользовался как алхимик, благодаря тому, что он осуществил несколько счастливых исцелений с помощью ртути и опиума - препаратов, бесцеремонно осужденных его коллегами по профессии. В 1526 году он был избран профессором физики и натурфилософии в Базельском университете, где его лекции привлекали огромное количество студентов. Он осуждал труды всех прежних врачей как имеющие тенденцию вводить в заблуждение; публично сжег работы Галена и Авиценны как шарлатанов и самозванцев. Он воскликнул в присутствии восхищенной и полуобескураженной толпы, собравшейся посмотреть на эту церемонию, что в его шнурах больше знаний, чем в трудах этих врачей. Продолжая в том же духе, он заявил, что все университеты мира полны невежественных шарлатанов, но он, Парацельс, переполнен мудростью. "Вы все будете следовать моей новой системе, - сказал он, яростно жестикулируя, - Авиценна, Гален, Разис, Монтаньяна, Меме, - вы все последуете за мной, вы, профессора Парижа, Монпелье, Германии, Кельна и Вены! И все вы, кто живет на Рейне и Дунае, кто населяет морские острова; и вы, итальянцы, далматинцы, афиняне, арабийцы, евреи, - все вы будете следовать моим доктринам, ибо я - монарх медицины!"

ПАРАЦЕЛЬСУС.

Но он недолго пользовался уважением добрых горожан Базеля. Рассказывают, что он так вольно пил вино, что его нередко можно было увидеть на улицах в состоянии опьянения. Это было губительно для врача, и его добрая слава быстро уменьшалась. Его дурная слава росла еще больше, особенно когда он принимал обличье колдуна. Он хвастался легионами духов, которые были в его распоряжении, и особенно одним, которого он держал заключенным в эфесе своего меча. Веттерас, проживший двадцать семь месяцев на его службе, рассказывает, что он часто угрожал вызвать целую армию демонов и показать ему, какую огромную власть он может над ними осуществлять. Он позволил себе поверить, что дух его меча хранит эликсир жизни, с помощью которого он может заставить любого человека жить столько же лет, сколько и допотопные люди. Он также хвастался, что в его распоряжении был дух по имени "Азот", которого он держал заключенным в драгоценном камне; на многих старых портретах он изображен с драгоценным камнем, на котором написано слово "Азот", в руке.

Если у трезвого пророка мало чести в своей стране, то у пьяного - еще меньше. Наконец Парацельс счел удобным покинуть Базель и обосноваться в Страсбурге. Непосредственная причина этой перемены места жительства заключалась в следующем. Один горожанин находился на грани смерти, и все врачи города отдали его в руки врачей. В качестве

последнего средства был вызван Парацельс, которому больной пообещал великолепное вознаграждение, если с его помощью он будет вылечен. Парацельс дал ему две маленькие пилюли, которые тот принял и быстро поправился. Когда он совсем поправился, Парацельс послал за гонораром, но горожанин не слишком высоко оценил стоимость столь быстрого излечения. Он не хотел платить горсть золота за две пилюли, хотя они спасли ему жизнь, и отказался платить больше, чем обычно за одно посещение. Парацельс подал на него в суд и проиграл его. Этот результат настолько разозлил его, что он покинул Базель в сильном раздражении. Он возобновил свою бродячую жизнь и путешествовал по Германии и Венгрии, поддерживая себя за счет доверчивости и увлеченности всех слоев общества. Он гадал на рождество, предсказывал судьбу, помогал тем, у кого были деньги, чтобы бросить их на эксперименты, найти философский камень, прописывал лекарства для коров и свиней и помогал вернуть украденные вещи. Пожив последовательно в Нюрнбурге, Аугсбурге, Вене и Миндельгейме, в 1541 году он удалился в Зальцбург и умер в больнице этого города в состоянии крайней нищеты.

Если при жизни этот странный шарлатан нашел сотни поклонников, то после смерти - тысячи. Во Франции и Германии возникла секта парацельсистов, чтобы увековечить экстравагантные доктрины своего основателя в отношении всех наук, и в частности алхимии. Главными лидерами были Боденштейн и Дорнеус. Ниже приводится краткое изложение его доктрины, основанной на предполагаемом существовании философского камня; она достойна сохранения из-за своей абсурдности и не имеет аналогов в истории философии. Прежде всего, он утверждал, что созерцание совершенства Божества достаточно для обретения всякой мудрости и знания; что Библия - ключ к теории всех болезней, и что необходимо заглянуть в Апокалипсис, чтобы узнать значение магических лекарств. Человек, слепо повиновавшийся воле Бога и сумевший отождествить себя с небесным разумом, обладал философским камнем - он мог излечивать все болезни и продлевать жизнь на столько веков, на сколько ему заблагорассудится; именно таким же способом Адам и допотопные патриархи продлевали свою. Жизнь была эманацией звезд: солнце управляло сердцем, а луна - мозгом. Юпитер управлял печенью, Сатурн - желчью, Меркурий - легкими, Марс - желчью, а Венера - поясницей. В желудке каждого человека обитал демон, или интеллект, который был своего рода алхимиком и смешивал в своем тигле в нужных пропорциях различные вещества, отправляемые в эту великую лабораторию - [живот40](#). Он гордился званием мага и хвастался, что ведет регулярную переписку с Галеном из ада; и что он часто вызывал Авиценну из тех же краев, чтобы поспорить с ним о ложных представлениях, которые тот распространял об алхимии, и особенно о питьевом золоте и эликсире жизни. Он воображал, что золото может излечить окостенение сердца и, фактически, все болезни, если это золото было преобразовано из низшего металла с помощью философского камня, и если оно применялось при определенных соединениях планет. Один только список работ, в которых он выдвигает эти безумные фантазии, которые он называет доктриной, занял бы несколько страниц.

Джордж Агрикола.

Этот алхимик родился в провинции Мисния в 1494 году. Его настоящее имя было *Бауэр*, что означает "земледелец", которое, в соответствии с общепринятой модой его эпохи, он латинизировал в Агрикола. С ранней юности он увлекался видениями герметической науки. Уже в шестнадцать лет он мечтал о великом эликсире, который должен был помочь ему прожить семьсот лет, и о камне, который должен был принести ему богатство, чтобы подбодрить его во множестве дней. В 1531 году в Кельне он опубликовал небольшой трактат на эту тему, который получил покровительство знаменитого Мориса, герцога Саксонского.

После нескольких лет врачебной практики в Иоахимстале, в Богемии, он был нанят Маурисом в качестве управляющего серебряными рудниками в Хемнице. Он вел счастливую жизнь среди шахтеров, проводя различные эксперименты по алхимии, находясь глубоко в недрах земли. Он приобрел обширные знания о металлах и постепенно избавился от своих экстравагантных представлений о философском камне. Шахтеры не верили в алхимию, и они обратили его в свою веру, причем не только в этом, но и в других отношениях. Из их легенд он вынес твердое убеждение, что недра земли населены добрыми и злыми духами и что пожары и прочие взрывы происходят не иначе как по злему умыслу последних. Он умер в 1555 году, оставив после себя репутацию очень способного и умного человека.

Денис Захер.

Автобиография, написанная мудрецом, который когда-то был дураком, - не только самое поучительное, но и самое приятное чтение. Дени Захер, алхимик XVI века, выполнил эту задачу и оставил запись о своих глупостях и увлечениях в погоне за философским камнем, которая вполне заслуживает прочтения. Он родился в 1510 году в старинном гиеннском роду и был рано отправлен в университет Бордо под присмотром наставника, который руководил его учебой. К сожалению, его наставник был искателем великого эликсира и вскоре сделал своего ученика таким же безумным, как и он сам, в этом вопросе. После этого вступления мы позволим Дени Захару говорить за себя и продолжим рассказ его собственными словами: "Я получил из дома, - говорит он, - двести крон на расходы для себя и мастера; но до конца года все наши деньги пропали в дыму наших печей. В то же время мой хозяин умер от лихорадки, вызванной изнуряющим жаром нашей лаборатории, из которой он редко или никогда не выходил, и которая была едва ли менее жаркой, чем арсенал Венеции. Его смерть была тем печальнее для меня, что мои родители воспользовались возможностью сократить мое содержание и присылали мне только сумму, достаточную для питания и жилья, вместо той, что требовалась для продолжения моих занятий алхимией.

"Чтобы справиться с этой трудностью и вырваться из пут, я вернулся домой в возрасте двадцати пяти лет и заложил часть своего имущества за четыреста крон. Эта сумма была необходима для проведения одной научной операции, о которой мне сообщил один итальянец из Тулузы, и который, по его словам, доказал ее эффективность. Я оставил этого человека на службе, чтобы мы могли увидеть, чем закончится эксперимент. Затем с помощью сильных дистилляций я попытался прокалить золото и серебро, но все мои труды оказались напрасными. Вес золота, которое я извлекал из печи, уменьшился вдвое с тех пор, как я его туда положил, и мои четыреста крон очень скоро сократились до двухсот тридцати. Двадцать из них я отдал моему итальянцу, чтобы он съездил в Милан, где жил автор расписки, и попросил его объяснить некоторые места, которые нам показались неясными. Всю зиму я оставался в Тулузе в надежде на его возвращение; но я мог бы оставаться там и по сей день, если бы ждал его, ибо больше я не видел его лица.

"На следующее лето случилась сильная чума, из-за которой мне пришлось покинуть город. Однако я не потерял из виду свою работу. Я отправился в Кагор, где пробыл шесть месяцев и завел знакомство с одним стариком, которого в народе называли "Философом" - так в сельской местности часто называют людей, единственным достоинством которых является то, что они менее невежественны, чем их соседи. Я показал ему свою коллекцию алхимических рецептов и спросил его мнение о них. Он выбрал десять или двенадцать из них, просто сказав, что они лучше других. Когда чума прекратилась, я вернулся в Тулузу и возобновил свои эксперименты по

поиску камня. Я работал с таким успехом, что мои четыреста крон сократились до ста семидесяти.

"Чтобы продолжить работу по более безопасному методу, в 1537 году я познакомился с неким аббатом, проживавшим по соседству. Он был поражен той же манией, что и я, и рассказал мне, что один из его друзей, отправившийся в Рим в свите кардинала д'Арманьяка, прислал ему из этого города новую квитанцию, которая не может не превращать железо и медь, но стоит двести крон. Я предоставил половину этих денег, а аббат - остальные, и мы начали действовать за наш общий счет. Поскольку для эксперимента нам требовался винный спирт, я купил тонну превосходного *вина де Гайяк*. Я извлек спирт и несколько раз ректифицировал его. Мы взяли некоторое количество этого спирта, в который положили четыре марки серебра и одну марку золота, которые в течение месяца проходили процесс прокаливания. Эту смесь мы ловко поместили в рогообразный сосуд, а другой служил ретортой, и поставили все это в печь для получения конгеляции. Этот эксперимент продолжался целый год, но, не желая бездействовать, мы развлекали себя многими другими, менее важными операциями. От них мы извлекли не меньше пользы, чем от нашей великой работы.

"Весь 1537 год прошел без каких-либо изменений; на самом деле мы могли бы ждать до Судного дня, чтобы сгустить наши винные духи. Правда, мы сделали с ним проекцию на раскаленное зыбучее серебро, но все было напрасно. Судите сами о нашем огорчении, а особенно об огорчении аббата, который уже успел похвастаться всем монахам своего монастыря, что стоит им только принести большой насос, стоявший в углу монастыря, и он превратит его в золото: но это невезение не помешало нам упорствовать. Я снова заложил отцовские земли за четыреста крон, все эти деньги я решил потратить на возобновление поисков великой тайны. Аббат внес такую же сумму, и с этими восемью сотнями крон я отправился в Париж, город, изобилующий алхимиками больше, чем любой другой в мире, решив никогда не покидать его, пока либо не найду философский камень, либо не потрачу все свои деньги. Это путешествие очень обидело всех моих родственников и друзей, которые, вообразив, что я способен стать великим юристом, очень хотели, чтобы я утвердился в этой профессии. Ради спокойствия я притворился, наконец, что такова моя цель.

"После пятнадцатидневного путешествия я прибыл в Париж 9 января 1539 года. В течение месяца я оставался почти неизвестным; но не успел я начать посещать любителей этой науки и мастерские печников, как познакомился с более чем сотней действующих алхимиков, у каждого из которых была своя теория и свой способ работы. Одни из них предпочитали цементацию, другие искали универсальный алкахест или растворитель, третьи хвастались большой эффективностью наждака. Некоторые из них пытались извлечь ртуть из других металлов, чтобы затем закрепить ее; и, чтобы каждый из нас был хорошо осведомлен о работе других, мы договорились встречаться где-нибудь каждый вечер и сообщать о ходе работы. Мы встречались то в доме одного, то в мансарде другого; не только в будние дни, но и по воскресеньям и в великие церковные праздники. "Ах!" - говорил один, - "если бы у меня была возможность возобновить этот эксперимент, я бы что-нибудь сделал". "Да, - говорил другой, - если бы мой тигель не треснул, я бы уже добился успеха"; а третий со вздохом восклицал: "Если бы у меня был круглый медный сосуд достаточной прочности, я бы соединил ртуть с серебром". Среди них не было ни одного, кто бы не оправдывался за свою неудачу; но я был глух ко всем их речам. Я

не хотел расставаться со своими деньгами ни с одним из них, помня, как часто я был обманут подобными обещаниями.

"Наконец появился грек, с которым я долго и бесполезно работал над гвоздями, сделанными из киновари или вермильона. Я был также знаком с одним иностранным джентльменом, недавно прибывшим в Париж, и часто сопровождал его в лавки ювелиров, чтобы продать кусочки золота и серебра - плоды, как он говорил, его экспериментов. Я долгое время пристально следил за ним в надежде, что он откроет свой секрет. Он долго отказывался, но в конце концов по моей убедительной просьбе согласился, и я убедился, что это не более чем хитроумный трюк. Я не преминул сообщить обо всех своих приключениях моему другу аббату, которого я оставил в Тулузе, и послал ему, среди прочего, рассказ об уловке, с помощью которой этот господин притворился, что превращает свинец в золото. Аббат все еще полагал, что я наконец-то добьюсь успеха, и посоветовал мне остаться еще на год в Париже, где я так хорошо начал. Я пробыл там три года; но, несмотря на все мои усилия, я добился не большего успеха, чем в других местах.

"Я как раз подошел к концу, когда получил письмо от аббата, в котором он просил меня бросить все дела и немедленно присоединиться к нему в Тулузе. Я отправился туда и обнаружил, что он получил письма от короля Наваррского (деда Генриха IV). Этот принц был большим любителем философии, полным любопытства, и написал аббату, чтобы я посетил его в По, и что он даст мне три или четыре тысячи крон, если я сообщу секрет, который узнал от иностранного джентльмена. Четыре тысячи крон так зашекетали уши аббата, что он не давал мне покоя ни днем, ни ночью, пока не увидел меня на дороге в По. Я прибыл туда в мае 1542 года. Я работал и преуспел, согласно полученной мною расписке. Когда я закончил работу к удовлетворению короля, он дал мне вознаграждение, которого я ожидал. Хотя он был готов оказать мне дальнейшую услугу, его отговорили от этого лорды его двора; даже многие из тех, кто больше всего желал, чтобы я приехал. Тогда он отправил меня по моим делам с многочисленными благодарностями, сказав, что если в его королевстве есть хоть что-то, что он может мне дать, - например, продукты конфискации или что-то подобное, - то он будет очень рад. Я подумал, что могу надолго задержаться в ожидании этих предполагаемых конфискаций и так и не получить их; поэтому я решил вернуться к моему другу аббату.

"Я узнал, что на дороге между По и Тулузой живет монах, весьма сведущий во всех вопросах натурфилософии. Вернувшись, я навестил его. Он очень жалел меня и с большой теплотой и добротой советовал мне больше не развлекаться такими экспериментами, как эти, которые были ложными и софистическими, но читать хорошие книги старых философов, где я мог бы не только найти истинную материю науки алхимии, но и узнать точный порядок действий, которого следует придерживаться. Я очень одобрил этот мудрый совет, но прежде чем поступить по нему, я вернулся к моему аббату в Тулузу, чтобы дать ему отчет о восьмистах кронах, которые у нас были общими, и в то же время разделить с ним награду, которую я получил от короля Наваррского. Если он был мало удовлетворен рассказом о моих приключениях с момента нашей первой разлуки, то еще меньше он был удовлетворен, когда я сказал ему, что принял решение отказаться от поисков философского камня. Причина заключалась в том, что он считал меня хорошим художником. Из наших восьмисот крон осталось сто семьдесят шесть. Выйдя от аббата, я отправился в свой дом с намерением остаться там, пока не прочту всех старых философов, а затем отправиться в Париж.

"Я прибыл в Париж на следующий день после Всех Святых 1546 года и посвятил еще год усердному изучению великих авторов. Среди прочего, я прочитал "Философскую книгу" доброго Тревизана, "Обращение природы к блуждающему алхимику" Жана де Менга и еще несколько лучших книг; но, поскольку у меня не было правильных принципов, я не знал, каким путем следовать.

"Наконец я покинул свое уединение, но не для того, чтобы повидать своих прежних знакомых, адептов и операторов, а чтобы посетить общество истинных философов. Среди них я впал в еще большую неопределенность; в сущности, я был совершенно обескуражен разнообразием операций, которые они мне показывали. Тем не менее, подстегиваемый неким безумием или вдохновением, я погрузился в труды Раймона Люлли и Арнольда де Вильнева. Их чтение и размышления над ними заняли меня еще на год, когда я окончательно определился с выбором курса. Однако я был вынужден ждать, пока не заложу еще одну, весьма значительную часть своего состояния. Это дело было улажено только в начале Великого поста 1549 года, когда я приступил к своим операциям. Я сделал запас всего необходимого и приступил к работе на следующий день после Пасхи. Это, однако, не обошлось без некоторого беспокойства и противодействия со стороны моих друзей, которые приходили ко мне; один спрашивал меня, что я собираюсь делать, и не потратил ли я уже достаточно денег на подобные глупости? Другой уверял меня, что, купив столько угля, я усилю уже существующее подозрение в том, что я - монетарист. Еще один советовал мне приобрести какое-нибудь место в магистратуре, поскольку я уже был доктором права. Мои родственники говорили в еще более раздражающих меня выражениях и даже угрожали, что, если я и дальше буду выставять себя таким дураком, они пришлют в мой дом отряд полицейских и разобьют на атомы все мои печи и тигли. Я был измотан почти до смерти этим постоянным преследованием; но я находил утешение в своей работе и в ходе эксперимента, к которому я был очень внимателен и который мужественно продолжался изо дня в день. Примерно в это время в Париже разразилась страшная чума, которая прервала все сношения между людьми, и я был предоставлен самому себе настолько, насколько мог пожелать. Вскоре я имел удовольствие наблюдать за развитием и чередованием трех цветов, которые, по мнению философов, всегда предвещают приближение к совершенству работы. Я отчетливо наблюдал их один за другим, а на следующий год, в Пасхальное воскресенье 1550 года, я произвел великое испытание. Немного обычного зыбучего серебра, которое я положил в небольшой тигель на огонь, менее чем за час превратилось в очень хорошее золото. Можете судить, как велика была моя радость, но я постарался не хвастаться ею. Я благодарил Бога за оказанную мне милость и молился, чтобы мне было позволено использовать ее так, чтобы это послужило во славу Его.

"На следующий день я отправился в Тулузу, чтобы найти аббата, согласно взаимному обещанию, что мы должны сообщить друг другу о наших открытиях. По дороге я зашел к мудрецу-монаху, который помогал мне своими советами; но с горечью узнал, что оба они умерли. После этого я не стал возвращаться в свой дом, а удалился в другое место, чтобы дожидаться одного из своих родственников, которого я оставил управлять своим имуществом. Я отдал ему приказ продать все, что мне принадлежало, как движимое, так и недвижимое, заплатить из вырученных денег мои долги, а все остальное разделить между теми, кто хоть как-то связан со мной и может в этом нуждаться, чтобы они могли получить какую-то долю от постигшей меня удачи. В округе ходило много разговоров о моем поспешном отступлении; самые мудрые из моих знакомых полагали, что, разоренный и

разоренный своими безумными расходами, я продал свое небольшое оставшееся имущество, чтобы уехать и скрыть свой позор в дальних странах.

"Мой родственник, о котором я уже говорил, вернулся ко мне 1 июля, выполнив все дела, которые я ему поручил. Мы вместе отправились в путь, чтобы искать страну свободы. Сначала мы удалились в Лозанну, в Швейцарии, а пробыв там некоторое время, решили провести остаток наших дней в одном из самых знаменитых городов Германии, живя тихо и без пышности".

Так заканчивается история Дени Захера, написанная им самим. В конце он не был столь откровенен, как в начале, и оставил мир в сомнении относительно его истинных мотивов, побудивших его сделать вид, что он открыл философский камень. Кажется вероятным, что предложение, которое он вкладывает в уста своих самых мудрых знакомых, было истинной причиной его затворничества; что на самом деле он был доведен до нищеты и скрывал свой позор в чужих странах. Больше о его жизни ничего не известно, и его настоящее имя так и не было найдено. Он написал работу по алхимии, озаглавленную "Истинная натуральная философия металлов".

Доктор Ди и Эдвард Келли.

Джон Ди и Эдвард Келли претендуют на то, чтобы быть упомянутыми вместе, ведь они так долго занимались одними и теми же делами и пережили столько странных превратностей в обществе друг друга. Ди был удивительным человеком, и если бы он жил в эпоху, когда глупость и суеверия были менее распространены, то, обладая теми же способностями, что и он, оставил бы после себя яркую и долговечную репутацию. Он родился в Лондоне в 1527 году и очень рано проявил любовь к учебе. В пятнадцать лет его отправили в Кембридж, и он так увлекся книгами, что проводил за ними регулярно по восемнадцать часов каждый день. Из оставшихся шести четыре он посвящал сну, а два - отдыху. Такое интенсивное занятие не повредило его здоровью и не могло не сделать его одним из первых ученых своего времени. Однако, к сожалению, он оставил математику и занятия истинной философией, чтобы предаться невыгодным мечтаниям об оккультных науках. Он изучал алхимию, астрологию и магию и тем самым стал несносным для властей Кембриджа. Чтобы избежать преследований, он был вынужден удалиться в Лувенский университет; слухи о колдовстве, которые ходили о нем, делали его пребывание в Англии не совсем безопасным. В Лувене он нашел много единомышленников, которые знали Корнелия Агриппу, когда тот жил среди них, и которые постоянно развлекали его рассказами о чудесных деяниях этого великого мастера герметических тайн. Из их разговоров он почерпнул немало стимулов для продолжения поисков философского камня, которые вскоре стали занимать почти все его мысли.

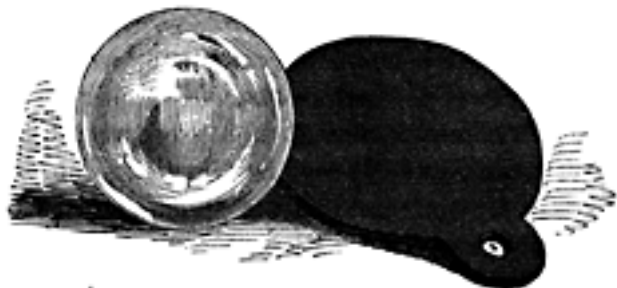
ДР. ДИ.

Он недолго оставался на континенте, но в 1551 году вернулся в Англию, где в то время ему шел двадцать четвертый год. Благодаря влиянию своего друга сэра Джона Чика, он был любезно принят при дворе короля Эдуарда VI и вознагражден (трудно сказать, за что) пенсией в сто крон. В течение нескольких лет он продолжал практиковать в Лондоне как астролог, предсказывая судьбу, указывая удачные и неудачные дни. Во время правления королевы Марии у него начались неприятности: его заподозрили в ереси и обвинили в покушении на жизнь Марии с помощью чар. За последнее преступление его судили и оправдали, но по первому обвинению он был оставлен в тюрьме и отдан на милость епископа Боннера. Ему едва удалось избежать сожжения в Смитфилде, но он так или иначе сумел убедить этого яростного фанатика в том, что его ортодоксальность не подлежит сомнению, и в 1555 году был отпущен на свободу.

После воцарения Елизаветы для него наступил более светлый день. Во время ее отдыха в Вудстоке ее слуги, судя по всему, советовались с ним о времени смерти Марии, что, несомненно, послужило первым поводом для серьезного обвинения, за которое он был привлечен к суду. Теперь они стали более открыто советоваться с ним о судьбе своей госпожи; а Роберт Дадли, знаменитый граф Лестер, был послан по приказу самой королевы, чтобы узнать наиболее благоприятный день для ее коронации. Он пользовался таким большим расположением, что несколько лет спустя Елизавета соблаговолила нанести ему визит в его дом в Мортлейке, чтобы осмотреть его музей дикувинок, а когда он заболел, послала к нему своего собственного врача.

Астрология была средством, с помощью которого он жил, и он продолжал заниматься ею с большим усердием; но сердце его было в алхимии. Философский камень и эликсир жизни преследовали его дневные мысли и ночные сны. Талмудические тайны, которые он также глубоко изучил, внушили ему веру в то, что он может общаться с духами и ангелами и узнать от них все тайны Вселенной. Придерживаясь той же идеи, что и тогдашняя малоизвестная секта росикрусианцев, с некоторыми из которых он, возможно, сталкивался во время своих путешествий по Германии, он вообразил, что с помощью философского камня может вызывать этих любезных духов по своему желанию. От постоянных размышлений на эту тему его воображение настолько разболелось, что в конце концов он убедил себя в том, что ему явился ангел и пообещал быть его другом и спутником, пока он жив. Он рассказывает, что однажды, в ноябре 1582 года, когда он горячо молился, окно его музея, выходящее на запад, внезапно озарилось ослепительным светом, посреди которого во всем своем великолепии стоял великий ангел Уриил. От благоговения и удивления он потерял дар речи; но ангел, милостиво улыбнувшись ему, дал ему кристалл выпуклой формы и сказал, что, когда он захочет побеседовать с существами другой сферы, ему достаточно будет пристально

взглянуть на него, и они появятся в кристалле и откроют ему все тайны будущего.⁴¹ Сказав так, ангел исчез. Из опыта работы с кристаллом Ди понял, что необходимо сосредоточить на нем все способности души, иначе духи не появятся. Он также обнаружил, что никогда не мог вспомнить разговоры, которые вел с ангелами. Поэтому он решил передать этот секрет другому человеку, который мог бы беседовать с духом, пока он (Ди) сидел в другой части комнаты, и записывать откровения, которые они делали.

КАМЕНЬ-ОБЕРЕГ ДОКТОРА ДИ ДИ, ХРАНЯЩИЙСЯ В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ.

В это время у него в помощниках был некий Эдвард Келли, который, как и он сам, был без ума от философского камня. Однако между ними было то различие, что если Ди был скорее энтузиастом, чем самозванцем, то Келли был скорее самозванцем, чем энтузиастом. В ранней жизни он был нотариусом и имел несчастье лишиться обеих ушей за подделку документов. Это увечье, унижительное для любого человека, было губительно для философа; поэтому Келли, чтобы его мудрость не пострадала в глазах окружающих, носил черную черепную коробку, которая, плотно прилегая к голове и спускаясь на обе щеки, не только скрывала потерю, но и придавала ему очень торжественный и прорицательский вид. Он так хорошо хранил свою тайну, что даже Ди, с которым он прожил столько лет, похоже, так и не узнал о ней. Келли с таким характером был как раз тем человеком, который мог повернуть любое мошенничество ради собственной выгоды или подстроить заблуждения своего хозяина с той же целью. Не успел Ди сообщить ему о визите славного Уриэля, как Келли выразил такую горячую веру, что сердце Ди затрепетало от восторга. Он немедленно приступил к работе со своим кристаллом, и 2 декабря 1581 года духи явились и провели с Келли необыкновенную беседу, которую Ди записал письменно. Любопытный читатель может ознакомиться с этим фарсаго чепухи среди Гарлейских рукописей в Британском музее. Более поздние консультации были опубликованы в фолианте в 1659 году доктором Мериком Казобоном под названием "Правдивое и достоверное повествование о том, что произошло между доктором Джоном Ди и некоторыми духами; склонное, если бы оно удалось, к общему изменению большинства государств и королевств в мире"⁴².

Слава об этих чудесных беседах вскоре распространилась по всей стране и даже достигла континента. В то же время Ди заявил, что владеет *эликсиром vitæ*, который, по его словам, он нашел среди руин аббатства Гластонбери в Сомерсетшире. Люди стекались издалека к его дому в Мортлейке, чтобы получить предсказание своих нативов, предпочитая посещать астрологов с меньшей известностью. Они также жаждали увидеть человека, который, по его собственному утверждению, никогда не умрет. В общем, он вел очень прибыльную торговлю, но тратил так много лекарств и металлов, чтобы отработать какой-то особый процесс трансмутации, что так и не разбогател.

Примерно в это время в Англию приехал богатый польский дворянин по имени Альберт Ласки, граф Палатин Сирадский. По его словам, его целью было посетить двор королевы Елизаветы, слава о славе и великолепии которой дошла до него из далекой Польши.

Елизавета приняла этого льстивого незнакомца с самым пышным гостеприимством и назначила своего фаворита Лестера показать ему все, что стоит увидеть в Англии. Он посетил все диковинки Лондона и Вестминстера, а оттуда отправился в Оксфорд и Кембридж, чтобы побеседовать с некоторыми из великих ученых, чьи труды проливают свет на страну их рождения. Он был очень разочарован, не найдя среди них доктора Ди, и сказал графу Лестеру, что не поехал бы в Оксфорд, если бы знал, что Ди там нет. Граф пообещал познакомить его с великим алхимиком по возвращении в Лондон, и поляк остался доволен. Через несколько дней после этого, когда граф и Ласки находились в прихожей королевы, ожидая аудиенции ее величества, доктор Ди прибыл с тем же поручением и был представлен поляку.⁴³ Последовал интересный разговор, который закончился тем, что незнакомец пригласил себя отобедать с астрологом в его доме в Мортлейке. Ди вернулся домой в некотором затруднении, поскольку обнаружил, что у него недостаточно денег, чтобы, не заложив свою тарелку, развлечь графа Ласки и его свиту подобающим их достоинству образом. В такой ситуации он отправил письмо графу Лестеру, в котором откровенно рассказал о своем затруднении и попросил его оказать добрые услуги в представлении дела ее величеству. Елизавета немедленно прислала ему в подарок двадцать фунтов.

В назначенный день граф Ласки прибыл в сопровождении многочисленной свиты и выразил такое открытое и горячее восхищение замечательными достижениями своего хозяина, что Ди задумался, как он может безвозвратно связать своими интересами человека, который, казалось, так хорошо настроен стать его другом. Долгое знакомство с Келли напало его всем плутовством этого человека, и он решил заставить поляка дорого заплатить за свой ужин. За несколько дней он выяснил, что тот владеет огромными поместьями в своей стране, а также большим влиянием, но что экстравагантный нрав привел его во временное замешательство. Он также узнал, что твердо верит в философский камень и воду жизни. Поэтому он был именно тем человеком, на которого мог положиться искатель приключений. Келли тоже так подумал, и оба принялись плести паутину, в сети которой можно было бы крепко запутать богатого и доверчивого незнакомца. Они действовали очень осторожно, сначала выкидывая неясные намеки на камень и эликсир, а затем на духов, с помощью которых можно перевернуть страницы книги будущего и прочесть начертанные в ней ужасные тайны. Ласки страстно просил допустить его на одну из таинственных бесед с Уриилом и ангелами, но они слишком хорошо знали человеческую природу, чтобы сразу же удовлетворить его просьбу. На уговоры графа они отвечали лишь намеками на трудность или неуместность вызова духов в присутствии незнакомца или того, кто, возможно, не имеет иных мотивов, кроме удовлетворения тщеславного любопытства; но они лишь хотели разжечь его аппетит этой задержкой и были бы очень огорчены, если бы граф был обескуражен. Чтобы показать, насколько исключительно мысли Ди и Келли были прикованы к своему дуплу в это время, достаточно прочесть вступление к их первой беседе с духами, описанное в томе доктора Казобона. В записи, сделанной Ди под датой 25 мая 1583 года, говорится, что, когда дух явился им, "я [Джон Ди] и Э. К. [Эдвард Келли] сидели вместе, беседуя о благородном полонянике Альбертусе Ласки, о его великой чести, оказанной нам здесь, и о его большой симпатии среди всех людей". Несомненно, они обсуждали, как можно извлечь максимальную выгоду из "благородного полоняника", и придумывали прекрасную историю, которой впоследствии возбудили его любопытство и крепко завлекли в свои сети. "Вдруг, - рассказывает Ди, - когда они были заняты этим делом, из оратория вышло духовное существо, похожее на хорошенькую девочку лет семи-деяти, одетую на голову, с волосами, закрученными впереди и свисающими сзади, в платье из шелка, красного и зеленого цвета, со шлейфом. Она, казалось, играла вверх и вниз, входила и выходила за книги; и когда она, казалось, проходила между ними, книги сдвигались сами и освобождали ей место".

Подобными рассказами они изо дня в день завлекали поляка и в конце концов убедили его стать свидетелем их тайн. Разыгрывали ли они перед ним оптические иллюзии, или он сам, благодаря силе своего воображения, впал в заблуждение, неизвестно, но несомненно, что он стал полным орудием в их руках и соглашался делать все, что они пожелают. Келли во время этих бесед располагался на некотором расстоянии от диковинного кристалла и пристально смотрел на него, а Ди занимал место в углу, готовый записывать пророчества, которые произносили духи. Так они предсказали поляку, что он станет счастливым обладателем философского камня; что он проживет много веков и будет избран королем Польши, в качестве которого одержит множество великих побед над сарацинами и прославит свое имя на всю землю. Для этого Ласки должен был покинуть Англию и взять их с собой, вместе с их женами и семьями; он должен был угостить их всех роскошью и позволить им ни в чем не нуждаться. Ласки сразу же согласился, и вскоре все они были уже на пути в Польшу.

Им потребовалось около четырех месяцев, чтобы добраться до графских владений в окрестностях Кракова. За это время они вели приятную жизнь и беззаботно тратили деньги. Устроившись в графском дворце, они приступили к великой герметической операции по превращению железа в золото. Ласки снабжал их всеми необходимыми материалами и сам помогал им своими познаниями в алхимии, но так или иначе эксперимент всегда проваливался тот самый момент, когда он должен был увенчаться успехом, и они были вынуждены возобновлять работу в более широком масштабе. Но надежды Ласки не были так легко погашены. Уже будучи, по идее, обладателем несметных миллионов, он не собирался падать духом из-за страха перед текущими расходами. Так продолжалось изо дня в день, из месяца в месяц, пока наконец он не был вынужден продать часть своих заложенных имений, чтобы найти пропитание для голодных горшков Ди и Келли и не менее голодных желудков их жен и семей. Только когда разорение предстало перед ним, он очнулся от сна увлеченности, но даже тогда был слишком счастлив, обнаружив, что избежал полной нищеты. Придя в себя, он первым делом подумал о том, как избавиться от дорогих гостей. Не желая ссориться с ними, он предложил, чтобы они отправились в Прагу, снабженные рекомендательными письмами к императору Рудольфу. Наши алхимики слишком ясно видели, что из почти нищего графа Ласки больше ничего не выйдет. Поэтому, не раздумывая, они приняли предложение и немедленно отправились в императорскую резиденцию. По прибытии в Прагу они без труда добились аудиенции у императора. Они нашли его достаточно готовым поверить в существование такой вещи, как философский камень, и льстили себе, что произвели на него благоприятное впечатление; но по какой-то причине - возможно, из-за того, что на лице Келли появилось выражение низкого коварства и шарлатанства, - император не очень высокого мнения об их способностях. Он позволил им, однако, остаться на несколько месяцев в Праге, питая надежду, что он наймет их; но чем больше он их видел, тем меньше они ему нравились, и, когда нунций папы представил ему, что он не должен терпеть таких еретиков-магов, он отдал приказ, чтобы они покинули его владения в течение четырех-двадцати часов. К счастью для них, им было дано так мало времени; ведь если бы они оставались еще шесть часов, нунций получил бы приказ обеспечить для них вечную темницу или кол.

Не зная, куда направить свои шаги, они решили вернуться в Краков, где у них еще оставалось несколько друзей; но к этому времени средства, которые они взяли у Ласки, были почти исчерпаны, и они были вынуждены много дней ходить без обеда и ужина. Им было очень трудно сохранить свою бедность в тайне от всего мира, но они безропотно переносили лишения, будучи убеждены, что если бы этот факт стал известен, он бы сильно омрачил их притязания. Никто не поверит, что они обладатели философского камня, если вдруг

выяснится, что они не знают, как добыть хлеб на пропитание. Они все еще немного зарабатывали, разыгрывая натуры, и держали голод на расстоянии вытянутой руки, пока новый дурак, достаточно богатый для их целей, не попался им на глаза в виде королевской особы. Добившись знакомства с королем Польши Стефаном, они предсказали ему, что император Рудольф вскоре будет убит и что немцы будут искать его преемника в Польше. Поскольку это предсказание не было достаточно точным, чтобы удовлетворить короля, они снова попробовали свой кристалл, и им явился дух, который сказал, что новым правителем Германии будет Стефан Польский. Стефан был достаточно доверчив, чтобы поверить им, и однажды присутствовал при мистических беседах Келли с тенями своего кристалла. Он также, по-видимому, снабжал их деньгами для проведения экспериментов по алхимии; но в конце концов ему надоели их невыполненные обещания и постоянные расходы на карманные расходы, и он уже собирался с позором отказаться от них, когда им встретился другой дурак, которому они охотно передали свои услуги. Это был граф Розенберг, дворянин с большими владениями в Требоне в Богемии. Им было так уютно во дворце этого щедрого покровителя, что они прожили у него почти четыре года, роскошно питаясь и почти неограниченно распоряжаясь его деньгами. Граф был скорее честолюбив, чем скуп: у него было достаточно богатства, и философский камень интересовал его не из-за золота, а из-за того, сколько дней он ему принесет. Соответственно, у них были готовые предсказания, составленные с учетом его характера. Они предсказали, что он будет избран королем Польши; кроме того, они обещали, что он проживет пятьсот лет, чтобы насладиться своим достоинством, при условии, что он всегда будет находить у них достаточно денег для проведения своих экспериментов.

Но теперь, пока фортуна улыбалась им, пока они наслаждались наградами за успешное злодейство, возмездие настигло их в такой форме, какой они не ожидали. Между двумя единомышленниками вспыхнули ревность и недоверие, которые привели к таким жестоким и частым ссорам, что Ди постоянно опасался разоблачения. Келли воображал себя гораздо более значительной личностью, чем Ди; скорее всего, он мерил себя по меркам наглого мошенничества; его не устраивало, что во всех случаях и от всех людей Ди получал большую долю почестей и внимания. Он часто грозился оставить Ди на произвол судьбы, и тот, превратившись в орудие своего более смелого соратника, был безмерно огорчен перспективой быть покинутым. Его ум был настолько глубоко пропитан суеверием, что он считал рапсодии Келли в значительной степени порожденными общением с ангелами; и он не знал, где в целом мире искать человека достаточно глубокого и мудрого, чтобы стать его преемником. Поскольку их ссоры с каждым днем становились все и чаще, Ди написал письма королеве Елизавете, чтобы обеспечить себе благоприятный прием по возвращении в Англию, куда он намеревался отправиться, если Келли оставит его. Он также послал ей круглый кусок серебра, который, по его словам, он сделал из части латуни, вырезанной из кастрюли для подогрева. Затем он отправил ей и саму грелку, чтобы она убедилась, что кусок серебра точно соответствует отверстию, вырезанному в латуни. Готовясь к худшему, он хотел остаться в Богемии с графом Розенбергом, который хорошо к нему относился и очень ему доверял. Келли тоже не возражал против того, чтобы остаться; но новая страсть овладела его грудью, и он строил глубокие планы, чтобы удовлетворить ее. Его собственная жена была не в духе и недоброжелательна, а жена Ди - красива и приятна, и он жаждал произвести обмен партнерами, не возбуждая ревности и не шокируя нравственности Ди. Это было непростое дело, но для такого человека, как Келли, который был настолько же лишен прямоты и правильных чувств, насколько полон наглости и изобретательности, трудность не была непреодолимой. К тому же он хорошо изучил характер и склонности Ди и принял соответствующие меры. В следующий раз, когда они советовались с духами, Келли притворился, что потрясен их словами, и отказался передать Ди, что они сказали. Ди

настаивал, и ему сообщили, что отныне их жены будут общими. Ди, немного ошеломленный, спросил, не имеют ли духи в виду, что они должны жить в общей гармонии и доброй воле? Келли с видимой неохотой повторил попытку и сказал, что духи настаивают на буквальном толковании. Бедный фанатик Ди смирился с их волей, но Келли было выгодно, чтобы он подольше оставался хитрым. Он заявил, что духи должны быть духами не добра, а зла, и отказался от дальнейших консультаций с ними. После этого он удалился, заявив, что больше никогда не вернется.

Ди, предоставленный самому себе, был в тяжком душевном смятении. Он не знал, кого выбрать в качестве преемника Келли для консультаций с духами, но в конце концов выбрал своего сына Артура, мальчика восьми лет. Он посвятил его на эту службу с большой церемонией, внушив ребенку величественный и ужасный характер обязанностей, которые он должен был исполнить; но бедный мальчик не обладал ни воображением, ни верой, ни хитростью Келли. Он пристально вглядывался в кристалл, как ему было велено, но ничего не видел и не слышал. Наконец, когда у него заболели глаза, он сказал, что видит смутную тень, но не более того. Ди был в отчаянии. Обман продолжался так долго, что он никогда не был так счастлив, как когда ему казалось, что он общается с высшими существами; и он проклинал тот день, который поставил разрыв между ним и его дорогим другом Келли. Именно это и предвидел Келли; решив, что доктор достаточно опечален его отсутствием, он неожиданно вернулся и вошел в комнату, где маленький Артур тщетно пытался различить что-то в кристалле. Записав это обстоятельство в своем дневнике, Ди приписывает это внезапное возвращение "чудесной удаче" и "божественной судьбе"; и далее пишет, что Келли сразу же увидел духов, которые оставались невидимыми для маленького Артура. Один из этих духов повторил прежнее повеление, что они должны иметь общих жен. Келли склонил голову и подчинился, а Ди, со всем смирением, согласился на это.

Это была крайняя степень деградации несчастного. Так они прожили три-четыре месяца, а потом, когда начались новые ссоры, снова разошлись. На этот раз их разлука была окончательной. Келли, взяв *эликсир*, найденный им в аббатстве Гластонбери, отправился в Прагу, забыв о том, как резко он был изгнан из этого города. Почти сразу после прибытия он был схвачен по приказу императора Рудольфа и брошен в тюрьму. После нескольких месяцев заключения он был освобожден и в течение пяти лет вел бродячую жизнь в Германии, в одном месте предсказывая судьбу, в другом - притворяясь, что делает золото. Во второй раз его бросили в тюрьму по обвинению в ереси и колдовстве, и тогда он решил, если когда-нибудь получит свободу, вернуться в Англию. Вскоре он понял, что шансов на это нет, а заточение, скорее всего, будет пожизненным. Однажды бурной ночью в феврале 1595 года он скрутил свое постельное белье в веревку и спустился из окна своей темницы, расположенной на вершине очень высокой башни. Веревка поддалась, и он упал на землю. Он сломал два ребра и обе ноги, а в остальном был так сильно травмирован, что скончался через несколько дней после этого.

Некоторое время Ди везло больше. Кастрюля для согревания, которую он послал королеве Елизавете, не прошла даром. Вскоре после того, как Келли покинул его, он был вознагражден приглашением вернуться в Англию. Его гордость, которая была сильно ущемлена, вновь возросла до своих первоначальных размеров, и он отправился из Богемии с целым штатом сопровождающих, став послом. Откуда у него взялись деньги, неизвестно, разве что от щедрости богатого богемца Розенберга или, возможно, от его грабежа. Он путешествовал с тремя каретами для себя и семьи и тремя повозками для перевозки багажа. В каждой карете было по четыре лошади, а весь поезд охраняла стража из четырех и двадцати солдат. В этом утверждении можно сомневаться, но оно основано на авторитете

самого Ди, который дал его под присягой перед комиссарами, назначенными Елизаветой для выяснения его обстоятельств. По прибытии в Англию он получил аудиенцию у королевы, которая приняла его любезно, насколько хватало слов, и отдала приказ не препятствовать ему в занятиях химией и философией. Человек, который хвастался способностью превращать низкие металлы в золото, не мог, думала Елизавета, испытывать недостаток в деньгах; поэтому она не дала ему никаких более существенных знаков своего одобрения, кроме своего расположения и защиты.

Оказавшись неожиданно в затруднительном положении, Ди всерьез занялся поисками философского камня. Он непрерывно работал в своих печах, ретортах и тиглях и едва не отравился вредными испарениями. Он также обращался к своему чудодейственному кристаллу, но духи не являлись к нему. Вместо бесценного Келли он попробовал обратиться к некоему Бартоломею, но, будучи человеком мало порядочным и не обладающим воображением, духи не захотели с ним общаться. Тогда Ди обратился к другому претенденту на философию, по имени Хикман, но и его удача оказалась не лучше. Кристалл утратил свою силу после ухода его великого первосвященника. Таким образом, Ди не смог получить никаких сведений о камне или эликсире алхимиков, и все его попытки открыть их другими способами оказались не только бесплодными, но и дорогостоящими. Вскоре он оказался в тяжелом положении и написал королеве жалостливые письма с просьбой о помощи. Он рассказывал, что после его отъезда из Англии вместе с графом Ласки толпа разграбила его дом в Мортлейке, обвинив его в том, что он некромант и волшебник; сломала всю мебель, сожгла его библиотеку, состоящую из четырех тысяч редких томов, и уничтожила все философские инструменты и диковинки в его музее. За этот ущерб он потребовал компенсации; кроме того, он заявил, что, поскольку он прибыл в Англию по приказу королевы, она должна оплатить расходы на его путешествие. Елизавета в разное время присылала ему небольшие суммы денег, но Ди все еще продолжал свои жалобы, и была назначена комиссия для расследования его обстоятельств. В конце концов он получил небольшое назначение канцлером собора Святого Павла, которое в 1595 году обменял на должность смотрителя колледжа в Манчестере. Он оставался в этой должности до 1602 или 1603 года, когда его силы и ум начали подводить его, и он был вынужден уйти в отставку. Он удалился в свое старое жилище в Мортлейке, находясь в состоянии, не далеком от фактической нужды, поддерживая себя как обычный гадатель, и часто был вынужден продавать или закладывать свои книги, чтобы получить ужин. К Якову I часто обращались от его имени, но он отказывался что-либо для него делать. К чести этого короля можно сказать, что единственной наградой, которой он удостоил неутомимого Стоу в дни его старости и нужды, было королевское разрешение просить милостыню; но никто не упрекнет его в том, что он пренебрег таким шарлатаном, как Джон Ди. Он умер в 1608 году, на восемьдесят первом году жизни, и был похоронен в Мортлейке.

Космополит.

Много споров возникло по поводу настоящего имени алхимика, написавшего несколько работ под вышеупомянутым названием. По общему мнению, это был шотландец по имени Сетон, и что по воле судьбы, весьма характерной для алхимиков, которые слишком громко хвастались своими способностями к трансмутации, он закончил свои дни в темнице, куда его бросил один немецкий правитель, пока тот не заработал миллион золотых, чтобы заплатить за него выкуп. Некоторые путают его с Михаилом Сендивогом, или Сендивогиусом, поляком, профессором того же искусства, который наделал много шума в Европе в начале семнадцатого века. Ленгле дю Френуа, который в целом хорошо осведомлен об алхимиках, склоняется к мнению, что это были разные личности, и приводит следующие сведения о

Космополите, почерпнутые из Джорджа Морхоффа в его *Epistola ad Langelottum* и других авторов.

Примерно в 1600 году некий Якоб Хауссен, голландский лоцман, потерпел кораблекрушение на побережье Шотландии. Некий джентльмен по имени Александр Сетон, приплыв на лодке, спас его от утопления и после этого в течение многих недель гостеприимно принимал его в своем доме на берегу. Хауссен видел, что тот увлекается химией, но в то время между ними не было никаких разговоров на эту тему. Примерно через полтора года после этого Хауссен, находившийся в то время дома в Энхёйзене, в Голландии, получил визит от своего бывшего хозяина. Он постарался отплатить за оказанную ему любезность, и между ними завязалась такая дружба, что Сетон, уезжая, предложил познакомить его с великой тайной философского камня. В его присутствии шотландец превратил большое количество цветного металла в чистое золото и подарил ему в знак своего уважения. Затем Сетон расстался со своим другом и отправился в Германию. В Дрездене он не скрывал своих чудесных способностей и, как говорят, успешно провел трансмутацию перед большим собранием ученых этого города. Это обстоятельство дошло до сведения герцога или курфюрста Саксонии, и он отдал приказ об аресте алхимика. Он заточил его в высокую башню и поставил стражу из сорока человек, чтобы следить за тем, чтобы он не сбежал, и чтобы к нему не допускали посторонних. К несчастному Сетону несколько раз приходил курфюрст, который использовал все средства убеждения, чтобы заставить его раскрыть свой секрет. Сетон упрямо отказывался сообщить свою тайну или сделать для тирана какое-либо золото; тогда его растянули на дыбе, чтобы посмотреть, не сделают ли его более сговорчивым доводы пытки. Результат был все тот же: ни надежда на награду, ни страх перед мучениями не могли его поколебать. В течение нескольких месяцев он оставался в тюрьме, подвергаясь попеременно то успокоительным, то жестоким пыткам, пока его здоровье не подорвалось, и он не превратился почти в скелет.

В то время в Дрездене находился ученый поляк Михаил Сендивогиус, который потратил немало времени и средств на неприбыльные занятия алхимией. Он был тронут жалостью к тяжелой судьбе и восхищен смелостью Сетона и решил, если возможно, помочь ему вырваться из лап угнетателя. Он попросил у курфюрста разрешения увидеться с алхимиком и получил его с некоторым трудом. Он обнаружил, что тот находится в крайне жалком состоянии, закрытый от света дня в шумной темнице и имеющий койку и питание не лучше тех, что полагаются худшим из преступников. Сетон охотно выслушал предложение о побеге и пообещал великодушному поляку, что сделает его богаче восточного монарха, если тот освободится с его помощью. Сендивогиус немедленно приступил к делу; он продал часть имущества, которым владел под Краковом, и на вырученные деньги вел веселую жизнь в Дрездене. Он устраивал самые изысканные ужины, на которые регулярно приглашал офицеров стражи, особенно тех, кто нес службу в тюрьме алхимика. В конце концов он втерся к ним в доверие и стал свободно входить к своему другу, когда ему заблагорассудится; при этом он делал вид, что прилагает все усилия, чтобы победить его упрямство и вывести у него его тайну. Когда их замысел созрел, был назначен день для грандиозной попытки, и Сендивогий был готов с почтовой колесницей, чтобы со всей скоростью доставить его в Польшу. Подкрепившись вином, которое он преподнес стражникам тюрьмы, он ввел их в такую дремоту, что легко нашел способ незаметно перебраться через стену вместе с Сетоном и совершить побег. В колеснице его ждала жена Сетона, у которой в руках был небольшой пакет с черным порошком, который на самом деле являлся философским камнем, или ингредиентом для превращения железа и меди в золото. Все они благополучно добрались до Кракова, но организм Сетона был настолько истощен телесными и голодными пытками, не говоря уже о душевных муках, которые он перенес, что

он недолго прожил. Он умер в Кракове в 1603 или 1604 году и был похоронен под соборной церковью этого города. Такова история автора различных произведений, носящих имя Космополита. Их список можно найти в третьем томе "Истории Герметической Философии".

Сендивогиус.

После смерти Сетона Сендивогиус женился на его вдове, надеясь вывести у нее некоторые секреты ее покойного господина в искусстве трансмутации. Однако унция черного пороха сослужила ему лучшую службу; алхимики утверждают, что с ее помощью он превратил огромное количество зыбучего серебра в чистейшее золото. Говорят также, что он успешно провел этот эксперимент перед императором Рудольфом II в Праге, и что император, в память об этом обстоятельстве, приказал прикрепить мраморную табличку к стене комнаты, в которой он проводил эксперимент, с надписью: "Faciât hoc quispiam alius, quod fecit Sendivogius Polonus". М. Деснойер, секретарь принцессы Марии Гонзага, королевы Польши, писавший из Варшавы в 1651 году, говорит, что видел эту табличку, которая существовала в то время и часто посещалась любопытными.

Последующая жизнь Сендивогия описана в латинских мемуарах некоего Бродовского, его управляющего, и вставлена Пьером Борелем в его "Сокровища галльских древностей". Император Рудольф, согласно этому авторитету, был так доволен его успехами, что сделал его одним из своих государственных советников и предложил ему занять место в королевском доме и поселиться во дворце. Но Сендивогий любил свободу и отказался стать придворным. Он предпочел поселиться в своем родовом имении Граварна, где в течение многих лет оказывал княжеское гостеприимство. Свой философский порошок, который, по словам его управляющего, был красным, а не черным, он хранил в маленькой шкатулке из золота; с помощью одной крупинки он мог заработать пятьсот дукатов или тысячу рикс-долларов. Обычно он делал свои прогнозы на зыбучем серебре. Когда он путешествовал, то отдавал эту шкатулку своему стюарду, который вешал ее на шею на золотой цепочке рядом со своей кожей. Но большую часть пороха он прятал в потайном месте, вырезанном в подножке его колесницы. Он считал, что если в любой момент на него нападут разбойники, они не станут искать такое место. Предвидя опасность, он переодевался в одежду своего камердинера и, взобравшись в карету, сажал камердинера внутрь. К таким мерам предосторожности его побуждало то, что ни для кого не было секретом, что он владеет философским камнем, и многие беспринципные авантюристы не упускали случая ограбить его. Один немецкий принц, чье имя Бродовский не считал нужным заносить в хронику, подарил ему цинготный трюк, который с тех пор заставлял его быть начеку. Этот принц пришел на коленях к Сендивогиусу и в самых настоятельных выражениях просил его удовлетворить его любопытство, превратив перед ним немного зыбучего серебра в золото. Сендивогий, утомленный его настойчивостью, согласился, взяв с него обещание хранить нерушимую тайну. После его ухода принц позвал к себе немецкого алхимика по имени Муленфельс, который жил в его доме, и рассказал ему обо всем, что было сделано. Муленфельс умолял дать ему в распоряжение дюжину всадников, чтобы он мог немедленно отправиться за философом и либо лишить его всего пороха, либо выпытать у него секрет его изготовления. Принц не пожелал ничего лучшего; Муленфельс, снабженный двенадцатью хорошо конными и вооруженными людьми, поспешил за Сендивогием. Он настиг его в одиноком трактире на обочине дороги, как раз когда тот садился ужинать. Сначала он пытался уговорить его раскрыть тайну, но, обнаружив, что это бесполезно, заставил своих сообщников раздеть несчастного Сендивогия и привязать его голым к одной из колонн дома. Затем он забрал у него золотую шкатулку с небольшим количеством порошка, рукописную книгу о философском камне, золотую медаль с цепочкой, подаренную ему императором

Рудольфом, и богатую шапку, украшенную бриллиантами, стоимостью в сто тысяч рикс-долларов. С этой добычей он удалился, оставив Сендивогиуса все еще голым и крепко привязанным к столбу. Аналогичным образом обошлись и с его слугами, но жители постоянного двора отпустили их всех, как только грабители скрылись из виду.

Сендивогиус отправился в Прагу и обратился с жалобой к императору. К князю был немедленно отправлен экспресс с приказом выдать Муленфельса и все его награбленное. Князь, опасаясь гнева императора, приказал воздвигнуть во дворе три большие виселицы, на самой высокой из которых он повесил Муленфельса, а по бокам от него еще по одному вору. Таким образом он умилиствовал императора и избавился от неприятного свидетеля против себя. Одновременно он отправил обратно украшенную у Сендивогиуса шапку, медаль и цепь, а также трактат о философском камне. Что касается порошка, то он сказал, что не видел его и ничего о нем не знает.

Это приключение сделало Сендивогиуса более осмотрительным; он больше не стал проводить процесс трансмутации перед незнакомцами, как бы ему ни рекомендовали. Кроме того, он притворялся очень бедным и иногда неделями лежал в постели, чтобы люди могли поверить, что он страдает от какого-то опасного недуга и поэтому ни в коем случае не может быть обладателем философского камня. Иногда он чеканил фальшивые деньги и выдавал их за золото, предпочитая, чтобы его считали мошенником, а не успешным алхимиком.

Много других необычных историй рассказывает об этом человеке его управляющий Бродовский, но они не стоят того, чтобы их повторять. Он умер в 1636 году, в возрасте около восьмидесяти лет, и был похоронен в собственной часовне на Gravena. Под его именем было опубликовано несколько работ по алхимии.

Росикрусианцы.

Именно во времена последнего из упомянутых авторов секта Росикрусиан впервые начала производить сенсацию в Европе. Влияние, которое они оказали на общественное мнение во время своей короткой карьеры, и неизгладимое впечатление, которое они оставили в европейской литературе, требуют особого внимания к ним. До их времени алхимия была лишь грубым заблуждением; их заслуга в том, что они одухотворили и усовершенствовали ее. Они также расширили сферу ее применения и полагали, что обладание философским камнем - это не только средство достижения богатства, но и здоровья и счастья, а также инструмент, с помощью которого человек может повелевать услугами высших существ, управлять стихиями по своей воле, преодолевать преграды времени и пространства и приобретать самые сокровенные знания обо всех тайнах Вселенной. Какими бы дикими и провидческими они ни были, их нельзя было не использовать; хотя бы потому, что они очистили суеверия Европы от темных и отвратительных форм, которыми ее населяли монахи, и заменили их расой мягких, изящных и благодетельных существ.

Считается, что они получили свое название от Кристиана Розенкрейца, или "Розового креста", немецкого философа, который путешествовал по Святой Земле в конце XIV века. Когда он был опасно болен в местечке под названием Дамкар, его посетили несколько ученых арабов, которые назвали его своим братом по науке и раскрыли ему по вдохновению все секреты его прошлой жизни, как мысли, так и действия. Они вернули ему здоровье с помощью философского камня, а затем обучили его всем своим тайнам. Он вернулся в Европу в 1401 году, когда ему было всего двадцать три года, и собрал вокруг себя избранных друзей, которых посвятил в новую науку и связал торжественной клятвой хранить ее в тайне в

течение столетия. Считается, что после этого он прожил восемьдесят три года и умер в 1484 году.

Многие отрицают существование такого человека, как Розенкрейц, и относят происхождение этой секты к гораздо более поздней эпохе. По их мнению, первый проблеск ее зари можно найти в теориях Парацельса и снах доктора Ди, которые, сами того не желая, стали фактическими, хотя и никогда не признанными основателями философии росикрусианства. Сейчас трудно, да и невозможно, определить, получили ли Ди и Парацельс свои идеи от тогда еще неясных и неизвестных росикрусиан, или же росикрусиане лишь последовали за ними и усовершенствовали их. Несомненно, что об их существовании не подозревали до 1605 года, когда они начали привлекать внимание в Германии. Как только их доктрины были обнародованы, все провидцы, парацельсисты и алхимики сгрудились вокруг их штандарта и прославили Розенкрейца как нового регенератора человеческой расы. Михаэль Майер, знаменитый врач того времени, подорвавший свое здоровье и растративший состояние на поиски философского камня, составил отчет о догматах и таинствах нового братства, который был опубликован в Кельне в 1615 году. Прежде всего они утверждали, "что размышления их основателей превзошли все, что когда-либо можно было вообразить с момента сотворения мира, не исключая даже откровений Божества; что им суждено совершить всеобщий мир и возрождение человека до наступления конца света; что они обладают всей мудростью и благочестием в высшей степени; что они владеют всеми милостями природы и могут распределять их между остальным человечеством по своему усмотрению; что они не были подвержены ни голоду, ни жажде, ни болезням, ни старости, ни каким-либо другим неудобствам природы; что они по вдохновению и с первого взгляда узнавали каждого, кто был достоин быть принятым в их общество; что они обладали тогда теми же знаниями, которыми обладали бы, если бы жили от начала мира и постоянно их приобретали; что у них был том, в котором они могли прочесть все, что когда-либо было или будет написано в других книгах до конца времен; что они могут принуждать и удерживать на службе самых могущественных духов и демонов; что силой своих песен они могут привлекать жемчуг и драгоценные камни из морских глубин или недр земли; что Бог покрыл их густым облаком, с помощью которого они могут укрыться от злобы своих врагов и таким образом сделать себя невидимыми для всех глаз; что первые восемь братьев "Розового креста" имели силу исцелять все недуги; что с помощью братства тройная диадема папы превратится в пыль; что они признают только два таинства с обрядами первобытной церкви, обновленными ими; что они признают Четвертую монархию и императора римлян своим вождем и вождем всех христиан; что они обеспечат его большим количеством золота, их сокровища неисчерпаемы, чем король Испании когда-либо черпал из золотых областей Восточной и Западной Индии." Таково было их исповедание веры. Их правила поведения состояли из шести пунктов и выглядели следующим образом:

Первое. В своих путешествиях они должны безвозмездно лечить все болезни.

Во-вторых. Одеваться в соответствии с модой той страны, в которой они проживают.

В-третьих. Они должны раз в год собираться вместе в месте, назначенном братством, или присылать в письменном виде уважительную причину.

В-четвертых. Чтобы каждый брат, когда он почувствует склонность к смерти, выбирал достойного человека, который станет его преемником.

В-пятых. Чтобы слова "Роза-крест" были знаками, по которым они узнают друг друга.

В-шестых. Что их братство должно храниться в тайне в течение шести раз по двадцать лет.

Они утверждали, что эти законы были найдены в золотой книге в гробнице Розенкрейца, и что шесть раз по двадцать лет со дня его смерти истекли в 1604 году. Следовательно, с этого времени они были призваны пропагандировать свое учение ради благополучия [человечества](#)⁴⁴.

В течение восьми лет эти энтузиасты обращали людей в Германии, но практически не привлекали внимания в других частях Европы. Наконец они появились в Париже и привели в смятение всех ученых, всех легковверных и всех любителей чудесного. В начале марта 1623 года добрые жители этого города, проснувшись однажды утром, с удивлением обнаружили, что все их стены украшены следующим необычным манифестом:

"Мы, депутаты главной коллегии Братьев Розового Креста, поселились, видимые и невидимые, в этом городе по милости Всевышнего, к которому обращены сердца праведников. Мы проповедуем и учим без книг и знаков, говорим на всех языках в странах, где обитаем, чтобы отвратить человечество, наших собратьев, от заблуждений и смерти".

Долгое время этот странный плакат был единственной темой для разговоров во всех общественных местах. Некоторые удивлялись, но большинство только смеялось над ней. В течение нескольких недель были опубликованы две книги, которые подняли первую тревогу по поводу этого таинственного общества, место обитания которого никто не знал и членов которого никто никогда не видел. Первая называлась "История страшных договоров, заключенных между Дьяволом и притворными "Невидимками", с их проклятыми инструкциями, прискорбным разорением их учеников и их плачевным концом". Другая называлась "Исследование новой и неизвестной Кабалы Братьев Розового Креста, которые в последнее время обитают в городе Париже; с историей их нравов, чудесами, творимыми ими, и многими другими подробностями".

Эти книги быстро раскупались. Всем хотелось узнать что-нибудь об этом страшном и тайном братстве. Парижские злодеи были так встревожены, что ежедневно ожидали увидеть заклятого врага, прогуливающегося среди них *in propria persona*. В этих томах говорилось, что общество росикрусиан состояло всего из шести-тридцати человек, которые отреклись от крещения и надежды на воскресение. Что не добрые ангелы, как они утверждали, творили свои чудеса, а дьявол дал им силу переносить себя с одного конца света на другой с быстротой мысли; говорить на всех языках; иметь всегда полные кошельки денег, сколько бы они ни тратили; быть невидимыми и проникать в самые тайные места, несмотря на засовы и засовы; уметь предсказывать прошлое и будущее. Эти тридцать шесть братьев были разделены на группы или компании: только шесть из них были отправлены с миссией в Париж, шесть - в Италию, шесть - в Испанию, шесть - в Германию, четыре - в Швецию, а также две в Швейцарию, две во Фландрию, две в Лотарингию и две во Франш-Конте. Считалось, что миссионеры во Франции живут где-то в районе Марэ-дю-Тампль. Этот квартал Парижа вскоре приобрел дурную славу, и люди боялись снимать в нем дома, чтобы их не выгнали шесть невидимок из Розового креста. Жители и многие другие, чье образование должно было бы научить их лучше, считали, что в парижские трактиры и гостиницы заглядывают люди с загадочной внешностью, едят лучшее мясо и пьют лучшие вина, а потом внезапно растворяются в воздухе, когда хозяин приходит с расчетом. Рассказывали, что нежные девы, которые ложились спать в одиночестве, часто просыпались ночью и обнаруживали в постели мужчин, по форме более прекрасных, чем греческий Аполлон, которые тут же становились невидимыми, когда поднималась тревога. Говорили также, что многие люди находили в своих домах большие кучи золота, не зная, откуда они взялись. Весь Париж был охвачен тревогой. Ни один человек не был уверен в сохранности

своего имущества, ни одна дева не была девственна, или жена не была целомудренна, пока эти росикрусианцы находились за границей. В разгар суматохи был выпущен второй плакат следующего содержания:

"Если кто-либо желает увидеть братьев Розового Креста только из любопытства, он никогда не будет общаться с нами. Но если его *воля* действительно побудит его вписать свое имя в реестр нашего братства, мы, способные судить о мыслях всех людей, убедим его в истинности наших обещаний. По этой причине мы не сообщаем миру о месте нашего обитания. Одной лишь мысли в унисон с искренним *желанием* тех, кто хочет нас узнать, достаточно, чтобы мы стали известны им, а они - нам".

Хотя существование такого общества, как "Розовый крест", было проблематичным, совершенно очевидно, что кто-то причастен к распространению этих плакатов, которые были развешаны на каждой стене в Париже. Полиция тщетно пыталась найти виновных, и их безуспешные попытки только усиливали недоумение общественности. Церковь очень скоро занялась этим вопросом; аббат Готье, иезуит, написал книгу, в которой доказывал, что по своей враждебности к папе они могли быть не кем иным, как учениками Лютера, посланными распространять его ересь. Само их название, добавил он, доказывало, что они еретики; *крест*, увенчанный *розой*, был геральдическим знаком архиеретика Лютера. Один Гарасс сказал, что это братство пьяных самозванцев, и что их название произошло от гирлянды роз в форме креста, которую вешали над столами таверн в Германии как эмблему тайны, откуда и пошла поговорка, когда один человек сообщал тайну другому, что она была сказана "под розой". Другие толковали буквы F. R. C. не как Братья розового креста, а как *Fratres Roris Costi*, или Братья кипяченой росы; и объясняли это прозвище тем, что они собирали большое количество утренней росы и кипятили ее, чтобы извлечь очень ценный ингредиент, входящий в состав философского камня и воды жизни.

Братство, подвергшееся такому нападению, защищалось, как могло. Они отрицали, что используют какую-либо магию или что консультируются с дьяволом. Они утверждали, что все они счастливы, что прожили более ста лет и рассчитывают прожить еще много веков, и что то глубокое знание, которым они обладают обо всей природе, было сообщено им самим Богом в награду за их благочестие и полную преданность его служению. Заблуждались те, кто выводил их имя от креста из роз или называл их пьяницами. Чтобы исправить ситуацию с первым пунктом, они повторили, что получили свое название от имени основателя Христиана Розенкрейца; а в ответ на второе обвинение они повторили, что не знают, что такое жажда, и имеют более высокие удовольствия, чем вкусовые. Они не желали вмешиваться в политику или религию какого-либо человека или группы людей, хотя не могли не отрицать верховенство папы и считать его тираном. По их словам, о них ходило много клеветы, самая несправедливая из которых заключалась в том, что они потворствуют плотским аппетитам и под покровом невидимости проникают в покои прекрасных девиц. Напротив, они утверждали, что первым обетом, который они давали, вступая в общество, был обет целомудрия и что любой из них, нарушивший его, немедленно лишался всех преимуществ, которыми он пользовался, и вновь подвергался голоду, несчастью, болезням и смерти, как и другие люди. Они так сильно переживали по поводу целомудрия, что приписывали грехопадение Адама исключительно недостатку этой добродетели. Защищаясь таким образом, они также исповедовали свою веру. Они навсегда отбросили все старые сказки о колдовстве, чародействе и общении с дьяволом. Они заявили, что не существует таких ужасных, неестественных и отвратительных существ, как инкубы и суккубы, а также бесчисленных гротескных импов, в которых люди верили на протяжении многих

веков. Человека окружали не враги, как эти, а мириады прекрасных и благодетельных существ, готовых оказать ему услугу. Воздух был населен сильфами, вода - ундидами или наядами, недра земли - гномами, а огонь - саламандрами. Все эти существа были друзьями человека и желали только одного - чтобы люди очистили себя от всякой нечистоты и таким образом получили возможность видеть их и общаться с ними. Они обладали огромной силой, и их не сдерживали ни преграды пространства, ни препятствия материи. Но человек в одном отношении превосходил их. У него была бессмертная душа, а у них - нет. Однако они могли бы стать причастными к бессмертию человека, если бы смогли внушить одному из представителей этой расы страсть любви к ним. Поэтому духи-женщины постоянно стремились вызвать восхищение мужчин, а мужчины - гномы, сильфы, саламандры и ундины - стать любимыми женщинами. Объект этой страсти, отвечая на их любовь, передавал часть небесного огня - душу, и с этого момента возлюбленная становилась равной возлюбленному, и оба, пройдя отведенный им путь, вместе входили в чертоги счастья. Эти духи, по их словам, постоянно следят за человечеством днем и ночью. Сны, предзнаменования и предчувствия - все это их работа и средства, с помощью которых они предупреждали о приближении опасности. Но, несмотря на то, что они были так склонны дружить с людьми ради их же блага, отсутствие души делало их порой капризными и мстительными; они обижались по незначительным поводам и вместо пользы на головы тех, кто гасил в них свет разума обжорством, развратом и другими телесными аппетитами.

Волнение, вызванное в Париже плакатами братства и нападками духовенства, улеглось через несколько месяцев. Распространяемые о них истории стали, наконец, слишком абсурдными даже для того века абсурда, и люди снова стали смеяться над этими невидимыми господами и их фантастическими доктринами. В это время Габриэль Науде выпустил свой труд *Avis à la France sur les Frères de la Rose-croix*, в котором он очень удачно разоблачил глупость новой секты. Эта работа, хотя и не очень хорошо написанная, была очень своевременной. Она полностью уничтожила Розикрусианцев Франции; и после этого года о них больше ничего не было слышно. Мошенники в разных частях страны время от времени принимали это имя, чтобы скрыть свои преступления; то и дело кого-то из них ловили и вешали за слишком большую изобретательность в перекладывании жемчуга и драгоценных камней из чужих карманов в свои собственные или за выдачу кусков позолоченной латуни за чистое золото, сделанное с помощью философского камня. За этими исключениями забвение окутывало их.

Доктрина не ограничивалась столь узкой сферой, как Франция; она по-прежнему питалась в Германии и привлекала множество новообращенных в Англии. Последние страны породили двух великих мастеров в лице Якоба Бёмена и Роберта Фладда - притворных философов, из которых трудно сказать, кто был более абсурдным и экстравагантным. Судя по всему, секта делилась на два класса: братьев *Roseæ Crucis*, которые посвящали себя чудесам этой подлунной сферы, и братьев *Aureæ Crucis*, которые были полностью заняты созерцанием божественных вещей. Фладд принадлежал к первому классу, а Бёмен - ко второму. Фладда можно назвать отцом английских росикрусиан, и в этом качестве он заслуживает почетной ниши в храме Глупости.

Он родился в 1574 году в Милгейте, в Кенте, и был сыном сэра Томаса Фладда, военного казначея королевы Елизаветы. Изначально он предназначался для армии, но слишком любил учебу и обладал слишком тихим и спокойным характером, чтобы блистать в этой сфере. Поэтому его отец не стал заставлять его принимать жизненный курс, к которому он не был приспособлен, и поощрял его в изучении медицины, к которой он рано проявил пристрастие. В возрасте двадцати пяти лет он отправился на континент и, будучи любителем

заумного, чудесного и непостижимого, стал горячим учеником школы Парацельса, которого он считал возродителем не только медицины, но и философии. Шесть лет он провел в Италии, Франции и Германии, накапливая в своем сознании фантастические представления и ища общества энтузиастов и провидцев. По возвращении в Англию в 1605 году он получил степень доктора медицины в Оксфордском университете и начал практиковать как врач в Лондоне.

Вскоре он стал заметен. Он переделал свое имя из Роберта Фладда в Роберта Флютибуса и начал пропагандировать множество странных доктрин. Он заявил о своей вере в философский камень, воду жизни и универсальный алкахест; он утверждал, что существует только два принципа всех вещей, а именно: конденсация, бореальная или северная добродетель, и разрежение, южная или австралийная добродетель. Человеческим организмом, по его словам, управляют несколько демонов, которых он расположил на своих местах в виде ромбовидной фигуры. Каждая болезнь имела своего демона, который ее порождал, и бороться с ним можно было только с помощью демона, чье место было прямо противоположно его месту в ромбовидной фигуре. О его медицинских представлениях у нас будет повод поговорить в другой части этой книги, когда мы рассмотрим его в качестве одного из первых основателей магнетического заблуждения и его ответвления, животного магнетизма, который произвел столько сенсаций в наши дни.

Как будто упомянутые доктрины не были достаточно дикими, он присоединился к Росикрусианам, как только они начали производить сенсацию в Европе, и сумел возвыситься среди них. Братство подверглось яростным нападкам со стороны нескольких немецких авторов, в том числе Либавия, и Фладд вызвался ответить на них, опубликовав в 1616 году свою защиту философии росикрусианства под названием "Апология компендиарного братства Розы-круче подозрений и инфы макулиса" (*Apologia compendiaria Fraternitatem de Rosea-cruce suspicionis et infamiae maculis aspersam abluens*). Эта работа сразу же принесла ему большую известность на континенте, и отныне на него стали смотреть как на одного из первосвященников секты. Он имел такое большое значение, что Кепплер и Гассенди сочли необходимым опровергнуть его; последний написал полное исследование его доктрины. Мерсенн, друг Декарта, защищавший этого философа, когда его обвиняли в том, что он присоединился к росикрусианам, напал на доктора Флюктибуса, как он предпочитал себя называть, и показал нелепость братьев Розового Креста в целом и доктора Флюктибуса в частности. Флюктибус написал длинный ответ, в котором назвал Мерсенна невежественным клеветником и повторил, что алхимия - прибыльная наука, а росикрусиане достойны быть регенераторами мира. Эта книга была опубликована во Франкфорте и называлась "*Summum Bonum, quod est Magiæ, Cabalæ, Alchimie, Fratrum, Roseæ-Crucis verorum, et adversus Mersenum Calumniatorem*". Кроме этого, он написал еще несколько работ по алхимии, второй ответ Либавию по поводу росичей, а также множество медицинских трудов. Он умер в Лондоне в 1637 году.

После его смерти секта в Англии несколько уменьшилась. Они привлекали к себе мало внимания и не предпринимали никаких усилий, чтобы привлечь к себе внимание. Время от времени появлялось какое-нибудь неясное и почти непонятное произведение, чтобы показать миру, что глупость не угасла. Евгениус Филалетс, известный алхимик, который скрыл свое настоящее имя под этим вымышленным, перевел "Славу и исповедь братьев Розы Креста", которая была опубликована в Лондоне в 1652 году. Через несколько лет после этого другой энтузиаст, по имени Джон Хейдон, написал две работы на эту тему: одну под названием "Корона мудреца, или Слава Розового Креста", а другую - "Святое руководство, ведущее к объединению искусства и природы с Розовым Крестом". Ни одна из них не

привлекла особого внимания. Третья книга имела несколько больший успех; она называлась "Новый метод Росикрусианской физики", написанная Джоном Хейдоном, слугой Бога и секретарем Природы. Несколько выдержек из нее покажут идеи английских Росикрусиан в этот период. Ее автор был адвокатом, "практикующим (по его собственным словам) в Вестминстер-Холле все время, пока он жив, а в свободное время посвящающим себя алхимическим и росикрусианским размышлениям". В своем предисловии, названном им "Апология для эпилога", он просвещает публику относительно подлинной истории и догматов своей секты. Моисей, Илия и Иезекииль были, по его словам, древнейшими мастерами росикрусианской философии. Те немногие, что существовали тогда в Англии и остальной Европе, были глазами и ушами великого царя вселенной, видящими и слышащими все вещи; серафически озаренными; спутниками святой компании бестелесных душ и бессмертных ангелов; превращающими себя, подобно Протею, в любую форму и обладающими силой творить чудеса. Самые благочестивые и воздержанные братья могли утихомирить чуму в городах, заставить замолчать буйные ветры и штормы, успокоить ярость моря и рек, ходить по воздуху, расстраивать злобные замыслы ведьм, исцелять все болезни и превращать все металлы в золото. В свое время он был знаком с двумя знаменитыми братьями Розы Креста по имени Уолфурд и Уильямс, которые творили чудеса на его глазах и научили его многим прекрасным предсказаниям астрологии и землетрясений. "Я хотел, чтобы один из них сказал мне, - говорит он, - способен ли мой цвет лица выдержать общество моего доброго гения. "Когда я снова увижу тебя, - сказал он (именно тогда он соизволил прийти ко мне, ибо я не знал, куда к нему идти), - я скажу тебе". Когда я увидел его после этого, он сказал: "Ты должен молиться Богу, ибо добрый и святой человек не может предложить Богу более великую и более приемлемую службу, чем пожертвование себя - своей души". Он также сказал, что добрые джинны - это благосклонные глаза Бога, бегающие туда-сюда по миру и с любовью и жалостью наблюдающие за невинными начинаниями безобидных и одиноких людей, всегда готовые сделать им добро и помочь им".

Хейдон свято придерживался догмы росикрусианцев о том, что людям не нужно ни есть, ни пить. Он утверждал, что любой человек может существовать так же, как тот необычный народ, живущий у истоков Ганга, о котором упоминал в своих путешествиях его тезка, сэр Кристофер Хейдон, у которого не было рта, и поэтому он не мог есть, а жил дыханием своих ноздрей; за исключением тех случаев, когда они отправлялись в далекое путешествие, и тогда они дополняли свой рацион запахом цветов. Он говорил, что в действительно чистом воздухе "есть тонкая инородная жижa", которой его осыпают солнечные лучи и которой вполне достаточно для питания всего человечества. Те, кто обладал огромным аппетитом, не возражали против животной пищи, поскольку не могли без нее обойтись; но он упрямо настаивал, что нет никакой необходимости в том, чтобы они ее *ели*. Если наложить на эпигастрий пластырь из хорошо прожаренного мяса, то этого будет достаточно для удовлетворения потребностей самых крепких и прожорливых! Таким образом, они не впускают никаких болезней, как это происходит у широких и общих ворот - рта, в чем каждый может убедиться на примере питья; ведь пока человек сидит в воде, он никогда не испытывает жажды. Он знал, по его словам, многих росикрусиан, которые, прикладываясь к вину таким образом, постились годами. На самом деле, утверждал Хейдон, мы можем легко поститься всю жизнь, хоть триста лет, без всякого мяса, и таким образом отсеять все опасности болезней".

Далее этот "мудрый философ" сообщил своим удивленным современникам, что вожди учения всегда носили с собой на место встречи свой символ, называемый R. C., который

представлял собой крест из черного дерева, украшенный золотыми розами; крест символизировал страдания Христа на кресте за наши грехи, а золотые розы - славу и красоту его Воскресения. Этот символ поочередно переносился в Мекку, на гору Голгофу, на гору Синай, в Харан и еще в три места, которые, должно быть, находились в воздухе, под названием *Каскл*, *Апамия* и *Чаулато Вирисса Каунух*, где братья-росикрусианцы встречались, когда им было угодно, и принимали решение обо всех своих действиях. Они всегда развлекались в одном из этих мест, где решали все вопросы, касающиеся того, что было сделано, делается или должно быть сделано в мире, от начала и до конца его". "И это, - заключает он, - люди, называемые Росикрусианами!"

К концу семнадцатого века более рациональные идеи овладели сектой, которая все еще продолжала насчитывать несколько членов. Похоже, они считали, что довольство - это истинный философский камень, и отказались от безумных поисков призрака воображения. Эддисон в "Зрителе" ⁴⁵ приводит рассказ о своей беседе с одним из росикрусианцев, из которого можно сделать вывод, что эта секта стала мудрее в своих поступках, хотя в разговорах они остались такими же глупыми, как и прежде. "Однажды, - рассказывает он, - я беседовал с одним росикрусианином о великой тайне. Он говорил о тайне как о духе, который живет внутри изумруда и преобразует все, что находится рядом с ним, до наивысшего совершенства, на которое он способен. "Он придает блеск, - говорит он, - солнцу, а вода - алмазу. Он облучает каждый металл и обогащает свинец всеми свойствами золота. Он превращает дым в пламя, пламя - в свет, а свет - в славу". Далее он добавил, "что один его луч рассеивает боль, заботу и меланхолию человека, на которого он падает". Короче говоря, - говорит он, - его присутствие естественным образом превращает любое место в подобие рая". После того как он некоторое время продолжал эту невразумительную речь, я обнаружил, что он объединяет естественные и моральные идеи в одно рассуждение, и что его великий секрет заключается не в чем ином, как в довольстве".

Якоб Бёмен.

Настало время рассказать о Якобе Бёмене, который думал, что сможет открыть в Библии секрет трансмутации металлов, и придумал странное разнородное учение, смешавшее алхимию и религию, и основал на его основе секту ауреа-круцианов. Он родился в Гёрлице, в Верхней Лужице, в 1575 году и до тридцатого года занимался сапожным ремеслом. В этой безвестности он оставался с характером провидца и человека неустойчивого ума до тех пор, пока в 1607 или 1608 году в его части Германии не распространилась философия Росикрусиан. С этого времени он начал пренебрегать своей кожей и похоронил свой мозг под мусором метафизики. В его руки попали труды Парацельса, и они, вместе с грезами росикрусианцев, настолько полностью поглотили его внимание, что он полностью оставил свое ремесло, погрузившись в то же время из состояния сравнительной независимости в бедность и нищету. Но его не пугали страдания и лишения плоти; его ум был прикован к существам другой сферы, и в мыслях он уже был новым апостолом человеческой расы. В 1612 году, после четырехлетнего размышления, он опубликовал свою первую работу под названием "Аврора, или Восход солнца", в которой воплотил нелепые представления Парацельса и еще больше запутал его. Он утверждал, что философский камень может быть обнаружен при усердном изучении Ветхого и Нового Заветов, и особенно Апокалипсиса, который один содержит все секреты алхимии. Он утверждал, что божественная благодать действует по тем же правилам и следует тем же методам, что и божественное провидение в мире природы; и что умы людей очищаются от пороков и разврата точно так же, как металлы очищаются от окалины, а именно - огнем.

Кроме сильфов, гномов, ундинов и саламандр, он признавал различные ранги и порядки демонов. Он притворялся невидимым и абсолютно целомудренным. Он также говорил, что, если ему будет угодно, он может годами воздерживаться от мяса и питья, а также от всего необходимого для тела. Однако нет необходимости продолжать рассказ о его безрассудствах. За написание этого труда его отчитали магистраты Гёрлица и велели оставить перо в покое и придерживаться воска, чтобы его семья не была в долгу перед приходом. Он пренебрег этим добрым советом и продолжил свои занятия: в один день он обжигал минералы и очищал металлы, а в другой - мистифицировал Слово Божье. Впоследствии он написал еще три работы, столь же возвышенно-нелепые, как и первая. Одна из них называлась "Металлургия" и имела то небольшое достоинство, что была наименее неясной из его сочинений. Другая называлась "Временное зеркало вечности", а последняя - "Раскрытая теософия", полная аллегорий и метафор,

"Все это странно и неестественно,

Лишенное смысла и обычного разума".

Бёмен умер в 1624 году, оставив после себя значительное число восхищенных учеников. Многие из них в течение семнадцатого века отличались такой же нелепостью, как и их учитель; среди них можно назвать Гифтейля, Венденхагена, Джона Якоба Циммермана и Абрахама Франкенберга. Их ересь делала их несносными для Римской церкви, и многие из них подверглись длительному тюремному заключению и пыткам за свою веру. Один из них, по имени Кульман, был заживо сожжен в Москве в 1684 году по обвинению в колдовстве. Работы Бёмена были переведены на английский язык и опубликованы много лет спустя энтузиастом по имени Уильям Лоу.

Мормиус.

Питер Мормиус, известный алхимик и современник Бёмена, в 1630 году попытался внедрить философию росикрусианства в Голландии. Он обратился к генеральному штату с просьбой предоставить ему публичную аудиенцию, чтобы он объяснил догматы секты и раскрыл план превращения Голландии в самую счастливую и богатую страну на земле с помощью философского камня и служения элементарным духам. Генеральные штаты благоразумно решили не иметь с ним ничего общего. Тогда он решил пристыдить их, напечатав свою книгу, что и сделал в Лейдене в том же году. Она называлась "Книга о самых сокровенных тайнах природы" и состояла из трех частей: в первой говорилось о "вечном двигателе", во второй - о "трансмутации металлов", а в третьей - об "универсальном лекарстве". Он также опубликовал несколько немецких работ по росикрусианской философии в 1617 году во Франкфурте.

Поэзия и романтика находятся в глубоком долгу перед росикрусианами за многие изящные творения. Литература Англии, Франции и Германии содержит сотни сладостных вымыслов, чей механизм был позаимствован из их дневных грез. Нежная Ариэль Шекспира стоит на первом месте в этом ряду. Из того же источника Поуп почерпнул воздушных жильцов гардеробной Белинды в своем очаровательном "Изнасиловании замка", а Ла Мотт Фуке - прекрасную и капризную водяную нимфу Ундину, вокруг которой он набросал больше грации и прелести, и чьи воображаемые беды вызвали больше сочувствия, чем когда-либо было даровано сверхъестественному существу. Сэр Вальтер Скотт также наделил Белую Леди из Авенеля многими атрибутами ундины или водной прародительницы. Немецкие романсы и лирическая поэзия изобилуют аллюзиями на сильфов, гномов, ундинов и саламандр, а французы не отстают, заменяя ими в художественных произведениях более громоздкую мифологию Греции и Рима. Сильфиды, в особенности, были любимцами бардов и стали

настолько привычными для народного сознания, что их в какой-то мере можно спутать с другой расой идеальных существ, феями, которые могут похвастаться гораздо более почтенной древностью в анналах суеверий. Имея такие обязательства перед Росикрусианами, ни один любитель поэзии не может пожелать, какими бы абсурдными они ни были, чтобы такая секта философов никогда не существовала.

Борри.

Как раз в то время, когда Майкл Майер объявил миру о существовании такой организации, как Росикрусианцы, в Италии родился человек, которому впоследствии суждено было стать самым заметным членом этого братства. Алхимическая мания никогда не вызывала изобретательности более искусного и более успешного самозванца, чем Жозеф Франциск Борри. Он родился в 1616 году, по одним данным, и в 1627 году, по другим, в Милане, где его отец, синьор Бранда Борри, занимался врачебной практикой. В возрасте шестнадцати лет Джозефа отправили завершать образование в колледже иезуитов в Риме, где он отличился необыкновенной памятью. Все, к чему он прикладывал, он усваивал с предельной легкостью. В самых объемных трудах ни один факт не был слишком незначительным для его запоминания, и ни одно исследование не было настолько заумным, чтобы он мог им овладеть; но все преимущества, которые он мог извлечь из этой способности, были нейтрализованы его неуправляемыми страстями и любовью к беспорядку и разврату. Он постоянно попадал в затруднительные ситуации, как с руководителями колледжа, так и с полицией Рима, и приобрел настолько скверный характер, что годы не смогли его исправить. С помощью друзей он устроился врачом в Риме, а также получил должность в доме папы. В один из приступов учености он увлекся алхимией и решил посвятить свои силы открытию философского камня. Неудачных наклонностей у него было достаточно, чтобы довести себя до нищеты. Его удовольствия стоили так же дорого, как и его занятия, и оба они имели свойство разрушать его здоровье и губить его честную славу. В возрасте тридцати семи лет он обнаружил, что не может жить медицинской практикой, и начал искать другое занятие. В 1653 году он стал личным секретарем маркиза ди Мирогли, министра эрцгерцога Инспрюка при римском дворе. В этой должности он пробыл два года, однако вел ту же беспутную жизнь, что и раньше, посещая общество игроманов, развратников и распутных женщин, участвуя в позорных уличных ссорах и отталкивая от себя покровителей, которые желали с ним подружиться.

В один момент в его поведении произошла резкая перемена. Брошенный грабитель обрел внешнюю невозмутимость философа; насмешливый грешник заявил, что оставил свои порочные пути и отныне будет жить как образец добродетели. Для его друзей эта перемена была столь же приятной, сколь и неожиданной; Борри неясно намекнул, что она произошла благодаря чудесному проявлению высшей силы. Он притворялся, что общается с благодетельными духами, что ему открываются тайны Бога и природы и что он завладел философским камнем. Как и его предшественник Якоб Бёмен, он смешивал религиозные вопросы с философским жаргоном и принимал меры, чтобы объявить себя основателем новой секты. В самом Риме, в самом дворце папы, это было опасным делом, и Борри только проснулся от осознания этого, чтобы спастись от темницы замка Святого Анджело. Он бежал в Инспрук, где пробыл около года, а затем вернулся в родной Милан.

ИНСПРЮК.

Репутация его великой святости шла впереди него, и он нашел много людей, готовых присоединиться к его судьбе. Все, кто желал вступить в новую общину, давали клятву о бедности и отказывались от своего имущества ради общего блага братства. Борри рассказал им, что получил от архангела Михаила небесный меч, на рукояти которого были выгравированы имена семи небесных разумных существ. "Кто откажется, - сказал он, - войти в мою новую овчарню, будет уничтожен папскими войсками, главным из которых Бог предопределил быть мне. Тем же, кто последует за мной, будет дарована радость. Я скоро доведу свои химические исследования до счастливого завершения, открыв философский камень, и благодаря этому у всех нас будет столько золота, сколько мы пожелаем. Я уверен в помощи ангельских сонмов, и особенно архангела Михаила. Когда я начал идти путем духа, у меня было ночное видение, и ангельский голос уверил меня, что я должен стать пророком. В знак этого я увидел пальму, окруженную всей славой рая. Ангелы приходят ко мне, когда я зову, и открывают мне все тайны мироздания. Сильфы и элементарные духи повинуются мне и летят на край света, чтобы служить мне и тем, кого я почитаю". Постоянно повторяя подобные истории, Борри вскоре оказался во главе весьма значительного числа приверженцев. Поскольку на этих страницах он фигурирует как алхимик, а не как религиозный сектант, нет необходимости повторять доктрины, которые он преподавал в отношении некоторых догматов Римской церкви и которые подвергали его яростному негодованию папской власти. Они были до крайности нелепы, как и его философские притязания. По мере того как число его последователей росло, он, похоже, лелеял мысль стать однажды новым Магометом и основать в своем родном городе Милане монархию и

религию, королем и пророком которой он должен был стать. В 1658 году он принял меры, чтобы захватить стражу у всех ворот города и официально провозгласить себя монархом миланцев. Как только он решил, что план готов к исполнению, его раскрыли. Двадцать его сторонников были арестованы, а ему самому с огромным трудом удалось бежать на нейтральную территорию Швейцарии, где папское недовольство не могло его настигнуть.

Сразу же начался суд над его последователями, и все они были приговорены к различным срокам тюремного заключения. Суд над Борри продолжался в его отсутствие и длился более двух лет. В 1661 году он был приговорен к смерти как еретик и колдун и сожжен в чучеле в Риме обычным палачом.

Борри тем временем спокойно жил в Швейцарии, предаваясь ярости по отношению к инквизиции и ее процессам. Затем он отправился в Страсбург, намереваясь поселиться в этом городе. Его приняли с большим радушием, как человека, преследуемого за свои религиозные взгляды, и при этом великого алхимика. Он считал эту сферу слишком узкой для своего честолюбивого гения и в том же году удалился в более богатый город Амстердам. Там он нанял великолепный дом, завел снаряжение, затмевающее по блеску снаряжение самых богатых купцов, и принял титул превосходительства. Откуда у него деньги на столь дорогой образ жизни, долгое время оставалось тайной: adeпты алхимии легко объясняли это, следуя своей моде. Здравомыслящие люди считали, что он получил их менее удивительным способом; ведь помнили, что среди его несчастных учеников в Милане было много богатых людей, которые, согласно одному из основных правил секты, отдали все свое земное богатство в руки основателя. Каким бы способом ни были получены деньги, Борри тратил их в Голландии не жалея, и народ относился к нему с неменьшим уважением и почитанием. Он совершил несколько искусных исцелений и настолько повысил свою репутацию, что его стали называть вундеркиндом. Он усердно продолжал заниматься алхимией и ежедневно ожидал, что ему удастся превратить неблагородные металлы в золото. Эта надежда не покидала его даже в самые тяжелые времена; а в период процветания она приводила его к самым безрассудным тратам: но он не мог долго жить так роскошно на средства, привезенные из Италии; а философский камень, хотя и обещал все для будущих нужд, так и не принес ничего для сегодняшних. Через несколько месяцев он был вынужден сократить расходы, отказавшись от своего большого дома, позолоченной кареты и дорогих кровных лошадей, ливрейной прислуги и роскошных развлечений. Вместе с уменьшением блеска уменьшилась и слава. Его исцеления уже не казались такими чудесными, когда он отправлялся пешком, чтобы их совершить, как раньше, когда "его превосходительство" подъезжал к дому бедняка в своей карете с шестью лошадьми. Из вундеркинда он превратился в обычного человека. Его великие друзья обходили его стороной, а скромные льстецы несли свои благовоения к другим святыням. Теперь Борри решил, что ему пора сменить место жительства. С этой целью он занял денег, где только мог, и сумел получить двести тысяч флоринов у купца по имени Де Меер, чтобы, как он сказал, помочь ему открыть воду жизни. Он также приобрел шесть бриллиантов большой ценности под предлогом, что сможет удалить из них изъяны, не уменьшив их веса. С этой добычей он тайно скрылся ночью и направился в Гамбург.

Прибыв в этот город, он застал там знаменитую Кристину, бывшую королеву Швеции. Он добился знакомства с ней и попросил ее покровительства в своих попытках открыть философский камень. Она оказала ему некоторую поддержку, но Борри, опасаясь, что амстердамские купцы, имевшие связи в Гамбурге, могут раскрыть его проступки, если он останется в этом городе, перебрался в Копенгаген и обратился за защитой к Фредерику III, королю Дании.

Этот принц твердо верил в трансмутацию металлов. Испытывая недостаток в деньгах, он с готовностью прислушался к планам авантюриста, который обладал и красноречием, и способностями, чтобы рекомендовать его. Он предоставил Борри средства для проведения экспериментов и проявлял большой интерес к ходу его работ. Каждый месяц он ожидал получить богатства, которые позволили бы купить Перу, а когда его постигало разочарование, терпеливо принимал оправдания Борри, который при каждой неудаче всегда был готов дать какое-нибудь правдоподобное объяснение. Со временем он сильно привязался к нему и защищал его от ревнивых нападок придворных и негодования тех, кто был опечален тем, что их монарх стал легкой добычей шарлатана. Борри старался всеми доступными ему способами найти подпитку для этого доброго мнения. Его познания в медицинегодились ему в этом отношении и часто стояли между ним и позором. В таком виде он прожил шесть лет при дворе Фридриха; но, умерев в 1670 году, он остался без покровителя.

Поскольку в Копенгагене у него было больше врагов, чем друзей, и ему нечего было надеяться на следующего государя, он попросил убежища в другой стране. Сначала он отправился в Саксонию, но встретил там так мало поддержки и столкнулся с такой опасностью со стороны эмиссаров инквизиции, что не пробыл там и нескольких месяцев. Не ожидая ничего, кроме преследований во всех странах, признающих духовную власть папы, он, по-видимому, решил поселиться в Турции и стать мусульманом. По прибытии на венгерскую границу, на пути в Константинополь, он был арестован по подозрению в причастности к только что раскрытому заговору графов Надасди и Франджипани. Напрасно он протестовал против своей невинности и раскрыл свое настоящее имя и профессию. Его заключили в тюрьму и отправили письмо императору Леопольду, чтобы узнать, что с ним делать. Звезда его судьбы шла на спад. Письмо попало к Леопольду в неудачный момент. Нунций папы был приближен к его величеству; едва услышав имя Жозефа Франциска Борри, он потребовал его в качестве пленника Святого престола. Просьба была удовлетворена, и Борри, закованного в кандалы, отправили под конвоем солдат в тюрьму инквизиции в Риме. Он был слишком большим самозванцем, чтобы глубоко проникнуться фанатизмом, и не желал публично отречься от своей ереси, если бы таким образом мог спасти свою жизнь. Когда ему было сделано это предложение, он с готовностью принял его. Его наказание должно было быть заменено на едва ли менее суровое - вечное тюремное заключение; но он был слишком счастлив, чтобы любой ценой избежать лап палача, и 27 октября 1672 года перед лицом собравшихся в Риме людей совершил *почетную поправку*. Затем его перевели в тюрьму замка Сант-Анджело, где он оставался до самой смерти, двадцать три года спустя. Говорят, что под конец жизни ему были предоставлены значительные поблажки; ему разрешили иметь лабораторию и развлекаться в одиночестве своей темницы поисками философского камня. Королева Кристина во время своего пребывания в Риме часто посещала старика, чтобы побеседовать с ним о химии и доктринах Росикрусиан. Она даже добилась разрешения, чтобы он иногда покидал свою тюрьму на день или два и жил в ее дворце, а она отвечала за его возвращение в плен. Она поощряла его к поискам великой тайны алхимиков и снабжала его деньгами на эти цели. Можно предположить, что Борри извлек из этого знакомства наибольшую выгоду, а Кристина не получила ничего, кроме опыта. Впрочем, нельзя сказать, что она приобрела даже его, ведь до самой смерти она была убеждена в возможности найти философский камень и готова была помочь любому авантюристу, достаточно ревностному или дерзкому, чтобы претендовать на него.

После того как Борри провел в заточении около одиннадцати лет, в Кельне был издан небольшой том под названием "Ключ от кабинета шевалье Жозефа Франциска Борри", в котором содержится множество любопытных писем о химии и других науках, написанных им

самим, а также мемуары о его жизни. Эта книга содержала полное изложение философии росикрусизма и послужила аббату де Вилларсу материалом для его интересного труда "Граф де Габалис", который вызвал столь пристальное внимание в конце XVII века.

Борри пробыл в тюрьме Сант-Анджело до 1695 года, когда он умер на восьмидесятом году жизни. Помимо "Ключа кабинета", написанного в Копенгагене в 1666 году в назидание королю Фридриху III, он опубликовал работу об алхимии и тайных науках под названием "Миссия Ромула к римлянам".

Низшие алхимики XVII века.

Помимо претендентов на философский камень, о жизни которых уже рассказывалось, в этом и предыдущем веке появилось множество писателей, наводнивших литературу своими книгами на эту тему. На самом деле, большинство ученых того времени в той или иной степени верили в него. Ван Гельмонт, Боррихиус, Кирхер, Бурхааве и многие другие, хотя и не исповедовали алхимию, любили эту науку и одобряли ее профессоров. Гельвеций, дед знаменитого одноименного философа, утверждает, что в 1666 году в Гааге он видел, как незнакомец превратил в золото некачественный металл. Он рассказывает, что однажды, сидя в своем кабинете, к нему обратился человек, одетый как респектабельный мещанин Северной Голландии, очень скромный и простой на вид, с намерением развеять его сомнения относительно философского камня. Он спросил Гельвеция, думает ли он, что узнает этот редкий драгоценный камень, если увидит его. На что Гельвеций ответил, что, конечно, нет. Мещанин тут же достал из кармана небольшую шкатулку из слоновой кости, в которой лежали три куска металла цвета серы, очень тяжелые, и заверил Гельвеция, что из них он может сделать целых двадцать тонн золота. Гельвеций сообщает нам, что он внимательно осмотрел их и, увидев, что они очень хрупкие, воспользовался случаем, чтобы соскоблить небольшую часть ногтем большого пальца. Затем он вернул их незнакомцу с просьбой провести перед ним процесс трансмутации. Незнакомец ответил, что не имеет права этого делать, и ушел. После его ухода Гельвеций раздобыл тигель и порцию свинца, в который в состоянии плавления бросил украденное из философского камня зерно. Он был разочарован, обнаружив, что зерно полностью испарилось, оставив свинец в его первоначальном состоянии.

Через несколько недель после этого, когда он уже почти забыл об этой теме, его снова посетил незнакомец. Он снова попросил его объяснить, с помощью каких процессов тот якобы трансмутирует свинец. Незнакомец, наконец, согласился и сообщил, что достаточно одной крупинки, но прежде чем бросить ее в расплавленный металл, необходимо заключить ее в шарик из воска, иначе ее крайняя летучесть приведет к тому, что она превратится в пар. Они попробовали провести эксперимент и остались довольны. Гельвеций повторил эксперимент в одиночку и превратил шесть унций свинца в очень чистое золото.

Слава об этом событии разнеслась по всей Гааге, и все знатные люди города стекались в кабинет Гельвеция, чтобы убедиться в этом. Гельвеций провел эксперимент еще раз, в присутствии принца Оранского, и еще несколько раз, пока не израсходовал весь порошок, полученный от незнакомца, от которого, надо сказать, он так и не получил нового визита; он также никогда не узнавал ни его имени, ни состояния. В следующем году Гельвеций опубликовал книгу "Золотой теленок" ⁴⁶, в которой подробно описал вышеупомянутые обстоятельства.

Примерно в то же время знаменитый отец Кирхер опубликовал книгу "Подземный мир", в которой назвал алхимиков сборищем плутов и самозванцев, а их науку - заблуждением. Он

признался, что сам был усердным тружеником в этой области и пришел к такому выводу только после зрелых размышлений и многократных бесплодных экспериментов. Все алхимики немедленно взялись за руки, чтобы опровергнуть этого грозного антагониста. Первым с ним схватился Соломон де Блауэнштейн и попытался уличить его в преднамеренном введении в заблуждение, припомнив ему трансмутации Сендивогиуса перед императором Фридрихом III и курфюрстом Майенским, проведенные в течение недавнего времени. Цвельфер и Глаубер также вступили в спор и объяснили враждебность отца Кирхера злобой и завистью к адептам, добившимся большего успеха, чем он сам.

Также утверждалось, что Густав Адольф превратил некоторое количество зыбучего серебра в чистое золото. Ученый Боррихиус утверждает, что видел монеты, отчеканенные из этого золота, а Ленгле дю Френуа подтверждает то же обстоятельство. В "Путешествиях Монкониса" эта история рассказывается следующим образом: "Купец из Любека, который вел не очень большую торговлю, но умел менять свинец на очень хорошее золото, подарил королю Швеции сделанный им лингот весом не менее ста фунтов. Король немедленно приказал отчеканить его в дукатах; а поскольку он точно знал, что происхождение его таково, как ему было сказано, он выгравировал на одной стороне свой собственный герб, а на другой - эмблематические фигуры Меркурия и Венеры. У меня (продолжал Монконис) есть один из этих дукатов, и мне достоверно сообщили, что после смерти любекского купца, который никогда не казался очень богатым, в его сундуках была найдена сумма не менее миллиона семисот тысяч крон" [47](#).

Подобные истории, с уверенностью рассказанные высокопоставленными людьми, поддерживали увлечение алхимиками во всех странах Европы. Поражает количество работ, написанных на эту тему только в XVII веке, и число умных людей, принесших себя в жертву заблуждению. Габриэль де Кастанье, монах ордена Святого Франциска, привлек к себе столько внимания во времена Людовика XIII, что монарх поселил его в своем доме и сделал своим Великим Альмонером. Он претендовал на то, что нашел эликсир жизни, и Людовик рассчитывал с его помощью наслаждаться короной в течение столетия. Ван Гельмонт также претендовал на то, что однажды успешно осуществил процесс превращения зыбучего серебра, и в результате был приглашен императором Рудольфом II в резиденцию при венском дворе. Глаубер, изобретатель солей, которые до сих пор носят его имя, и врач, практиковавший в Амстердаме в середине XVII века, основал в этом городе государственную школу для изучения алхимии и сам читал лекции по этой науке. В тот же период большую известность приобрел Джон Иоахим Бехер из Шпиля, который был убежден, что из кремневых камней можно получить много золота с помощью особого процесса и того грандиозного и непостижимого вещества, которое называют философским камнем. Он обратился к императору Леопольду Австрийскому с предложением помочь ему в этих экспериментах; но надежда на успех была слишком отдаленной, а текущие расходы слишком велики, чтобы соблазнить этого монарха, и поэтому он дал Бехеру много похвал, но не дал ему денег. После этого Бехер с не меньшим успехом опробовал Генеральные штаты Голландии.

Что касается бесчисленных уловок, с помощью которых самозванцы убеждали мир в том, что им удалось изготовить золото, и о которых в этот период ходило так много историй, то на заседании Королевской академии наук в Париже 15 апреля 1722 года М. Жеффруа-старший прочитал весьма удовлетворительный доклад. Поскольку он относится главным образом к алхимическим мошенничествам XVI и XVII веков, приведенное ниже его сокращение может оказаться неуместным в этой части нашей истории. Случаи успешной трансмутации были столь многочисленны и, по-видимому, так хорошо подтверждены, что ничто, кроме столь

умелого разоблачения, как разоблачение М. Жоффруа, не смогло бы разубедить общественное мнение. Трюк, к которому они чаще всего прибегали, заключался в использовании тигля с двойным дном, нижняя поверхность которого была из железа или меди, а верхняя - из воска, окрашенного под тот же металл. Между ними помещали столько золотой или серебряной пыли, сколько было необходимо для их цели. Затем они клали свинец, серебро или другие ингредиенты и ставили горшок на огонь. Конечно, когда эксперимент был завершен, они не преминули обнаружить на дне кусок золота. Тот же результат был получен и другими способами. Некоторые из них использовали полую палочку, наполненную золотой или серебряной пылью и обмазанную на концах воском или маслом. С ее помощью они помешивали кипящий металл в тиглях, сопровождая операцию множеством церемоний, чтобы отвлечь внимание от истинной цели маневра. Они также просверливали отверстия в кусках свинца, в которые заливали расплавленное золото, и тщательно закрывали отверстие исходным металлом. Иногда они промывали кусок золота зыбучим серебром. В таком состоянии они без труда выдавали его непосвященным за некачественный металл и с помощью небольшого количества аквафортиса легко превращали его в прекрасное звучное золото.

Другие навязывали гвозди, наполовину железные, наполовину золотые или серебряные. Они притворялись, что действительно трансмутировали драгоценную половину из железа, погружая ее в крепкий спирт. Месье Жоффруа представил несколько таких гвоздей Академии наук и показал, как хорошо спаяны две части. Золотая или серебряная половина была окрашена в черный цвет, чтобы походить на железо, и цвет немедленно исчезал, когда гвоздь погружали в аквафор. Подобный гвоздь долгое время находился в кабинете великого герцога Тосканы. Таким же, по словам М. Жоффруа, был нож, подаренный монахом английской королеве Елизавете; лезвие его было наполовину золотым, наполовину стальным. В свое время не было ничего более распространенного, чем видеть монеты, наполовину золотые и наполовину серебряные, которые были обработаны алхимиками для тех же целей обмана. На самом деле, говорит М. Жоффруа, завершая свой длинный доклад, есть все основания полагать, что все знаменитые истории, дошедшие до нас о превращении металлов в золото или серебро с помощью порошка проекции или философских эликсиров, основаны на успешном обмане такого рода, о котором говорилось выше. Эти притворные философы неизменно исчезали после первого или второго эксперимента, или их порошки или эликсиры не давали эффекта, либо потому, что внимание было возбуждено, и они не находили возможности возобновить трюк, не будучи обнаруженными, или потому, что у них не было достаточно золотой пыли для более чем одного испытания.

Бескорыстие этих потенциальных философов выглядело, на первый взгляд, крайне внушительно. Нередки были случаи, когда они великодушно отказывались от всех доходов от своих трансмутаций - даже от чести открытия. Но это кажущееся бескорыстие было одним из самых хитрых их маневров. Она служила для поддержания народных ожиданий; она, казалось, показывала возможность открытия философского камня и обеспечивала средства для будущих преимуществ, которыми они не замедлили воспользоваться: вхождение в королевские дома, содержание за государственный счет и подарки от амбициозных властителей, слишком жадных до золота, которое они так легко обещали.

Теперь остается только проследить, как развивалось это заблуждение с начала XVIII века до наших дней. Мы увидим, что до недавнего времени наблюдались лишь слабые признаки возвращения к здравому смыслу.

Жан Делиль.

В 1705 году во Франции много говорили о кузнеце по имени Делисле, который открыл философский камень и ходил по стране, превращая свинец в золото. Он был уроженцем Прованса, откуда его слава вскоре дошла до столицы. Его ранняя жизнь покрыта мраком, но Ленгле дю Френуа старательно собрал некоторые сведения о его дальнейшей карьере, которые представляют значительный интерес. Он был человеком без образования и в юности служил у алхимика, от которого научился многим хитростям этого братства. Имя его хозяина так и не было установлено, но утверждается, что он чем-то провинился перед правительством Людовика XIV и был вынужден, в результате, укрыться в Швейцарии. Делиль сопровождал его до Савойи, и там, как утверждается, настиг его в уединенном горном перевале, убил и ограбил. Затем он замаскировался под паломника и вернулся во Францию. В одиноком трактире на обочине дороги, где он остановился на ночь, он познакомился с женщиной по имени Алуис; между ними вспыхнула такая внезапная страсть, что она согласилась бросить все, последовать за ним и разделить его удачу, куда бы он ни пошел. Они прожили вместе пять или шесть лет в Провансе, не привлекая к себе никакого внимания, и, по-видимому, обладали достойной независимостью. Наконец, в 1706 году стало известно, что он обладатель философского камня, и в его резиденцию, замок де ла Палю в Силанэзе, недалеко от Баржаумона, стекались люди из дальних и ближних мест, чтобы увидеть, какое богатство он может сделать из насосов и пожарных лопат. Следующий рассказ о его деятельности содержится в письме, адресованном месье де Серизи, настоятелем Шатонеф, в епархии Риез, в Провансе, викарию Сен-Жак-дю-Отпа в Париже, и датированном 18 ноября 1706 года:

"Я должен сообщить вам кое-что, мой дорогой кузен, что будет интересно вам и вашим друзьям. Философский камень, на который многие смотрели как на химеру, наконец-то найден. Этот великий секрет открыл человек по имени Делисле, из прихода Силанэз, живущий в четверти лиги от меня. Он превращает свинец в золото, а железо в серебро, просто нагревая эти металлы докрасна и выливая на них в таком состоянии масло и порошок, которыми он владеет; так что любому человеку было бы невозможно заработать миллион в день, если бы у него было достаточно этой чудесной смеси. Часть бледного золота, изготовленного таким образом, он отправил ювелирам Лиона, чтобы они высказали свое мнение о его качестве. Он также продал двадцать фунтов веса купцу из Динь по имени Таксис. Все ювелиры говорят, что никогда в жизни не видели такого чистого золота. Он делает гвозди, частично золотые, частично железные и частично серебряные. Он обещал подарить мне один из них во время долгой беседы, которую я имел с ним на днях по приказу епископа Сенешского, который видел его работу своими глазами и подробно описал мне все обстоятельства.

"Барон и баронесса де Рейнвальд показали мне золотой лингот, сделанный из олова на их глазах месье Делисле. Мой шуриин Совер, который потратил пятьдесят лет своей жизни на это великое исследование, принес мне на днях гвоздь, который он видел превращенным в золото Делислем, и полностью убедил меня, что все его предыдущие эксперименты были основаны на ошибочном принципе. Не так давно этот замечательный мастер получил очень любезное письмо от управляющего королевским домом, которое я прочел. Он предложил использовать все свое влияние на министров, чтобы предотвратить любые покушения на его свободу, которая уже дважды подвергалась нападению со стороны правительственных агентов. Считается, что масло, которое он использует, - это золото или серебро,

доведенное до такого состояния. Он оставляет его на долгое время под лучами солнца. Он сказал мне, что обычно ему требуется шесть месяцев, чтобы сделать все свои приготовления. Я сказал ему, что, видимо, король хочет его видеть. Он ответил, что не может заниматься своим искусством в любом месте, так как определенный климат и температура абсолютно необходимы для его успеха. По правде говоря, у этого человека, похоже, нет никаких амбиций. Он держит только двух лошадей и двух слуг. Кроме того, он любит свою свободу, не отличается учтивостью и очень плохо говорит по-французски; но его рассудок кажется твердым. В прошлом он был не более чем кузнецом, но преуспел в этом ремесле, не будучи ему обучен. Все великие лорды и сеньоры из дальних и ближних стран приходят к нему в гости и оказывают ему такие знаки внимания, что это больше похоже на идолопоклонство, чем на что-либо другое. Счастлива была бы Франция, если бы этот человек открыл свой секрет королю, которому управляющий уже послал несколько лингот! Но это счастье слишком велико, чтобы на него надеяться; боюсь, что мастер и его секрет погибнут вместе. Несомненно, это открытие наделает много шума в королевстве, если только характер человека, который я вам только что обрисовал, не помешает этому. Во всяком случае, потомки о нем услышат".

В другом письме к тому же человеку, датированном 27 января 1707 года, М. де Серизи пишет: "Мой дорогой кузен, в своем последнем письме я рассказал вам о знаменитом алхимике из Прованса, месье Делисле. Многие из этого было лишь слухами, но теперь я могу говорить, основываясь на собственном опыте. У меня есть гвоздь, наполовину железный, наполовину серебряный, который я сделал сам. Этот великий и восхитительный мастер также предоставил мне еще большую привилегию - он позволил мне превратить кусок свинца, который я принес с собой, в чистое золото с помощью его чудесного масла и порошка. Вся страна смотрит на этого джентльмена; одни громко отрицают, другие недоверчивы, но те, кто видел, признают истину. Я прочитал паспорт, присланный ему от двора, с приказом явиться в Париж ранней весной. Он сказал мне, что поедет охотно и что сам назначил весну для своего отъезда, так как хотел собрать свои материалы, чтобы сразу же по представлении королю произвести эксперимент, достойный его величества, превратив большое количество свинца в тончайшее золото. Я искренне надеюсь, что он не позволит своему секрету умереть вместе с ним, а сообщит его королю. Поскольку я имел честь обедать с ним в прошлый четверг, 20 числа этого месяца, то, сидя рядом с ним, я сказал ему шепотом, что он может, если захочет, смирить всех врагов Франции. Он не стал отрицать этого, но начал улыбаться. По сути, этот человек - чудо искусства. Иногда он использует масло и порошок вперемешку, иногда только порошок, но в таком малом количестве, что, когда сделанный мною лингот натирали им, он совсем не блестел".

Этот мягкотелый священник был далеко не единственным человеком в округе, потерявшим рассудок в надежде на безграничное богатство, о котором рассказывал этот ловкий самозванец. Другой священник, по имени Де Лионс, ктитор Гренобльского собора, пишет 30 января 1707 года: "Месье Меснар, викарий Монтье, написал мне, что есть человек, лет тридцати пяти, по имени Делисле, который превращает свинец и железо в золото и серебро; и что эта трансформация настолько правдива и истинна, что ювелиры утверждают, что его золото и серебро - самые чистые и лучшие, какие они когда-либо видели. В течение пяти лет на этого человека смотрели как на сумасшедшего или мошенника; но теперь общественное мнение разуверилось в нем. Сейчас он живет с месье де ла Палю в одноименном замке. Месье де ла Палю не очень-то прост в своих обстоятельствах, и ему нужны деньги на содержание своих дочерей, которые остаются незамужними до среднего возраста, поскольку ни один мужчина не хочет брать их без приданого. Месье Делисле пообещал

сделать их самыми богатыми девушками в провинции, прежде чем отправится ко двору, за которым его послал король. Он попросил дать ему немного времени до отъезда, чтобы он мог собрать достаточно порошка, чтобы сделать несколько центнеров золота на глазах его величества, которому он намерен их преподнести. Основное вещество его чудесного порошка состоит из простокваши, главным образом из трав *Lunaria major* и *minor*. Первую он выращивает в садах Ла-Палу, а вторую получает с гор, которые простираются примерно в двух лигах от Монтье. То, что я вам сейчас рассказываю, - не просто история, придуманная для вашего развлечения: Месье Меснар может привести множество свидетелей ее истинности, в том числе епископа Сенеша, который видел, как совершаются эти удивительные операции, и месье де Серизи, которого вы хорошо знаете. Делиль трансмутирует свои металлы на публике. Он натирает свинец или железо своим порошком и кладет его на горящий уголь. Через некоторое время он меняет цвет; свинец становится желтым и превращается в превосходное золото; железо становится белым и превращается в чистое серебро. Делиль - совершенно неграмотный человек. Месье де Сент-Обан пытался научить его читать и писать, но уроки принесли ему очень мало пользы. Он невежлив, фантазер и мечтатель, действует приступами".

Делиль, судя по всему, боялся отважиться на поездку в Париж. Он знал, что в королевском присутствии за его ловкостью рук будут следить слишком пристально, и под тем или иным предлогом откладывал поездку более двух лет. Десмаретс, министр финансов Людовика XIV, полагая, что "философ" опасается нечестной игры, дважды посылал ему безопасный путь за печатью короля; но Делиль по-прежнему отказывался. Тогда Десмарец обратился к епископу Сенешскому с просьбой высказать свое мнение по поводу этих знаменитых трансмутаций. Ответ этого прелата был следующим:

"Копия доклада, адресованного месье Десмаре, генеральному контролеру финансов Его Величества Людовика XIV, епископом Сенешским, датированного мартом 1709 года.

"Сэр, - двенадцать месяцев назад или чуть больше я выразил вам свою радость по поводу известия о вашем возведении в сан; теперь я имею честь написать вам свое мнение о съере Делисле, который занимается трансмутацией металлов в моей епархии. За последние два года я несколько раз говорил о нем с графом де Поншартреном, потому что он просил меня; но я не писал ни вам, сударь, ни мсье де Шамиллару, потому что вы оба не просили моего мнения по этому вопросу. Однако теперь, когда вы дали мне понять, что желаете знать мое мнение по этому вопросу, я расскажу вам обо всем со всей искренностью, ради интересов короля и славы вашего министерства.

"Есть две вещи, касающиеся съера Делиля, которые, по моему мнению, должны быть изучены без ущерба для дела: одна относится к его тайне, другая - к его личности, то есть к тому, являются ли его перевоплощения реальными и было ли его поведение регулярным. Что касается секрета философского камня, то долгое время я считал его невозможным; и более трех лет я с большим недоверием относился к притязаниям этого съера Делиля, чем к любому другому человеку. В течение этого времени я не оказывал ему никакого содействия; я даже помог одному человеку, которого мне очень рекомендовала одна влиятельная семья этой провинции, привлечь Делиля к ответственности за некое преступление, которое, как утверждалось, он совершил. Но этот человек, в гневе на него, рассказал мне, что сам несколько раз был разносчиком золота и серебра для ювелиров Ниццы, Экса и Авиньона, которые Делиль превращал в свинец и железо, и я начал немного

колебаться в своем мнении относительно него. После этого я встретил Делиля в доме одного из моих друзей. Чтобы доставить мне удовольствие, семья попросила Делиля провести операцию передо мной, на что он сразу же согласился. Я предложил ему несколько железных гвоздей, которые он превратил в серебро в дымоходе перед шестью или семью надежными свидетелями. Я взял гвозди, превращенные таким образом, и отправил их через своего асессора к Имберу, ювелиру из Экса, который, подвергнув их необходимой пробе, вернул их мне, сказав, что это очень хорошее серебро. Однако я не был полностью удовлетворен. Месье де Поншартрэн за два года до этого намекнул мне, что я поступлю угодным его величеству образом, если проведу расследование этого дела Делисле, и я решил сделать это сейчас. Поэтому я призвал алхимика явиться ко мне в Каstellлан. Он пришел, и я велел ему сопровождать восемь или десять бдительных людей, которым я дал знать, чтобы они строго следили за его руками. На глазах у всех он превратил два куса свинца в золото и серебро. Я отослал их оба господину де Поншартрэну; впоследствии он сообщил мне в письме, которое сейчас лежит передо мной, что показал их самым опытным парижским ювелирам, которые единодушно признали их золотом и серебром самой высокой пробы и без сплава. Мое прежнее плохое мнение о Делисле теперь действительно пошатнулось. Тем более что он пять или шесть раз проводил трансмутацию передо мной в Сенезе и заставлял меня самого проводить ее перед ним, не прикладывая к этому руки. Вы видели, сударь, письмо моего племянника, преподобного Берара, из парижской Оратории, об эксперименте, который он провел в Каstellлане, и истинность которого я настоящим подтверждаю. Другой мой племянник, сьер Бурже, который был здесь три недели назад, провел тот же эксперимент в моем присутствии и подробно изложил все обстоятельства лично вам в Париже. Сто человек в моей епархии были свидетелями этих событий. Признаюсь вам, сударь, что после свидетельств стольких зрителей и стольких ювелиров, а также после неоднократно успешно проведенных опытов, которые я видел, все мои предрассудки исчезли. Мой разум был убежден моими глазами, а фантомы невозможности, которые я себе напридумывал, были рассеяны работой моих собственных рук.

"Теперь мне остается поговорить с вами о его личности и поведении. Против него возбуждены три подозрения: первое - что он замешан в каком-то преступном деле в Систероне и что он подделывал монету королевства; второе - что король послал ему два конспиративных письма безрезультатно; и третье - что он все еще откладывает поездку в суд, чтобы предстать перед королем. Вы можете видеть, сэр, что я ничего не скрываю и не уклоняюсь. Что касается дела в Систероне, то сеньор Делисле неоднократно заверял меня, что против него нет ничего, что могло бы обоснованно привлечь его к ответственности, и что он никогда не занимался никаким делом, вредным для службы королю. Правда, шесть или семь лет назад он ездил в Систерон собирать травы, необходимые для его пороха, и остановился в доме некоего Пелуза, которого считал честным человеком. Пелуза обвинили в том, что он подрезал Луи-д'Орса; а поскольку он поселился у него, его подозревали в том, что он был его сообщником. Это простое подозрение, не подкрепленное никакими доказательствами, привело к тому, что он был осужден за контузию; обычное дело для судей, которые всегда с особой строгостью относятся к тем, кто отсутствует. Во время моего собственного пребывания в Эксе было хорошо известно, что некий человек по имени Андре Алуи распространил сведения, вредящие характеру Делиля, поскольку надеялся таким образом избежать выплаты ему суммы в сорок *луидоров*, которую тот ему задолжал. Но позвольте, сударь, пойти дальше и

добавить, что, даже если бы подозрения против Делиля были вполне обоснованными, мы должны были бы с некоторой долей снисходительности отнестись к недостаткам человека, владеющего столь полезным для государства секретом. Что касается двух конвоев, присланных ему королем, то, думаю, я могу с уверенностью ответить, что не по его вине он уделял им так мало внимания. Его год, строго говоря, состоит только из четырех летних месяцев; и если по каким-либо причинам ему не удастся использовать их должным образом, он теряет целый год. Так, первый конвоир стал бесполезен из-за вторжения герцога Савойского в 1707 году, а второй едва был получен, в конце июня 1708 года, когда упомянутый Делиль был оскорблен группой вооруженных людей, притворявшихся, что действуют под властью графа де Гриньяна, которому он написал несколько жалобных писем, не получив ни ответа, ни обещания, что его безопасность будет обеспечена. То, что я вам сейчас рассказал, сударь, устраняет третье возражение и является причиной, по которой в настоящее время он не может отправиться в Париж к королю во исполнение своих обещаний, данных два года назад. Два, а то и три лета были потеряны для него из-за постоянного беспокойства, в котором он пребывал. Вследствие этого он был не в состоянии работать, не собрал достаточного количества масла и порошка и не довел то, что получил, до необходимой степени совершенства. По этой причине он также не смог передать сеньору де Бурже обещанную им порцию для вашего осмотра. Если на днях он превратил немного свинца в золото с помощью нескольких зерен своего порошка, то это, несомненно, все, что у него было; он сказал мне, что так оно и было задолго до того, как он узнал о приезде моего племянника. Даже если бы он сохранил это небольшое количество, чтобы провести операцию перед королем, я уверен, что, подумав, он никогда бы не решился на такую маленькую авантюру; потому что малейшие препятствия в металлах (слишком твердые или слишком мягкие, что обнаруживается только при работе) заставили бы считать его самозванцем, если бы, в случае если его первый порошок оказался неэффективным, у него не было больше, чтобы возобновить эксперимент и преодолеть трудности.

"Позвольте мне, сэр, в заключение повторить, что такого художника, как этот, не следует доводить до последней крайности и заставлять искать убежища, которое ему предлагают в других странах, но которое он презирает, как по собственным наклонностям, так и по советам, которые я ему дал. Вы ничем не рискуете, если дадите ему немного времени, а если поспешите ним, то можете многое потерять. В подлинности его золота можно больше не сомневаться, ведь в его пользу свидетельствуют показания стольких ювелиров из Экса, Лиона и Парижа. Поскольку не его вина, что предыдущие конвои, посланные ему, не принесли пользы, необходимо послать ему еще один, за успех которого я буду отвечать, если вы доверите это дело мне и доверитесь моему рвению к службе его величеству, которому я прошу вас передать это письмо, чтобы я был избавлен от справедливых упреков, которые он мог бы однажды обрушить на меня, если бы остался в неведении о фактах, которые я сейчас вам написал. Заверьте его, если угодно, что, если вы пошлете мне такой конвой, я обязуюсь сьера Делиля дать мне такие ценные заверения в его верности, которые позволят мне самому отвечать перед королем. Таковы мои чувства, и я предоставляю их вашему высокому знанию; и имею честь оставаться, с большим уважением, и т. д.

"? Джон Епископ Сенесский.

"Месье Десмаре, государственному министру и генеральному контролеру финансов в Париже".

То, что Делиль был не обычным самозванцем, а человеком, обладающим непревзойденной хитростью и умом, становится ясно из этого письма. Епископ был довольно ловко захвачен его хитроумными уловками, а когда его первое недоверие было побеждено, он оказался настолько заинтересован в том, чтобы обмануть самого себя, насколько мог бы пожелать даже Делиль. Его вера была столь велика, что он сделал дело своего *протеже* своим собственным и не допускал даже дыхания подозрений в его адрес. Людовик и его министр, по-видимому, были ослеплены блестящими надеждами, которые он возбудил, и алхимику был немедленно отправлен третий пропуск, или конспиративная телеграмма, с приказом короля, чтобы он немедленно явился в Версаль и публично испытал свое масло и порох. Но это не соответствовало планам Делиля. В провинциях его считали человеком немалой важности; раболепная лесть, которая подстерегала его повсюду, была так приятна его уму, что он не мог по своей воле отказаться от нее, и ему грозила опасность быть обнаруженным при дворе монарха. Под тем или иным предлогом он откладывал свое путешествие, несмотря на настоятельные просьбы своего доброго друга епископа. Последний дал слово министру и поклялся своей честью, что уговорит Делиля ехать, и он начал тревожиться, обнаружив, что не может унять упрямство этого человека. Более двух лет он продолжал убеждать его, и всегда получал отговорки, что не хватило пороха или что он недостаточно долго находился под лучами солнца. Наконец его терпение истощилось, и, опасаясь, что из-за более длительной задержки он может пострадать в глазах королевской власти, написал королю, чтобы тот выдал ему *письмо*, на основании которого алхимик был схвачен в замке Ла-Палу в июне 1711 года и отправлен в Бастилию.

Жандармам было известно, что их пленник должен был стать счастливым обладателем философского камня, и по дороге они сговорились ограбить и убить его. Один из них притворился, что тронут жалостью к несчастьям философа, и предложил дать ему возможность сбежать, если он отвлечет внимание своих товарищей. Делиль обильно благодарил, не подозревая, в какую ловушку его заманивают. Его вероломный друг сообщил об успехе этой уловки, и было решено, что Делилю будет позволено побороться с одним из них и свергнуть его, пока остальные будут находиться на некотором расстоянии. Затем они должны были преследовать его и выстрелить ему в сердце, а после ограбления труп философского камня доставить его в Париж на повозке и сказать мсье Десмаре, что заключенный пытался бежать, и ему бы это удалось, если бы они не открыли за ним огонь и не прострелили ему тело. В удобном месте план был приведен в исполнение. По сигналу дружелюбного жандарма Делиль бросился бежать, а другой жандарм прицелился и выстрелил ему в бедро. Прибывшие в этот момент крестьяне не позволили им убить его, как они намеревались, и он был доставлен в Париж, искалеченный и истекающий кровью. Его бросили в темницу в Бастилии, и он упорно срывал повязки, которые хирурги накладывали на его рану. После этого он никогда не вставал с постели.

Епископ Сенешский посетил его в тюрьме и пообещал ему свободу, если он превратит определенное количество свинца в золото перед королем. У несчастного больше не было средств для осуществления обмана; у него не было ни золота, ни тигля с двойным дном, ни полого жезла, чтобы спрятать его, даже если бы он у него был. Однако он не признался, что был самозванцем, а лишь сказал, что не знает, как сделать порошок для проекции, но получил его в большом количестве от одного итальянского философа и использовал в своих различных превращениях в Провансе. Он пробыл в Бастилии семь или восемь месяцев и умер от последствий ранения на сорок первом году жизни.

Альберт Алуис.

Этот претендент на философский камень был сыном от предыдущего мужа женщины Алуи, с которой Делиль познакомился в начале своей карьеры в придорожном кабаре и на которой впоследствии женился. Делиль исполнял по отношению к нему роль отца и считал, что не может продемонстрировать своего уважения более убедительно, чем дав ему необходимые инструкции для продолжения обмана, который вознес его на такую высоту. Молодой Алуис оказался способным ученым и вскоре освоил весь жаргон алхимиков. Он много рассуждал о проекциях, цимациях, сублимациях, эликсире жизни и универсальном алкахесте, а после смерти Делисле выдал, что секрет этого великого адепта был передан ему и только ему. Его мать помогала ему в этом мошенничестве, надеясь, что они оба, по истинно алхимической моде, смогут привязаться к какому-нибудь богатому дурню, который будет великолепно развлекать их, пока идет операция. Судьба Делиля не побудила их остановиться во Франции. Провансальцы, правда, были столь же высокого мнения о его мастерстве, как и прежде, и были склонны верить рассказам молодого адепта, на которого упала его мантия; но темницы Бастилии зияли для их добычи, и Алуис с матерью бежали со всей возможной поспешностью. Несколько лет они путешествовали по континенту, опираясь на доверчивых богачей и время от времени совершая успешные трансмутации с помощью тиглей с двойным дном и тому подобных предметов. В 1726 году Алуис без матери, которая, судя по всему, умерла в промежутке, оказался в Вене, где представился герцогу де Ришелье, в то время послу от французского двора. Он полностью обманул этого дворянина; несколько раз он превращал свинец в золото (по-видимому) и даже заставил самого посла превратить железный гвоздь в серебряный. Впоследствии герцог хвастался Ленгле дю Френуа своими успехами в качестве алхимика и сожалел, что не смог раскрыть секрет драгоценного порошка, с помощью которого он их делал.

Вскоре Алуис обнаружил, что, хотя ему и удалось обмануть герцога де Ришелье, он не смог получить от него денег. Напротив, герцог ожидал, что все его кочерги и лопатки будут серебряными, а вся оловянная посуда - золотой; он считал, что честь его знакомства - достаточная награда для *ротюрье*, который не может нуждаться в богатстве, раз владеет столь бесценным секретом. Алуис, видя, что от него многого ждут, распрощался с его превосходительством и отправился в Богемию в сопровождении ученика и девушки, которая влюбилась в него в Вене. Некоторые дворяне в Богемии приняли его любезно и по несколько месяцев подряд развлекали в своих домах. Обычно он притворялся, что у него есть всего несколько зерен пороха, с помощью которых он действовал в любом доме, где собирался остановиться на сезон. Он делал владельцу подарок в виде куска золота, преобразованного таким образом, и обещал ему миллионы, если только ему будет предоставлено свободное время, чтобы собрать свои *мажорные* и *минорные лунарии* на их горных вершинах, а в промежутке - питание, жилье и свободные деньги для себя, своей жены и ученика.

Он истощил таким образом терпение нескольких десятков человек, когда, решив, что во Франции при молодом короле Людовике XV. ему грозит меньше опасностей, чем при его старом и угрюмом предшественнике, вернулся в Прованс. По прибытии в Экс он предстал перед месье ле Бре, президентом провинции, джентльменом, который был очень привязан к занятиям алхимией и возлагал большие надежды на то, что ему самому удастся найти философский камень. Месье ле Бре, вопреки его ожиданиям, принял его очень прохладно, в связи с некоторыми слухами, которые распространялись о нем за границей, и велел позвать его к себе завтра. Алуису не понравились ни тон голоса, ни выражение глаз ученого президента, когда этот чиновник смотрел на него сверху вниз. Подозревая, что дело неладно, он в тот же вечер тайно покинул Экс и направился в Марсель. Но полиция была

начеку, и не прошло и четырех с половиной часов, как он был арестован по обвинению в чеканке монет и брошен в тюрьму.

Поскольку доказательства против него были слишком убедительны, чтобы оставить ему надежду на оправдание, он задумал сбежать из-под стражи. Так случилось, что у тюремщика была хорошенькая дочь, и Алуис вскоре обнаружил, что она нежна сердцем. Он попытался склонить ее на свою сторону, и ему это удалось. Девушка, не зная, что он женатый человек, вспылала к нему страстью и щедро снабдила его средствами для побега. Проведя в тюрьме почти год, он сумел освободиться, оставив бедную девушку, которая узнала, что он уже женат, и в одиночестве оплакивала, что отдала свое сердце неблагодарному бродяге.

Когда он покинул Марсель, у него не было ни башмака на ноге, ни приличной одежды на спине, но в соседнем городе жена дала ему немного денег и одежды. Затем они добрались до Брюсселя и, проявив чрезмерную наглость, обратили на себя внимание. Он снял дом, оборудовал великолепную лабораторию и заявил, что знает секрет трансмутации. Напрасно мсье Персель, шурин Ленгле дю Френуа, проживавший в этом городе, разоблачал его притязания и презирал его как невежественного самозванца: мир ему не поверил. Они поверили алхимику на слово и осаждали его двери, чтобы посмотреть и удивиться ловкому фокусу, с помощью которого он превращал железные гвозди в золото и серебро. Один богатый *грефье* заплатил ему большую сумму денег, чтобы тот обучился этому искусству, и Алуис дал ему несколько уроков по самым общим принципам химии. Двенадцать месяцев *грефье* усердно учился, а потом обнаружил, что его учитель - шарлатан. Он потребовал свои деньги обратно, но Алуис не был склонен их отдавать, и дело было передано в гражданский суд провинции. Тем временем, однако, *грефье* внезапно умер; по народным слухам, его отравил должник, чтобы не возвращать долг. В городе поднялся такой шум, что Алуис, который, возможно, был невиновен в преступлении, все же побоялся остаться и отважиться на него. Ночью он тайно покинул город и удалился в Париж. Здесь все его следы теряются. О нем больше никогда не слышали, но Ленгле дю Френуа предполагает, что он закончил свои дни в какой-то безвестной темнице, куда его бросили за монеты или другие злоупотребления.

Граф де Сен-Жермен.

Этот авантюрист был более высокого класса, чем предыдущий, и играл выдающуюся роль при дворе Людовика XV. Он притворялся, что открыл эликсир жизни, с помощью которого мог заставить любого человека жить веками, и допускал, что его собственный возраст превышал две тысячи лет. Он придерживался многих взглядов росикрусианцев, хвастался общением с сальфидами и саламандрами, силой своих заклинаний извлекал алмазы из земли и жемчуг из моря. Он не претендовал на то, что открыл философский камень, но посвятил столько времени алхимическим операциям, что было принято считать, что если такая вещь, как философский камень, когда-либо существовала или могла быть вызвана к существованию, то он был тем человеком, которому удалось ее найти.

До сих пор так и не удалось выяснить, как его звали на самом деле и в какой стране он родился. Некоторые считали, что, судя по еврейскому облику его красивого лица, он был "странствующим евреем"; другие утверждали, что он был потомком арабской принцессы, а его отцом была саламандра; третьи, более разумные, утверждали, что он был сыном португальского еврея, обосновавшегося в Бурдо. Сначала он занимался самозванством в Германии, где заработал значительные суммы, продавая эликсир для замедления старости. Маршал де Бель-Исль приобрел дозу этого эликсира и был настолько очарован остроумием, образованностью и хорошими манерами шарлатана, а также настолько убежден в

справедливости его самых абсурдных притязаний, что побудил его поселиться в Париже. Под покровительством маршала он впервые появился в светских кругах столицы. Все были в восторге от таинственного незнакомца, которому в этот период жизни было около семидесяти лет, но выглядел он не более чем на сорок пять. Его легкая уверенность располагала к себе большинство людей. Он был очень начитан, а его память необычайно цепко запоминала малейшие обстоятельства. Его претензии на то, что он прожил столько веков, естественно, вызвали у него недоуменные вопросы о внешности, жизни и разговорах великих людей былых времен, но он никогда не был в затруднении с ответом. Многие, кто задавал ему вопросы с целью высмеять его, воздерживались в недоумении, совершенно обескураженные его присутствием ума, готовыми ответами и поразительной точностью в каждом вопросе, упомянутом в истории. Чтобы усилить таинственность, которой он был окружен, он не позволял никому знать, как он живет. Он одевался в стиле величайшего великолепия, носил ценные бриллианты в шляпе, на пальцах и в пряжках туфель, а иногда делал самые дорогие подарки придворным дамам. Многие подозревали, что он шпион, находящийся на службе у английского министерства; но никогда не было ни малейшего доказательства, подтверждающего это обвинение. Король относился к нему с заметной благосклонностью, часто проводил с ним несколько часов в постели и не позволял никому отзываться о нем пренебрежительно. Вольтер постоянно высмеивал его; в одном из своих писем королю Пруссии он упоминает о нем как о "графе, которому нечем рисковать", и утверждает, что он притворялся, будто обедал со святыми отцами на Трентском соборе!

В мемуарах мадам дю Гассе, камер-фрейлины мадам дю Помпадур, есть несколько забавных анекдотов об этом человеке. Вскоре после прибытия в Париж он получил *доступ* в ее гардеробную; такая милость оказывалась только самым влиятельным лордам при дворе ее королевского любовника. Мадам любила с ним беседовать, и в ее присутствии он считал нужным значительно снизить свои притязания, но часто позволял ей верить, что прожил не менее двух-трех сотен лет. "Однажды, - рассказывает мадам дю Оссе, - мадам сказала ему в моем присутствии: "Какова была личная внешность Франциска I? Он был королем, который должен был мне нравиться". "Он был, действительно, очень пленителен", - ответил Сен-Жермен; и он продолжил описывать его лицо и фигуру, как у человека, которого он точно наблюдал. Жаль, что он был слишком пылким. Я мог бы дать ему хороший совет, который спас бы его от всех несчастий, но он не последовал бы ему, ибо, похоже, принцев преследует рок, заставляющий их закрывать уши от самых мудрых советов". "Его двор был очень блестящим?" - спросила мадам дю Помпадур. "Очень, - ответил граф, - но двор его внуков превзошел его". Во времена Марии Стюарт и Маргариты Валуа это была страна очарования - храм, священный для удовольствий любого рода". Мадам сказала, смеясь: "Вы, кажется, все это видели". "У меня отличная память, - сказал он, - и я с большим вниманием читал историю Франции. Иногда я развлекаю себя, не заставляя, а позволяя поверить в то, что я жил в старые времена".

"Но вы не говорите нам о своем возрасте, - сказала ему в другой раз мадам дю Помпадур, - и все же вы притворяетесь, что вам очень много лет". Графиня де Герги, которая, как я полагаю, была послом в Вене около пятидесяти лет назад, говорит, что видела вас там точно таким же, каким вы выглядите сейчас".

"Это правда, мадам, - ответил Сен-Жермен, - я знал мадам де Герги много лет назад".

"Но, судя по ее рассказам, вам должно быть больше ста лет?"

"Это не исключено, - сказал он, смеясь, - но гораздо вероятнее, что добрая дама находится в преклонном возрасте".

"Вы дали ей эликсир, удивительный по эффекту, который он произвел; она говорит, что в течение некоторого времени ей было всего восемьдесят четыре года - возраст, в котором она его принимала. Почему бы вам не отдать его королю?"

"О, мадам, - воскликнул он, - лекари сломали бы меня на колесе, если бы я вздумал одурманить его величество".

Когда мир начинает верить в необычные вещи, связанные с человеком, неизвестно, где остановится его экстравагантность. Люди, взяв старт, соревнуются друг с другом, кто больше поверит. В это время весь Париж гудел о чудесных приключениях графа де Сен-Жермена, и компания развязных молодых людей провела следующий эксперимент над его доверчивостью: Ловкий мимик, которого, благодаря его развлечениям, принимали в хорошем обществе, был проведен ими в костюме графа де Сен-Жермена в несколько домов на улице дю Марэ. Он великолепно имитировал особенности графа и находил своих слушателей, готовых поверить в любую нелепость, которую он изрекал. Ни одна выдумка не была слишком чудовищной для их всепоглощающего легковерия. Он говорил о Спасителе мира в самых знакомых выражениях; утверждал, что ужинал с ним на браке в Ханаане Галилейском, где вода чудесным образом превратилась в вино. Более того, он сказал, что был его близким другом и часто предупреждал его быть менее романтичным и неосмотрительным, иначе он закончит свою карьеру плачевно. Это позорное богохульство, как ни странно, нашло верующих, и не прошло и трех дней, как стало известно, что Сен-Жермен родился вскоре после потопа и что он никогда не умрет!

Сам Сен-Жермен был слишком мирским человеком, чтобы утверждать что-то столь чудовищное, но он не преминул опровергнуть эту историю. Во всех своих беседах со знатными и образованными людьми он выдвигал свои утверждения скромно и как бы невзначай, и редко претендовал на долголетие свыше трехсот лет, за исключением тех случаев, когда оказывался в компании людей, готовых поверить во что угодно. Он часто говорил о Генрихе VIII, как будто был с ним близко знаком, и об императоре Карле V, как будто этот монарх был в восторге от его общества. Он описывал разговоры, которые происходили с такой очевидной правдивостью, и был настолько подробен и конкретен в отношении одежды и внешности людей, и даже погоды в то время и мебели в комнате, что три человека из четырех, как правило, были склонны верить ему. К нему постоянно обращались богатые старухи за эликсиром, чтобы сделать их снова молодыми, и, судя по всему, он нажил таким образом большие суммы. Тем, кого он с удовольствием называл своими друзьями, он говорил, что его образ жизни и план питания намного превосходят любой эликсир, и что любой человек может достичь патриархального возраста, воздерживаясь от питья во время еды и очень скупое в любое другое время. Барон де Глейхен следовал этой системе и принимал огромное количество листьев сенны, рассчитывая прожить двести лет. Однако он умер в семьдесят три года. Герцогиня де Шуазель хотела следовать той же системе, но герцог, ее супруг, в сильном гневе запретил ей следовать любой системе, предписанной человеком с такой сомнительной репутацией, как месье де Сен-Жермен.

Мадам дю Оссе утверждает, что видела Сен-Жермена и несколько раз беседовала с ним. Ей показалось, что ему около пятидесяти лет, он был среднего роста и обладал прекрасными выразительными чертами лица. Его одежда всегда была простой, но отличалась большим вкусом. Обычно он носил кольца с бриллиантами большой стоимости, а его часы и табакерка были украшены множеством драгоценных камней. Однажды в апартаментах мадам дю

Помпадур, где собрались главные придворные, Сен-Жермен появился в бриллиантовых наколенниках и туфлях с пряжками такой тонкой работы, что мадам сказала, что не думает, что у короля есть равные им. Его попросили пройти в прихожую и расстегнуть их, что он и сделал, и поднес их мадам для более тщательного осмотра. Месье де Гонтан, присутствовавший при этом, сказал, что их стоимость не может быть меньше двухсот тысяч ливров, или до восьми тысяч фунтов стерлингов. Барон де Глейхен в своих "Мемуарах" рассказывает, что однажды граф показал ему столько бриллиантов, что ему показалось, будто он видит перед собой все сокровища лампы Аладдина; и добавляет, что у него был большой опыт в драгоценных камнях, и он убедился, что все те, которыми обладал граф, были подлинными. В другой раз Сен-Жермен показал мадам дю Помпадур небольшую шкатулку, в которой лежали топазы, изумруды и бриллианты на полмиллиона ливров. Он сделал вид, что презирает все это богатство, чтобы мир легче поверил в то, что он, подобно росичрукам, может извлекать драгоценные камни из земли магией своей песни. Он раздал огромное количество этих драгоценностей придворным дамам, а мадам дю Помпадур была так очарована его щедростью, что в знак своего уважения подарила ему богато эмалированную табакерку, на крышке которой был нарисован портрет Сократа или какого-то другого греческого мудреца, с которым она его сравнивала. Он был щедр не только к хозяйкам, но и к служанкам. Мадам дю Хассе рассказывает: "Граф пришел навестить мадам дю Помпадур, которая была очень больна и лежала на диване. Он показал ей бриллианты, которых хватило бы на королевскую казну. Мадам послала за мной, чтобы я посмотрел на все эти прекрасные вещи. Я смотрел на них с величайшим изумлением, но знаками дал понять, что считаю их фальшивыми. Граф нащупал что-то в карманном футляре, примерно вдвое большем, чем футляр для очков, и в конце концов достал два или три маленьких бумажных пакетика, которые развернул и показал великолепный рубин. С презрительным видом он бросил на стол маленький крестик из зеленых и белых камней. Я посмотрел на него и сказал, что его не стоит презирать. Затем я надел его и восхитился им. Граф умолял меня принять его, я отказался. Он настоятельно просил меня принять его. В конце концов он стал настаивать так горячо, что мадам, видя, что он не может стоять больше тысячи ливров, сделала мне знак принять его. Я принял крест, весьма довольный вежливостью графа".

Как авантюрист получил свое богатство, остается тайной. Он не мог заработать все это на продаже своего *эликсира vitae* в Германии, хотя, несомненно, какая-то его часть была получена из этого источника. Вольтер утверждает, что он находился на содержании иностранных правительств, а в своем письме королю Пруссии от 5 апреля 1758 года сообщает, что он был посвящен во все тайны Чойзеля, Кауница и Питта. Какую пользу он мог принести любому из этих министров, а особенно Чойзелю, остается загадкой из загадок.

Нет сомнений, что он владел секретом удаления пятен с бриллиантов; и, по всей вероятности, он нажил значительные суммы, покупая по заниженным ценам те, в которых были изъяны, и затем избавляясь от них с прибылью в центнер. Мадам дю Хауссе рассказывает следующий анекдот на эту тему: "Король, - рассказывает она, - приказал принести ему бриллиант среднего размера, в котором был изъян. Взвесив его, его величество сказал графу: "Стоимость этого бриллианта в том виде, в каком он есть, и с изъяном составляет шесть тысяч ливров; без изъяна он стоил бы не менее десяти тысяч. Возьметесь ли вы сделать так, чтобы я выиграл четыре тысячи ливров? Сен-Жермен внимательно осмотрел его и сказал: "Это возможно, это можно сделать. Я принесу его вам через месяц". В назначенный срок граф принес бриллиант без единого пятнышка и подарил его королю. Он был завернут в ткань амиантос, которую он снял. Король немедленно взвесил его и обнаружил, что он очень мало уменьшился. Тогда его величество отправил ее к своему ювелиру месье де Гонтану, не сказав ему ни слова о случившемся. Ювелир дал за него

девять тысяч шестьсот ливров. Король, однако, снова послал за бриллиантом и сказал, что оставит его у себя как диковинку. Не в силах побороть удивление, он сказал, что месье де Сен-Жермен, должно быть, стоит миллионы, особенно если он владеет секретом изготовления крупных бриллиантов из мелких. Граф не сказал, что он может или не может, но утверждал, что знает, как заставить жемчуг расти и дать ему самую лучшую воду. Король уделил ему большое внимание, и мадам дю Помпадур тоже. Месье дю Кеснуа однажды сказал, что Сен-Жермен - шарлатан, но король сделал ему замечание. На самом деле его величество, похоже, очарован им и иногда говорит о нем так, словно его происхождение было прославленным".

У Сен-Жермена был забавный бродяга-слуга, к которому он часто обращался за подтверждением, когда рассказывал о чудесных событиях, произошедших за много веков до него. Парень, не лишенный способностей, обычно подтверждал его слова самым удовлетворительным образом. Однажды его хозяин рассказывал за ужином дамам и господам о беседе, которую он вел в Палестине с английским королем Ричардом I, которого он называл своим близким другом. На лицах присутствующих были заметны признаки удивления и недоверия; тогда Сен-Жермен очень спокойно обратился к слуге, стоявшему за его стулом, и спросил его, не сказал ли он правду? "Не могу сказать, - ответил тот, не шелохнувшись, - вы забыли, сударь, что я служу у вас всего пятьсот лет!" "Ах, верно, - сказал его хозяин, - теперь я вспомнил; это было немного раньше вашего времени!"

Время от времени, общаясь с людьми, которых ему не удавалось так легко одурачить, он выражал презрение, с которым едва ли мог не смотреть на это зияющее легкоеверие. "Эти глупцы парижане, - говорил он барону де Глейхену, - считают, что мне более пятисот лет; и, раз им так угодно, я подтверждаю их мнение. Не исключено, что я действительно намного старше, чем кажусь".

Об этом странном самозванце рассказывают множество других историй, но достаточно процитировать их, чтобы показать его характер и притязания. Похоже, что он пытался найти философский камень, но никогда не хвастался тем, что обладает им. Принц Гессен-Кассельский, с которым он был знаком много лет назад в Германии, писал ему срочные письма, умоляя покинуть Париж и поселиться у него. В конце концов Сен-Жермен согласился. Больше о его карьере ничего не известно. При дворе Гессен-Касселя не было сплетников-мемуаристов, которые бы вели хронику его высказываний и поступков. Он умер в Шлезвиге, под кровом своего друга принца, в 1784 году.

Калиостро.

Этот знаменитый шарлатан, друг и преемник Сен-Жермена, сделал еще более необычную карьеру. Он был архи-шарлатаном своего века, последним из великих претендентов на философский камень и воду жизни, а во время своего короткого периода процветания - одним из самых заметных персонажей Европы.

Его настоящее имя - Джозеф Бальзамо. Он родился в Палермо около 1743 года, из скромной семьи. В младенчестве он имел несчастье потерять отца, и его воспитание было поручено родственникам матери, которые были слишком бедны, чтобы дать ему какое-либо образование, кроме чтения и письма. На пятнадцатом году жизни его отправили в монастырь, чтобы обучить элементам химии и физики; но его нрав был настолько порывистым, леность - непобедимой, а порочные привычки - столь глубоко укоренившимися, что он не добился никаких успехов. Пробыв там несколько лет, он покинул ее с характером несведущего и рассеянного молодого человека, с хорошими природными способностями,

но дурным нравом. Став совершеннолетним, он предался разгульной и развратной жизни и фактически вступил в то знаменитое братство, которое во Франции и Италии известно как "Рыцари промышленности", а в Англии как "Развратная мафия". Он отнюдь не был праздным или невольным членом этого корпуса. Первым делом он отличился тем, что подделывал ордера на вход в театры. Затем он ограбил своего дядю и подделал завещание. За подобные деяния он часто посещал тюрьмы Палермо. Так или иначе, он приобрел образ колдуна, человека, которому не удалось открыть секреты алхимии, и он продал душу дьяволу за золото, которое не смог получить путем трансмутации. Он не старался разубедить народ в этом, но скорее поощрял эту веру, чем наоборот. В конце концов он воспользовался этим, чтобы обмануть серебряных дел мастера по имени Марано на шестьдесят унций золота, и в результате был вынужден покинуть Палермо. Он убедил этого человека, что может показать ему сокровища, спрятанные в пещере, и за эту услугу он должен был получить шестьдесят унций золота, а серебряник - все сокровища за то лишь, что выкопал их. В полночь они вместе отправились на раскопки в окрестностях Палермо, где Бальзамо начертил магический круг и обратился к дьяволу с просьбой показать ему сокровища. Внезапно появилось полдюжины парней, сообщников мошенника, одетых в костюмы дьяволов, с рогами на головах, когтями на пальцах и извергающих, по-видимому, красное и синее пламя. Они были вооружены вилами, которыми избивали беднягу Марано до тех пор, пока он не стал почти мертвым, и отобрали у него шестьдесят унций золота и все ценности, которые он носил при себе. Затем они скрылись в сопровождении Бальзамо, оставив неудачливого серебряника выздоравливать или умирать по своему усмотрению. Природа выбрала первое, и вскоре после рассвета он пришел в себя, боля телом от ударов и духом от обмана, жертвой которого он стал. Первым его побуждением было донести на Бальзамо в городские магистраты; но, поразмыслив, он испугался насмешек, которые навлечет на него полное раскрытие всех обстоятельств; поэтому он принял истинно итальянское решение отомстить Бальзамо, убив его при первой же удобной возможности. Высказав эту угрозу в присутствии друга Бальзамо, он сообщил о ней последнему, который немедленно собрал свои ценности и покинул Европу.

Местом своего будущего обитания он избрал Медину в Аравии, где познакомился с греком по имени Альтотас, человеком, прекрасно знавшим все языки Востока, и неутомимым изучателем алхимии. Он обладал бесценной коллекцией арабских манускриптов по своей любимой науке и изучал их с таким усердием, что ему не хватало времени заниматься тиглями и печами, не забывая о своих книгах. Он подыскивал себе помощника, когда Бальзамо как раз появился перед ним и произвел столь благоприятное впечатление, что его сразу же взяли на эту должность. Но отношения хозяина и слуги недолго продержались между ними; Бальзамо был слишком честолобив и слишком умен, чтобы играть второстепенную роль, и уже через пятнадцать дней после первого знакомства они связали себя узами дружбы и партнерства. Альтотас, в течение долгой жизни посвятивший себя алхимии, наткнулся на несколько ценных открытий в химии, одним из которых был ингредиент для улучшения производства льна и придания товарам из этого материала блеска и мягкости, почти не уступающих шелку. Бальзамо дал ему добрый совет оставить философский камень пока неоткрытым и делать из льна золото. Совет был принят, и они вместе отправились в Александрию торговать, взяв с собой большой запас этого товара. Они пробыли в Александрии сорок дней и выручили за свое предприятие значительную сумму. После этого они посетили другие города Египта и добились такого же успеха. Они также посетили Турцию, где продавали лекарства и амулеты. По возвращении в Европу из-за непогоды они попали на Мальту, где их радушно принял Пинто, великий магистр рыцарей и известный алхимик. Несколько месяцев они работали в его лаборатории и упорно пытались превратить оловянное блюдо в серебряное. Бальзамо, обладавший меньшей верой, чем его

товарищи, вскоре устал; получив от хозяина множество рекомендательных писем в Рим и Неаполь, он оставил его и Альтотаса искать философский камень и трансмутировать оловянное блюдо без него.

Он уже давно отказался от имени Бальзамо из-за множества уродливых ассоциаций, которые с ним связывались; за время своих странствий он принял не менее полусотни других, с прилагающимися к ним титулами. Иногда он называл себя шевалье де Фишио, маркизом де Мелиссой, бароном де Бельмонте, де Пеллигрини, д'Анной, де Фениксом, де Харатом, но чаще всего - графом де Калиостро. Под последним титулом он въехал в Рим и впоследствии никогда его не менял. В этом городе он выдавал себя за реставратора росикрусианской философии; говорил, что может превращать все металлы в золото; что он может делать себя невидимым, лечить все болезни и давать эликсир против старости и упадка сил. Письма от Великого магистра Пинто обеспечили ему вступление в лучшие семьи. Он быстро заработал деньги на продаже своего *эликсира vitae*; и, как и другие шарлатаны, совершил множество замечательных исцелений, внушив своим пациентам самую полную веру в свои силы; преимущество, которым самые наглые шарлатаны часто обладают перед обычными врачами.

Находясь таким образом на верном пути к своему состоянию, он познакомился с прекрасной Лоренцей Феличианой, молодой дамой знатного происхождения, но без состояния. Вскоре Калиостро обнаружил, что она обладает неоценимыми способностями. Помимо восхитительной красоты, она обладала самым острым умом, самыми привлекательными манерами, самым богатым воображением и наименьшей принципиальностью среди всех девиц Рима. Она была как раз подходящей женой для Калиостро, который сделал ей предложение и был принят. После их свадьбы он обучил свою красавицу Лоренцу всем секретам своего призвания - научил ее прелестные губки вызывать ангелов и джиннов, серпид, саламандру и ундинов, а когда требовалось, то и дьяволов и злых духов. Лоренца была способной ученицей; вскоре она выучила весь жаргон алхимиков и все заклинания чародеев, и вот, окрыленная надеждой, пара отправилась в странствия, чтобы взимать поборы с суеверных и легковерных.

Сначала они отправились в Слессвиг, чтобы навестить графа де Сен-Жермена, своего великого предшественника в искусстве изготовления дурочек, и были приняты им самым великолепным образом. Мудрые беседы этого почтенного господина, несомненно, укрепили их в правильности выбранного ими пути, и сразу же после того, как они покинули его, они приступили к своей деятельности. В течение трех или четырех лет они путешествовали по России, Польше и Германии, трансмутируя металлы, предсказывая судьбу, вызывая духов и продавая *эликсир vitae* везде, где бы они ни находились; но не сохранилось никаких записей об их деятельности, из которых можно было бы почерпнуть более подробные сведения. Только после того, как они появились в Англии в 1776 году, имена графа и графини Калиостро стали приобретать европейскую известность. Они прибыли в Лондон в июле того же года, обладая имуществом в виде пластин, драгоценностей и денег на сумму около трех тысяч фунтов. Они сняли квартиру на Уиткомб-стрит и несколько месяцев жили спокойно. В том же доме жила португалка по фамилии Блавари, которую граф, находясь в бедственном положении, нанял в качестве переводчицы. Ее постоянно пускали в его лабораторию, где он проводил много времени в поисках философского камня. В обмен на его гостеприимство она распространяла за границей славу о своем поклоннике и старалась внушить всем такую же полную веру в его необыкновенные способности, как и она сама; но поскольку женщина-переводчик такого ранга и внешности, как мадам Блавари, не вполне соответствовала

представлениям графа ни о достоинстве, ни о приличиях, он нанял для этой роли человека по имени Вителлини, учителя языков. Вителлини был отчаянным азартным игроком, человеком, который испробовал почти все средства, чтобы поправить свое разрушенное состояние, в том числе и поиски философского камня. Сразу же после того, как он увидел операции графа, он был убежден, что великая тайна принадлежит ему и что золотые ворота дворца удачи открыты, чтобы впустить его. С еще большим энтузиазмом, чем мадам Блавари, он рассказывал своим знакомым и во всех общественных местах, что граф - необыкновенный человек, настоящий адепт, состояние которого огромно и который может превратить в чистое и прочное золото столько свинца, железа и меди, сколько пожелает. В результате дом Калиостро осаждали толпы праздных, доверчивых и скупых людей, жаждущих увидеть "философа" или приобщиться к безграничному богатству, которое он мог вызвать к жизни.

К несчастью для Калиостро, он попал в недобрые руки. Вместо того чтобы обмануть народ Англии, как он мог бы сделать, он сам стал жертвой банды мошенников, которые, полностью полагаясь на его оккультные способности, стремились лишь нажиться на нем. Вителлини представил ему такого же разорившегося игрока, как и он сам, по имени Скот, которого он выдавал за шотландского дворянина, привлеченного в Лондон исключительно желанием увидеть и пообщаться с необыкновенным человеком, слава о котором дошла до далеких гор севера. Калиостро принял его с большой добротой и радушием, после чего "лорд" Скот представил женщину по имени Фрай как леди Скот, которая должна была сопровождать графиню ди Калиостро и знакомить ее со всеми знатными семьями Британии. Таким образом, все пошло как по маслу. "Его светлость, чьи вещи еще не прибыли из Шотландии и у которого не было банкира в Лондоне, занял у графа двести фунтов. Они были одолжены без колебаний, так льстило Калиостро внимание, которое они ему оказывали, уважение, даже почтение, которое они притворялись, что чувствуют к нему, и полное почтение, с которым они прислушивались к каждому слову, слетавшему с его губ.

Суеверный, как все отчаянные игроки, Скот часто пробовал магические и кабалистические числа в надежде найти счастливые номера в лотерее или на рулетке. У него была кабалистическая рукопись, содержащая различные арифметические комбинации такого рода, которую он передал Калиостро с настоятельной просьбой выбрать число. Калиостро взял рукопись и изучил ее, но, как он сам сообщает нам, не был уверен в ее истинности. Однако он предсказал двадцать как удачное число на 6 ноября следующего года. Скот рискнул поставить на это число небольшую сумму из двухсот фунтов, которые он занял, и выиграл. Калиостро, воодушевленный этим успехом, предсказал на следующий розыгрыш число двадцать пять. Шотландец попробовал еще раз и выиграл сто гиней. Числа пятьдесят пять и пятьдесят семь с таким же успехом были объявлены на 18-е число того же месяца, к немалому изумлению и восторгу Калиостро, который после этого решил испытывать судьбу для себя, а не для других. На все уговоры Скота и его дамы предсказать им еще больше чисел он отмалчивался, даже когда считал его лордом и человеком чести; но когда он обнаружил, что тот всего лишь мошенник, а притворная леди Скот - хитрая горожанка, он закрыл дверь от них и от всей их шайки.

Полностью веря в сверхъестественные способности графа, они были в глубочайшем расстройстве от того, что лишились его lika. Они пытались всеми способами, какие только могла предложить их изобретательность, умиловить его снова. Они умоляли, угрожали, пытались подкупить его, но все было тщетно. Калиостро не хотел ни видаться, ни переписываться с ними. Тем временем они жили расточительно и в надежде на будущее истощили все свои нынешние богатства. Они дошли до последней крайности, когда мисс

Фрай добилась доступа к графине и получила от нее гинею под предлогом, что та голодает. Не удовлетворившись этим, мисс Фрай умоляла ее ходатайствовать перед мужем, чтобы он в последний раз указал на счастливое число в лотерее. Графиня пообещала оказать влияние, и Калиостро, умоляя ее, назвал число восемь, одновременно подтвердив свою решимость не иметь больше никаких дел ни с кем из . По необычайной случайности, вызвавшей у Калиостро удивление и удовольствие, номер восемь оказался самым большим призом в лотерее. Мисс Фрай и ее помощники заработали на этом приключении 1500 гиней, еще больше убедились в оккультных способностях Калиостро и укрепились в решимости не расставаться с ним, пока не сколотят свое состояние. На вырученные деньги мисс Фрай купила в ломбарде красивое ожерелье за девяносто гиней. Затем она заказала у ювелира богато украшенную золотую шкатулку с двумя отделениями и, положив ожерелье в одно из них, наполнила другое прекрасным ароматическим нюхательным табаком. Затем она добилась еще одной встречи с мадам ди Калиостро и попросила ее принять шкатулку в знак уважения и благодарности, не упоминая о спрятанном в ней ценном ожерелье. Мадам ди Калиостро приняла подарок и с этого часа стала подвергаться самым беспрестанным преследованиям со стороны всех единомышленников - Блавари, Вителлини, а также мнимых лорда и леди Скот. Они льстили себе, что восстановили утраченные позиции в доме, и день за днем приходили узнать счастливые числа в лотерее, иногда заставляя себя подниматься по лестнице и входить в графскую лабораторию, несмотря на попытки слуг помешать им. Калиостро, возмущенный их настойчивостью, пригрозил призвать на помощь мировых судей и, схватив мисс Фрай за плечи, вытолкнул ее на улицу.

С этого времени можно отсчитывать злключения Калиостро. Мисс Фрай, подстрекаемая своим возлюбленным, решила отомстить. Первым делом она поклялась, что Калиостро должен двести фунтов, и арестовала его на эту сумму. Пока он находился под стражей в губозакаточной мастерской, Скот в сопровождении низкого адвоката ворвался в его лабораторию и унес небольшой ящик, в котором, как они полагали, находился порошок для трансмутации, а также несколько кабалистических рукописей и трактатов по алхимии. Они также подали на него иск о возвращении ожерелья, а мисс Фрай обвинила его и его графиню в колдовстве и чародействе, а также в предсказании чисел в лотерее с помощью дьявола. Это последнее обвинение было рассмотрено господином судьей Миллером. Дело о тровере для ожерелья было рассмотрено лордом-главным судьей Common Pleas, который рекомендовал сторонам обратиться в арбитраж. Тем временем Калиостро просидел в тюрьме несколько недель, пока, получив залог, не был освобожден. Вскоре его дождался адвокат по имени Рейнольдс, также замешанный в заговоре, и предложил уладить все дела на определенных условиях. Скот, сопровождавший его, спрятался за дверью и, внезапно выскочив, приставил пистолет к сердцу Калиостро, поклявшись, что застрелит его немедленно, если тот не расскажет ему подлинное искусство предсказывать счастливые числа и трансмутировать металлы. Рейнольдс, притворившись очень разгневанным, обезоружил своего сообщника и стал уговаривать графа удовлетворить их честным путем и раскрыть свои секреты, обещая, что если он это сделает, то они снимут с него все обязательства и не будут больше к нему приставать. Калиостро ответил, что угрозы и уговоры одинаково бесполезны, что он не знает никаких секретов, а порошок превращения, которого его лишили, не представляет ценности ни для кого, кроме него самого. Однако он предложил, что если они прекратят дело, вернут порошок и рукописи, то простят им все деньги, которые они у него выманили. Эти условия были отвергнуты, и Скот с Рейнольдсом ушли, поклявшись отомстить ему.

Калиостро, по-видимому, был совершенно не осведомлен о формах права в Англии и не имел друга, который мог бы посоветовать ему, как лучше поступить. Пока он беседовал со своей

графиней о трудностях, которые их подстерегали, один из его поручиков позвал его и пригласил поехать в карете к дому человека, который увидит, как его исправляют. Калиостро согласился, и его отвезли в тюрьму Королевской скамьи, где его оставил друг. В течение нескольких часов он не знал, что является заключенным, и не понимал, как его отдадут на поруки.

Через несколько недель он вновь обрел свободу, и третейские судьи между ним и мисс Фрай вынесли свое решение. Ему было предписано выплатить двести фунтов, которые она поклялась ему выплатить, и вернуть ожерелье и золотую шкатулку, подаренные графине. Калиостро был так возмущен, что решил покинуть Англию. Кроме того, его притязания были безжалостно разоблачены французом Морандом, редактором "Курьера Европы", издававшегося в Лондоне. К его бедам добавилось то, что в Вестминстер-холле его узнали как Джозефа Бальзамо, мошенника из Палермо. Такого позора было не вынести. Он и его графиня собрали свои небольшие пожитки и покинули Англию, имея при себе не более пятидесяти фунтов из трех тысяч, которые они взяли с собой.

Сначала они отправились в Брюссель, где удача была более благосклонна. Они продали значительное количество эликсира жизни, совершили множество исцелений и пополнили свои финансы. Затем они проследовали через Германию в Россию, и всегда с одинаковым успехом. Золото текло в их сундуки быстрее, чем они могли его сосчитать. Они совершенно забыли все те беды, которые им пришлось пережить в Англии, и научились быть более осмотрительными в выборе своих знакомых.

В 1780 году они появились в Страсбурге. Их слава достигла этого города раньше, чем они сами. Они сняли великолепную гостиницу и пригласили к своему столу всех главных лиц этого места. Их богатство казалось безграничным, а гостеприимство - равным ему. Граф и графиня выступали в роли врачей, раздавая деньги, советы и лекарства всем нуждающимся и страждущим города. Многие из проведенных ими исцелений поразили тех, кто регулярно практиковал, но не учитывал чудесное влияние воображения в некоторых случаях. Графиня, которой в это время было не более пяти с половиной лет, вся сияла изяществом, красотой и жизнерадостностью, открыто говорила о своем старшем сыне как о прекрасном молодом человеке восьми с половиной лет, который уже несколько лет был капитаном на голландской службе. Уловка сменилась восхищением. Все некрасивые старухи Страсбурга и окрестностей толпились в салоне графини, чтобы купить жидкость, которая должна была сделать их такими же цветущими, как их дочери; молодые женщины приходили в таком же изобилии, чтобы сохранить свои прелести и, будучи вдвое старше Нинон де л'Энклос, быть более пленительными, чем она; а среди мужчин не было недостатка в тех, кто был настолько глуп, чтобы вообразить, что они могут предотвратить неизбежный удар мрачного врага с помощью нескольких капель того же несравненного эликсира. Графиня, что и говорить, выглядела воплощением бессмертной прелести, настоящей богиней молодости и красоты; не исключено, что толпы юношей и стариков, которые в любое удобное время суток преследовали благоухающие покои этой чаровницы, были привлечены не столько верой в ее оккультные способности, сколько восхищением ее томительно яркими глазами и искрометной беседой. Но среди всех благовоний, которые возносили к ее святине, мадам ди Калиостро оставалась верна своему супругу. Она подавала надежды, но никогда их не осуществляла; она вызывала восхищение, но держала его в рамках; она делала мужчин своими рабами, никогда не оказывая им услуг, которыми могли бы похвастаться самые тщеславные.

В этом городе они познакомились со многими выдающимися людьми, в том числе и с кардиналом принцем де Роаном, которому впоследствии суждено было оказать столь

неблагоприятное влияние на их судьбу. Кардинал, который, по-видимому, очень верил в него как в философа, уговорил его посетить Париж в его компании, что он и сделал, но пробыл там всего тринадцать дней. Он предпочел общество Страсбурга и вернулся туда с намерением поселиться подальше от столицы. Но вскоре он обнаружил, что первое волнение, вызванное его приездом, прошло. Люди начали рассуждать сами с собой и стыдиться своего восхищения. Население, среди которого он щедро раздавал свои милостыни, обвиняло его в том, что он Антихрист, Бродячий еврей, человек четырнадцатисот лет от роду, демон в человеческом облике, посланный заманивать невежд на погибель; а более богатые и осведомленные называли его шпионом на службе у иностранных правительств, агентом полиции, мошенником и человеком дурной жизни. В конце концов возмущение стало настолько сильным, что он счел благоразумным попытаться счастья в другом месте.

Сначала он отправился в Неаполь, но этот город был слишком близок к Палермо; он боялся, что его узнают некоторые из его ранних друзей, и после недолгого пребывания вернулся во Францию. Следующим местом жительства он выбрал Бурдо и произвел там такой же фурор, как и в Страсбурге. Он объявил себя основателем новой школы медицины и философии, хвастался своей способностью излечивать все болезни и приглашал бедных и страждущих прийти к нему, и он облегчит страдания одних и вылечит недуги других. Весь день улица напротив его великолепной гостиницы была переполнена народом; немощные и слепые, женщины с больными младенцами на руках и люди, страдающие от всех видов человеческих недугов, стекались к этому чудесному врачу. Денежная помощь, которую он оказывал, с лихвой компенсировала неудачу его снадобий; а изобилие людей со всех окрестностей стало столь велико, что городские *присяжные* предоставили ему военную стражу, которая должна была день и ночь стоять перед его дверью, чтобы поддерживать порядок. Предсказания Калиостро сбылись. Богатые люди были восхищены его милосердием и благожелательностью и прониклись полным убеждением в его чудесных способностях. Продажа эликсира шла великолепно. Его салоны были заполнены богатыми жертвами, которые приходили, чтобы приобрести бессмертие. Представительниц прекрасного пола привлекала красота, которая сохранялась веками, а других приманивали здоровье и сила на тот же срок. Его очаровательная графиня, тем временем, приносила зерно на мельницу, предсказывая судьбу и разыгрывая рождества, или предоставляя сопровождающих сильфид любым дамам, которые готовы были заплатить достаточно за их услуги. А еще лучше, чтобы поддержать авторитет мужа, она давала в Бурдо самые роскошные приемы.

Но, как и в Страсбурге, народное заблуждение продолжалось всего несколько месяцев и сошло на нет; в опьянении успехом Калиостро забыл, что есть предел шарлатанству, которое, пройдя однажды, внушает недоверие. Когда он притворился, что вызывает духов из гробницы, люди недоверчиво зашумели. Его обвиняли в том, что он враг религии, что он отрекся от Христа и что он - бродячий еврей. Он презирал эти слухи, пока они касались немногих; но когда они распространились по городу, когда он больше не получал гонораров, когда его вечеринки были заброшены, а знакомые отворачивались, встречая его на улице, он решил, что пора сменить место жительства.

ДОМ КАЛИОСТРО, ПАРИЖ.

К этому времени ему надоели провинции, и он направил свои мысли в столицу. По прибытии он объявил себя восстановителем египетского масонства и основателем новой философии. Через своего друга кардинала де Роана он сразу же пробился в лучшее общество. Его успех как фокусника был весьма необычен: его посещали самые значительные персоны того времени. Он хвастался тем, что, подобно росикрусианцам, может общаться с элементарными духами, вызывать из могилы могущественных мертвецов, трансмутировать металлы и открывать оккультные вещи благодаря особому покровительству Бога по отношению к нему. Как и доктор Ди, он вызывал ангелов, чтобы они открыли ему будущее; они появлялись и беседовали с ним в кристаллах и под стеклянными колоколами.⁴⁸ "Вряд ли найдется, - говорится в "Биографии современников", - прекрасная дама в Париже, которая не беседовала бы с тенью Лукреция в апартаментах Калиостро; военный офицер, который не обсуждал бы военное искусство с Сезаром, Ганнибалом или Александром; адвокат или советник, который не спорил бы о юридических вопросах с призраком Цицерона". Эти беседы с усопшими стоили очень дорого, ведь, как говорил Калиостро, мертвые не воскресают просто так. Графиня, как обычно, проявила всю свою изобретательность, чтобы поддержать кредит своего мужа. Она была большой любимицей среди своего пола, многим восхищенным и удивленным слушателям она подробно рассказывала о чудесных способностях Калиостро. По ее словам, он мог становиться невидимым, перемещаться по миру с быстротой мысли и находиться в нескольких местах [одновременно](#)⁴⁹.

Он недолго пробыл в Париже, прежде чем оказался вовлеченным в знаменитое дело об ожерелье королевы. Его друг кардинал де Роан, очарованный прелестями Марии-Антуанетты, был очень огорчен ее холодностью и недовольством, которое она так часто проявляла по отношению к нему. В то время на службе у королевы находилась дама по имени Ла Мотт, которую кардинал имел глупость сделать своей наперсницей. Мадам де ла Мотт, в свою очередь, попыталась сделать из кардинала орудие, и слишком преуспела в своих замыслах. В качестве камер-фрейлины или почетной дамы королевы она присутствовала на беседе ее величества с богатым парижским ювелиром М. Бёмером, когда тот выставил на

продажу великолепное бриллиантовое ожерелье стоимостью 1 600 000 франков, или около 64 000 фунтов стерлингов. Королева была в восторге от него, но отпустила ювелира, выразив сожаление, что она слишком бедна, чтобы приобрести его. Мадам де ла Мотт задумала заполучить это дорогое украшение в свое владение и решила сделать кардинала де Роана инструментом, с помощью которого это можно сделать. Она добивалась встречи с ним и, притворяясь, что сочувствует его горю из-за недовольства королевы, сказала ему, что знает способ, с помощью которого он может вернуть себе расположение. Затем она упомянула об ожерелье и о том, что королева сожалеет о том, что не может позволить себе купить его. Кардинал, который был столь же богат, сколь и глуп, тут же предложил купить ожерелье и преподнести его в подарок королеве. Мадам де ла Мотт посоветовала ему ни в коем случае не делать этого, так как тем самым он оскорбит ее величество. Его план заключается в том, чтобы побудить ювелира предоставить ее величеству кредит и принять ее вексель на сумму в определенный срок, который будет оговорен позднее. Кардинал с готовностью согласился на это предложение и поручил ювелиру составить договор, а сам заручился подписью королевы. Он передал его в руки мадам де ла Мотт, которая вскоре вернула его со словами "Bon, bon-approuvé-Marie Antoinette", написанными на полях. Одновременно она сообщила ему, что королева очень довольна его поведением в этом деле и назначит встречу с ним в садах Версаля, где подарит ему цветок в знак своего уважения. Кардинал показал поддельный документ ювелиру, получил ожерелье и передал его в руки мадам де ла Мотт. Пока все было в порядке. Следующей ее задачей было удовлетворить кардинала, который с нетерпением ждал обещанной встречи со своей королевской любовницей. В то время в Париже жила молодая женщина по имени Д'Олива, которую отличало сходство с королевой, и мадам де ла Мотт, пообещав хорошее вознаграждение, без труда уговорила ее выступить в роли Марии-Антуанетты и встретиться с кардиналом де Роаном в вечерних сумерках в садах Версаля. Встреча состоялась. Кардинал был обманут неясным светом, большим сходством подделки и собственными надеждами; получив цветок от мадемуазель д'Олива, он отправился домой с более легким сердцем, чем билось в его груди в течение многих дней.⁵⁰

Со временем подделка подписи королевы была обнаружена. Ювелир Бомер сразу же назвал кардинала де Роана и мадам де ла Мотт как лиц, с которыми он вел переговоры, и оба они были арестованы и брошены в Бастилию. Ла Мотт была подвергнута тщательному допросу, и за ее разоблачения, уличающие Калиостро, он был схвачен вместе со своей женой и также отправлен в Бастилию. Столь скандальная история неизбежно вызывала огромное любопытство. В Париже не было слышно ничего, кроме ожерелья королевы, а также предположений о виновности или невиновности нескольких причастных. Муж мадам де ла Мотт сбежал в Англию и, по мнению многих, забрал ожерелье с собой, а там раздал его разным ювелирам понемногу. Но мадам де ла Мотт настаивала на том, что доверила его Калиостро, который схватил и разорвал его на куски, чтобы "раздуть сокровища своего огромного несравненного состояния". Она говорила о нем как об "эмпирике, подлом алхимике, мечтателе на философском камне, лжепророке, осквернителе истинного культа, самозваном графе Калиостро!". Далее она заявила, что он изначально задумал разорить кардинала де Роана; что он убедил ее, воздействуя на ее разум каким-то магическим образом, помогать и содействовать этому замыслу; и что он был разбойником, мошенником и колдуном!

После того как все обвиняемые пробыли в Бастилии более шести месяцев, начался суд. После того как были заслушаны показания свидетелей, Калиостро, как главного преступника, впервые призвали к защите. Его слушали, затаив дыхание. Он занял театральную позицию и начал так: "Я угнетен, я обвинен, я оклеветан! Заслужил ли я такую участь? Я погружаюсь в свою совесть и нахожу там покой, в котором мне отказывают люди! Я

много путешествовал, меня знает вся Европа, большая часть Азии и Африки. Я везде показал себя другом своих братьев. Мои знания, мое время, мое состояние всегда использовались для облегчения страданий. Я изучал и практиковал медицину, но никогда не унижал это благороднейшее и утешительнейшее из искусств какими бы то ни было корыстными спекуляциями. Хотя я всегда давал и никогда не получал, я сохранял свою независимость. Я даже довел свою деликатность до того, что отказался от благосклонности королей. Я безвозмездно давал свои лекарства и советы богатым; бедные получали от меня и лекарства, и деньги. Я никогда не влезал в долги, и мои нравы чисты и не испорчены". После долгих самовосхвалений в том же духе он продолжил жаловаться на огромные трудности, которые ему пришлось пережить, будучи разлученным на столько месяцев со своей невинной и любящей женой, которая, как ему дали понять, была заключена в Бастилию и, возможно, заточена в нездоровую темницу. Он недвусмысленно отрицал, что ожерелье было у него или что он когда-либо видел его; и чтобы заглушить слухи и обвинения против него, которые, возможно, породила его собственная скрытность в отношении событий его жизни, он заявил, что готов удовлетворить любопытство публики и дать простой и полный отчет о своей карьере. Затем он рассказал романтическую и невероятную историю, которая никому не внушала доверия. По его словам, он не знает ни места своего рождения, ни имени родителей, но младенчество провел в Медине, в Аравии, и воспитывался под именем Ачарат. Он жил во дворце Великого Муфти в этом городе, и у него всегда было трое слуг, которые прислуживали ему, кроме его наставника по имени Альтотас. Этот Альтотас очень любил его и рассказал, что его отец и мать, христиане и вельможи, умерли, когда ему было три месяца, и оставили его на попечение Муфти. По его словам, он никогда не мог узнать их имена, так как всякий раз, когда он задавал этот вопрос Альтотасу, ему отвечали, что знать это опасно. Некоторые неосторожные выражения, оброненные его наставником, дали ему повод думать, что они с Мальты. В возрасте двенадцати лет он начал путешествовать и изучать различные языки Востока. Три года он пробыл в Мекке, где хериф, или правитель, проявил к нему столько доброты и говорил с ним так нежно и ласково, что он иногда думал, что этот человек - его отец. Он покинул этого доброго человека со слезами на глазах и больше никогда его не видел; но он был убежден, что даже в тот момент был обязан его заботе всеми теми преимуществами, которыми он пользовался. Когда он приезжал в любой город Европы или Азии, для него открывали счет в главных банкирских или купеческих конторах. Он мог пользоваться ими на суммы в тысячи и сотни тысяч, и никогда не задавалось никаких вопросов, кроме его имени. Ему стоило только произнести слово "Ачарат", и все его желания были удовлетворены. Он твердо верил, что шериф Мекки - тот самый друг, которому он обязан всем. В этом заключался секрет его богатства, и ему не приходилось прибегать к мошенничеству, чтобы добыть средства к существованию. Ему ничего не стоило украсть бриллиантовое ожерелье, когда у него было достаточно богатства, чтобы купить столько, сколько он пожелает, и более великолепные, чем когда-либо носила королева Франции. Что касается других обвинений, выдвинутых против него мадам де ла Мотт, то он мог дать лишь краткий ответ. Она назвала его эмпириком. Это слово было ему незнакомо. Если оно означало человека, который, не будучи врачом, обладал некоторыми познаниями в медицине и не брал платы - лечил и богатых, и бедных, не беря денег ни с тех, ни с других, - он признавал, что был таким человеком, что он был эмпириком. Она также назвала его подлым алхимиком. Был ли он алхимиком или нет, но эпитет "*подлый*" можно применить только к тем, кто просил и умолял, а он никогда не делал ни того, ни другого. Что касается того, что он был мечтателем о философском камне, то, каковы бы ни были его взгляды на этот предмет, он молчал и никогда не тревожил публику своими мечтами. Что же касается того, что он был лжепророком, то он не всегда им был; ведь он предсказал кардиналу де Роану, что мадам де ла Мотт окажется опасной женщиной, и результат подтвердил это предсказание. Он

отрицал, что был осквернителем истинного культа или что когда-либо стремился предать религию забвению; напротив, он уважал религию каждого человека и никогда не вмешивался в нее. Он также отрицал, что был росикрусианином, или что когда-либо притворялся, что ему триста лет, или что один человек служил ему сто пятьдесят лет. В заключение он заявил, что все утверждения мадам де ла Мотт относительно него ложны и что она *mentiris impudentissime*, а эти два слова он попросил ее адвоката перевести для нее, поскольку говорить ей об этом по-французски невежливо.

Таков был его необыкновенный ответ на предъявленные ему обвинения; ответ, который убедил тех, кто прежде сомневался, что он один из самых дерзких самозванцев, когда-либо промышлявших обманом. Затем были заслушаны адвокаты от имени кардинала де Роана и мадам де ла Мотт. Оказалось, что кардинал был сам обманом гнусного заговора, а против Калиостро не было никаких улик, и их обоих оправдали. Мадам де ла Мотт была признана виновной и приговорена к публичному бичеванию и клеймению раскаленным железом на спине.

После этого Калиостро и его жена были освобождены из-под стражи. Обратившись к служащим Бастилии за бумагами и вещами, которые были изъяты в его жилище, он обнаружил, что многие из них были изъяты. После этого он подал на них иск о возвращении своих бумаг и небольшой части порошка трансмутации. Не успело дело принять решение, как он получил приказ покинуть Париж в течение четырех-двадцати часов. Опасаясь, что если его снова заключат в подземелья Бастилии, он больше никогда не увидит дневного света, он немедленно покинул город и отправился в Англию. По прибытии в Лондон он познакомился с небезызвестным лордом Джорджем Гордоном, который горячо поддержал его интересы и опубликовал в государственных газетах письмо, в котором осуждал поведение королевы Франции в деле с ожерельем и утверждал, что она действительно виновна. За это письмо лорд Джордж подвергся преследованию со стороны французского посла, был признан виновным в клевете и приговорен к штрафу и длительному тюремному заключению.

После этого Калиостро и графиня путешествовали по Италии, где в 1789 году были арестованы папским правительством и приговорены к смерти. Обвинения против него заключались в том, что он был масоном, еретиком и колдуном. Этот неоправданный приговор впоследствии был заменен на вечное заключение в замке Сант-Анджело. Его жене удалось избежать более сурового наказания, заточив себя в женский монастырь. Калиостро прожил недолго. Потеря свободы тяготила его разум, накопившиеся несчастья подорвали здоровье и сломили дух, и он умер в начале 1790 года. Возможно, его судьба была не лучше, чем он заслуживал, но невозможно не почувствовать, что приговор, вынесенный ему за совершенные преступления, был совершенно позорным для правительства, которое его вынесло.

Современное состояние алхимии.

Мы закончили список лиц, наиболее отличившихся в этом неприбыльном занятии. Среди них есть люди всех рангов, характеров и состояний: ищущий истины, но заблуждающийся философ, честолюбивый принц и нуждающийся дворянин, которые поверили в нее, а также шарлатан, который не верил в нее, а просто сделал претензию на нее средством обмана своих товарищей и жил на их легковереии. Один или более из всех этих классов можно найти на предыдущих страницах. Из истории их жизни видно, что заблуждение не было бесполезным. Стремясь получить слишком много, люди не всегда перегибают палку; если они не могут добраться до недоступной вершины горы, они могут пройти половину пути к ней

и собрать по дороге несколько обрывков мудрости и знаний. Полезная наука химия не в малой степени обязана своему ненастоящему брату - алхимии. В поисках невозможного было сделано множество ценных открытий, которые в противном случае могли бы быть скрыты на долгие века. Роджер Бэкон в поисках философского камня обнаружил порох, еще более необычное вещество. Ван Гельмонт в том же стремлении открыл свойства газа; Гебер сделал не менее важные открытия в химии; а Парацельс, среди своих вечных видений о трансмутации металлов, обнаружил, что ртуть является средством от одной из самых страшных и мучительных болезней, от которых страдает человечество.

В наши дни в Европе почти не слышно о новых приверженцах этой науки, хотя утверждается, что один или два самых выдающихся ученых не признают это занятие столь абсурдным и тщетным, как это принято считать в последнее время. Вера в колдовство, которая едва ли более абсурдна, все еще сохраняется в народном сознании; но мало кто настолько доверчив, чтобы поверить, что какой-либо эликсир может заставить человека жить веками или превратить все наше железо и олово в золото. Алхимия в Европе, можно сказать, почти полностью уничтожена, но на Востоке она все еще процветает в таком же большом почете, как и раньше. Недавние путешественники постоянно упоминают о ней, особенно в Китае, Хиндостане, Персии, Тартарии, Египте и Аравии.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОРОЧЕСТВА.

Содержание

Эпидемический ужас перед концом света несколько раз охватывал народы. Самым примечательным был тот, что охватил христианство примерно в

середине X века. В то время во Франции, Германии и Италии появилось множество фанатиков, проповедовавших, что тысяча лет, предсказанная в Апокалипсисе как срок существования мира, вот-вот истечет и что Сын Человеческий явится на облаках, чтобы судить благочестивых и нечестивых. Этому заблуждению, по-видимому, препятствовала Церковь, но, тем не менее, оно быстро распространилось среди [людей](#)⁵¹.

Ожидалось, что место последнего суда будет находиться в Иерусалиме. В 999 году число паломников, направлявшихся на восток, чтобы ожидать пришествия Господа в этом городе, было так велико, что их сравнивали с опустошающим войском. Большинство из них продали свои вещи и имущество еще до того, как покинули Европу, и жили на вырученные деньги в Святой Земле. Всевозможные здания превратились в руины. Считалось, что их бесполезно ремонтировать, когда конец света так близок. Многие благородные постройки были намеренно снесены. Даже церкви, которые обычно так хорошо содержатся, разделяли всеобщее запустение. Рыцари, горожане и крепостные отправились на восток, взяв с собой жен и детей, распевая на ходу псалмы и с ужасом глядя на небо, которое ежеминутно должно было разверзнуться, чтобы впустить Сына Божьего во славе своей.

В тысячный год число паломников увеличилось. Большинство из них были поражены ужасом, как чумой. Каждое явление природы вселяло в них тревогу. В середине марта гроза заставила всех пасть на колени. Бытовало мнение, что гром - это голос Бога, возвещающий о наступлении судного дня. Люди ожидали, что при звуке грома земля разверзнется и отдаст своих мертвецов. Каждый метеор в небе, увиденный в Иерусалиме, выводил все христианское население на улицы, чтобы плакать и молиться. Паломники в пути были в такой же тревоге:

"Lorsque, pendant la nuit, un globe de lumière

S'échappa quelquefois de la voûte de cieux,

Et traça dans sa chute un long sillon de feux,

La troupe suspendit sa marche solitaire. "[52](#)

Фанатичные проповедники поддерживали пламя ужаса. Каждая падающая звезда служила поводом для проповеди, в которой главной темой была возвышенность приближающегося суда.

Часто считалось, что появление комет предвещает скорый распад этого мира. Отчасти эта вера сохраняется до сих пор; но комета больше не рассматривается как знак, а как агент разрушения. Не далее как в 1832 году на континенте Европы, особенно в Германии, распространилась величайшая тревога, чтобы комета, появление которой тогда предсказывали астрономы, не уничтожила Землю. Опасность, грозящая нашему земному шару, серьезно обсуждалась. Многие люди воздерживались от каких-либо дел в течение того года только из-за опасений, что эта ужасная комета разнесет нас и наш мир на атомы.

В периоды сильных эпидемий люди часто верили пророчествам сумасшедших фанатиков о том, что наступил конец света. В периоды бедствий легкое верие всегда наиболее велико. Во время великой чумы, которая опустошала всю Европу в 1345-1350 годах, считалось, что конец света близок. Во всех главных городах Германии, Франции и Италии можно было встретить мнимых пророков, которые предсказывали, что в течение десяти лет прозвучит труба архангела и Спаситель явится на облаках, чтобы призвать землю на суд.

Не меньший переполох вызвало в Лондоне в 1736 году пророчество знаменитого Уистона о том, что мир будет разрушен в этом году, 13 октября. Толпы людей вышли в назначенный день в Ислингтон, Хэмпстед и прилегающие к ним поля, чтобы увидеть разрушение Лондона, которое должно было стать "началом конца". Сатирический рассказ об этом безрассудстве приводится в "Собрании сочинений" Свифта, том iii, под названием "Правдивое и достоверное повествование о том, что происходило в Лондоне по слухам о судном дне". Подлинный рассказ об этом заблуждении был бы интересен; но на это торжественное острословие Поупа и Гея полагаться не стоит.

В 1761 году жители Лондона были встревожены двумя толчками землетрясения и пророчеством о третьем, которое должно было полностью их уничтожить. Первый толчок произошел 8 февраля и повалил несколько дымоходов в окрестностях Лаймхауса и Поплара; второй случился 8 марта и ощущался в основном на севере Лондона, в районе Хэмпстеда и Хайгейта. Вскоре все заметили, что между толчками прошел ровно месяц; а один сумасброд по имени Белл, солдат лейб-гвардии, так проникся идеей, что через месяц будет третий, что совсем потерял рассудок и бегал по улицам, предсказывая разрушение Лондона 5 апреля. Большинство людей считали, что *первое число* было бы более подходящим днем, но нашлись тысячи людей, которые с уверенностью поверили предсказанию и приняли меры, чтобы увезти себя и свои семьи с места надвигающегося бедствия. По мере приближения страшного дня волнение усиливалось, и во всех деревнях в радиусе двадцати миль собралось огромное количество доверчивых людей, ожидающих гибели Лондона. Ислингтон, Хайгейт, Хэмпстед, Хэрроу и Блэкхит были переполнены охваченными паникой беглецами, которые платили непомерно высокую цену за ночлег хозяевам этих надежных убежищ. Те, кто не мог позволить себе заплатить за жилье ни в одном из этих мест, оставались в Лондоне до двух-трех дней до назначенного времени, а затем разбивали лагерь в окрестных полях, ожидая мощного удара, который должен был сравнять их высокий город с пылью. Как и во время подобной паники во времена Генриха VIII, страх стал заразительным, и сотни людей, которые за неделю до этого смеялись над предсказанием, собрали свои вещи, увидев, как это делают другие, и поспешили уехать. Река считалась местом большой безопасности, и все торговые суда в порту были заполнены людьми, которые провели ночь с 4 на 5 число на борту, ожидая каждое мгновение увидеть, как собор Святого Павла пошатнется, а башни Вестминстерского аббатства покачнутся от ветра и упадут в облаке пыли. Большая часть беглецов вернулась на следующий день, убедившись, что пророк был лжепророком; но многие сочли более благоразумным дать пройти неделе, прежде чем доверять свои дорогие конечности в Лондоне. За короткое время Белл потерял всякий кредит доверия, и даже самые доверчивые люди считали его просто сумасшедшим. Он попробовал сделать еще несколько пророчеств, но они никого не обманули, и через несколько месяцев после этого он был помещен в психушку.

Панический ужас перед концом света охватил добрых жителей Лидса и его окрестностей в 1806 году. Он был вызван следующими обстоятельствами. В одной из близлежащих деревень курица снесла яйца, на которых были начертаны слова: "*Христос грядет*". Множество людей посетили это место и рассматривали эти чудесные яйца, убежденные в том, что судный день близок. Подобно морякам в шторм, ожидающим каждый миг, что они пойдут ко дну, верующие внезапно стали религиозными, неистово молились и лстили себе, что раскаялись в своих дурных поступках. Но простая история вскоре усыпила их бдительность и полностью угасила их религию. Несколько джентльменов, узнав об этом, отправились в одно прекрасное утро и застали бедную курицу за тем, как она снесла одно из своих чудесных яиц. Вскоре они убедились, что яйцо было написано какими-то едкими

чернилами и жестоко впихнуто в тело птицы. При таком объяснении те, кто раньше молился, теперь смеялись, и мир покачивался так же весело, как и в прежние времена.

Во время чумы в Милане в 1630 году, столь трогательное описание которой оставил нам Рипамонте в своем интересном труде *De Peste Mediolani*, люди в своем бедственном положении с жадностью прислушивались к предсказаниям астрологов и других самозванцев. Достаточно необычно, что чума была предсказана за год до того, как она разразилась. В 1628 году появилась большая комета, и мнения астрологов по этому поводу разделились. Одни настаивали на том, что она является предвестницей кровопролитной войны, другие утверждали, что она предсказывает великий голод, но большинство, основывая свои суждения на ее бледном цвете, считали, что она предвещает мор. Исполнение их предсказания принесло им большую славу, пока свирепствовала чума.

Существовали и другие пророчества, которые, как утверждалось, были произнесены за сотни лет до этого. Они оказывали самое пагубное влияние на разум вульгарных людей, поскольку внушали веру в фатализм. Отнимая надежду на выздоровление - этот величайший бальзам при любом недуге, - они втрое усиливали опустошительные последствия болезни. Одно необычное предсказание едва не свело несчастных с ума. Древнее двустигийское, сохраненное в веках традицией, предсказывало, что в 1630 году дьявол отравит весь Милан. Рано утром в апреле, еще до того, как мор достиг своего апогея, пассажиры с удивлением увидели, что все двери на главных улицах города были отмечены любопытным пятном, как будто к ним прижимали губку, наполненную гнойным веществом чумных язв. Все население быстро пришло в движение, чтобы заметить странный вид, и быстро распространилась величайшая тревога. Были предприняты все меры, чтобы обнаружить виновных, но тщетно. Наконец вспомнили древнее пророчество и во всех церквях вознесли молитвы о том, чтобы козни лукавого были побеждены. Многие считали, что для распространения инфекционного яда по городу были привлечены эмиссары иностранных держав, но гораздо большее число людей было убеждено, что против них сговорились силы ада и что инфекция распространялась сверхъестественными силами. Тем временем чума страшно разрасталась. Недоверие и тревога овладели всеми умами. Считалось, что все вещи отравлены дьяволом: вода в колодцах, кукуруза на полях, фрукты на деревьях. Считалось, что все предметы, к которым можно прикоснуться, отравлены: стены домов, тротуары улиц, ручки дверей. Население было доведено до неуправляемой ярости. За посланцами дьявола велась строгая слежка, и любому, кто хотел избавиться от врага, достаточно было сказать, что он видел, как тот мазал дверь мазью; его ждала верная смерть от рук толпы. Старик лет восьмидесяти, ежедневный посетитель церкви Святого Антонио, поднявшись с колен, вытер юбкой своего плаща табурет, на который собирался сесть. Сразу же поднялся крик, что он намазывает сиденье ядом. Толпа женщин, которыми была переполнена церковь, схватила слабого старика и вытащила его за волосы на улицу с ужасными клятвами и проклятиями. Так его протащили по трясине до дома городского судьи, чтобы посадить на дыбу и заставить открыть своих сообщников; но по дороге он скончался. Много других жертв было принесено в жертву народной ярости. Некий Мора, который, судя по всему, был наполовину аптекарем, а наполовину цирюльником, был обвинен в сговоре с дьяволом, чтобы отравить Милан. Его дом был окружен, и в нем нашли несколько химических препаратов. Бедняга утверждал, что они предназначались в качестве консервантов от инфекций, но некоторые врачи, которым они были представлены, заявили, что это яд, Мора посадили на дыбу, где он долгое время отстаивал свою невиновность. Наконец, когда его мужество было истощено пытками, он признался, что был в сговоре с дьяволом и иностранными державами, чтобы отравить весь город; что он помазал двери и заразил фонтаны с водой. Он назвал несколько человек в качестве своих сообщников, которые были задержаны и подвергнуты таким же пыткам. Все

они были признаны виновными и казнены. Дом Мора был снесен с лица земли, а на его месте воздвигли колонну с надписью в память о его вине.

Пока общественное мнение было занято этими чудесными событиями, чума продолжала усиливаться. Толпы людей, собравшихся посмотреть на казни, распространяли заразу между собой. Но ярость их страстей и степень легковерия не отставали от жестокости чумы; в каждую чудесную и нелепую историю верили. Одна, в частности, занимала их, исключая на долгое время все остальные. Видели самого дьявола. Он снял дом в Милане, в котором готовил свои ядовитые приправы и передавал их своим эмиссарам для распространения. Один человек размышлял над этими историями, пока не убедился, что дикие ночи его фантазии - реальность. Он расположился на рыночной площади Милана и рассказал толпе, собравшейся вокруг него, следующую историю. По его словам, поздно вечером он стоял у дверей собора и, когда никого не было поблизости, увидел, как рядом с ним остановилась колесница темного цвета, запряженная шестеркой молочно-белых лошадей. За колесницей следовал многочисленный отряд прислужников в темных одеждах, восседавших на темного цвета лошадях. В колеснице сидел высокий незнакомец величественного вида; его длинные черные волосы развевались на ветру, из больших черных глаз сверкал огонь, а на губах застыл локон невыразимого презрения. Вид незнакомца был настолько возвышенным, что, взглянув на него, юноша был потрясен и задрожал от страха. Его цвет лица был намного темнее, чем у любого человека, которого он когда-либо видел, а атмосфера вокруг него была жаркой и удушливой. Он сразу понял, что перед ним существо из другого мира. Незнакомец, видя его трепет, вежливо, но величественно попросил его сесть рядом с ним. Он не мог отказаться и, не успев осознать, что движется, оказался в колеснице. Они понеслись вперед с быстротой ветра, незнакомец не произносил ни слова, пока не остановились перед дверью на центральной улице Милана. На улице было много народу, но, к его удивлению, никто не обратил внимания на необычную колесницу и ее многочисленный поезд. Из этого он заключил, что они были невидимы. Дом, у которого они остановились, оказался магазином, но внутри напоминал огромный полуразрушенный дворец. Вместе со своим таинственным проводником он прошел через несколько больших и тускло освещенных комнат. В одной из них, окруженной огромными мраморными колоннами, собрался сенат призраков, обсуждавший ход чумы. Другие части здания были погружены в кромешную тьму, освещаемую время от времени вспышками молний, благодаря которым он смог различить множество болтающих скелетов, бегающих и преследующих друг друга или играющих в чехарду за спиной друг друга. Сзади особняка находился дикий, невозделанный участок земли, посреди которого возвышалась черная скала. По ее склону с ужасающим шумом неслись поток ядовитой воды, которая, проникая сквозь почву, проникала во все городские источники и делала их непригодными для использования. После того как ему показали все это, незнакомец привел его в другую большую комнату, наполненную золотом и драгоценными камнями, и предложил ему все это, если он встанет на колени и поклонится ему, а также согласится вымазать двери и дома Милана ядовитой мазью, которую он протянул ему. Теперь он знал, что это дьявол, и в этот момент искушения молил Бога дать ему силы устоять. Его молитва была услышана, и он отказался от взятки. Незнакомец с ужасом уставился на него, над его головой раздался гром, в глазах сверкнула яркая молния, а в следующий миг он обнаружил, что стоит один на паперти собора. Он повторял эту странную историю изо дня в день, без каких-либо изменений, и все жители твердо верили в ее правдивость. Неоднократно предпринимались поиски таинственного дома, но все они были тщетны. Мужчина указал несколько похожих на него домов, которые обыскала полиция; но ни Демона моровой язвы, ни зала призраков, ни ядовитого фонтана не было найдено. Но эта идея настолько поразила умы людей, что десятки свидетелей, полубезумных от болезни, явились поклясться, что они тоже видели дьявольского незнакомца и слышали, как его

колесница, запряженная молочно-белыми конями, проносится над улицами в полночь с грохотом, превосходящим гром.

Число людей, признавшихся, что их нанял дьявол для раздачи яда, почти невероятно. В стране царило эпидемическое безумие, которое, казалось, было столь же заразным, как и чума. Воображение было в таком же беспорядке, как и тело, и день за днем люди добровольно выходили вперед, чтобы обвинить себя. Как правило, на них были следы болезни, а некоторые умирали во время исповеди.

Во время великой чумы в Лондоне в 1665 году люди с такой же жадностью слушали предсказания шарлатанов и фанатиков. Дефо говорит, что в то время люди были более пристрастны к пророчествам и астрономическим заклинаниям, снам и сказкам старых жен, чем когда-либо до или после этого. Альманахи и их предсказания ужасно пугали их. Даже за год до того, как разразилась чума, они были сильно встревожены появившейся кометой и ожидали, что за ней последуют голод, мор или пожар. Энтузиасты, пока болезнь еще не достигла больших масштабов, бегали по улицам, предсказывая, что через несколько дней Лондон будет уничтожен.

Еще более необычный случай веры в предсказания произошел в Лондоне в 1524 году. В то время город был переполнен гадалками и астрологами, к которым ежедневно обращались люди всех слоев общества за секретами будущего. Еще в июне 1523 года несколько из них единодушно предсказали, что 1 февраля 1524 года воды Темзы вздуются до такой высоты, что переполнят весь Лондон и смоят десять тысяч домов. Пророчество встретило неизменную веру. Оно повторялось с величайшей уверенностью месяц за месяцем, пока не охватила такая тревога, что многие семьи собрали свои вещи и уехали в Кент и Эссекс. По мере приближения времени число этих эмигрантов увеличивалось. В январе можно было увидеть толпы рабочих, за которыми следовали их жены и дети, бредущие пешком в деревни, расположенные в пятнадцати или двадцати милях, чтобы переждать катастрофу. Людей более высокого класса также можно было увидеть в повозках и других транспортных средствах, отправляющихся с аналогичным поручением. К середине января не менее двадцати тысяч человек покинули обреченный город, оставив лишь голые стены своих домов, которые должны были быть сметены надвигающимся наводнением. Многие из тех, кто был побогаче, поселились на высотах Хайгейта, Хэмпстеда и Блэкхита, а некоторые поставили палатки даже в Уолтхэмском аббатстве на севере и в Кройдоне на юге Темзы. Болтон, настоятель монастыря Святого Варфоломея, был настолько встревожен, что за очень большие деньги возвел в Харроу-он-хилл нечто вроде крепости, которую он снабдил провизией на два месяца. 24 января, за неделю до ужасного дня, когда должен был быть разрушен Лондон, он выехал туда с братьями и служителями приорства и всеми своими домочадцами. В его крепость на повозках доставили несколько лодок, снабженных опытными гребцами на случай, если наводнение, дошедшее до Харроу, вынудит их отправиться дальше в поисках места для отдыха. Многие богатые горожане молили разделить с ним уединение, но настоятель, проявив благоразумие, допустил только своих личных друзей и тех, кто привез запасы съестных припасов для блокады.

Наконец на востоке показалось утро, от которого зависела судьба Лондона. С раннего утра толпы людей с удивлением наблюдали за подъемом воды. Предсказывали, что затопление будет постепенным, а не внезапным, так что у людей было достаточно времени, чтобы спастись, как только они увидят, что лоно старой Темзы поднялось выше привычной отметки. Но большинство было слишком встревожено, чтобы верить в это, и считало себя в большей безопасности на расстоянии десяти или двадцати миль. Темза, не обращая внимания на толпящихся на ее берегах глупцов, текла спокойно, как и прежде. Прилив отливал в свой

обычный час, достигал своей обычной высоты, а затем снова отливал, как будто двадцать астрологов не уверяли в обратном. С наступлением вечера их лица были пустыми, и такими же пустыми становились лица горожан при мысли о том, что они выставили себя такими дураками. Наконец наступила ночь, а упрямая река все не поднимала свои воды, чтобы снести хотя бы один дом из десяти тысяч. Однако люди боялись ложиться спать. Многие сотни людей не сомкнули глаз до рассвета следующего дня, опасаясь, что потоп настигнет их, как ночной вор.

На следующий день всерьез обсуждался вопрос о том, не стоит ли утопить лжепророков в реке. К счастью для них, они придумали способ, который успокоил народную ярость. Они утверждали, что из-за ошибки (очень незначительной) в маленькой цифре они определили дату этого ужасного наводнения на целое столетие раньше. В конце концов, звезды были правы, а они, заблуждающиеся смертные, ошибались. Нынешнее поколение кокни было в безопасности, а Лондон будет смыт не в 1524, а в 1624 году. При этом объявлении Болтон-приор разобрал свою крепость, и усталые эмигранты вернулись обратно.

Очевидец великого лондонского пожара в рассказе, хранящемся среди Гарлейских рукописей в Британском музее и опубликованном в "Трудах Королевского общества антикваров", приводит еще один пример легковерия лондонцев. Автор, сопровождавший герцога Йоркского изо дня в день по району, расположенному между Флит-бриджем и Темзой, утверждает, что в их попытках остановить распространение пламени им сильно мешало суеверие жителей. Мать Шиптон в одном из своих пророчеств сказала, что Лондон превратится в пепел, и они отказывались предпринимать какие-либо усилия, чтобы предотвратить это.⁵³ Сын известного сэра Кенелма Дигби, который также претендовал на дар пророчества, убеждал их, что никакая сила на земле не сможет помешать исполнению предсказания, ибо в великой книге судеб было написано, что Лондон должен быть уничтожен. Сотни людей, которые могли бы оказать ценную помощь и спасти целые приходы от разорения, сложили руки и смотрели на происходящее. Еще столько же с меньшим сожалением отдали себя на разграбление города, который они не смогли спасти⁵⁴.

В пророчества Матери Шиптон до сих пор верят во многих сельских районах Англии. В коттеджах и залах для прислуги ее репутация велика, и она правит, самая популярная из британских пророков, среди всех необразованных или полуобразованных слоев населения. Обычно считается, что она родилась в Кнаресборо во времена правления Генриха VII и продала душу дьяволу за способность предсказывать будущие события. Хотя при жизни на нее смотрели как на ведьму, она все же избежала колдовской участи и мирно скончалась в своей постели в глубокой старости недалеко от Клифтона в Йоркшире. Говорят, что в память о ней на церковном дворе того места был воздвигнут камень со следующей эпитафией:

"Здесь лежит та, кто никогда не лгал,

Чье мастерство часто испытывали:

Ее пророчества все еще живы,

И вечно будет жить ее имя".

"Не проходило и дня, - говорится в ее традиционной биографии, - чтобы она не рассказывала что-нибудь примечательное, требующее самого серьезного рассмотрения. Люди стекались к ней издалека - так велика была ее слава. К ней шли все, и старые, и молодые, и богатые, и бедные, особенно юные девы, чтобы разрешить свои сомнения, касающиеся грядущих событий; и все возвращались удивительно довольные объяснениями, которые она давала на

их вопросы". Среди остальных был аббат Беверли, которому она предсказала подавление монастырей Генрихом VIII, его брак с Анной Болейн, костры для еретиков в Смитфилде и казнь Марии, королевы Шотландии. Она также предсказала воцарение Якова I, добавив, что вместе с ним,

"С холодного Севера

должно прийти всякое зло".

В один из последующих визитов она произнесла еще одно пророчество, которое, по мнению ее верующих, до сих пор остается неисполненным, но можно ожидать, что оно осуществится в нынешнем столетии:

"Придет время, когда моря крови

Смешаются с большим потоком.

Будет слышен великий шум, великие крики и вопли,

И моря будут греметь громче, чем небеса;

Тогда три льва сразятся с тремя и принесут

Радость народу, честь царю.

Тот огненный год скоро закончится,

И будет мир, как прежде;

Везде будет изобилие,

И люди с мечами будут пахать землю".

Но самым известным из всех ее пророчеств является одно, касающееся Лондона. Тысячи людей до сих пор с содроганием думают о бедах, которые обрушатся на это несчастное королевство, когда Лондон и Хайгейт соединятся одной сплошной линией домов. Это соединение, которое, если ярость к строительству продлится еще долго, в той же пропорции, что и раньше, должно быть вскоре осуществлено, было предсказано ею незадолго до смерти. Революции, падение могущественных монархов и пролитие большой крови должны были предвещать это событие. Сами ангелы, пораженные нашими бедами, должны отвернуть головы и оплакивать несчастную Британию.

Но как бы ни была велика слава Матери Шиптон, она занимает лишь второе место в списке британских пророков. Мерлин, могущественный Мерлин, стоит особняком в своем высоком первенстве - первый и величайший. Как поет старина Дрейтон в своем "Поли-альбионе":

"О Мерлине и его мастерстве какой край не слышит?

Мир по-прежнему будет полон Мерлином каждый год.

Тысячу томительных лет длились его пророчества,

И едва ли кончатся, пока не кончится само время".

Спенсер в своей божественной поэме дал нам мощное описание этого прославленного провидца.

"Который в магии был более пронизателен
Чем когда-либо до него, или после, живший рыцарь.
Ведь он словами мог вызвать с неба
И солнце, и луну, и заставить их повиноваться;
Сушу - в море, а море - в материк сухой,
И темную ночь он мог превратить в день.
Огромные сонмы людей он мог, один, утратить.
И людей, и подлых тварей он мог подставить,
Когда он перечислял своих врагов, чтобы сразиться с ними,
Которые и по сей день в ужасе от его имени,
дрожат, когда кто-либо из них его называет.
И успокаивают люди, говоря, что он не был сыном
Смертного сира или другого живого рыцаря,
Но чудесно рожден и рожден
По ложной иллюзии коварной волшебницы.
На прекрасной девушке монахине".

В этих стихах поэт сохранил народное поверье о Мерлине, который, как принято считать, был современником Вортигерны. Мнения о том, был ли он реальной личностью или всего лишь пародией, созданной поэтической фантазией доверчивого народа, разделились. Наиболее вероятным представляется, что такой человек действительно существовал, и что, обладая знаниями, настолько превосходящими понимание его эпохи, насколько знания монаха Бэкона были недоступны его пониманию, он был наделен удивленной толпой сверхъестественными атрибутами, которые перечислил Спенсер.

Джеффри Монмутский перевел поэтические оды или пророчества Мерлина на латинский язык; его почитали не только Джеффри, но и большинство старых летописцев. В "Жизни Мерлина, с его пророчествами и предсказаниями, истолкованными и подтвержденными нашими английскими анналами" Томаса Хейвуда, опубликованной в царствование Карла I, мы находим несколько таких притворных пророчеств. Однако, похоже, что все они были написаны самим Хейвудом. Они изложены в слишком ясных и позитивных выражениях, чтобы кто-то мог хоть на мгновение усомниться в том, что они были составлены *постфактум*. Говоря о Ричарде I, он заявляет:

"Сердце льва восстанет против сарацин,
И выкупит у него много славных наград;
Роза и лилия поначалу объединятся,
Но, разделив добычу, окажутся против. * * *
Но пока за границей совершаются эти великие деяния,

Все дела дома должны быть в беспорядке.

В клетке и в узилище Лев окажется,

Но после страданий выкуплен и освобожден".

Простодушный Томас Хейвуд серьезно сообщает нам, что все это действительно имело место. В отношении Ричарда III он не менее светел. Он заявляет:

"Горбатый монстр, который с зубами родился,

Насмешка искусства и презрение природы;

Кто из утробы нелепо извергнут,

И ногами вперед в мир устремляется,

Должен с нижней земли, на которой он стоял,

Уэйд, с каждым шагом, по колено в крови.

Он будет стремиться к вершине всех своих надежд,

И, одетый в штатское, любоваться своей уродливой формой;

Но, когда он сочтет себя в полной безопасности,

Из чужих краев приземлится родной отпрыск".

Еще одно из этих пророчеств после события говорит нам, что Генрих VIII должен забрать власть у Рима "и принести ее домой в свой британский дом"; что он должен "выкорчевать из земли все разъяренные черепа"; что он не пощадит "ни мужчину в его ярости, ни женщину в его похоти"; и что во времена его следующего преемника, кроме одного, "должны появиться фагот и кол". Мастер Хейвуд заканчивает пророчества Мерлина на его собственном дне и не дает даже намека на то, что должно было постигнуть Англию после его смерти. По его словам, в его время под именем Мерлина было распространено множество других пророчеств, помимо тех, что он цитирует, но он дает своим читателям попробовать только одно, и это следующее:

"Когда пеньки созрели и готовы к срыванию,

Тогда, англичанин, берегись своего черепа".

Это пророчество, которое, казалось бы, должно было навести его на мысль о виселице, в те времена нередкой участи лжепророков, он объясняет следующим образом: "В этом слове НЕМРЕ пять букв. Теперь, пересчитав пять последовательных принцев, начиная с Генриха VIII, это пророчество легко объяснить: Н означает короля Генриха, названного ранее; Е - Эдуарда, его сына, шестого по счету; М - Марию, которая стала его преемницей; Р - Филиппа Испанского, который, женившись на королеве Марии, участвовал вместе с ней в английской диадеме; и, наконец, Е означает королеву Елизавету, после смерти которой существовали большие опасения, что могли возникнуть какие-то проблемы с короной." Поскольку этого не произошло, Хейвуд, который был хитрым плутом в малой степени, выходит из затруднительного положения, говоря: "Однако это предзнаменование оказалось верным, хотя и не в соответствии с прежними ожиданиями; ибо после мирного вступления в должность короля Якова произошла большая смертность, не только в Лондоне, но и во всем королевстве, от которой нация не вполне очистилась через семь лет после этого".

Это не похоже на уловки Петра из Понтефракта, который предсказал смерть и низложение короля Иоанна и был повешен этим монархом за свои страдания. Очень наглядный и забавный рассказ об этом мнимом пророке приводит Графтон в своей *"Хронике Англии"*.⁵⁵ "Тем временем, - говорит он, - священники в Англии снабдили их ложным и поддельным пророком по имени Питер Уэйкфилд, йоркширец, который был отшельником, бездельником и прагматичным маршаном. И вот, чтобы привести этого Питера в доверие, а короля - в недоверие к его народу, разные вайны ежедневно разглашали среди жителей королевства, что Христос дважды являлся ему в виде младенца под руками священника, один раз в Йорке, другой раз в Помфрете; и трижды дышал на него, говоря: *"Мир, мир, мир"*, и многому научил, о чем он вскоре объявил епископам и попросил народ исправить свою непотребную жизнь. Будучи также восхищен духом, он, говорят, видел радости небесные и печали адские; ибо мало было в мире троих, говорил он, кто жил бы по-христиански".

"Этот поддельный прорицатель пророчествовал о короле Иоанне, что он будет царствовать не дольше следующего за ним дня Вознесения, что было в год Господа нашего 1211, тринадцатый год от его коронации; и это, по его словам, он получил по откровению. Тогда его спросили, должен ли он быть убит или низложен, или добровольно отдать корону? Он ответил, что не может сказать; но он был уверен, что ни он, ни кто-либо из его рода или семьи не будет царствовать после этого дня.

"Король, узнав об этом, сильно рассмеялся и лишь насмешливо произнес. "Тише!" - сказал он, - "это всего лишь идейный плут, да еще такой, которому не хватает остроумия". Но когда этот глупый пророк так избежал недовольства короля, и тот не стал больше о нем распространяться, он отправил его за границу и разглагольствовал о нем, так как он был очень праздным бродягой и болтал больше, чем нужно; так что те, кто любил короля, вскоре после этого задержали его как злоумышленника и бросили в тюрьму, а король еще не знал об этом.

"Через некоторое время слава об этом призрачном пророке распространилась по всему миру, и имя его стало известно повсюду, так как в народе очень ценится глупость, когда нет мудрости; особенно потому, что он был тогда заключен в тюрьму за это дело, слух был еще больше, их чудеса были еще желаннее, их занятия еще глупее, их занятные разговоры и другие пустые дела еще больше. Отсюда, как это свойственно грубым людям, старые сплетни расходились по свету, придумывались новые, басни складывались в басни, а небылицы росли на небылицах. Так что каждый день на короля распускали новые клеветы, и ни одна из них не была правдивой. Возникали слухи, произносились хулы, враги радовались, а священники поддерживали измены; и что ни предполагалось, или что ни делалось, все сваливалось на этого глупого пророка, как "так говорит Питер Уэйкфилд", "так пророчествовал он", "и так сбудется"; да, много раз, когда он не думал ни о чем другом. И когда наступил день Вознесения, о котором было предсказано ранее, король Джон повелел раскинуть свой королевский шатер в открытом поле и провел этот день со своей благородной свитой и почетными людьми в величайшей торжественности, какую когда-либо проводил прежде; умиротворяя себя музыкальными инструментами и песнями, наиболее заметными среди его доверчивых друзей. Когда этот день прошел во всем процветании и мире, его враги, будучи в замешательстве, превратили все в аллегорическое понимание, чтобы сделать пророчество хорошим, и сказали: "Он больше не король, потому что папа царствует, а не он". [Король Иоанн в то время находился под приговором об отлучении от церкви].

"Тогда король своим советом убедился, что этот лжепророк смутил реальность, извратил сердца людей и натравил на него общины; ибо его слова перешли через море с помощью его прелатов, дошли до слуха французского короля и дали ему большое побуждение к вторжению в страну. Никогда еще он не делал этого так ловко. Но он был жестоко обманут, как были и будут обмануты все, кто доверился столь мрачным дремам ипокритов. Поэтому король велел повесить его, а вместе с ним и его сына, чтобы больше не появлялось лжепророков из этого рода".

Хейвуд, который был большим приверженцем истинности всевозможных пророчеств, дает гораздо более благоприятный отзыв об этом Петре из Помфрета, или Понтефракта, чью судьбу он, по всей вероятности, разделит бы, если бы имел несчастье процветать в ту же эпоху. Он говорит, что Петр, который был не только пророком, но и бардом, предсказал различные бедствия короля Иоанна, которые и сбылись. Когда его обвинили в лживости пророка, предсказавшего, что король будет низложен до того, как вступит в пятнадцатый год своего правления, он смело ответил, что все сказанное им оправданно и верно, ибо, отдав свою корону папе и выплачивая ему ежегодную дань, царствовал папа, а не он. Хейвуд счел это объяснение вполне удовлетворительным, а веру пророка - навсегда утвержденной.

Но вернемся к Мерлину. О нем и по сей день можно сказать словами, которые Бернс применил к другой печально известной личности,

"Велика была его сила и велика его слава;

Far kened and noted is his name."

Его репутация ни в коем случае не ограничивается страной, где он родился, а распространяется на большинство народов Европы. Очень любопытный том его жизни, пророчеств и чудес, написанный, как предполагают, Робером де Босроном, был напечатан в Париже в 1498 году, в котором говорится, что сам дьявол был его отцом, и что он заговорил в тот момент, когда он родился, и заверил его мать, очень добродетельную молодую женщину, что она не должна умереть в родах с ним, как предсказывали ее недоброжелательные соседи. Судья района, узнав о столь чудесном происшествии, вызвал мать и ребенка к себе, и они явились в тот же день. Чтобы как можно лучше проверить мудрость юного пророка, судья спросил его, знает ли он своего отца? На что младенец Мерлин ответил ясным, звучным голосом: "Да, мой отец - Дьявол, и я обладаю его силой и знаю все, что было, есть и будет". Его поклонник в изумлении захлопал в ладоши и принял благоразумное решение не приставать к столь ужасному ребенку и его матери.

Ранняя традиция приписывает строительство Стоунхенджа силе Мерлина. Считалось, что по его приказу эти могучие камни пронесли по воздуху от Ирландии до Солсберийской равнины, и он установил их в том виде, в котором они стоят сейчас, чтобы навсегда увековечить несчастную судьбу трехсот британских вождей, которые были убиты на этом месте саксами.

В Абергвилли, недалеко от Кармартена, до сих пор можно увидеть пещеру пророка и место его заклинаний. Как прекрасно ее описание, данное Спенсером в его "Королеве фаэри"! Эти строки не нуждаются в извинении за их повторение здесь, и любой очерк о великом пророке Британии был бы неполным без них:

"Там мудрый Мерлин, по обычаю (говорят они)

Сделать свою победу под землей,

В глубокой впадине, вдали от дневных глаз,
Чтобы ни один живой рыцарь его не нашел,
И тогда он советовался со своими духами, окруженными кругом.
И если тебе когда-нибудь случится тем же путем
отправитесь в путь, посмотрите на это ужасное место;
Говорят, это ужасная, полая пещера,
Под скалой, что лежит на небольшом расстоянии
От стремительного Барри, стремительно несущегося вниз.
Среди лесистых холмов Диневура;
Но не смейте, я обвиняю, ни в коем случае,
Входить в тот же страшный чертог,
Из страха, что жестокие изверги сожрут тебя!
Но, встав высоко над землей, смирно лежишь ты,
И там такой жуткий шум железных цепей
И медных каудронов ты услышишь шум,
Который тысяча спрайтов с долгой болью
Чтоб ошеломить твой слабый мозг;
И часто стоны и тяжкие муки,
Когда слишком огромная одежда и труд сковывают их;
И часто громкие удары и звонкие звуки
Из-под глубокой скалы ужасно раздаются.
Причина, говорят, вот в чем. За некоторое время
Перед смертью Мерлин задумал
Медную стену по компасу возвести
О Кайре Мердине, и повелел
Этим спрайтам довести дело до конца;
Во время этой работы Леди Озера,
Которую он давно любил, за ним поспешно послала,
Которая тем самым заставила его рабочих оставить работу,
И до его возвращенья их труд не ослабевал.
Тем временем, по следу той лживой девицы,

Он был застигнут врасплох и погребен под березой,
И больше никогда не возвращался к своей работе;
Тем не менее эти изверги не могут запретить ему работать,
Так сильно боятся они его повелений,
Но там день и ночь они трудились и работали,
Пока не воздвигнут медной стены "56.

Среди других английских пророков, вера в силу которых не была полностью изжита светом прогресса знаний, - Роберт Никсон, чеширский идиот, современник матушки Шиптон. В народных преданиях об этом человеке говорится, что он родился от бедных родителей недалеко от Вейл-Ройала, на краю леса Деламер. Его приучили к плугу, но он был настолько невежественен и глуп, что из него ничего нельзя было сделать. Все считали его необратимо безумным и не обращали внимания на странные, не связанные между собой рассуждения, которые он вел. Считается, что многие из его пророчеств были утеряны именно таким образом. Но не всегда им суждено было пропасть для тупых и невнимательных ушей. Произошел случай, который привлек к нему внимание и закрепил за ним славу пророка первой величины. Он пахал на поле, как вдруг остановился и с диким видом и странным жестом воскликнул: *"Сейчас, Дик! Сейчас, Гарри! О, плохо сделано, Дик! О, молодец, Гарри! Гарри выиграл день!"* Его товарищи по работе в поле не знали, что и думать об этой рапсодии; но следующий день прояснил загадку. Посыльный в спешке принес известие, что в тот самый момент, когда Никсон произносил эти слова, Ричард III был убит в битве при Босворте, а Генрих VII провозглашен королем Англии.

Вскоре слава о новом пророке достигла ушей короля, который выразил желание увидеть его и побеседовать с ним. Соответственно, был отправлен гонец, чтобы доставить его ко двору; но еще задолго до того, как Никсон достиг Чешира, он знал и боялся почестей, которые его ожидали. Рассказывали, что в тот самый момент, когда король высказал свое желание, Никсон сверхъестественным образом узнал о нем, и что он бежал по городу Овер в великом смятении духа, выкрикивая, как безумный, что Генрих послал за ним и что он должен явиться ко двору и быть *зажатым*, то есть уморенным голодом до смерти. Эти слова вызвали немалое удивление; но на третий день прибыл гонец и доставил его ко двору, оставив в памяти добрых жителей Чешира впечатление, что их пророк был одним из величайших, когда-либо рожденных. По прибытии король Генрих оказался крайне обеспокоен потерей ценного алмаза и спросил Никсона, не может ли тот сообщить ему, где его можно найти. Генрих сам спрятал бриллиант, чтобы проверить мастерство пророка. Велико же было его удивление, когда Никсон ответил ему словами старой пословицы: *"Кто прячет, тот находит"*. С этого момента король безоговорочно поверил в то, что он обладает даром пророчества, и приказал записывать все его слова.

Все время своего пребывания при дворе он постоянно боялся умереть от голода и неоднократно говорил королю, что такова будет его судьба, если ему не позволят уехать и вернуться в свою страну. Генрих не стал этого терпеть и отдал строгий приказ всем своим офицерам и поварам давать ему столько еды, сколько он захочет. Он жил так хорошо, что некоторое время казалось, что он процветает, как дворянский управляющий, и толстеет, как олдермен. Однажды король отправился на охоту, когда Никсон прибежал к воротам дворца и на коленях стал просить, чтобы его не оставляли голодать. Король рассмеялся и, призвав

офицера, велел ему особенно заботиться о пророке во время его отсутствия, а сам ускакал в лес. После его отъезда дворцовые слуги стали насмехаться и оскорблять Никсона, к которому, по их мнению, относились гораздо лучше, чем он того заслуживал. Никсон пожаловался офицеру, который, чтобы предотвратить дальнейшие издевательства над ним, запер его в собственной каморке короля и регулярно приносил ему четырехразовое питание. Но случилось так, что от короля к этому офицеру прибыл гонец, требующий его немедленного присутствия в Винчестере по делу жизни и смерти. Он так спешил исполнить приказ короля, что сел на коня позади гонца и ускакал, не оставив и мысли о бедном Никсоне. Вернулся он только через три дня, когда, впервые вспомнив о пророке, отправился в царскую опочивальню и нашел его лежащим на полу, уморенным голодом, как тот и предсказывал.

Среди его пророчеств, которые, как считается, исполнились, есть следующие, относящиеся к временам Претендента:

"В Англию придет великий человек,

Но сын короля

Отнимет у него победу".

"Вороны выпьют кровь многих вельмож,

И Север восстанет против Юга".

" Северный ворон будет обращен в бегство,

А его перо будет выщипано за его гордость,

Чтоб он чуть не проклял тот день, когда родился".

Все это, говорят его поклонники, ясно, как солнце в полдень. Первое означает поражение принца Карла Эдуарда в битве при Куллодене от герцога Камберленда, второе - казнь лордов Дервентуотера, Балмерино и Ловата, а третье - отступление претендента от берегов Британии. Среди пророчеств, которым еще предстоит исполниться, есть следующие:

"Между седьмым, восьмым и девятым,

В Англии будут видны чудеса;

Между девятью и тринадцатью

Все печали будут исполнены".

"На наши деньги и с помощью наших людей

Начнется страшная война.

Между серпом и сохой

Вся Англия будет в ударе".

"Иностранные народы вторгнутся в Англию со снегом на шлемах и принесут чуму, голод и убийства в юбках своих одежд".

"Город Нантвич будет сметен наводнением".

Два первых из них пока не получили объяснения, но какое-то событие, несомненно, будет переиначено так, чтобы соответствовать им. Третье, касающееся вторжения в Англию народа со снегом на шлемах, по мнению старушек, ясно предвещает грядущую войну с Россией. Что касается последнего, то в упомянутом городе найдется не мало тех, кто свято верит, что именно такая судьба его ждет. К счастью для их спокойствия, пророк ничего не сказал о годе, который должен был стать свидетелем ужасного бедствия, так что они считают, что это произойдет с такой же вероятностью через два столетия, как и сейчас.

Популярные биографы Никсона завершают свой рассказ о нем словами, что "его пророчества некоторые считают баснями, но по тому, что произошло, теперь думается, и очень ясно видно, что большинство из них оказались или окажутся правдой; поэтому мы во всех случаях должны не только прилагать все наши силы, чтобы отразить силой наших врагов, но и воздерживаться от нашего заброшенного и злого образа жизни, и постоянно молить Бога о защите и безопасности". На это, хотя это и *не является логическим продолжением*, каждый воскликнет: "Аминь!"

Кроме пророков, были составители альманахов Лилли, Бедный Робин, Партридж и врач Фрэнсис Мур в Англии и Мэтью Лаэнсберг во Франции и Бельгии. Но как бы ни были велики их притязания, они были самой скромностью по сравнению с Мерлином, Шиптоном и Никсоном, которые задумывались о более высоких вещах, чем погода, и не были настолько сдержаны, чтобы пророчествовать только на один год за раз. После таких пророков вряд ли стоит упоминать составителей альманахов, даже знаменитого Партриджа, чьи предсказания взбудоражили всю Англию в 1708 году, и чья смерть еще при жизни была так приятно и удовлетворительно доказана Исааком Бикерстафом. Антиклимат был бы слишком ощутимым, и о них и их делах лучше не вспоминать.

ДОМ МАТУШКИ ШИПТОН.⁵⁷

ГАДАНИЕ.

Содержание

А люди все еще пытаются предугадать

Замыслы судьбы;

Обращаются к волшебникам, чтобы те предсказали.

Что будет и что не будет никогда.

Гудибрас, часть iii. канто 3.

В соответствии с изложенным планом мы переходим к рассмотрению тех глупостей, в которые людей завело их страстное желание пронзить густую тьму будущего. Сам Бог, руководствуясь своими мудрыми целями, не раз приоткрывал непроницаемую завесу, окутывающую эти ужасные тайны; и, руководствуясь столь же мудрыми целями, он постановил, что, за исключением этих случаев, невежество должно быть нашим уделом навеки. Счастье человека в том, что он не знает, что принесет утро; но, не зная об этом великом благе, он во все века самонадеянно пытался проследить события нерожденных веков и предугадать ход времени. Он превратил это предположение в исследование. Он разделил ее на науки и системы, которым нет числа, и потратил всю свою жизнь на тщетные поиски. Ни по одному вопросу не было так легко обмануть мир, как по этому. В каждой груди в большей или меньшей степени живет любопытство, которое можно победить только долгим самоанализом и твердой уверенностью в том, что будущее не будет скрыто от наших глаз, если будет правильно, если мы будем с ним знакомы.

В основе всех наших необоснованных представлений в этом отношении лежит чрезмерное мнение о собственной значимости в масштабах творения. Как льстит человеческой гордыне мысль о том, что звезды в своем движении следят за ним и указывают своими движениями и аспектами на радости или горести, которые его ожидают! Он, менее пропорциональный Вселенной, чем невидимые насекомые, которые мириадами кормятся на летнем листе, по сравнению с самим этим огромным шаром, воображает, что вечные миры были созданы главным образом для того, чтобы предсказывать его судьбу. Как бы мы пожалели высокомерие червя, ползающего у наших ног, если бы узнали, что он тоже желает знать тайны будущего и воображает, что метеоры падают в небо, чтобы предупредить его о том, что рядом затаилась синица, чтобы сожрать его; что бури и землетрясения, революции империй или падение могущественных монархов происходят только для того, чтобы предсказать его рождение, прогресс и упадок! Ничуть не менее самонадеянным показал себя человек; ничуть не менее высокомерными являются так называемые науки - астрология, авгуры, некромантия, геомантия, пальмия и всевозможные гадания.

Если оставить в стороне оракулы языческой древности и религиозные предсказания в целом и ограничиться только теми, кто в наше время наиболее ярко проявил себя в предсказании будущего, то мы обнаружим, что XVI и XVII века были золотым веком этих самозванцев. Многие из них уже упоминались в качестве алхимиков. Объединение этих двух притязаний не вызывает удивления. Следовало ожидать, что те, кто взял на себя столь нелепую власть, как продление жизни человека на несколько столетий, должны были в то же время претендовать на предсказание событий, которые должны были ознаменовать этот сверхъестественный период существования. Мир с такой же готовностью поверил бы, что они открыли все тайны, как и в то, что они открыли только одну. Самые знаменитые

астрологи Европы три века назад были алхимиками. Агриппа, Парацельс, доктор Ди и росикрусианцы - все они делали такой же упор на знание грядущих дней, как и на претензии на обладание философским камнем и эликсиром жизни. В их время идеи чудесного, дьявольского и сверхъестественного были распространены как никогда ранее. По всеобщему мнению, дьявол или звезды постоянно вмешивались в дела людей; и с теми и с другими нужно было советоваться, соблюдая соответствующие церемонии. Те, кто был меланхоличного и мрачного нрава, предавались некромантии и колдовству; те, кто был более весел и устремлен, посвящали себя астрологии. Последняя наука поощрялась всеми монархами и правительствами той эпохи. В Англии, начиная со времен Елизаветы и заканчивая эпохой Вильгельма и Марии, судебная астрология была в большом почете. В этот период процветали доктора Ди, Лэмб и Форман, а также Лилли, Букер, Гэдбери, Эванс и десятки безымянных самозванцев в каждом крупном городе и деревне страны, которые занимались предсказаниями нативов, помогали в возвращении украденных вещей, предсказывали счастливые или несчастливые браки, предсказывали, будут ли путешествия благополучными, и отмечали удачные моменты для начала любого предприятия, от открытия сапожной мастерской до похода армии. Люди, которые, говоря словами Батлера, делали

"Торгуют мрачными советами Судьбы,

И мудрым мнением луны торгуют";

К которым все люди, далекие и близкие

По важным делам обращались",

Когда медные и оловянные горшки сбивались с пути,

И льняные сбились с пути".

ГЕНРИ ЭНДРЮС, ОРИГИНАЛ "ФРАНСИС МУР".

В книге Лилли "Мемуары о его жизни и временах" есть много заметок о низкопробных шарлатанах, которых тогда было много и на которых он смотрел с глубоким презрением; не потому, что они были астрологами, а потому, что они унижали это благородное искусство, беря плату за возвращение украденного имущества. Из "Гудибраса" Батлера и его любопытных примечаний мы можем узнать, какое огромное количество этих людей жило за счет доверчивости человечества в тот век колдовства и дьявольщины. Даже в наши дни, насколько велика репутация составителей альманахов, которые носят имя Фрэнсиса Мура! Но во времена Карла I и Содружества самые ученые, самые знатные и самые выдающиеся личности не стеснялись обращаться к астрологам самым открытым образом. Лилли, которого Батлер увековечил под именем Сидрофела, рассказывает, что он предложил

написать работу под названием "Введение в астрологию", в которой он убедил бы все королевство в законности этого искусства. Многие солдаты были за это, говорит он, и многие из партии независимых, а также множество достойных людей в Палате общин, его убежденных друзей и способных принять его участие в борьбе с пресвитерианами, которые заставили бы замолчать его предсказания, если бы могли. После этого он привел свой план в исполнение и, когда его книга была опубликована, вместе с другим астрологом по имени Букер отправился в штаб-квартиру парламентской армии в Виндзоре, где их радушно приняли и устроили пир в саду, где жил генерал Фэрфакс. После этого их представили генералу, который принял их очень любезно и прокомментировал некоторые из их предсказаний. Он надеялся, что их искусство законно и соответствует Слову Божьему, но сам его не понимал. Однако он не сомневался, что оба астролога боятся Бога, и поэтому был о них хорошего мнения. Лилли заверил его, что астрология вполне согласуется с Писанием, и уверенно предсказал на основании своих знаний о звездах, что парламентская армия повергнет всех своих врагов. Во время протектората Оливера этот шарлатан сообщает нам, что писал достаточно свободно. Он стал независимым, и все солдаты были его друзьями. Когда он отправился в Шотландию, то увидел солдата, который стоял перед армией с книгой пророчеств в руках и восклицал нескольким ротам, когда они проходили мимо него: "Слушай, что говорит Лилли: в этом месяце вам обещана победа! Сражайтесь, храбрые парни! А потом прочтите предсказание на этот месяц!"

После великого лондонского пожара, который, по словам Лилли, он предсказал, к нему обратился комитет палаты общин, назначенный для расследования причин бедствия. В свою книгу "Монархия или не монархия", опубликованную в 1651 году, он вставил иероглифическую табличку, изображающую с одной стороны людей в накидках, копающих могилы, а с другой - большой город, охваченный пламенем. После большого пожара кто-то из разумных членов законодательного собрания вспомнил о книге Лилли, и, упомянув о ней в доме, было решено вызвать астролога. Лилли явился на заседание, и сэр Роберт Брук объяснил ему причину вызова и призвал рассказать, что ему известно. Это была редкая возможность для тщеславного Лилли похвастаться своими способностями, и он начал длинную речь в похвалу себе и своей претенциозной науке. Он сказал, что после казни Карла I ему очень хотелось узнать, что с этого времени может произойти с парламентом и нацией в целом. Поэтому он обратился к звездам и убедился в этом. Результат своего суждения он изложил в эмблемах и иероглифах, без каких-либо комментариев, чтобы истинный смысл был скрыт от пошлых людей и ясен только мудрым; в этом он подражал многим мудрым философам, которые поступали подобным образом.

"Предвидел ли ты год пожара?" - спросил один из участников. "Нет, - ответил Лилли, - и не желал. Об этом я ничего не знал". После дальнейшей беседы члены дома пришли к выводу, что ничего не могут добиться от астролога, и уволили его с большой вежливостью.

Одного примера объяснения пророчества, данного Лилли и рассказанного им с большим самодовольством, будет достаточно, чтобы показать, какого рода дрянь он навязывал миллиону. "В 1588 году, - говорит он, - было напечатано греческими буквами пророчество, точно расшифровывающее долгие беды английской нации с 1641 по 1660 год". И заканчивалось оно следующим образом: "И после него придет страшный мертвец, а с ним королевский G, лучшей крови в мире; и он получит корону, и поставит Англию на правильный путь, и изгонит все ереси". Ниже приводится объяснение этой оракульной нелепости:

"Монкери угасло более восьмидесяти или девяноста лет назад, а имя лорда-генерала - Монк, это мертвый человек. Королевский G или C [в греческом языке это

гамма, в латинском - С, третья буква в алфавите] - это Карл II, который по своему происхождению может быть назван представителем лучшей крови в мире".

Во Франции и Германии астрологи встречали еще большее поощрение, чем в Англии. В очень ранние века Карл Великий и его преемники обрушили на них свой гнев вместе с колдунами. Людовик XI, самый суеверный из мужчин, содержал их при своем дворе в большом количестве, а Екатерина Медичи, самая суеверная из женщин, почти никогда не бралась за какое-либо важное дело, не посоветовавшись с ними. В основном она благоволила к своим соотечественникам, и за то время, пока она правила Францией, страну заполнили итальянские фокусники, некроманты и гадалки всех мастей. Но главным астрологом того времени, вне всякого сомнения, был знаменитый Нострадамус, врач ее мужа, короля Генриха II. Он родился в 1503 году в городе Сен-Реми в Провансе, где его отец был нотариусом. Он не приобрел особой славы до пятидесяти лет, когда его знаменитые "Столетия", сборник стихов, написанных на неясном и почти неразборчивом языке, начали привлекать внимание. О них так много говорили в 1556 году, что Генрих II решил пристроить столь искусного человека к себе на службу и назначил его своим врачом. В биографической справке о нем, приложенной к изданию его "Великих веков", опубликованному в Амстердаме в 1668 году, нам сообщают, что он часто беседовал со своим царственным господином о секретах будущего и получил в награду множество великолепных подарков, помимо обычного вознаграждения за медицинские услуги. После смерти Генриха он удалился в родные места, где Карл IX нанес ему визит в 1564 году; он был настолько проникнут почтением к его чудесным знаниям о том, что должно произойти не только во Франции, но и во всем мире на сотни лет вперед, что сделал его государственным советником и собственным врачом, а также относился к нему в других вопросах с королевской либеральностью. "В общем, - продолжает его биограф, - я был бы слишком краток, если бы стал перечислять все почести, оказанные ему, и всех великих вельмож и ученых людей, которые прибыли в его дом с самых концов земли, чтобы увидеть и поговорить с ним, словно с оракулом. Многие незнакомцы приезжали во Францию не иначе как для того, чтобы посоветоваться с ним".

НОСТРАДАМУС - С ФРОНТИСПИСА К СБОРНИКУ ЕГО ПРОРОЧЕСТВ, ИЗДАННОМУ В АМСТЕРДАМЕ В 1666 ГОДУ.

Пророчества Нострадамуса состоят более чем из тысячи строф, каждая из которых состоит из четырех строк, и в полной мере столь же туманны, как и древние оракулы. Они имеют столь большую широту, как во времени, так и в пространстве, что почти наверняка исполнятся где-нибудь в течение нескольких веков. Немного изобретательности, подобной той, что проявил Лилли в своем объяснении о генерале Монке и ужасном мертвеце, может легко заставить события соответствовать некоторым из [них](#)⁵⁸.

Он и по сей день пользуется огромной популярностью во Франции и валлонских землях Бельгии, где старые фермерские жены обращаются к нему с большим доверием и усердием.

Екатерина Медичи была не единственной представительницей своего знаменитого дома, которая посещала астрологов. В начале пятнадцатого века во Флоренции жил человек по имени Базиль, который славился на всю Италию своим умением пронзть тьму будущего. Говорят, что он предсказал Космо ди Медичи, тогда еще частному лицу, что тот достигнет высокого положения, поскольку асцендент его рождения был украшен теми же благоприятными аспектами, что и у Августа Цезаря и императора Карла V.⁵⁹ Другой астролог предсказал смерть принца Александра ди Медичи; он так подробно и детально описал все обстоятельства, что его заподозрили в том, что он в основном способствовал исполнению своего собственного пророчества - очень распространенный прием у этих людей для поддержания своего авторитета. Он уверенно предсказал, что принц умрет от руки своего знакомого, человека стройного телосложения, с маленьким лицом, смуглым цветом кожи и удивительной неразговорчивостью. Так впоследствии и случилось: Александр был убит в своих покоях своим кузеном Лоренцо, который в точности соответствовал

вышеприведенному описанию.⁶⁰ Автор Hermippus Redivivus, рассказывая эту историю, склоняется к мнению, что астролог не был виновен в преступлении, но был нанят кем-то из друзей принца Александра, чтобы предупредить его об опасности.

Гораздо более примечательна история астролога, жившего в Романье в XV веке, которого звали Антиох Тиберт.⁶¹ В те времена почти все мелкие государи Италии держали у себя на службе таких людей; и Тиберт, с большим успехом изучивший математику в Париже и сделавший множество предсказаний, некоторые из которых, будучи догадками, не были лишены проницательности, был принят в дом Пандольфо ди Малатеста, государя Римини. Его репутация была столь велика, что в его кабинет постоянно стекались либо посетители - знатные особы, либо клиенты, приходившие к нему за советом; за короткое время он приобрел значительное состояние. Несмотря на все эти преимущества, он прожил свою жизнь жалко и закончил ее на эшафоте. После этого в обращение попала следующая история, которая часто с триумфом приводилась последующими астрологами в качестве неопровержимого доказательства истинности их науки. Говорили, что задолго до смерти он произнес три замечательных пророчества: одно касалось его самого, другое - его друга, а третье - его покровителя, Пандольфо ди Малатесты. Первое из них относилось к его другу Гвидо ди Боньи, одному из величайших капитанов того времени. Гвидо очень хотел узнать свою судьбу и так упрашивал Тибертуса, что тот посоветовался со звездами и линиями на ладони, чтобы удовлетворить его. После этого он со скорбным лицом сказал ему, что, согласно всем правилам астрологии и пальмиры, он должен быть ложно заподозрен своим лучшим другом и в результате лишиться жизни. Тогда Гвидо спросил астролога, может ли он предсказать его собственную судьбу, на что Тибертус снова обратился к звездам и выяснил, что ему от вечности предписано закончить свои дни на эшафоте. Малатеста, услышав эти предсказания, столь маловероятные, по всей видимости, чтобы оказаться правдой, пожелал, чтобы астролог предсказал и его судьбу и ничего от него не скрывал, какой бы неблагоприятной она ни была. Тиберт подчинился и сказал своему покровителю, в то время одному из самых процветающих и могущественных князей Италии, что тот должен испытывать большую нужду и в конце концов умереть как нищий в общей больнице Болоньи. Так и случилось во всех трех случаях. Гвидо ди Боньи был обвинен собственным тестем, графом ди Бентивольо, в изменническом замысле отдать город Римини папским войскам, после чего был убит по приказу тирана Малатеста, когда сидел за обеденным столом, куда был приглашен по видимой дружбе. В то же время астролог был брошен в тюрьму, как причастный к измене своего друга. Он попытался бежать и успел спуститься из окна темницы в ров, когда его обнаружили часовые. Об этом доложили Малатесте, и он отдал приказ о его казни на следующее утро.

В это время Малатеста уже не помнил о пророчестве, и его собственная судьба не вызывала у него беспокойства, но события безмолвно исполняли его. Был составлен заговор, хотя Гвидо ди Боньи не был в нем виновен, с целью отдать Римини папе; все необходимые меры были приняты, и город был захвачен графом де Валентинуа. В этой суматохе Малатеста едва успел скрыться из своего дворца, переодевшись. Его преследовали с места на место враги, его бросили все бывшие друзья, и, наконец, его собственные дети. В конце концов он заболел чахоточной болезнью в Болонье, и, поскольку никто не позаботился предоставить ему убежище, его отвезли в больницу, где он и умер. Единственное, что умаляет интерес этой удивительной истории, - это тот факт, что пророчество было сделано после события.

За несколько недель до рождения Людовика XIV астролог из Германии, за которым послали маршала де Бассомпьера и других придворных вельмож, поселился во дворце, чтобы в любой момент быть готовым составить гороскоп будущего государя Франции. Когда у

королевы начались роды, его проводили в соседние апартаменты, чтобы он мог получить извещение о том, как только ребенок появится на свет. Результатом его наблюдений стали три слова: *diu, durè, feliciter*, означающие, что новорожденный принц должен жить и царствовать долго, с большим трудом и с великой славой. Никакого более благоприятного предсказания нельзя было ожидать от астролога, которому нужно было добывать хлеб, и который в то же время был придворным. В память об этом событии была отчеканена медаль, на одной стороне которой было изображено рождение принца, представляющее его за рулем колесницы Аполлона, с надписью "Ortus solis Gallici" - восход галльского солнца.

Лучшим оправданием астрологии, которое когда-либо приводилось в пример, было высказывание великого астронома Кеплера, который сам не желал заниматься этим искусством.

К нему неоднократно обращались друзья с просьбой составить для них нативы, и он обычно давал положительный отказ тем, кого не боялся обидеть своей откровенностью. В других случаях он приспособлялся к преобладающему заблуждению. Посылая копию своих "Эфемерид" профессору Герлаху, он писал, что *это всего лишь бесполезные предположения*; но он был вынужден посвятить себя им, иначе он бы умер с голоду. "Вы, мудрые философы, - восклицал он в своем "Tertius Interveniens", - вы порицаете эту дочь астрономии сверх ее достоинства! Разве вы не знаете, что она должна поддерживать свою мать своими чарами? Скучное вознаграждение астронома не обеспечило бы его хлебом, если бы люди не надеялись прочесть будущее на небесах".

Некромантия, наряду с астрологией, была притворной наукой, к которой чаще всего прибегали те, кто хотел заглянуть в будущее. Самым ранним из зафиксированных случаев является случай с ведьмой из Эндора и духом Самуила. Почти все народы древности верили в возможность вызова ушедших призраков для раскрытия ужасных тайн, которые Бог открыл развоплощенным людям. Классический читатель сразу же найдет множество отрывков, связанных с этой темой; но ни в одной стране это искусство не применялось открыто. Все правительства смотрели на него как на преступление глубочайшего пошиба. В то время как астрология поощрялась, а ее профессора обхаживались и вознаграждались, некроманты повсеместно осуждались на кол или виселицу. Роджер Бэкон, Альбертус Магнус, Арнольд из Вильнёва и многие другие были обвинены общественным мнением многих веков в том, что они вмешивались в эти неблагоприятные дела. Так глубоко укоренилось народное заблуждение в отношении обвинений такого рода, что ни одно преступление не было опровергнуто с таким трудом и сложностью. О том, что оно встретило большое поощрение, свидетельствует огромное количество претендентов на него, которые, несмотря на опасность, существовали во все века и во всех странах.

Геомантия, или искусство предсказывать будущее с помощью линий, кругов и других математических фигур, начерченных на земле, до сих пор широко практикуется в азиатских странах, но почти неизвестна в Европе.

Гадание по полету или внутренностям птиц, столь излюбленное занятие римлян, в Европе, как и прежде, взорвано. В настоящее время самыми усердными его приверженцами являются отвратительные бандиты Индии.

Гадания, которых существует множество, могут похвастаться более устойчивой репутацией. Оно властвует над умами людей с самых ранних периодов истории, и, по всей вероятности, существует вместе с самим временем. Его в равной степени практиковали евреи, египтяне, халдеи, персы, греки и римляне; оно одинаково известно всем современным народам во всех частях света и не является незнакомым для необученных племен, которые бродят в

диких местах Африки и Америки. Гадания, практикуемые в цивилизованной Европе в настоящее время, в основном основаны на картах, чайной чашке и линиях на ладони. Только цыгане занимаются этим; но есть тысячи и десятки тысяч скромных семей, в которых хорошая жена и даже хороший человек обращаются к земле на дне чайной чашки, чтобы узнать, будет ли следующий урожай обильным или свиноматка принесет многочисленный приплод; и в которых молодые девы обращаются туда же, чтобы узнать, когда они выйдут замуж и будет ли выбранный ими мужчина темным или светлым, богатым или бедным, добрым или жестоким. Гадание на картах, столь любимое современными людьми, - это, конечно, современная наука, поскольку карты не могут похвастаться древностью более четырехсот лет. Гадание на ладони, в которое так уверенно верит половина деревенских девушек в Европе, имеет более древнюю историю и, похоже, было известно египтянам во времена патриархов; также как и гадание на чаше, которое, как нам сообщается в Бытие, практиковал Иосиф. Гадание по жезлу также практиковалось египтянами. В сравнительно недавние времена считалось, что с помощью этого способа можно обнаружить спрятанные сокровища. В настоящее время в Европе эта практика, похоже, полностью изжита. Ономантия, или предсказание судьбы человека по буквам его имени и различным их перестановкам, - более современный вид гадания, но он имеет сравнительно мало сторонников.

Следующий список различных видов гаданий, которые ранее использовались, приведен Гаулем в его "Магастроманте" и процитирован в Hone's Year-Book, p. 1517.

- *Стереомантия*, или гадание по элементам.
- *Аэромантия*, или гадание по воздуху.
- *Пиромантия*, гадание по огню,
- *Гидромантия*, по воде.
- *Геомантия*, по земле.
- *Теомантия*, претендующая на гадание по откровению Духа и по Писанию, или Слову Божьему.
- *Демономантия*, с помощью дьяволов и злых духов.
- *Идоломантия*, с помощью идолов, изображений и фигур.
- *Психомантия* - по душе, привязанностям или склонностям людей.
- *Антропомантия* - по внутренностям человеческих существ.
- *Териомантия* - по зверям.
- *Орнитомантия* - по птицам.
- *Ихтиомантия* - по рыбам.
- *Ботаномантия* - по травам.
- *Литомантия* - по камням.
- *Клеромантия* - по жребию.
- *Онейромантия* - по снам.
- *Ономантия* - по именам.
- *Арифмантия* - по числам.
- *Логарифмантия* - по логарифмам.
- *Стерномантия*, по меткам от груди до живота.
- *Гастромантия* - по звуку или меткам на животе.
- *Омфаломантия*, по пупку.

- *Хиромантия* - по рукам.
- *Подомантия* - по ступням.
- *Онхиомантия* - по ногтям.
- *Цефалеономантия* - по головам ослов.
- *Тефромантия* - по пеплу.
- *Капномантия*, по дыму.
- *Книссомантия* - по сжиганию ладана.
- *Серомантия* - по плавлению воска.
- *Леканомантия* - по тазикам с водой.
- *Катоптромантия* - по зазеркалью.
- *Чартомантия* - по письму на бумаге и по валентинкам.
- *Махаромантия* - по ножам и мечам.
- *Кристалломантия* - по кристаллам.
- *Дактиломантия* - по кольцам.
- *Коскиномантия* - по ситам.
- *Аксиномантия* - по пилам.
- *Халкомантия* - по сосудам из латуни или другого металла.
- *Спатиломантия* - по шкурам, костям и т. д.
- *Астромантия*, по звездам.
- *Сциомантия*, по теням.
- *Астрагаломантия*, по игральным костям.
- *Оиномантия* - по выжимкам из вина.
- *Сикомантия* - по фигам.
- *Тиροмантия* - по сыру.
- *Алфитомантия* - по муке, мучным изделиям или отрубям.
- *Критомантия* - по кукурузе или зерну.
- *Алектромантия* - по петухам.
- *Гиромантия* - по кругам.
- *Лампадомантия* - по свечам и лампам.

Онейрокритика, или искусство толкования снов, - пережиток самых отдаленных веков, сохранившийся во всех изменениях, которые произвели в мире моральные или физические революции. Пятитысячелетние записи свидетельствуют о повсеместном распространении веры в то, что умельцы могли читать будущее в снах. Правила этого искусства, если таковые существовали в древности, неизвестны; но в наши дни одно простое правило открывает всю тайну. Сны, говорят все мудрецы христианства, следует толковать по противоположностям. Так, если вам снится грязь, то вы приобретете что-то ценное; если вам снятся мертвые, то вы услышите новости о живых; если вам снится золото и серебро, то вы рискуете остаться без них; а если вам снится, что у вас много друзей, то вас будут преследовать многочисленные враги. Однако это правило действует не во всех случаях. Видеть во сне маленьких свиней - к счастью, а больших быков - к несчастью. Если вам приснилось, что вы потеряли зуб, то можете быть уверены, что скоро потеряете друга; если вам приснилось, что ваш дом горит, то вы получите известия из далекой страны. Если вам снятся паразиты, это знак того, что в вашей семье будет болезнь; если вам снятся змеи, у вас появятся друзья, которые со временем окажутся вашими злейшими врагами; но из всех снов наиболее удачным будет тот,

в котором вам снится, что вы по уши увязли в грязи и трясине. Чистая вода - знак печали; большие неприятности, беды и недоумения предсказываются, если вам приснится, что вы стоите голым на людных улицах и не знаете, где найти одежду, чтобы укрыться от взглядов толпы.

Во многих частях Великобритании, а также на континентах Европы и Америки в деревнях и селах можно встретить пожилых женщин, к толкованию снов которых относятся с таким же почтением, как к оракулам. В отдаленных от городов районах нередко можно увидеть, как члены семьи каждое утро регулярно рассказывают свои сны за завтраком и становятся счастливыми или несчастными на весь день в зависимости от их толкования. Нет ни одного цветка, который распускается, или плода, который созревает, и сон о котором не предвещал бы таким людям ни добра, ни зла. Каждое дерево в поле или лесу наделено подобным влиянием на судьбу смертных, если его видят в ночных видениях. Видеть во сне ясень - знак долгого путешествия, а дуб - предвещает долгую жизнь и процветание. Видеть во сне, что вы сдираете кору с любого дерева, - знак для девы приближающейся потери характера; для замужней женщины - к семейной утрате; а для мужчины - к приумножению богатства. Видеть во сне дерево без листьев - знак большой печали, а ствол без ветвей - знак отчаяния и самоубийства. Бузина более благоприятна для спящего, а ель, что еще лучше, предвещает всевозможный комфорт и процветание. Липа предсказывает путешествие через океан, а тис и ольха предвещают болезни молодым и смерть старикам.⁶² Среди цветов и плодов, несущих в себе послания на будущее, ниже приведен список наиболее важных, составленный из проверенных источников в алфавитном порядке:

- *Спаржа*, собранная и связанная в пучки, - предзнаменование слез. Если во сне вы видите ее растущей, это знак удачи.
- *Алоэ*, без цветка, предвещает долгую жизнь; в цвету, предвещает наследство.
- *Артишоки*. Этот овощ - знак того, что в скором времени вы получите благосклонность из рук тех, от кого меньше всего этого ожидали.
- *Аgrimония*. Эта трава означает, что в вашем доме будет болезнь.
- *Анемона* предсказывает любовь.
- *Аурикулы* в клумбах означают удачу, в горшках - брак, а собирать их - предвещает вдовство.
- *Черника* предсказывает приятную экскурсию.
- *Цветы-метлы* - увеличение семьи.
- *Цветы цветной капусты* предсказывают, что все ваши друзья будут пренебрегать вами, или что вы впадете в нищету и не найдете никого, кто бы вас пожалел.
- *Док-листья* - подарок из деревни.
- *Нарциссы*. Деву, которой приснились нарциссы, добрый ангел предупреждает, чтобы она не ходила со своим возлюбленным в лес или в любое темное или уединенное место, где ее могут не услышать, если она закричит. Увы, если она не обратит внимания на это предупреждение!
- "Никогда больше она не наденет гирлянду;

Вместо нее она будет носить печальный кипарис,

И горький бузин, сорванный с ветвей".

- *Фиги*, если они зеленые, означают смущение; если сушеные - деньги для бедных и веселье для богатых.
- *Сердечная легкость* означает сердечную боль.
- *Лилии* предсказывают радость; *водяные лилии* - опасность со стороны моря.
- *Лимоны* предвещают разлуку.
- *Гранаты* предсказывают счастливый брак тем, кто не женат, и примирение тем, кто состоит в браке и имеет разногласия.
- *Квинсы* предсказывают приятную компанию.
- *Розы* обозначают счастливую любовь, не смешанную с печалью из других источников.
- *Щавель*. Видеть во сне эту траву - знак того, что в скором времени вам придется проявить все свое благоразумие, чтобы преодолеть какое-то большое бедствие.
- *Подсолнухи* указывают на то, что ваша гордость будет глубоко уязвлена.
- *Фиалки* предсказывают зло холостым и радость женатым.
- *Желтые цветы* любого вида предсказывают ревность.
- *Ягоды тиса* предсказывают потерю характера для обоих полов.

Следует отметить, что правила толкования снов далеко не универсальны. Щеки английской крестьянки утром светятся от удовольствия после того, как ей приснилась роза, в то время как *пайсан* из Нормандии боится разочарований и досады по той же самой причине. Швейцарец, увидевший во сне дуб, не разделяет радости англичанина, ибо считает, что это видение было предупреждением о том, что по какой-то пустяковой причине на него обрушится непреодолимое бедствие. Так мучаются невежественные и легковерные люди; так они расставляют свои сети, чтобы поймать досаду, и проводят свою жизнь между надеждами, которые не имеют никакой ценности, и страхами, которые являются положительным злом.

Приметы. Среди других средств самовнушения, на которые натываются люди в тщетной надежде узнать будущее, знаки и предзнаменования занимают особое место. В природе почти не существует явлений, которые, случаясь в определенное время, не рассматривались бы некоторыми людьми как предсказатели добра или зла. Последних больше всего, так как мы гораздо изобретательнее в самокопании, чем в поиске причин для удовольствия в окружающих нас вещах. Мы из кожи вон лезем, чтобы доставить себе неудобства; чаша жизни недостаточно горька для нашего вкуса, и мы дистиллируем лишний яд, чтобы подлить его в нее, или придумываем отвратительные вещи, чтобы напугать себя, которых никогда бы не было, если бы мы их не создавали. "Мы страдаем, - говорит [Эддисон](#)⁶³, - от пустяковых случайностей не меньше, чем от настоящих бед. Я знаю, как падение звезды портит ночной отдых, и видел, как влюбленный мужчина бледнеет и теряет аппетит из-за того, что его оторвали от веселья. Крики птиц в полночь встревожили семью больше, чем банда разбойников; более того, голос сверчка наводил больший ужас, чем рык льва. Нет ничего такого незначительного, что не показалось бы страшным воображению, переполненному предзнаменованиями и предсказаниями. Ржавый гвоздь или кривая булавка превращаются в чудеса".

За столетие с четвертью, прошедшее с момента написания Аддисоном этой книги, рухнуло множество заблуждений. Многие заблуждения и иллюзии с тех пор были раздавлены под ногами Времени; но это осталось невредимым, чтобы пугать слабоумных и опустошать их существование. Вера в приметы не ограничивается скромными и неосведомленными

людьми. Известно, что генерал, который с честью вел армию, испытывал тревогу при виде намотанного на свечу листа; а ученые мужи, которые с честью и справедливостью заслужили высшие награды литературы, бывали замечены в том, что собирали вокруг себя своих малышей и боялись, что одного из них уведут, потому что,

"Когда наступила глубокая ночь,

И тяжелый сон сомкнул смертные очи".

собака на улице завывала на луну. Люди, которые охотно признают, что вера в приметы недостойна здравомыслящего человека, в то же время признаются, что, несмотря на весь свой разум, они не могли побороть страх смерти, когда слышали, как в стене тикает безобидное насекомое, называемое часами смерти, или видели, как из огня вылетает продолговатый полый уголек.

Многие другие дурные предзнаменования, помимо упомянутых выше, тревожат вульгарных и слабых людей. Если таких людей охватывает внезапная дрожь, они верят, что в этот момент враг ступает по тому месту, которое однажды станет их могилой. Если они встречают свиноматку, когда впервые выходят утром на улицу, это предзнаменование дурного дня. Встретить осла - к несчастью. Также очень плохо пройти под лестницей; забыть съесть гуся в праздник святого Михаила; наступить на жука или съесть орехи-близнецы, которые иногда встречаются в одной скорлупе. Горе предсказано и тому, кто по неосторожности рассыплет соль; каждое опрокинутое зерно принесет ему день печали. Если за столом сидят тринадцать человек, один из них умрет в течение года; и все они будут несчастны. Из всех дурных предзнаменований это самое худшее. Веселый доктор Китченер заметил, что есть один случай, когда, по его мнению, тринадцать человек садятся за стол действительно неудачно, и это в том случае, если ужина хватает только на двенадцать. К сожалению для душевного спокойствия, подавляющее большинство людей не придерживается такого мудрого взгляда на этот вопрос. Почти во всех странах Европы преобладает то же самое суеверие, а некоторые заходят так далеко, что считают число тринадцать предзнаменованием зла и, обнаружив в кошельке тринадцать монет, выбрасывают нечетную, как нечистую вещь. Философ Беранже в своей изящной песне "Тринадцать за столом" поэтически осмыслил это унижительное суеверие и, как водится, вплел в него урок истинной мудрости. Находясь за ужином, он опрокидывает солонку и, оглядев комнату, обнаруживает, что он тринадцатый гость. Пока он оплакивает свою несчастную судьбу, навеяв видения болезней, страданий и могилы, его внезапно поражает явление самой Смерти - не в виде мрачного врага с ребрами скелета и грозным дротиком, а в виде ангела света, который показывает, как глупо мучить себя страхом перед ее приближением, когда она скорее друг, чем враг человека, и освобождает нас от оков, привязывающих нас к праху.

Если бы люди могли заставить себя смотреть на смерть именно так, живя хорошо и мудро до ее неизбежного приближения, от какого огромного количества горя и досады они бы себя избавили!

Среди добрых предзнаменований одним из самых заметных является встреча с пестрой лошадью. Встретить двух таких животных - еще большая удача; а если по такому случаю трижды сплунуть и загадать любое разумное желание, то оно исполнится в течение трех дней. Если вы случайно надели чулок изнаночной стороной наружу, это тоже знак удачи. Если вы намеренно наденете чулок таким образом, ничего хорошего из этого не выйдет. Дважды чихнуть - к удаче; но если вы чихнете в третий раз, примета потеряет свою силу, и удача прервется. Если за вами ходит незнакомая собака, ластится к вам и хочет к вам привязаться, это знак большого благополучия. Не менее удачно, если к вам в дом придет

незнакомый кот-мужчина и проявит дружеские намерения по отношению к вашей семье. Если это кошка, то это, наоборот, предзнаменование очень большого несчастья. Если в вашем саду поселился рой пчел, то вас ожидают очень высокие почести и большие радости.

Кроме этих предзнаменований, вы можете узнать о своей судьбе, внимательно прислушиваясь к каждому зуду, который вы можете почувствовать в своем теле. Так, если чешется глаз или нос, это знак того, что вас вскоре постигнет несчастье; если чешется нога - вы ступаете на чужую землю; если чешется локоть - вы смените постельного товарища. Зуд в правой руке предвещает, что скоро у вас появится денежная сумма, а в левой - что вы будете призваны ее потратить.

Это лишь некоторые из примет, которым принято верить в современной Европе. Полный список их утомил бы своей длиной и утомил бы своей абсурдностью. Еще более невыгодно было бы пытаться описать различные заблуждения того же рода, в которые верят восточные народы. Каждый читатель помнит исчерпывающую формулу проклятий, сохранившуюся в "Тристраме Шэнди": проклиная человека по любой моде, которую вы помните или можете придумать, вы непременно найдете ее там. Восточное кредо предзнаменований не менее всеобъемлюще. Каждое движение тела, каждая эмоция ума в определенное время является предзнаменованием. Каждая форма и объект в природе, даже форма облаков и изменения погоды; каждый цвет, каждый звук, будь то люди или животные, птицы или насекомые, или неодушевленные предметы, являются предзнаменованием. Нет ничего слишком пустякового или незначительного, чтобы внушить надежду, которую не стоит лелеять, или страх, которого достаточно, чтобы омрачить существование.

Из веры в приметы проистекает суеверие, которое с самых ранних веков выделяет определенные дни, как более благоприятные, чем другие, для проникновения в тайны будущего. Нижеприведенная цитата, дословно скопированная из популярной Книги снов и предзнаменований Матери Бриджит, покажет, во что верят жители Англии в наши дни. Те, кто интересуется древней историей этих примет, найдут обильную пищу в "Книге на каждый день".

"Если молодая дева, ложась спать, выпьет пинту холодной родниковой воды, в которой взбит амулет, состоящий из желтка куриного яйца, лапок паука и кожи угря, то ее будущая судьба откроется ей во сне. Этот амулет не действует, если его попробовать использовать в любой другой день года.

"День святого Валентина": пусть одинокая женщина выйдет рано утром за порог своего дома, и если первый встречный окажется женщиной, то она не выйдет замуж в этом году; если же она встретит мужчину, то выйдет замуж в течение трех месяцев.

"Женский день" - В этот день можно с успехом опробовать следующий амулет: Нанижите тридцать один орех на нитку, сделанную из красной камвольной ткани, смешанной с синим шелком, и повяжите ее на шею, ложась спать, повторяя такие строки:

"О, я хочу! О, я хочу увидеть

Кто будет моей настоящей любовью!

Вскоре после полуночи вы увидите во сне своего возлюбленного и одновременно узнаете обо всех главных событиях вашей будущей жизни.

"Канун Святого Свитина" Выберите три вещи, которые вы больше всего хотите узнать; запишите их новым пером и красными чернилами на листе тонкой бумаги, у которой предварительно нужно отрезать все уголки и сжечь их. Сложите бумагу в

настоящий любовный узел и оберните вокруг него три волоса с вашей головы. Положите бумагу под подушку на три ночи подряд, и ваше любопытство узнать будущее будет удовлетворено.

"Канун святого Марка" - отправляйтесь на ближайший церковный двор, когда часы пробьют двенадцать, возьмите с могилы на южной стороне церкви три пучка травы (чем длиннее и выше, тем лучше) и, ложась спать, положите их под подушку, убедительно повторяя три раза,

"Канун святого Марка по предсказаниям благословен,

Успокой мои надежды и страхи:

Дай мне знать судьбу мою, благо или горе;

Будет ли мой сан высок или низок;

Жить ли мне холостяком или быть невестой,

И судьбу мою звезда укажет".

Если в эту ночь вам не приснится ни одного сна, вы всю жизнь будете одиноки и несчастны. Если вам приснится гром и молния, то ваша жизнь будет сопряжена с большими трудностями и печалью.

"Сочельник" - В эту ночь (в день очищения Девы Марии) пусть три, пять, семь или девять юных дев соберутся в квадратной комнате. Повесьте в каждом углу по пучку сладких трав, смешанных с рутей и розмарином. Затем замесите пирог из муки, оливкового масла и белого сахара; каждая дева должна принять равное участие в его приготовлении и расходовании. После этого его нужно разрезать на равные куски, причем каждая отмечает кусок, когда разрезает его, инициалами своего имени. Затем его выпекают в течение часа на огне, не произнося ни слова все это время, а девы сидят, скрестив руки и колени. Каждый кусок пирога заворачивают в лист бумаги, на котором каждая дева должна написать любовную часть "Песни песней Соломона". Если она положит это под подушку, то увидит вещий сон. Она увидит своего будущего мужа и всех своих детей, а кроме того, узнает, будет ли ее семья бедной или благополучной, утешением для нее или наоборот.

"Возьмите три розы, окурите их серой и ровно в три часа дня закопайте одну из них под тисовым деревом, вторую - в только что сделанную могилу, а третью положите под подушку на три ночи, а по истечении этого срока сожгите ее в костре из древесного угля. Ваши сны в течение этого времени будут пророчествовать о вашей будущей судьбе, и, что еще более любопытно и ценно, говорит матушка Бриджит, мужчина, за которого вы выйдете замуж, не будет наслаждаться покоем, пока не придет и не навестит вас. Кроме того, вы будете вечно преследовать его сны.

"Сделайте новую подушечку для иголок из самого лучшего черного бархата (более низкий сорт не подойдет) и на одной стороне прикрепите свое имя во всю длину самыми маленькими булавками, которые только можно купить (никакие другие не подойдут). На другой стороне сделайте крест с помощью очень больших булавок и обведите его кружком. Положите это в чулок, когда будете снимать его на ночь, и повесьте у изножья кровати. Вся ваша будущая жизнь пройдет перед вами во сне.

"В первое новолуние года" возьмите пинту чистой родниковой воды, влейте в нее белок яйца, снесенного белой курицей, стакан белого вина, три миндаля, очищенных от кожуры, и столовую ложку воды из белых роз. Выпейте это, ложась

спать, не более и не менее трех порций, повторяя следующие стихи три раза ясным отчетливым голосом, но не так громко, чтобы никто не мог подслушать:

"Если мне приснится вода чистая

До наступления утра,

Это знак, что я буду беден,

И в богатстве не рожден.

Если мне приснится, что я попробовал пиво,

То будет мне веселье среднее.

С хорошим и плохим,

То радостным, то печальным;

Но если я мечтаю пить вино,

Богатство и наслаждение будут моими.

Чем крепче напиток, тем лучше настроение.

Мечты о судьбе моей, явись, явись!

"Двадцать девятое февраля" - этот день, поскольку он бывает только раз в четыре года, особенно благоприятен для тех, кто хочет заглянуть в будущее, особенно для юных дев, горящих желанием узнать внешность и цвет лица своих будущих господ. Амулет можно использовать следующим образом: Воткните двадцать семь самых маленьких булавок, которые только есть, три на три, в свечу из олова. Зажгите ее с неправильного конца, а затем поместите в подсвечник из глины, который должен быть взят из могилы девственницы. Поставьте его на камин, в левый угол, ровно в тот момент, когда часы пробьют двенадцать, и сразу же ложитесь спать. Когда свеча догорит, возьмите булавки и вставьте их в левый башмак, и до истечения девяти ночей ваша судьба будет вам открыта".

Итак, мы сделали беглый обзор различных способов узнать будущее, особенно в современной практике. Основные черты этой глупости, по сути, одинаковы во всех странах. Национальный характер и особенности вносят некоторые различия интерпретации. Альпинист делает природные явления, которые он чаще всего наблюдает, прогностическими для будущего. Житель равнин, подобным образом, пытается узнать свою судьбу по знакам окружающих его вещей и окрашивает свои суеверия в оттенки своего климата. Всеми ими движет один и тот же дух - желание узнать то, что скрывает Бесконечное Милосердие. Маловероятно, что любопытство человечества в этом отношении когда-нибудь будет полностью искоренено. Смерть и несчастье - постоянные преграды для слабоумных, нерелигиозных и невежественных людей; и пока такие существуют в мире, прорицатели будут проповедовать о их нечестивости, а философы тщетно рассуждать об их нелепости. Тем не менее очевидно, что эти глупости значительно уменьшились. Прорицатели и пророки потеряли тот кредит доверия, которым они пользовались раньше, и теперь скрываются в тайне там, где когда-то показывали свои лица в свете дня. Пока что налицо явное улучшение.

МАГНЕТИЗЕРЫ.

Содержание

Некоторые считали их удивительно мудрыми, а некоторые - безумными.

Менестрель Битти.

Чудесное влияние воображения в лечении болезней хорошо известно. Движение руки или взгляд в глаза повергают слабого и доверчивого пациента в припадок; а таблетка из хлеба, принятая с достаточной верой, излечивает лучше, чем все лекарства в фармакопее. Принц Оранский при осаде Бреды в 1625 году вылечил всех своих солдат, умирающих от цинги, с помощью филантропического шарлатанства, которое он разыграл над ними с ведома врачей, когда все другие средства оказались безуспешными.⁶⁴ Можно привести сотни подобных примеров, особенно из истории колдовства. Мумии, странная жестикуляция и варварский жаргон ведьм и колдунов, пугавшие доверчивых и нервных женщин, вызывали все те симптомы истерии и других подобных заболеваний, которые так хорошо понятны сейчас, но которые тогда считались делом рук дьявола не только жертвами и публикой в целом, но и самими операторами.

В эпоху, когда алхимия начала впадать в некоторую немилость и учиться возвышать свой голос против, новое заблуждение, основанное на этой силе воображения, внезапно возникло и нашло апостолов среди всех алхимиков. Многие из них, оставив свои старые занятия, стали магнетизерами. Он появился сначала в форме минерального, а затем

животного магнетизма, под этим названием он сохранился до наших дней, и число его жертв исчисляется тысячами.

Магнетизеры минералов претендуют на первое место, как достойные предшественники шарлатанов наших дней. Честь Парацельса как первого из росикрусиан оспаривается, но его право считаться первым из магнетизеров едва ли можно оспорить. О нем уже говорилось в той части этой работы, которая посвящена алхимии, что, как и почти все выдающиеся адепты, он был врачом и претендовал не только на изготовление золота и дарование бессмертия, но и на излечение всех болезней. Он был первым, кто, придерживаясь последней точки зрения, приписывал магниту оккультные и чудодейственные силы. Движимый, по-видимому, искренним убеждением, что магнит - это философский камень, который, если и не может трансмутировать металлы, то может успокоить все человеческие страдания и остановить прогресс распада, он много лет путешествовал по Персии и Аравии в поисках горы адаманта, столь прославленной в восточных баснях. Когда он практиковал как врач в Базеле, он назвал один из своих нострумов именем азота - камня или кристалла, который, по его словам, обладал магнитными свойствами и излечивал эпилепсию, истерию и спазматические заболевания. Вскоре у него нашлись подражатели. Его слава распространилась далеко и близко, и таким образом были посеяны первые семена того заблуждения, которое с тех пор пустило корни и расцвело так широко. Несмотря на отрицание современных практиков, этот факт следует считать происхождением магнетизма; ведь мы видим, что, начиная с Парацельса, существовала регулярная череда минеральных магнетизеров, пока не появился Месмер и не придал заблуждению новую черту.

Парацельс хвастался тем, что может *пересаживать* болезни из человеческого организма в землю с помощью магнита. Он сказал, что существует шесть способов, с помощью которых это можно сделать. Один из них будет вполне достаточным в качестве примера. "Если человек страдает от болезни, местной или общей, пусть попробует следующее средство. Возьмите магнит, пропитанный [мумием](#) и смешанный с богатой землей. В эту землю посейте несколько семян, которые имеют сходство или однородность с болезнью; затем пусть эта земля, хорошо просеянная и смешанная с мумие, будет помещена в глиняный сосуд, и пусть семена, помещенные в него, ежедневно поливаются лосьоном, в котором была омыта больная конечность или тело. Таким образом болезнь будет перенесена с человеческого тела на семена, находящиеся в земле. Сделав это, пересадите семена из глиняного сосуда в землю и подождите, пока они не начнут прорасти в травы; по мере их роста болезнь будет уменьшаться, а когда они достигнут своего полного роста, она исчезнет совсем".

Иезуит Кирхер, чья ссора с алхимиками стала средством разоблачения многих их самозванств, твердо верил в действенность магнита. Когда к нему обратился пациент, страдающий грыжей, он велел ему проглотить маленький магнит, измельченный в порошок, и в то же время приложил к наружной опухоли припарку из железных опилок. Он ожидал, что таким образом магнит, попав в соответствующее место внутри, притянет железо, а вместе с ним и опухоль, которая, по его словам, будет безопасно и быстро уменьшена.

По мере распространения новой доктрины магнетизма выяснилось, что раны, нанесенные любым металлическим веществом, могут быть излечены магнитом. Со временем это заблуждение настолько усилилось, что стало считаться, что достаточно намагнитить меч, чтобы вылечить любую рану, которую этот меч мог нанести! Так возникла знаменитая "оружейная мазь", которая привлекла к себе столько внимания в середине семнадцатого века. Парацельс дал следующий рецепт для лечения любых ран, нанесенных острым оружием, за исключением тех, которые были нанесены в сердце, мозг или артерии.

"Возьмите мох, растущий на голове вора, которого повесили и оставили на воздухе; настоящую мумию; человеческую кровь, еще теплую - по одной унции; человеческое сало - две унции; льняное масло, скипидар и армянский лык - по две драхмы. Все хорошо перемешайте в ступке и храните мазь в продолговатой узкой урне". Этой мазью оружие, обмакнув в кровь из раны, тщательно помазали, а затем положили в прохладное место. В это время рану надлежало промыть чистой водой, накрыть чистой, мягкой, льняной тряпкой и раз в день открывать, чтобы удалить гной и другие вещества. В успехе этого лечения, пишет автор толковой статьи о животном магнетизме в двенадцатом томе *Foreign Quarterly Review*, не может быть ни малейшего сомнения; "ведь хирурги в настоящее время следуют точно такому же методу, *за исключением* помазания оружия!"

Об оружейной мази продолжали много говорить на континенте, и появилось много претендентов на честь изобретения. Доктор Фладд, или А. Флюктибус, росикрусианец, о котором уже упоминалось в предыдущей части этого тома, проявил большое рвение, чтобы внедрить ее в Англии. Он с большим успехом опробовал ее в нескольких случаях, и неудивительно, ведь, поддерживая дух своих пациентов хвастовством о высокой эффективности мази, он никогда не пренебрегал обычными, но гораздо более важными средствами - промыванием, перевязкой и т. д., которые опыт всех веков признавал достаточными для этой цели. Кроме того, Фладд заявил, что магнит является средством от всех болезней, если его правильно применять; но что у человека, как и у Земли, есть северный и южный полюс, магнетизм может проявляться только тогда, когда его тело находится в бореальном положении! В разгар его популярности на него и его любимое средство, мазь, было совершено нападение, которое, однако, практически не уменьшило веру в его эффективность. Некий "Парсон Фостер" написал памфлет под названием *Hypocrisma Spongius; or, a Spunge to wipe away the Weapon-Salve*; в котором он заявил, что использовать или рекомендовать такое средство так же плохо, как колдовать; что оно было изобретено дьяволом, который в последний день схватит каждого, кто хоть немного поощрял его. "На самом деле, - говорит парсон Фостер, - сам дьявол дал его Парацельсу, Парацельс - императору, император - придворному, придворный - Баптисте Порте, а Баптиста Порта - доктору Фладду, доктору физики, все еще живущему и практикующему в знаменитом городе Лондоне, который теперь отстаивает его зубами и ногтями". Доктор Фладд, подвергшийся таким нападкам, взялся за перо, защищая свое средство, в ответной статье под названием "Выжимание пряжи парсона Фостера"; в ней разоблачается нескромный образ жизни и поведение носителя пряжи по отношению к своим братьям; горькое пламя его клеветнических сообщений исправляется и полностью гасится острым уксусом правды; и, наконец, добродетельная сила его пряжи в вытирании мази с оружием уничтожается и полностью отменяется.

Вскоре после этого спора появился еще более выдающийся сторонник "оружия-соли" в лице сэра Кенельма Дигби, сына сэра Эверарда Дигби, который был казнен за участие в Пороховом заговоре. Этот джентльмен, который в других отношениях был опытным ученым и способным человеком, проникся всеми экстравагантными представлениями алхимиков. Он верил в философский камень и хотел привлечь Декарта, чтобы тот посвятил свои силы открытию эликсира жизни или другого средства, с помощью которого можно было бы продлить существование человека на неопределенный срок. Он подал своей жене, прекрасной Венеции Анастасии Стэнли, блюдо из каплунов, откормленных гадюками, по плану, предположительно составленному Арнольдом из Вильнёва, в надежде, что таким образом она сохранит свою красоту на столетие. Если такой человек однажды взялся за идею оружия-соли, следовало ожидать, что он извлечет из нее максимум пользы. Однако в его руках она превратилась из приправы в порошок и стала называться *порошком*

симпатии. Он притворялся, что получил знания о ней от монаха-кармелита, который научился ей в Персии или Армении, у восточного философа с большой известностью. Король Яков, принц Уэльский, герцог Бучингемский и многие другие знатные особы верили в его действительность. Сэр Кенелм прочитал обществу ученых в Монпелье следующий замечательный пример его способа лечения. Мистер Джеймс Хауэлл, известный автор "Дендрологии" и различных писем, случайно оказавшись в тот момент, когда двое его лучших друзей дрались на дуэли, бросился между ними и попытался разнять их. Он схватил шпагу одного из участников поединка за эфес, а другого - за клинок. С яростью бросившись один на другого, они изо всех сил пытались избавиться от помехи, созданной их другом; при этом тот, чью шпагу держал за лезвие мистер Хауэлл, грубо отдернул ее и едва не отрубил себе руку, перерезав нервы и мышцы и пробив до кости. Другой, почти в то же мгновение, выхватил меч и нанес удар по голове своего противника, который мистер Хауэлл заметил, подняв раненую руку с быстротой мысли, чтобы предотвратить удар. Шпага опустилась на тыльную сторону его уже раненой руки и сильно порезала ее. "Казалось, - сказал сэр Кенелм Дигби, - будто над ними пронеслась какая-то несчастливая звезда, и они оба должны были пролить кровь этого дорогого друга, за жизнь которого они отдали бы свою собственную, будь они в то время в здравом уме". Увидев, что лицо мистера Хауэлла залито кровью из раненой руки, они оба бросили свои мечи, обняли его и перевязали руку подвязкой, чтобы закрыть вены, которые были перерезаны и обильно кровоточили. Затем они отнесли его домой и послали за хирургом. Король Яков, который был очень привязан к мистеру Хауэллу, после этого послал к нему своего хирурга. Мы должны продолжить повествование словами сэра Кенелма Дигби: "Мне выпал случай, - говорит он, - поселиться рядом с ним; и через четыре или пять дней после этого, когда я готовился, он пришел ко мне в дом и попросил осмотреть его раны. "Ибо я понимаю, - сказал он, - что у вас есть необычные средства на такие случаи; и мои хирурги опасаются, что это может перерасти в гангрену, и тогда руку придется отрезать". В сущности, по его лицу было видно, что он испытывает сильную боль, которая, по его словам, была невыносима из-за сильного воспаления. Я сказал ему, что охотно буду ему служить; но если вдруг он узнает, как я могу вылечить его, не прикасаясь к нему и не видя его, то, возможно, он не захочет подвергать себя моему способу лечения, потому что сочтет его, несомненно, неэффективным или суеверным. Он ответил: "Множество чудесных случаев, которые люди рассказывали мне о вашем способе лечения, не заставляют меня сомневаться в его эффективности; и все, что я хочу сказать вам, выражено в испанской пословице: *"Hagase el milagro y hagalo Mahoma"* - пусть чудо свершится, хотя бы его совершил Магомет".

"Я попросил у него какую-нибудь вещь, на которой была кровь; и он сейчас же послал за своей подвязкой, которой сначала была связана его рука; и когда я позвал таз с водой, чтобы вымыть руки, я взял горсть порошка витриола, который был у меня в кабинете, и растворил его. Как только мне принесли окровавленную подвязку, я опустил ее в таз, наблюдая в это время за действиями мистера Хауэлла, который стоял в углу моей комнаты и разговаривал с каким-то джентльменом, совершенно не обращая внимания на то, что я делаю. Он внезапно остановился, как будто обнаружил в себе какую-то странную перемену. Я спросил его, что с ним? Я не знаю, что со мной, но я обнаружил, что больше не чувствую боли. Мне кажется, что на мою руку опустилась приятная свежесть, как на влажную холодную салфетку, которая сняла воспаление, мучившее меня прежде". Я ответил: "Раз уж вам так помогло мое лекарство, советую отбросить все пластыри; только держите рану в чистоте и в умеренном режиме между жарой и холодом". Вскоре об этом было доложено герцогу Бекингеми, а через некоторое время и королю, которым обоим было очень интересно узнать обстоятельства дела; а именно: после ужина я вынул

подвязку из воды и положил ее сушиться перед большим огнем. Едва она высохла, как прибежал слуга мистера Хауэлла и сказал, что его хозяин чувствует такое же жжение, как и раньше, если не больше, ибо жар был такой, как если бы его рука находилась между углями огня. Я ответил, что, хотя это и произошло в настоящее время, он скоро почувствует облегчение, ибо я знаю причину этого нового происшествия и позабочусь о том, чтобы его хозяин освободился от этого воспаления, но это может произойти раньше, чем он сможет вернуться к нему. Но если он не найдет облегчения, я пожелал, чтобы он сейчас же вернулся; если же нет, пусть не приходит. Он пошел, и в тот же миг я снова опустил подвязку в воду; после этого он нашел своего хозяина без всякой боли. Короче говоря, после этого не было ни малейшей боли, а через пять или шесть дней раны затянулись и полностью зажили".

Такова удивительная история сэра Кенелма Дигби. Другие практикующие врачи той эпохи не отставали от него в своих притязаниях. Не всегда считалось необходимым использовать порошок сочувствия или оружейную мазь для излечения. Достаточно было намагнитить меч рукой (первый слабый ответ теории *животных*), чтобы снять боль, причиненную тем же оружием. Они утверждали, что если погладить меч пальцами *вверх*, то раненый почувствует немедленное облегчение; если же погладить его *вниз*, то он почувствует нестерпимую [боль](#)⁶⁶.

В то же время существовало еще одно весьма необычное представление о силе и возможностях магнетизма. Считалось, что на плоти можно создать *симпатический алфавит*, с помощью которого люди смогут переписываться друг с другом и передавать все свои мысли с быстротой воли, хотя их разделяют тысячи миль. Из рук двух человек вырезали кусок плоти и пересаживали его друг другу, пока он был еще теплым и кровоточил. Отрезанный кусок прирастал к новой руке, на которую его помещали, но при этом сохранял столь тесную связь с родной конечностью, что ее прежний обладатель всегда чувствовал, что ей нанесен какой-либо ущерб. На этих пересаженных частях были нарисованы буквы алфавита, так что, когда нужно было установить связь, любому из людей, хотя между ними простиралась Атлантика, достаточно было уколоть руку магнитной иглой, и тут же его друг получал уведомление о том, что телеграф работает. Какую бы букву он ни уколол на своей руке, та же самая буква появлялась на руке его корреспондента.

Современником сэра Кенелма Дигби был не менее известный мистер Валентин Грейтракс, который, не упоминая о магнетизме и не претендуя на какую-либо теорию, практиковал над собой и другими обман, гораздо более схожий с животным магнетизмом наших дней, чем с минеральным магнетизмом, который тогда было так модно изучать. Он был сыном ирландского джентльмена с хорошим образованием и имущественным положением, жившего в графстве Корк. В раннем возрасте он впал в некое меланхоличное расстройство. Через некоторое время у него в голове возник импульс или странное убеждение, которое не покидало его ни во сне, ни наяву, что Бог наделил его способностью исцелять зло короля. Он рассказал об этом убеждении своей жене, которая очень откровенно сказала ему, что он глупец. Он не был полностью уверен в этом, несмотря на высокий авторитет, от которого это исходило, и решил испытать силу, которая была в нем. Через несколько дней после этого он отправился к некоему Уильяму Махеру из Солтерсбриджа в приходе Лисмора, который был сильно поражен королевским злом в глазах, на щеках и в горле. На этого человека, который был очень верующим, он возложил руки, погладил его и горячо помолился. Он с удовлетворением наблюдал, как в течение нескольких дней тот значительно поправился, а в конце концов, с помощью других средств, полностью излечился. Этот успех воодушевил его,

и он поверил, что на него возложена божественная миссия. День за днем он получал новые импульсы свыше о том, что он призван лечить и агу. Со временем он распространил свои способности на лечение эпилепсии, язв, болей и хромоты. Вся округа Корка была в ажиотаже, чтобы увидеть этого необычного врача, который, несомненно, приносил огромную пользу в тех случаях, когда болезнь усиливалась ипохондрией и подавленностью духа. По его собственному [рассказу](#)⁶⁷, к нему прибегало такое множество людей из разных мест, что у него не было времени заниматься своими делами и наслаждаться обществом своей семьи и друзей. Он был вынужден выделять три дня в неделю, с шести утра до шести вечера, и только в это время возлагал руки на всех, кто приходил. Но толпы, стекавшиеся вокруг него, были так велики, что соседние города не могли их вместить. Тогда он оставил свой дом в деревне и отправился в Югал, куда стекались больные не только со всех концов Ирландии, но и из Англии, и толпы их были так велики, что магистраты боялись, как бы они не заразили город своими болезнями. Некоторые из этих бедных доверчивых людей, едва увидев его, впадали в припадки, и он восстанавливал их, помахивая рукой перед их лицом и читая над ними молитвы. Кроме того, он утверждал, что прикосновение его перчатки изгоняло боли, а однажды изгнал из женщины нескольких дьяволов, или злых духов, которые мучили ее день и ночь. "Каждый из этих дьяволов, - говорит Грейтракс, - хотел задушить ее, когда входил в ее горло". Из этого следует, что жалобы женщины были не чем иным, как истерией.

Духовенство Лисморской епархии, которое, похоже, имело гораздо более четкие представления о притязаниях Грейтракса, чем его прихожане, выступило против нового пророка и чудотворца. Его привлекли к суду декана и запретили возлагать руки в будущем, но ему не было никакого дела до церкви. Он воображал, что черпает свои силы прямо с небес, и продолжал ввергать людей в припадки и снова приводить их в чувство, как обычно, почти в точности по примеру современных магнетизеров. Наконец его репутация стала настолько велика, что лорд Конвей прислал к нему из Лондона просьбу немедленно приехать и вылечить сильную головную боль, от которой его леди страдала уже несколько лет, и которую не могли снять главные врачи Англии.

Грейтракс принял приглашение и испробовал свои манипуляции и молитвы на леди Конвей. Однако ему не удалось добиться облегчения. Головная боль бедной леди была вызвана слишком серьезными причинами, чтобы ей могли помочь даже вера и живое воображение. Несколько месяцев он прожил в доме лорда Конвея в Рэгли (Уорикшир), где проводил исцеления, аналогичные тем, что он проводил в Ирландии. После этого он переехал в Лондон и снял дом в Линкольнс-Инн-Филдс, который вскоре стал ежедневным местом отдыха всех нервных и легковверных женщин мегаполиса. Очень забавный рассказ о Грейтраксе в это время (1665 год) приводится во втором томе "Рассуждений" Сент-Эвремонта под названием "Ирландский пророк". Это самый наглядный очерк, когда-либо сделанный об этом раннем магнетизере. Были ли его притязания более или менее абсурдными, чем у некоторых из его преемников, которые недавно появились среди нас, сказать трудно.

"Когда господин де Комминж, - рассказывает Сент-Эвремонт, - был послом его христианского величества при короле Великобритании, в Лондон приехал ирландский пророк, выдававший себя за великого чудотворца. Некоторые знатные особы умоляли господина де Комминга пригласить его к себе, чтобы они могли быть свидетелями некоторых из его чудес, посол обещал удовлетворить их, как для удовлетворения собственного любопытства, так и из любезности к своим друзьям; и дал знать Грейтраксу, что будет рад его видеть.

"Слух о приезде пророка вскоре разнесся по городу, и гостиница месье де Комминжа была переполнена больными, которые пришли, полные уверенности в скором исцелении. Ирландец заставил их ждать его довольно долго, но в конце концов явился, посреди их нетерпения, с серьезным и простым лицом, на котором не было никаких признаков того, что он обманщик. Месье де Комминж приготовился строго допросить его, надеясь обсудить с ним вопросы, о которых он читал у Ван Гельмонта и Бодинуса; но ему не удалось этого сделать, к его большому сожалению, поскольку толпа стала так велика, а калеки и другие люди так нетерпеливо жались вокруг, чтобы быть первыми исцеленными, что слуги были вынуждены применить угрозы и даже силу, прежде они смогли установить среди них порядок или расставить их в надлежащие ряды.

"Пророк утверждал, что все болезни вызываются злыми духами. Каждый недуг был для него случаем дьявольской одержимости. Первым ему представили человека, страдавшего подагрой и ревматизмом, причем так сильно, что врачи не могли его вылечить. "Ах, - сказал чудотворец, - я видел много духов такого рода, когда был в Ирландии. Это водянистые духи, которые вызывают холодный озноб и возбуждают переполнение водянистой влаги в наших бедных телах". Затем, обращаясь к человеку, он сказал: "Злой дух, покинувший свое жилище в водах, чтобы прийти и поразить это несчастное тело, я приказываю тебе покинуть свою новую обитель и вернуться в свое древнее жилище! Сказав это, больному приказали удалиться, а на его место привели другого. Этот новый человек сказал, что его мучают меланхолические испарения. На самом деле он выглядел как ипохондрик; один из тех людей, которые болеют в воображении, но слишком часто становятся таковыми на самом деле. "Воздушный дух, - сказал ирландец, - вернись, я приказываю тебе, в воздух; используй свое природное призвание поднимать бури и не возбуждай больше ветра в этом печальном несчастном теле! Его тут же отволокли прочь, чтобы освободить место для третьего пациента, которого, по мнению ирландца, мучил всего-навсего какой-то маленький призрак, не способный ни на мгновение противостоять его приказу. Он притворился, что узнал этого духа по каким-то невидимым для компании приметам, к которым с улыбкой обратился: "Такие духи не часто приносят вред и всегда очень забавны". Услышав его слова, можно было подумать, что он знает все о духах: их имена, ранг, количество, род занятий и все функции, которые им уготованы; он хвастался, что гораздо лучше разбирается в кознях демонов, чем в делах людей. Вы не можете себе представить, какую репутацию он приобрел за короткое время. Католики и протестанты приезжали к нему со всех концов, и все верили, что в его руках власть с небес".

Рассказав довольно двусмысленное приключение мужа и жены, которые умоляли Велиракса изгнать дьявола раздора, закрывшегося между ними, Сент-Эвремонт подводит итог тому, какой эффект он произвел на народное сознание: "Так велико было доверие к нему, что слепые воображали, что видят свет, которого не видели, глухие - что слышат, хромые - что ходят прямо, а парализованные - что обрели свои конечности. Представление о здоровье заставляло больных на время забыть о своих недугах; и воображение, которое было не менее активным у тех, кого просто влекло любопытство, чем у больных, давало ложное представление одному классу от желания видеть, так же как оно действовало на другое ложное лечение от сильного желания быть исцеленным. Такова была власть ирландца над разумом, и таково было влияние разума на тело. В Лондоне не говорили ни о чем, кроме его прорицаний; и эти прорицания подтверждались столь великими авторитетами, что недоумевающая толпа верила им почти без проверки, а более просвещенные люди не

осмеливались отвергать их на основании собственных знаний. Общественное мнение, робкое и поработанное, с уважением относилось к этому властному и, по-видимому, хорошо проверенному заблуждению. Те же, кто прозревал, держали свое мнение при себе, понимая, как бесполезно заявлять о своем неверии людям, исполненным предрассудков и восхищения".

Примерно в то же время, когда Валентин Грейтракс таким образом *околдовывал* жителей Лондона, итальянский энтузиаст по имени Франциско Баньоне проделывал те же фокусы в Италии, причем с не меньшим успехом. Ему достаточно было прикоснуться к слабым женщинам руками, а иногда (чтобы эффективнее воздействовать на их фанатизм) и реликвией, чтобы заставить их впадать в припадки и проявлять все симптомы магнетизма.

Кроме них, несколько ученых людей в разных частях Европы направили свое внимание на изучение магнита, полагая, что он может быть эффективен при многих заболеваниях. Ван Гельмонт, в частности, опубликовал работу о влиянии магнетизма на человеческий организм, а Бальтазар Грасиан, испанец, прославился смелостью своих взглядов на этот предмет. "Магнит, - говорил последний, - притягивает железо; железо встречается повсюду; все вещи, следовательно, находятся под влиянием магнетизма. Это лишь модификация общего принципа, который устанавливает гармонию или разжигает разногласия между людьми. Это тот же самый агент, который порождает симпатию, антипатию и страсти" ⁶⁸.

Баптиста Порты, который в причудливой генеалогии оружия-салфетки, приведенной парсоном Фостером в его нападках на доктора à Fluctibus, упоминается как один из ее отцов, также очень верил в действенность магнита и воздействовал на воображение своих пациентов способом, который в то время считался настолько необычным, что его обвинили в том, что он маг, и запретили ему практиковать при римском дворе. Среди тех, кто отличился своей верой в магнетизм, особо следует отметить Себастьяна Вирдига и Уильяма Максвелла. Вирдиг был профессором медицины в университете Росток в Мекленбурге и написал трактат под названием "Новая медицина духов", который он представил Лондонскому королевскому обществу. В 1673 году было напечатано издание этого труда, в котором автор утверждал, что магнитное влияние имеет место не только между небесными и земными телами, но и между всеми живыми существами. Весь мир, по его словам, находится под влиянием магнетизма; жизнь сохраняется благодаря магнетизму; смерть является следствием магнетизма!

Другой энтузиаст, Максвелл, был восхищенным учеником Парацельса и хвастался тем, что облучил неизвестность, которой были окутаны многие чудотворные рецепты этого великого философа. Его работы были напечатаны во Франкфорте в 1679 году. Из следующего отрывка следует, что он осознавал огромное влияние воображения, как в производстве, так и в лечении болезней. "Если вы хотите творить чудеса, - говорит он, - абстрагируйтесь от материальности существ, увеличьте сумму духовности в телах, пробудите дух от его дремоты. Если вы не сделаете то или иное из этого - если вы не сможете связать идею, - вы никогда не сможете совершить ничего хорошего или великого". Здесь, собственно, и кроется весь секрет магнетизма и всех заблуждений подобного рода: увеличьте духовность - пробудите дух от дремоты, или, другими словами, поработайте воображением - вызовите веру и слепую уверенность, и вы сможете сделать все, что угодно. Этот отрывок, который с одобрением цитирует М. Дюпотэ ⁶⁹ в своей работе, как убедительно подтверждающий теорию, выдвигаемую сейчас животными магнетистами, как раз наоборот. Если они верят, что могут творить все свои чудеса с помощью средств, столь туманно описанных Максвеллом, то что же будет с универсальным флюидом, пронизывающим всю природу, который они пытаются влить в слабые и больные тела с кончиков своих пальцев?

В начале восемнадцатого века внимание Европы было обращено на весьма примечательный случай фанатизма, который животные магнетисты утверждали в качестве доказательства своей науки. *Конвульсионеры святого Медарда*, как их называли, собирались в большом количестве вокруг гробницы своего любимого святого, янсенистского священника Париса, и учили друг друга, как впадать в конвульсии. Они верили, что святой Парис излечит все их недуги, и количество истеричных женщин и слабоумных людей всех мастей, стекавшихся к гробнице из дальних и ближних мест, было так велико, что ежедневно перекрывало все ведущие к ней проспекты. Доведенные до крайней степени возбуждения, они одна за другой впадали в припадки, а некоторые из них, все еще сохраняя видимое владение всеми своими способностями, добровольно подвергали себя страданиям, которых в обычных случаях было бы достаточно, чтобы лишить их жизни. Происходившие сцены были скандалом для цивилизации и религии - странная смесь непристойности, абсурда и суеверия. Пока одни молились на коленях у святилища святого Париса, другие кричали и издавали самые отвратительные звуки. Особенно усердствовали женщины. С одной стороны часовни можно было увидеть несколько десятков из них, все в конвульсиях; с другой - еще столько же, доведенные до исступления, предавались грубым непристойностям. Некоторые из них получали безумное удовольствие от того, что их били и топтали. Одна из них, по словам Монтегра, чей рассказ мы [цитируем](#)⁷⁰, была так очарована этим издевательством, что ничто, кроме самых сильных ударов, не могло ее удовлетворить. В то время как парень недюжинной силы из всех сил бил ее тяжелым железным прутom, она постоянно побуждала его к новым усилиям. Чем сильнее он бил, тем больше ей это нравилось, и она все время восклицала: "Молодец, брат, молодец! О, как это приятно! Какую пользу ты мне приносишь! Мужайся, брат мой, мужайся; бей сильнее, бей еще сильнее!" Другой из этих фанатиков испытывал, если это возможно, еще большую любовь к избиению. Карре де Монжерон, который рассказывает об этом обстоятельстве, не смог удовлетворить ее шестьюдесятью ударами большого кузнечного молота. После этого он ради эксперимента использовал то же самое орудие с той же силой, и ему удалось пробить дыру в каменной стене на двадцать пятом ударе. Другая женщина по имени Сонет, не дрогнув, легла на раскаленный мангал и получила прозвище *Саламандра*; другие же, желая получить более яркое мученичество, пытались распять себя. М. Делез в своей критической истории "Животного магнетизма" пытается доказать, что это фанатичное безумие было вызвано магнетизмом, и что эти безумные энтузиасты притягивали друг друга, сами того не осознавая. С таким же успехом он мог бы настаивать на том, что фанатизм, который искушает фанатика-индуса держать руки вытянутыми в горизонтальном положении, пока не засохнут сухожилия, или пальцы, сомкнутые на ладонях, пока ногти не вырастут из тыльной стороны кистей, - это тоже эффект магнетизма!

В течение шестидесяти или семидесяти лет магнетизм был почти полностью ограничен Германией. Люди разумные и образованные посвятили свое внимание свойствам грузного камня; а один отец Хелл, иезуит и профессор астрономии в Венском университете, прославился своими магнитными исцелениями. Примерно в 1771 или 1772 году он изобрел стальные пластины особой формы, которые прикладывал к обнаженному телу в качестве лекарства от нескольких болезней. В 1774 году он передал свою систему Энтони Месмеру. Последний усовершенствовал идеи отца Ада, построил новую теорию и стал основателем животного магнетизма.

Среди противников новой иллюзии стало модным порицать Месмера как беспринципного авантюриста, в то время как его ученики превозносили его до небес как регенератора человеческой расы. Почти в тех же выражениях, что и росикрусианцы по отношению к своим основателям, его называли открывателем секрета, который приводит человека в более

тесную связь со своим Творцом, освободителем души от унижительных оков плоти, человеком, который позволяет нам бросить вызов времени и покорить преграды пространства. Тщательный анализ его притязаний и изучение доказательств, приводимых в их поддержку, вскоре покажет, какое мнение является более правильным. О том, что автор этих страниц рассматривает его в свете человека, который, заблуждаясь сам, был средством для заблуждения других, можно судить по тому, что он занимает место в этих томах и фигурирует среди Фламелей, Агриппов, Боррисов, Бёменов и Калиостросов.

Он родился в мае 1734 года в Мерсбурге, в Швабии, и изучал медицину в Венском университете. Он получил степень в 1766 году, а темой своей инаугурационной диссертации выбрал влияние планет на человеческое тело. Рассмотрев этот вопрос в стиле старых врачей-астрологов, он подвергся насмешкам как тогда, так и впоследствии. Уже в этот ранний период в его сознании зарождались слабые идеи его великой теории. В своей диссертации он утверждал, "что солнце, луна и неподвижные звезды взаимно влияют друг на друга на своих орбитах; что они вызывают и направляют на нашей земле поток и отток не только в море, но и в атмосфере, и подобным образом влияют на все организованные тела через посредство субтильной и подвижной жидкости, которая пронизывает вселенную и связывает все вещи вместе во взаимном общении и гармонии". Это влияние, по его словам, особенно сильно сказывается на нервной системе и вызывает два состояния, которые он называл *интенцией* и *ремиссией*, что, как ему казалось, объясняет различные периодические обороты, наблюдаемые при некоторых заболеваниях. Когда в загробной жизни он встретился с отцом Адам, наблюдения этого человека подтвердили истинность многих его собственных идей. Попросив Ада сделать ему несколько магнитных пластин, он решил сам провести с ними опыты, чтобы получить удовлетворение.

Он попробовал и был поражен успехом. Вера их обладателей творила с металлическими пластинами чудеса. Месмер отчитался о проделанной работе перед отцом Адам, и тот опубликовал их как результаты своего собственного счастливого изобретения, говоря о Месмере как о враче, которого он нанял для работы под своим началом. Месмер обиделся на такое обращение, считая себя гораздо более значительной личностью, чем отец Хелл. Он заявил, что изобретение принадлежит ему, обвинил Хелла в нарушении доверия и заклеил его как подлого человека, стремящегося обратить чужие открытия себе на пользу. Хелл ответил, и в результате произошла очень милая ссора, которая на протяжении нескольких месяцев служила поводом для светских бесед среди литераторов Вены. В конце концов Ада одержала победу. Месмер, ничуть не обескураженный, продолжал пропагандировать свои взгляды, пока, наконец, не наткнулся на теорию животных.

Одной из его пациенток была молодая женщина по имени Истерлин, которая страдала от судорожного приступа. Ее приступы были периодическими и сопровождались приливом крови к голове, а затем бредом и обмороком. Эти симптомы ему вскоре удалось свести к своей системе планетарного влияния, и он вообразил, что может предсказывать периоды наступления и ослабления болезни. Удовлетворительно объяснив себе происхождение болезни, он пришел к мысли, что сможет добиться определенного излечения, если установит, что между телами, составляющими наш земной шар, существует взаимное действие, подобное действию небесных тел, с помощью которого он может искусственно имитировать периодические обороты потока и рефлюкса, о которых говорилось выше. Вскоре он убедился, что такое действие действительно существует. Испытывая металлические пластины отца Ада, он думал, что их эффективность зависит от их формы; но впоследствии он обнаружил, что может производить те же эффекты, вообще не используя их,

просто проводя руками вниз по направлению к ногам пациента, даже находясь на значительном расстоянии.

Это завершило теорию Месмера. Он написал отчет о своем открытии во все ученые общества Европы, прося их исследовать его. Академия наук в Берлине была единственной, которая ответила ему, и их ответ не был ни благоприятным для его системы, ни лестным для него самого. Тем не менее он не падал духом. Он утверждал всем, кто его слушал, что магнитная материя, или флюид, пронизывает всю Вселенную, что каждое человеческое тело содержит ее и может передавать избыток ее другому усилием воли. В письме своему другу из Вены он говорит: "Я заметил, что магнитное - это почти то же самое, что и электрический флюид, и что оно может распространяться таким же образом, с помощью промежуточных тел. Сталь - не единственное вещество, приспособленное для этой цели. Я делал бумагу, хлеб, шерсть, шелк, камни, кожу, стекло, дерево, людей и собак - словом, все, к чему прикасался, магнитным до такой степени, что эти вещества производили на больных такое же действие, как и грузный камень. Я заряжал банки магнитной материей так же, как это делается с электричеством".

Месмер недолго жил в Вене, как ему хотелось бы. На его притязания смотрели с презрением или безразличием, а случай с мадемуазель Истерлин принес ему не столько славу, сколько дурную славу. Он решил сменить сферу деятельности и отправился в Швабию и Швейцарию. В последней стране он встретился с прославленным отцом Гасснером, который, подобно Валентину Великану, развлекался тем, что изгонял дьяволов и исцелял больных простым возложением рук. При его приближении нежные девушки впадали в конвульсии, а ипохондрики воображали себя исцеленными. Его дом ежедневно осаждали хромые, слепые и истеричные. Месмер сразу же признал эффективность своих исцелений и заявил, что они являются очевидным результатом его собственной, недавно открытой силы магнетизма. Несколько пациентов отца были немедленно подвергнуты манипуляциям Месмера, и те же самые симптомы были вызваны. Затем он попробовал свои силы на нескольких нищих в больницах Берна и Цюриха, и ему удалось, по его собственному рассказу, но ни по чьему другому, вылечить офтальмию и гуттаперчевую болезнь. С памятниками об этих достижениях он вернулся в Вену, надеясь заставить замолчать своих врагов или, по крайней мере, заставить их уважать его недавно приобретенную репутацию и более внимательно изучить его систему.

Его второе появление в этой столице было не более благоприятным, чем первое. Он взялся вылечить мадемуазель Паради, которая была совершенно слепа и подвержена конвульсиям. Он несколько раз примагнитил ее к себе, а затем заявил, что она излечилась; по крайней мере, если это не так, то это ее вина, а не его. Выдающийся окулист того времени по фамилии Барт навел ее и заявил, что она слепа, как и прежде, а ее семья утверждает, что она так же подвержена конвульсиям, как и раньше. Месмер упорно утверждал, что она излечилась. Как французский философ, он не позволял фактам противоречить своей теории.⁷¹ Он заявил, что против него существует заговор, и что мадемуазель Паради, по наущению ее семьи, симулировала слепоту, чтобы подорвать его репутацию!

Последствия этого мнимого излечения показали Месмеру, что Вена - не его сфера. Париж, праздный, развратный, ищущий удовольствий, любящий новизну, - вот место для такого философа, как он, и он отправился туда. Он прибыл в Париж в 1778 году и начал со скромных позиций, ознакомив с собой и своей теорией главных врачей. Поначалу его поддержка была незначительной; он обнаружил, что люди скорее склонны смеяться над ним, чем покровительствовать ему. Но он был человеком, который очень верил в себя и проявлял настойчивость, которую не могли преодолеть никакие трудности. Он снял роскошную

квартиру, которую открыл для всех желающих испытать новую силу природы. Месье д'Эслон, врач с большой репутацией, стал новообращенным, и с этого времени животный магнетизм, или, как его некоторые называли, месмеризм, вошел в моду в Париже. Женщины были в восторге от него, и их восхищенные разговоры разносили его славу по всем слоям общества. Месмер был нарасхват; и высокие и низкие, богатые и бедные, доверчивые и неверующие - все спешили убедиться в силе этого могущественного мага, который давал такие великолепные обещания. Месмер, который как никто другой знал о влиянии воображения, решил, что для усиления эффекта магнетического очарования не нужно ничего. Во всем Париже не было дома, столь очаровательно обставленного, как дом месье Месмера. Богато украшенные стекла проливали тусклый религиозный свет на его просторные салоны, которые были почти сплошь заставлены зеркалами. В коридорах благоухали цветы апельсина, в старинных вазах на дымоходах горели благовония самых дорогих сортов, из дальних покоев доносилась мелодичная музыка эоловых арф, а иногда сладкий женский голос, то сверху, то снизу, вкрадывался в таинственную тишину, которую хранили в доме и требовали от всех посетителей. *"Когда-нибудь это было так восхитительно!"* - восклицали все парижские миссис Виттиттерлей, стекаясь к его дому в поисках приятного возбуждения; *"Так чудесно!"* - говорили псевдофилософы, готовые поверить во что угодно, лишь бы это было в моде; *"Так забавно!"* - говорили измученные дебоширы, осушившие чашу чувственности до дна и жаждавшие увидеть прекрасных женщин в конвульсиях, надеясь получить от этого зрелища какие-то новые эмоции.

Действовали они следующим образом: В центре салона ставили овальный сосуд, около четырех футов в самом большом диаметре и глубиной в один фут. В него помещали несколько винных бутылок, наполненных намагниченной водой, хорошо закупоренных пробками и расположенных по радиусу горлышками наружу. В сосуд наливали воду так, чтобы она только покрывала бутылки, и время от времени бросали железные опилки для усиления магнитного эффекта. Затем сосуд накрывали железной крышкой, пронизанной множеством отверстий, и называли ее *бакетом*. Из каждого отверстия выходил длинный подвижный железный стержень, который пациенты должны были прикладывать к тем частям тела, которые были поражены. Вокруг этого *бакета* пациентам предписывалось сидеть, держа друг друга за руки и прижав колени друг к другу как можно теснее, чтобы облегчить прохождение магнитной жидкости от одного к другому.

Затем входили помощники магнетизера, как правило, сильные, красивые молодые люди, чтобы влить в пациента из кончиков пальцев свежие струи чудесной жидкости. Они обхватывали пациентку между коленями, нежно растирали ее по позвоночнику и ходу нервов, мягко надавливали на грудь дамы и, глядя ей в лицо, магнетизировали ее взглядом! Все это время сохранялась строжайшая тишина, за исключением нескольких диких нот на губной гармонике или фортепиано, да мелодичного голоса скрытого оперного певца, негромко звучащего через большие промежутки времени. Постепенно щеки дам начали пылать, воображение воспаляться, и они одна за другой впали в судорожные припадки. Одни рыдали и рвали на себе волосы, другие смеялись до слез, третьи кричали, визжали и вопили, пока совсем не потеряли сознание.

Это был кризис бреда. В самый разгар его появился главный актер, который, подобно Просперо, взмахнул своей палочкой, чтобы сотворить новые чудеса. Одетый в длинный халат из шелка сиреневого цвета, богато расшитый золотыми цветами, держа в руке белый магнитный жезл, с видом достоинства, который подошел бы и восточному халифу, он торжественными шагами вошел в комнату. Взглядом он приводил в ужас все еще чувствительных людей, и сила их симптомов уменьшалась. Он поглаживал бесчувственных

людей руками по бровям и вниз по позвоночнику, чертил фигуры на груди и животе своей длинной белой палочкой, и они приходили в сознание. Они успокаивались, признавали его силу и говорили, что чувствуют потоки холодного или жгучего пара, проходящие через их рамы, в зависимости от того, как он махал перед ними палочкой или пальцами.

"Невозможно представить себе, - говорит М. Дюпоте, - какой фурор произвели опыты Месмера в Париже. Ни один теологический спор в прежние века католической церкви не велся с большим ожесточением". Его противники отрицали открытие; одни называли его шарлатаном, другие - глупцом, третьи, как аббат Фиар, - человеком, продавшимся дьяволу! Его друзья были столь же экстравагантны в своих похвалах, как и его враги в своих порицаниях. Париж был наводнен памфлетами на эту тему, столько же защищающими, сколько и нападающими на доктрину. При дворе королева высказалась в его пользу, и в обществе больше ни о чем не было слышно.

По совету М. д'Эслона Месмер потребовал, чтобы медицинский факультет проверил его доктрину. Он предложил отобрать двадцать четыре пациента, двенадцать из которых он будет лечить магнетическим способом, а остальные двенадцать оставит на рассмотрение факультета в соответствии со старыми и утвержденными методами. Он также оговорил, что для предотвращения споров правительство должно назначить определенных лиц, не являющихся врачами, для присутствия при экспериментах; и что объектом исследования должно быть не то, как эти эффекты были произведены, а то, действительно ли они эффективны при лечении какой-либо болезни. Преподаватели возражали против такого ограничения исследования, и предложение было отклонено.

Теперь Месмер написал Марии-Антуанетте, чтобы заручиться ее влиянием и добиться для него покровительства правительства. Он хотел, чтобы ему подарили замок и земли с хорошим ежегодным доходом, чтобы он мог продолжать свои эксперименты на досуге, не беспокоясь о преследованиях своих врагов. Он намекнул на обязанность правительств поддерживать ученых людей и выразил опасение, что если он не встретит больше поддержки, то будет вынужден перенести свое великое открытие в какую-нибудь другую страну, более готовую оценить его по достоинству. "В глазах вашего величества, - сказал он, - четыре или пятьсот тысяч франков, направленные на благие цели, не имеют никакого значения. Благополучие и счастье вашего народа - вот что главное. Мое открытие должно быть принято и вознаграждено щедростью, достойной монарха, к которому я примыкаю". В конце концов правительство предложило ему пенсию в двадцать тысяч франков и крест ордена Святого Михаила, если он сделает какое-либо открытие в медицине и сообщит о нем врачам, назначенным королем. Последняя часть предложения не устроила Месмера. Он опасался неблагоприятного отзыва королевских врачей и, прервав переговоры, заявил о своем пренебрежении к деньгам и желании, чтобы его открытие сразу же было признано правительством. Затем он в порыве отвращения удалился в Спа, притворившись, что пьет воды для пользы своего здоровья.

После его отъезда из Парижа медицинский факультет в третий и последний раз призвал М. д'Эслона отказаться от учения о животном магнетизме или быть изгнанным из своего корпуса. М. д'Эслон, так и не сделав этого, заявил, что открыл новые тайны, и потребовал дальнейшего изучения. Вследствие этого 12 марта 1784 года была назначена королевская комиссия медицинского факультета, а также другая комиссия Академии наук для исследования феноменов и составления отчета о них. Первая комиссия состояла из главных врачей Парижа, а среди выдающихся людей, вошедших в состав второй, были Бенджамин Франклин, Лавуазье и историк астрономии Бейли. Месмеру было направлено официальное приглашение предстать перед этим органом, но он отсутствовал со дня на день, под тем или

иным предлогом. М. д'Эслон был более честен, поскольку основательно верил в феномены, в чем можно усомниться, если Месмер когда-либо верил, и регулярно посещал заседания и проводил эксперименты.

Байи так описывает сцены, свидетелем которых он был в ходе этого расследования. "Больные, расположенные в большом количестве и в несколько рядов вокруг *бакета*, получают магнетизм всеми этими способами: железными прутьями, которые передают его им от *бакета*, шнурами, обмотанными вокруг их тел, соединением большого пальца, который передает им магнетизм их соседей, и звуками фортепиано или приятного голоса, распространяющего магнетизм в воздухе. Пациентов также непосредственно намагничивали с помощью пальцев и палочки магнетизера, медленно перемещая их перед лицом, над или за головой, а также на больные части тела, постоянно следя за направлением отверстий. Магнетизер действует, фиксируя на них свой взгляд. Но прежде всего они намагничиваются приложением его рук и давлением пальцев на ипохондрию и на область живота; это прикладывание часто продолжается долго - иногда несколько часов.

"Между тем пациенты в различных состояниях представляют собой очень разнообразную картину. Некоторые из них спокойны, умиротворены и не испытывают никакого эффекта. Другие кашляют, отхаркиваются, чувствуют легкие боли, местное или общее тепло, у них выступает пот. Другие снова возбуждены и мучаются в конвульсиях. Эти конвульсии поражают своим количеством, продолжительностью и силой. Как только один начинает биться в конвульсиях, их начинают испытывать несколько других. Члены комиссии наблюдали, что некоторые из этих конвульсий продолжаются более трех часов. Они сопровождаются отхаркиванием мутной вязкой воды, которая отходит при сильных усилиях. Иногда в этой жидкости наблюдались прожилки крови. Судороги характеризуются резкими, произвольными движениями всех конечностей и всего тела, сжатием горла, скачкообразными движениями ипохондрии и эпигастрия, помутнением и блужданием глаз, пронзительными криками, слезами, рыданиями и неумеренным смехом. Им предшествует или за ними следует состояние тоски или задумчивости, своеобразной депрессии, а иногда и сонливости. Самый незначительный внезапный шум вызывает вздрагивание; было замечено, что изменение меры в пьесах, исполняемых на фортепиано, оказывало большое влияние на пациентов. Более быстрое движение, более живая мелодия возбуждали их еще больше и возобновляли живость их конвульсий.

"Нет ничего более удивительного, чем зрелище этих конвульсий. Тот, кто их не видел, не может составить о них никакого представления. Зритель удивляется как глубокому покою одной части пациентов, так и возбуждению остальных, различным происшествиям, которые повторяются, и симпатиям, которые проявляются. Можно видеть, как некоторые пациенты посвящают свое внимание исключительно друг другу, бросаются друг к другу с распростертыми объятиями, улыбаются, успокаивают и проявляют все признаки привязанности и нежности. Все находятся под властью магнетизера; неважно, в каком состоянии дремоты они находятся, - звук его голоса, взгляд, движение руки выводят их из этого состояния. Среди пациентов в конвульсиях всегда наблюдается очень много женщин и очень мало мужчин" ⁷².

Эти эксперименты продолжались около пяти месяцев. Они едва успели начаться, как Месмер, встревоженный потерей славы и прибыли, решил вернуться в Париж. Некоторые пациенты из числа людей с большим состоянием, горячо верившие в его доктрину,

последовали за ним в Спа. Один из них, по имени Бергассе, предложил открыть для него подписку на сто акций по сто луидоров каждая при условии, что он раскроет свой секрет подписчикам, которым будет позволено использовать его по своему усмотрению. Месмер с готовностью принял это предложение; и так увлекся, что подписка не только была заполнена за несколько дней, но и превысила сумму в сто сорок тысяч франков.

С этим состоянием он вернулся в Париж и возобновил свои эксперименты, в то время как королевская комиссия продолжала свои. Его восхищенные ученики, которые так щедро платили ему за его наставления, распространили его славу по всей стране и основали во всех главных городах Франции "Общества гармонии" для проведения опытов и лечения всех болезней с помощью магнетизма. Некоторые из этих обществ были скандалом для морали: в них вступали распутные люди с развращенными аппетитами, которые получали отвратительное удовольствие, наблюдая за молодыми девушками в конвульсиях. Многие из тех, кто притворялся магнетизерами, как утверждали в то время, были отъявленными распутниками, которые использовали эту возможность для удовлетворения своих страстей.

Наконец члены комиссии опубликовали свой отчет, который был составлен прославленным и несчастным Бейли. По ясности рассуждений и строгой беспристрастности он никогда не был превзойден. Подробно описав на сайте различные эксперименты и их результаты, они пришли к выводу, что единственным доказательством в поддержку животного магнетизма являются эффекты, которые он производит на человеческое тело, что эти эффекты могут быть произведены без пассов или других магнитных манипуляций, что все эти манипуляции, пассы и церемонии никогда не производят никакого эффекта, если применяются без ведома пациента; и что, следовательно, воображение объясняет, а животный магнетизм не объясняет эти явления.

Это сообщение погубило репутацию Месмера во Франции. Вскоре после этого он покинул Париж с тремястами сорока тысячами франков, которые подписали его поклонники, и удалился в свою страну, где и умер в 1815 году в преклонном возрасте восьмидесяти одного года. Но посеянные им семена проросли сами собой, вскормленные и доведенные до зрелости благодушным теплом народного доверия. Во Франции, Германии и Англии появились подражатели, более экстравагантные, чем их учитель, и претендовавшие на такие способности новой науки, которые и не снились ее основателю. Среди прочих, Калиостро воспользовался этим заблуждением, расширив свои притязания на звание мастера оккультных наук. Но он не сделал никаких открытий, достойных сравнения с открытиями маркиза де Пюисегюра и шевалье Барбарена, честных людей, которые, прежде чем обманывать других, начали с обмана себя.

Маркиз де Пюисегюр, владелец значительного поместья в Бузанси, был одним из тех, кто вступил в подписку на Месмера. После того как этот человек покинул Францию, он вместе со своим братом удалился в Бузанси, чтобы испытать животный магнетизм на своих арендаторах и вылечить деревенских жителей от всех болезней. Он был человеком очень простым и благожелательным, и не только притягивал, но и кормил больных, которые стекались к нему. Во всех окрестностях, да и в радиусе двадцати миль, на него смотрели как на наделенного почти божественной силой. Его великое открытие, как он его называл, было сделано случайно. Однажды он примагнитил своего садовника и, заметив, что тот погрузился в глубокий сон, решил задать ему вопрос, как он сделал бы это с естественным сомнамбулой. Он так и сделал, и тот ответил с большой ясностью и точностью. М. де Пюисегюр был приятно удивлен: он продолжил свои эксперименты и обнаружил, что в этом состоянии магнитного сомнамбулизма *душа спящего расширена и приведена в более близкое общение со всей природой, и особенно с ним, М. де Пюисегюром.* Он обнаружил,

что все дальнейшие манипуляции не нужны; что, не говоря и не делая никаких знаков, он мог передавать свою волю пациенту; что он мог, по сути, разговаривать с ним, душа в душу, без применения каких-либо физических операций!

Одновременно с этим чудесным открытием он сделал еще одно, которое в равной степени отражает его понимание. Как и Валентин Грейтракс, он обнаружил, что примагничивать всех приходящих - тяжелая работа, что у него даже не было времени на отдых и расслабление, необходимые для здоровья. В такой ситуации он придумал хитроумное средство. Он слышал, как Месмер говорил, что может намагнитить кусочки дерева: почему бы ему не намагнитить целое дерево? Мысль не заставила себя ждать. На деревенской зелени в Бузанси стоял большой вяз, под которым крестьянские девушки танцевали на праздниках, а старики сидели, попивая *vin du pays*, прекрасными летними вечерами. Месье де Пюисегюр подошел к этому дереву и намагнитил его, сначала прикоснувшись к нему руками, а затем отойдя от него на несколько шагов; при этом он направлял потоки магнитной жидкости от ветвей к стволу, а от ствола - к корню. После этого он устанавливал вокруг него круглые сиденья и подвешивал к ним во всех направлениях шнуры. Когда пациенты усаживались, они закручивали шнуры вокруг больных частей тела и крепко держали друг друга за большие пальцы, чтобы создать прямой канал для прохождения жидкости.

Теперь у месье де Пюисегюра было два "хобби" - человек с расширенной душой и магнетический вяз. Увлеченность им самим и его пациентами нельзя выразить лучше, чем в его собственных словах. В письме к брату от 17 мая 1784 года он пишет: "Если вы не приедете, мой дорогой друг, вы не увидите моего необыкновенного человека, так как его здоровье теперь почти полностью восстановлено. Я продолжаю пользоваться той счастливой силой, которой я обязан Месмеру. Каждый день я благословляю его имя, ибо я очень полезен и оказываю много благотворного влияния на всех больных бедняков в округе. Они слетаются к моему дереву; сегодня утром их было более ста тридцати. Это лучший из всех возможных *бакетов*; ни один его листок не излучает здоровья! Все чувствуют, в большей или меньшей степени, его благотворное влияние. Вы будете в восторге, увидев очаровательную картину человечности, которую она представляет. Я сожалею только об одном - что не могу прикоснуться ко всем, кто приходит. Но мой магнетический человек - мой интеллект - успокаивает меня. Он учит меня, как мне следует себя вести. По его словам, совсем не обязательно прикасаться к каждому; достаточно взгляда, жеста, даже желания. И этому меня учит один из самых невежественных крестьян страны! Когда он находится в кризисной ситуации, я не знаю ничего более глубокого, более благоразумного, более ясновидящего (*clairvoyant*), чем он".

В другом письме, описывая свой первый эксперимент с магнитным деревом, он говорит: "Вчера вечером я привел к нему своего первого пациента. Как только я обвязал его шнуром, он посмотрел на дерево и с изумлением, которое я не могу описать, воскликнул: "Что это я там вижу?" Его голова опустилась, и он впал в совершенный припадок сомнамбулизма. По истечении часа я снова отвел его домой и привел в чувство. Несколько мужчин и женщин пришли рассказать ему, что он делал. Он утверждал, что это неправда; что, поскольку он был слаб и почти не мог ходить, ему вряд ли удалось бы спуститься по лестнице и дойти до дерева. Сегодня я повторил эксперимент с ним, и с тем же успехом. Признаюсь вам, у меня голова идет кругом от удовольствия при мысли о том, какое добро я делаю". Мадам де Пюисегюр, ее подруги, мои слуги, да и вообще все, кто находится рядом со мной, испытывают изумление, смешанное с восхищением, которое невозможно описать; но они не испытывают и половины моих ощущений. Без моего дерева, которое дает мне отдых и которое даст мне еще больше, я должен был бы находиться в состоянии возбуждения,

несовместимого, как мне кажется, с моим здоровьем. Я слишком много существую, если можно так выразиться".

В другом письме он еще более поэтично описывает своего садовника с расширенной душой. Он говорит: "Именно от этого простого человека, этого высокого и крепкого деревенщины двадцати трех лет от роду, ослабленного болезнями или, скорее, печалью, и потому более предрасположенного к воздействию любого великого природного агента, - именно от него, повторяю, я черпаю наставления и знания. Когда он находится в магнетическом состоянии, он уже не крестьянин, который с трудом может произнести одно предложение; он - существо, для описания которого я не могу найти имени. Мне не нужно говорить, *я должен только думать перед ним, и он мгновенно понимает и отвечает мне*. Если в комнату входит кто-либо, он видит его, если я этого хочу (но не иначе), обращается к нему и говорит то, что я хочу сказать; не совсем так, как я ему диктую, но как того требует истина. Когда он хочет добавить больше, чем я считаю благоразумным, чтобы слышали посторонние, я останавливаю поток его идей и его разговор на середине слова и придаю ему совсем другой оборот!"

Среди прочих лиц, привлеченных в Бузанси сообщениями об этих необычных происшествиях, был и мсье Клоке, финансовый управляющий. Его аппетит к чудесному был несколько ненасытным, и он охотно поверил всему, что рассказал ему мсье де Пюисегюр. Он также оставил записи о том, что он видел и чему верил, которые бросают еще более ясный свет на развитие галлюцинации.⁷³ Он говорит, что пациенты, которых он видел в магнетическом состоянии, имели вид глубокого сна, во время которого все физические способности были приостановлены, в пользу интеллектуальных способностей. Глаза пациентов были закрыты, чувство слуха отменено, и они просыпались только от голоса своего магнетизера. "Если бы кто-нибудь прикоснулся к пациенту во время кризиса или даже к стулу, на котором он сидел, - говорит М. Клоке, - это причинило бы ему много боли и страданий и повергло бы его в конвульсии. Во время кризиса они обладают необыкновенной и сверхъестественной силой, благодаря которой, прикоснувшись к представленному им пациенту, они могут почувствовать, какая часть его тела больна, даже просто проведя рукой по одежде". Еще одна необычность заключалась в том, что эти спящие, которые могли таким образом обнаруживать болезни, заглядывать в чужие желудки и указывать средства лечения, абсолютно ничего не помнили после того, как магнетизер счел нужным их расколдовать. Время, прошедшее между их входом в кризис и выходом из него, стиралось. Магнетизер не только мог заставить сомнамбул услышать себя, но и заставить их следовать за собой, просто указывая на них пальцем на расстоянии, хотя их глаза все это время были полностью закрыты.

Таким был животный магнетизм под эгидой маркиза де Пюисегюра. Пока он демонстрировал эти явления вокруг своего вяза, в Лионе появился магнетизер другого класса в лице шевалье де Барбарена. Этот джентльмен считал, что для погружения пациентов в магнетический сон достаточно одного лишь усилия воли, без всякой атрибутики в виде палочек или *бакеток*. Он попробовал и добился успеха. Сидя у постели своих пациентов и молясь, чтобы их намагнитили, они впадали в состояние, очень похожее на то, что было у людей, попавших под наблюдение мсье де Пюисегюра. Со временем в разных странах появилось значительное число магнетизеров, признававших Барбарина своим образцом и называвших его барбаринистами, и, как полагают, добившихся замечательных исцелений. В Швеции и Германии эта секта фанатиков быстро росла, и их называли *спиритуалистами*, чтобы отличить от последователей М. де Пюисегюра, которых называли *экспериментаторами*. Они утверждали, что все эффекты животного магнетизма, которые, как считал Месмер,

производятся магнитным флюидом, рассеянным по природе, производятся простым усилием одной человеческой души, воздействующей на другую; что если связь между магнетизером и его пациентом однажды установлена, то первый может передать свое влияние последнему на любом расстоянии, даже за сотни миль, по своей воле. Один из них так описал блаженное состояние пациента-магнетизера: "В таком человеке животный инстинкт поднимается до высшей степени, допустимой в этом мире. *Ясновидящий* тогда - чистое животное, без всякой примеси материи. Его наблюдения - это наблюдения духа. Он подобен Богу: его глаз проникает во все тайны природы. Когда его внимание приковано к любому из объектов этого мира - к болезни, смерти, любимой, друзьям, отношениям, врагам, - дух видит, как они действуют; он проникает в причины и следствия их действий; он становится врачом, пророком, божеством!"⁷⁴

Давайте посмотрим, какого прогресса добились эти мистерии в Англии. В 1788 году доктор Мейнаудюк, который был учеником сначала Месмера, а затем д'Эслона, приехал в Бристоль и прочитал публичные лекции о магнетизме. Его успех был совершенно необычайным. Люди высокого ранга и состояния спешили из Лондона в Бристоль, чтобы подвергнуться магнетизму или попасть к нему в ученики. Доктор Джордж Винтер в своей "Истории животного магнетизма" приводит следующий список этих людей: "Их было сто двадцать семь, среди них один герцог, одна герцогиня, одна маркиза, две графини, один граф, один барон, три баронессы, один епископ, пять почтенных джентльменов и леди, два баронета, семь членов парламента, один священнослужитель, два врача, семь хирургов, а также девяносто два уважаемых джентльмена и леди". После этого он обосновался в Лондоне, где выступал с не меньшим успехом.

Он начал с публикации предложений дамам о создании Гигиенического общества. В этой статье он высоко оценивал лечебные эффекты животного магнетизма, ставил себе в заслугу то, что первым ввел его в Англии, и заключал: "Поскольку этот метод лечения не ограничивается полом или образованием в колледже, а представительницы прекрасного пола вообще являются наиболее отзывчивой частью творения и больше всего заинтересованы в здоровье и заботе о потомстве, я считаю себя обязанным в знак благодарности вам, дамы, за ту пристрастность, которую вы проявили ко мне в акушерстве, способствовать, насколько это в моих силах, тому, чтобы сделать вас еще более полезными и ценными для общества. С этой целью я предлагаю создать свое Гигиеническое общество, которое будет объединено с парижским. Как только двадцать дам назовут свои имена, будет назначен день первого собрания в моем доме, и они должны будут заплатить пятнадцать гиней, в которые войдут все расходы".

Ханна Мор в письме, адресованном Горацию Уолполу в сентябре 1788 года, говорит о "демонических мумиях" доктора Мейнаудака и утверждает, что он вполне может получить с их помощью сто тысяч фунтов, как это сделал Месмер на своих выставках в Париже.

Любопытство к этой теме было настолько велико, что примерно в то же время человек по имени Холлоуэй прочитал в Лондоне курс лекций о животном магнетизме по пять гиней за каждого ученика и заработал немалое состояние. Художник Лутербург и его жена занимались тем же прибыльным ремеслом, и народ так увлекся желанием стать свидетелями их странных манипуляций, что порой около их дома в Хаммерсмите толпилось до трех тысяч человек, не имея возможности попасть внутрь. Билеты продавались по цене от одной до трех гиней. Лутербург совершал свои исцеления прикосновением, на манер Валентина Великого, и, наконец, претендовал на божественную миссию. Отчет о его чудесах, как их называли,

был опубликован в 1789 году под названием "Список новых исцелений, совершенных мистером и миссис де Лутербур из Хаммерсмит-Террас без лекарств; любителем Агнца Божьего". Посвящается его светлости архиепископу Кентерберийскому.

Этой "Любительницей Агнца Божьего" была полубезумная старуха по имени Мэри Пратт, которая питала к мистеру и миссис де Лутербур почитание, почти побуждавшее ее поклоняться им. Девизом своей брошюры она выбрала стих из тринадцатой главы Деяний апостолов: "Вот, вы, презирающие, удивляющиеся и погибающие, ибо Я совершу в ваши дни дело, которому вы не поверите, хотя бы кто и возвестил вам". Пытаясь придать религиозный характер исцелениям художника, она считала, что *женщина* - самый подходящий человек для того, чтобы сделать их известными, поскольку апостол заявил, что *мужчина* не сможет победить недоверие людей. Она заявила, что с Рождества 1788 года по июль 1789 года де Лутербур и его жена исцелили две тысячи человек, "став *надлежащими получателями божественных манудукций*, которые небесный и божественный приток, исходящий от *Бога-радикала*, Его Божественное Величество милостиво даровал им, чтобы они распространяли исцеление среди всех, будь то глухие, немые, слепые, хромые или немощные".

В своем посвящении архиепископу Кентерберийскому она умоляла его составить новую форму молитвы, которая должна быть использована во всех церквях и часовнях, чтобы ничто не могло помешать этому неоценимому дару получить должное применение. Кроме того, она умоляла всех магистратов и авторитетных людей в стране явиться к господину и госпоже де Лутербур, чтобы посоветоваться с ними о немедленном возведении большой больницы с бассейном Вифезда при ней. Все магнетизеры были шокированы нелепой болтовней этой старой женщины, и де Лутербур, похоже, покинул Лондон, чтобы избежать ее, продолжая, однако, вместе со своей женой использовать фантастические трюки, которые вскружили голову этой бедной фанатичке и ввели в заблуждение многих других, кто претендовал на больший разум, чем у нее.

С этого периода и до 1798 года магнетизм практически не привлекал внимания в Англии. Попытка возродить веру в него была предпринята в том же году, но она была сделана в форме минерального, а не животного магнетизма. Американец Бенджамин Дуглас Перкинс, практикующий хирург на Лестер-сквер, изобрел и получил патент на знаменитые "металлические тракторы". Он утверждал, что эти тракторы, представляющие собой два небольших куска сильно намагниченного металла, чем-то напоминающие стальные пластины, на которые впервые обратил внимание отец Хелл, излечивают подагру, ревматизм, паралич и, по сути, почти все болезни, которым подвержен человек, если их прикладывать к больному месту снаружи и осторожно перемещать, касаясь только поверхности. Самые удивительные истории вскоре получили широкое распространение, а пресса пестрела памфлетами, расхваливающими лечебные свойства тракторов, которые продавались по пять гиней за пару. Перкинс быстро набирал деньги. Подагрики забывали о своих болях в присутствии этого нового средства; ревматизм бежал при его приближении; а зубная боль, которую часто лечит один лишь вид дантиста, исчезала перед Перкинсом и его чудесными стальными пластинами. Благотворительное общество друзей, членом которого он был, горячо поддержало это изобретение. Желая, чтобы бедняки, которые не могли позволить себе платить мистеру Перкинсу пять гиней или даже пять шиллингов за его тракторы, тоже приобщились к благам этого возвышенного открытия, они выделили крупную сумму и построили больницу, названную "Перкинсовым институтом", в которой все желающие могли быть намагничены бесплатно. В течение нескольких месяцев они стали использоваться повсеместно, а их счастливый изобретатель получил в свое распоряжение пять тысяч фунтов.

Доктор Хейгарт, выдающийся врач из Бата, вспомнив о влиянии воображения в лечении болезней, придумал способ проверить реальную ценность тракторов. Лекарства Перкинса были слишком хорошо известны, чтобы в них можно было сомневаться, и доктор Хейгарт, не разглашая их, спокойно, но перед лицом многочисленных свидетелей, разоблачил заблуждение, в котором пребывали люди в отношении лечебного средства. Он предложил доктору Фалконеру сделать деревянные тракторы, покрасить их так, чтобы они походили на стальные, и посмотреть, не будет ли произведено то же самое воздействие. Для операции были выбраны пять пациентов из больницы в Бате. Четверо из них сильно страдали от хронического ревматизма в области лодыжек, коленей, запястий и бедер, а пятый уже несколько месяцев страдал от подагры. В назначенный для экспериментов день доктор Хейгарт и его друзья собрались в больнице и с большой торжественностью вывели на сцену фиктивные тракторы. Четверо из пяти пациентов заявили, что их боли сразу же утихли, а трое из них сказали, что им не только стало легче, но и стало очень хорошо. Один почувствовал, что его колено стало теплее, и сказал, что может пройти по комнате. Он попробовал и у него получилось, хотя накануне он не был в состоянии двигаться. Подагрический мужчина почувствовал, что его боли быстро уменьшаются, и был совершенно спокоен в течение девяти часов, пока не лег в постель, когда снова начались подергивания. На следующий день настоящие тракторы были применены ко всем пациентам, когда они описали свои симптомы почти в тех же выражениях.

Для большей уверенности эксперимент был опробован в Бристольском лазарете через несколько недель после этого на человеке, страдавшем ревматическим поражением плеча, настолько сильным, что он не мог поднять руку с колена. Были принесены фиктивные тракторы и приложены к больному месту, причем один из врачей, чтобы придать сцене торжественность, достал из кармана секундомер, чтобы точно рассчитать время, а другой, с ручкой в руке, сел и стал записывать изменения симптомов от минуты к минуте по мере их возникновения. Менее чем через четыре минуты мужчина почувствовал такое сильное облегчение, что поднял руку на несколько дюймов без боли в плече!

Доктор Хейгарт опубликовал отчет об этих вопросах в небольшом томе под названием "Воображение как причина и средство от расстройств", в качестве примера привел вымышленные тракторы. Это разоблачение стало *ударом* по системе мистера Перкинса. Его друзья и покровители, все еще не желая признать, что их обманули, опробовали тракторы на овцах, коровах и лошадях, утверждая, что животные получили пользу от металлических пластин, но совсем не получили от деревянных. Но им никто не поверил, перкинсовское учреждение пришло в запустение, а Перкинс уехал из Англии, прихватив с собой около десяти тысяч фунтов, чтобы провести свои угасающие годы в добром городе Пенсильвании.

Так магнетизм на время был изгнан из Англии. Во Франции революция не оставила людям досуга для его изучения. *Общества гармонии* в Страсбурге и других крупных городах просуществовали еще некоторое время, пока более важные дела не заняли внимание людей, и они были один за другим оставлены как учениками, так и профессорами. Система, изгнанная таким образом из двух первых стран Европы, нашла убежище среди мечтательных философов Германии. Там чудеса магнитного сна с каждым днем становились все более и более удивительными; пациенты обретали дар пророчества, их зрение распространялось на всю поверхность земного шара; они могли слышать и видеть пальцами рук и ног, читать на неизвестных языках и понимать их, просто положив книгу на живот. Невежественные крестьяне, будучи однажды околдованы великой месмерической жидкостью, могли изрекать философию, более прорицательную, чем когда-либо писал Платон, рассуждать о тайнах разума с большим красноречием и истиной, чем самые глубокие метафизики, которых когда-

либо видел мир, и решать запутанные вопросы божественности с такой же легкостью, с какой бодрствующие люди расстегивают пряжки своих ботинок!

В течение первых двенадцати лет нынешнего столетия о животном магнетизме почти ничего не было слышно ни в одной стране Европы. Даже немцы забыли о своих воздушных фантазиях, возвращенные к познанию этого повседневного мира грохотом наполеоновских пушек и падением или становлением королевств. В этот период над наукой нависло облако неизвестности, которое не рассеивалось до тех пор, пока в 1813 году М. Делез не опубликовал "Критическую историю животного магнетизма". Эта работа дала новый импульс полузабытой фантазии. Газеты, памфлеты и книги снова начали воевать друг с другом по вопросу его истинности или ложности, а многие выдающиеся представители медицинской профессии возобновили исследования с искренним намерением выяснить истину.

Утверждения, высказанные в знаменитом трактате Делеза, сводятся к следующему:⁷⁵ "Существует жидкость, постоянно выделяющаяся из человеческого тела и "образующая атмосферу вокруг нас", которая, поскольку "не имеет определенного тока", не производит никакого ощутимого воздействия на окружающих людей. Однако она "может быть направлена волей" и, когда она направлена, "посылается токами" с силой, соответствующей той энергии, которой мы обладаем. Ее движение "подобно движению лучей от горящих тел"; "она обладает различными качествами у разных людей". Она способна к высокой степени концентрации, "и существует также в деревьях". Воля магнетизера, "направляемая движением руки, несколько раз повторенным в одном и том же направлении", может наполнить дерево этой жидкостью. Большинство людей, когда эта жидкость вливается в них из тела и по воле магнетизера, "чувствуют ощущение тепла или холода", когда он проводит перед ними рукой, даже не прикасаясь к ним. Некоторые люди, когда они достаточно заряжены этой жидкостью, впадают в состояние сомнамбулизма, или магнитного экстаза; и когда они находятся в этом состоянии, "они видят жидкость, окружающую магнетизера, как ореол света, и выходящую светящимися потоками из его рта и ноздрей, головы и рук, обладающую очень приятным запахом и придающую особый вкус пище и воде".

Можно было бы подумать, что этих "понятий" вполне достаточно, чтобы на них настаивал любой врач, желающий считаться вменяемым; но они составляют лишь малую часть чудес, о которых рассказывает М. Делёз. Далее он говорит: "Когда магнетизм вызывает сомнамбулизм, человек, находящийся в этом состоянии, приобретает невероятное расширение всех своих способностей. Некоторые из его внешних органов, особенно органы зрения и слуха, становятся неактивными; но ощущения, которые зависят от них, происходят изнутри. Зрение и слух осуществляются с помощью магнитной жидкости, которая передает впечатления немедленно и без участия каких-либо нервов или органов непосредственно в мозг. Таким образом, сомнамбула, хотя его глаза и уши закрыты, не только видит и слышит, но видит и слышит гораздо лучше, чем в бодрствующем состоянии. Во всем он чувствует волю магнетизера, хотя эта воля никак не выражена. Он видит внутренности собственного тела и самую тайную организацию тел всех тех, кто может быть поставлен с ним в *раппорт*, или магнитную связь. Чаще всего он видит только те части тела, которые больны и нарушены, и интуитивно прописывает для них лекарство. У него бывают пророческие видения и ощущения, которые обычно верны, но иногда ошибочны. Он выражает свои мысли с поразительным красноречием и легкостью. Он не свободен от тщеславия. Он становится более совершенным существом по собственной воле на определенное время, если его мудро направляет магнетизер, но блуждает, если его плохо направляют".

По мнению М. Делеза, любой человек может стать магнетизером и произвести эти эффекты, соблюдая следующие условия и действуя по следующим правилам:

"Забудьте на время все свои знания по физике и метафизике.

"Выбросьте из головы все возражения, которые могут возникнуть.

"Представьте, что в ваших силах взять болезнь в руки и отбросить ее в сторону.

"Не рассуждайте в течение шести недель после начала занятий."

"Имейте активное желание делать добро; твердую веру в силу магнетизма и полную уверенность в том, что вы сможете его использовать. Короче говоря, отбросьте все сомнения, желайте успеха и действуйте просто и внимательно".

Иными словами, "будьте очень доверчивы, очень настойчивы, отвергайте весь прошлый опыт и не слушайте разум", и вы - магнетизер по сердцу самого М. Делеза.

Приведя себя в это назидательное состояние, "удалите от пациента всех людей, которые могут вам помешать; держите с собой только необходимых свидетелей - одного человека, если нужно; пожелайте, чтобы они ни в коем случае не занимались процессами, которые вы используете, и эффектами, которые из них вытекают, а объединились с вами в желании сделать добро вашему пациенту. Расположитесь так, чтобы вам не было ни слишком жарко, ни слишком холодно, и так, чтобы ничто не препятствовало свободе ваших движений; примите меры предосторожности, чтобы не прерываться во время сеанса. Затем усадите пациента как можно удобнее, а сами расположитесь напротив него, на сиденье с небольшим возвышением, так, чтобы его колени находились между вашими, а ваши ноги - по бокам от его. Сначала попросите его смириться; ни о чем не думать; не озадачивать себя изучением эффектов, которые могут быть произведены; изгнать весь страх; предаться надежде, не беспокоиться и не унывать, если действие магнетизма вызовет у него кратковременные боли. Собравшись с силами, возьмите его большие пальцы между своими пальцами так, чтобы внутренняя часть ваших пальцев соприкасалась с внутренней частью его пальцев, *а затем устремите на него свой взгляд!* Вы должны оставаться в таком положении от двух до пяти минут, или пока не почувствуете одинаковое тепло между вашими и его пальцами. После этого уберите руки, разводя их вправо и влево, одновременно поворачивая их так, чтобы их внутренняя поверхность была снаружи, и поднимите их на высоту головы. Теперь положите их на оба плеча и оставьте так примерно на минуту; затем осторожно проведите ими по рукам до кончиков пальцев, слегка касаясь по мере продвижения. Прodelайте этот путь пять или шесть раз, всегда поворачивая руки и немного отводя их от тела, прежде чем поднять. Затем поместите их над головой и, задержав на мгновение, опустите, проходя перед лицом на расстоянии одного-двух дюймов, до ямки желудка. Там задержите их на две минуты, положив большие пальцы на впадину живота, а остальные пальцы - под ребра. Затем медленно спуститесь вдоль тела до коленей, а если сможете сделать это, не выходя из себя, то до крайней точки ступней. Повторите те же действия несколько раз в течение оставшегося времени сидения. Время от времени вы также будете подходить к пациенту, заводите руки за его плечи, чтобы медленно спускаться вдоль позвоночника по спине и бедрам до колен или стоп. После первых пассов можно не класть руки на голову, а делать последующие пассы на руки, начиная с плеч, и на тело, начиная с живота".

Таков был процесс магнетизации, рекомендованный Делезом. В то, что нежные, капризные и нервные женщины, подвергаясь ему, доводили себя до конвульсий, охотно поверит самый стойкий противник животного магнетизма. Сидеть в скованной позе, не сводя глаз с человека, который заключил ее колени между своими, пока он делал *пассы* по разным частям ее тела, - этого вполне достаточно, чтобы довести до припадка любую слабую женщину, особенно если она была предрасположена к истерии и верила в действенность лечения. Столь же очевидно, что этот процесс погружает в сон и тех, кто обладает более

сильным умом и здоровым телом. То, что эти эффекты были получены с помощью этих средств, можно подтвердить тысячами примеров. Но являются ли они свидетельством в пользу животного магнетизма? Доказывают ли они существование магнитного флюида? Не нужно ни магнетизма, ни призрака из могилы, чтобы сказать нам, что тишина, монотонность и долгое пребывание в одном положении должны вызвать сон; или что возбуждение, подражание и сильное воображение, действующее на слабое тело, приведут к конвульсиям.

М. Книга Делеза произвела фурор во Франции, и исследование возобновилось с удвоенной энергией. В следующем году был основан журнал, посвященный исключительно этой науке, под названием *Annales du Magnétisme Animal*, а вскоре после этого появились *Bibliothèque du Magnétisme Animal* и многие другие. Примерно в то же время аббат Фариа, "человек чудес", начал заниматься магнетизмом; полагая, что в нем было больше магнетического флюида и более сильная воля, чем у большинства людей, он добился больших успехов в своем лечении. Его эксперименты служат убедительным доказательством того, что воображение может оперировать всеми, а предполагаемый флюид - ни одним из тех результатов, которые так уверенно заявляются в качестве доказательства новой науки. Он усаживал своих пациентов в кресло, велел им закрыть глаза, а затем громким командным голосом произносил единственное слово: "Спите!". Он не использовал никаких манипуляций, у него не было ни *баке*, ни проводника жидкости, но, тем не менее, ему удалось вызвать сон у сотен пациентов. Он хвастался, что в свое время вывел этим методом пять тысяч сомнамбул. Часто приходилось повторять команду три или четыре раза, и если пациент все еще не спал, аббат выходил из затруднительного положения, отстраняя его от кресла и заявляя, что он не способен к действию. И следует особо отметить, что магнетизеры не претендуют на универсальную эффективность своей жидкости; сильные и здоровые не могут быть магнетизированы; недоверчивые не могут быть магнетизированы; те, кто рассуждает об этом, не могут быть магнетизированы; те, кто твердо верит в это, могут быть магнетизированы; слабые телом могут быть магнетизированы, а слабые умом могут быть магнетизированы. А чтобы по тем или иным причинам представители последних классов не сопротивлялись магнетическому очарованию, апостолы науки заявляют, что бывают моменты, когда даже на *них* нельзя воздействовать; присутствие одного презрителя или неверующего может ослабить силу флюида и уничтожить его эффективность. В инструкции для магнетизера, составленной М. Делезом, он прямо говорит: "Никогда не магнетизируйте перед любопытными людьми!"⁷⁶.

На этом мы заканчиваем эту тему, так как нецелесообразно подробно излагать историю животного магнетизма, особенно в то время, когда ежедневно происходит множество явлений, реальность которых невозможно оспорить, чтобы привести в недоумение и озадачить самых ученых, беспристрастных и правдолюбивых представителей человечества. Однако уже сказано достаточно, чтобы показать, что если в магнетизме и есть какая-то истина, то в ней было много ошибок, заблуждений и преувеличений. Если рассматривать его историю с самого начала, то вряд ли можно сказать, что он не имел своего применения. Цитируя слова Бейли, сказанные в 1784 году: "Магнетизм не был совершенно бесполезен для философии, которая его осуждает: это дополнительный факт для записи среди ошибок человеческого разума и большой эксперимент на силу воображения". На это обширное исследование влияния разума на материю - исследование, которое воплощенный интеллект человечества никогда не сможет довести до конца, - оно, по крайней мере, прольет слабый и несовершенный свет. Оно послужит дополнительным доказательством силы непобедимой воли и слабости материи по сравнению с ней; еще одной иллюстрацией слов вдохновенного Псалмопевца о том, что "мы сотворены страшно и чудесно".

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ И РЕЛИГИИ НА ВОЛОСЫ И БОРОДУ.

Содержание

Говорите с уважением и почтением

Как о бороде, так и о ее владельце.

Гудибрас.

Знаменитое высказывание святого Павла о том, что "длинные волосы - позор для мужчины", послужило поводом для многих необычных постановлений как гражданских, так и церковных властей. Мода на прически и стрижку бороды была государственным вопросом во Франции и Англии с момента принятия христианства до XV века.

Мы также знаем, что в гораздо более ранние времена мужчинам не разрешалось делать со своими волосами все, что им заблагорассудится. Александр Македонский считал, что бороды солдат представляют собой удобные рукоятки, за которые враг может ухватиться, готовясь отрубить им головы, и, чтобы лишить их этого преимущества, он приказал тщательно обрить всю свою армию. Его представления о вежливости по отношению к врагу сильно отличались от тех, что бытуют у североамериканских индейцев, среди которых считается делом чести позволить отрасти одному "рыцарскому локону", чтобы врагу, снимая скальп, было за что ухватиться.

Когда-то длинные волосы были символом суверенитета в Европе. От Григория Турского мы узнаем, что среди преемников Хлодвиги длинные и завитые волосы были исключительной

привилегией королевской семьи. Знатные люди, равные королям по могуществу, не хотели показывать свою неполноценность в этом отношении и носили не только волосы, но и бороды огромной длины. Эта мода продержалась, с небольшими изменениями, до времен Людовика Дебоннера; но его преемники, вплоть до Хью Капета, носили короткие волосы в знак отличия. Даже крепостные крестьяне отступали от всех правил и позволяли отращивать свои локоны и бороды.

Во время вторжения Вильгельма Завоевателя в Англию норманны носили очень короткие волосы. Гарольд, продвигаясь к Гастингсу, выслал вперед лазутчиков, чтобы узнать о силе и численности врага. По возвращении они доложили, в частности, что "воины казались почти священниками, потому что у них было выбрито все лицо и обе губы". В то время среди англичан было принято носить длинные волосы на голове и верхней губе, а подбородок брить. Когда надменные победители поделили между собой обширные земли саксонских танов и франков, когда тирания всех мастей заставила англичан почувствовать, что они действительно покоренный и сломленный народ, последние поощряли рост своих волос, чтобы как можно меньше походить на своих стриженных и бритых хозяев.

Эта мода была крайне неприятна духовенству и в значительной степени преобладала во Франции и Германии. В конце XI века папа римский издал указ, который ревностно поддерживали церковные власти по всей Европе, о том, что люди, носящие длинные волосы, должны быть отлучены от церкви при жизни и не молиться за них после смерти. Уильям Мальмсберийский рассказывает, что знаменитый святой Вульстан, епископ Вустерский, был особенно возмущен, когда видел человека с длинными волосами. Он осуждал эту практику как в высшей степени безнравственную, преступную и звериную. Он постоянно носил в кармане небольшой нож, и всякий раз, когда кто-либо из провинившихся в этом отношении становился перед ним на колени, чтобы получить благословение, он ловко выхватывал его и отрезал горсть, а затем, бросив ему в лицо, велел отрезать все остальное, иначе он попадет в ад.

Но мода, которую порой можно сдвинуть с мертвой точки, твердо стоит против рычага; и мужчины предпочитали рисковать проклятием, чем расстаться с лишними волосами. Во времена Генриха I Ансельм, архиепископ Кентерберийский, счел необходимым переиздать знаменитый указ об отлучении от церкви и объявлении преступников вне закона; но, поскольку сам двор начал покровительствовать локонам, упреки церкви оказались бесполезными. Генрих I и его вельможи носили волосы длинными кольцами по спине и плечам, и это стало *скандалом* в глазах благочестивых. Один Серло, королевский капеллан, был так огорчен нечестием своего господина, что прочитал перед собравшимся двором проповедь из известного текста святого Павла, в которой нарисовал такую страшную картину мучений, ожидающих их на том свете, что некоторые из них разрыдались и стали терзать свои волосы, как будто хотели вырвать их с корнем. Было замечено, что плачет и сам Генрих. Священник, видя, какое впечатление он произвел, решил бить, пока железо горячо, и, достав из кармана ножницы, в присутствии всех обрезаю королю волосы. Несколько главных придворных согласились сделать то же самое, и на некоторое время длинные волосы, казалось, вышли из моды. Но после того как первый пыл их раскаяния остыл, придворные решили, что клерикальная Делайла лишила их сил, и менее чем через полгода они стали такими же великими грешниками, как и прежде.

Ансельм, архиепископ Кентерберийский, который был монахом Бека в Нормандии и отличился в Руане своим яростным неприятием длинных волос, по-прежнему стремился к реформаторству в этом вопросе. Но его упорство далеко не радовало короля, который в конце концов принял решение носить перстни. Между ними были и другие споры, более

серьезного характера, так что, когда архиепископ умер, король был так рад избавиться от него, что позволил престолу оставаться вакантным в течение пяти лет. Но у дела были и другие защитники, и с каждой кафедры звучали анафемы в адрес этого непокорного и длинноволосого поколения. Но все было безрезультатно. Стоу, пишущий об этом периоде, утверждает, опираясь на авторитет какого-то более древнего летописца, "что мужчины, забыв о своем рождении, превращали себя, с помощью длины своих волос, в подобие женщин"; и что когда их волосы портились от возраста или по другим причинам, "они вязали на голове определенные валики и косы из фальшивых волос". Наконец случай переломил ход моды. Одному придворному рыцарю, который очень гордился своими роскошными локонами, однажды ночью приснилось, что, когда он лежал в постели, на него набросился дьявол и попытался задушить его собственными волосами. Он в ужасе отшатнулся и обнаружил, что у него во рту огромное количество волос. Уязвленный совестью и рассматривая сон как предупреждение небес, он принялся за работу по исправлению и в ту же ночь отрезал свои пышные локоны. Эта история вскоре разнеслась по всему миру; разумеется, духовенство приняло в ней самое активное участие, а рыцарь, будучи человеком влиятельным и уважаемым, а также признанным лидером моды, своим примером, подкрепленным увещеваниями священников, стал очень часто подражать. Люди выглядели почти так прилично, как мог бы пожелать сам святой Вульстан, - мечты щеголя оказались более действенными, чем уговоры святого. Но, как сообщает нам Стоу, "не прошло и года, как все, кто считал себя придворными, впали в прежний порок и препирались с женщинами в их длинных хайрах". На Генриха, короля, похоже, совсем не влияли чужие мечты, ведь даже его собственные не побудили бы его во второй раз подвергнуться обрезанию священническими ножницами. Говорят, что в это время его сильно беспокоили неприятные видения. Оскорбив Церковь в этом и других отношениях, он не мог обрести крепкий, освежающий сон и воображал, что видит всех епископов, аббатов и монахов всех степеней, стоящих вокруг его постели и угрожающих избить его своими пастырскими посохами; это зрелище, как нам говорят, так напугало его, что он часто вставал голым с постели и нападал на призраков с мечом в руках. Гримбальде, его лекарь, который, как и большинство членов его братства в то время, был церковником, никогда не намекал на то, что его сны были результатом плохого пищеварения, но советовал ему обрить голову, примириться с Церковью и исправить себя милостыней и молитвой. Но он не последовал этому доброму совету, и только после того, как через год он чуть не утонул во время сильной бури на море, он раскаялся в своих злодеяниях, коротко остриг волосы и с должным почтением отнесся к пожеланиям духовенства.

Во Франции к громогласным заявлениям Ватикана по поводу длинных вьющихся волос относились едва ли более уважительно, чем в Англии. Людовик VII, однако, оказался более послушным, чем его брат-король, и подстригся так же тщательно, как монах, к большому сожалению всех галантных гостей своего двора. Его королева, надменная и жаждущая удовольствий Элеонора Гвиенская, никогда не восхищалась им в этой одежде и постоянно упрекала его в подражании не только головному убору, но и аскетизму монахов. По этой причине между ними возникла холодность. В конце концов, дама оказалась неверной своему бритому и равнодушному господину, они развелись, и короли Франции потеряли богатые провинции Гиенну и Пуату, которые были ее приданым. Вскоре она отдала свою руку и свои владения Генриху герцогу Нормандскому, впоследствии Генриху II Английскому, и таким образом дала английским государям ту прочную опору во Франции, которая на протяжении многих веков была причиной столь долгих и кровопролитных войн между народами. Когда крестовые походы увлекли всех умных молодых парней в Палестину, духовенству было не так сложно убедить оставшихся в Европе степенных мещан в чудовищности длинных волос. Во время отсутствия Ричарда Крестового его английские

подданные не только стригли волосы, но и брили лица. Уильям Фиц-Осберт, или Длинная Борода, великий демагог того времени, вновь ввел среди людей, утверждавших, что они саксонского происхождения, моду на длинные волосы. Он сделал это для того, чтобы сделать их как можно более непохожими на горожан и норманнов. Он носил свою собственную бороду, свисавшую до пояса, откуда и пошло имя, под которым он наиболее известен потомкам.

Церковь никогда не была столь ярким противником бороды, как длинных волос на голове. Обычно она позволяла моде идти своим чередом, как в отношении подбородка, так и верхней губы. Эта мода постоянно менялась; мы видим, что спустя чуть более века после правления Ричарда I, когда бороды были короткими, они снова стали настолько длинными, что упоминаются в знаменитой эпиграмме, составленной шотландцами, посетившими Лондон в 1327 году, когда Давид, сын Роберта Брюса, был женат на Джоан, сестре короля Эдуарда. Эта эпиграмма, наклеенная на дверь церкви Святого Петра Стенгейта, гласила:

"Длинные бороды бессердечны,

Painted hoods witlesse,

Gray coats gracelesse,

Make England thriftlesse".

Когда император Карл V. взошел на трон Испании, у него не было бороды. Не следовало ожидать, что угодливые паразиты, которые всегда окружают монарха, могут позволить себе выглядеть более мужественными, чем их повелитель. Сразу же все придворные стали безбородыми, за исключением тех немногих седых стариков, которые переросли влияние моды и решили умереть бородатыми, как и жили. Здравомыслящие люди в целом смотрели на эту революцию с печалью и тревогой, считая, что вместе с бородой будут изгнаны все мужские добродетели. В то время это стало обычной поговоркой.

"Desde que no hay barba, no hay mas alma".

С тех пор как мы потеряли бороду, у нас больше нет души.

Во Франции после смерти Генриха IV борода также попала в немилость по той простой причине, что его преемник был слишком молод, чтобы иметь ее. Некоторые из ближайших друзей великого Беарнца, и среди прочих его министр Сюлли, отказались расстаться с бородой, несмотря на насмешки нового поколения.

Кто не помнит, как Англия разделилась на две великие партии - круглоголовых и кавалеров? В те времена пуритане считали, что в длинных кудрявых локонах монархистов таятся все виды порока и беззакония, а последние полагали, что их противники настолько же лишены ума, мудрости и добродетели, насколько они лишены волос. Волосы человека были символом его вероисповедания, как в политике, так и в религии. Чем обильнее волосы, тем скуднее вера; а чем лысее голова, тем искреннее благочестие.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ.

Но среди всех случаев вмешательства правительств в мужскую прическу самым необычным, не только по смелости, но и по успеху, является вмешательство Петра Великого в 1705 году. К тому времени мода осудила бороду во всех странах Европы, и голос, более мощный, чем у пап и императоров, изгнал ее из цивилизованного общества. Но это лишь заставило русских еще сильнее ухватиться за свой древний орнамент, как за знак, отличающий их от иностранцев, которых они ненавидели. Петр, однако, решил, что их следует брить. Если бы он был человеком, глубоко изучившим историю, то, возможно, колебался бы, прежде чем совершить столь деспотичное посягательство на освященные временем обычаи и предрассудки своих соотечественников; но он не был таким. Он не знал и не задумывался об опасности нововведения; он лишь прислушался к побуждениям собственной неукротимой воли, и его указ гласил, что не только армия, но и все сословия граждан, от дворян до крепостных, должны брить бороды. Было дано определенное время, чтобы люди могли пережить первые муки отвращения, после чего каждый, кто решил сохранить бороду, должен был заплатить налог в сто рублей. Священники и крепостные были поставлены в более низкое положение, и им разрешалось сохранять бороду при уплате копейки каждый раз, когда они проходили через городские ворота. Вследствие этого возникло большое недовольство, но ужасная судьба стрельцов была слишком недавней, чтобы ее забыть, и у тысяч людей, имевших волю, не хватило мужества восстать. Как хорошо подметил один из авторов Британской энциклопедии, они сочли за лучшее отрезать себе бороды, чем рисковать разжигать страх перед человеком, который не побрезговал бы отрубить им головы. Он также был мудрее, чем папы и епископы прежних времен, и не угрожал им вечным проклятием, а заставлял их платить твердой денежной суммой за свое непослушание. В течение многих лет из этого источника собирался весьма значительный доход. Сборщики давали в уплату небольшую медную монету, отчеканенную специально для этой цели и называвшуюся "*бородовой*", или "*бородатой*". С одной стороны на ней были изображены нос, рот и усы, длинная кустистая борода, надпись "*Деюе вятэ*" - "деньги получены"; все это было окружено венком и оттиснуто черным орлом России. На обороте была указана дата года. Каждый мужчина, решивший носить бороду, обязан был предъявить эту расписку при въезде в город. Тех, кто проявлял несговорчивость и отказывался платить налог, бросали в тюрьму.

С тех пор правители современной Европы во всем, что касается моды, стараются убеждать, а не принуждать. Ватикан больше не беспокоится о бородах и перстнях, а мужчины могут стать волосатыми, как медведи, если это им нравится, не опасаясь отлучения от церкви или лишения политических прав. Глупость взяла новый старт и культивирует усы.

Даже в этом вопросе правительства не оставляют людей в покое. Религия пока не вмешивается в этот вопрос, но, возможно, будет вмешиваться, а политика уже оказывает на него значительное влияние. До революции 1830 года ни французы, ни бельгийцы не отличались усами; но после этого события в Париже или Брюсселе вряд ли найдется лавочник, чья верхняя губа вдруг не стала бы волосатой от настоящих или шуточных усов. Во время временного триумфа, одержанного голландскими солдатами над жителями Лувена в октябре 1830 года, над патриотами стали шутить, что они сразу же начисто выбрили свои лица; а умники из голландской армии утверждали, что собрали достаточно усов с оголенных губ бельгийцев, чтобы набить матрасы для всех больных и раненых в своем госпитале.

Последняя глупость такого рода появилась совсем недавно. В немецких газетах за август 1838 года появился ордонанс, подписанный королем Баварии, запрещающий гражданским лицам под любым предлогом носить усы и предписывающий полиции и другим властям арестовывать и заставлять брить усы нарушителей. "Как ни странно, - пишет Le Droit, журнал, из которого взята эта статья, - усы сразу же исчезли, как листья с деревьев осенью; все поспешили подчиниться королевскому приказу, и ни один человек не был арестован".

Король Баварии, рифмоплет с известной репутацией, в свое время взял на себя немало поэтических лицензий. Его лицензия в этом вопросе не кажется ни поэтической, ни разумной. Остается надеяться, что ему не придет в голову заставить своих подданных побриться; для полной деградации не нужно ничего, кроме этого.

ГОБЕЛЕН ИЗ БАЙЕ.77

Сноски

87. Мисс Элизабет Вильерс, впоследствии графиня Оркнейская.

[Вернуться](#)

88. Тогдашние умники называли это *песчаной отмелью*, которая могла бы разбить государственное судно.

[Возвращение](#)

89. Этот анекдот, который приводится в переписке мадам де Бавьер, герцогини Орлеанской и матери регента, дискредитирован лордом Джоном Расселом в его

"Истории главных государств Европы со времен Утрехтского мира"; по какой причине, он не сообщает. Нет никаких сомнений в том, что Лоу предложил свою схему Десмарету, а Людовик отказался ее выслушать. Причина отказа вполне соответствует характеру этого фанатичного и тиранического монарха.

Возвращение

90. От *maltôte* - деспотичный налог.

Возврат

91. Этот анекдот рассказывает М. де ла Ход в своей "Жизни Филиппа Орлеанского". Он выглядел бы более достоверным, если бы он назвал имена нечестного подрядчика и еще более нечестного министра. Но книга месье де ла Хода подвержена тому же возражению, что и большинство французских мемуаров того и последующих периодов. В большинстве из них достаточно, чтобы анекдот был *ben trovato; vero* - вопрос второстепенный.

Вернуться

92. Французы произносили его имя таким образом, чтобы избежать неблагозвучного звука *aw*. После провала его затеи острословы заявили, что нация была *лассе де Люи*, и предложили, чтобы в будущем он был известен под именем месье *Хелас!*

Вернуться

93. Любопытный читатель может найти анекдот о том, как французские дамы стремятся удержать Лоу в своей компании, который заставит его покраснеть или улыбнуться, в зависимости от того, будет ли он очень скромным или наоборот. Он приводится в "Письмах мадам Шарлотты Элизабет де Бавьер, герцогини Орлеанской", т. ii. с. 274.

Возвращение

94. По этому случаю был распространен следующий сквиб:

"Foin de ton zèle séraphique,

Злосчастный аббат де Тенсин,

Depuis que Law est Catholique,

Tout le royaume est Capucin!"

Так несколько слабо и перефразированно перевел Юстансон в своем переводе "Мемуаров Людовика XV":

"Тенсин, проклятие твоему серафическому рвению,

Который убеждением придумал средства

Чтоб шотландец у наших алтарей преклонил колени,

После чего все мы стали бедны, как Капуцины!"

Возвращение

95. С гравюры из голландского сборника сатирических гравюр, относящихся к мании Миссисипи, под названием "Het groote Tafereel der Dwaasheid", или "Великая картина глупости". Гравюра с изображением Атласа называется "L'Atlas actieux de Papier". Лоу призывает Геркулеса помочь ему поддержать земной шар. Цитируется по книге Райта "Англия под властью Ганноверского дома".

Возвращение

96. Герцог де ла Форс получил значительные суммы не только за счет работы на бирже, но и за счет торговли фарфором, пряностями и т. д. В Парижском парламенте долгое время обсуждался вопрос о том, не лишился ли он своего звания пэра в качестве торговца пряностями. Решение было принято отрицательное. Была сделана карикатура на него, одетого как уличный торговец, несущего на спине большой тюк специй, с надписью "Admirez La Force".

Вернуться

97. На картине "Новый баркас Люцифера" Лоу изображен в баркасе с множеством символических фигур, олицетворяющих глупость Миссисипи - по отпечатку из коллекции мистера Хокинса.

Вернуться

98. Duclos, Memoires Secrets de la Régence.

Возврат

99. Герцогиня Орлеанская приводит другую версию этой истории; но какой бы она ни была, проявление такого чувства в законодательном собрании не заслуживает доверия. Она говорит, что президент был так охвачен радостью, что его охватил приступ рифмоплетства, и, вернувшись в зал, он воскликнул к членам:

"Господа! Господа! Приятная новость!

Le carrosse de Lass est réduit en cannelle!"

Возвращение

100. Закон в машине, запряженной петухами; от Het groote Tafereel der Dwaasheid.

Возвращение

101. Шея или ничего, или крах Миссисипской компании; из гравюры в коллекции мистера Хокинса.

Возврат

102. Баллада о Южном море; или Веселые замечания о пузырьках на Биржевой аллее. На новую мелодию под названием "Великий эликсир, или Философский камень обнаружен".

Вернуться

103. Coxe's Walpole, Переписка между мистером секретарем Крэггсом и графом Стэнхоупом.

Возврат

104. Stock-jobbing Card, or the humours of Change Alley. Скопировано с гравюры под названием "Bubblers' Medley", изданной Каррингтоном Боулзом.

Возврат

105. Дерево, окруженное водой; люди, взбирающиеся на дерево. Одна из серии открыток с пузырями, скопированная с гравюры "Bubblers' Medley", опубликованной Каррингтоном Боулзом.

Возвращение

106. В тот катастрофический год Гей (поэт) получил в подарок от молодого Крэггса несколько южноморских акций и однажды возомнил себя хозяином двадцати тысяч фунтов стерлингов. Друзья уговаривали его продать свою долю, но он мечтал о достоинстве и великолепии и не мог слышать, чтобы препятствовать собственной удаче. Тогда его уговаривали продать столько, чтобы купить сто фунтов в год на всю жизнь, "что, - говорит Фентон, - позволит вам быть уверенным в чистой рубашке и бараньем плече каждый день". Этот совет был отвергнут; прибыль и основной капитал были потеряны, а Гей опустил под тяжестью бедствия так низко, что его жизнь оказалась в опасности. -Johnson's Lives of the Poets

Вернуться

107. Смоллетт.

Возврат

108. Карикатура, скопированная из "Bubblers' Medley", изданной Каррингтоном Боулзом.

Возврат

109. Британия, разрисованная директором Южного моря. Из книги "Het groote Tafereel der Dwaasheid".

Возвращение

110. "Бог не может любить, - говорит Блант с бесслезными глазами,
"Негодяя, которого он морит голодом и от которого благочестиво отказывается".
...

Многострадальный Блант! Почему он несет в себе ненависть Британии?

Волшебник поведал ему в этих словах нашу судьбу:

"В конце концов, разврат, подобно всемирному потопу,

так долго сдерживаемая бдительными министрами,

Потопит всех; и ав'рис, ползущий дальше,

Распространится, как низкорожденный туман, и затуманит солнце";

Государственные деятели и патриоты одинаково налегают на акции,

Пирс и дворецкий делят одинаково ложе,

И судьи работают, и епископы кусают город,

А могущественные герцоги сдают карты на полкроны:

Смотрите, как Британия утопает в запретных чарах корысти,

И Францию, отомщенную за руки Анны и Эдуарда!

'Twas no court-badge, great Scriv'ner! fir'd your brain,

Ни роскошь лордов, ни городская прибыль:

Нет, это был твой праведный конец, когда ты сокрушался о том.

Сенаты деградируют, патриоты расходятся,

И благородно желая, чтоб прекратилась партийная ярость,

Купить обе стороны и дать твоей стране мир".

Послание Поупа к Аллену лорду Батерсту.

[Возвращение](#)

111. Брабантский экран. Эта карикатура изображает герцогиню Кендальскую за "Брабантской ширмой", снабжающую мистера Найта деньгами, чтобы облегчить его побег; она скопирована с редкой гравюры того времени, хранящейся в коллекции Э. Хокинса, эск. Ф.С.А.

[Вернуться](#)

112. Эмблематическая гравюра "Схема Южного моря". Автор У. Хогарт.

[Возврат](#)

113. Проект Южного моря до 1845 года оставался величайшим в истории Великобритании примером увлечения людей коммерческими азартными играми. Первое издание этих томов было опубликовано за некоторое время до начала Великой железнодорожной мании того и следующего года.

[Вернуться](#)

114. Biographie Universelle.

[Возврат](#)

115. Его "Сумма совершенства", или инструкции для студентов, призванные помочь им в кропотливых поисках камня и эликсира, была переведена на большинство языков Европы. Английский перевод, выполненный большим энтузиастом алхимии, неким Ричардом Расселом, был опубликован в Лондоне в 1686 году. Предисловие датировано восемью годами ранее из дома алхимика, "в Звезде, в Ньюмаркете, в Уоппинге, около дока". По его словам, целью перевода было разоблачение ложных притязаний многих невежественных претендентов на науку, которыми изобиловало его время.

[Вернуться](#)

116. Статья, Geber, Biographie Universelle.

[Возврат](#)

117. Naudé, Apologie des Grands Hommes accusés de Magie, chap. xviii.

[Возврат](#)

118. Lenglet, Histoire de la Philosophie Hermétique. См. также "Жизнь некромантов" Годвина.

Возврат

119. Naudé, Apologie des Grands Hommes accusés de Magie, chap. xvii.

Возврат

120. Vidimus omnia ista *dum ad Angliam transiimus, propter intercessionem domini Regis Edoardi illustrissimi*.

Возврат

121. Converti una vice in aurum ad L millia pondo argenti vivi, plumbi, et stanni.-Lullii Testamentum.

Возврат

122. Эти стихи - лишь более грубое выражение клеветнической фразы Поупа, что "каждая женщина в душе грабительница".

Возврат

123. Fuller's Worthies of England.

Возврат

124. Biographie Universelle.

Возврат

125. Полные подробности этого необычного судебного процесса см. в "Новой истории Бретани" Лобино и в работе д'Аржантре на ту же тему. Считается, что характер и жизнь Жилья де Рэйса навеяли мысли о знаменитой Синей Бороде из детской сказки.

Вернуться

126. См. статью "Парацельс" ученого Ренодена в "Универсальной биографии".

Возврат

127. Упомянутый "кристалл", по-видимому, представлял собой черный камень или кусок полированного угля. В приложении к "Биографической истории" Грейнджера приводится следующий рассказ о нем. "Черный камень, в который Ди вызывал своих духов, находился в коллекции графов Питерборо, откуда перешел к леди Элизабет Джермейн. Затем он стал собственностью покойного герцога Аргайла, а сейчас принадлежит мистеру Уолполу. При осмотре оказывается, что это не более чем отполированный кусок каменного угля; но именно это имел в виду Батлер, когда сказал,

"Келли совершал все свои подвиги на

дьявольском зазеркалье - камне".

Вернуться

128. Астролог Лилли в своей "Жизни", написанной им самим, часто рассказывает о пророчествах, которые давали ангелы, похожие на ангелов доктора Ди. Он говорит: "Пророчества давались ангелами не вокально, а путем осмотра кристалла в виде типов и фигур, или путем явления круговым способом; когда на некотором расстоянии появляются ангелы, представляя формами, фигурами и существами то, что требуется. Очень редко, да и в наши дни, - говорит тот мудрец, - кто-либо из операторов или

мастеров слышит, как ангелы говорят членораздельно: когда они говорят, *это похоже на то, как ирландцы говорят в горле!*"

Вернуться

129. Альберт Лаский, сын Ярослава, был палатином Сирадзским, а затем Сендомирским, и в основном способствовал избранию Генриха Валуа, Третьего Французского, на польский престол, и был одним из делегатов, отправившихся во Францию, чтобы объявить новому монарху о его возведении в суверенитет Польши. После низложения Генриха Альберт Лаский голосовал за Максимилиана Австрийского. В 1583 году он посетил Англию, где королева Елизавета приняла его с большим почетом. Почести, оказанные ему во время визита в Оксфорд по особому повелению королевы, были равны тем, что оказывались принцам-суверенам. Его необычайная расточительность привела к тому, что его огромного богатства не хватало на покрытие расходов, поэтому он стал ревностным адептом алхимии и взял с собой из Англии в Польшу двух известных алхимиков. - Исторический очерк Реформации в Польше графа Валериана Красинского.

Возвращение

130. Следующая легенда о гробнице Розенкрейца, написанная Юстасом Буджеллом, опубликована в № 379 журнала Spectator: "Некий человек, имевший случай несколько углубиться в землю, где покоился этот философ, наткнулся на небольшую дверь, с каждой стороны которой была стена. Любопытство и надежда найти спрятанное сокровище вскоре побудили его открыть дверь. Его сразу же поразил внезапный свет, и он обнаружил очень красивое хранилище. В верхней его части стояла статуя человека в доспехах, сидящего за столом и опирающегося на левую руку. В правой руке он держал дубинку, а перед ним горела лампа. Не успел он ступить в склеп, как статуя, выпрямившись, встала во весь рост и, когда он сделал еще один шаг, подняла дубинку в правой руке. Мужчина все же решился сделать третий шаг, и тогда статуя яростным ударом разбила лампу на тысячу осколков, оставив своего гостя в кромешной тьме. Узнав об этом приключении, деревенские жители пришли с фонарями к усыпальнице и обнаружили, что статуя, сделанная из меди, была не более чем часовым механизмом, а пол склепа был расшатан и подложен несколькими пружинами, которые при любом шаге человека естественно приводили к тому, что произошло.

"Росикреций, говорят его ученики, воспользовался этим способом, чтобы показать всему миру, что он вновь изобрел вечно горящие лампы древних, хотя он был уверен, что никто не получит никакой выгоды от этого открытия".

Вернуться

131. No. 574. Пятница, 30 июля 1714 года.

Возвращение

132. "Vitulus Aureus quem Mundus adorat et orat, in quo tractatur de naturæ miraculo transmutandi metalla." Hagæ, 1667.

Возвращение

133. Voyages de Monconis, tome ii. p. 379.

Возвращение

134. См. аббат Фьяр и анекдоты о царствовании Людовика XVI. p. 400.

Возврат

135. Biographie des Contemporains, статья "Cagliostro". См. также Histoire de la Magie en France, par M. Jules Garinet, p. 284.

Возвращение

136. Враги несчастной королевы Франции, когда ход революции усилил их вражду против нее, утверждали, что она действительно была участницей этой сделки; что она, а не мадемуазель д'Олива, встретила с кардиналом и наградила его цветком; и что вышеупомянутая история была просто придумана между ней, Ла Моттом, и другими, чтобы обмануть ювелира на его 1 600 000 франков.

Вернуться

137. См. Гиббона и Вольтера для дальнейшего изложения этой темы.

Возврат

138. Карл Великий: Poëme épique par Lucien Buonaparte.

Возврат

139. Это пророчество, по-видимому, было тем, которое подробно изложено в популярной "Жизни матери Шиптон":

"Когда судьба вернет Англии

Короля, который будет править, как прежде,

Великая смерть в Лондоне будет,

И многие дома будут разрушены".

Вернуться

140. Лондонский субботний журнал от 12 марта 1842 года содержит следующее:- "Среди слабоумных набирает силу абсурдный слух, что Лондон будет разрушен землетрясением 17 марта, или в день святого Патрика. Этот слух основан на следующих древних пророчествах: одно из них утверждает, что оно было произнесено в 1203 году, другое - астрологом доктором Ди в 1598 году:

"В восемнадцать сто сорок два года

Четыре вещи увидит солнце";

Богатый и знаменитый город Лондон

Голодная земля поглотит его.

Бури и дожди во Франции будут,

Пока каждая река не превратится в море.

Испания будет разорвана на две части,

И голод снова опустошит землю.

Так говорю я, монах из Дри,

В двенадцатисотый год и три".

Harleian Collection (Британский музей), 800 b, fol. 319.

"Господь милостив к вам всем.

Приготовьтесь к ужасному падению

Дома, земли и души людские.

Мера ваших грехов полна.

В год один, восемь и сорок два,

В году новом;

В третьем месяце того шестнадцатого года,

Может быть, пройдет день или два между ними.

Возможно, вы скоро окоченеете и замерзнете.

Дорогой христианин, не будь стойким и смелым.

Могущественный, царственно гордый увидит

Это происходит под моим именем Ди".

1598. Г-жа в Британском музее.

Тревога населения Лондона в этот раз не вышла за пределы широкого круга необразованных слоев, но среди них она сравнивалась с той, что зафиксирована в тексте. Вскоре после этого было заявлено, что в Харлейской г-же такого пророчества нет.

[Вернуться](#)

141. Хроники Англии, Ричард Графтон; Лондон, 1568, с. 106.

[Возвращение](#)

142. Faerie Queene, b. 3, c. 3, s. 6-13.

[Возврат](#)

143. Хотя на честь(!) рождения матушки Шиптон претендуют другие места, ее резиденцией, по устному преданию, долгие годы был коттедж в Уинслоу-кум-Шиптон, в Бакингемшире, о котором говорится выше. Мы приводим содержание одной из популярных книг, содержащих ее пророчества:

The Strange and Wonderful History and Prophecies of Mother Shipton, plainly setting forth her Birth, Life, Death, and Burial. 12mo. Ньюкасл. Гл. 1. О ее рождении и происхождении. 2. Как мать матушки Шиптон оказалась с ребенком; как она приспособилась к правосудию и что случилось при ее родах. 3. Под каким именем была крещена матушка Шиптон и как ее мать ушла в монастырь. 4. Несколько других проделок, разыгранных матушкой Шиптон в отместку тем, кто над ней издевался. 5. Как Урсула вышла замуж за молодого человека по имени Тобиас Шиптон и каким странным образом обнаружила вора. 6. Ее пророчество против кардинала Вулси. 7. Некоторые другие пророчества матушки Шиптон, относящиеся к тем временам. 8. Ее

пророчества в стихах аббата Беверли. 9. Жизнь, смерть и погребение матушки Шиптон.

[Вернуться](#)

144. Давайте попробуем. Во втором веке, в предсказании 66, он говорит

"Из великих опасностей пленник спасается.

Прошло немного времени, и великая судьба изменилась.

Во дворце пойманы люди.

По хорошему предвидению, город осажден".

"Что это, - может воскликнуть верующий, - как не побег Наполеона с Эльбы, изменение его судьбы и занятие Парижа союзными войсками?"

Давайте попробуем еще раз. В третьем веке, в предсказании 98, он говорит:

"Два королевских брата начнут жестокую войну друг с другом;

Так смертельна будет вражда между ними,

что каждый из них займет крепость против другого;

Ибо их царствование и жизнь будут ссорой".

Какой-нибудь Лиллий Редивив не нашел бы ничего сложного в этом предсказании. Говоря вульгарным языком, оно ясно, как древко пика. Не имел ли астролог в виду дона Мигеля и дона Педро, когда писал эту строфу, гораздо менее туманную и оракульную, чем все остальные?

[Вернуться](#)

145. Hermippus Redivivus, p. 142.

[Возврат](#)

146. Jovii Elog. p. 320.

[Возврат](#)

147. Les Anecdotes de Florence, ou l'Histoire secrète de la Maison di Medicis, p. 318.

[Возврат](#)

148. Удивительно видеть, каким огромным спросом как в Англии, так и во Франции пользуются книги сновидений и прочая дребедень того же рода. Две книги в Англии пользуются необычайной популярностью и за столько лет выдержали более пятидесяти изданий только в Лондоне, а также были переизданы в Манчестере, Эдинбурге, Глазго и Дублине. Одна из них - "Книга снов и прорицание судьбы матушки Бриджит", другая - "Норвудская цыганка". По словам одного из любознательных людей, спрос на эти произведения, продающиеся по цене от пенни до шести пенсов, в основном среди служанок и малообразованных людей, по всей стране составляет до одиннадцати тысяч в год; и ни разу за последние тридцать лет среднее количество проданных произведений не было меньше этого. Таким образом, общее количество за этот период составило бы 330 000.

Вернуться

149. Spectator, No. 7, 8 марта 1710-11 гг.

Возвращение

150. См. рассказ Ван дер Мё об осаде Бреды. Гарнизон был поражен цингой, и принц Оранский послал лекарям две или три маленькие пиалы с отваром ромашки, полыни и камфары, велел им притвориться, что это лекарство величайшей ценности и чрезвычайной редкости, которое с большой опасностью и трудом было доставлено с Востока; оно настолько сильно, что две или три капли придадут галлону воды целебное свойство. Солдаты верили в своего командира; они принимали лекарство с радостными лицами и быстро поправлялись. После этого они толпились вокруг принца группами по двадцать и тридцать человек за раз, восхваляя его мастерство и заваливая его благодарностями.

Возвращение

151. Мумии были нескольких видов, и все они были очень полезны для изготовления магнетических лекарств. Парацельс перечисляет шесть видов мумий; первые четыре отличаются только составом, который использовали разные народы для сохранения своих мертвых: египетская, арабская, пизасфальтосская и ливийская. Пятая мумия особой силы была сделана из преступников, которые были повешены; "ибо из таких мумий происходит мягкое сиккация, которая изгоняет водянистую влагу, не разрушая масла и духа, которые лелеются небесными светилами и постоянно укрепляются изобилием и импульсами небесных духов; поэтому она может быть правильно названа созвездийной или небесной мумией". Шестой вид мумии был сделан из корпускул, или духовных выделений, излучаемых из живого тела; хотя мы не можем получить очень четких представлений об этом, или о способе, которым они были пойманы. - *Medicina Diastastica; or, Sympathetical Mummie, abstracted from the Works of Paracelsus, and translated from the Latin, by Fernando Parkhurst, Gent. London, 1653, pp. 2, 7.* Цитируется в *Foreign Quarterly Review*, vol. xii. p. 415.

Возвращение

152. Реджинальд Скотт, цитируется сэром Вальтером Скоттом в примечаниях к "Слою последнего менестреля", с. iii. v. xxiii.

Возврат

153. Рассказ Грейтракса о себе в письме к достопочтенному Роберту Бойлю.

Возврат

154. Введение в изучение животного магнетизма, барон Дюпоте де Сенневуа, с. 315.

Возврат

155. Введение в изучение животного магнетизма, с. 318.

Возврат

156. *Dictionaire des Sciences Médicales-Article Convulsionnaires*, par Montégre.

Возврат

157. Один философ-энтузиаст, имя которого нам не известно, построил весьма удовлетворительную теорию по какому-то вопросу и не мало ею гордился. "Но факты, мой дорогой друг, - сказал его друг, - факты не согласуются с твоей теорией". "Не так

ли?" - ответил философ, пожимая плечами, - "тогда, *tant pis pour les faits*;" - тем хуже для фактов!

[Вернуться](#)

158. Доклад комиссаров, составленный М. Бейли. Париж, 1784.

[Вернуться](#)

159. Введение в изучение животного магнетизма, барон Дюпотэ, с. 73.

[Возврат](#)

160. См. Foreign Review and Continental Miscellany, vol. v. p. 113.

[Возврат](#)

161. См. очень ясную и беспристрастную статью на эту тему в пятом томе (1830 г.) "Иностранного обозрения", стр. 96 и далее.

[Возвращение](#)

162. Histoire Critique du Magnétisme Animal, p. 60.

[Возврат](#)

163. Приведенная выше гравюра, изображающая двух солдат армии Вильгельма Завоевателя, взята со знаменитого гобелена Байе - см. *выше*, с. [297](#).

[Возвращение](#)

КОНЕЦ ТОМА. I.

ПАПА УРБАН ПРОПОВЕДУЕТ КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

МЕМОАРЫ
С САЙТА
НЕОБЫКНОВЕННЫЕ НАРОДНЫЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ.
ТОМ II.

ВИД В ГОРАХ ГАРЦА.

ЛОНДОН:
ОФИС НАЦИОНАЛЬНОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ БИБЛИОТЕКИ,
227 СТРАНД.

1852.

МЕМУАРЫ ЭКСТРАОРДИНАРНЫХ ПОПУЛЯРНЫХ ДЕЛЮЗИЙ И БЕЗУМИЕ ТОЛП.

By CHARLES MACKAY, LL.D.
АВТОР "ЭГЕРИИ", "САЛАМАНДРИНЫ" И ДР.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ МНОГОЧИСЛЕННЫМИ ГРАВЮРАМИ.

VOL. II.

N'en déplaise à ces fous nommés sages de Grèce,

В этом мире нет ни одного человека, который не был бы настолько мудрым;

Все люди - мудрецы, и, несмотря на все их чувства.

Ne diffèrent entre eux que du plus ou du moins.

BOILEAU.

ЛОНДОН:
ОФИС НАЦИОНАЛЬНОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ БИБЛИОТЕКИ,
227 СТРАНД.

СОДЕРЖАНИЕ.

- **КРЕСТАДЫ.**

Различные рассказы о крестоносцах, почерпнутые из истории и романов - Паломничество в Святую Землю, впервые предпринятое обращенными евреями и очень доверчивыми людьми - Увеличение числа паломников с каждым годом - Реликвии, которые очень ценились - Гарун аль Решид - Паломники, облагаемые налогом - Роберт Нормандский - Паломники, преследуемые турками - Петр Отшельник - Его первая идея пробудить силы христианства - Его беседа с турками - Его беседа с турками. Петр Отшельник - Его первая идея о пробуждении сил христианства - Его беседа с Симеоном - Петр Отшельник проповедует Священную войну всем народам христианства - Папа переходит Альпы - Король Филипп обвиняется в прелюбодеянии с Бертрадой де Монфор - Клермонский собор - Ординация Урбана II. - "Божье перемирие" - Готье без Авуара, или Вальтер Бескозырный - Готтшалк - прибытие в Семлин - Петр Отшельник в Ниссе - в Константинополе - крестоносцы благополучно добрались до Константинополя - новые полчища из Германии - Годфрид Бульонский - граф Вермандуа - Танкред - осада Антиохии - Святое копье - судьба Петра Бартелеми - осада Иерусалима - Святой Бернард - Второй крестовый поход: Осада Дамаска - Третий крестовый поход: Смерть Генриха II - Ричард Кёр де Лев - Четвертый крестовый поход - Пятый крестовый поход: Штурм Константинополя - Шестой крестовый поход: Камхель и Кохреддин - Седьмой крестовый поход: Отплытие Людовика IX на Кипр - За Акко - Его смерть в Карфагене - Конец крестовых походов

- **МАНИЯ ВЕДЬМ.**

Популярные представления о дьяволе - низшие демоны - демоны обоих полов - демоны, предпочитающие ночь между пятницей и субботой - дьявол в виде козла - колдовство - казнь Жанны д'Арк - ведьмы, сожженные в Европе - различные обвинения в колдовстве - Труа Эшель - ведьмы из Варбуа - Джон Нокс - пытки доктора Фиана - ведьмы из Ланкашира. Фиан - Ланкаширские ведьмы - Мэтью Хопкинс - Сожжения в Вюрцбурге, Линдхейме, Лабурте - Резолюция парламента Руана королю в 1670 году - Вюрцбург - место последнего случая колдовства - Колдовство леди Хэттон - Колдовство в Гастингсе и многих других частях Англии

- **МЕДЛЕННЫЕ ОТРАВИТЕЛИ.**

Убийство сэра Томаса Овербери - Суд над Уэстоном - Сэр Джервис Элвес - Отравление наиболее распространено в Италии - Яды, изготовленные Ла Тофанией - Ее смерть - Мадам де Бринвилье - Отравление ее отца и двух братьев - Лавуазен и Лавигоро

- **ДОМА С ПРИВИДЕНИЯМИ.**

Дом с привидениями в Экс-ла-Шапель - в Туре - королевский дворец в Вудстоке
- дом с привидениями - предполагаемые призраки в Тедворте - в Кок-Лейн - в
Стоквелле - дом с привидениями в Балдаррохе

- **НАРОДНЫЕ ЗАБАВЫ БОЛЬШИХ ГОРОДОВ.**

Кантовские фразы - "Куоз" - "Какая шокирующая плохая шляпа" - "Хуки Уокер" -
"Вон он идет с выпученным глазом" - "Твоя мать продала свой мангл?" - "Твоя мать
знает, что ты уехал?" - "Том и Джерри" - "Джим Кроу".

- **НАРОДНОЕ ВОСХИЩЕНИЕ ВЕЛИКИМИ ВОРАМИ.**

Робин Гуд-Клод Дюваль-Дик Терпин-Джонатан Уайлд-Джек Шеппард-Видок-
Мауш Надель-Опера нищего-Роб Рой

- **ДУЭЛИ И ИСПЫТАНИЯ.**

Происхождение дуэли - Все лица, участвующие в дуэли, отлучены от церкви
Трентским собором - Огненное испытание - Водное испытание - Корснел - Дуэль
между Ингельгериусом и Гонтраном - Дуэль между Франсуа де Вивоном и Ги де Шабо -
Остров Мариво и Мароль - Ришелье - Дуэль между герцогами де Бофором и де
Немуром - Законы против дуэли - Дуэль между лордом Санквиром и Тернером - Между
герцогом Гамильтоном и лордом Моуном - Немецкие студенты - заядлые дуэлянты

- **РЕЛИГИИ.**

Истинный крест - Слезы Спасителя - Санта Скала, или Святая лестница -
Безумный мальтийский рыцарь - Шекспировское тутовое дерево

СПИСОК ГРАВЮР В ТОМЕ. II.

- Папа Урбан, проповедующий первый крестовый поход. Фронтиспис.
- Вид в горах Гарца. (Ганноверские и саксонские пейзажи капитана Бэтти.) -
Титульная страница.
- Начало - Оружие крестоносцев одиннадцатого века
- Петр Отшельник проповедует
- Собор в Клермонте. (Альбом Соммерара).
- Никея, Малая Азия. (Путешествие по Востоку Леона де Лаборда).
- Годфрид Бульонский. (Со статуи работы Симониса, Брюссель)
- Осада Антиохии
- Святое копье. (Скопировано в "Повседневной книге" Хоуна с очень редкой
гравюры, изданной нюрнбергскими епископами)
- Храм Рождества Христова, Вифлеем. ("Путешествие на Восток" Лаборда).
- Первый взгляд паломников на Иерусалим. (Гравюра Плюддеманна)
- Осада Иерусалима
- Иерусалим. ("Большое путешествие в Иерусалим" Герхардта фон Брейденбаха,
1517 г.)

- Библия королевы Болдуина. (Оригинал хранится в Британском музее)
- Собор Везелая. (Альбом Sommerard)
- Посох паломника. (The Archæologia)
- Дамаск. (Laborde's Voyage en Orient)
- Печать Фридриха Барбароссы. (Венецианская история)
- Генрих II. (Stothard's Monumental Effigies)
- Замок Жизор, Нормандия. (L'Univers Pittoresque)
- Филипп Август. (Willemin's Monumens Français inédits)
- Остров Родос. (Королевская библиотека, Британский музей; гравюра "in Venetia, 1570")
- Ричард I и Беренгария. (Stothard's Monumental Effigies)
- Вифлеем. (Laborde's Voyage en Orient)
- Константинополь. (Гравюра, Иоганн Баптист Хуман, Королевская библиотека, Британский музей)
- Тамплиеры и госпитальеры. (Книга костюмов Фейрхольта)
- Яффо. (Laborde's Voyage en Orient)
- Лонгеспи или Лонгсворд, граф Солсбери. (Фигура в Солсберийском соборе).
- Печать Эдуарда I. (Из Большой печати)
- Гробница королевы Элеоноры, Вестминстерское аббатство. (Оригинальный эскиз)
- Аррас. (Кони "Соборы и отели де Виль")
- Филипп IV. из Франции
- Жанна д'Арк
- Боденские ворота. (Гравюра, рисунок майора Кокберна).
- Карл IX Французский. (Французская гравюра Адольфа Брюна)
- Епископ Джуэлл
- Джон Нокс
- Пытка сапогами. (Рыцарская иллюстрация Шекспира)
- Яков I. Демонолог
- Сэр Г. Маккензи
- Пьетро д'Апоне
- Мэтью Хопкинс. (Гравюра из книги Колфилда "Примечательные личности", скопированная с редкой гравюры из коллекции Дж. Биндли, эск.)
- Сэр Мэтью Хейл
- Сэр Томас Браун
- Лион. ("Виды Франции" Праута)
- Бамберг. (Взгляды Праута на Германию)
- Дворец правосудия, Руан. (Sommerard's Arts du Moyen Age)
- Людовик XIV.
- Вюрцбург. (Prout's Views in Germany)
- Дом леди Хаттон, Кросс-стрит, Хаттон-Гарден. (Оригинальный эскиз)
- Плывающая ведьма

- [Площадь де Грев, Париж.](#) (Старая гравюра)
- [Сэр Т. Овербери.](#) (Чрезвычайно редкая гравюра Р. Элстрака)
- [Джордж Вильерс, герцог Бекингемский](#)
- [Лорд верховный судья Кок](#)
- [Граф Сомерсет](#)
- [Графиня Сомерсет](#)
- [Смерть доктора Лэмба, Крест Святого Павла.](#) (Крест скопирован с гравюры из книги Уилкинсона "Londina Illustrata")
- [Бастилия.](#) (Виды общественных зданий в Париже, выполненные М.М. Легардом и Тестаром)
- [Вудстокский дворец в 1714 году.](#) (С гравюры того времени)
- [Святой Людовик Французский.](#) (Willemin's Monumens Français inédits)
- [Дом с привидениями в Петушином переулке.](#) (Оригинальный эскиз)
- [Комната в доме с привидениями в Петушином переулке.](#) (Оригинальный эскиз)
- [Шервудский лес](#)
- [Дуэль между Дю Гесклином и Трусселем](#)
- [Дуэль между Ингельгериусом и Гонтраном](#)
- [Генрих IV.](#)
- [Галерея во дворце Фонтенбло.](#) (Sommerard's Arts du Moyen Age)
- [Герцог де Сюлли](#)
- [Лорд Бэкон](#)

МЕМУАРЫ О НЕОБЫКНОВЕННЫХ НАРОДНЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЯХ.

КРУСАДЫ.

Содержание

Они услышали и взлетели на крыло.

Неисчислимое множество. Как тогда, когда мощный жезл

сына Амрама в злой день Египта,

Взмахнул над побережьем, и поднялась грозная туча

Саранчи, на восточный ветер налетевшей.

Что над царством нечестивого фараона висела

Как ночь, и омрачила все царство Нила,

Так бесчисленны они были. * * * *

В один миг сквозь мрак увидели

Десять тысяч знамен взвились в воздух,

с восточными цветами. Вместе с ними поднялся

Огромный лес копий; и шлемов толпа

Появились, и щиты в ряд, в густом строю,

Неизмеримой глубины.

Потерянный рай.

Каждому веку свойственна своя глупость; какая-то схема, проект или фантазия, в которую он погружается, подстегиваемый либо любовью к выгоде, либо необходимостью возбуждения, либо просто силой подражания. Если же этого не происходит, его охватывает безумие, к которому его подталкивают политические или религиозные причины, или же обе вместе взятые. Каждая из этих причин повлияла на крестовые походы, и, сговорившись, они стали самым выдающимся примером того, до какой степени может быть доведен народный энтузиазм. История на своих торжественных страницах сообщает нам, что крестоносцы были всего лишь невежественными и дикими людьми, что их мотивы были продиктованы фанатизмом, а их путь - это кровь и слезы. Романтика, напротив, превозносит их благочестие и героизм, изображает в самых ярких и

впечатляющих тонах их добродетель и великодушие, нетленную честь, которую они приобрели для себя, и великие заслуги, которые они оказали христианству. На следующих страницах мы переберем запасы обеих книг, чтобы выявить истинный дух, который одушевлял пеструю толпу, взявшую в руки оружие для служения кресту, оставив историю ручаться за факты, но не пренебрегая помощью современной поэзии и романтики, чтобы пролить свет на чувства, мотивы и мнения.

Чтобы досконально понять состояние общественных чувств в Европе в то время, когда Петр Отшельник проповедовал священную войну, необходимо вернуться на много лет назад до этого события. Мы должны познакомиться с паломниками восьмого, девятого и десятого веков и узнать их рассказы об опасностях, которые они прошли, и чудесах, которые они видели. Паломничества в Святую землю, по-видимому, сначала совершались обращенными в христианство иудеями, а также христианскими верующими с живым воображением, жаждавшими посетить те места, которые из всех других представлялись им наиболее интересными. В Иерусалим стекались и благочестивые, и нечестивые: одни - чтобы полюбоваться сценами, освященными жизнью и страданиями Господа, другие - потому что вскоре стало общепринятым мнение, что такого паломничества достаточно, чтобы смыть с себя длинный счет грехов, какими бы ужасными они ни были. Другой и очень многочисленной категорией паломников были праздные и бродячие люди, которые посещали Палестину, как современные люди посещают Италию или Швейцарию, потому что это было модно, и потому что они могли удовлетворить свое тщеславие, рассказывая по возвращении о приключениях, с которыми они столкнулись. Но по-настоящему благочестивые составляли подавляющее большинство. С каждым годом их число росло, и наконец они стали настолько многочисленны, что их стали называть "армиями Господа". Полные энтузиазма, они бросали вызов опасностям и трудностям пути и со святым восторгом задерживались на каждой сцене, описанной евангелистами. Для них было истинным блаженством испить чистой воды Иордана или креститься в том же ручье, где Иоанн крестил Спасителя. Они с благоговением и удовольствием бродили в урлях Храма, на торжественной Елеонской горе или на ужасной Голгофе, где Бог пролил кровь за грешных людей. Для этих паломников каждый предмет был дорог. Реликвии искали с нетерпением; флаконы с водой из Иордана или мешочки с плесенью с холма Распятия привозили домой и продавали по завышенным ценам церквям и монастырям. Более апокрифические реликвии, такие как дерево настоящего креста, слезы Девы Марии, подола ее одежд, ногти на ногах и волосы апостолов, даже палатки, которые Павел помогал изготавливать, были выставлены на продажу в Палестине и привезены в Европу "с чудесными затратами и заботами". Роща из ста дубов не дала бы всей древесины, проданной в виде маленьких кусочков как остатки истинного креста; а слезы Марии, если бы их собрали вместе, заполнили бы цистерну.

В течение двухсот лет паломники не встречали никаких препятствий в Палестине. Просвещенный Харун аль-Решид и его ближайшие преемники поощряли поток, приносивший в Сирию столько богатства, и относились к путникам с величайшей вежливостью. Род фатемитских халифов, которые, хотя в других отношениях были столь же терпимы, более нуждались в деньгах или были более беспринципны в их получении, чем их предшественники из дома Аббаса, ввел налог в размере безанта с каждого паломника, въезжавшего в Иерусалим. Это было серьезным испытанием для самых бедных, которые проделали изнурительный путь через всю Европу и прибыли к месту, на которое возлагали все свои надежды, без единой монеты. Сразу же поднялся большой шум, но налог все равно взимался неукоснительно. Паломники, не способные заплатить, были вынуждены оставаться у ворот святого города, пока какой-нибудь богатый верующий, прибывший со своим поездом, не заплатит налог и не пропустит их внутрь. Роберт Нормандский, отец Вильгельма

Завоевателя, который вместе со многими другими дворянами самого высокого ранга отправился в паломничество, по прибытии обнаружил у ворот десятки паломников, с нетерпением ожидавших его прихода, чтобы заплатить за них налог. Ни в одном случае ему не было отказано в такой милости.

Суммы, получаемые из этого источника, были для мусульманских правителей Палестины несметным богатством, поскольку налог был введен в то время, когда паломничества стали более многочисленными, чем когда-либо. В конце десятого и начале одиннадцатого века народными умами овладела странная идея. Повсеместно считалось, что конец света близок, что тысяча лет Апокалипсиса близка к завершению и что Иисус Христос сойдет в Иерусалим, чтобы судить человечество. Все христианство было в смятении. Панический ужас охватил слабых, легковверных и виновных, которые в те дни составляли более девятнадцати-двадцати процентов населения. Оставив свои дома, родных и занятия, они толпами устремились в Иерусалим в ожидании пришествия Господа, облегчив, как им казалось, груз грехов своим изнурительным паломничеством. Чтобы усилить панику, наблюдалось падение звезд с неба, землетрясения, сотрясавшие землю, и сильные ураганы, сносившие леса. Все это, а особенно метеоритные явления, рассматривались как предвестники приближающихся судов. Не было ни одного метеора, пролетевшего над горизонтом, который не наполнил бы округу тревогой и не отправил бы в Иерусалим десятки паломников с посохами в руках и кошельками на спине, молящихся по пути об отпущении грехов. Мужчины, женщины и даже дети толпами шли в святой город в ожидании того дня, когда небеса разверзнутся и Сын Божий сойдет в Своей славе. Это необычайное заблуждение, увеличивая число людей, увеличивало и трудности паломников. Нищих стало так много на всех дорогах между западом Европы и Константинополем, что монахи, великие раздатчики милостыни в таких случаях, довели бы себя до голодной смерти, если бы не экономили свои средства и не оставляли верующих добывать себе пропитание, как они могли. Сотни из них с удовольствием питались ягодами, созревавшими у дороги, которые до этого великого потока могли бы разделить хлеб и плоть монастырей.

Но это была не самая большая из их трудностей. По прибытии в Иерусалим они обнаружили, что Святая земля перешла во владение более суровой расы. На смену багдадским халифам пришли суровые турки из рода Сельджука, которые смотрели на паломников с презрением и отвращением. Турки одиннадцатого века были более свирепыми и менее щепетильными, чем сарацины десятого. Их раздражало огромное количество паломников, заполонивших страну, и еще больше то, что они не проявляли намерения покинуть ее. Ежечасное ожидание последнего суда заставляло их ждать, а турки, опасаясь, что их наконец-то вытеснят с земли все прибывающие стаи, создавали трудности на своем пути. Их ждали всевозможные преследования. Их грабили, били розгами, месяцами держали в ожидании у ворот Иерусалима, не имея возможности заплатить золотой безант, который должен был обеспечить им вход.

Когда первый эпидемический ужас перед судным днем начал утихать, несколько паломников отважились вернуться в Европу, их сердца были полны негодования по поводу нанесенных им оскорблений. Везде, где они проходили, они рассказывали сочувствующим слушателям о несчастьях христианства. Странно сказать, но даже эти рассказы усиливали манию паломничества. Чем больше опасностей на пути, тем больше шансов искупить грехи глубокой крови. Трудности и страдания только усиливали заслуги, и из каждого города и деревни выходили новые полчища, чтобы снискать благосклонность небес и посетить святую гробницу. Так продолжалось на протяжении всего одиннадцатого века.

Поезд, которому предстояло взорваться, был уже заложен, и нужна была только рука, чтобы поднести факел. Наконец на сцене появился человек. Как и все, кто когда-либо достигал столь великой цели, Петр Отшельник в точности соответствовал эпохе; он не отставал от нее и не опережал ее, но был достаточно зорек, чтобы проникнуть в ее тайну раньше, чем ее откроет кто-либо другой. Энтузиаст, рыцарь, фанатик и, если не безумец, то недалекий от безумия, он был прототипом своего времени. Истинный энтузиазм всегда настойчив и всегда красноречив, а эти два качества в личности этого необыкновенного проповедника сочетались не в одной степени. Он был монахом из Амьена, а до принятия сана служил солдатом. Его изображают плохо одетым и невысокого роста, но с глазами необыкновенной яркости и ума. Охваченный манией эпохи, он посетил Иерусалим и оставался там до тех пор, пока его кровь не закипела при виде жестоких преследований, которым подвергались верующие. По возвращении домой он потряс мир красноречивым рассказом об их злодеяниях.

Прежде чем вдаваться в дальнейшие подробности чудесных результатов его проповеди, желательно бросить взгляд на состояние умов в Европе, чтобы лучше понять причины его успеха. Прежде всего, речь идет о священстве, которое, оказывая наиболее заметное влияние на судьбы общества, требует наибольшего внимания. Религия была господствующей идеей того времени и единственным цивилизатором, способным укротить волков, составлявших тогда стадо верующих. Духовенство было всем; и хотя оно держало народное сознание в самом рабском подчинении в отношении религиозных вопросов, оно снабжало его средствами защиты от любого другого угнетения, кроме своего собственного. В церковном сословии были сосредоточены все истинное благочестие, вся образованность, вся мудрость того времени и, как естественное следствие, большая доля власти, которую сама мудрость постоянно побуждала их расширять. Народ ничего не знал о королях и вельможах, кроме нанесенных им увечий. Первые правила за, а правильнее сказать, против баронов, а бароны существовали только для того, чтобы бравировать властью королей или попирать железными каблуками шею распростертой демократии. У последней не было друга, кроме духовенства, а оно, хотя и насаждало суеверия, от которых само было не избавлено, все же преподавало ободряющую доктрину о том, что все люди равны перед лицом небес. Таким образом, если феодализм говорил им, что у них нет прав в этом мире, то религия говорила им, что у них есть все права в следующем. Этим утешением они довольствовались до поры до времени, поскольку политические идеи еще не пустили корни. Когда духовенство по другим причинам рекомендовало крестовый поход, народ с энтузиазмом присоединился к нему. Тема Палестины занимала все умы; рассказы паломников о двух столетиях согревали воображение; а когда их друзья, проводники и наставники проповедовали войну, во многом соответствующую их собственным предрассудкам и образу мышления, энтузиазм поднялся до бешеного уровня.

Но пока религия вдохновляла массы, на дворян действовал другой фактор. Это были свирепые и незаконные люди, запятнанные всеми пороками, не наделенные никакими добродетелями и искупаемые лишь одним хорошим качеством - храбростью. Единственной религией, которую они чувствовали, была религия страха. Это и их кипящая буйность в совокупности привели их в Святую землю. У большинства из них было достаточно грехов, чтобы ответить за них. Они жили, опираясь на руку каждого, и не имели никаких законов, кроме своих собственных страстей. Они бросали вызов светской власти духовенства, но их сердца трепетали от ужасных обличений с кафедры в отношении грядущей жизни. Война была делом и наслаждением их жизни; и когда им пообещали отпущение всех грехов при условии легкого следования их любимому направлению, не стоит удивляться, что они с энтузиазмом бросились в атаку и стали так же ревностно служить кресту, как и подавляющее

большинство людей, движимых более чисто религиозными мотивами. Фанатизм и любовь к битве в равной степени побуждали их к войне, а у королей и принцев Европы был еще один мотив для поощрения их рвения. Политика открыла им глаза на огромные преимущества, которые принесет отсутствие стольких беспокойных, интригующих и кровожадных людей, чья дерзость требовала больше, чем малая власть королевской семьи, чтобы сдержать их в должных рамках. Таким образом, все мотивы были благоприятны для крестовых походов. Все слои общества были побуждены присоединиться к войне или поддержать ее: короли и духовенство - политикой, дворяне - буйством и любовью к владычеству, а народ - религиозным рвением и концентрированным энтузиазмом двух столетий, умело направляемым его единственными наставниками.

Именно в Палестине Петр Отшельник впервые задумал грандиозную идею - поднять силы христианского мира, чтобы спасти христиан Востока из-под власти мусульманов, а гробницу Иисуса - от грубых рук неверных. Эта тема занимала все его мысли. Даже в ночных видениях он был полон ею. Один сон произвел на него такое впечатление, что он благочестиво поверил, будто перед ним явился сам Спаситель мира и обещал ему помощь и защиту в его святом деле. Если до этого его рвение и колебалось, то этого было достаточно, чтобы закрепить его навсегда.

После того как Петр выполнил все послушания и обязанности своего паломничества, он потребовал беседы с Симеоном, патриархом греческой церкви в Иерусалиме. Хотя последний был еретиком в глазах Петра, он все же был христианином и так же остро, как и он сам, переживал гонения, которые турки обрушили на последователей Иисуса. Добрый прелат полностью проникся его мнением и, по его предложению, написал письма Папе Римскому и самым влиятельным монархам христианства, подробно описывая горести верующих и призывая их взяться за оружие в свою защиту. Петр не стал медлить с этим делом. Ласково попрощавшись с патриархом, он со всей поспешностью вернулся в Италию. Апостольскую кафедру занял папа Урбан II. В то время это было далеко не легкое место. Его предшественник Григорий завещал ему множество споров с императором Германии Генрихом IV, а Филиппа I Французского он превратил во врага своим упорным противодействием прелюбодейной связи, заключенной этим монархом. Его подстерегало так много опасностей, что Ватикан оказался небезопасной обителью, и он укрылся в Апулии под защитой знаменитого Роберта Гискара. Туда же, по-видимому, последовал и Петр, хотя в каком месте произошла их встреча, ни древние летописцы, ни современные историки с точностью не сообщают. Урбан принял его очень любезно, со слезами на глазах прочитал послание патриарха Симеона и выслушал красноречивую историю отшельника с вниманием, которое показывало, как глубоко он сочувствует бедам христианской церкви. Энтузиазм заразителен, и Папа, похоже, мгновенно заразился им от того, чье рвение было столь беспредельным. Наделив Отшельника всеми полномочиями, он отправил его за границу проповедовать священную войну всем народам и владыкам христианства. Отшельник проповедовал, и бесчисленные тысячи людей откликнулись на его призыв. Франция, Германия и Италия вняли его голосу и приготовились к освобождению Сиона. Один из ранних историков крестового похода, который сам был очевидцем восторга [Европы](#)¹, описывает личное появление Отшельника в это время. Он говорит, что в каждом его слове или поступке было что-то божественное. Люди так высоко почитали его, что выщипывали волосы из гривы его мула, чтобы сохранить их как реликвию. Проповедуя, он был одет в шерстяную тунику и мантию темного цвета, которая ниспадала до пят. Его руки и ноги были обнажены; он не ел ни плоти, ни хлеба, питаясь в основном рыбой и вином. "Он отправился в путь, - говорит летописец, - откуда, я не знаю; но мы видели, как он проходил через города и деревни, проповедуя повсюду, а народ окружал его толпами, нагружая подношениями и

отмечая его святость такими великими похвалами, что я никогда не помню, чтобы видел, чтобы подобные почести воздавались кому-либо". Так он и продолжал, неумолимый, непреклонный и полный преданности, передавая слушателям свое собственное безумие, пока Европа не всколыхнулась из самых своих глубин.

Пока Отшельник с таким успехом взывал к народу, Папа с не меньшим успехом взывал к тем, кто должен был стать вождями и руководителями экспедиции. Первым делом он созвал совет в Плаценции осенью 1095 года. Здесь, в собрании духовенства, папа обсудил грандиозный план и дал аудиенцию эмиссарам, присланным из Константинополя императором Востока, чтобы подробно рассказать о прогрессе, достигнутом турками в их намерении утвердиться в Европе. Духовенство, разумеется, единодушно поддержало крестовый поход, и совет разошелся, каждый отдельный его член был уполномочен проповедовать его своему народу.

Но нельзя было ожидать, что Италия окажет всю необходимую помощь, и Папа перешел Альпы, чтобы воодушевить свирепых и могущественных дворян и рыцарское население Галлии. Смелость, с которой он вступил на эту территорию и оказался во власти своего врага, короля Франции Филиппа, - не самая удивительная черта его миссии. Некоторые считают, что им двигала лишь холодная политика; другие же утверждают, что это было простое рвение, такое же горячее и слепое, как у Петра Отшельника. Последнее мнение представляется верным. Общество не просчитывало последствий того, что делало. Каждый человек, казалось, действовал только из побуждений; и Папа, бросившись в сердце Франции, действовал так же импульсивно, как и тысячи людей, откликнувшихся на его призыв. В конце концов в Клермоне, в Оверни, был созван совет, на котором рассматривалось состояние Церкви, реформа злоупотреблений и, прежде всего, подготовка к войне. Стояла очень холодная зима, и земля была покрыта снегом. В течение семи дней совет заседал при закрытых дверях, в то время как в город стекались огромные толпы со всех концов Франции в ожидании обращения самого Папы к народу. Все города и деревни на многие мили вокруг были заполнены народом; даже поля были запружены людьми, которые, не имея возможности найти ночлег, разбивали свои палатки под деревьями и на обочинах дорог. Все окрестности представляли собой огромный лагерь.

КЛЕРМОНСКИЙ СОБОР.

В ходе семидневного обсуждения был вынесен приговор об отлучении короля Филиппа за прелюбодеяние с Бертрадой де Монфор, графиней Анжуйской, и за неповиновение верховной власти апостольского собора. Этот смелый шаг произвел в народе впечатление благоговения перед столь суровой Церковью, которая при исполнении своего долга проявила себя неуважительной к людям. Их любовь и страх одновременно усилились, и они были готовы с еще большей преданностью внимать проповеди столь праведного и непреклонного пастыря. Большая площадь перед соборной церковью Клермона с каждым мгновением становилась все более густонаселенной по мере приближения часа, когда Папа должен был обратиться к населению. Выйдя из церкви в полном каноническом облачении, окруженный кардиналами и епископами во всем великолепии римского церковного костюма, Папа предстал перед народом на воздвигнутом по этому случаю высоком помосте, покрытом алой тканью. Его окружала блестящая толпа епископов и кардиналов, а среди них, более скромный по рангу, но более важный в глазах мира, отшельник Петр, одетый в свои простые и строгие одеяния. Историки расходятся во мнениях, обращался ли Петр к толпе, но поскольку все согласны, что он присутствовал, разумно предположить, что он говорил. Но именно речь Папы была самой важной. Когда он поднял руки, чтобы привлечь внимание, все голоса мгновенно смолкли. Он начал с подробного описания бедствий, выпавших на долю их братьев в Святой Земле; как равнины Палестины были опустошены бесчинствующими язычниками, которые с мечом и огнем врывались с воплями в жилища и пламенем во владения верующих; как жены и дочери христиан были осквернены языческой похотью; как алтари истинного Бога были осквернены, а мощи святых попирались ногами. "Вы, - продолжал красноречивый понтифик (а Урбан II. был одним из самых красноречивых людей

того времени), - вы, кто слышит меня, кто принял истинную веру и наделен Богом властью, силой и величием души, - чьи предки были опорой христианства, а короли ставили заслон на пути неверных, - я призываю вас стереть с лица земли эту нечистоту и поднять ваших угнетенных братьев-христиан из глубины, в которую они были втоптаны. Гробница Христа захвачена язычниками, святыни опозорены их мерзостью. О, храбрые рыцари и верные люди! Потомство непобедимых отцов! Вы не отступите от своей древней славы. Вас не удержат от участия в этом великом деле нежные узы жены или малышей, но вы будете помнить слова самого Спасителя мира: "Кто любит отца и мать более, нежели Меня, тот недостойн Меня. Кто оставит ради имени Моего дом свой, или братьев своих, или сестер своих, или отца своего, или мать свою, или жену свою, или детей своих, или земли свои, тот получит во сто крат и наследует жизнь вечную".

Теплота понтифика передалась толпе, и энтузиазм людей вспыхивал несколько раз, прежде чем он закончил свое выступление. Далее он рассказал не только о духовных, но и о мирских преимуществах, которые получают те, кто возьмет в руки оружие для служения кресту. Палестина, сказал он, была землей, текущей молоком и медом, и драгоценной в очах Божьих, как место великих событий, спасших человечество. Эта земля, пообещал он, должна быть разделена между ними. Кроме того, они получают полное прощение за все свои преступления, как против Бога, так и против людей. "Итак, идите, - добавил он, - во искупление своих грехов; и идите с уверенностью, что после того, как этот мир уйдет, нетленная слава будет вашей в мире грядущем". Энтузиазм было уже не сдержать, и громкие крики прервали оратора; люди воскликнули в один голос: "*Dieu le veult! Dieu le veult!*" Урбан с большим самообладанием воспользовался этой вспышкой и, как только наступила тишина, продолжил: "Дорогие братья, сегодня в вас проявилось то, о чем Господь сказал через Своего евангелиста: "Когда двое или трое собраны во имя Мое, тогда Я буду посреди них, чтобы благословить их". Если бы Господь Бог не был в ваших душах, вы все не произнесли бы тех же слов; или, скорее, Сам Бог произнес бы их вашими устами, ибо это Он вложил их в ваши сердца. Пусть же они будут вашим боевым кличем в бою, ибо эти слова исходят от Бога. Пусть армия Господня, когда устремляется на врагов, кричит только одно: "*Dieu le veult! Dieu le veult!*" Пусть тот, кто склонен посвятить себя этому святому делу, даст торжественное обещание и будет носить крест Господень на груди или на челе, пока не отправится в путь; и пусть тот, кто готов начать поход, возложит святую эмблему на плечи, в память о наставлении нашего Спасителя: "Кто не берет креста своего и следует за Мною, тот недостойн Меня"."

Весть об этом совете в невероятно короткий срок дошла до самых отдаленных уголков Европы. Задолго до того, как самый быстрый всадник смог бы доставить эту весть, о ней узнали жители отдаленных провинций; этот факт считался не иначе как сверхъестественным. Но эта тема была у всех на устах, и умы людей были готовы к результату. Энтузиасты просто утверждали то, что хотели, и событие совпало с их предсказанием. Однако в те дни этого было вполне достаточно для чуда, и все считали его чудом.

В течение нескольких месяцев после Клермонского собора Франция и Германия представляли собой необычное зрелище. Благочестивые, фанатики, нуждающиеся, беспутные, молодые и старые, даже женщины и дети, хромые и немощные, записывались сотнями. В каждой деревне священнослужители были заняты тем, что поддерживали ажиотаж, обещая вечные награды тем, кто примет красный крест, и произнося самые ужасные обличения против всех мирских людей, которые отказывались или даже колебались. Каждый должник, присоединившийся к крестовому походу, освобождался папским эдиктом от претензий своих кредиторов; преступники всех мастей приравнивались к честным на тех же условиях. Имущество тех, кто отправлялся в путь, находилось под

защитой церкви, а сами святые Павел и Петр, как считалось, спускались со своих высоких обителей, чтобы присматривать за имуществом отсутствующих паломников. Знамена и предзнаменования витали в воздухе, чтобы усилить пыл толпы. Появилось необыкновенно яркое бореальное сияние, и тысячи крестоносцев вышли посмотреть на него, распростершись на земле в знак обожания. Считалось, что это верное предсказание вмешательства Всевышнего, а также изображение его армий, сражающихся с неверными и побеждающих их. Отовсюду поступали сообщения о чудесах. Один монах видел двух гигантских воинов на лошадях, один из которых представлял христианина, а другой - турка, сражающихся в небе на огненных мечах, причем христианин, конечно же, победил пайнимов. Считалось, что с неба упали мириады звезд, каждая из которых символизировала падение языческого врага. В то же время верили, что император Карл Великий восстанет из могилы и поведет за собой к победе сражающиеся армии Господа. Необычной чертой народного безумия был энтузиазм женщин. Они повсюду призывали своих возлюбленных и мужей бросить все ради священной войны. Многие из них выжигали крестное знамение на груди и руках и окрашивали раны красной краской в память о своем рвении. Другие, еще более ревностные, наносили этот знак тем же способом на нежные конечности маленьких детей и младенцев у груди.

Гиберт де Ножан рассказывает о монахе, который сделал на лбу большой разрез в виде креста, который он окрасил каким-то сильнодействующим веществом, сказав людям, что это сделал ангел, когда он спал. Этот монах, по-видимому, был скорее плутом, чем дураком, так как благодаря своей святости он умудрялся питаться роскошнее всех своих собратьев-паломников. Крестоносцы повсюду одаривали его едой и деньгами, и, несмотря на усталость пути, он растолстел до прибытия в Иерусалим. Если бы он признался вначале, что сам нанес себе рану, его бы не считали более святым, чем его товарищей; но история с ангелом стала решающим фактором.

Все, у кого было хоть какое-то имущество, бросились на рынок, чтобы обменять его на твердые деньги. Земли и дома можно было купить за четверть их стоимости, а оружие и военная амуниция подорожали в той же пропорции. Кукуруза, которая была чрезмерно дорогой в ожидании скудного года, внезапно стала изобильной; а стоимость провизии настолько снизилась, что семь овец продавались за пять *динаров*.² Дворяне закладывали свои поместья за сущие пустяки евреям и неверующим или давали хартии неприкосновенности городам и коммунам в своих вотчинах за суммы, которые еще несколько лет назад они бы с презрением отвергли. Крестьянин старался продать свой плуг, а ремесленник - свои инструменты, чтобы купить меч для освобождения Иерусалима. Женщины избавлялись от своих безделушек с той же целью. Весной и летом этого года (1096) дороги кишели крестоносцами, которые спешили в города и деревни, назначенные местом встречи в округе. Кто-то ехал верхом, кто-то в повозках, кто-то спускался по рекам на лодках и плотах, прихватив с собой жен и детей, и все они жаждали попасть в Иерусалим. Очень немногие знали, где находится Иерусалим. Одни считали, что он находится за пятьдесят тысяч миль, а другие воображали, что до него всего месяц пути; при виде каждого города или замка дети восклицали: "Это Иерусалим? Это город?"³ Можно было видеть группы рыцарей и дворян, путешествующих на восток и развлекающихся по пути рыцарским развлечением - охотой на ястребов, чтобы облегчить усталость пути.

Гиберт де Ножан, писавший не со слов, а по собственным наблюдениям, утверждает, что энтузиазм был настолько заразителен, что, услышав приказ понтифика, любой человек немедленно отправлялся уговаривать своих соседей и друзей присоединиться к нему на "пути Божьем", ибо так они называли предполагаемую экспедицию. Графы Палатина были

полны желания отправиться в путешествие, и все низшие рыцари были воодушевлены тем же рвением. Даже бедняки загорелись этим желанием так горячо, что никто не задумывался о недостаточности своих средств или о том, стоит ли ему отказаться от своей фермы, виноградника или поля. Каждый начинал продавать свое имущество по такой низкой цене, как если бы его держали в каком-нибудь ужасном плену, и стремился заплатить выкуп без потери времени. Те, кто не решился на путешествие, шутили и смеялись над теми, кто избавлялся от своего имущества по таким разорительным ценам, пророча, что экспедиция будет несчастной, а их возвращение еще хуже. Но они держались на этом языке только один день; на следующий их внезапно охватило такое же неистовство, как и всех остальных. Те, кто громче всех насмеялся, отдавали все свое имущество за несколько крон и отправлялись вместе с теми, над кем так смеялись несколько часов назад. В большинстве случаев смех оборачивался против них самих: когда становилось известно, что человек колеблется, его более ревностные соседи посылали ему в подарок вязальную спицу или моток, чтобы показать свое презрение к нему. Против этого никто не мог устоять, так что страх перед насмешками вносил свой посильный вклад в армию Господа.

Еще одним следствием Крестового похода стало религиозное послушание, которым он вдохновил народ и дворянство на этот необычный институт "Божьего перемирия". В начале XI века духовенство Франции, сочувствуя бедам народа, но не имея возможности уменьшить их, подавляя хитрость и наглость феодальных вождей, попыталось содействовать всеобщей доброй воле, промульгировав знаменитый "Божий мир". Все, кто ему следовал, обязывались клятвой не мстить за нанесенные обиды, не пользоваться плодами собственности, узурпированной у других, и не применять смертоносное оружие; в награду за это они получали отпущение всех своих грехов. Какими бы благожелательными ни были намерения этого "Мира", он не привел ни к чему, кроме лжесвидетельства, и насилие царило так же бесконтрольно, как и прежде. В 1041 году была предпринята еще одна попытка смягчить гневные страсти полуварварских вождей, и было торжественно провозглашено "Божье перемирие". *Перемирие* длилось с вечера среды до утра понедельника каждой недели, и в этот промежуток времени строго запрещалось прибегать к насилию под любым предлогом или мстить за нанесенные обиды. Цивилизовать людей такими методами было невозможно. Лишь немногие обещали стать мирными на такой бессовестный срок, как пять дней в неделю; а если и делали это, то в оставшиеся два дня исправлялись. Впоследствии перемирие было сокращено с вечера субботы до утра понедельника, но насилие и кровопролитие от этого практически не уменьшились. На Клермонском соборе Урбан II вновь торжественно провозгласил перемирие. Религиозное чувство было настолько сильным, что все поспешили подчиниться. Все мелкие страсти исчезли перед великой страстью крестоносного похода. Феодальный вождь перестал угнетать, разбойник - грабить, народ - жаловаться; во всех сердцах жила одна идея, и, казалось, не было места ни для какой другой.

Лагерь этих разнородных толп представляли собой необычную картину. Те вассалы, которые встали под знамена своего господина, воздвигли палатки вокруг его замка; те же, кто вступил в войну по собственному почину, строили шалаши и хижины в окрестностях городов или деревень, готовясь присоединиться к какому-нибудь популярному вождю экспедиции. Луга Франции были покрыты палатками. Поскольку по прибытии в Палестину воюющие должны были получить отпущение всех грехов, сотни из них предавались самой беспредельной распущенности. Куртизанки с красным крестом на плечах бесстыдно торговали с чувственными паломниками, не стесняясь ни одной из сторон; любители хорошего настроения давали волю своему аппетиту, и пьянство и разврат процветали. Их рвение в служении Господу должно было свести на нет все недостатки и глупости, и они имели такую

же уверенность в спасении, как и строгий анкорит. Эти рассуждения очаровывали невежд, и в один и тот же миг из лагеря доносились звуки развратного веселья и голоса молитвы.

Настало время рассказать о руководителях экспедиции. Огромные толпы людей встали под командование Петра Отшельника, которого, как родоначальника, они считали самым подходящим вождем войны. Другие присоединились к знаменам смелого авантюриста, которого история назвала не иначе как Готье без Авуара, или Вальтер Бескозырный, но о котором рассказывают, что он происходил из знатного рода и был хорошо обучен военному искусству. Третья толпа из Германии собралась вокруг штандарта монаха по имени Готтшальк, о котором ничего не известно, кроме того, что он был фанатиком глубочайшего пошиба. Все эти отряды, насчитывавшие, как говорят, триста тысяч мужчин, женщин и детей, состояли из самых отвратительных негодяев Европы. Не имея ни дисциплины, ни принципов, ни истинного мужества, они пронесли по странам, как мор, сея ужас и смерть повсюду. Первую толпу возглавил Вальтер Бескозырный ранней весной 1096 года, через несколько месяцев после Клермонского собора. Каждый человек из этого нестройного отряда стремился быть сам себе хозяином. Как и их номинальный лидер, каждый из них был беден до нищеты и полагался в своем путешествии на случайные заработки. Пройдя через Германию, как прилив, они вошли в Венгрию, где поначалу были приняты жителями с некоторой долей доброжелательности. Последние еще не загорелись энтузиазмом, чтобы самим присоединиться к Крестовому походу, но были готовы содействовать его началу, помогая тем, кто в нем участвует. К сожалению, такое взаимопонимание длилось недолго. Рой не довольствовался пищей для своих нужд, но жаждал и роскоши. Они нападали на жилища деревенских жителей и грабили их, не задумываясь об убийстве там, где им оказывали сопротивление. Прибыв в Семлин, возмущенные венгры собрались в большом количестве и, напав на тыл крестоносцев, перебили множество отставших и, отобрав у них оружие и кресты, прикрепили их в качестве трофеев к стенам города. Вальтер, судя по всему, не был настроен на ответные действия; ведь его армия, разрушительная, как чума саранчи, когда их побуждает к этому грабеж, была бесполезна против регулярной атаки решительного врага. Их тылы продолжали преследовать разъяренные венгры до тех пор, пока они не оказались за пределами их территории. При вступлении в Болгарию Вальтер встретил не лучшую участь. Города и поселки не пропускали его, деревни отказывали ему в провизии, а горожане и сельские жители, объединившись, сотнями истребляли его последователей. Продвижение армии было больше похоже на отступление, чем на продвижение; но поскольку стоять на месте было невозможно, Вальтер продолжал свой путь, пока не прибыл в Константинополь с войском, которое голод и меч уменьшили до одной трети от первоначальной численности.

Большая толпа, возглавляемая восторженным Отшельником, следовала за ним по пятам, с громоздким багажом, женщинами и детьми, достаточными для того, чтобы образовать самостоятельное войско. Если и можно было найти сброд более мерзкий, чем армия Вальтера Бескозырного, то это был сброд под предводительством Петра Отшельника. Будучи лучше обеспеченными средствами, они не прибегали к грабежам во время своего продвижения по Венгрии; и если бы они выбрали какой-нибудь другой путь, кроме того, который вел через Семлин, то, возможно, смогли бы пройти через всю страну без помех. Когда они прибыли в этот город, их ярость возросла при виде оружия и красных крестов их предшественников, висевших в качестве трофеев над воротами. Их сдерживаемая свирепость взорвалась при виде этого зрелища. Город подвергся бурному нападению, и осаждающие, ворвавшись в него не благодаря храбрости, а благодаря численному превосходству, предались всем тем ужасам, которые следуют за победой, жестокостью и развратом, соединенными вместе. Любая злая страсть могла безнаказанно бушевать, и

месть, и похоть, и алчность - каждая из них имела сотни жертв в несчастном Семлине. Разжечь огонь может любой маньяк, но чтобы потушить его, потребуется много мудрецов. Петр Отшельник раздул народную ярость до пламени, но охладить его было не в его силах. Его последователи безудержно бунтовали, пока страх перед возмездием не заставил их остановиться. Когда венгерскому королю сообщили о бедствиях Семлина, он выступил в поход с достаточными силами, чтобы покарать Отшельника, который, получив известие, разбил свой лагерь и отступил к Мораве, широкому и быстрому потоку, впадающему в Дунай в нескольких милях к востоку от Белграда. Здесь его поджидали возмущенные болгары, которые так изводили его, что переправа через реку стала трудной и опасной задачей. Огромное количество его увлеченных последователей погибло в водах, а многие пали под мечами болгар. Древние хроники не называют сумму потерь Отшельника при этом переходе, но в общих чертах представляют ее как очень большую.

В Ниссе болгарский князь укрепился, опасаясь нападения; но Петр, наученный опытом, счел за лучшее избежать военных действий. Он спокойно провел под стенами три ночи, а герцог, не желая без нужды расстраивать столь свирепого и хищного противника, позволил горожанам снабжать его провизией. Утром следующего дня Петр спокойно отправился в путь, но несколько немецких бродяг, отставая от основной части армии, подожгли мельницы и дом болгарина, с которым, судя по всему, у них был какой-то спор накануне вечером. Жители Ниссы, которые всегда с недоверием относились к крестоносцам и были готовы к худшему, немедленно выступили в поход и жестоко отомстили. Похитители были разрублены на куски, а горожане, преследуя отшельника, захватили всех женщин и детей, которые отстали, и огромное количество багажа. Петр тут же развернулся и отправился обратно в Ниссу, чтобы потребовать объяснений от князя Болгарии. Тот честно изложил провокацию, и отшельник не смог ничем оправдать столь грубое оскорбление. Были заключены переговоры, которые обещали быть успешными, и болгары уже собирались отдать женщин и детей, когда группа недисциплинированных крестоносцев, действуя исключительно по собственному предложению, попыталась взломать стены и захватить город. Петр тщетно пытался восстановить свою власть; смятение стало всеобщим, и после короткой, но отчаянной битвы крестоносцы бросили оружие и бежали всех направлений. Их огромное войско было полностью разгромлено, причем резня среди них была столь велика, что исчислялась не сотнями, а тысячами.

Говорят, что отшельник бежал с этого рокового поля в лес в нескольких милях от Ниссы, покинутый всеми людьми. Любопытно было бы узнать, что после столь ужасного исхода,

"Его пронзенная грудь

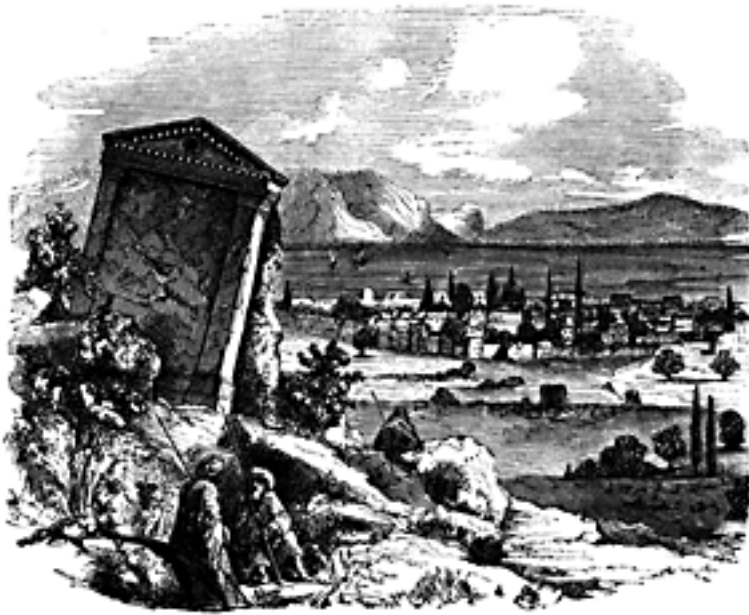
Острая печаль разорвала на тысячи кусков".

или же его пыл все еще был выше бедствий и предвещал конечный триумф его дела. Он, еще недавно предводитель ста тысяч воинов, теперь одиноко блуждал по лесам, в любой момент мог быть обнаружен преследующими его болгарами и отрезан на полпути. Наконец случай привел его на возвышенность, где двое или трое самых храбрых рыцарей собрали пятьсот отступников. Они с радостью приняли отшельника, и, посоветовавшись, было решено собрать разрозненные остатки армии. На холме зажгли костры и разослали разведчиков во все стороны за беглецами. Через определенные промежутки времени раздавались звуки рога, давая понять, что друзья рядом, и перед наступлением ночи Отшельник увидел себя во главе семи тысяч человек. На следующий день к нему присоединились еще двадцать тысяч, и с

этим жалким остатком своих сил он продолжил свой путь к Константинополю. Кости остальных истлели в лесах Болгарии.

По прибытии в Константинополь, где его ждал Вальтер Бескозырный, он был радушно принят императором Алексием. Можно было ожидать, что печальные поражения, которые они претерпели, научат его последователей здравому смыслу; но, к несчастью для них, их буйство и любовь к грабежу не удалось сдержать. Хотя они были окружены друзьями, которые щедро снабжали их всем необходимым, они не могли удержаться от грабежа. Напрасно Отшельник увещевал их к спокойствию; он имел над ними не больше власти, чтобы усмирить их страсти, чем самый неясный солдат в войске. Из чистого озорства они подожгли несколько общественных зданий в Константинополе и сняли свинец с крыш церквей, который затем продали за старый металл в пурлиях города. К этому времени можно отнести неприязнь, которую император Алексий питал к крестоносцам и которая впоследствии проявлялась во всех его действиях, даже когда ему приходилось иметь дело с рыцарскими и более благородными войсками, прибывшими вслед за Отшельником. Похоже, он вообразил, что турки сами по себе были врагами менее грозными для его власти, чем эти излияния отбросов Европы: вскоре он нашел предлог, чтобы поторопить их в Малую Азию. Петр переправился через Босфор вместе с Вальтером, но бесчинства его последователей были таковы, что, отчаявшись достичь какой-либо благой цели, оставаясь во главе их, он предоставил их самим себе и вернулся в Константинополь, под предлогом договориться с правительством Алексия о надлежащем снабжении провизией. Крестоносцы, забыв, что находятся в стране врага и что союз для них превыше всего, предались раздорам. Жестокие споры возникли между лангобардами и норманнами, которыми командовал Вальтер Бескозырный, и франками и германцами под предводительством Петра. Последние отделились от первых и, избрав своим предводителем Рейнальдо, или Рейнхольда, двинулись в поход и овладели крепостью Эксорогорн. Султан Солимаун был начеку, имея превосходящие силы. Отряд крестоносцев, вышедший из форта и расположившийся на небольшом расстоянии в качестве засады, был застигнут врасплох и разрублен на части, а Эксорогорн обложен со всех сторон. Осада затянулась на восемь дней, в течение которых христиане испытывали сильнейшие мучения от недостатка воды. Трудно сказать, сколько времени им удалось бы продержаться благодаря надежде на помощь или энергии отчаяния: их вероломный предводитель прервал осаду, отрекшись от христианской веры и отдав форт в руки султана. За ним последовали два или три его офицера; все остальные, отказавшиеся стать магометанами, были безжалостно преданы мечу. Так погиб последний жалкий остаток огромной толпы, которая прошла через всю Европу вместе с Петром Отшельником.

Вальтера Бескозырного и его окружение постигла столь же жалкая участь. Получив известие о бедствиях Эксорогорна, они потребовали, чтобы их немедленно повели против турок. Вальтер, которому нужны были только хорошие солдаты, чтобы из них получился хороший генерал, был круче головой и видел все опасности такого шага. Его сил было совершенно недостаточно для решительных действий в стране, где враг настолько превосходил его, и где, в случае поражения, у него не было надежной позиции, на которую он мог бы отступить; поэтому он высказался против наступления до прибытия подкреплений. Этот благоразумный совет не нашел поддержки: армия громко выразила недовольство своим начальником и приготовилась идти вперед без него. Тогда храбрый Вальтер встал во главе их и бросился на гибель. Направляясь к Ницце, современному Иснику, он был перехвачен армией султана: завязалась ожесточенная битва, в которой турки устроили страшный хаос; из двадцати пяти тысяч христиан двадцать две тысячи были убиты, и среди них сам Готье, который пал, пронзенный семью смертельными ранами. Оставшиеся три тысячи отступили в Чивитот, где и закрепились.

ИСНИК.

Как ни возмущался Петр Отшельник бесчинствами толпы, по его призыву оставившей Европу, сердце его было тронато скорбью и жалостью к их несчастьям. Все его прежнее рвение возродилось: бросившись к ногам императора Алексея, он со слезами на глазах умолял его послать помощь немногим уцелевшим в Чивитоте. Император согласился, и был послан отряд, который прибыл как раз вовремя, чтобы спасти их от гибели. Турки осаждали, и крестоносцы были доведены до последней крайности. Были начаты переговоры, и последние три тысячи человек были в безопасности доставлены в Константинополь. Алексей слишком сильно пострадал от их прежних бесчинств, чтобы желать удержать их в своей столице: поэтому он заставил их всех разоружиться и, снабдив каждого суммой денег, отправил их обратно в свою страну.

В то время как происходили эти события, из лесов и дебрей Германии выходили новые полчища, устремлявшиеся в Святую землю. Ими командовал фанатичный священник по имени Готтшальк, который, подобно Готье и Петру Отшельнику, проложил свой путь через Венгрию. История крайне скудна в своих подробностях о поведении и судьбе этого войска, насчитывавшего не менее ста тысяч человек. Грабежи и убийства, похоже, путешествовали вместе с ними, и бедные венгры были доведены почти до отчаяния их численностью и хищностью. Карломан, король страны, предпринял смелую попытку избавиться от них; негодование его народа достигло такой высоты, что ничто, кроме полного истребления крестоносцев, не могло его удовлетворить. Готтшальку пришлось расплачиваться не только за опустошения своих отрядов, но и за те стаи, что были до него. Он и его армия были вынуждены тем или иным способом сложить оружие: дикие венгры, видя, что они беззащитны, набросились на них и перебили в огромном количестве. Сколько человек спаслось от их стрел, нам не известно; но ни один из них не достиг Палестины.

Другие стаи под предводительством безумных вождей выходили из Германии и Франции, более жестокие и более неистовые, чем все предшественники. Их фанатизм намного превосходил самые дикие причуды последователей Отшельника. Группами, численностью от одной до пяти тысяч человек, они пересекали страну во всех направлениях, стремясь к грабежу и резне. Они носили на плечах символ Крестового похода, но при этом разглагольствовали о том, как глупо идти в Святую землю, чтобы уничтожить турок, оставляя позади себя столько евреев, еще более ярых врагов Христа. Они поклялись жестоко

отомстить этой несчастной расе и убили всех евреев, которые попались им под руку, предварительно подвергнув их самым ужасным увечьям. По свидетельству Альберта Аквенса, они жили друг с другом в самом бесстыдном распутстве, и их пороки превосходили только их суеверия. Когда они отправлялись на поиски евреев, их сопровождали гусь и коза, которых они считали святыми и наделяли божественной силой, чтобы те обнаруживали убежища неверующих. Только в Германии они уничтожили более тысячи евреев, несмотря на все усилия духовенства спасти их. Жестокость мучителей была столь ужасающей, что многие евреи, чтобы не попасть в их руки, совершали самоубийства.

И снова на долю венгров выпало избавить Европу от этих вредителей. Когда не осталось больше евреев, которых можно было убивать, банды собрались в единое целое и отправились по старому пути в Святую землю, пути, запятнанному кровью трехсот тысяч прошедших до них и обреченному также получить их кровь. Численность этих стай никогда не указывалась; но в Венгрии их погибло так много, что современные авторы, отчаявшись дать адекватное представление об их численности, утверждают, что поля действительно были завалены их трупами, а воды Дуная на многие мили по его течению были окрашены их кровью. Именно в Мерсбурге, на Дунае, произошла самая большая резня - настолько большая, что почти до истребления. Венгры некоторое время оспаривали право на проход через реку, но крестоносцы пробились через нее и, атаковав город со слепой отвагой безумия, сумели пробить брешь в стенах. В этот момент победы их охватил безотчетный страх. Бросив оружие, они в панике бежали, никто не знал почему, и никто не знал куда. Венгры последовали за ними с мечом в руке и без зазрения совести перебили их, причем в таком количестве, что, как говорят, поток Дуная захлебнулся их непогребенными телами.

Это был худший пароксизм безумия Европы; и вот он миновал, и на сцену вышло ее рыцарство. Люди с холодной головой, зрелыми планами и непобедимым мужеством выступили вперед, чтобы возглавить и направить грандиозное движение Европы на Азию. Именно этим людям романтика дала самые восхитительные эпитеты, оставив на осуждение истории мерзость и жестокость тех, кто шел впереди. Среди этих вождей самыми выдающимися были Годфрид Бульонский, герцог Лотарингский, и Раймонд, граф Тулузский. Четыре других вождя королевской крови Европы также приняли крест и повели каждое свое войско в Святую землю: Хью граф Вермандуа, брат короля Франции; Роберт герцог Нормандии, старший брат Вильгельма Руфа; Роберт граф Фландрии и Боэмунд принц Тарентумский, старший сын прославленного Роберта Гискара. Все эти люди были отмечены фанатизмом эпохи, но никто из них не действовал исключительно из религиозных побуждений. Они не были ни совершенно безрассудными, как Готье без Авуара, ни безумными, как Петр Отшельник, ни жестокими, как Готтшалк Монах, но обладали каждым из этих качеств в более мягкой форме; их доблесть была сдержана осторожностью, религиозное рвение - мирскими взглядами, а свирепость - рыцарским духом. Они видели, куда ведет поток общественной воли; и, не желая и не желая останавливать его, они позволяли увлечь себя, надеясь, что в конце концов он приведет их к пристанищу. Вокруг них собралось множество мелких вождей, цвет дворянства Франции и Италии, а также несколько человек из Германии, Англии и Испании. Было разумно предположить, что столь многочисленная армия столкнется с трудностями в снабжении провизией, если все они будут путешествовать одной дорогой. Поэтому они решили разделиться: Годфрид де Буйонский двинулся через Венгрию и Болгарию, граф Тулузский - через Ломбардию и Далмацию, а остальные вожди - через Апулию в Константинополь, где несколько дивизий должны были воссоединиться. Силы, находившиеся под началом этих лидеров, оценивались по-разному. Принцесса Анна Комнина говорит о них, что они были столь же многочисленны, как песок на морском берегу или звезды на небосводе. Фульхер Шартрский более

удовлетворителен и менее преувеличен, когда утверждает, что все подразделения, когда они сели перед Ниццей в Вифинии, составляли сто тысяч всадников и шестьсот тысяч пеших мужчин, не считая священников, женщин и детей. Гиббон считает, что это количество преувеличено, но полагает, что реальные цифры не сильно уступали расчетным. Впоследствии принцесса Анна приводит число пеших и конных под командованием Годфрида Бульонского, равное восьмидесяти тысячам; а если предположить, что каждый из остальных вождей возглавлял столь же многочисленную армию, то общее число было бы около полумиллиона. Эта цифра скорее завышена, чем занижена, поскольку армия Годфрида Бульонского, по общему признанию, была самой многочисленной, когда отправлялась в путь, и пострадала в пути меньше, чем любая другая.

ГОДФРИ ДЕ БУЙОН.

Граф Вермандуа был первым, кто ступил на греческую территорию. По прибытии в Дураццо он был принят со всем уважением и любезностью представителями императора, а его последователи были обильно снабжены провизией. Однако внезапно, без объяснения причин, граф был арестован по приказу императора Алексея и доставлен в Константинополь в качестве близкого пленника. Разные авторы называют различные мотивы, побудившие императора к этому вероломному и неосмотрительному поступку. Каждый автор осуждал его за столь вопиющее нарушение гостеприимства и справедливости. Наиболее вероятной причиной его поведения представляется предположение Гиберта Ногентского, который утверждает, что Алексей, опасаясь замыслов крестоносцев в отношении его трона, прибег к этой крайности, чтобы впоследствии заставить графа принести ему клятву верности как цену за свое освобождение. Он полагал, что примеру столь выдающегося принца, как брат короля Франции, охотно последуют другие вожди крестового похода. В результате он был жестоко разочарован, как и заслуживает того каждый человек, который совершает положительное зло, чтобы в результате получить сомнительное благо. Но эта линия политики вполне соответствовала узкому кругозору императора, который в удручающей атмосфере своего высокоцивилизованного и роскошного двора боялся наплыва выносливых и честолюбивых воинов Запада и стремился недостойными средствами ущемить ту силу, которой у него не хватало сил противостоять. Если бы опасность для него самого существовала от пребывания

вождей в его владениях, он мог бы легко предотвратить ее, просто поставив себя во главе европейского движения и направив его энергию на заявленную цель - завоевание Святой земли. Но император, вместо того чтобы быть, как он мог бы, повелителем и предводителем крестовых походов, которым он сам в немалой степени способствовал своими посольствами к папе, стал рабом людей, которые ненавидели и презирали его. Несомненно, варварские эксцессы последователей Готье и Петра Отшельника заставили его смотреть на все их тело с отвращением, но это было отвращение маленького ума, который рад любому предлогу, чтобы смягчить или оправдать свою непоседливость и любовь к легкости.

Годфрид Бульонский проехал по Венгрии самым спокойным и упорядоченным образом. Прибыв в Мерсбург, он обнаружил, что страна усеяна растерзанными трупами евреев-убийц, и потребовал у короля Венгрии, по какой причине его народ набросился на них. Тот подробно рассказал о совершенных ими зверствах и так наглядно показал Годфри, что венгры действовали только в целях самообороны, что высокоумный вождь объявил себя удовлетворенным и проследовал дальше, не высказывая и не принимая домогательств. По прибытии в Филиппополи ему впервые сообщили о заключении графа Вермандуа в тюрьму. Он немедленно отправил гонцов к императору, требуя освобождения графа и угрожая, в случае отказа, опустошить страну огнем и мечом. Переждав день в Филиппополе, он двинулся в Адрианополь, где его встретили гонцы, вернувшиеся с отказом императора. Годфри, самый храбрый и решительный из предводителей крестового похода, был не из тех, кто отступает от своего слова, и страна была отдана на разграбление. Здесь Алексей совершил еще одну ошибку. Не успел он на собственном опыте убедиться, что крестоносец не произносит пустых угроз, как согласился на освобождение пленника. Так как в первом случае он был несправедлив, то во втором проявил трусость и преподал своим врагам (так крестоносцы вынуждены были считать себя) урок, который они постарались запомнить, чтобы он его запомнил: от его чувства справедливости они не могут надеяться ничего, а от его страха - все. Годфри несколько недель оставался в окрестностях Константинополя, к большому раздражению Алексея, который всеми способами пытался вымогать у него почести, которые он вымогал у Вермандуа. Иногда он действовал как бы в открытую, объявляя крестоносцам войну и посылая против них свои войска. Иногда он отказывался снабжать их продовольствием и приказывал закрыть против них рынки, а в другое время он выступал за мир и добрую волю и посылал Годфриду дорогие подарки. Честный, прямолинейный крестоносец в конце концов так устал от его ложной доброты и так досаждал своими нападениями, что, позволив своему негодованию взять верх над рассудком, отдал страну вокруг Константинополя на разграбление своим солдатам. Шесть дней пламя окрестных домов вселяло ужас в сердце Алексея; но, как и предполагал Годфри, оно убедило его в ошибке. Опасаясь, что следующим объектом нападения станет сам Константинополь, он послал гонцов с требованием встречи с Годфри, предлагая в то же время оставить своего сына в качестве заложника за его добрую волю. Годфри согласился встретиться с ним и, то ли чтобы положить конец этим бесполезным раздорам, то ли по какой-то другой необъяснимой причине, оказал Алексею почести как своему сеньору. После этого он был осыпан почестями и, согласно необычному обычаю той эпохи, прошел церемонию "усыновления чести" как сын императора. Годфри и его брат Бодуэн де Буйон вели себя по этому случаю с подобающей учтивостью, но не смогли сдержать дерзость своих сторонников, которые не считали себя обязанными поддерживать какие-либо отношения с человеком, столь неискренним, каким он себя показал. Один из варварских вождей, граф Роберт Парижский, дошел в своей дерзости до того, что усадил себя на трон; оскорбление, на которое Алексей лишь с усмешкой ответил, но которое не заставило его с меньшим недоверием смотреть на полчища, которые все еще наступали.

Несмотря на его вероломство, невозможно не испытывать некоторого сострадания к императору, чья жизнь в это время превратилась в одну длинную сцену страданий из-за самонадеянности крестоносцев и его не совсем беспочвенных опасений относительно зла, которое они могут причинить ему, если какое-либо неблагоприятное обстоятельство заставит течение их амбиций направить на завоевание его империи. Его дочь Анна Комнина с чувством сожалеет о состоянии его жизни в это время, а один ученый [немец](#)⁴ в одном из недавних трудов описывает его, ссылаясь на слова принцессы, следующим образом:

"Чтобы не обидеть крестоносцев, Алексей выполнял все их прихоти и необоснованные (во многих случаях) требования, даже ценой больших телесных нагрузок, в то время как он сильно страдал от подагры, которая в конце концов свела его в могилу. Ни одному крестоносцу, желавшему беседы с ним, не было отказано в доступе; он с величайшим терпением выслушивал длинные избитые речи, которыми они постоянно изнуряли его своим красноречием или рвением; Он терпел, не выражая никакого нетерпения, неподобающие и надменные выражения, которые они позволяли себе по отношению к нему, и строго отчитывал своих офицеров, когда они брались защищать достоинство императорской власти от этих грубых нападков, ибо он трепетал от страха перед малейшими спорами, чтобы они не стали поводом к большему злу. Хотя графы часто являлись к нему с совершенно неподобающими их достоинству и его достоинству поездами - иногда с целым отрядом, который полностью заполнял королевские апартаменты, - император сохранял спокойствие. Он выслушивал их в любое время суток; часто он садился на свой трон на рассвете, чтобы удовлетворить их желания и просьбы, а вечерние сумерки заставляли его на том же месте. Очень часто он не мог выкроить время, чтобы подкрепиться мясом и питьем. В течение многих ночей ему не удавалось отдохнуть, и он был вынужден предаваться неосвежающему сну на своем троне, положив голову на руки. Но даже этот сон постоянно нарушался появлением и речами недавно прибывших грубых рыцарей. Когда все придворные, измотанные дневными и ночными наблюдениями, уже не могли держаться на ногах и в изнеможении опускались - одни на скамьи, другие на пол, - Алексей все еще восстанавливал силы и с видимым вниманием прислушивался к утомительной болтовне латинян, чтобы у них не было повода или предлога для недовольства. В таком состоянии страха и тревоги как мог Алексей вести себя с достоинством и как император?"

Алексий, однако, в значительной степени сам был виноват в причиненных ему обидах: из-за его неискренности крестоносцы настолько ему не доверяли, что в конце концов стало общим местом, что турки и сарадины не были такими закоренелыми врагами западных или латинских христиан, как император Алексей и [греки](#)⁵. В этом очерке, который претендует на роль истории не столько крестовых походов, сколько безумия Европы, из которого они возникли, нет необходимости подробно описывать различные акты подкупа и запугивания, хитрости и враждебности, с помощью которых Алексей ухитрялся заставить каждого из вождей по мере их прибытия приносить ему присягу на верность как своему сюзерену. Так или иначе, он добился от каждого бесплодного почтения, на которое рассчитывал, и тогда им было позволено отправиться в Малую Азию. Только один из них, Раймонд де Сен-Жиль граф Тулузский, упорно отказывался от дани.

Их пребывание в Константинополе не принесло никакой пользы армиям креста. Ссоры и раздоры, с одной стороны, и влияние развратного и роскошного двора - с другой, уничтожили упругость их духа и охладили первый пыл их энтузиазма. В одно время армия

графа Тулузского была на грани самороспуска; и если бы их предводитель энергично не переправил их через Босфор, это было бы результатом. Оказавшись в Азии, они несколько воспрянули духом, а присутствие опасности и трудностей подтолкнуло их к выполнению взятых на себя обязательств. Первой операцией войны стала осада Ниццы, на овладение которой были направлены все их усилия.

Годфрид Бульонский и граф Вермандуа вступали под ее стены каждый раз последовательно, когда отряд покидал Константинополь. Среди знаменитых крестоносцев, сражавшихся при этой осаде, кроме уже упомянутых вождей, мы находим храброго и великодушного Танкреда, чье имя и слава увековечены в *Gerusalemme Liberata*, доблестного епископа Пюи, Балдуина, впоследствии короля Иерусалима, и Петра Отшельника, теперь почти одинокого солдата, лишённого всей той власти и влияния, которыми он обладал раньше. Килидж Аслаун, султан Рума и вождь турок-сельджуков, чьи деяния, окруженные ложным ореолом романтики, знакомы читателям Тассо под именем Солимана, отправился защищать этот город, но был разбит после нескольких упорных схваток, в которых христиане проявили героизм, совершенно его поразивший. Турецкий вождь ожидал встретить дикую недисциплинированную толпу, как при Петре Отшельнике, без лидеров, способных заставить подчиняться; вместо этого он нашел самых опытных лидеров эпохи во главе армий, фанатизм которых был достаточно свирепым, но не настолько, чтобы сделать их неуправляемыми. В этих схватках с обеих сторон пали многие сотни людей, и с обеих сторон практиковалось самое отвратительное варварство: крестоносцы отрубали головы павшим мусульманам и отправляли их в панцирях в Константинополь, как трофеи своей победы. После временного поражения Килиджа Аслауна осада Ниццы была продолжена с удвоенной силой. Турки защищались с величайшим упорством, обрушивая на крестоносцев потоки отравленных стрел. Когда под стенами убивали какого-нибудь несчастного, они спускали сверху железные крюки и вытаскивали тело, которое, разделив и изуродовав, снова бросали на осаждающих. Последние были хорошо снабжены провизией, и в течение шести с половиной тридцати дней осада продолжалась без ослабления усилий с обеих сторон. Много историй рассказывают о почти сверхчеловеческом героизме христианских лидеров - как один человек обратил в бегство тысячу, как стрелы верующих никогда не промахивались мимо цели. Один анекдот о Годфриде Бульонском, рассказанный Альбертом из Экса, заслуживает внимания не только как свидетельство высокого мнения о его доблести, но и как свидетельство заразной доверчивости армий - доверчивости, которая так же часто приводила их к самой грани поражения, как и подстрекала к победе. Один турок гигантского роста день за днем занимал свой пост на крепостных стенах Ниццы и, орудуя огромным луком, вносил большой хаос в ряды христиан. Ни одна стрела, пущенная им в ход, не несла смерти; и хотя крестоносцы неоднократно целились ему в грудь, а он стоял в самом уязвимом месте, их стрелы безвредно падали к его ногам. Казалось, он был неуязвим для нападения, и вскоре по всему миру разнеслась весть, что он не кто иной, как сам Арх-Фиенд, и что смертная рука не может одолеть его. Годфрид Бульонский, не веривший в сверхъестественный характер мусульмана, решил, если это возможно, положить конец тревоге, которая быстро парализовала усилия его лучших солдат. Взяв огромный арбалет, он выступил вперед перед войском, чтобы испытать твердость своей руки против столь страшного лучника: древко было направлено прямо в сердце и произвело роковой эффект. Мусульманин пал под стоны осажденных и крики *Deus adjuva! Deus adjuva!* - боевой клич осаждающих.

Наконец крестоносцы вообразили, что преодолели все препятствия, и приготовились овладеть городом, когда, к своему великому изумлению, увидели, что с крепостных стен развевается флаг императора Алексея. Посланец императора по имени Фатиций или Татин

сумел с греческими войсками проникнуть в оставленный крестоносцами незащищенный пункт и уговорил турок сдаться ему, а не крестоносцам. Когда эта хитрость была раскрыта, в армии поднялось сильнейшее негодование, и солдатам с огромным трудом удалось предотвратить повторную атаку и осаду греческого эмирата.

Армия, однако, продолжала свой поход и тем или иным способом была разбита на две части; одни историки говорят, что случайно,⁶ другие же утверждают, что по взаимному согласию и для удобства получения провизии в пути.⁷ Одна часть состояла из войск под командованием Боэмунда, Танкреда и герцога Нормандского, а другой, которая шла на некотором расстоянии справа, командовали Годфрид Бульонский и другие вожди. Румский султан, который после потерь под Ниццей молча прилагал большие усилия, чтобы одним ударом сокрушить крестоносцев, в очень короткое время собрал все многочисленные племена, которые были обязаны ему верностью, и с армией, которая, по скромным подсчетам, насчитывала двести тысяч человек, главным образом конницы, обрушился на первую дивизию христианского войска в долине Дорилеум. Было раннее утро 1 июля 1097 года, когда крестоносцы увидели первые роты турецких всадников, обрушившихся на них с холмов. Боэмунд едва успел привести себя в порядок и переправить больных и беспомощных в тыл, как на него обрушилась подавляющая сила восточных войск. Христианское войско, состоявшее в основном из пеших людей, сдавалось со всех сторон, и копыта турецких коней, а также отравленные стрелы их лучников уничтожали их сотнями. Потеряв цветок своего рыцарства, христиане отступили на своих поклажах, и тут произошла страшная резня. Не было пощажено ни женщин, ни детей, ни больных. Как раз в тот момент, когда они были доведены до последней крайности, на поле появились Годфрид Буйонский и граф Тулузский и переломили ход битвы. После упорного боя турки бежали, а их богатый лагерь попал в руки врага. Потери крестоносцев составили около четырех тысяч человек, среди которых было несколько знаменитых вождей, в том числе граф Роберт Парижский и Вильгельм, брат Танкреда. Потери турок, не превышавшие этого числа, научили их придерживаться иного способа ведения войны. Султан был далек от поражения. Со своей все еще гигантской армией он опустошил всю страну по обе стороны от крестоносцев. Последние, не зная тактики врага, нашли в турецком лагере много провизии, но, не экономя ее, в течение нескольких дней предавались беспредельной расточительности. Вскоре они дорого заплатили за свое легкомыслие. В разоренной Фригии, через которую они продвигались к Антиохетте, они ужасно страдали от недостатка пищи для себя и пастбищ для своего скота. Над ними палило палящее солнце, почти достаточное для того, чтобы иссушить свежесть земли, - эту задачу слишком уверенно выполняли огненные жезлы султана, и после первого дня похода не было воды. Паломники умирали по пятьсот человек в день. Лошади рыцарей погибали в пути, а багаж, который они помогали перевозить, либо перекладывали на собак, овец и свиней, либо вовсе бросали. В некоторых бедствиях, постигших их впоследствии, христиане предавались самому безрассудному распутству; но в этот раз раздоры, порожденные процветанием, были забыты. Религия, которой часто пренебрегали, возникла в суровом присутствии несчастья и ободрила их, когда они умирали, обещаниями вечного счастья.

В конце концов они достигли Антиохетты, где нашли воду в изобилии и пастбища для своего измученного скота. Их снова окружало изобилие, и здесь они разбили свои палатки. Не наученные горьким опытом голода, они снова предались роскоши и расточительству.

18 октября они расположились перед сильным городом Антиохией, осада которого и события, к которым она привела, относятся к числу самых необычных происшествий Крестового похода. Город, расположенный на возвышенности и омываемый рекой Оронт, по

своей природе является очень сильной позицией, а турецкий гарнизон был хорошо снабжен провизией, чтобы выдержать долгую осаду. В этом отношении христиане также были удачливы, но, к несчастью для себя, неразумны. Их силы составляли триста тысяч боевых мужчин; и Раймон д'Аржиль сообщает нам, что у них было так много провизии, что они выбрасывали большую часть каждого убитого ими животного, будучи настолько привередливыми, что ели только отдельные части зверя. Их расточительность была настолько безумной, что менее чем через десять дней им грозил голод. После бесплодной попытки овладеть городом *с помощью главного переворота* они, умирая от голода, сели выбивать врага. Но вместе с голодом пришло и охлаждение энтузиазма. Вожди начали уставать от экспедиции. Балдуин заранее отделился от основной части армии и, отправившись в Эдессу, интригами захватил верховную власть в этом маленьком княжестве. Другие вожди были воодушевлены меньшим рвением, чем раньше. Стефан Шартрский и Хью Вермандуа начали колебаться, не в силах вынести лишения, которые навлекла на них их собственная глупость и расточительность. Даже у Петра Отшельника заболело сердце, прежде чем все закончилось. Когда голод стал настолько сильным, что в крайних случаях приходилось питаться человеческой плотью, Боэмунд и Роберт Фландрский отправились в экспедицию за провиантом. Они добились небольшого успеха, но помощь, которую они принесли, не была экономной, и через два дня они были так же обездолены, как и раньше. Фатий, греческий полководец и представитель Алексия, дезертировал со своим отрядом под предлогом поиска пропитания, и его примеру последовали различные отряды крестоносцев.

Среди тех, кто остался, царило несчастье, и они старались облегчить его, прилежно внимая знакам и предзнаменованиям. Эти знамения, а также необыкновенные видения, которые видели восторженные люди, попеременно ободряли и угнетали их в зависимости от того, что они предсказывали триумф или изображали поражения креста. Однажды поднялся сильный ураган, сравнявший с землей огромные деревья и снесший палатки христианских лидеров. В другой раз лагерь сотрясло землетрясение, которое, как полагали, предвещало какое-то великое зло, надвигающееся на дело христианства. Но появившаяся вскоре после этого комета вывела их из уныния, в которое они впали; их живое воображение заставило ее принять форму пылающего креста, ведущего их к победе. Голод был не последним из тех бед, которые они пережили. Нездоровая пища и нечистый воздух соседних болот порождали язвенные болезни, которые уносили их быстрее, чем стрелы врага. Тысяча человек умирала за день, и в конце концов стало крайне сложно обеспечить им погребение. К тому же каждый человек стал подозрительно относиться к своему соседу, так как лагерь кишел турецкими шпионами, которые ежедневно доставляли осажденным сведения о передвижениях и бедствиях врага. Со свирепостью, вызванной отчаянием, Боэмунд заставил двух шпионов, которых он обнаружил, быть заживо зажаренными в присутствии армии и на виду у крепостных стен Антиохии. Но даже этот пример не помог уменьшить их численность, и турки продолжали быть в курсе всего, что происходило в лагере, так же хорошо, как и сами христиане.

Весть о прибытии подкрепления из Европы с большим запасом провизии ободрила их, когда они были доведены до последней крайности. Желанное подкрепление высадилось в Сент-Симеоне, порту Антиохии, примерно в шести милях от этого города. Далее голодные крестоносцы двинулись в путь бурными группами, за ними следовали Боэмунд и граф Тулузский с сильными отрядами своих сторонников и вассалов, чтобы безопасно сопроводить припасы в лагерь. Гарнизон Антиохии, предупрежденный об этом прибытии, был поднят по тревоге, а корпус турецких лучников отправлен в засаду в горах, чтобы перехватить их возвращение. Боэмунд, нагруженный провизией, был встречен турецким

войском в скалистых перевалах. Большое количество его сторонников было убито, а сам он успел лишь сбежать в лагерь с вестью о своем поражении. Годфрид Бульонский, герцог Нормандский и другие вожди услышали слух об этой битве и в тот же миг приготовились к спасению. Армия была немедленно приведена в движение, воодушевленная рвением и голодом, и двинулась в путь так быстро, что перехватила победоносных турок, прежде чем они успели добраться до Антиохии с добычей. Завязалась ожесточенная битва, которая продолжалась с полудня до захода солнца. Христиане одержали верх и сохранили преимущество, каждый сражался так, словно только от него зависела удача этого дня. Сотни турок погибли в Оронте, а более двух тысяч были оставлены мертвыми на поле боя. Вся провизия была захвачена и доставлена в целости и сохранности в лагерь, куда крестоносцы вернулись с пением "*Аллилуйя!*" или с криками "*Deus adjuva! Deus adjuva!*"

Этой помощи хватило на несколько дней, и, если бы она была должным образом сэкономлена, хватило бы на гораздо больший срок; но вожди не имели власти и не могли контролировать ее распределение. Голод снова надвигался стремительными шагами, и Стефан граф Блуа, не в восторге от перспективы, удалился из лагеря с четырьмя тысячами своих сторонников и обосновался в Александrette. Моральное влияние этого дезертирства было весьма пагубным для тех, кто остался; и Боэмунд, самый нетерпеливый и честолубивый из вождей, предвидел, что, если не принять срочных мер, это приведет к полному провалу экспедиции. Нужно было действовать решительно; армия роптала на продолжительность осады, а султан собирал силы, чтобы разбить ее. Против усилий крестоносцев Антиохия могла бы продержаться несколько месяцев; но измена внутри привела к тому, что мужество без мужества могло оказаться тщетным.

Багасихан, турецкий принц или эмир Антиохии, имел под своим началом армянина по имени Фируз, которому он поручил оборону башни на той части городской стены, которая выходила на горные проходы. Боэмунд через шпиона, принявшего христианскую религию и давшего ему свое имя при крещении, поддерживал ежедневную связь с этим капитаном и давал ему самые пышные обещания награды, если он сдаст свой пост крестоносцам. Было ли это предложение сделано сначала Боэмундом или армянином, точно неизвестно, но то, что между ними вскоре установилось взаимопонимание, не вызывает сомнений; была назначена ночь для осуществления проекта. Боэмунд сообщил о своем замысле Годфриду и графу Тулузскому, оговорив, что в случае завоевания города он, как душа предприятия, должен получить сан князя Антиохии. Остальные вожди колебались: честолубие и ревность побуждали их отказаться от помощи в продвижении замыслов интригана. По зрелом размышлении они согласились, и семьсот самых храбрых рыцарей были отобраны для экспедиции, истинная цель которой, из страха перед шпионами, держалась в глубоком секрете от остальной части армии. Когда все было готово, было объявлено, что семьсот рыцарей намерены устроить засаду для дивизии султанской армии, которая, как утверждалось, приближается.

Все благоприятствовало коварному замыслу армянского капитана, который, находясь на своей одинокой сторожевой башне, получил должное извещение о приближении крестоносцев. Ночь была темной и бурной; над головой не было видно ни одной звезды, а ветер завывал так неистово, что заглушал все остальные звуки: дождь лил потоками, и наблюдатели на соседних с Фирузом башнях не могли ни услышать топот вооруженных рыцарей из-за ветра, ни увидеть их из-за темноты ночи и мрачной погоды. Оказавшись на расстоянии выстрела от стен, Боэмунд послал вперед переводчика, чтобы посоветоваться с армянином. Тот призвал их поторопиться и воспользоваться благоприятным моментом, так как каждые полчаса крепостные стены патрулировали вооруженные люди с зажженными

факелами, а в этот момент они как раз проходили мимо. Вожди мгновенно оказались у подножия стены: Фируз спустил веревку, Боэмунд прикрепил ее к концу лестницы из шкур, которую армянин поднял и держал, пока рыцари взбирались на нее. Мгновенный страх охватил искателей приключений, и все заколебались. Наконец [Боэмунд8](#), подбадриваемый Фирузом сверху, поднялся на несколько ступенек по лестнице, за ним последовали Годфри, граф Роберт Фландрский и несколько других рыцарей. По мере того как они продвигались вперед, за ними следовали другие, пока их вес не стал слишком велик для лестницы, которая, сломавшись, повалила около дюжины из них на землю, где они упали один на другого, издавая сильный грохот своими тяжелыми почтовыми плащами. На мгновение им показалось, что все потеряно, но ветер так громко завывал, проносясь яростными порывами по горным ущельям, а Оронт, разбухший от дождя, неся с таким шумом, что стражники ничего не слышали. Лестницу легко починили, и рыцари, поднимаясь по двое, благополучно добрались до помоста. Когда шестьдесят из них поднялись, факел приближающегося патруля блеснул на углу стены. Спрятавшись за контрфорсом, они ждали его прихода в затаенном молчании. Как только он оказался на расстоянии вытянутой руки, его внезапно схватили, и, прежде чем он успел разомкнуть губы, чтобы поднять тревогу, тишина смерти закрыла их навеки. Затем они стремительно спустились по винтовой лестнице башни и, открыв портал, впустили всех своих спутников. Раймонд Тулузский, который, зная весь план, остался позади с основной частью армии, в этот момент услышал сигнальный рог, возвестивший о том, что вход осуществлен, и, ведя за собой легионы, атаковал город изнутри и снаружи.

Воображение не может представить себе более ужасной сцены, чем та, что предстала перед преданным городом Антиохией в ту страшную ночь. Крестоносцы сражались со слепой яростью, которую вызывали фанатизм и страдания. Мужчин, женщин и детей убивали без разбора, пока улицы не залило кровью. Темнота усилила разрушения, и когда наступило утро, крестоносцы обнаружили, что их мечи находятся у груди их соратников, которых они приняли за врагов. Турецкий военачальник бежал сначала в цитадель, а оттуда, оказавшись в безопасности, в горы, где его преследовали и убили, а седую голову вернули в Антиохию в качестве трофея. С рассветом резня прекратилась, и крестоносцы предались грабежу. Они нашли золото, драгоценности, шелка и бархат в изобилии, но провизии, которая была для них важнее, они нашли мало. Кукурузы было очень мало, и они, к своему огорчению, обнаружили, что в этом отношении осажденные были немногим лучше осаждающих.

ОСАДА АНТИОХИИ.

Не успели они обустроиться на новом месте и принять необходимые меры для снабжения, как город был взят турками. Султан Персии собрал огромную армию, которую он передал под командование Кербоги, эмира Мосула, с указанием смести христианскую саранчу с лица земли. Эмир соединился с Килидж Аслауном, и обе армии окружили город. Уныние полностью овладело христианским воинством, и многим из них удалось ускользнуть от бдительности осаждающих и бежать к графу Стефану Блуа в Александретту, которому они рассказывали самые преувеличенные истории о перенесенных ими страданиях и о полной безнадежности продолжения войны. Стефан немедленно разбил свой лагерь и отступил в сторону Константинополя. По дороге его встретил император Алексей во главе значительного войска, спешивший овладеть завоеваниями, сделанными христианами в Азии. Узнав об их бедственном положении, он повернул назад и вместе с графом Блуа направился в Константинополь, оставив остатки крестоносцев разгребать свои проблемы.

Весть об этом дезертирстве усилила уныние в Антиохии. Все бесполезные лошади армии были убиты и съедены, а собаки, кошки и крысы продавались по огромным ценам. Даже паразиты становились дефицитом. С нарастающим голодом пришел мор, так что через некоторое время от трехсот тысяч, первоначально вложившихся в Антиохию, осталось всего шестьдесят тысяч. Но это горькое испытание, уничтожив энергию войска, лишь крепче сплотило его лидеров; Боэмунд, Годфри и Танкред поклялись никогда не оставлять своего дела, пока длится жизнь. Первый тщетно пытался возродить мужество своих сторонников. Они были измождены и больны душой, а его угрозы и обещания были одинаково напрасны. Некоторые из них заперлись в домах и отказывались выходить. Боэмунд, чтобы заставить их исполнить свой долг, поджег весь квартал, и многие из них погибли в пламени, в то время как

остальная армия смотрела на это с величайшим безразличием. Бозмунд, одушевленный мирским духом, не знал истинного характера крестоносцев и не понимал религиозного безумия, которое пригнало их такими косяками из Европы. Один священник, более дальновидный, разработал схему, которая вернула им уверенность в себе и вдохновила их на столь удивительное мужество, что несчастные шестьдесят тысяч истощенных, больных и голодных ревнителей обратили в бегство упитанные и в шесть раз более многочисленные легионы султана Персии.

Этого священника, уроженца Прованса, звали Петр Бартелеми, и был ли он плутом или энтузиастом, или и тем и другим, главным или орудием в руках других, навсегда останется предметом сомнений. Однако несомненно, что именно он стал средством снятия осады Антиохии и причиной окончательного триумфа армий креста. Когда силы крестоносцев были полностью сломлены страданиями, а надежда покинула все их груди, Петр пришел к графу Раймонду Тулузскому и потребовал беседы по серьезным вопросам. Он был немедленно принят. Он рассказал, что несколько недель назад, когда христиане осаждали Антиохию, он в одиночестве отдыхал в своей палатке, когда его поразил толчок землетрясения, так встревоживший всю армию. От сильного ужаса он только и успел произнести: "Господи, помоги мне!", как, обернувшись, увидел перед собой двух мужчин, которых по ореолу славы вокруг них он сразу же признал существами из другого мира. Один из них оказался пожилым человеком с рыжеватыми волосами, присыпанными сединой, черными глазами и длинной седой бородой. Другой был моложе, крупнее и красивее, и в его облике было что-то более божественное. Заговорил один, пожилой, и сообщил ему, что он - святой апостол Андрей, и велел ему разыскать графа Раймонда, епископа Пюи и Раймонда Альтопульты, и спросить их, почему епископ не увещевает народ и не осеняет его крестом, который он носит. Затем апостол взял его, обнаженного, в одной рубашке, и перенес по воздуху в сердце города Антиохии, где привел в церковь Святого Петра, которая в то время была сарацинской мечетью. Апостол заставил его остановиться у колонны рядом со ступенями, по которым поднимаются на южную сторону к алтарю, где висели два светильника, излучавшие свет ярче полуденного солнца; младший, которого он тогда еще не знал, стоял вдали, у ступеней алтаря. Затем апостол спустился под землю и поднял копье, которое дал ему в руку, сказав, что это то самое копье, которое открыло сторону, откуда истекало спасение мира. Со слезами радости он держал святое копье и умолял апостола позволить ему забрать его и передать в руки графа Раймонда. Апостол отказался и снова закопал копье в землю, повелев ему, когда город будет отвоеван у неверных, пойти с двенадцатью избранными людьми и снова выкопать его на том же месте. Затем апостол перенес его обратно в свой шатер, и оба исчезли из его поля зрения. По его словам, он забыл передать это послание, боясь, что его чудесный рассказ не получит доверия у людей столь высокого ранга. Через несколько дней он снова увидел святое видение, когда вышел из лагеря в поисках пищи. На этот раз божественные глаза младшего смотрели на него с упреком. Он умолял апостола избрать кого-нибудь другого, более подходящего для этой миссии, но апостол отказался и в наказание за непослушание поразил его расстройством глаз. С упрямством, непостижимым даже для него самого, он продолжал медлить. В третий раз апостол и его спутник явились ему, когда он находился в палатке со своим хозяином Уильямом в Святом Симеоне. Тогда святой Андрей велел ему передать графу Тулузскому свое повеление не купаться в водах Иордана, когда тот подойдет к нему, а переправиться на лодке, облачившись в рубашку и льняные штаны, которые он должен окропить священными водами реки. Эту одежду он должен был впоследствии сохранить вместе со священным копьем. Его хозяин Уильям, хотя и не мог видеть святого, отчетливо слышал голос, отдававший соответствующие приказы. Он снова не выполнил поручение, и снова святые явились ему, когда он находился в порту

Мамистры, собираясь отплыть на Кипр, и святой Андрей пригрозил ему вечной погибелю, если он откажется. После этого он решился рассказать обо всем, что ему было открыто.

Граф Тулузский, который, по всей вероятности, выдумал эту историю вместе со священником, был поражен рассказом и немедленно послал за епископом Пюи и Раймондом Альтапульто. Епископ сразу же выразил свое недоверие ко всей этой истории и отказался иметь какое-либо отношение к этому делу. Граф Тулузский, напротив, видел множество мотивов если не поверить, то притвориться, что поверил; и в конце концов он так внушил епископу выгоду, которую можно извлечь из этого, чтобы привести народные умы в прежнее возбуждение, что тот неохотно согласился произвести поиски святого оружия в надлежащей форме. Для церемонии был назначен следующий день после полудня, а тем временем Петр был отдан на попечение Раймонда, капеллана графа, дабы никакое светское любопытство не имело возможности подвергнуть его перекрестному допросу и выставить на всеобщее обозрение.

Для этого дела сразу же были выбраны двенадцать благочестивых людей, среди которых были граф Тулузский и его капеллан. Они начали копать с восходом солнца и неустанно трудились до самого заката, так и не найдя копья; они могли бы копать и по сей день с неменьшим успехом, если бы сам Петр не бросился в яму, моля Бога вывести копье на свет, ради укрепления и победы его народа. Кто прячется, тот знает, где найти; так было и с Петром, потому что и он, и копье оказались в яме одновременно. Вдруг они с капелланом Раймондом увидели его острие в земле, и Раймонд, вытащив его, со слезами радости поцеловал его на глазах у собравшейся в церкви толпы. Его тут же завернули в богатую пурпурную ткань, уже приготовленную для этого, и в таком виде выставили на обозрение верующих, которые огласили здание радостными криками.

СВЯТОЕ КОПЬЕ.

В ту же ночь Петру было еще одно видение, и с этого дня он стал "сновидцем снов" для всей армии. На следующий день он заявил, что ему снова явились апостол Андрей и "юноша с божественным обликом" и повелели, чтобы граф Тулузский в награду за его настойчивое благочестие нес во главе войска Святое копье, а день, когда оно будет найдено, отмечался как торжественный праздник во всем христианстве. В то же время святой Андрей показал

ему отверстия в ногах и руках его благосклонного спутника, и тот убедился, что стоит в страшном присутствии Искупителя.

Петр настолько проникся доверием к своим видениям, что мечтательность стала заразной. Святые посещали и других монахов, обещая победу воинству, если оно будет доблестно держаться до последнего, и венцы вечной славы тем, кто падет в бою. Двое дезертиров, уставших от усталости и лишений войны, незаметно покинувших лагерь, внезапно вернулись и, обратившись к Боэмунду, рассказали ему, что их встретили два явления, которые с великим гневом приказали им вернуться. Один из них сказал, что узнал своего брата, который был убит в битве несколько месяцев назад, и что вокруг его головы был ореол славы. Другой, еще более выносливый, утверждал, что явление, говорившее с ним, было самим Спасителем, который обещал ему в награду вечное счастье, если он вернется к исполнению своего долга, но муки вечного огня, если он отвергнет крест. Никто и не думал не верить этим людям. Мужество армии сразу же возродилось, уныние сменилось надеждой, каждая рука вновь стала сильной, а муки голода на некоторое время были забыты. Энтузиазм, который привел их из Европы, снова разгорелся как никогда ярко, и они с громкими криками потребовали, чтобы их повели против врага. Вожди не отказывались. В битве заключался их единственный шанс на спасение; и хотя Годфри, Боэмунд и Танкред восприняли историю о копье с большим подозрением, они были слишком мудры, чтобы опорочить самозванство, которое обещало открыть ворота победы.

Петр Отшельник был послан в лагерь Кербози, чтобы предложить, чтобы ссора между двумя религиями была решена избранным числом самых храбрых воинов из каждой армии. Кербоза отвернулся от него с презрительным видом и сказал, что не может согласиться ни с какими предложениями, исходящими от таких жалких нищих и разбойников. С таким невежливым ответом Петр вернулся в Антиохию. Сразу же начались приготовления к нападению на врага: последний по-прежнему был прекрасно осведомлен обо всех действиях христианского лагеря. Цитадель Антиохии, которая оставалась в их владении, выходила на город, и комендант крепости мог отчетливо видеть все, что происходило внутри. Утром 28 июня 1098 года черный флаг, поднятый на самой высокой башне, возвестил осаждающей армии, что христиане вот-вот выступят.

Вожди мусульман знали, как голод и болезни сократили численность противника; они знали, что не более двухсот рыцарей имели лошадей, на которых можно было ехать, а пешие воины были больны и истощены; но они не знали о почти невероятной доблести, которую суеверие вселило в их сердца. К истории о копье они относились с величайшим презрением и, будучи уверенными в легкой победе, не давали себе труда подготовиться к натиску. Рассказывают, что Кербоза играл в шахматы, когда черный флаг на цитадели предупредил о приближении врага, и что с истинно восточным хладнокровием он настоял на том, чтобы закончить игру, прежде чем уделять хоть немного своего внимания столь недостойному противнику. Поражение его передового отряда в две тысячи человек пробудило его от апатии.

После этой первой победы крестоносцы радостно двинулись в горы, надеясь заманить турок туда, где их кавалерия не сможет маневрировать. Их настроение было легким, а мужество - высоким, когда, ведомые герцогом Нормандским, графом Робертом Фландрским и Хью Вермандуа, они приблизились к великолепному лагерю врага. Годфрид Бульонский и Адемар, епископ Пюи, следовали сразу за этими предводителями, причем последний был облачен в полные доспехи и нес Святое копье на виду у всей армии: Боэмунд и Танкред шли в тылу.

Кербога, поняв наконец, что его враг не так уж и презрен, принял энергичные меры, чтобы исправить свою ошибку, и, подготовившись встретить христиан спереди, послал султана Солимана из Рума атаковать их в тыл. Чтобы скрыть это движение, он поджег сухие сорняки и траву, которыми была покрыта земля, и Солиману, совершив широкий обход со своей конницей, удалось под прикрытием дыма прочно закрепиться в тылу. Сражение яростно бушевало впереди; стрелы турок сыпались как град, а их хорошо обученные отряды топтали крестоносцев под копытами, как стерню. Однако исход боя был сомнителен, так как христиане имели преимущество в силах и быстро настигали врага, когда с тыла подоспели превосходящие силы Солимана. Годфри и Танкред бросились на помощь Боэмунду, внося смятение в ряды турок своей яростной стремительностью. Епископ Пюи остался почти один с провансальцами, чтобы лично противостоять легионам под командованием Кербоги; но присутствие Святого копья сделало героем самого плохого солдата в его обозе. Тем не менее, численность врага казалась бесконечной. Христиане, атакованные со всех сторон, наконец начали сдаваться, и турки убедились в своей победе.

В этот момент в рядах христиан поднялся крик, что на их стороне сражаются святые. Поле битвы было очищено от дыма горящих сорняков, который клубился и белыми облаками причудливой формы висел на склонах далеких гор. Какой-то мнительный фанатик, смутно видя это сквозь пыль битвы, позвал своих товарищей посмотреть на армию святых, одетых в белое и сидящих на белых конях, которые хлынули через холмы на помощь. Все взоры тут же обратились к далекому дыму; вера была в каждом сердце, и старый боевой клич: *"Бог хочет! Бог хочет этого!"* раздался по всему полю, и каждый солдат, веря, что Бог зримо посылает ему на помощь свои армии, сражался с невиданной доселе энергией. Персидские и турецкие войска охватила паника, и они расступились во все стороны. Тщетно Кербога пытался их собрать. Страх более заразителен, чем энтузиазм, и они бежали через горы, как олени, преследуемые гончими. Два вождя, видя бесполезность дальнейших усилий, бежали вместе с остальными, и эта огромная армия была рассеяна по Палестине, оставив на поле боя около семидесяти тысяч своих мертвецов.

Их великолепный лагерь попал в руки врага вместе с богатыми запасами кукурузы, стадами овец и волов. Драгоценности, золото и богатый бархат в изобилии были распределены между войсками. Танкред преследовал беглецов по холмам и набрал столько же добычи, сколько и те, кто остался в лагере. Дорога, по которой они бежали, была усыпана ценностями, а лошадей лучшей аравийской породы стало так много, что каждый рыцарь-христианин был обеспечен своим скакуном. Крестоносцы потеряли в этой битве около десяти тысяч человек.

Их возвращение в Антиохию было поистине радостным: цитадель была сдана сразу же, многие из турецкого гарнизона приняли христианскую веру, а остальные были вынуждены уйти. Епископ Пюи отслужил торжественный благодарственный молебен, к которому присоединилась вся армия, а к Святому копью приложился каждый солдат.

Энтузиазм продолжался несколько дней, и армия громко требовала, чтобы ее вели вперед, к Иерусалиму, великой цели всех их желаний; но никто из их лидеров не хотел двигаться; более благоразумные из них, такие как Годфри и Танкред, из соображений целесообразности; а более честолюбивые, такие как граф Тулузы и Боэмунд, из соображений собственной выгоды. Между всеми вождями вновь вспыхнули жестокие распри. Раймонд Тулузский, оставленный в Антиохии для охраны города, призвал цитадель к сдаче, как только увидел, что персы не опасаются нападения; а другие вожди, вернувшись, обнаружили на ее стенах развевающееся его знамя. Это очень обидело Боэмунда, который оговорил княжество Антиохийское в качестве награды за завоевание города в первую

очередь. Годфрид и Танкред поддержали его притязания, и после долгих препирательств знамя Раймонда было спущено с башни, а вместо него водружено знамя Боэмунда, который с этого момента стал называться князем Антиохии. Однако Раймонд упорно продолжал владеть одними из городских ворот и прилегающими к ним башнями, которые он удерживал в течение нескольких месяцев, к большому раздражению Боэмунда и скандалу в армии. В результате граф стал крайне непопулярен, хотя его амбиции были ничуть не более необоснованными, чем у самого Боэмунда или Болдуина, который поселился в Эдессе, где выполнял функции мелкого государя.

Судьба Петра Бартелеми заслуживает того, чтобы о ней рассказать. После случая с копьем на него обрушился шквал почестей и внимания, и, следовательно, он чувствовал себя обязанным по совести продолжать те мечты, которые сделали его столь важной персоной. Беда в том, что у него, как и у многих других лжецов, была очень плохая память, и он придумал, как сделать так, чтобы его сны противоречили друг другу самым явным образом. Однажды ночью ему явился святой Иоанн и рассказал одну историю, а через неделю после этого святой Павел поведал совершенно другую и возложил на него надежды, совершенно несовместимые с надеждами его брата-апостола. Легковерие того времени имело широкую пасть, и видения Петра должны были показаться абсурдными и возмутительными, когда те самые люди, которые поверили в копье, отказались проглотить все его чудеса. Наконец Боэмунд, чтобы досадить графу Тулузскому, бросил вызов бедному Петру, чтобы тот доказал правдивость своей истории о копье огненным испытанием. Петр не мог отказаться от столь обычного в ту эпоху испытания, и, будучи к тому же ободрен графом и его капелланом Раймондом, назначил ранний день для церемонии. Предыдущую ночь, согласно обычаю, провели в молитве и посте, а утром Петр вышел с копьем в руке и смело подошел к костру. Вся армия собралась вокруг, с нетерпением ожидая результата, многие тысячи людей все еще верили, что копье подлинное, а Петр - святой человек. Помолившись, Раймон д'Агиль вошел в пламя и уже почти прошел через него, как вдруг боль заставила его потерять рассудок: от жара заболели глаза, и в муках он невольно повернулся и снова прошел сквозь огонь, вместо того чтобы выйти из него, как следовало. В результате он получил такие сильные ожоги, что так и не смог оправиться, и, пролежав несколько дней, скончался в страшных мучениях.

Большинство солдат страдали либо от ран, либо от болезней, либо от усталости; и Годфри, который был молчаливо признанным руководителем предприятия, решил, что у армии должно быть время освежиться, прежде чем они двинутся на Иерусалим. Сейчас был июль, и он предложил, чтобы жаркие месяцы августа и сентября они провели в стенах Антиохии, а в октябре двинулись вперед с новыми силами и численностью, увеличенной за счет прибывших из Европы. Этот совет был принят, хотя энтузиасты армии продолжали роптать на задержку. Тем временем граф Вермандуа был отправлен с посольством к императору Алексею в Константинополь, чтобы упрекнуть его в низком отношении к делу и призвать прислать обещанные подкрепления. Граф добросовестно выполнил свою миссию (на которую, кстати, Алексей не обратил никакого внимания) и некоторое время оставался в Константинополе, пока его рвение, никогда не отличавшееся особой силой, полностью не испарилось. Тогда он вернулся во Францию, устав от крестового похода и решив больше в него не вмешиваться.

Вожди, хотя и решили остаться в Антиохии на два месяца, не могли оставаться спокойными так долго. Вероятно, они набросились бы друг на друга, если бы в Палестине не было турок, на которых они могли бы выместить свою вспыльчивость. Годфри отправился в Эдессу, чтобы помочь своему брату Балдуину изгнать сарацин из его княжества, а остальные вожди вели против них отдельные военные действия, как того требовали капризы или амбиции. В конце концов нетерпение армии, которую нужно было вести на Иерусалим, стало настолько велико, что вожди не могли больше медлить, и Раймонд, Танкред и Роберт Нормандский двинулись вперед со своими отрядами и осадили небольшой, но сильный город Марах. При их обычной неаккуратности у них не было достаточно продовольствия, чтобы продержаться осаждающую армию в течение недели. В результате они терпели большие лишения, пока Бозмунд не пришел им на помощь и не взял город штурмом. В связи с этой осадой летописец Раймонд д'Агиль (тот самый Раймонд, капеллан, который фигурировал в деле о Святом Копье) рассказывает легенду, в истинность которой он свято верил и на которой Тассо основал один из самых прекрасных отрывков своей поэмы. Она достойна сохранения, поскольку показывает дух эпохи и источник необычайного мужества, проявляемого крестоносцами в случаях чрезвычайных трудностей. "Однажды, - рассказывает Раймонд, - Ансельм де Рибомон увидел, как в его палатку вошел молодой Энгельрам, сын графа де Сен-Поля, убитого при Марахе. "Как случилось, - спросил его Ансельм, - что ты, которого я видел мертвым на поле боя, полон жизни?" - "Ты должен знать, - ответил Энгельрам, - что те, кто сражается за Иисуса Христа, никогда не умирают". Но откуда, - продолжал Ансельм, - этот странный блеск, который окружает тебя? На это Энгельрам указал на небо, где Ансельм увидел дворец из алмазов и хрусталя. "Именно оттуда, - сказал он, - я черпаю красоту, которая удивляет тебя. Там находится мое жилище; для тебя приготовлено еще более прекрасное, и скоро ты придешь в него. Прощайте! Завтра мы снова встретимся". С этими словами Энгельрам вознесся на небо. Ансельм, пораженный видением, на следующее утро послал за священниками, принял причастие и, будучи полным здоровья, простился со всеми своими друзьями, сказав им, что собирается покинуть этот мир. Через несколько часов после этого враги предприняли вылазку, Ансельм вышел против них с мечом в руках и был поражен в лоб камнем из турецкой пращи, который отправил его на небо, в прекрасный дворец, приготовленный для него."

СВЯТИЛИЩЕ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Между принцем Антиохийским и графом Тулузским возникли новые разногласия по поводу взятия этого города, которые с величайшим трудом были утихомирены другими вождями. Задержки происходили и в продвижении армии, особенно перед Архазом, и солдаты были настолько раздражены, что уже собирались выбрать новых вождей, чтобы вести их к Иерусалиму. Узнав об этом, Годфри поджег свой лагерь в Архасе и двинулся вперед. К нему тут же присоединились сотни провансальцев графа Тулузского. Последний, видя, какой оборот принимают дела, поспешил за ними, и все войско двинулось к святому городу, столь долго желанному среди печали, страданий и опасностей. В Эммаусе их встретила депутация от христиан Вифлеема, молившая о немедленной помощи против притеснений неверных. Само название Вифлеема, места рождения Спасителя, было музыкой для их ушей, и многие из них плакали от радости, думая, что приближаются к столь освященному месту. Альберт из Экса сообщает, что их сердца были так тронуты, что сон был изгнан из лагеря, и, вместо того чтобы ждать утренней зари, чтобы возобновить свой поход, они отправились в путь вскоре после полуночи, полные надежды и энтузиазма. Четыре часа легионы, одетые в латы, упорно шли вперед в темноте, а когда взошло незамутненное солнце, их взору предстали башни и пинакли Иерусалима. Все нежные чувства их натуры были затронуты; уже не жестокие фанатики, а кроткие и смиренные паломники, они опустились на колени на дерн и со слезами на глазах воскликнули друг другу: *"Иерусалим! Иерусалим!"* Некоторые из них целовали святую землю, другие растягивались ней во весь рост, чтобы их тела соприкасались с как можно большим ее объемом, третьи молились вслух. Женщины и дети, следовавшие за лагерем из Европы и разделившие с ним все опасности, усталость и лишения, были более бурными в своей радости; первые - от долгого энтузиазма, а вторые - просто [подражая](#)⁹, и молились, и плакали, и смеялись до тех пор, пока не заставили покраснеть более трезвых людей.

ПАЛОМНИКИ ПРИ ПЕРВОМ ВИДЕ ИЕРУСАЛИМА.

Когда первый прилив радости утих, армия двинулась вперед и обложила город со всех сторон. Почти сразу же начался штурм, но после того, как христиане потеряли несколько самых храбрых рыцарей, от этого способа нападения отказались, и армия начала подготовку к регулярной осаде. Сразу же были построены мангонели, передвижные башни и тараны, а также машина под названием "свиномат", сделанная из дерева и покрытая сырыми шкурами, внутри которой работали шахтеры, чтобы подрывать стены; чтобы восстановить мужество и дисциплину армии, пострадавшей от недостойных раздоров вождей, последние протянули друг другу руку дружбы, и Танкред и граф Тулузы обнялись на виду у всего лагеря. Духовенство поддержало это дело своим мощным голосом, проповедуя единение и добрую

волю как высшим, так и низшим. Вокруг города была организована торжественная процессия, к которой присоединилась вся армия, вознося молитвы в каждом месте, которое, согласно евангельским записям, считалось особо священным.

Сарацины на крепостных стенах наблюдали за всеми этими проявлениями без тревоги. Чтобы задобрить христиан, которых они презирали, они соорудили грубые кресты, прикрепили их к стенам, оплевали и забросали грязью и камнями. Это оскорбление символа их веры подняло гнев крестоносцев на такую высоту, что храбрость превратилась в свирепость, а энтузиазм - в безумие. Когда все военные машины были готовы, атака возобновилась, и каждый солдат христианской армии сражался с той энергией, которую неизменно внушает чувство личной вины. Каждый человек был лично оскорблен, и рыцари работали на таранах с такой же готовностью, как и самые простые солдаты. Сарацинские стрелы и огненные шары сыпались на них густо и быстро, но огромные тараны по-прежнему бились о стены, а лучшие стрелки войска были заняты на нескольких этажах передвижных башен, чтобы убивать турок на крепостных стенах. Годфри, Раймонд, Танкред и Роберт Нормандский, каждый на своей башне, часами сражались с неутомимой энергией, часто отбиваясь, но всегда готовые возобновить борьбу. Турки, больше не презирая врага, защищались с величайшим мастерством и храбростью, пока темнота не привела к прекращению боевых действий. Сон в ту ночь в христианском лагере был коротким. Священники возносили торжественные молитвы в окружении внимательных воинов о торжестве креста в этой последней великой борьбе, и как только рассвело, все были готовы к бою. Женщины и дети помогали друг другу, беззаботно бегая туда-сюда, пока вокруг них падали стрелы, и неся воду измученным жаждой бойцам. Считалось, что святые помогают им, и армия, проникнутая этой идеей, преодолевала трудности, перед которыми втрое более многочисленное войско, если бы не вера, дрогнуло бы и потерпело поражение. Раймонд Тулузский, наконец, прорвался в город с помощью эскалады, и в тот же момент Танкреду и Роберту Нормандскому удалось открыть одни из ворот. Турки бросились устранять неисправность, а Годфрид Бульонский, увидев, что крепостные стены сравнительно пустынные, опустил разводной мост своей подвижной башни и бросился вперед, за ним последовали все рыцари его отряда. Через мгновение крестное знамя взвилось над стенами Иерусалима. Крестоносцы, вновь подняв свой грозный боевой клич, бросились на него со всех сторон, и город был взят. Битва на улицах бушевала несколько часов, и христиане, помня о своей оскорбленной вере, не давали покоя ни молодым, ни старым, ни мужчинам, ни женщинам, ни больным, ни сильным. Ни один из вождей не счел себя вправе отдать приказ о прекращении бойни, а если бы и счел, его бы не послушались. Сарацины в большом количестве бежали к мечети Солимана, но не успели они укрепиться в ней, как христиане настигли их. Считается, что только в этом здании погибло десять тысяч человек.

Петр Отшельник, который так долго оставался под покровом забвения, в тот день был вознагражден за все свое усердие и все свои страдания. Как только битва закончилась, иерусалимские христиане вышли из своих укрытий, чтобы приветствовать своих избавителей. Они сразу же узнали в отшельнике того паломника, который много лет назад так красноречиво говорил им об обидах и оскорблениях, которые они терпели, и обещал привлечь к их защите принцев и народ Европы. В пылу благодарности они цеплялись за юбки его одежд и поклялись вечно помянуть его в своих молитвах. Многие из них проливали слезы у него на шее и приписывали освобождение Иерусалима исключительно его мужеству и упорству. После этого Петр занимал какую-то церковную должность в святом городе, но что это была за должность и какова была его конечная судьба, история забыла сообщить. Некоторые говорят, что он вернулся во Францию и основал монастырь, но эта история не имеет под собой достаточных оснований.

ОСАДА ИЕРУСАЛИМА.

Великая цель, ради которой народные толпы Европы покинули свои дома, была достигнута. Мусульманские мечети Иерусалима были превращены в церкви для чистой веры, а гора Голгофа и гробница Христа больше не осквернялись ни присутствием, ни властью неверных. Народное неистовство выполнило свою миссию, и, как естественное следствие, с этого времени оно стало утихать. Весть о взятии Иерусалима привела множество паломников из Европы, в том числе Стефана графа Шартрского и Хью Вермандуа, чтобы искупить свое дезертирство; но среди народов не было ничего похожего на прежний энтузиазм.

Так заканчивается история первого крестового похода. Для лучшего понимания второго необходимо описать промежуток между ними и сделать небольшой набросок истории Иерусалима при латинских королях, долгих и бесплодных войн, которые они продолжали вести с непобежденными сарацинами, и бедных и жалких результатов, ставших следствием столь огромной траты усердия и столь плачевной траты человеческих жизней.

ИЕРУСАЛИМ.

Крестоносцы вскоре почувствовали необходимость иметь признанного вождя, и Годфрид де Буйон, менее амбициозный, чем Боэмунд или Раймонд Тулузский, дал свое холодное согласие на то, чтобы получить скипетр, за который последние вожди ухватились бы с готовностью. Он едва успел облачиться в королевскую мантию, как сарадины уже угрожали его столице. С большой энергией и рассудительностью он постарался воспользоваться полученными преимуществами и, выйдя навстречу врагам, прежде чем они успели осадить Иерусалим, дал им сражение при Аскалоне и разбил их с большими потерями. Однако он недолго наслаждался своим новым достоинством: его сразила смертельная болезнь, когда он процарствовал всего девять месяцев. Ему на смену пришел его брат, Балдуин Эдесский. Последний сделал многое для улучшения состояния Иерусалима и расширения его территории, но не смог создать прочную опору для своих преемников. На протяжении пятидесяти лет, в течение которых история Иерусалима представляет большой интерес для студента-историка, крестоносцы подвергались ожесточенным и постоянным военным действиям, часто одерживая победы и завоевывая территории, и так же часто теряя их, но с каждым днем становясь все слабее и разобщеннее, в то время как сарадины становились все сильнее и сплоченнее, чтобы преследовать и искоренять их. Сражения этого периода носили самый рыцарский характер, а горстка храбрых рыцарей, оставшихся в Сирии, совершала подвиги, которые вряд ли имеют аналог в летописях войны. Со временем, однако, христиане не могли не испытывать уважения к мужеству и восхищения отточенными манерами и развитой цивилизацией сарадин, которые намного превосходили грубость и полуварварство Европы того времени. Разница в вере не мешала им заключать союзы с темноглазыми девами Востока. Одним из первых, кто подал пример взять в супруги пайнимку, был сам король Болдуин, и со временем эти связи стали не только частыми, но и почти всеобщими среди тех рыцарей, которые решили провести свою жизнь в Палестине. Однако эти восточные дамы должны были пройти обряд крещения, прежде чем попасть в объятия христианского лорда. Они и их потомство, естественно, смотрели на сарадинов с меньшей ненавистью, чем фанатики, завоевавшие Иерусалим и считавшие грехом, заслуживающим гнева Божьего, пощадить неверующего. В результате мы видим, что самые упорные сражения во время правления последующих королей Иерусалима велись новыми и

необработанными войсками, которые время от времени прибывали из Европы, соблазненные надеждой на славу или подстегиваемые фанатизмом. Последние бесцеремонно нарушали перемирия, заключенные между первопоселенцами и сарацинами, и обрушивали жестокое возмездие на многие тысячи своих братьев по вере, чье благоразумие было сильнее их рвения, а главным желанием было жить в мире.

БИБЛИЯ КОРОЛЕВЫ БОЛДУИНА.

В таком неудовлетворительном состоянии ситуация оставалась до конца 1145 года, когда Эдесса, сильный пограничный город христианского королевства, попала в руки сарацинов. Последними командовал Зенги, могущественный и предприимчивый монарх, а после его смерти - его сын Нурхеддин, такой же могущественный и предприимчивый, как и его отец. Граф Эдессы предпринял неудачную попытку вернуть крепость, но Нурхеддин с большим войском пришел на помощь и, разгромив графа с большой резней, вошел в Эдессу и сровнял ее укрепления с землей, чтобы город никогда больше не стал оплотом обороны Иерусалимского королевства. Теперь путь к столице был открыт, и сердца христиан охватило смятение. Было известно, что Нурхеддин только и ждет благоприятного случая, чтобы наступать на Иерусалим, а армии креста, ослабленные и разделенные, не в состоянии оказать хоть какое-то сопротивление. Духовенство было охвачено горем и тревогой, и оно неоднократно писало письма Папе и государям Европы, призывая к целесообразности нового крестового похода для освобождения Иерусалима. Среди священников Палестины было гораздо больше уроженцев Франции, и они, естественно, в первую очередь обращались к своей стране. Просьбы, которые они направляли Людовику VII, были настоятельными и часто повторялись, и рыцарство Франции вновь заговорило о том, чтобы вооружиться для защиты места рождения Иисуса. Короли Европы, чьи интересы не были связаны с участием в первом крестовом походе, начали усердствовать в этом; и появился человек, красноречивый, как Петр Отшельник, чтобы пробудить народ, как это сделал тот проповедник.

Однако мы видим, что энтузиазм второго крестового похода не сравнялся с энтузиазмом первого; на самом деле, мания достигла своего апогея во времена Петра Отшельника и с тех пор регулярно снижалась. Третий крестовый поход был менее массовым, чем второй, четвертый - чем третий, и так далее, пока общественный энтузиазм не угас окончательно, и Иерусалим наконец вернулся под власть своих старых хозяев без каких-либо потрясений в

христианстве. Этому приводились различные причины; одна из них, как правило, заключается в том, что Европа устала от непрерывной борьбы и ей надоело "набрасываться на Азию". М. Гизо в своих восхитительных лекциях о европейской цивилизации успешно борется с этим мнением и предлагает свое собственное, гораздо более удовлетворительное. В своей восьмой лекции он говорит: "Часто повторяли, что Европа устала от постоянных вторжений в Азию. Это выражение кажется мне крайне неверным. Невозможно, чтобы люди уставали от того, чего они не делали, чтобы труды их предков утомляли их. Усталость - это личное, а не наследственное чувство. Люди тринадцатого века не были утомлены крестовыми походами двенадцатого. На них повлияла другая причина. Произошли большие перемены в идеях, настроениях и социальных условиях. Те же желания и те же нужды больше не ощущались. В прежние вещи больше не верили. Люди отказывались верить в то, во что их убеждали предки".

В этом, собственно, и заключается секрет перемен; его истинность становится все более очевидной, когда мы продвигаемся в истории крестовых походов и сравниваем состояние общественного сознания в разные периоды, когда Годфрид Бульонский, Людовик VII и Ричард I были вождями и лидерами движения. Крестовые походы сами по себе стали средством, которое произвело большие изменения в национальных идеях и продвинуло цивилизацию Европы. Во времена Годфрида дворяне были всесильны и деспотичны, одинаково несносны для королей и народа. За время их отсутствия вместе с той частью общества, которая наиболее глубоко погрузилась в невежество и суеверия, и короли, и народ укрепились против возобновления аристократической тирании и по мере обретения свободы становились цивилизованными. Именно в этот период во Франции, великом центре крестоносного безумия, *коммуны* начали набирать силу, а монарх - обладать практической, а не теоретической властью. Порядок и комфорт начали укореняться, и, когда был проповедан второй крестовый поход, люди стали гораздо менее охотно покидать свои дома, чем во время первого. Паломники, вернувшиеся из Святой земли, вернулись с более свободным и расширенным сознанием, чем когда они отправлялись в путь. Они соприкоснулись с народом, более цивилизованным, чем они сами; они увидели больше мира и утратили часть, пусть и небольшую, предрассудков и фанатизма невежества. Институт рыцарства также оказал свое гуманизирующее влияние и, пройдя через испытания крестовых походов, смягчил характер и укрепил сердца аристократического сословия. *Труверы* и *трубадуры*, воспевающие любовь и войну в мелодиях, приятных для всех слоев общества, помогли искоренить мрачные суеверия, которые во время первого крестового похода заполнили умы всех, кто был способен думать. Вследствие этого люди стали меньше находиться исключительно под ментальным гнетом священства и потеряли большую часть легковерия, которое отличало их раньше.

Крестовые походы, похоже, никогда не вызывали такого внимания в Англии, как на европейском континенте; не потому, что люди были менее фанатичны, чем их соседи, а потому, что они были заняты более серьезными делами. Англичане слишком сильно страдали от недавнего успешного вторжения на их землю, чтобы с большим сочувствием относиться к бедствиям столь далеких людей, как христиане Палестины; и мы видим, что они не принимали никакого участия в первом крестовом походе и очень мало во втором. Да и тогда в нем участвовали в основном нормандские рыцари и их вассалы, а не саксонские франклины и население, которые, несомненно, думали в своем горе, как и многие мудрые люди впоследствии, что благотворительность должна начинаться дома.

Германия проявила больше рвения в этом деле, и ее сырые нецивилизованные орды продолжали выходить под знаменами креста в количестве, очевидно, не уменьшающемся, в

то время как в других странах энтузиазм уже давно сошел на нет. В то время они были погружены в более глубокую трясину варварства, чем более живые народы вокруг них, и, как следствие, им потребовалось больше времени, чтобы освободиться от своих предрассудков. Фактически второй крестовый поход черпал свои главные запасы людей именно из этого квартала, и только там экспедиция, можно сказать, сохранила хоть какую-то долю популярности.

Таково было умонастроение Европы, когда папа Евгений, движимый постоянными мольбами христиан Сирии, поручил святому Бернарду проповедовать новый крестовый поход. Святой Бернар был человеком, идеально подходящим для этой миссии. Он был наделен красноречием высшего порядка, мог довести слушателей до слез, смеха или ярости, как ему заблагорассудится, и вел жизнь столь строгую и самоотверженную, что даже клевета не могла поднять палец и указать на него. Он отказался от высоких перспектив в Церкви и довольствовался простым аббатством в Клерво, чтобы иметь возможность в свободное время возвышать свой мощный голос против злоупотреблений, где бы он их ни обнаруживал. Порок встретил в нем строгого и бескомпромиссного обличителя; ни один человек не был слишком высок для его упреков и ни один не был слишком низок для его сочувствия. Он так же хорошо подходил своему веку, как Петр Отшельник - предыдущему. Он больше апеллировал к разуму, а его предшественник - к страстям; Петр Отшельник собирал толпу, а святой Бернард - армию. Оба были наделены одинаковым рвением и настойчивостью, в одном случае - из побуждений, в другом - из убеждений и желания увеличить влияние Церкви, того великого тела, столпом и украшением которого он был.

СОБОР ВЕЗЕЛЯ.

Одним из первых, кого он обратил в свою веру, был сам хозяин. Людовик VII был суеверен и тираничен, и в порыве раскаяния за позорную резню, которую он разрешил при разграблении Витри, он дал обет совершить путешествие в Святую землю.¹⁰ Он был в таком расположении духа, когда святой Бернар начал проповедовать, и его почти не нужно было уговаривать принять участие в этом деле. Его пример оказал большое влияние на дворян, которые, обеднев, как многие из них жертвами, принесенными их отцами в священных войнах, стремились поправить свое разрушенное состояние завоеваниями на чужом берегу. Они выступили в поход с теми вассалами, которыми могли командовать, и за очень короткое время собрали армию в двести тысяч человек. В Везелае монарх принял крест из рук святого Бернарда на помосте, возвышавшемся на виду у всего народа. На этой церемонии присутствовали несколько дворян, три епископа и его королева Элеонора Аквитанская, которые записались под крестным знаменем, а святой Бернард разрезал свое красное священническое облачение и сделал из него кресты, чтобы нашить их на плечи людей. В назидание народу было зачитано увещание папы, в котором всем, кто присоединится к крестовому походу, прощались грехи и предписывалось, чтобы никто из участников этого святого паломничества не обременял себя тяжелым багажом и напрасными излишествами, а вельможи не путешествовали с собаками или соколами, чтобы те не сбивали их с прямого пути, как это случилось со многими во время первого крестового похода.

Командование армией было предложено Сен-Бернару, но он благоразумно отказался принять должность, для которой его привычки не подходили. Посвятив Людовика с большой торжественностью в Сен-Дени в главы экспедиции, он продолжил свой путь по стране, возбуждая народ везде, где бы он ни находился. О его святости сложилось столь высокое мнение, что его считали одушевленным духом пророчества и одаренным способностью творить чудеса. Многие женщины, возбужденные его красноречием и воодушевленные его предсказаниями, оставляли своих мужей и детей и, облачившись в мужское одеяние, спешили на войну. Сам святой Бернар написал письмо Папе Римскому, в котором подробно описал свои успехи и сообщил, что в нескольких городах не осталось ни одного жителя мужского пола, способного носить оружие, и что повсюду можно было увидеть замки и города, заполненные женщинами, плачущими по своим отсутствующим мужьям. Но, несмотря на такой видимый энтузиазм, число тех, кто действительно взялся за оружие, было незначительным, и их нельзя было сравнить с толпами во время первого крестового похода. Не более двухсот тысяч человек, что было пределом численности, вряд ли могли обезлюдить такую страну, как Франция, в той степени, о которой говорит святой Бернар. Поэтому его описание состояния страны выглядит скорее поэтическим, чем правдивым.

Шугер, умелый министр Людовика, пытался отговорить его от столь долгого путешествия в то время, когда его собственные владения так нуждались в его присутствии. Но короля мучила совесть из-за жестокостей Витри, и он стремился возместить ущерб, который религия того времени считала достаточным. Кроме того, он хотел продемонстрировать всему миру, что, хотя он может смело подчиняться временной власти Церкви, когда она посягает на его прерогативы, он может оказывать должное послушание ее духовным постановлениям, когда это отвечает его интересам или согласуется с его предрассудками. Сугер, таким образом, напрасно умолял, и Людовик получил посох паломника в Сен-Дени и занялся всеми приготовлениями к своему паломничеству.

Тем временем святой Бернард отправился в Германию, где его проповеди пользовались таким же успехом. Слава о его святости шла впереди него, и он повсюду находил восхищенную аудиторию. Тысячи людей, не понимая ни слова из того, что он говорил, стекались вокруг него, чтобы хоть мельком взглянуть на столь святого человека; рыцари в

огромном количестве записывались на службу креста, каждый получал из его рук символ дела. Но людей не уводили, как во времена Готтшалька. Мы не видим, чтобы они поднимались такими огромными массами в двести-триста тысяч человек, которые кишели по стране, как саранча. Тем не менее энтузиазм был очень велик. Необыкновенные истории, которые рассказывали и в которые верили, о чудесах, творимых проповедником, приводили в деревню людей из дальних и ближних мест. Говорили, что при его появлении исчезали черти, а его прикосновение излечивало самые злокачественные болезни.¹¹ Император Конрад заразился от своих подданных и объявил о своем намерении следовать за крестом.

По приказу Конрада приготовления велись так энергично, что менее чем через три месяца он оказался во главе армии, насчитывающей не менее ста пятидесяти тысяч боеспособных мужчин, а также огромное количество женщин, которые последовали за своими мужьями и возлюбленными на войну. Один отряд из них ехал в мужских доспехах: его предводительница носила позолоченные шпоры и бушлаты, отчего получила эпитет златокудрой дамы. Конрад был готов отправиться в путь задолго до французского монарха, и в июне 1147 года он прибыл в Константинополь, проехав через Венгрию и Болгарию без обид для жителей.

ПОСОХ ПИЛИГРИМА.

Мануил Комнин, греческий император, преемник не только трона, но и политики Алексея, с тревогой смотрел на новые войска, которые пришли, чтобы разорить его столицу и нарушить ее спокойствие. Слишком слабый, чтобы отказать им в проходе через свои владения, слишком недоверчивый, чтобы приветствовать их, когда они пришли, и слишком мало уверенный в преимуществах, которые он мог получить в результате войны, чтобы притворяться в дружбе, которой он не чувствовал, греческий император обиделся в самом начале. Его подданные, гордясь своей высокой цивилизованностью, называли германцев варварами, а те, если и были полуварварами, то, по крайней мере, честными и прямолинейными, в ответ называли греков двуличными рыцарями и предателями. Между ними постоянно возникали споры, и Конрад, сохранивший столько хорошего порядка среди своих последователей во время путешествия, не смог сдерживать их негодования, когда они прибыли в Константинополь. За какую-то обиду, нанесенную им греками, но на которую скудные историки того времени скорее намекают, чем говорят, германцы ворвались в великолепный прогулочный сад императора, где у него была ценная коллекция прирученных

животных, для которых на территории были устроены леса, пещеры, рощи и ручьи, чтобы каждое из них могло следовать в неволе своим естественным привычкам. Разъяренные германцы, оправдывая присвоенное им имя варваров, разгромили это приятное убежище, убили или выпустили на волю содержащихся в нем ценных животных. Мануил, который, как говорят, наблюдал за опустошением из окон своего дворца, не имея ни сил, ни мужества предотвратить его, был совершенно не рад своим гостям и решил, как и его предшественник Алексей, избавиться от них при первой же возможности. Он отправил Конраду послание с просьбой о беседе, но немец отказался доверять себе в стенах Константинополя. Греческий император, со своей стороны, не считал совместимым ни со своим достоинством, ни со своей безопасностью искать немца, и несколько дней было потрачено на неискренние переговоры. В конце концов Мануил согласился снабдить крестоносную армию проводниками, чтобы провести ее через Малую Азию; и Конрад перешел Геллеспонт со своими войсками, передовым отрядом командовал он сам, а тылом - воинственный епископ Фрейзингенский.

Историки почти единодушны в том, что хитрый грек дал указания своим проводникам вести армию германского императора навстречу опасностям и трудностям. Несомненно, что вместо того, чтобы провести их через такие районы Малой Азии, где были вода и провизия, они завели их в дикие земли Каппадокии, где не было ни того, ни другого, и где на них внезапно напал султан турок-сельджуков во главе огромного войска. Проводники, чье вероломство очевидно только из этого факта, бежали при первом же виде турецкой армии, и христиане остались вести неравную войну со своим врагом, запутавшись и растерявшись в пустынных дебрях. Замученные тяжелой работой, немцы не могли оказать эффективного сопротивления атакам турецких легких конников, которые в одно мгновение настигали их, а в следующее исчезали из виду. То спереди, то сзади проворный враг осыпал их стрелами, заманивая в болота и лощины, из которых они могли выбраться только после долгих схваток и больших потерь. Германцы, сбитые с толку таким способом ведения войны, потеряли всякое представление о направлении, в котором они двигались, и пошли назад, а не вперед. Страдая при этом от недостатка провизии, они стали легкой добычей своих преследователей. Граф Бернгард, один из самых храбрых предводителей немецкой экспедиции, был окружен со всей своей дивизией, и ни один из них не спасся от турецких стрел. Сам император едва не пал жертвой и был дважды тяжело ранен. Враг был так настойчив, а немцы так мало способны были оказать хоть какое-то сопротивление, что когда Конрад наконец достиг города Ниццы, он обнаружил, что вместо внушительного войска в сто тысяч пеших и семьдесят тысяч конных, у него было всего пятьдесят или шестьдесят тысяч человек, и те в самом изможденном и измученном состоянии.

Совершенно не зная о предательстве греческого императора, хотя его и предупреждали остерегаться его, Людовик VII во главе своей армии двинулся через Вормс и Ратисбон к Константинополю. В Ратисбоне его встретила депутация от Мануила с письмами, настолько полными гиперболы и лести, что Людовик, как сообщается, покраснел, когда их зачитал ему епископ Лангрский. Цель депутации заключалась в том, чтобы получить от французского короля обещание пройти через греческие территории мирным и дружественным путем и уступить греческому императору все завоевания, которые он сможет сделать в Малой Азии. Первая часть предложения была немедленно принята, но на вторую, более неразумную, никто не обратил внимания. Людовик двинулся в поход и, пройдя через Венгрию, разбил свои палатки в предместьях Константинополя.

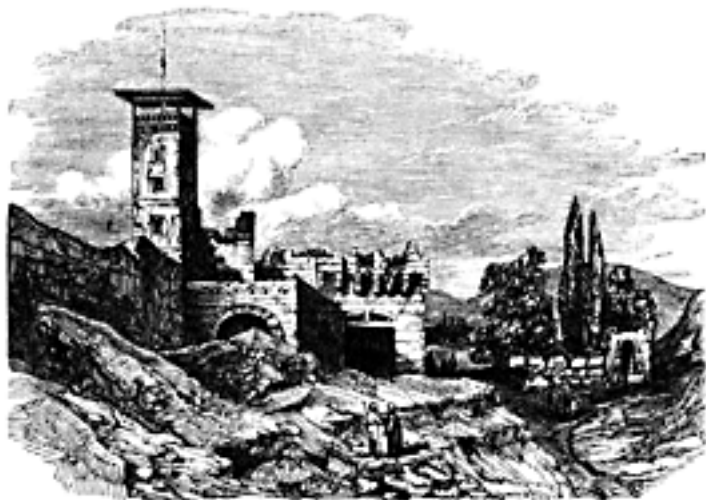
По прибытии Мануил послал ему дружеское приглашение въехать в город во главе небольшого поезда. Людовик сразу же принял его, и император встретил его на крыльце

своего дворца. Людовику были даны самые смелые обещания; были использованы все возможные средства лести и все аргументы, чтобы склонить его уступить греку свои будущие завоевания. Людовик упорно отказывался давать обещания и вернулся к своей армии, убежденный, что император - человек, которому нельзя доверять. Переговоры, однако, продолжались еще несколько дней, к большому неудовольствию французской армии. Прибывшее известие о договоре, заключенном между Мануэлем и турецким султаном, сменило их недовольство на ярость, и вожди потребовали, чтобы их повели против Константинополя, поклявшись сровнять вероломный город с землей. Людовик не посчитал нужным согласиться на это предложение и, разбив свой лагерь, переправился в Азию.

Здесь он впервые услышал о злоключениях германского императора, которого он нашел в плачевном состоянии под стенами Ниццы. Два монарха объединили свои силы и вместе двинулись вдоль морского побережья к Эфесу; но Конрад, завидуя, судя по всему, превосходящим по численности французам и не желая на время превращаться в вассала своего соперника, резко отступил с остатками своих легионов и вернулся в Константинополь. Мануил был весь в улыбках и любезностях. Он так искренне соболезновал немцу по поводу его потерь и с такой видимой сердечностью проклинал глупость или вероломство проводников, что Конрад наполовину был склонен поверить в его искренность.

Людовик, продвигаясь по направлению к Иерусалиму, столкнулся с врагом на берегу Меандра. Турки оспаривали переправу через реку, но французы подкупили крестьянина, который указал им брод ниже по течению: без труда переправившись через реку, они энергично атаковали турок и обратили их в бегство. Были ли турки действительно разбиты или только притворились таковыми, сомнительно; но последнее предположение кажется верным. Вполне вероятно, что это было частью согласованного плана, чтобы заманить захватчиков на более неблагоприятную территорию, где их уничтожение было бы более уверенным. Если план был таков, то он удался, как того и желали его авторы. На третий день после победы крестоносцы подошли к крутому горному перевалу, на вершине которого турецкое войско было скрыто так искусно, что не было заметно ни малейшего признака их присутствия. "С трудом и медленно поднимались они по крутому подъему, как вдруг огромный обломок скалы с ужасным треском обрушился вниз с обрыва, неся с собой ужас и смерть. В тот же миг турецкие лучники выскочили из своих укрытий и обрушили на пеших воинов ливень стрел, которые падали сотнями за раз. Стрелы безвредно рикошетили от железных доспехов рыцарей, которые турки заметили, прицелились в их коней, и конь с всадником упали с кручи в стремительный поток, пронесшийся внизу. Людовик, командовавший арьергардом, получил первое известие о наступлении, увидев раненых и разбегающихся солдат, и, не зная численности врага, энергично рванулся вперед, чтобы своим присутствием остановить панику, овладевшую его армией. Все его усилия были тщетны. Огромные камни продолжали сыпаться на них по мере продвижения, увлекая за собой людей и лошадей; а тех, кому удавалось пробиться наверх, турки встречали врукопашную и сбрасывали вниз головой на своих товарищей. Сам Людовик сражался с энергией отчаяния, но с большим трудом избежал попадания в руки врага. Наконец, под покровом ночи он бежал с остатками своих сил и занял позицию перед Атталией. Здесь он восстановил дисциплину и мужество своих дезорганизованных и удрученных последователей, а также обсудил со своими капитанами план дальнейших действий. После тяжелых страданий от болезней и голода было решено идти на Антиохию, которая все еще оставалась независимым княжеством под властью преемников Бозмунда Тарентского. В это время власть в нем принадлежала Раймонду, дяде Элеоноры Аквитанской. Этот принц, полагаясь на свое родство с французской королевой, пытался отвлечь Людовика от главной цели крестового похода - защиты Иерусалимского королевства - и добиться его

сотрудничества в расширении границ и власти своего Антиохийского княжества. Аналогичный замысел вынашивал и принц Триполи, но Людовик отверг предложения обоих и после небольшой задержки выступил в поход на Иерусалим. Император Конрад был там до него, покинув Константинополь с обещаниями помощи от Мануила Комнина - помощи, которая так и не пришла, да и не предполагалась.

ДАМАСК.

Затем был созван большой совет христианских князей Палестины и руководителей крестового похода, чтобы обсудить дальнейшие действия в войне. В конце концов было решено, что дело креста пойдет на пользу, если объединенные армии, вместо того чтобы идти на Эдессу, осадят город Дамаск и вытеснят сарацинов с этой сильной позиции. Это был смелый план, и, если бы он был смело осуществлен, то, по всей вероятности, обеспечил бы успех войны. Но христианские лидеры так и не научились на собственном опыте необходимости объединения, этой самой души великих предприятий. Хотя все они были согласны с политикой плана, у каждого из них были свои представления о средствах его осуществления. Князья Антиохии и Триполи завидовали друг другу и иерусалимскому королю. Император Конрад завидовал королю Франции, а король Франции был противен им всем. Но он прибыл в Палестину в соответствии с торжественным обетом; его религия, хотя ее и можно назвать фанатизмом, была искренней, и он решил оставаться до последнего момента, когда останется шанс принести пользу делу, на которое он положил свое сердце.

Осада Дамаска была начата, причем с таким умением и энергией, что христиане с самого начала получили значительное преимущество. Осада продолжалась несколько недель, пока разрушенные укрепления и ослабевающее сопротивление осажденных не показали, что город не сможет долго продержаться. В этот момент безумная ревность вождей привела к разногласиям, которые вскоре стали причиной полного провала не только осады, но и крестового похода. В современной кулинарной книге, где приводится рецепт приготовления зайца, говорится: "Сначала поймай зайца, а потом убей его" - неоспоримая мудрость. В данном случае христианские вожди не были столь проницательны, поскольку начали жестокий спор между собой за обладание городом, который все еще оставался непокоренным. Уже имелись князь Антиохии и князь Триполи, а на княжество Дамаск претендовали двадцать человек, и был созван большой совет вождей, чтобы определить, кому достанется эта честь. Много драгоценных дней было потрачено на это обсуждение, а враг тем временем набирал силу от своего бездействия. В конце концов, после бурных обсуждений было решено, что граф Роберт Фландрский, дважды побывавший в Святой земле, должен быть облечен этим достоинством. Остальные претенденты отказались

признавать его и сотрудничать в осаде до тех пор, пока не будет достигнуто более справедливое соглашение. Подозрения наполнили лагерь; ходили самые зловещие слухи об интригах и предательстве; недовольные претенденты, наконец, отошли на другую сторону города и начали действовать самостоятельно, без всякой вероятности на успех. Вскоре к ним присоединилась остальная часть армии. В результате самая слабая сторона города, на которой уже были достигнуты значительные успехи в разрушении, осталась незакрытой. Враг быстро воспользовался этой ошибкой, получил обильный запас провизии и укрепил стены, прежде чем крестоносцы снова пришли в себя. Когда это желанное событие произошло, было уже слишком поздно. Саф-Эддин, могущественный эмир Мусула, находился поблизости, во главе большой армии, продвигавшейся форсированными маршами на помощь городу. Осада была внезапно прекращена, и глупые крестоносцы вернулись в Иерусалим, не сделав ничего, чтобы ослабить врага, но ослабив себя.

Свежий энтузиазм уже полностью угас, даже у самых простых солдат болело сердце. Конрад, от яростного рвения которого в самом начале можно было ожидать многого, устал от неудач и вернулся в Европу с жалкими остатками своего войска. Людовик задержался еще на некоторое время, очень стыдясь, но настоятельные просьбы его министра Шугера побудили его вернуться во Францию. Так закончился второй крестовый поход. Его история - это лишь хроника поражений. Он оставил Иерусалимское королевство в худшем состоянии, чем когда оно покидало Европу, и не принес ничего, кроме позора для его лидеров и уныния для всех заинтересованных сторон.

Святой Бернард, предсказавший совсем иной результат, после этого впал в немилость и, подобно многим другим пророкам, испытал участь остаться без чести в своей стране. Хуже того, он не смог добиться ее ни в одной другой. Однако нашлись ревностные защитники, которые выступили в его защиту и остановили волну недоверия, которая, не встретив противодействия, унесла бы его репутацию. Епископ Фрейзингенский заявил, что пророки не всегда способны пророчествовать и что пороки крестоносцев навлекли на них гнев небес. Но самое гениальное оправдание святого Бернара можно найти в житии Жоффруа де Клерво, где он упорно настаивает на том, что крестовый поход не был неудачным. Святой Бернард, по его словам, предсказал счастливый результат, и этот результат нельзя было считать иным, как счастливым, поскольку он наполнил небеса столь славным воинством мучеников. Жоффруа был хитрым убедителем и, без сомнения, убедил нескольких ревнителей; но простые люди, которых и в те времена было немало, оставались при своем мнении или, что то же самое, "были убеждены против своей воли".

Теперь мы переходим к рассмотрению третьего крестового похода и причин, вызвавших его необходимость. Эпидемическое неистовство, остывавшее со времени первой экспедиции, теперь угасло или почти угасло, и народы Европы с холодным равнодушием взирали на вооружение своих князей. Но рыцарство расцвело в своей естественной стихии войны и теперь предстало во всей своей красе. Оно продолжало поставлять армии в Святую землю, когда народные ряды отказывались выставить свои трудоспособные стаи. Поэзия, которая больше, чем религия, вдохновляла третий крестовый поход, была тогда лишь "*caviare* для миллионов", у которых были другие, более важные дела, требовавшие всего их внимания. Но рыцари и их приближенные с восторгом слушали боевые и веселые песни менестрелей, миннезингеров, труверов и трубадуров и горели желанием завоевать расположение дам, демонстрируя доблесть в Святой земле. Третья эпоха была поистине романтической эпохой крестовых походов. Тогда люди сражались не столько за гробницу Иисуса и сохранение христианского царства на Востоке, сколько для того, чтобы добыть себе славу на лучшем и почти единственном поприще, где ее можно было добыть. Они сражались не как фанатики, а

как солдаты; не за религию, а за честь; не за мученический венец, а за благосклонность прекрасного.

ПЕЧАТЬ БАРБАРОССЫ.

Нет необходимости подробно описывать события, в результате которых Саладин получил власть на Востоке, и то, как после череды столкновений он вновь водрузил мусульманское знамя на стенах Иерусалима. Христианские рыцари и население, включая великие ордена Святого Иоанна, госпитальеров и тамплиеров, погрузились в пучину порока и, раздираемые недостойными завистями и раздорами, не смогли противостоять хорошо обученным армиям, которые мудрый и могущественный Саладин привел, чтобы сокрушить их. Но весть об их падении произвела болезненный фурор среди европейского рыцарства, самые благородные представители которого были связаны с жителями Палестины многими узами, как кровными, так и дружескими. Первой в Европу пришла весть о великой битве при Тиберии, в которой Саладин с ужасающей резней разгромил христианское войско, а за ней быстро последовали известия о взятии Иерусалима, Антиохии, Триполи и других городов. Духовенство охватило уныние. Папа римский (Урбан III) был так поражен этой новостью, что изнемогал от горя и едва ли мог снова улыбнуться, пока не погрузился в предсмертный сон.¹² Его преемник, Григорий VIII, так же остро ощущал утрату, но имел больше сил, чтобы перенести ее, и поручил всему духовенству христианского мира поднять народ на борьбу за восстановление Гроба Господня. Вильгельм архиепископ Тирский, смиренный последователь Петра Отшельника, покинул Палестину, чтобы проповедовать королям Европы о тех бедах, свидетелем которых он стал, и побудить их к спасению. Знаменитый Фридрих Барбаросса, император Германии, быстро собрал армию и, пройдя через Сирию с меньшей задержкой, чем когда-либо ожидали крестоносцы, разбил сарацин и овладел городом Икония. К сожалению, он прервал свою успешную карьеру, неосмотрительно искупавшись в [Сидне](#)¹³ при перегреве, и командование экспедицией принял герцог Суабский. Последний оказался не столь способным полководцем и потерпел лишь поражение, хотя ему удалось удержать позиции в Антиохии до прибытия помощи из Европы.

ГЕНРИХ II. АНГЛИЙСКИЙ.

Генрих II Английский и Филипп Август Французский во главе своего рыцарства поддерживали крестовый поход всем своим влиянием, пока войны и раздоры в родной стране не отвратили их от него на некоторое время. Два короля встретились в Жизоре в Нормандии в январе месяце 1188 года, сопровождаемые блестящим отрядом рыцарей и воинов. На встрече присутствовал Вильгельм Тирский, который с большим красноречием излагал доводы в пользу креста, и все собравшиеся поклялись отправиться в Иерусалим. В то же время было решено, что налог, называемый десятиной Саладина и состоящий из десятой части всех владений, земельных или личных, должен взиматься по всему христианству с каждого, кто либо не может, либо не хочет принять крест. Владыке каждого феода, мирского или церковного, было поручено собирать десятину в пределах своей юрисдикции; и любой, кто отказывался платить свою долю, становился по этому акту кабальером и абсолютной собственностью своего господина. В то же время к тем, кто принимал крест, проявлялось величайшее снисхождение; никто не имел права задержать их каким-либо процессом, будь то за долг, или грабеж, или убийство. По окончании конференции король Франции созвал парламент в Париже, где эти постановления были торжественно подтверждены, а Генрих II сделал то же самое для своих нормандских владений в Руане, а для Англии - в Геддингтоне, в Нортгемптоншире. По словам древнего [летописца](#)¹⁴, "он провел парламент о путешествии в Святую землю и побеспокоил всю землю о выплате десятины в ее пользу".

ЗАМОК ЖИЗОР.

ФИЛИПП АВГУСТ.

Но не только Англия была "обеспокоена" этим налогом. Жители Франции также смотрели на него без приятных чувств и, похоже, с этого времени сменили свое безразличие к крестовому походу на отвращение. Даже духовенство, которое было очень готово к тому, чтобы другие люди отдавали половину, а то и все свое имущество на поддержку их любимого плана, само не желало вносить ни одного су. Миллот[15] [15](#) рассказывает, что некоторые из них кричали против этого налога. Среди прочих, духовенство Реймса было призвано внести свою долю, но послало депутацию к королю, умоляя его довольствоваться помощью их молитв, поскольку они были слишком бедны, чтобы внести какую-либо иную лепту. Филипп Август знал лучше и, чтобы преподать им урок, нанял трех окрестных дворян для опустошения церковных земель. Духовенство, извещенное об этом безобразии, обратилось к королю с просьбой о возмещении ущерба. "Я помогу вам своими молитвами, - снисходительно сказал монарх, - и попрошу этих джентльменов оставить церкви в покое". Он поступил так, как обещал, но в такой манере, что дворяне, оценив шутку, продолжили свои опустошения, как и прежде. И снова духовенство обратилось к королю. "Что вы от меня хотите?" - ответил он на их уговоры: "Вы дали мне свои молитвы в моей нужде, а я дал вам свои в вашей". Духовенство поняло

этот аргумент и сочло за лучшее выплатить свою долю десятины Саладина без дальнейших переговоров.

Этот анекдот свидетельствует о непопулярности крестового похода. Если духовенство не любило вносить пожертвования, неудивительно, что народ испытывал еще большую антипатию. Но рыцарство Европы жаждало сражения: десятина была неукоснительно собрана, и армии из Англии, Франции, Бургундии, Италии, Фландрии и Германии вскоре были на поле. Однако оба короля, которые должны были его возглавить, были втянуты в раздоры из-за агрессии Ричарда герцога Гиеннского, более известного как Ричард Крестоносца, на территорию графа Тулузского, и предполагаемое путешествие в Палестину было отложено. Война между Францией и Англией продолжала бушевать, и вероятность ее скорого окончания была столь мала, что многие дворяне, связанные крестовым походом, оставили двух монархов улаживать разногласия по своему усмотрению и отправились в Палестину без них.

Смерть наконец вмешалась и избавила Генриха II от враждебности его врагов, а также от предательства и неблагодарности его детей. Его сын Ричард немедленно заключил союз с Филиппом Августом, и два молодых, доблестных и стремительных монарха объединили все свои силы для продвижения крестового похода. Они встретились с многочисленной и блестящей свитой в Нонанкуре в Нормандии, где в присутствии собравшегося рыцарства обнялись как братья и поклялись жить как друзья и верные союзники до истечения сорока дней после их возвращения из Святой земли. Чтобы очистить свой лагерь от глупостей и пороков, которые так погубили предыдущие экспедиции, они составили свод законов для управления армией. Азартные игры достигли больших масштабов и оказались плодотворным источником ссор и кровопролития; один из их законов запрещал любому человеку в армии, не достигшему рыцарского звания, играть в любые игры на деньги.¹⁶ Рыцари и священнослужители могли играть на деньги, но никому не разрешалось проигрывать или выигрывать более двадцати шиллингов в день под страхом штрафа в сто шиллингов. В той же мере разрешалось играть и личным сопровождающим монархов. В случае нарушения их ждало наказание в виде трехдневной порки нагайкой по всей армии. Любому крестоносцу, ударившему другого и пустившему кровь, приказывали отрубить руку, а того, кто убивал брата-крестоносца, приговаривали к тому, что его привязывали живьем к трупу жертвы и хоронили вместе с ним. Ни одной молодой женщине не разрешалось следовать за войском, к великому сожалению многих порочных и многих добродетельных дам, у которых не хватило мужества обойти этот указ, переодевшись в мужское платье. Но многие высокодушные и любящие девы и матроны, взяв в руки меч или копье, последовали за своими мужьями и возлюбленными на войну, несмотря на короля Ричарда и вопреки опасности. Единственными женщинами, которым разрешалось сопровождать армию в своих одеяниях, были прачки, достигшие пятидесяти лет, и любые другие представительницы прекрасного пола, достигшие того же возраста.

После введения этих правил оба монарха вместе отправились в Лион, где разошлись, договорившись встретиться снова в Мессине. Филипп отправился через Альпы в Геную, где сел на корабль и в целости и сохранности был доставлен к месту встречи. Ричард повернул в сторону Марселя, где также сел на корабль и отправился в Мессину. Порывистый нрав Ричарда привел его к многочисленным стычкам в пути, и его рыцари и последователи, в большинстве своем такие же храбрые и такие же глупые, как он сам, очень ревностно подражали ему в этом. В Мессине сицилийцы назначали самые непомерные цены на все необходимые вещи. Армия Ричарда тщетно возражала. На словах они перешли к ударам, а в качестве последнего средства стали грабить сицилийцев, поскольку не могли торговать с

ними. В результате начались непрерывные сражения, в одном из которых погиб Лебрен, любимый помощник Ричарда. На помощь горожанам стекались крестьяне из дальних и ближних мест, и вскоре битва стала всеобщей. Ричард, раздраженный потерей любимца и подстрекаемый сообщениями о том, что Танкред, король Сицилии, сражается на во главе своего народа, вступил в *бой* со своими самыми смелыми рыцарями и, отбив сицилийцев, напал на город с мечом в руках, ворвался в крепостные стены, сорвал сицилийское знамя и водрузил вместо него свое собственное. Это столкновение сильно обидело короля Франции, который с тех пор стал ревновать Ричарда и опасаться, что его целью было не столько восстановление христианского Иерусалимского королевства, сколько завоевания для себя. Однако он приложил все усилия, чтобы восстановить мир между англичанами и сицилийцами, и вскоре после этого отплыл в Акко, в сердце которого зародилось недоверие к своему союзнику.

ОСТРОВ РОДОС.

Ричард оставался позади в течение нескольких недель, пребывая в состоянии бездействия, совершенно необъяснимого для человека его темперамента. Судя по всему, он больше не вступал в распри с сицилийцами, а вел легкую, роскошную жизнь, забыв в кругу удовольствий о том, ради чего он покинул свои владения, и об опасной распушенности, которую он вносил в свою армию. Суеверие его солдат в конце концов вернуло его к чувству долга: несколько ночей подряд наблюдалась комета, которая, как считалось, угрожала им мстью небес за их промедление. Падающие звезды предупреждали о подобном; а фанатик по имени Иоахим, с нарисованным мечом в руке и длинными волосами, разметававшимися по плечам, ходил по лагерю, воя всю ночь напролет и предсказывая чуму, голод и прочие беды, если они не отправятся в путь немедленно. Ричард не счел благоразумным пренебречь этими предвестиями и, смиренно покаявшись в своей неосмотрительности, отплыл в Акко.

Сильный шторм рассеял его флот, но он благополучно прибыл на Родос с основной частью вооружения. Здесь он узнал, что три его корабля сели на мель у скалистых берегов Кипра, а правитель острова Исаак Комнин позволил своим людям разграбить несчастные экипажи и отказал в убежище своей обрученной невесте, принцессе Беренгари, и его сестре, которые на одном из кораблей были загнаны непогодой в порт Лимиссо. Пылкий монарх поклялся

отомстить и, собрав все свои суда, отплыл обратно в Лимиссо. Исаак Комнин отказался извиняться или объясняться, и Ричард, не желая оставаться в дураках, высадился на острове, с большими потерями разгромил посланные против него войска и обложил всю страну контрибуцией.

РИЧАРД I. И БЕРЕНГАРИЯ.

Прибыв в Акко, он застал там все рыцарство Европы. Ги Лузиньянский, король Иерусалима, задолго до этого собрал отважных рыцарей Храма, Госпиталя и Святого Иоанна и осадил Акко, который решительно защищал султан Саладин с армией, великолепной как по численности, так и по дисциплине. Почти два года крестоносцы держали осаду и прилагали почти нечеловеческие усилия, чтобы выбить врага. Различные сражения происходили на открытой местности без решительного перевеса одной из сторон, и Ги Лузиньянский уже начал отчаиваться в возможности взять эту сильную позицию без помощи из Европы. Его радость была безгранична, когда прибыл Филипп со всем своим рыцарством, и он ждал только прихода Кёра де Льва, чтобы совершить последнюю решительную атаку на город. Когда английский флот впервые был замечен приближающимся к берегам Сирии, в христианском лагере поднялся всеобщий крик; а когда Ричард высадился на берег со своим войском, еще более громкий крик пронесся до самых гор на юге, где лежал Саладин со всей своей армией.

Характерной чертой этого крестового похода можно считать то, что христиане и мусульмане больше не смотрели друг на друга как на варваров, для которых милосердие было преступлением. Каждый из воинов восхищался храбростью и великодушием другого, а во время перемирий встречались на самых дружеских условиях. Воины-мусульмане были полны любезности по отношению к христианским рыцарям и не испытывали иного сожаления, кроме сожаления о том, что такие прекрасные парни не были магометанами. Христиане,

испытывая точно такие же чувства, до небес превозносили благородство сарацин и сокрушались, что такое великодушие и доблесть могут быть запятнаны неверием в Евангелие Иисуса. Но когда началась междоусобица, все эти чувства исчезли, и борьба стала смертельной.

Ревность, возбужденная в сознании Филиппа событиями в Мессине, все еще бушевала, и оба монарха отказывались действовать сообща. Вместо того чтобы предпринять совместную атаку на город, французский монарх атаковал его в одиночку и был отбит. Ричард сделал то же самое, и с тем же результатом. Филипп попытался склонить солдат Ричарда к верности, предложив по три золотых в месяц каждому рыцарю, который оставит знамена Англии ради знамен Франции. Ричард попытался нейтрализовать это предложение, пообещав четыре куска каждому французскому рыцарю, который присоединится к английскому льву. В этом недостойном соперничестве они теряли время, что сильно вредило дисциплине и эффективности их последователей. Тем не менее, кое-что удалось сделать: само присутствие двух таких армий не позволяло осажденному городу получать припасы, и жители были доведены голодом до самого плачевного состояния. Саладин не считал благоразумным рисковать общим сражением, придя им на помощь, а предпочел подождать, пока раздоры ослабят его врага и сделают его легкой добычей. Возможно, если бы он знал о реальных масштабах бедственного положения в Акко, то изменил бы свой план; но, отрезанный от города, он не знал о его бедах, пока не стало слишком поздно. После короткого перемирия город капитулировал на столь суровых условиях, что Саладин впоследствии отказался их ратифицировать. Главными условиями были: возвращение драгоценного дерева истинного креста, захваченного мусульманами в Иерусалиме; выплата суммы в двести тысяч золотых; освобождение всех христианских пленников в Акко, а также двухсот рыцарей и тысячи солдат, находившихся в плену у Саладина. Восточный монарх, как можно догадаться, не слишком дорожил деревом креста, но все же стремился сохранить его, так как знал, что обладание им христианами вернет их мужеству больше, чем победа. Поэтому он отказался отдать его или принять какие-либо условия, и Ричард, как и угрожал ранее, варварски приказал предать смерти всех пленных сарацин, которые были в его власти.

Овладение городом лишь вызвало новые и несчастливые раздоры между христианскими лидерами. Австрийский эрцгерцог необоснованно водрузил свой флаг на одной из башен Акко, который Ричард не успел увидеть, как собственными руками сорвал и растоптал его ногами. Филипп, хотя и не симпатизировал эрцгерцогу, был раздосадован таким поступком Ричарда, и пропасть между двумя монархами стала еще шире, чем прежде. В то же время между Ги Лузиньяном и Конрадом Монферратским разгорелся глупый спор за иерусалимскую корону. Низшие рыцари не замедлили подражать пагубному примеру, и в лагере христиан воцарились зависть, недоверие и недоброжелательность. В разгар этого смятения король Франции внезапно объявил о своем намерении вернуться в свою страну. Ричард пришел в негодование и воскликнул: "Вечный позор ему и всей Франции, если по какой-либо причине он оставит это дело незавершенным!" Но Филиппа было не остановить. Его здоровье пострадало от пребывания на Востоке, и, не желая играть первую роль, он предпочел не играть никакой, а играть роль второго плана после короля Ричарда. Оставив за собой небольшой отряд бургундцев, он вернулся во Францию с остатками своей армии, и Кер де Лев, не почувствовав во множестве своих соперников, что он потерял самого большого, с болью убедился, что правая рука предприятия отрублена.

После своего ухода Ричард укрепил Акко, восстановил христианское богослужение в церквях и, оставив христианский гарнизон для защиты, двинулся вдоль морского побережья к Аскалону. Саладин был начеку и послал своих легких коней, чтобы атаковать тыл

христианской армии, а сам, просчитавшись в их слабости после отступления Филиппа, попытался вызвать их на генеральное сражение. Соперничающие армии встретились у Азота. Завязалась ожесточенная битва, в которой Саладин был разбит и обращен в бегство, а дорога на Иерусалим осталась свободной для крестоносцев.

И снова раздоры оказали свое пагубное влияние и не позволили Ричарду довести до конца свою победу. Его мнение постоянно опровергалось другими вождями, все завидовали его храбрости и влиянию; и армия, вместо того чтобы идти на Иерусалим или даже на Аскалон, как предполагалось сначала, направилась в Яффу и оставалась в бездействии, пока Саладин снова не оказался в состоянии начать войну против них.

БЕТЛЕХЕМ.

Многие месяцы прошли в бесплодных военных действиях и столь же бесплодных переговорах. Ричард хотел захватить Иерусалим, но на пути к этому возникли трудности, которые не смог преодолеть даже его смелый дух. Его собственная нестерпимая гордость была не последней причиной зла; ведь она отдалила от него многих великодушных людей, которые были бы готовы сотрудничать с ним со всем радушием. В конце концов было решено идти к Святому городу; но продвижение было столь медленным и мучительным, что солдаты роптали, а вожди подумывали об отступлении. Погода стояла жаркая и сухая, а воды было мало. Саладин забил колодцы и цистерны на пути следования, и у армии не хватало рвения продвигаться вперед в условиях таких лишений. В Вифлееме состоялся совет, на котором обсуждалось, отступить или наступать. Было решено отступить, и к этому немедленно приступили. Говорят, что Ричарда сначала привели на холм, откуда он мог видеть башни Иерусалима, и он был так уязвлен тем, что находится так близко от них и не может их спасти, что спрятал лицо за своим щитом и громко зарыдал.

Армия разделилась на две части, меньшая из которых отступила к Яффе, а большая, под командованием Ричарда и герцога Бургундского, вернулась в Акко. Не успел английский монарх сделать все приготовления к возвращению в Европу, как в Акко прибыл гонец с известием, что Яффа осаждена Саладином и что, если не будет немедленной помощи, город будет взят. Французы под командованием герцога Бургундского были настолько утомлены войной, что отказались помочь своим братьям в Яффе. Ричард, краснея от стыда за свое

бессердечие, призвал на помощь своих англичан и прибыл как раз вовремя, чтобы спасти город. Само его имя обратило сарацинов в бегство, так велик был их страх перед его доблестью. Саладин относился к нему с горячим восхищением, и когда Ричард после победы потребовал мира, охотно согласился. Перемирие было заключено на три года и восемь месяцев, в течение которых христианские паломники должны были свободно посещать Иерусалим без препятствий и уплаты каких-либо налогов. Крестоносцам разрешалось оставить за собой города Тир и Яффу, а также прилегающую к ним территорию. Саладин с княжеской щедростью пригласил многих христиан посетить Иерусалим, и некоторые из вождей воспользовались его предложением, чтобы поглазеть на место, которое все считали таким священным. Многих из них несколько дней развлекали в собственном дворце султана, откуда они вернулись с языками, переполненными похвалами благородному неверному. Ричард и Саладин никогда не встречались, хотя впечатление о том, что они встречались, останется в памяти многих, ослепленных славными вымыслами сэра Вальтера Скотта. Но каждый из них восхищался доблестью и благородством души своего соперника и согласился на гораздо менее обременительные условия, чем те, на которые согласился бы каждый из них, если бы этого взаимного восхищения не существовало.¹⁷

Король Англии больше не откладывал свой отъезд, поскольку посланники из его собственной страны принесли настоятельные известия о том, что его присутствие необходимо для того, чтобы победить интриги, разжигаемые против его короны. Его долгое заключение в австрийских владениях и окончательный выкуп слишком хорошо известны, чтобы останавливаться на них. Так закончился третий крестовый поход, менее разрушительный для человеческих жизней, чем два первых, но столь же бесполезный.

Пламя народного энтузиазма теперь горело очень бледно, и все усилия пап и правителей были недостаточны, чтобы разжечь его. Наконец, неустойчиво мерцая, как лампа, истекающая из патрона, оно ярко разгорелось в последний миг и погасло навсегда.

Четвертый крестовый поход, связанный с народными чувствами, практически не требует внимания. После смерти Саладина, которая случилась через год после заключения перемирия с Ричардом Английским, его огромная империя распалась на части. Его брат Сейф Эддин, или Сафаддин, захватил Сирию, во владении которой ему мешали сыновья Саладина. Когда эти сведения достигли Европы, папа римский Целестин III счел момент благоприятным для проповеди нового крестового похода. Но все народы Европы отнеслись к нему неохотно и холодно. У людей не было пыла, а короли были заняты более важными делами у себя дома. Единственным монархом Европы, который поддержал поход, был император Генрих Германский, под чьим покровительством герцоги Саксонии и Баварии вышли в поход во главе значительного войска. Они высадились в Палестине и встретили недоброжелательный прием со стороны христианских жителей. Под мягкой властью Саладина они наслаждались покоем и веротерпимостью, но с приходом германцев и то, и другое оказалось под угрозой. Вследствие этого они смотрели на них как на слишком назойливых вторженцев и не оказали им никакой поддержки в войне против Сафадинна. Результат этого крестового похода был еще более плачевным, чем предыдущего, так как немцам удалось не только ожесточить сарацинов против христиан Иудеи, но и потерять сильный город Яффу, а также уничтожить девять десятых армии, с которой они покинули Европу. Так закончился четвертый крестовый поход.

Пятый был более важным и имел результат, о котором его организаторы и не мечтали - не менее чем разграбление Константинополя и посадка французской династии на императорский трон восточных Сезаров. Каждый последующий папа, как бы сильно он ни

расходился со своими предшественниками по другим вопросам, ревностно соглашался в одном - поддерживать всеми возможными способами папское главенство. Ни один план не мог так помочь в этом деле, как крестовые походы. Пока они могли убеждать королей и дворян Европы сражаться и умирать в Сирии, их собственная власть над умами людей на родине была обеспечена. В соответствии с этой целью они никогда не интересовались, будет ли крестовый поход успешным или нет, удачно или неудачно выбрано время, можно ли получить людей и деньги в достаточном количестве. Папа Иннокентий III мог бы гордиться, если бы ему удалось склонить к такой покорности несговорчивых монархов Англии и Франции. Но Иоанн и Филипп Август были оба помолвлены. Оба были глубоко оскорблены Церковью и находились под ее запретом, и оба были заняты важными реформами у себя дома: Филипп - тем, что даровал иммунитеты своим подданным, а Иоанн - тем, что их у него отняли. Поэтому эмиссары папы напрасно упрашивали их; но, как и в первом и втором крестовых походах, красноречие сильного проповедника подстрекало дворян, а через них и определенную часть народа; Фульк, епископ Нейи, честолюбивый и предприимчивый прелат, полностью разделял взгляды римского двора и проповедовал крестовый поход везде, где мог найти слушателей. Случай благоволил ему в такой степени, в какой он и сам не ожидал, поскольку в целом он нашел лишь немногих прозелитов, а те немногие были холодны в деле. Теобальд граф Шампанский устроил грандиозный турнир, на который пригласил всех дворян из дальних и ближних стран. На турнире присутствовало до двух тысяч рыцарей со своими приближенными, а также огромное количество народа, наблюдавшего за спортивными состязаниями. В разгар празднества на место прибыл Фульк и, сочтя возможность благоприятной, обратился к собравшимся с красноречивой речью, страстно призывая их записываться в новый крестовый поход. Граф де Шампань, молодой, пылкий и легко возбудимый, принял крест из его рук. Энтузиазм быстро распространился. Шарль граф Блуа последовал его примеру, и из двух тысяч присутствовавших рыцарей едва ли сто пятьдесят отказались. Казалось, что народное волнение вот-вот вырвется наружу, как в былые времена. Граф Фландрский, граф Барский, герцог Бургундский и маркиз Монферратский привели всех своих вассалов, чтобы пополнить обоз, и в очень короткий срок действенная армия была собрана и готова к походу в Палестину.

Опасности сухопутного путешествия были слишком хорошо понятны, и крестоносцы попытались заключить договор с некоторыми итальянскими государствами, чтобы те переправили их на своих кораблях. Дандоло, престарелый дож Венеции, предложил им галеры республики; но по прибытии в этот город крестоносцы оказались слишком бедны, чтобы заплатить даже половину требуемой суммы. Были испробованы все средства для сбора денег; крестоносцы переплавили свои тарелки, а дамы отдали свои безделушки. От верующих требовали пожертвований, но они поступали так медленно, что всем стало ясно: верующих в Европе больше, чем благоразумных. В качестве последнего средства Дандоло предложил доставить их в Палестину за счет республики, если они предварительно помогут отбить город Зара, который был захвачен у венецианцев незадолго до этого королем Венгрии. Крестоносцы согласились, к большому неудовольствию папы, который пригрозил отлучением всем, кто отклонится от похода на Иерусалим. Но, несмотря на все упреки церкви, экспедиция так и не достигла Палестины. Вскоре была предпринята осада Зары. После долгой и мужественной обороны город сдался по собственному желанию, и крестоносцы получили возможность, если бы они того пожелали, использовать свои мечи против сарацин. Но честолюбие вождей было направлено, в силу непредвиденных обстоятельств, в другое русло.

После смерти Мануила Комнина Греческая империя стала жертвой междоусобных распрей. Его сын Алексей II. стал его преемником, но после недолгого правления был убит своим

дядей Андроником, захватившим трон. Его правление также было недолгим. Исаак Ангелус, представитель той же семьи, выступил против узурпатора и, победив и захватив его в плен в завязавшейся битве, предал его смерти. Он также взошел на трон, но был низвергнут с него. Его брат Алексей сверг его с престола, а чтобы лишить его возможности править, выколол ему глаза и заточил в темницу. Алексею III также не позволили мирно владеть престолом; сын несчастного Исаака, которого тоже звали Алексей, бежал из Константинополя и, узнав, что крестоносцы приступили к осаде Зары, сделал им самые пышные предложения, если они после этого помогут ему свергнуть дядю. Он предлагал, что если с их помощью он будет восстановлен во владениях своего отца, то передаст греческую церковь под власть папы римского, предоставит всю силу греческой империи для завоевания Палестины и раздаст двести тысяч марок серебра крестоносной армии. Предложение было принято, но с оговоркой некоторых лидеров, что они могут отказаться от задуманного, если оно встретит неодобрение папы. Но этого не стоило опасаться. Подчинение раскольников греков Римскому престолу было для понтифика большей взяткой, чем полное уничтожение сарацинской власти в Палестине.

Вскоре крестоносцы двинулись на императорский город. Их действия были умело и мужественно направлены и вызвали такой ужас, что парализовали усилия узурпатора сохранить свой трон. После тщетного сопротивления он бросил город на произвол судьбы и скрылся неизвестно куда. Престарелый и слепой Исаак был извлечен из темницы своими подданными и посажен на трон еще до того, как крестоносцы узнали о бегстве его соперника. Его сын Алексей IV. впоследствии был соединен с ним во владениях.

Но условия договора вызвали недовольство греческого народа, чьи прелаты отказались подчиняться Римскому престолу. Алексей поначалу пытался склонить своих подданных к признанию и молил крестоносцев остаться в Константинополе до тех пор, пока они не укрепят его во владении троном, который был еще далеко не безопасен. Вскоре он стал непопулярен среди своих подданных; нарушив веру в отношении субсидий, он обидел крестоносцев. В конце концов обе стороны объявили ему войну: его народ - за тиранию, а его бывшие друзья - за предательство. Он был схвачен в своем дворце собственной стражей и брошен в тюрьму, в то время как крестоносцы готовились к осаде его столицы. Греки немедленно приступили к выборам нового монарха; ища человека мужественного, энергичного и настойчивого, они остановились на Алексее Дукасе, который, несмотря на почти все плохие качества, обладал необходимыми добродетелями. Он взошел на престол под именем Мурзуфлис. Одним из первых его действий было избавление от своего младшего предшественника - разбитое сердце уже удалило слепого старика Исаака, который больше не был камнем преткновения на его пути, - и вскоре молодой Алексей был предан смерти в своей тюрьме.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Между греками и франками была объявлена война до ножа, и ранней весной 1204 года начались приготовления к штурму Константинополя. Французы и венецианцы заключили договор о разделе добычи между своими солдатами; они были настолько уверены в успехе, что неудача ни разу не входила в их расчеты. Эта уверенность вела их к победе, в то время как греки, трусливые, как всегда бывают трусливы вероломные люди, были парализованы предчувствием зла. Всех историков удивляет, что Мурзуфлис, с его репутацией храбреца и огромными ресурсами в его распоряжении, не принял более действенных мер для отражения наступления крестоносцев. Их численность была ничтожна по сравнению с той, которую он мог выставить против них; и если у них была надежда на грабеж, чтобы вести их дальше, то у греков были их дома, за которые нужно было сражаться, и само их существование как нации, которое нужно было защищать. После стремительного штурма, который был отбит в течение одного дня, но возобновился с удвоенной силой на другой, крестоносцы приперли свои суда к стенам, перебили всех, кто им противостоял, и с небольшими потерями для себя вошли в город. Мурзуфлис бежал, а Константинополь был отдан на разграбление победителям. Богатство, которое они обнаружили, было огромным. Одних только денег было достаточно, чтобы раздать по двадцать марок серебра каждому рыцарю, по десять - оруженосцу или слуге при оружии и по пять - лучнику. Драгоценности, бархат, шелка и все роскошные наряды, редкие вина и фрукты, а также ценные товары всех видов также попали в их руки, были куплены торговыми венецианцами, а вырученные деньги распределены между армией. Две тысячи человек были преданы мечу; но если бы грабежа было меньше, чтобы занять внимание победителей, резня, по всей вероятности, была бы гораздо больше.

Во многих кровавых войнах, осквернивших страницы истории, мы видим, что солдаты, совершенно безразличные к творениям Бога, уничтожают его шедевр, человека, с беспощадной жестокостью, но с уважением обходят прекрасные произведения искусства. Они будут резать женщин и детей, но не пощадят ни одной картины; будут рубить больных, беспомощных и хриплых, но воздержатся от того, чтобы повредить прекрасное произведение скульптуры. Латиняне, войдя в Константинополь, не уважали ни Божьих, ни человеческих творений, но обрушивали свою жестокую свирепость на одно и удовлетворяли свою алчность на другое. Множество прекрасных бронзовых статуй, которые превыше всего ценились как произведения искусства, были разбиты на куски, чтобы продать их как старый металл. Прекрасно высеченный мрамор, который не мог быть использован в таких мерзких целях, также уничтожался с безрассудством, если можно так выразиться, еще более зверским¹⁸.

По окончании резни и распределения добычи были выбраны шесть человек из числа франков и шесть из числа венецианцев, которые должны были собраться и избрать императора, предварительно обязавшись под клятвой выбрать человека, наиболее квалифицированного из кандидатов. Выбор колебался между Балдуином графом Фландрским и Бонифацием маркизом Монферратским, но в конце концов пал на первого. Его сразу же облачили в императорский пурпур, и он стал основателем новой династии. Он прожил недолго, чтобы насладиться своей властью или укрепить ее для своих преемников, которые, в свою очередь, вскоре были сметены. Менее чем через шестьдесят лет правление франков в Константинополе закончилось так же внезапно и катастрофически, как и правление Мурзуфлиса: таков был главный итог пятого крестового похода.

Папа Иннокентий III, хотя и смотрел на эти события не слишком неблагоприятно, сожалел, что ничего не было сделано для облегчения положения Святой Земли; тем не менее, при каждом удобном случае он настаивал на необходимости нового крестового похода. Вплоть до 1213 года его увещевания не имели иного эффекта, чем поддержание этой темы в сознании Европы. Каждую весну и лето отряды паломников продолжали отправляться в Палестину на помощь своим братьям, но не в таком количестве, чтобы быть полезными. Эти периодические переходы назывались *passagium Martii*, или мартовский переход, и *passagium Johannis*, или переход в праздник святого Иоанна. Они состояли не только из воинов, вооруженных против сарацин, но и из паломников, ведомых набожностью и исполняющих свои обеты, не имея при себе ничего, кроме посоха и кошелька. Ранней весной 1213 года во Франции и Германии было собрано еще более необычное войско крестоносцев. Огромное количество юношей и девушек, насчитывавшее, по некоторым данным, до тридцати тысяч, под влиянием уговоров двух монахов отправились в путешествие в Палестину. Они, несомненно, состояли из праздных и заброшенных детей, которыми обычно кишат большие города, воспитанные в пороке и дерзости и готовые на все. Цель монахов, по-видимому, заключалась в том, чтобы заманить их на невольничьи корабли под предлогом отправки в Сирию и продажи в рабство на побережье Африки.¹⁹ Большое количество этих несчастных жертв было отправлено в Марсель; но суда, за исключением двух или трех, потерпели крушение у берегов Италии, и все погибли. Остальные благополучно добрались до Африки, были куплены как рабы и отправлены в глубь страны. Другой отряд прибыл в Геную, но соучастники этого ужасного заговора не приняли никаких мер в этом порту, ожидая, что все они будут в Марселе, и генуэзцы убедили их вернуться к себе домой.

Фуллер в своей причудливой истории Священной войны говорит, что этот крестовый поход был совершен по наущению дьявола; и он добавляет причину, которая сейчас может вызвать смех, но которую достойный историк изложил со всей трезвостью и искренностью. Он говорит, что "дьявол, утомленный убийством людей, желал получить сердечный напиток из детской крови, чтобы успокоить свой слабый желудок", как эпикурей, когда устает от баранины, прибегает к баранине для разнообразия.

Другие авторы утверждают, что проповеди мерзких монахов так подействовали на этих заблуждающихся детей, что они бегали по стране, восклицая: "Господи Иисусе, верни нам крест Твой!" И ни засовы, ни решетки, ни страх отцов, ни любовь матерей не могли удержать их от путешествия в Иерусалим.

Подробности этих странных действий крайне скудны и сбивчивы, и никто из современных авторов, упоминающих об этом, не счел нужным назвать имена монахов, затеявших эту затею, и судьбу, постигшую их за злодеяние. Говорят, что два марсельских купца, которые должны были разделить прибыль, были привлечены к суду за какое-то другое преступление,

и их постигла смерть; но нам не известно, разгласили ли они какие-либо обстоятельства, связанные с этим делом.

Папа Иннокентий III, по-видимому, не знал, что причины этого крестового похода подростков были такими, о которых говорилось выше, поскольку, когда ему сообщили, что многие из них приняли крест и направляются в Святую землю, он воскликнул: "Эти дети бодрствуют, пока мы спим!" Очевидно, он вообразил, что разум Европы все еще склонен к восстановлению Палестины, и что рвение этих детей служит своего рода упреком его собственному бездействию. Вскоре после этого он воспрянул духом и разослал духовенству христианства энциклическое письмо с призывом проповедовать новый крестовый поход. Как обычно, несколько авантюрных дворян, которым больше нечем было заняться, записались в армию вместе со своими пажами. На Латеранском соборе, который проходил во время сбора этих отрядов, Иннокентий объявил, что сам возьмет крест и поведет войска Христа на защиту его гроба. По всей вероятности, он так бы и поступил, ибо был достаточно ревностен; но смерть вмешалась и разрушила его проект еще до того, как он созрел. Его преемник поощрял крестовый поход, хотя и отказался сопровождать его; вооружение продолжалось во Франции, Англии и Германии. Из прежних стран к нему не присоединился ни один значимый лидер. Венгерский король Андрей был единственным монархом, который имел досуг или склонность покинуть свои владения. Герцоги Австрии и Баварии присоединились к нему со значительной армией немцев и, пройдя до Спалатро, отплыли на Кипр, а оттуда в Акко.

Все поведение короля Венгрии отличалось пассивностью и нерешительностью. Он оказался в Святой земле во главе очень боеспособной армии; сарацины были застигнуты врасплох и в течение нескольких недель не были готовы оказать какое-либо сопротивление его оружию. Он разбил первый отряд, посланный против него, и двинулся к горе Фавор с намерением захватить важную крепость, которую сарацины недавно построили. Он беспрепятственно добрался до горы и мог бы легко взять ее, но внезапный приступ трусости охватил его, и он вернулся в Акко, не нанеся ни одного удара. Вскоре после этого он совсем отказался от этого предприятия и вернулся в свою страну.

Из Европы периодически прибывали запоздалые подкрепления, и герцог Австрийский, ставший теперь главным предводителем экспедиции, имел под своим началом достаточно сил, чтобы причинить сарацинам серьезные неудобства. На совете с другими вождями он решил, что вся энергия Крестового похода должна быть направлена на Египет, место сосредоточения власти сарацинов в их отношениях с Палестиной, откуда поступали постоянные сборы, направляемые против них султаном. Первым пунктом атаки была выбрана Дамietta, которая выходила к реке Нил и была одним из важнейших городов Египта. Осада была немедленно начата и велась с большой энергией, пока крестоносцы не овладели башней, выходившей на середину потока, и рассматривалась как ключ к городу.

Пока они поздравляли себя с этим успехом и тратили на веселье время, которое следовало бы потратить на то, чтобы обратить его себе на пользу, до них дошла весть о смерти мудрого султана Сафаддина. Два его сына, Камхель и Кохреддин, разделили между собой империю. Сирия и Палестина достались Кохреддину, а Египет был отдан другому брату, который некоторое время исполнял обязанности лейтенанта этой страны. Будучи непопулярными среди египтян, они восстали против него, предоставив крестоносцам более благоприятную возможность для завоевания, чем когда-либо прежде. Но, ссорясь и распутничая с незапамятных времен, они не заметили, что наступил благоприятный момент; или же, увидев, не смогли извлечь из него выгоду. Пока они веселились или дрались между собой под стенами Дамьетты, восстание было подавлено, и Кэмхел прочно утвердился на троне Египта. Вместе со своим братом Кохреддином он решил изгнать христиан из Дамьетты, и в

течение трех месяцев они прилагали все усилия, чтобы доставить осажденным припасы или склонить осаждающих к общему сражению. Ни то, ни другое им не удалось; голод в Дамiette стал настолько ужасным, что всевозможные паразиты стали считаться роскошью и продавались по непомерным ценам. Дохлая собака стала стоить дороже живого быка во времена процветания. Нездоровая пища привела к болезням, и город больше не мог держаться из-за абсолютной нехватки людей для защиты стен.

Кохреддин и Камхель были одинаково заинтересованы в сохранении столь важной позиции, и, убедившись в неминуемой судьбе города, они открыли конференцию с вождями крестоносцев, предлагая отдать христианам всю Палестину при единственном условии - освобождении Египта. С почти невероятной слепотой и неразумием эти выгодные условия были отвергнуты, главным образом благодаря уговорам кардинала Пелагия, невежественного и упрямого фанатика, который убеждал герцога Австрийского, а также французских и английских лидеров, что неверные никогда не держат своего слова, что их предложения обманчивы и направлены лишь на предательство. Крестоносцы резко прервали конференцию и предприняли последнюю атаку на стены Дамiette. Осажденные оказали слабое сопротивление, так как надежды у них не было, и христиане, войдя в город, обнаружили, что из семидесяти тысяч жителей в нем осталось только три тысячи: так страшны были разрушения, причиняемые близнецами-чумой и голодом.

В Дамiette прошло несколько месяцев. Климат то ли ослабил, то ли затуманил разум христиан; ведь после завоевания они потеряли всякую энергию и предались разгулу и распутству еще более бессовестно, чем прежде. Иоанн Бриеннский, который по праву своей жены был номинальным государем Иерусалима, был так возмущен пассивностью, высокомерием и раздорами вождей, что полностью отстранился от них и удалился в Акко. Большие массы людей также вернулись в Европу, а кардинал Пелагий был предоставлен сам себе, чтобы взорвать все предприятие, когда ему будет угодно. Ему удалось примирить Иоанна Бриеннского, и он двинулся с этими объединенными силами на Каир. Только когда он приблизился к городу на расстояние нескольких часов марша, он обнаружил недостаточность своей армии. Он немедленно повернул назад, но Нил со времени его отъезда поднялся; шлюзы были открыты, и добраться до Дамiette не было никакой возможности. В таком положении он обратился к с просьбой о мире, от которого ранее отказался, и, к счастью для себя, обнаружил, что великодушные братья Камхел и Кохреддин все еще готовы его предоставить. Вскоре после этого Дамiette была сдана, и кардинал вернулся в Европу. Иоанн Бриеннский удалился в Акко, чтобы оплакивать потерю своего королевства, негодуя на глупость своих притворных друзей, которые разорили то, что должны были ему помочь. Так закончился шестой крестовый поход.

Седьмой был более успешным. Фридрих II, император Германии, не раз клялся повести свои войска на защиту Палестины, но его так же часто удерживали от этого дела более насущные. Кохреддин был мягким и просвещенным монархом, и христиане Сирии наслаждались покоем и терпимостью под его властью: но Иоанн Бриеннский не желал терять свое королевство без усилий; а папы в Европе всегда были готовы вовлечь народы в войну ради расширения собственной власти. Ни один монарх той эпохи не был способен оказать более действенную помощь, чем Фридрих Немецкий. Чтобы вдохновить его на еще большее рвение, ему предложили жениться на юной принцессе Виоланте, дочери Иоанна Бриеннского и наследнице Иерусалимского королевства. Фредерик с радостью и готовностью согласился. Принцессу без промедления доставили из Акко в Рим, а ее брак отпраздновали с большим размахом. Ее отец, Иоанн Бриеннский, отрекся от всех своих прав в пользу зятя, и у Иерусалима снова появился король, у которого была не только воля, но и

власть, чтобы осуществить свои притязания. Подготовка к новому крестовому походу была начата немедленно, и уже через полгода император стоял во главе хорошо дисциплинированной армии в шестьдесят тысяч человек. Мэтью Парис сообщает нам, что такая же армия была собрана в Англии, и большинство авторов, пишущих о крестовых походах, придерживаются его мнения. Когда Иоанн Бриеннский находился в Англии до того, как было принято решение о браке его дочери с императором, и молил Генриха III и его вельмож о помощи, чтобы вернуть свое потерянное королевство, он не встретил особого одобрения. Графтон в своей "Хронике" говорит, что "он снова уехал без особого утешения". Но когда на сцене появился человек, имевший большее влияние в европейской политике, английские дворяне были готовы пожертвовать собой ради дела, как и во времена Кёра де Льва.

Армия Фредерика расположилась лагерем в Брундизиуме; но из-за моровой язвы их отъезд задержался на несколько месяцев. Тем временем императрица Виоланта умерла в родах. Иоанн Бриеннский, уже раскаявшийся в своем отречении от престола и к тому же разгневанный на Фредерика за многие пренебрежения и оскорбления, не успел увидеть, как единственная связь, связывавшая их, разорвана смертью его дочери, как начал усердствовать и интересоваться у папы, чтобы исправить то, что он сделал, и вернуть себе почетную корону, от которой он отрекся. Папа Григорий IX, человек гордый, непримиримый и мстительный, был в долгу перед императором за многие акты неповиновения его власти и поощрял уговоры Иоанна Бриеннского больше, чем следовало. Фредерик, однако, презрел их обоих и, как только его армия выздоровела, отплыл в Акко. Он не пробыл и нескольких дней в море, как на него самого напал недуг, и он был вынужден вернуться в Отранто, ближайший порт. Григорий, который к тому времени принял решение в интересах Иоанна Бриеннского, отлучил императора от церкви за возвращение из столь священной экспедиции под любым предлогом. Фредерик сначала отнесся к отлучению с величайшим презрением; но когда он поправился, то дал понять его святейшеству, что его нельзя безнаказанно оскорблять, и отправил часть своих войск разорять папские территории. Это, однако, только усугубило ситуацию, и Григорий отправил в Палестину гонцов, запретив верующим под строгим страхом и наказанием вступать в какие-либо сношения с отлученным от церкви императором. Таким образом, затея, к которой они оба так сильно стремились, была разрушена настолько эффективно, насколько могли пожелать даже сарацины. Фредерик все еще продолжал ревностно участвовать в крестовом походе, ведь теперь он был королем Иерусалима и сражался за себя, а не за христианство или его представителя папу Григория. Услышав, что Иоанн Бриеннский готовится покинуть Европу, он не замедлил отбыть сам и благополучно добрался до Акры. Именно здесь он впервые испытал на себе злые последствия отлучения от церкви. Христиане Палестины отказались оказывать ему какую-либо помощь и смотрели на него с недоверием, если не с отвращением. Тамплиеры, госпитальеры и другие рыцари поначалу разделяли общее мнение, но они не были людьми, способными слепо повиноваться далекому государю, особенно если это ущемляло их собственные интересы. Поэтому, когда Фредерик собрался идти на Иерусалим без них, они до единого человека присоединились к его знаменам.

ТЕМПЛАР И ГОСТЕПРИИМЕЦ.

Говорят, что перед тем, как покинуть Европу, германский император начал переговоры с султаном Камхелем о восстановлении Святой земли, и что Камхель, завидовавший честолюбию своего брата Кохреддина, был готов пойти на это при условии, что Фредерик получит в свое распоряжение более важную территорию - Египет. Но прежде чем крестоносцы достигли Палестины, Кэмхел избавился от всех опасений благодаря смерти своего брата. Тем не менее он не считал нужным оспаривать у крестоносцев бесплодный уголок земли, который уже окрасился таким количеством христианской и сарацинской крови, и предложил заключить трехлетнее перемирие, оговорив лишь, что мусульманам будет позволено свободно поклоняться в Иерусалимском храме. Такое счастливое завершение не удовлетворило фанатичных христиан Палестины. Терпимость, которой они добивались для себя, они не хотели распространять на других и горько жаловались на привилегию свободного вероисповедания, предоставленную их противникам. Нежданная удача сделала их наглыми, и они оспаривали право императора стать участником любого договора, пока он остается под церковным запретом. Фредерик с отвращением относился к своим новым подданным, но, поскольку тамплиеры и госпитальеры остались ему верны, он отправился в Иерусалим, чтобы короноваться. Все церкви были закрыты против него, и он даже не смог найти священника, который бы служил на его коронации. Он слишком долго презирал папскую власть, чтобы дрожать над ней теперь, когда она так неоправданно усилилась, и, поскольку короновать его было некому, он очень мудро короновался сам. Он взял королевскую диадему с алтаря собственными руками и смело и гордо водрузил ее на свое чело. Не было слышно криков аплодирующего населения, не звучали хвалебные и торжественные гимны служителей религии, но тысячи мечей выхватили из ножен, чтобы засвидетельствовать, что их владельцы будут защищать нового монарха до смерти.

Вряд ли можно было ожидать, что он надолго откажется от владычества над родной землей ради беспокойной короны и бесплодной почвы Палестины. Он достаточно насмотрелся на своих новых подданных, не пробыв среди них и полугода, и более важные интересы звали его домой. Иоанн Бриеннский, открыто выступавший против папы Григория, во главе папской армии занимался опустошением его территорий. Эти сведения решили его возвращение. В качестве предварительного шага он заставил тех, кто презирал его власть, почувствовать, к их огорчению, что он их господин. Затем он отплыл, нагруженный проклятиями Палестины. Так закончился седьмой крестовый поход, который, несмотря на все препятствия и недостатки, принес Святой Земле больше реальной пользы, чем все предыдущие; этот

результат объясняется исключительно храбростью Фредерика и щедростью султана Камхеля.

Вскоре после отъезда императора на иерусалимский престол выдвинулась новая претендентка в лице Алисы, королевы Кипра, сводной сестры той Марии, которая, выйдя замуж, передала свои права Иоанну Бриеннскому. Однако великие военные ордена держались за Фредерика, и Алиса была вынуждена отступить.

Столь мирное завершение крестового похода не вызвало в Европе бурного восторга. Рыцарство Франции и Англии не могло успокоиться и задолго до заключения перемирия собирало свои армии для восьмой экспедиции. В Палестине довольство также было далеко не всеобщим. Многие мелкие магометанские государства, расположенные в непосредственной близости, не были участниками перемирия и постоянно досаждали пограничным городам. Тамплиеры, вечно беспокойные, вели ожесточенную войну с султаном Алеппо и в конце концов были почти истреблены. Резня среди них была столь велика, что Европа огласилась печальной историей об их судьбе, и многие благородные рыцари взяли за оружие, чтобы предотвратить полное уничтожение ордена, с которым связано так много высоких и вдохновляющих воспоминаний. Камхель, видя приготовления, решил, что его великодушие уже достаточно проявлено, и в тот же день, когда перемирие закончилось, перешел в наступление и, пройдя вперед к Иерусалиму, овладел им, разгромив скудные силы христиан. Прежде чем эти сведения достигли Европы, в поход выступил большой отряд крестоносцев во главе с королем Наваррским, герцогом Бургундским, графом де Бретань и другими предводителями. По прибытии они узнали, что Иерусалим взят, но султан мертв, а его королевство раздирают соперничающие претенденты на верховную власть. Разногласия врагов должны были заставить их объединиться, но, как и во всех предыдущих крестовых походах, каждый феодальный вождь был хозяином своего войска и действовал по собственному усмотрению, не считаясь с общим планом. В результате ничего не удалось сделать. Временное преимущество получал один вождь, не имея возможности его улучшить, а другой терпел поражение, не имея возможности восстановить свои силы. Так война затянулась до битвы при Газе, когда король Наварры потерпел поражение с большими потерями и был вынужден спастись от полного уничтожения, заключив тяжелый и деспотичный договор с эмиром Караца.

В этот кризисный момент из Англии прибыла помощь, которой командовал Ричард граф Корнуоллский, тезка Кёра де Льва и наследник его доблести. Его армия была сильна и полна надежд. Они были уверены в себе и в своем вожде и выглядели как люди, привыкшие к победам. Их приход изменил ход событий. Новый султан Египта находился в состоянии войны с султаном Дамаска, и у него не было сил, чтобы противостоять двум столь могущественным врагам. Поэтому он отправил гонцов навстречу английскому графу, предлагая обмен пленными и полную уступку Святой земли. Ричард, пришедший воевать не ради самой битвы, сразу же согласился на столь выгодные условия и стал освободителем Палестины, не нанеся ни одного удара. После этого султан Египта направил все свои силы против врагов-мусульман, а граф Корнуолл вернулся в Европу. Так закончился восьмой крестовый поход, самый благотворный из всех. У христианства больше не было причин посылать свои свирепые войска на Восток. Судя по всему, священным войнам пришел конец: христиане полностью овладели Иерусалимом, Триполи, Антиохией, Эдессой, Акко, Яффой и, по сути, почти всей Иудеей; и если бы они были в мире между собой, то без особого труда смогли бы преодолеть зависть и враждебность своих соседей. Одно обстоятельство, столь же непредвиденное, сколь и катастрофическое, разрушило эту прекрасную перспективу и в последний раз оживило пыл и ярость крестовых походов.

Чингисхан и его преемники пронесли над Азией, как тропический шторм, опрокидывая на своем пути веки веков. Царство за царством рушилось, когда они, бесчисленные, выходили из далеких глубин Севера и Востока, и среди прочих империя Корасмин была захвачена этими всепобеждающими ордами. Корасмины, свирепая, нецивилизованная раса, изгнанная из родных мест, в свою очередь, огнем и мечом пронеслась по югу Азии в поисках пристанища. В своем стремительном движении они направились в сторону Египта, султан которого, не в силах противостоять рою, устремившему свой вожденный взор на плодородные долины Нила, попытался сбить их с пути. С этой целью он послал эмиссаров к Барбакану, их вождю, приглашая их поселиться в Палестине; и, приняв предложение, дикая орда вошла в страну, прежде чем христиане получили малейшее уведомление об их приходе. Нашествие было столь же внезапным, сколь и ошеломляющим. Они неслись вперед, подобно симуму, сжигая и убивая, и оказались у стен Иерусалима прежде, чем жители успели оглянуться. Они не щадили ни жизни, ни имущества; они убивали женщин и детей, священников у алтаря, оскверняли даже могилы тех, кто спал веками. Они уничтожили все остатки христианской веры и совершили ужасы, не имеющие аналогов в истории войн. Около семи тысяч жителей Иерусалима пытались спастись бегством, но не успели они скрыться из виду, как дикий враг водрузил на стенах знамя креста, чтобы заманить их обратно. Эта уловка оказалась слишком успешной. Несчастные беглецы вообразили, что помощь пришла с другой стороны, и повернули назад, чтобы вернуться в свои дома. Почти все они были истреблены, а улицы Иерусалима залиты кровью.

ЯФА.

Тамплиеры, госпитальеры и тевтонские рыцари забыли о своей давней и ожесточенной вражде и объединились, чтобы разбить этого опустошительного врага. Они укрепились в Яффе со всем рыцарством Палестины, которое еще оставалось, и попытались привлечь султанов Эмисса и Дамаска на помощь против общего врага. Помощь, полученная от мусульман, поначалу составляла всего четыре тысячи человек, но с этими подкреплениями Вальтер Бриеннский, владыка Яффы, решил дать бой корасминцам. Конфликт был настолько смертоносным, насколько его могли сделать отчаяние с одной стороны и беспредельная свирепость с другой. С переменным успехом он продолжался два дня, когда султан Эмисса бежал в свои укрепления, а Вальтер Бриеннский попал в руки врага. Храбрый рыцарь был повешен за руки к кресту на виду у стен Яффы, и корасминский вождь объявил, что он должен оставаться в таком положении, пока город не сдастся. Вальтер возвысил свой слабый голос, но не для того, чтобы посоветовать сдаться, а для того, чтобы приказать своим солдатам держаться до последнего. Но его галантность оказалась бесполезной. Бойня была

столь велика, что из великого множества рыцарей осталось лишь шестнадцать госпитальеров, тридцать три тамплиера и три тевтонских кавалера. Эти люди с печальным остатком армии бежали в Акко, и Корасмины стали хозяевами Палестины.

Султаны Сирии предпочитали христиан этой свирепой орде своих соседей. Даже султан Египта начал сожалеть о помощи, которую он оказал таким варварским врагам, и объединился с султанами Эмисса и Дамаска, чтобы изгнать их из страны. Корасмины насчитывали всего двадцать тысяч человек и были не в состоянии противостоять решительной враждебности, охватившей их со всех сторон. Султаны нанесли им несколько поражений, и крестьянство массово поднялось, чтобы отомстить им. Постепенно их численность уменьшалась. При поражении им не было оказано никакой пощады. Их вождь Барбакуан был убит, и после пяти лет отчаянной борьбы они были окончательно истреблены, а Палестина вновь стала территорией мусульманов.

ВИЛЬЯМ ДЛИННОНОГИЙ.

За некоторое время до этого разрушительного извержения Людовик IX заболел в Париже, и в бреду лихорадки ему приснилось, что он видит, как перед Иерусалимом сражаются христианские и мусульманские войска, и христиане побеждены с большой резней. Сон произвел сильное впечатление на его суеверный ум, и он дал торжественный обет, что если когда-нибудь восстановит здоровье, то совершит паломничество в Святую землю. Когда в Европу пришло известие о несчастьях Палестины и ужасной резне в Иерусалиме и Яффе, Сен-Луи вспомнил о своем сне. Более чем когда-либо убежденный в том, что это было предвестие прямо с небес, он приготовился взять крест во главе своих войск и отправиться в поход для освобождения Гроба Господня. С этого момента он сбросил с себя королевскую мантию из пурпура и горноста и облачился в трезвую одежду пилигрима. Все его мысли были направлены на осуществление задуманного, и хотя королевство не могло его пощадить, он сделал все возможное, чтобы покинуть его. Папа Иннокентий IV одобрил его рвение и оказал ему всяческую помощь. Он написал Генриху III Английскому, чтобы тот продвигал дело в своих владениях, и призвал духовенство и мирян по всей Европе внести свой вклад в это дело. Уильям Лонгсворд, знаменитый граф Солсбери, принял крест во главе

множества доблестных рыцарей и солдат. Но фанатизм народа не удалось пробудить ни во Франции, ни в Англии. Были подняты огромные армии, но массы больше не сочувствовали. Налогообложение было великим охладителем рвения. Для рыцаря больше не было позором даже, если он отказывался принять крест. Рутебеф, французский менестрель, процветавший примерно в это время (1250), сочинил диалог между крестоносцем и некрестоносцем, перевод которого читатель найдет в "Фаблю" Вэя. Крестоносец использует все аргументы, чтобы убедить некрестоносца взять в руки оружие и отказаться от всего ради святого дела; но из большей силы аргументов, используемых некрестоносцем, видно, что он был любимцем менестреля. На настоятельную просьбу своего друга крестоносца он отвечает:

"Я читал тебя правильно, ты держишься молодцом.

В эту же землю я должен прямиком отправиться,

И отвоевать ее малой кровью,

И не отвоевать ни пяди земли";

Пока же здесь, удрученный и покинутый

Моя жена и дети остались оплакивать меня;

Мой богатый особняк грубо разрушен,

Все доверено моим собакам.

Но я, прекрасный товарищ, хорошо знаю.

Древняя мудрость беременных

Велит нам хранить то, что мы получили;

И я твердо следую ей".

Таково было общее мнение, и не стоит удивляться, что Людовик IX целых три года занимался организацией своих сил и необходимыми приготовлениями к отъезду. Когда все было готово, он отплыл на Кипр в сопровождении своей королевы, двух братьев, графов д'Анжу и д'Артуа, и длинного отряда благороднейшего рыцарства Франции. Третий брат, граф де Пуатье, остался, чтобы собрать еще один корпус крестоносцев, и последовал за ним через несколько месяцев. Армия объединилась на Кипре и насчитывала пятьдесят тысяч человек, не считая английских крестоносцев под командованием Уильяма Длиннобородого. Снова появилась моровая болезнь, жертвами которой стали многие сотни людей. В связи с этим было признано необходимым оставаться на Кипре до весны. Затем Людовик отправился в Египет со всем своим войском; но сильная буря разлучила его флот, и он прибыл в Дамьетту всего с несколькими тысячами человек. Однако они были полны надежд; и хотя султан Мелик-шах подтянулся к берегу с бесконечно превосходящими силами, было решено попытаться высадиться, не дожидаясь прибытия остальной армии. Сам Людовик в диком нетерпении выпрыгнул из лодки и поплыл к берегу, а его армия, вдохновленная его восторженной храбростью, последовала за ним, выкрикивая старый боевой клич первых крестоносцев: *Dieu le veut! Dieu le veut!* Турков охватила паника. Часть их конницы попыталась обрушиться на крестоносцев, но рыцари закрепили свои большие щиты глубоко в песке берега и уперлись в них копьями, так что они выступали над ними и образовали столь внушительную преграду, что турки, испугавшись, развернулись и обратились в бегство. В момент этой паники среди сарацин распространился ложный слух, что султан убит.

Смятение сразу же стало всеобщим - *дерота* была завершена: Сама Дамиетта была оставлена, и в ту же ночь победоносные крестоносцы разместили в этом городе свой штаб. Вскоре прибыли солдаты, которых буря разлучила с их вождем, и Людовик смог оправдать надежды не только на завоевание Палестины, но и самого Египта.

Но излишняя самоуверенность оказалась гибелью для его армии. Они думали, что, раз они так много добились, больше ничего не нужно делать, и предались легкости и роскоши. Когда по приказу Людовика они двинулись к Каиру, это были уже не те люди; успех, вместо того чтобы вдохновлять, привел их в ужас; разврат привел к болезням, а болезни усугублялись жарой климата, к которому никто из них не привык. Их продвижение к Массуре, по дороге в Каир, было остановлено Танисским каналом, на берегу которого сарацины засели, оспаривая проход. Людовик отдал приказ перебросить через канал мост, и операция началась под прикрытием двух кошачьих замков, или высоких подвижных башен. Сарацины вскоре разрушили их, обрушив на них большое количество греческого огня, артиллерии того времени, и Людовик был вынужден подумать о другом средстве осуществления своего замысла. Один крестьянин за немалую взятку согласился указать брод, по которому армия могла бы переправиться вброд, и граф д'Артуа был отправлен с четырнадцатью сотнями человек, чтобы попытаться это сделать, в то время как Людовик остался, чтобы противостоять сарацинам с основной частью армии. Граф д'Артуа благополучно переправился и разбил отряд, посланный для противодействия его высадке. Окрыленный победой, храбрый граф забыл о своей неполноценности и преследовал охваченного паникой врага до Массуры. Теперь он был полностью отрезан от помощи своих братьев-крестоносцев, и мусульмане, поняв это, воспрянули духом и вновь бросились на него с силами, пополненными гарнизоном Массуры и подкреплениями из окрестных районов. Сражение перешло в рукопашную. Христиане сражались с энергией отчаянных людей, но постоянно растущая численность противника полностью окружила их и отрезала всякую надежду на победу или бегство. Граф д'Артуа был в числе первых убитых; когда Людовик подоспел на помощь, храбрая передовая гвардия была почти разрублена на части. Из четырнадцати сотен человек осталось только триста. Теперь ярость битвы возросла втрое. Французский король и его войска проявляли чудеса храбрости, а сарацины под командованием эмира Сескидуна сражались так, словно были полны решимости истребить в последнем решительном порыве новую европейскую стаю, обосновавшуюся на их побережье. К вечерней заре христиане были хозяевами на поле Массуры и льстили себе, что они победители. Самолюбие не позволяло им признать, что сарацины отступили, а не отступили; но их вожди были слишком твердо убеждены, что это роковое поле довершило дезорганизацию христианской армии и что все надежды на будущие завоевания потеряны.

Под впечатлением от этой истины крестоносцы запросили мира. Султан настаивал на немедленной эвакуации Дамиетты, а для выполнения этого условия Людовик должен был выдать себя в качестве заложника. Его армия сразу же отказалась, и переговоры были прерваны. Теперь было решено попытаться отступить, но проворные сарацины, то спереди, то сзади, сделали это крайне трудным делом и перебили всех отступающих в огромном количестве. Сотни из них утонули в Ниле, а болезни и голод нанесли печальный урон тем, кто избежал всех остальных потерь. Сам Людовик был настолько ослаблен болезнью, усталостью и унынием, что едва мог сесть на коня. В суматохе бегства он был разлучен со своими сопровождающими и остался совершенно чужим на песках Египта, больной, изможденный и почти без друзей. Один рыцарь, Геффри де Сержинес, в одиночку выходил его и привел в жалкую хижину в маленькой деревушке, где он несколько дней лежал в ежеминутном ожидании смерти. Наконец его обнаружили и взяли в плен сарацины, которые отнесли к нему со всей честью, подобающей его званию, и со всей жалостью,

подобавшей его несчастьем. Под их присмотром его здоровье быстро поправилось, и следующим вопросом стал выкуп.

Сарацины потребовали, помимо денег, уступки Акко, Триполи и других городов Палестины. Людовик не колеблясь отказался и вел себя так гордо и мужественно, что султан заявил, что это самый гордый неверный, которого он когда-либо видел. После долгих уговоров султан согласился отказаться от этих условий, и договор был наконец заключен. Город Дамietta был восстановлен, было заключено перемирие на десять лет, а за освобождение Людовика и всех пленников было заплачено десять тысяч золотых безантов. Затем Людовик удалился в Яффу и потратил два года на то, чтобы привести этот город, а также Кесарию и другие владения христиан в Палестине в надлежащее состояние обороны. Затем он вернулся в свою страну, имея большую репутацию как святой, но очень низкую как солдат.

Мэтью Парис сообщает нам, что в 1250 году, когда Людовик находился в Египте, "тысячи англичан были полны решимости отправиться на священную войну, если бы король не охранял строго свои порты и не заставлял своих людей выходить из дверей". Когда пришло известие о поражении и пленении французского короля, их пыл поутих, и о крестовом походе только пели, но не говорили.

Во Франции царили совсем другие настроения. Вест о пленении короля охватила всю страну. Фанатичный монах из Сито внезапно появился в деревнях, проповедуя народу и объявляя, что ему явилась Пресвятая Дева в сопровождении целого воинства святых и мучеников и повелела ему поднять пастухов и земледельцев на защиту креста. Только к ним была обращена его речь, и его красноречие было таким, что тысячи людей стекались вокруг него, готовые следовать за ним, куда бы он ни повел. Пастбища и кукурузные поля опустели, и пастухи, или *пастуро*, как их называли, стали наконец столь многочисленными, что их число достигло пятидесяти тысяч, а по словам Миллота, ста тысяч человек.²⁰ Королева Бланш, которая была регентом во время отсутствия короля, сначала поощряла армии *пастуро*; но вскоре они пришли к таким гнусным эксцессам, что мирно настроенные люди были вынуждены сопротивляться. Грабежи, убийства и преступления были на их пути, и все добрые люди, при поддержке правительства, объединились в борьбе с ними. В конце концов они были рассеяны, но не раньше, чем три тысячи из них были истреблены. Многие авторы утверждают, что резня была еще больше.

Десятилетнее перемирие закончилось в 1264 году, и Людовика побудили два мощных мотива предпринять вторую экспедицию для помощи Палестине. С одной стороны, это был фанатизм, а с другой - желание вернуть свою военную славу, которая пострадала больше, чем любили напоминать его паразиты. Папа, разумеется, поддержал его замысел, и рыцарство Европы вновь принялось за дело. В 1268 году Эдуард, наследник английской монархии, объявил о своей решимости присоединиться к крестовому походу; папа (Климент IV.) обратился к прелатам и духовенству с письмом, чтобы они помогли этому делу своими убеждениями и доходами. В Англии они согласились внести десятую часть своих владений, а парламентским указом двадцатая часть была взята из зерна и движимого имущества всех мирян в Михайлов день.

Несмотря на уговоры немногих окружавших его здравомыслящих государственных деятелей, убеждавших его в том, что в результате этого его процветающее королевство может быть разрушено, Людовик сделал все возможное для своего отъезда. Воинственные дворяне ничего не боялись, и весной 1270 года король отплыл с армией в шестьдесят тысяч человек. Из-за непогоды он попал в Сардинию, и там его планы изменились. Вместо того чтобы направиться в Акко, как он первоначально намеревался, он взял курс на Тунис,

расположенный на африканском побережье. Король Туниса некоторое время назад благосклонно отнесся к христианам и их религии, и Людовик, судя по всему, надеялся обратить его в свою веру и заручиться его помощью против султана Египта. "Какая честь была бы для меня, - говорил он, - если бы я мог стать крестным отцом этого короля-мусульманина!" Преисполненный этой идеей, он высадился в Африке, неподалеку от Карфагена, но обнаружил, что остался без хозяина. Король Туниса и не думал отказываться от своей религии и не собирался оказывать крестоносцам какую-либо помощь. Напротив, он противостоял их высадке всеми силами, которые только можно было собрать в столь неожиданной ситуации. Однако французы заняли свою первую позицию и разгромили мусульман со значительными потерями. Они также получили некоторое преимущество над подкреплениями, которые были посланы, чтобы противостоять им; но в армии появилась инфекционная болезнь, которая положила конец всем будущим победам. Солдаты умирали по сто человек в день. В то же время враг творил не меньший хаос, чем чума. Сам Сен-Луи был одним из первых, на кого напала болезнь. Его телосложение было ослаблено усталостью, и еще до отъезда из Франции он был не в состоянии выдержать весь вес своих доспехов. Вскоре скорбящим солдатам стало ясно, что их любимый монарх долго не протянет. Он пролежал еще несколько дней и умер в Карфагене на пятьдесят шестом году жизни, глубоко сожалея о своей армии и подданных и оставив после себя одну из самых необычных репутаций в истории. Он является образцовым королем церковных писателей, в глазах которых его недостатки стали достоинствами, потому что они проявились во благо их дела. Более беспристрастные историки, осуждая его фанатизм, признают, что он был наделен многими высокими и редкими качествами; что он ни в одном пункте не отставал от своей эпохи, а во многих опережал ее.

Его брат, Карл Анжуйский, в результате революции на Сицилии стал королем этой страны. Не успев узнать о смерти Людовика, он отплыл из Мессины с большим подкреплением. Высадившись у Карфагена, он выступил во главе своей армии под боевую музыку барабанов и труб. Вскоре ему сообщили, насколько несвоевременным было его ликование, и он пролил перед всей своей армией такие слезы, каких не постыдился бы пролить ни один воин. Вскоре с королем Туниса был заключен мир, и армии Франции и Сицилии вернулись в свои дома.

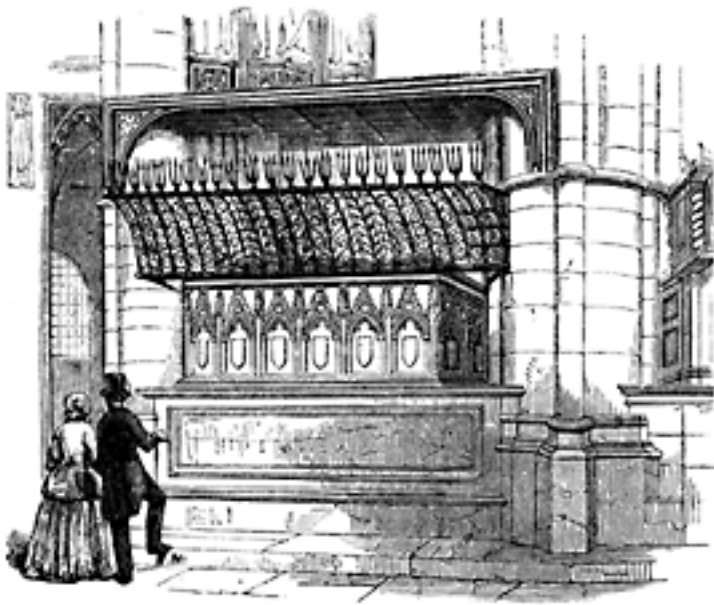
ПЕЧАТЬ ЭДУАРДА I.

Крестовый поход не нашел отклика в Англии, и даже усилия наследника престола позволили собрать лишь небольшой отряд в пятнадцать сотен человек. С этими немногими принц Эдуард отплыл из Дувра в Бурдо, рассчитывая найти в этом городе французского короля. Однако Сен-Луи уехал за несколько недель до этого, и Эдуард последовал за ним на Сардинию, а затем в Тунис. До его прибытия в Африку Людовика уже не было, а между

Францией и Тунисом был заключен мир. Однако он решил не отказываться от крестового похода. Вернувшись на Сицилию, он провел зиму в этой стране и постарался пополнить свою небольшую армию. Весной он отплыл в Палестину и благополучно добрался до Акры. Христиане, как обычно, были раздираемы взаимной ревностью и враждой. Два великих военных ордена были столь же яростны и непримиримы, как и прежде; они враждовали друг с другом и со всем миром. Прибытие Эдуарда заставило их отложить недостойные споры и объединиться в последнем усилии для освобождения своей страны. Вскоре к английскому принцу присоединились шесть тысяч эффективных воинов, и начались приготовления к возобновлению военных действий. Султан Бибарс или [Бендокдар21](#), свирепый мамлюк, который был посажен на трон в результате кровавой революции, воевал со всеми своими соседями и не мог по этой причине сосредоточить все свои силы против них. Эдуард воспользовался этим и, смело продвигаясь к Назарету, разбил турок и овладел городом. Это была вся сумма его успехов. Жаркая погода породила болезни в его войсках, и он сам, жизнь и душа экспедиции, заболел одним из первых. Он болел уже некоторое время и медленно поправлялся, когда к нему явился гонец с просьбой переговорить с ним о важных делах и передать несколько депеш в его собственные руки. Пока принц занимался их изучением, предательский гонец достал с пояса кинжал и вонзил ему в грудь. Рана, к счастью, оказалась неглубокой, и Эдуард вновь обрел часть сил. Он боролся с убийцей и зарубил его собственным кинжалом, одновременно громко призывая на помощь.[22](#) На его зов прибежали слуги, обнаружили, что он обильно истекает кровью, и при осмотре убедились, что кинжал был отравлен. Немедленно были приняты меры для очищения раны, и Великий магистр тамплиеров прислал противоядие, которое устранило всякую опасность от воздействия яда. Камден в своей истории принял более популярную и, безусловно, более красивую версию этой истории, которая гласит, что принцесса Элеонора, в любви к своему галантному мужу, высосала яд из его раны, рискуя собственной жизнью: говоря словами старого Фуллера, "жаль, что столь красивая история не соответствует действительности; и что столь суверенное средство, как женский язык, помазанный добродетелью любовной привязанности", не должно было совершить это доброе дело.

Эдуард подозревал, и, несомненно, не без оснований, что убийца был нанят султаном Египта. Но это были лишь подозрения, а внезапная смерть убийцы навсегда лишила его главного ключа к разгадке истины. Выздоровев, Эдуард приготовился возобновить наступление, но султан, смущенный защитой интересов, которые на данный момент он считал более важными, сделал крестоносцам предложение о мире. Это доказательство слабости противника должно было заставить человека с темпераментом Эдуарда еще больше стремиться к продолжению войны; но у него были и другие интересы, которые нужно было защищать. В Палестину пришло известие о смерти его отца, короля Генриха III, и, поскольку его присутствие в Англии было необходимо, он согласился на условия султана. Они заключались в том, что христианам должно быть позволено сохранить свои владения в Святой земле, и что должно быть объявлено перемирие сроком на десять лет. После этого Эдуард отплыл в Англию, и таким образом закончился последний крестовый поход.

О дальнейшей судьбе Святой земли можно рассказать в нескольких словах. Христиане, не помня о своих прошлых страданиях и о завистливых соседях, с которыми им пришлось иметь дело, первыми нарушили перемирие, ограбив египетских торговцев возле Маргата. Султан немедленно отомстил за это, захватив Маргат, и между народами вновь вспыхнула война. Маргат держал доблестную оборону, но из Европы не прибыло подкреплений, чтобы предотвратить его падение. Следующим был Триполи, за ним последовали другие города, пока, наконец, Акко не стал единственным городом Палестины, оставшимся во владении христиан.

ГРОБНИЦА КОРОЛЕВЫ ЭЛЕОНОРЫ.

Великий магистр тамплиеров собрал свой небольшой и преданный отряд и, опираясь на ничтожную помощь короля Кипра, приготовился защищать до смерти последнее владение своего ордена. Европа была глуха к его мольбам о помощи, численность врага была подавляющей, и самоотверженная храбрость оказалась бесполезной. В ходе этой катастрофической осады христиане были практически истреблены. Король Кипра бежал, увидев, что сопротивление тщетно, а Великий магистр пал во главе своих рыцарей, пронзенный сотней ран. Только семь тамплиеров и столько же госпитальеров спаслись от страшной бойни. После этого победившие мусульмане подожгли город, и владычеству христиан в Палестине был положен конец.

Это известие вызвало тревогу и печаль среди духовенства Европы, которое попыталось вновь пробудить энергию и энтузиазм народов в деле защиты Святой земли. Но народная мания уже отжила свое; искра рвения догорела в назначенный срок и больше никогда не зажигалась вновь. То тут, то там одинокий рыцарь объявлял о своей решимости взяться за оружие, то король холодно поддерживал затею; но она угасала почти сразу же, как только о ней заговаривали, чтобы возобновиться вновь, еще более слабой, через какой-то более долгий промежуток времени.

Каков же был главный результат всех этих битв? Европа потратила миллионы своих сокровищ и кровь двух миллионов своих детей, а горстка ссорящихся рыцарей сохраняла владение Палестиной около ста лет! Даже если бы христианство сохранило ее и по сей день, преимущество, если бы оно ограничилось этим, было бы слишком дорого куплено. Но, несмотря на фанатизм, который их породил, и безрассудство, которое их вело, крестовые походы не принесли бесследного зла. Феодалы стали лучшими членами общества, соприкоснувшись в Азии с цивилизацией, превосходящей их собственную; народ получил небольшую часть своих прав; короли, больше не воюя со своей знатью, успели принять несколько хороших законов; человеческий разум научился немного мудрости из тяжелого опыта, и, сбросив с себя пелену суеверий, в которую его так долго окутывало римское духовенство, стал готов принять семена приближающейся Реформации. Таким образом, мудрый распорядитель событий извлек добро из зла, способствовал цивилизации и окончательному счастью народов Запада с помощью того самого фанатизма, который побудил их выступить против Востока. Но вся эта тема представляет огромный интерес и,

если бы она была раскрыта во всех своих аспектах, заняла бы больше места, чем позволяет план этой работы. Студент-философ сделает свои собственные выводы; и у него не может быть лучшего поля для приложения своих сил, чем это европейское безумие - его преимущества и недостатки, его причины и результаты.

АРРАС.

МАНИЯ ВЕДЬМ.

Содержание

Что за гнев богов или злобное влияние
слез, сговоривших несчастных людей страдать,
Распространил на землю эту гнусную язву.
Что смертные умы внутренне заражает
Любовью к слепоте и невежеству?
Спенсер "Слезы муз".

Соотечественники. Повесить ее! Избить ее! Убить ее!

Правосудие. Как теперь? Остановите это насилие!

Мать Сойер. Шайка злодеев, узел кровавых палачей! Задумали мучить меня! Я не знаю, за что.

Правосудие. Увы, сосед Бэнкс! Вы зачинщик злодеяний? Боже! Обижать пожилую женщину!

Бэнкс. Женщина! Чертовка, ведьма! Чтобы доказать это, мы не успели поджечь солому на ее доме, как она вбежала, словно дьявол послал ей бочку пороха.

Форд "Ведьма из Эдмонта".

Вера в то, что развоплощенным духам может быть позволено вернуться в этот мир, зиждется на той возвышенной надежде на бессмертие, которая является одновременно главным утешением и величайшим триумфом нашего разума. Даже если бы откровение не научило нас, мы чувствуем, что в нас есть то, что никогда не умрет; и весь наш опыт этой жизни лишь заставляет нас еще крепче держаться за эту единственную надежду. Но в ранние времена "малого знания" эта великая вера стала источником целого ряда суеверий, которые, в свою очередь, превратились в источник, из которого хлынули потоки крови и ужаса. В течение двух с половиной столетий Европе терзала мысль не только о том, что разлученные духи ходят по земле и вмешиваются в дела людей, но и о том, что люди обладают способностью призывать злых духов себе на помощь, чтобы те причиняли горе их собратьям. Эпидемический ужас охватил народы; ни один человек не считал себя защищенным, ни в своей личности, ни в своем имуществе, от происков дьявола и его агентов. Каждое несчастье, постигшее его, он приписывал ведьме. Если поднималась буря и сносила его сарай, то это было колдовство; если его скот умирал от рожи, если болезнь сковывала его конечности или смерть входила внезапно и похищала любимое лицо из его очага - это были не визиты Провидения, а дела какой-нибудь соседской ведьмы, чье несчастье или безумие заставляло невежественных людей поднимать палец и указывать на нее как на ведьму. Это слово было на языке у всех. Франция, Италия, Германия, Англия, Шотландия и дальний север последовательно сходили с ума по этому поводу и в течение долгих лет проводили в своих трибуналах столько процессов по обвинению в колдовстве, что о других преступлениях редко или вообще не вспоминали. Тысячи и тысячи несчастных стали жертвами этого жестокого и абсурдного заблуждения. Во многих городах Германии, как будет более подробно показано в дальнейшем, среднее число казней за это мнимое преступление составляло шестьсот в год, или по две в день, если не считать воскресенья, когда, надо полагать, даже это безумие воздерживалось от своей работы.

Непонимание знаменитого текста Моисеева закона "Не позволяй ведьме жить", несомненно, сбило с пути многих совестливых людей, чье суеверие, достаточно теплое до этого, нуждалось лишь в небольшом подтверждении, чтобы вспыхнуть с опустошающей яростью. Во все века люди пытались вести беседы с высшими существами и проникнуть с их помощью в тайны будущего. Во времена Моисея, очевидно, были самозванцы, которые торговали доверчивостью людей и оскорбляли верховное величие истинного Бога, претендуя на силу прорицания. Отсюда и закон, который Моисей, по Божественному повелению, издал против этих преступников; но из этого не следует, как воображали суеверные мономаньяки средневековья, что Библия своими указами против тех, кто на нее претендовал, утверждала существование силы гадания. Из лучших источников следует, что древнееврейское слово, которое было переведено как *venefica* и *witch*, означает отравительницу и прорицательницу, заклинательницу или гадалку. Современная ведьма была совсем другим персонажем, и к ее притворной силе предсказывать будущие события добавлялось умение творить зло на жизнь, конечности и имущество людей. Эту силу можно было получить только по прямому договору, подписанному кровью с самим дьяволом, по которому волшебник или ведьма отказывались от крещения и продавали свою бессмертную душу лукавому без всякого спасительного условия искупления.

В природе существует так много чудесных явлений, которые наука и философия не могут объяснить даже сейчас, что неудивительно, что, когда естественные законы были еще менее понятны, люди приписывали сверхъестественному воздействию каждое явление, которое они не могли объяснить иначе. Самый маленький ребенок теперь понимает различные явления, которые мудрейшие из древних не могли постичь. Школьник знает, почему на высоких горах в некоторых случаях на небосводе появляются сразу три или четыре солнца и почему фигура путника на одной возвышенности воспроизводится, перевернутая и гигантского роста, на другой. Мы все знаем о странных проделках воображения при некоторых заболеваниях; о том, что ипохондрик может видеть видения и призраки; о том, что бывали случаи, когда людей совершенно убеждали в том, что они чайники. Наука приподняла завесу и развеяла все фантастические ужасы, которыми наши предки окутывали эти и подобные случаи. Человека, вообразившего себя волком, теперь отправляют в больницу, а не на костер, как во времена мании ведьм; а земля, воздух и море не населены гротескными духами, которые, как считалось, когда-то их преследовали.

Прежде чем углубиться в историю колдовства, мы, возможно, рассмотрим абсурдное олицетворение злого начала, созданное монахами в их легендах. Мы должны познакомиться с *primum mobile* и понять, что это был за персонаж, который давал ведьмам в обмен на их души силу мучить своих собратьев. В народном представлении дьявол - это большой, плохо сложенный, волосатый зверь, с рогами, длинным хвостом, перепончатыми лапами и драконьими крыльями. В таком виде его постоянно выводили на сцену монахи в своих ранних "чудесах" и "мистериях". В этих представлениях он был важной персоной и отвечал назначению клоуна в современной пантомиме. Большим развлечением для людей было видеть, как святые колотят его дубинками или дубинами, и слышать, как он воет от боли, когда хромает, покалеченный ударом какого-нибудь энергичного анхорита. Святой Дунстан обычно проделывал с ним тот славный трюк, которым он прославился: зажимал ему нос раскаленными щипцами, пока

"Скалы и далекие дельты сотрясались от его криков".

Некоторые святые плевали ему в лицо, к его великой досаде, а другие отрубали куски его хвоста, который, однако, всегда отрастал заново. За это ему платили его же монетой, и это очень забавляло жителей, так как все они помнили, какие цинготные фокусы он разыгрывал с ними и их предками. Считалось, что он старается запутать людей, укладывая на их пути свой длинный невидимый хвост и резко взмахивая им, когда они перебирали ногами; - что он напивался, ругался, как солдат, и так озорничал в своих чашках, что поднимал бури и землетрясения, уничтожал плоды земли, амбары и усадьбы истинно верующих; - что долгими зимними вечерами он пускал в людей невидимые косы, чтобы развлечься, а потом шел в таверны и угощался самым лучшим, предлагая в уплату куски золота, которые на рассвете следующего утра неизменно превращались в сланцы. Иногда, замаскировавшись под большого селезня, он скрывался среди камышей и пугал усталых путников своим жутким криканьем. Читатель наверняка помнит строки Бернса в его обращении к "Де'илу", которые так хорошо выражают народные представления на этот счет:

"Тоскливая, ветреная, зимняя ночь,

Звезды сбились в склентинский свет,

С тобой, мой друг, я испугался

На берегу озера;

Ты, как куст рашпиля, стоял на виду

И махали руками.

Дубина в моем шее задрожала,

Каждый волосок, покрытый щетиной, стоял как кол,

А когда из старинного ручья донеслось: "Квик! Квик!

Среди родников

Awa' ye squattered, like a drake,

На свистящих крыльях".

Во всех историях, которые о нем ходили и в которые верили, он был представлен как уродливый, мелкий, озорной дух, которому доставляло удовольствие разыгрывать всевозможные фантастические трюки с бедным человечеством. Мильтон, кажется, был первым, кому удалось дать хоть какое-то, кроме смехотворного, его описание. Возвышенная гордыня, которая является квинтэссенцией зла, до его времени не была понята. Все другие известинцы делали его просто гротескным, но Мильтон сделал его ужасным. В этом монахи показали себя лишь жалкими романтиками, ведь их целью, несомненно, было изобразить изверга как можно более ужасным. Но в их Сатане не было ничего величественного; напротив, это был низкий, подлый дьявол, которого легко было обойти и с которым было очень весело играть. Но, как хорошо и красноречиво заметил один современный [писатель](#)²³, у этой темы есть и серьезная сторона. Индийское божество с его дикими искаженными формами и гротескными позами кажется просто смешным, когда его отделяют от аксессуаров и рассматривают при дневном свете в музее; но верните его в темноту его собственного ужасного храма, вспомните жертвы, пролившие кровь на его алтаре или раздавленные под его машиной, и наше чувство смешного сменится отвращением и ужасом. Так, пока суеверные сны прежних времен считаются просто умозрительными безумствами, нас могут на мгновение позабавить дикие бессвязные речи пациентов; Но если мы подумаем, что из этих отвратительных заблуждений относительно принципа зла возникла вера в колдовство, что это была не мертвая вера, а вера, действующая на все существо общества, побуждающая самых мудрых и самых мягких к убийству или жестокости, едва ли меньшей, чем убийство, то ученые и красавицы, молодые и старые, мужчины и женщины были преданы его влиянию на костре и эшафоте - все чувства исчезают, кроме удивления, что такое может быть, и унижения при мысли, что заблуждение было столь же прочным, сколь и всеобщим.

Помимо этого главного персонажа, существовало бесконечное множество низших демонов, которые играли заметную роль в вероучении колдовства. Страницы Беккера, Лелойера, Бодена, Дельрио и де Ланкре изобилуют описаниями качеств этих бесов и функций, которые на них возлагались. Из этих авторов, трое из которых были комиссарами по суду над ведьмами и писали на основе признаний предполагаемых преступников и доказательств, представленных против них, а также из более поздней работы М. Жюля Гарине, с большими усилиями было извлечено следующее краткое изложение вероучения. Студента, желающего узнать больше, мы отсылаем к указанным работам; в каждом листе он найдет достаточно, чтобы заставить его кровь свернуться от стыда и ужаса; но чистота этих страниц не должна быть запятнана ничем столь невыразимо унижительным и отвратительным, как полное их изложение; то, что здесь приведено, будет достаточным образцом народного верования, и читатель только потеряет время, если будет искать в трудах демонологов более подробные

детали. Он ничего не выиграет, приподняв завесу, покрывающую их невыразимые непристойности, если только, подобно Стерну, не захочет собрать свежие свидетельства того, "каким чудовищем является человек". В этом случае он найдет там достаточно, чтобы убедить себя в том, что сравнение со зверем будет клеветой.

Считалось, что земля кишит миллионами демонов обоих полов, многие из которых, как и человеческая раса, ведут свою родословную от Адама, которого после грехопадения сбили с пути дьяволы, приняв облик прекрасных женщин, чтобы обмануть его. Эти демоны "увеличивались и размножались" между собой с необычайной быстротой. Их тела были из тонкого воздуха, и они могли проходить сквозь самые твердые вещества с величайшей легкостью. У них не было постоянного места жительства или пребывания, но они метались туда-сюда в безбрежном пространстве. Собираясь в огромные толпы, они вызывали вихри в воздухе и бури в водах и с наслаждением разрушали красоту природы и памятники человеческого труда. Хотя они размножались между собой, как обычные существа, их число ежедневно пополнялось душами нечестивцев, мертворожденных детей, женщин, умерших во время родов, и людей, убитых на дуэли. Считалось, что весь воздух полон ими, и многие несчастные мужчины и женщины тысячами втягивали их в рот и ноздри при каждом порыве; а демоны, поселяясь в их кишках или других частях тела, мучили их болями и болезнями всех видов и насылали на них страшные сны. Святой Григорий Никейский рассказывает историю о монахине, которая забыла произнести *благословение* и совершить крестное знамение перед тем, как сесть ужинать, и в результате проглотила демона, спрятавшегося среди листьев салата. Большинство людей говорили, что число этих демонов настолько велико, что их невозможно сосчитать, но Виерус утверждал, что их не более семи миллионов четырехсот пяти тысяч девятисот двадцати шести; и что они были разделены на семьдесят две роты или батальона, в каждом из которых был свой князь или капитан. Они могли принимать любую форму по своему усмотрению. Когда они были мужского пола, их называли инкубами, а когда женского - суккубами. Иногда они становились отвратительными, а иногда принимали формы такой запредельной красоты, что смертные глаза никогда не видели красоты, способной соперничать с их красотой.

Хотя дьявол и его легионы могли являться людям в любое время, было принято считать, что он предпочитает ночь с пятницы на субботу. Если сам сатана появлялся в человеческом облике, он никогда не был идеально и во всех отношениях похож на человека. Он был либо слишком черным, либо слишком белым, слишком большим или слишком маленьким, либо некоторые его конечности были непропорциональны остальным частям тела. Чаще всего у него были деформированы ноги, и он был вынужден сворачиваться и прятать свой хвост в какой-нибудь части своего одеяния, потому что, какую бы форму он ни принимал, он не мог избавиться от этого обременения. Иногда он превращался в дерево или реку, а однажды - в барристера, как мы узнаем из Виеруса, книга iv. глава 9. В царствование Филиппа ле Бея он явился одному монаху в облике темного человека верхом на высоком черном коне, затем в виде монаха, потом в виде осла и, наконец, в виде колеса кареты. На сайте нередки случаи, когда он и его низшие демоны принимали облик красивых молодых людей и, удачно спрятав хвосты, женились на красивых молодых женщинах, которые рожали от них детей. Таких детей было легко узнать по их непрерывному крику, по тому, что им требовалось пять кормилиц, чтобы их сосать, и по тому, что они никогда не толстели.

Все эти демоны были в распоряжении любого человека, который отдал бы свою бессмертную душу князю зла за привилегию пользоваться их услугами в течение определенного периода. Волшебник или ведьма могли послать их на выполнение самых

сложных заданий: все, что приказывала ведьма, исполнялось, за исключением добрых дел, в этом случае приказ не выполнялся, и зло творилось вместо нее.

Через определенные промежутки времени, по желанию Сатаны, происходило общее собрание демонов и всех ведьм. Это собрание называлось шабашем, так как происходило в субботу или сразу после полуночи по пятницам. Иногда эти шабаши проводились для одного района, иногда для другого, а один раз, по крайней мере, каждый год, на Брокене или среди других высоких гор, проводился общий шабаш извергов для всего христианства.

Обычно дьявол выбирал для этого место, где сходились четыре дороги, или, если это было неудобно, окрестности озера. На этом месте впоследствии никогда ничего не вырастало, так как горячие ноги демонов и ведьм выжигали в земле принцип плодородия и делали ее бесплодной навеки. Когда однажды был отдан приказ о встрече субботы, всех колдунов и ведьм, которые не пришли на нее, демоны били жезлом, сделанным из змей или скорпионов, в наказание за их невнимательность или непунктуальность.

Во Франции и Англии ведьмы должны были ездить на метлах; но в Италии и Испании сам дьявол в виде козла перевозил их на своей спине, которая удлинялась или укорачивалась в зависимости от количества ведьм, которых он хотел вместить. Ни одна ведьма, отправляясь на шабаш, не могла выбраться через дверь или окно, как бы она ни старалась. Обычно они входили в дом через замочную скважину, а выходили через дымоход, по которому с легкостью взлетали на метле и все остальное. Чтобы отсутствие ведьм не заметили соседи, какому-нибудь низшему демону было велено принимать их облик и лежать в их постелях, притворяясь больным, до окончания субботы.

Когда все чародеи и ведьмы прибывали на место встречи, начинались inferнальные церемонии шабаша. Сатана, приняв свой излюбленный облик большого козла, с лицом впереди и в подгрудке, занял место на троне; все присутствующие последовательно отдавали ему честь и целовали его в лицо сзади. После этого он назначил церемониймейстера, в компании с которым лично осмотрел всех волшебников и ведьм на предмет наличия у них тайного знака, которым они были отмечены как принадлежащие дьяволу. Эта метка всегда была нечувствительна к боли. Те, кто еще не был отмечен, получали метку от церемониймейстера, а дьявол в это время давал им прозвища. После этого все они начинали петь и танцевать в самой неистовой манере, пока не появлялся какой-нибудь человек, жаждущий попасть в их общество. Тогда они замолчали на некоторое время, пока новоприбывший не отрекся от своего спасения, не поцеловал дьявола, не плюнул на Библию и не поклялся во всем ему повиноваться. Тогда они снова начали танцевать со всей силы и петь такие слова,

"Alegremos, Alegremos!

Que gente va tenemos!".

В течение часа или двух они, как правило, уставали от этого бурного занятия, а затем все садились и рассказывали о злых делах, которые они совершили с момента их последней встречи. Те, кто не был достаточно злобным и озорным по отношению к своим собратьям, получали личное наказание от самого Сатаны, который порол их шипами или скорпионами до тех пор, пока они не покрывались кровью и не могли ни сидеть, ни стоять.

Когда эта церемония была завершена, всех развеселил танец жаб. Тысячи этих существ выпрыгивали из земли и, встав на задние лапы, танцевали, а дьявол играл на волынке или трубе. Все эти жабы были наделены способностью говорить и просили ведьм вознаградить

их плотью некрещеных младенцев за их старания доставить им удовольствие. Ведьмы пообещали выполнить просьбу. Дьявол велел им не забыть сдержать слово, а затем, топнув ногой, заставил всех жаб в одно мгновение погрузиться в землю. После этого место было очищено, и началась подготовка к пиру, на котором всевозможные отвратительные вещи были поданы и с жадностью съедены демонами и ведьмами; хотя последних иногда потчевали отборным мясом и дорогими винами с золотых тарелок и хрустальных кубков; но они никогда не были так благосклонны, если не совершили чрезвычайное количество злых дел с момента последней встречи.

После пира они снова начинали танцевать, но те, кто не имел желания больше упражняться в этом, развлекались тем, что насмехались над святым таинством крещения. Для этого снова вызывали жаб и окропляли их грязной водой; дьявол совершал крестное знамение, а все ведьмы выкрикивали: "*In nomine Patricâ, Aragueaco Petrica, agora! agora! Valentia, jouando goure gaits goustia!*", что означало: "Во имя Патрика, Петрика Арагонского, теперь, теперь все наши беды позади!".

Когда дьявол хотел особенно позабавиться, он заставлял ведьм раздеться и танцевать перед ним, причем у каждой на шее была привязана кошка, а другая свисала с ее тела в виде хвоста. Когда прокричал петух, все они исчезли, и шабаш был окончен.

Таково краткое изложение верований, господствовавших на протяжении многих веков почти по всей Европе и далеко не искорененных даже в наши дни. В ряде стран оно несколько отличалось, но основные положения были одинаковыми во Франции, Германии, Великобритании, Италии, Испании и на крайнем севере Европы.

Ранние анналы Франции изобилуют историями о предполагаемом колдовстве, но только во времена Карла Великого это преступление приобрело большое значение. "Этот монарх, - пишет М. Жюль [Гарине24](#), - несколько раз отдавал приказы изгнать из своих государств всех некромантов, астрологов и колдунов; но поскольку число преступников увеличивалось с каждым днем, он счел необходимым наконец прибегнуть к более суровым мерам. В связи с этим он опубликовал несколько эдиктов, которые можно найти в Капитулярии Балюза. В них запрещалась любая магия, чары и колдовство; смертной казни подлежали те, кто каким-либо образом вызывал дьявола, делал любовные привороты, страдал бесплодием, будоражил атмосферу, вызывал бури, уничтожал плоды земли, высушивал молоко коров или мучил своих собратьев язвами и болезнями. Все лица, уличенные в этих пагубных искусствах, должны были быть казнены немедленно по приговору, дабы земля избавилась от бремени и проклятия их присутствия; и даже те, кто советовался с ними, также должны были быть наказаны смертью" [25](#).

После этого времени преследования за колдовство постоянно упоминаются, особенно французскими историками. Это преступление вменялось в вину с такой легкостью и пресекалось с таким трудом, что сильным мира сего, когда они хотели разорить слабых и не могли приписать им никаких других обвинений, достаточно было обвинить их в колдовстве, чтобы обеспечить их уничтожение. Примеры, когда это преступление становилось предлогом для жесточайших преследований как отдельных людей, так и общин, чьи реальные преступления носили чисто политический или религиозный характер, должны быть знакомы каждому читателю. Истребление Стедингера в 1234 году, тамплиеров в 1307-1313 годах, казнь Жанны д'Арк в 1429 году и несчастные сцены в Аррасе в 1459 году - самые яркие из них. Первая из них, возможно, наименее известна, но не относится к числу наименее примечательных. Следующий рассказ из интересной истории республиканских конфедераций средневековья доктора Кортюма [26](#) покажет, как ужасно удобны были

обвинения в колдовстве, когда королевским или священническим волкам нужен был предлог для ссоры с овцами.

Фрисландцы, населяющие территорию от Везера до Зюйдерзее, издавна славились своей привязанностью к свободе и успешной борьбой в ее защиту. Еще в XI веке они образовали общую конфедерацию против посягательств норманнов и саксов, которая была разделена на семь *морских земель*, ежегодно проводя диету под большим дубом в Аурихе, недалеко от реки Апстальбум. Здесь они управляли своими делами самостоятельно, без контроля духовенства и честолюбивых вельмож, которые их окружали, к большому сожалению последних. У них уже были истинные представления о представительном правлении. Народные депутаты взимали необходимые налоги, обсуждали дела общины и выполняли, в своей простой и патриархальной манере, почти все функции современных представительных собраний. Наконец, архиепископ Бременский вместе с графом Ольденбургским и другими соседними властями заключил союз против той части фрисландцев, которая известна под именем штедингеров, и сумел, притесняя их и сея среди них раздоры в течение многих лет, подчинить их своему игу. Но стедингерцы, преданные своим древним законам, благодаря которым они достигли редкой для того времени степени гражданской и религиозной свободы, не покорились без жестокой борьбы. В 1204 году они подняли восстание в защиту древних обычаев своей страны, отказались платить налоги феодальным вождям и десятину духовенству, которое навязывало им свои мирные убежища, и изгнали многих из своих угнетателей. В течение восьми с половиной лет храбрый Штедингер в одиночку продолжал борьбу с войсками архиепископов Бременских и графов Ольденбургских и в 1232 году разрушил сильный замок Шлюттерберг, расположенный недалеко от Дельменхорста, построенный последним дворянином как место, откуда он мог посылать своих мародеров грабить и уничтожать крестьянские владения.

Непобедимое мужество этих несчастных людей оказалось слишком сильным для их угнетателей, чтобы справиться с ними обычными средствами ведения войны, архиепископ Бременский обратился к папе Григорию IX за духовной помощью против них. Этот прелат сердечно включился в дело и, огласив анафему на штедингеров как еретиков и ведьм, призвал всех истинно верующих содействовать их истреблению. В 1233 году в их страну ворвалось множество разбойников и фанатиков, которые убивали и жгли везде, где только можно, не щадя в своей ярости ни женщин, ни детей, ни больных, ни стариков. Однако стедингерцы собрались с большими силами, разгромили захватчиков и убили в бою их предводителя, графа Буркхарда Ольденбургского, со многими низшими вождями.

Снова обратились к папе, и крестовый поход против штедингов был проповедан во всей этой части Германии. Папа написал всем епископам и вождям верующих увещевание вооружиться, чтобы искоренить из земли этих мерзких колдунов и чародеев. "Штедингерцы, - писал его святейшество, - обольщенные дьяволом, преступили все законы Божьи и человеческие, оклеветали Церковь, оскорбили святые таинства, обращались к ведьмам, чтобы вызвать злых духов, проливали кровь как воду, лишали жизни священников и придумали адский план, чтобы распространить поклонение дьяволу, которого они обожают под именем Асмоди. Дьявол предстает перед ними в разных обликах - иногда в виде гуся или утки, а иногда в виде бледного черноглазого юноши с меланхоличным выражением лица, чьи объятия наполняют их сердца вечной ненавистью к святой Церкви Христовой. Этот дьявол председательствует на их саббатах, когда они все целуют его и танцуют вокруг него. Затем он окутывает их полной темнотой, и все они, мужчины и женщины, предаются самому грубому и отвратительному разврату".

Вследствие этих писем папы император Германии Фридрих II также объявил о своем запрете на них. Епископы Ратцебурга, Любека, Оснабрюка, Мюнстера и Миндена взяли за оружие, чтобы истребить их, им помогали герцог Брабантский, графы Голландский, Клевский, Маркский, Ольденбургский, Эгмондский, Диестский и многие другие влиятельные вельможи. Вскоре было собрано сорокатысячное войско, которое под командованием герцога Брабантского двинулось в страну Стедингеров. Последние энергично выступили на защиту своих жизней и свобод, но не смогли собрать больше сил, включая всех мужчин, способных носить оружие, чем одиннадцать тысяч человек, чтобы противостоять подавляющему числу своих врагов. Они сражались с энергией отчаяния, но все было напрасно. Восемь тысяч из них были убиты на поле боя; весь род был истреблен; разъяренные завоеватели обшарили страну во всех направлениях, убили женщин, детей и стариков, отогнали скот, сожгли леса и домики и произвели полное опустошение земли.

ФИЛИПП IV.

Столь же абсурдным и действенным было обвинение, выдвинутое против тамплиеров в 1307 году, когда они стали несносными для властителей и прелатов христианства. Их богатство, их власть, их гордость и их дерзость навлекали на них врагов со всех сторон; против них выдвигались всевозможные обвинения, но они не приводили к их уничтожению, пока на них не обрушился страшный крик о колдовстве. Это достигло своей цели, и тамплиеры были истреблены. Их обвинили в том, что они продали свои души дьяволу, и в том, что они праздновали все inferнальные таинства колдовского шабаша. Утверждалось, что, принимая послушника в свой орден, они заставляли его отречься от своего спасения и проклясть Иисуса Христа; что затем они заставляли его подчиняться многим нечестивым и отвратительным церемониям, принуждали целовать настоятеля в щеку, пупок и ягодицы, а также трижды плевать на распятие; что всем членам запрещалось иметь связь с женщинами, но они могли без ограничений предаваться всем видам недостойного разврата; что когда по какой-либо случайности тамплиер нарушал этот приказ и рождался ребенок, весь орден собирался и перебрасывал его, как челнок, от одного к другому, пока он не истекал; что затем они жарили его на медленном огне и жиром, который вытекал из него, помазывали волосы и бороду большого изображения дьявола. Говорили также, что когда один из рыцарей умирал, его тело сжигали в порошок, а затем смешивали с вином и пили все члены ордена. Филипп IV, который, желая вызвать свою непримиримую ненависть, выдумал, по всей вероятности, большую часть этих обвинений, отдал приказ о немедленном аресте всех тамплиеров в своих владениях. После этого папа римский взялся за дело почти с таким же рвением, как и король Франции; и во всех частях Европы тамплиеры были брошены в

тюрьмы, а их имущество и имения конфискованы. Сотни из них, будучи поставлены на дыбу, признавались даже в самых абсурдных обвинениях против них и тем самым усиливали народный шум и надежды своих врагов. Правда, когда их снимали с дыбы, они отрицали все, в чем ранее признавались; но это обстоятельство лишь усиливало крик и причислялось к дополнительным преступлениям против них. Их рассматривали в еще худшем свете, чем прежде, и сразу же приговаривали к огню как еретиков-рецидивистов. Пятьдесят девять этих несчастных жертв были все вместе сожжены на медленном огне на поле в пригороде Парижа, до последнего момента своей жизни протестуя против своей невинности во вменяемых им преступлениях и отказываясь принять помилование при условии признания себя виновными. Подобные сцены разыгрывались и в провинциях; в течение четырех лет не проходило и месяца без казни одного или нескольких этих несчастных. Наконец, в 1313 году последняя сцена этой трагедии завершилась сожжением Великого магистра Жака де Моле и его сподвижника Ги, командующего Нормандией. Более зверского поступка невозможно себе представить, он позорит и монарха, который его затеял, и папу, который его поддержал, и эпоху, которая терпела это чудовищное беззаконие. То, что злоба немногих могла придумать такое обвинение, - унижительная мысль для любителя своего рода; но то, что миллионы людей поверили этому, еще более унижительно.

Казнь Жанны д'Арк - следующий наиболее известный пример обвинения в колдовстве политического врага, который дает нам история. Примеры подобных преследований, когда это преступление становилось предлогом для удовлетворения политической или религиозной ненависти, можно было бы перечислять бесконечно. Но лучше сразу перейти к рассмотрению буллы папы Иннокентия, факела, который поджег давно выстроенный поезд и вызвал столь страшный взрыв в христианском мире. Однако необходимо вернуться на несколько лет назад до этого события, чтобы лучше понять мотивы, которые повлияли на Церковь при обнародовании этого страшного документа.

В конце четырнадцатого и начале пятнадцатого века в разных частях Европы было сожжено множество ведьм. Как естественное следствие жестоких преследований, преступление или претенденты на него усилились. Те, кого обвиняли и грозили наказанием, если они оказывались людьми дурного и злобного нрава, желали обладать вменяемой им силой, чтобы отомстить своим преследователям. Известны многочисленные случаи, когда полубезумные люди были найдены бормочущими заклинания, которые, как предполагалось, должны были вызвать зло. Когда религия и закон в равной степени признавали преступление, неудивительно, что слабые разумом и сильные воображением, особенно если они были нервного темперамента, воображали себя наделенными ужасной силой, о которой говорил весь мир. Вера соседей не отставала от их собственной, и казнь была быстрым следствием.

ИОАННА АРКСКАЯ.

По мере того как страх перед колдовством усиливался, католическое духовенство стремилось вменить его в вину тем религиозным сектам, пионерам Реформации, которые в это время стали представлять угрозу для Римской церкви. Если обвинение в ереси не могло обеспечить их уничтожение, то обвинение в колдовстве и чародействе никогда не подводило. В 1459 году преданная община вальденсов в Аррасе, которые по ночам собирались в уединенных местах, чтобы поклоняться Богу на свой манер, стала жертвой обвинения в колдовстве. В Аррасе ходили слухи, что в пустынных местах, куда они удалялись, дьявол появлялся перед ними в человеческом облике и читал из большой книги свои законы и постановления, которым все они обещали повиноваться; затем он раздавал им деньги и еду, чтобы привязать их к своей службе, и тогда они предавались всем видам разврата и распутства. По этим слухам в Аррасе были схвачены и посажены в тюрьму несколько уважаемых людей, а также несколько дряхлых и слабоумных старух. Разумеется, в ход пошла дыба - удобный инструмент для того, чтобы заставить обвиняемого признаться в чем угодно. Монстреле в своей хронике рассказывает, что их пытали до тех пор, пока некоторые из них не признали истинность всех обвинений и не заявили, кроме того, что видели и узнавали в своих ночных сбирках многих высокопоставленных лиц; многих прелатов, сеньоров, губернаторов графств и мэров городов - имена, которые сами дознаватели предлагали жертвам. Несколько человек, на которых донесли, были брошены в тюрьму и подвергнуты столь ужасным пыткам, что разум покинул их, и в бреду от боли они признались в своих полуночных встречах с дьяволом и клятвах, которые они давали, чтобы служить ему. По этим признаниям был вынесен приговор. Бедных старух, как обычно в таких случаях, вешали и сжигали на рыночной площади; более состоятельным преступникам разрешалось бежать, заплатив крупную сумму. Вскоре стало общепризнанным, что эти судебные процессы проводились самым отвратительным образом и что судьи руководствовались мотивами личной мести в отношении многих влиятельных лиц, которые были в них замешаны. После этого Парижский парламент объявил приговор незаконным, а судей - беззаконными; но его *решение* было слишком запоздалым, чтобы помочь даже тем, кто заплатил штраф, или наказать власти, которые сами провинились, поскольку оно было вынесено только через тридцать два года после казней.

Тем временем обвинения в колдовстве быстро распространились во Франции, Италии и Германии. Странно сказать, что хотя вначале обвинения были направлены главным образом против еретиков, последние были столь же твердыми приверженцами этого преступления, как и сами католики. В последующие времена мы также видим, что лютеране и кальвинисты стали большими любителями сжигать ведьм, чем когда-либо были романисты, настолько глубоко укоренились эти предрассудки. Споры велись по всем остальным пунктам веры, но эта секта считалась такой же общепризнанной, как подлинность Писания или существование Бога.

Но в этот ранний период эпидемии гонения направлялись главами католической церкви. Распространение ереси предвещало, как считалось, приход антихриста. Флоримонд в своем труде об антихристе раскрыл тайну этих преследований. Он говорит: "Все, кто предоставил нам некоторые признаки приближения Антихриста, согласны с тем, что рост колдовства и чародейства должен отличать меланхолический период его пришествия; и был ли когда-нибудь век, столь страдающий, как наш? Места, предназначенные для преступников, в наших судах чернеют от лиц, обвиняемых в этой вине. Не хватает судей, чтобы судить их. Наши темницы переполнены ими. Не проходит и дня, чтобы мы не окровавили наши трибуналы произнесенными нами приговорами или чтобы мы не вернулись в свои дома удрученными и напуганными ужасными признаниями, которые мы слышали. И дьявол считается таким хорошим хозяином, что мы не можем предать огню такое большое

количество его рабов, но из их пепла должно возникнуть достаточное число, чтобы занять их место".

Флоримонд высказал общее мнение Римской церкви; но ни одному человеку, участвовавшему в этих процессах, не пришло в голову, что если дьявол и поднял столько новых ведьм, чтобы занять места уничтоженных, то это был не кто иной, как их собственный слуга - дьявол преследования. Но так оно и было. Чем больше они сжигали, тем больше находили, что сжечь, пока для женщин из самых скромных слоев общества не стало обычной молитвой, чтобы они никогда не дожили до старости. Достаточно было быть старой, бедной и полубезумной, чтобы обеспечить себе смерть на костре или эшафоте.

ВОРОТА КОНСТАНЦИИ.

В 1487 году в Швейцарии разразилась сильная буря, которая опустошила страну на четыре мили вокруг Констанца. Две несчастные старухи, которых народная молва давно обвиняла в колдовстве, были арестованы по абсурдному обвинению в том, что они подняли бурю. Была выставлена дыба, на которую растянули двух несчастных. Отвечая на различные вопросы своих мучителей, они в агонии признались, что постоянно встречаются с дьяволом, что продали ему свои души и что по их приказу он поднял бурю. По этому безумному и богохульному обвинению они были приговорены к смерти. В уголовных реестрах Констанца против имени каждого из них стоит простая, но многозначительная фраза: "*convicta et combusta*".

Этот случай и сотни других были должным образом доведены до сведения церковных властей. В то время во главе церкви стоял понтифик, который уделял много внимания теме колдовства и, намереваясь искоренить предполагаемое преступление, сделал больше для его увеличения, чем любой другой человек, который когда-либо жил. Иоанн Баптист Кибо, избранный на папский престол в 1485 году под именем Иннокентия VIII, был искренне встревожен количеством ведьм и выступил со своим ужасным манифестом против них. В своей знаменитой булле 1488 года он призвал народы Европы на помощь Церкви Христовой на земле, подвергшейся опасности из-за козней сатаны, и изложил ужасы, которые дошли до его слуха; как множество представителей обоих полов вступали в связь с адскими извергами; как они своими чарами поражают людей и зверей; как они оскверняют брачное ложе, уничтожают роды женщин и приплод скота; как они уничтожают кукурузу на земле, виноград в винограднике, плоды деревьев и полевые травы. Чтобы столь жестокие

преступники больше не загрязняли землю, он назначил в каждой стране инквизиторов, вооруженных апостольской властью осуждать и наказывать.

Именно в это время, можно сказать, началась *мания ведьм*, как ее правильно называть. Сразу же в Европе возникла группа людей, которые сделали делом своей жизни обнаружение и сожжение ведьм. Шпренгер в Германии был самым знаменитым из этих национальных бичей. В своем печально известном труде "Malleus Maleficarum" он изложил обычную форму суда и назначил курс экзаменов, с помощью которых инквизиторы в других странах могли бы лучше всего выявлять виновных. Вопросы, которые всегда задавались под пыткой, были самыми абсурдными и отвратительными. Инквизиторы должны были спрашивать подозреваемых, проводили ли они полуночные встречи с дьяволом, посещали ли они ведьминский шабаш на Брокене, были ли у них знакомые духи, могли ли они поднимать вихри и призывать молнии, и имели ли они сексуальные отношения с сатаной?

Инквизиторы тут же принялись за работу: Куманус в Италии только в одной провинции сжег сорок одну бедную женщину; а Шпренгер в Германии сжег число, которое никогда нельзя точно установить, но которое, по общему мнению, составило более пятисот за год. Большое сходство между признаниями несчастных жертв было расценено как новое доказательство существования преступления. Но в этом нет ничего удивительного. Всем им задавались одни и те же вопросы из Malleus Maleficarum, и пытки никогда не могли заставить инквизитора дать нужный ответ. Многие люди, чье воображение было наполнено этими ужасами, шли на исповедь дальше, чем предполагали их мучители, в надежде, что таким образом их спасут от дыбы и сразу избавят от страданий. Некоторые признавались, что завели детей от дьявола; но ни одна из тех, кто когда-либо был матерью, не высказала столь безумной фантазии даже в крайних мучениях. Бездетные только признавались в этом, и их тут же сжигали как недостойных жить.

Опасаясь, что пыл врагов сатаны утихнет, сменяющие друг друга папы назначали новые комиссии. Одна была назначена Александром VI в 1494 году, другая - Львом X. в 1521 году, третья - Адрианом VI в 1522 году. Все они были вооружены одинаковыми полномочиями выслеживать и уничтожать, и выполняли свои страшные функции, но слишком жестко. Только в Женеве в 1515 и 1516 годах было сожжено пятьсот человек под именем протестантских ведьм. Похоже, что главным их преступлением была ересь, а колдовство было лишьотягчающим обстоятельством. Бартоломео де Спина приводит еще более страшный список. Он сообщает нам, что в 1524 году в округе Комо за колдовство погибло не менее тысячи человек, а в течение нескольких лет после этого среднее число жертв превышало сотню ежегодно. Один из инквизиторов, Ремигиус, ставил себе в заслугу то, что за пятнадцать лет осудил и сжег девятьсот человек.

Во Франции около 1520 года костры для казни ведьм пылали почти в каждом городе. Данеус в своих "Диалогах о ведьмах" говорит, что их было так много, что определить их число было бы практически невозможно. Человеческий разум был в таком глубоком плену, что друзья и родственники обвиняемых смотрели на это и одобряли. Жена или сестра убийцы могла сочувствовать его судьбе, но жены и мужья колдунов и ведьм не испытывали жалости. По правде говоря, жалость была опасна, так как считалось, что никто не может сострадать страданиям ведьмы, которая сама не является колдуньей: плакать по ведьме означало застраховаться от костра. Однако в некоторых районах, несмотря на суеверие, в результате народного отчаяния вспыхнули. Инквизитор одного из сельских поселений в Пьемонте сжигал жертвы так обильно и быстро, что в округе не было ни одной семьи, которая не потеряла бы своего члена. В конце концов народ восстал, и инквизитор был счастлив бежать

из страны с целыми конечностями. После этого архиепископ епархии приступил к суду над теми, кого инквизитор оставил в тюрьме.

Некоторые из обвинений были настолько абсурдны, что бедняг сразу же освободили; других постигла более тяжелая, но обычная участь. Некоторых из них обвинили в том, что они присоединились к танцам ведьм в полночь под развалившимся дубом, где их видели уважаемые люди. Мужья нескольких из этих женщин (двое из них были молоды и красивы) поклялись, что в указанное время их жены крепко спали в их объятиях, но все было напрасно. С них взяли слово, но архиепископ сказал им, что их обманул дьявол и их собственные чувства. Правда, в их постели могло быть подобие их жен, но подлинники были далеко, на дьявольских плясках под дубом. Честные парни были сбиты с толку, а их жены немедленно сожжены.

КАРЛ IX.

В 1561 году пять бедных женщин из Вернейля были обвинены в том, что они превращались в кошек и в таком виде посещали субботний день извергов - рыскали вокруг Сатаны, который верховодил над ними в виде козла, и танцевали, чтобы развлечь его, на его спине. Они были признаны виновными и сожжены.²⁷

В 1564 году три колдуна и ведьма предстали перед президентами Сальвертом и д'Авантоном: они признались, когда их растянули на дыбе, что помазали овчарни inferнальными снадобьями, чтобы убить овец; что они посещали саббат, где видели большого черного козла, который говорил с ними и заставлял их целовать его, причем каждый держал в руке зажженную свечу, пока совершал эту церемонию. Все они были казнены в Пуатье.

В 1571 году знаменитый колдун Труа Эшель был сожжен на площади Грев в Париже. Он признался в присутствии Карла IX, маршалов де Монморанси, де Реца и сьера дю Мазилья, лекаря короля, что может совершать самые чудесные вещи с помощью дьявола, которому он продался. Он подробно описал сатурналии извергов, жертвоприношения, которые они приносили, распутство, которое они совершали с молодыми и красивыми ведьмами, и различные способы приготовления адского снадобья для порчи скота. Он сказал, что у него было до двенадцатисот сообщников в преступлении колдовства в разных частях Франции, которых он назвал королю, и многие из них впоследствии были арестованы и подвергнуты казни.

Через два года после этого в Доле Жиль Гарнье, уроженец Лиона, был обвинен в том, что он был *loup-garou*, или человеком-волком, и в таком виде рыскал по ночам по стране, чтобы пожирать маленьких детей. Обвинение против него, зачитанное Анри Камю, доктором права и советником короля, гласило, что он, Жиль Гарнье, схватил маленькую девочку двенадцати лет, которую затащил в виноградник и там убил, частично зубами, частично руками, похожими на волчьи лапы; Затем он протащил ее истекающее кровью тело по земле зубами до леса Ла-Серр, где съел большую часть ее за один прием пищи, а остатки отнес домой своей жене; В другой раз, за восемь дней до праздника Всех Святых, его видели схватившим в зубы другого ребенка, и он бы ее, если бы ее не спасли жители деревни, и что этот ребенок умер через несколько дней после этого от нанесенных ему увечий; Через пятнадцать дней после того же праздника Всех Святых, снова приняв облик волка, он загрыз мальчика тринадцати лет, предварительно оторвав ему зубами ногу и бедро, и спрятал их, чтобы позавтракать на следующий день. Кроме того, его обвинили в том, что он поддавался тем же дьявольским и противоестественным наклонностям даже в облике человека; а также в том, что он задушил мальчика в лесу с намерением съесть его, и это преступление он бы совершил, если бы его не увидели соседи и не помешали.

Жиль Гарнье был поставлен на дыбу после того, как против него дали показания пятьдесят свидетелей. Он признался во всем, в чем его обвиняли. После этого его вернули в присутствие судей, и доктор Камю от имени парламента Доле огласил следующий приговор:

"Видя, что Жиль Гарнье, согласно показаниям заслуживающих доверия свидетелей и его собственному спонтанному признанию, был доказан виновным в отвратительных преступлениях ликантропии и колдовства, суд приговаривает его, упомянутого Жилия, быть сегодня же отведенным в повозке с этого места на место казни в сопровождении палача, где он, упомянутый палач, будет привязан к колу и сожжен заживо, а прах его будет развеян по ветру. Суд также приговаривает его, упомянутого Жилия, к издержкам, связанным с этим преследованием".

"Дано в Доле, 18 января 1573 года".

В 1578 году Парижский парламент в течение нескольких дней рассматривал дело человека по имени Жак Ролле. Его также признали виновным в том, что он был *луп-гару* и в таком виде сожрал маленького мальчика. Его сожгли заживо на площади де Грив.

В 1579 году в окрестностях Мелена было так много тревоги из-за увеличения числа ведьм и *луп-гару*, что был созван совет, чтобы выработать меры по пресечению этого зла. Был принят указ о том, что все ведьмы и те, кто консультируется с ведьмами, должны быть наказаны смертью, и не только они, но и гадалки и фокусники всех мастей. В следующем году парламент Руана рассмотрел тот же вопрос и постановил, что обладание *гримуаром*, или книгой заклинаний, является достаточным доказательством колдовства, и что все люди, у которых обнаружены такие книги, должны быть сожжены заживо. В 1583 году в разных частях Франции состоялись три совета, посвященные одному и тому же вопросу. Парламент Бурдо издал строгие предписания всем кураторам и духовенству, чтобы они прилагали удвоенные усилия для искоренения преступления колдовства. Парламент Тура был столь же категоричен и опасался суда оскорбленного Бога, если все эти торговцы с дьяволом не будут сметены с лица земли. Парламент Реймса был особенно суров по отношению к *poisseurs d'aiguillette*, или "завязывателям узлов", - людям обоих полов, которым доставляло удовольствие препятствовать заключению брака, чтобы противодействовать Божьему повелению нашим первым родителям плодиться и размножаться. Этот парламент считал греховным ношение амулетов для защиты от колдовства, а чтобы эта практика не

продолжалась в пределах его юрисдикции, разработал форму экзорцизма, которая могла бы более эффективно победить агентов дьявола и обратить их в бегство.

Случай колдовства, который произвел в свое время большую сенсацию, произошел в 1588 году в деревне в горах Оверни, примерно в двух лье от Апшона. Один джентльмен из этого места сидел у своего окна, мимо проходил его друг, который был на охоте и возвращался в свой дом. Джентльмен спросил своего друга, как он провел время, на что тот сообщил ему, что на равнине на него напал большой и дикий волк, которого он подстрелил, не ранив, а затем достал свой охотничий нож и отрубил животному переднюю лапу, когда оно бросилось ему на шею, чтобы сожрать его. Охотник на это засунул руку в сумку, чтобы вытащить лапу, но был потрясен, обнаружив, что это женская рука с обручальным кольцом на пальце. Джентльмен сразу же узнал кольцо своей жены, "что, - говорится в обвинительном заключении против нее, - заставило его заподозрить в ней неладное". Он немедленно отправился на ее поиски и обнаружил, что она сидит у огня на кухне, спрятав руку под фартуком. Он с большим рвением сорвал с нее фартук и обнаружил, что руки у нее нет, а культя даже кровоточит. Ее отдали под стражу и сожгли в Риоме в присутствии нескольких тысяч [зрителей](#)²⁸.

Среди этих казней редко встречались отблески милосердия. Известно лишь несколько случаев оправдательного приговора, когда преступление было связано с колдовством. Освобождение четырнадцати человек парижским парламентом в 1589 году - почти единственный пример возвращения к здравому смыслу. Четырнадцать человек, приговоренных к смерти за колдовство, подали апелляцию на приговор в Парижский парламент, который по политическим причинам был сослан в Тур. Парламент назначил четырех уполномоченных - Пьера Пигрея, хирурга короля, и месье Лероя, Ренара и Фалезо, лекарей короля, - посетить и осмотреть этих ведьм и выяснить, нет ли на них клейма дьявола. Пигрей, который рассказывает об этом обстоятельстве в своем труде "Хирургия" (кн. vii. гл. 10), говорит, что визит был совершен в присутствии двух советников двора. Ведьмы были раздеты догола, и лекари очень тщательно осмотрели их тела, уколов их во все места, которые они могли найти, чтобы убедиться, что они нечувствительны к боли, что всегда считалось несомненным доказательством вины. Однако они были очень чувствительны к уколам, и некоторые из них очень громко кричали, когда в них втыкали булавки. "Мы нашли их, - продолжает Пьер Пигре, - очень бедными, глупыми людьми, а некоторые из них были безумны. Многие из них были совершенно равнодушны к жизни, а один или два из них желали смерти как облегчения своих страданий. По нашему мнению, они больше нуждались в лечении, чем в наказании, о чем мы и сообщили парламенту. После этого их дело было принято к дальнейшему рассмотрению; и парламент, после зрелого совета всех членов, постановил отправить бедняг по домам, не применяя к ним никакого наказания".

Таково было ужасное состояние Италии, Германии и Франции в шестнадцатом веке, который был далеко не самым страшным кризисом народного безумия в отношении колдовства. Давайте посмотрим, в каком состоянии находилась Англия в тот же период. Реформация, которая в своем развитии искоренила так много ошибок, остановилась на этой, самой большой ошибке из всех. Лютер и Кальвин были такими же твердыми приверженцами колдовства, как и сам папа Иннокентий; а их последователи проявили себя более ревностными гонителями, чем романисты. Доктор Хатчинсон в своей работе о колдовстве утверждает, что в Англии мания проявилась позже и бушевала с меньшей яростью, чем на континенте. Верно только первое утверждение, поскольку, хотя преследования начались позже и в Англии, и в Шотландии, их развитие было столь же страшным, как и в других странах.

Только спустя более пятидесяти лет после издания буллы Иннокентия VIII законодательные органы Англии сочли нужным принять более суровые законы против колдовства, чем те, которые уже действовали. Статут 1541 года стал первым, в котором было указано конкретное преступление - колдовство. В гораздо более ранний период многие люди страдали от смерти за колдовство, в дополнение к другим преступлениям; но не было казней за посещение ведьминых шабашей, поднятие бурь, бесплодие скота и все фантастические фокусы континента. В 1551 году были приняты два закона: первый касался ложных пророчеств, вызванных, несомненно, в основном наговорами Елизаветы Бартон, святой девы из Кента, в 1534 году; второй - против колдовства, чародейства и колдовства. Но даже этот закон не рассматривал колдовство как преступление само по себе и приговаривал к смерти только тех, кто с помощью заклинаний, заклинаний или договоров с дьяволом покушался на жизнь своих соседей. Статут Елизаветы в 1562 году наконец-то признал колдовство преступлением высшей степени, независимо от того, было ли оно направлено на причинение вреда жизни, конечностям и имуществу общества или нет. С этого момента можно с уверенностью сказать, что в Англии начались преследования. Своего апогея оно достигло в начале семнадцатого века, который был самым жарким периодом мании по всей Европе.

Несколько случаев преследования ведьм в XVI веке позволяют читателю составить более точное представление о развитии этого великого заблуждения, чем если бы он сразу погрузился в тот напряженный период его истории, когда Мэтью Хопкинс и его соратники осуществляли свое адское призвание. Несколько случаев происходят в Англии в последние годы правления Елизаветы. В это время общественное сознание уже было довольно хорошо знакомо с деталями преступления. Епископ Джуэлл в своих проповедях перед ее величеством постоянно завершал их горячей молитвой о том, чтобы она была ограждена от ведьм. Однажды, в 1598 году, он сказал: "Возможно, вашей милости будет угодно понять, что за последние четыре года количество ведьм и колдунов в королевстве вашей милости значительно увеличилось. Подданные вашей милости чахнут до самой смерти; их цвет тускнеет, их плоть гниет, их речь ослабевает, их чувства отнимаются! Молю Бога, чтобы они никогда не практиковали дальше, чем на этой *теме!*"

ДЖЕВЕЛЛ.

Постепенно эпидемический ужас перед колдовством распространился по деревням. По мере того как укоренялось учение пуритан, этот страх усиливался и, конечно, влек за собой преследования. Англиканская церковь претендует на то, что она была менее подвержена влиянию в этих вопросах, чем любая другая христианская секта; но все же она была запятнана суеверием эпохи. Один из самых вопиющих случаев жестокости и заблуждений, о которых известно, был совершен под руководством церкви и до глубокой старости отмечался ежегодной лекцией в Кембриджском университете.

Это знаменитое дело ведьм из Уорбуа, которые были казнены примерно через тридцать два года после принятия статута Елизаветы. Хотя за это время было зарегистрировано всего несколько судебных процессов, к сожалению, существует слишком много свидетельств, показывающих, до какой крайности были доведены народные предрассудки. Многие женщины погибли во всех частях Англии, так и не дождавшись суда, от увечий, полученных от рук народа. Их число никогда не удастся установить.

Дело ведьм из Уорбуа заслуживает подробного описания не только из-за важности, которую придавали ему на протяжении стольких лет ученые университета, но и из-за необычайной нелепости доказательств, на основании которых люди, разумные во всех остальных отношениях, могли обречь своих сородичей на эшафот.

Главными действующими лицами этой странной драмы были семьи сэра Сэмюэля Кромвеля и некоего мистера Трогмортон, оба джентльмена с земельными владениями близ Уорбуа в графстве Хантингдон. У мистера Трогмортон было несколько дочерей, старшая из которых, мистрис Джоан, была мнительной и меланхоличной девушкой, чья голова была забита историями о привидениях и ведьмах. Однажды она случайно проходила мимо коттеджа одной миссис, или, как ее называли, матушки Сэмюэль, очень пожилой, бедной и очень уродливой женщины. Матушка Сэмюэль сидела у двери и вязала, на голове у нее был черный чепец, когда мимо прошла эта глупая девушка и, оторвав глаза от своей работы, пристально посмотрела на нее. Госпожа Джоан тут же почувствовала внезапные боли во всех конечностях и с того дня не переставала рассказывать сестрам и всем окружающим, что матушка Сэмюэль ее околдовала. Другие дети подхватили этот крик и действительно пугались до судорог всякий раз, когда оказывались в поле зрения этой ужасной старухи.

Мистер и миссис Трогмортон, ничуть не мудрее своих детей, поверили во все нелепые сказки, которые им рассказывали; а леди Кромвель, сплетница миссис Трогмортон, приняла самое активное участие в этом деле и решила привести ведьму на испытание. К этой затее присоединился и сообразительный сэр Сэмюэл, и дети, воодушевленные таким образом, дали волю своему воображению, которое, похоже, было самым живым. Вскоре они придумали целый сонм злых духов, а также имена для них, которые, по их словам, были посланы матушкой Сэмюэль, чтобы постоянно мучить их. Особенно семь духов, говорили они, были подняты из ада этой злой женщиной, чтобы ввергать их в припадки; и поскольку дети действительно были подвержены припадкам, их мать и ее сожительницы придавали этой истории еще большее значение. Этих духов звали: "Первый Смак", "Второй Смак", "Третий Смак", "Синий", "Ловчий", "Твердолобый" и "Плюх".

Трогмортон, отец, был настолько измучен этими пустыми фантазиями и в то же время склонен им верить, что доблестно отправился в хижину, где жила матушка Сэмюэль с мужем и дочерью, и насильно притащил ее в свои владения. Леди Кромвель, миссис Трогмортон и девочки ждали, вооружившись длинными булавами, чтобы уколоть ведьму и посмотреть, смогут ли они взять у нее кровь. Леди Кромвель, которая, похоже, была самой буйной из всех, сорвала с головы старухи чепец и, вырвав горсть седых волос, отдала их миссис Трогмортон, чтобы та сожгла их, как талисман, который убережет их всех от ее будущих козней. Неудивительно, что бедное создание, подвергшееся такому грубому обращению, должно было выпустить невольное проклятие в адрес своих мучителей. Она так и сделала, и ее проклятие никогда не было забыто. Однако ее волосы, как полагают, были очень красивыми, и ей позволили уйти, полумертвой от ужаса и жестокого обращения. Больше года семьи Кромвеля и Трогмортон продолжали преследовать ее и утверждать, что ее импы причиняют им боль и приступы, делают молоко кислым в их кастрюлях и не дают плодиться их коровам и овцам. В разгар этих дурачеств леди Кромвель заболела и умерла. Тут-то и

вспомнили, что смерть ее случилась ровно через год с четвертью после того, как ее прокляла матушка Сэмюэль, и что несколько раз ей снились ведьма и черная кошка, причем последняя, разумеется, была заклятым врагом человечества.

Сэр Сэмюэл Кромвель теперь считал себя обязанным принять более энергичные меры против колдуньи, поскольку потерял жену по ее вине. Год с четвертью и черная кошка были тому подтверждением. Все соседи подняли крик о колдовстве матушки Сэмюэль, а ее личная внешность, к несчастью для нее самой, являвшаяся идеалом ведьмы, усилила подозрения в народе. Похоже, что в конце концов бедная женщина поверила, даже к своему несчастью, что она такая, какой ее все представляют. Когда ее насильно привели в дом мистера Трогмортон, когда его дочь Джоан находилась в одном из своих обычных припадков, он и сэр Сэмюэл Кромвель приказали ей изгнать дьявола из молодой леди. Ей велели повторить экзорцизм и добавить: "Поскольку я ведьма и виновница смерти леди Кромвель, я прошу тебя, дьявол, выйди из нее!". Она сделала все, что от нее требовалось, и, кроме того, призналась, что ее муж и дочь были связаны с ней колдовством и, как и она, продали свои души дьяволу. Вся семья была немедленно арестована и отправлена в Хантингдон в тюрьму.

Вскоре после этого начался суд перед мистером судьей Феннером, на котором все сумасшедшие девушки из семьи мистера Трогмортон дали показания против матери Сэмюэль и ее семьи. Всех троих подвергли пыткам. Старуха в муках призналась, что она ведьма, что она наложила свои чары на молодых леди и что она стала причиной смерти леди Кромвель. Отец и дочь, более сильные духом, чем их несчастная жена и родительница, отказались признаться в чем-либо и до последнего утверждали свою невиновность. Их всех троих приговорили к повешению, а тела сожгли. Дочь, молодая и симпатичная, вызывала жалость у многих, и ей посоветовали признать себя беременной, чтобы получить хотя бы отсрочку от смерти. Бедная девушка гордо отказалась, сославшись на то, что не хочет, чтобы ее считали и ведьмой, и потаскухой. Ее полубезумная старуха-мать ухватилась за идею продлить жизнь на несколько недель и заявила, что она беременна. Суд разразился хохотом, к которому присоединилась и сама несчастная жертва; это стало дополнительным доказательством того, что она была ведьмой. Вся семья была казнена 7 апреля 1593 года.

Сэр Сэмюэл Кромвель, как лорд поместья, получил 40 фунтов из конфискованного имущества Сэмюэлов, которые он превратил в арендную плату в размере 40 фунтов в год, для обеспечения ежегодной проповеди или лекции о чудовищности колдовства, и в частности этого случая, которую должен был читать доктор или бакалавр богословия из Квинс-колледжа в Кембридже. Мне не удалось установить точную дату прекращения этой ежегодной лекции, но, судя по всему, она читалась до 1718 года, когда доктор Хатчинсон опубликовал свою работу о колдовстве.

Чтобы продолжить в правильном хронологическом порядке историю заблуждений о ведьмах на Британских островах, необходимо изучить, что происходило в Шотландии на протяжении всей той части XVI века, которая предшествовала восшествию Якова VI на престол Англии. Естественно ожидать, что шотландцы - народ, с древнейших времен славившийся своими способностями к воображению, - должны быть более глубоко проникнуты этим мрачным суеверием, чем их соседи с юга. Природа их почвы и климата способствовала развитию мечтаний раннего невежества. Призраки, гоблины, фантики, келпи и целый сонм духовных существ были знакомы жителям туманных лесов нагорья и романтических ручьев низин. Их деяния, добрые или злые, были закреплены в песнях и сильнее захватывали воображение, потому что "стих освятил их". Но только после того, как религиозные реформаторы начали доводить Писание до крайних пределов, рука закона была призвана наказывать колдовство как преступление *само по себе*. То, что папа Иннокентий VIII сделал для Германии и

Франции, проповедники Реформации сделали для шотландского народа. Колдовство, вместо того чтобы быть простым пунктом веры, было занесено в свод законов, и все добрые подданные и истинные христиане были призваны взять в руки оружие против него. Девятый парламент королевы Марии в 1563 году принял закон, который предусматривал смертную казнь для ведьм и тех, кто консультирует ведьм, и сразу же вся масса людей была поражена эпидемическим страхом перед дьяволом и его смертными агентами. Люди, занимавшие самые высокие посты в жизни, разделяли и поощряли заблуждения обывателей. Многие сами были обвинены в колдовстве; знатных дам уличали в мистических искусствах и доказывали всему миру, что если они и не были ведьмами, то не по своей воле.

Среди дам, получивших дурную славу за попытки добиться своих злых целей с помощью дьявола, можно назвать знаменитую леди Баклю из Бранксхолма (знакома всем читателям сэра Вальтера Скотта), графиню Лотиан, графиню Ангус, графиню Атол, леди Керр, графиню Хантли, Эуфимию Макалзеан (дочь лорда Клифтонхолла) и леди Фоулис. Среди знаменитых представителей другого пола, обвиненных в колдовстве, был сэр Льюис Баллантайн, лорд-судья Шотландии, который, если верить Скотстарвету, "из любопытства имел дело с колдуном по имени Ричард Грэхем" и просил его вызвать дьявола. Колдун согласился и воскресил его *в собственной персоне* во дворе своего дома в Канонгейте, "при виде которого лорд-судья Клерк пришел в такой ужас, что заболел и умер". Подобными досужими рассказами завистники портили репутацию тех, кого ненавидели; хотя в данном случае кажется, что сэр Льюис был достаточно глуп, чтобы предпринять попытку, в которой его обвиняли, и что успех эксперимента был единственной апокрифической частью этой истории.

ДЖОН НОКС.

Враги Джона Нокса выдумали похожую историю, которая нашла готовое подтверждение среди римских католиков, готовых приклеить любое клеймо к этому главному бичу пороков их Церкви. Сообщалось, что он и его секретарь отправились в церковный двор Святого Андрея с намерением воскресить "некоторых святых", но по ошибке в своих заклинаниях вместо святых, с которыми они хотели посоветоваться, они воскресили самого великого изверга. Народная молва добавила, что секретарь Нокса был так напуган огромными рогами, вытаращенными глазами и длинным хвостом Сатаны, что сошел с ума и вскоре после этого умер. Сам Нокс был сделан из более прочного материала, и его нельзя было испугать.

Первое имя, которое встречается в записях Высокого суда юстиции о людях, судимых или казненных за колдовство, - это имя Джанет Боуман в 1572 году, через девять лет после принятия акта Марии. Никаких подробностей о ее преступлениях не приводится, а напротив

ее имени стоят только слова: "осуждена и сожжена". Однако не следует полагать, что в этот промежуток времени не было ни судебных процессов, ни казней; ведь на основании документов, подлинность которых не вызывает сомнений, хранящихся в Библиотеке адвокатов в [Эдинбурге](#)²⁹, выясняется, что Тайный совет практиковал выдачу поручений джентльменам и министрам, проживающим во всех частях Шотландии, на осмотр, суд и казнь ведьм в их собственных приходах. Записей о тех, кто пострадал от приговора этих трибуналов, не сохранилось, но если верить народной традиции хотя бы на четверть, то их число было ужасающим. После 1572 года записи о казнях за колдовство в протоколах Высокого суда становятся более частыми, но в среднем не превышают одной в год - еще одно доказательство того, что разбирательства по этому преступлению в целом были возложены на местную магистратуру. Последние, судя по всему, приговаривали ведьм к костру с такой же бескомпромиссностью, как современные мировые судьи приговаривают браконьеров к колодкам.

По мере того как Яков VI становился мужчиной, он проявлял большой интерес к процессам над ведьмами. Один из них, особенно процесс над Гелли Дункан, доктором Фианом и их сообщниками в 1591 году, привлек все его внимание и, несомненно, в какой-то степени послужил толчком к написанию знаменитого труда "Демонология", который он написал вскоре после этого. Поскольку эти ведьмы покушались на его собственную жизнь, неудивительно, что при его привычках он внимательно следил за этим делом или укрепился в своих предрассудках и суевериях благодаря его необычным деталям. Ни одно другое дело, которое можно было бы выбрать, не дало бы такого справедливого представления о заблуждениях шотландского народа, как это. Если принять во внимание количество жертв, нелепость доказательств и реальное злодейство некоторых причастных к этому делу лиц, то оно будет одинаково необычным.

Гелли Дункан, главная ведьма в этом деле, была служанкой заместителя судебного пристава Транента, небольшого городка в Хаддингтоншире, примерно в десяти милях от Эдинбурга. Хотя она не была ни старой, ни уродливой (какими обычно были ведьмы), а молодой и симпатичной, соседи из-за некоторых подозрительных особенностей ее поведения давно считали ее ведьмой. Судя по всему, она имела некоторые притязания на искусство врачевания. Некоторые исцеления, которые она совершала, были настолько неожиданными, что достойный бейлиф, ее хозяин, который, как и его соседи, не доверял ей, считал их не иначе как чудесными. Чтобы узнать правду, он подверг ее пыткам, но она упорно отказывалась признаться, что имеет дело с дьяволом. В народе считалось, что ни одна ведьма не признается, пока на ее теле остается клеймо, поставленное сатаной. Кто-то из присутствующих напомнил об этом пытающему бейли, и при осмотре на горле бедной Гелли была обнаружена дьявольская метка. Ее снова подвергли пыткам, и, сдавшись под тяжестью мучений, она призналась, что действительно была ведьмой, что продала душу дьяволу и все свои исцеления совершала с его помощью. Это было нечто новое в вероучении ведьм, согласно которому дьявол с большим удовольствием накладывает болезни, чем снимает их; но Гелли Дункан от этого не стало лучше. Пытки продолжались до тех пор, пока она не назвала всех своих сообщников, среди которых были некто Каннингем, известный колдун по имени доктор Фиан; суровая и похожая на матрону ведьма по имени Агнес Сэмпсон; Эуфемия Макалзеан, дочь уже упоминавшегося лорда Клифтонхолла, и еще около сорока человек, некоторые из которых были женами уважаемых людей в городе Эдинбурге. Каждый из этих людей был арестован, и все королевство Шотландия пришло в смятение из-за необычайного характера разоблачений, которые ожидались.

Примерно за два года до этого Джеймс внезапно покинул свое королевство и галантно отправился в Данию, чтобы забрать свою невесту, принцессу Датскую, которая из-за непогоды задержалась в гавани Упсло. Пробыв несколько месяцев в Копенгагене, он отплыл вместе со своей юной невестой и благополучно прибыл в Лейт 1 мая 1590 года, пережив самое бурное плавание и едва не потерпев крушение. Как только об аресте Гелли Дункан и Фиана стало известно в Шотландии, все, кто претендовал на осведомленность, заявили, что эти ведьмы и их сообщники с помощью дьявольских средств подняли бурю, которая поставила под угрозу жизнь короля и королевы. Гелли во время пыток призналась, что так оно и было, и все королевство с ужасом и открытым ртом ждало подтверждения, которое должно было дать судебное разбирательство.

Агнесс Сэмпсон, "серьезная и похожая на матрону" ведьма, которую Гелли Дункан обвинила в , была подвергнута ужасным пыткам *пиллиунки*. Не промучившись и часа, она выложила все секреты сестринского братства и призналась, что Гелли Дункан, д-р Фиан, Мэриан Линкап, Эуфемия Макалзеан, она сама и еще около двухсот ведьм и колдунов собирались в полночь в кирхе Северного Бервика, где встречались с дьяволом; что они замыслили там покушение на жизнь короля; Что их подстрекал к этому сам старый изверг, который с громогласной клятвой утверждал , что Яков - самый большой его враг и что не будет детям дьявола покоя на земле, пока от него не избавятся; что дьявол в таких случаях всегда любит немного помузицировать, и что Гелли Дункан обычно играл перед ним на трубе или еврейской арфе, под которую танцевали все ведьмы.

Джеймсу очень польстила мысль о том, что дьявол сказал, что он - самый большой его враг. Он послал за Гелли Дункан во дворец и заставил ее сыграть перед ним тот же барабан, который она играла на танцах ведьм в кирке.

ПЫТКА САПОГАМИ.

Доктор Фиан, или, скорее, Каннингем, мелкий школьный учитель из Транента, был подвергнут пыткам среди остальных. Это был человек, который вел бесславную жизнь, занимался изготовлением и продажей ядов, а также претендовал на магию. Хотя он и не был виновен в нелепых преступлениях, которые ему вменяли, нет сомнений, что он был колдуном по воле, хотя и не на деле, и что он заслужил все те страдания, которые ему пришлось пережить. Когда его посадили на дыбу, он ни в чем не признался и так долго держался, что было решено применить жестокую пытку *сапогами*. Он терпел до тех пор, пока измученная природа не выдержала, и тогда бесчувствие любезно пришло ему на помощь. Когда стало ясно, что он совершенно бессилен, а его язык прилип к крыше рта, его отпустили. Ввели восстанавливающие средства, и во время первого слабого проблеска возвращающегося

сознания убедили его подписать, пока он еще не понимал, что делает, полное признание, в строгом соответствии с признаниями Гелли Дункан и Агнес Сэмпсон. После этого его поместили в тюрьму, из которой через два дня ему удалось бежать тем или иным способом. Вскоре он был пойман и предстал перед Судебным судом, где присутствовал сам Джеймс. Теперь Фиан отрицал все обстоятельства письменного признания, которое он подписал; тогда король, разгневанный его "упрямым своеволием", приказал снова подвергнуть его пытке. Ему вырывали ногти на пальцах щипцами, втыкали длинные иглы до самых глаз, но он не поморщился. Тогда его снова посадили в *сапоги*, в которых, как говорится в опубликованном в то время [памфлете](#)³⁰, он пробыл "так долго и перенес столько ударов, что его ноги были раздавлены и сбиты вместе настолько, насколько это было возможно, а кости и плоть так измяты, что кровь и костный мозг вытекали в большом количестве, и таким образом они навсегда пришли в негодность".

Удивительное сходство признаний всех причастных к этому процессу лиц уже не раз отмечалось. Похоже, что они действительно пытались вызвать смерть царя своими заклинаниями и колдовством. Фиан, который был знаком со всеми обычными уловками своей профессии, обманул их притворными явлениями, так что многие из них были действительно убеждены, что видели дьявола. Суть их признаний сводилась к следующему:

Сатана, который, конечно же, был большим врагом реформаторской религии, был встревожен тем, что король Яков женится на протестантской принцессе. Чтобы предотвратить последствия для царства зла, он решил покончить с королем и его невестой, подняв бурю во время их путешествия домой. Прежде всего сатана напустил на воды густой туман, надеясь, что в темноте королевское судно может застрять на берегу. Но это не удалось, и доктору Фиану, который благодаря своей учености был возведен в сан секретаря дьявола, было велено созвать всех ведьм для встречи со своим господином, каждая из которых отправилась на решетке в открытое море.

В канун Хэллоума они собрались в количестве около двухсот человек, включая Гелли Дункан, Агнес Сэмпсон, Эуфемию Макалзеан, некую Барбару Напьер и нескольких колдунов; и, усевшись в решето или сито, они отправились "по океану весьма основательно". Проплыв некоторое время, они встретились с извергом, который нес в когтях кошку, предварительно девять раз проведенную через огонь. Он передал ее одному из колдунов, велел бросить в море и крикнуть "Hola!". Это было сделано со всей торжественностью, и тут же океан затрясся, воды громко зашипели, а волны поднялись на целые горы,

"Вскидывая руки к темно-красным небесам".

Ведьмы галантно проплыли сквозь поднятую ими бурю и, высадившись на побережье Шотландии, взяли в руки свои сита и процессией направились к призрачному кирху в Северном Бервике, где дьявол решил провести проповедь. Гелли Дункан, музыкантша, шагала впереди, играя на своей еврейской арфе и напевая,

"Каммер, иди раньше, каммер, иди;

Если вы не хотите идти раньше, то позвольте мне!"

Прибыв к кирхе, они зашагали вокруг нее *взад-вперед*, то есть в обратном направлении по отношению к видимому движению солнца. Затем доктор Фиан подул в замочную скважину двери, которая тут же открылась, и все ведьмы вошли внутрь. Поскольку было совсем темно, Фиан дунул ртом на свечи, которые тут же зажглись, и на кафедре появился дьявол. Он был одет в черную мантию и шляпу, и ведьмы приветствовали его возгласами "Всем привет,

господин!". Его тело было твердым, как железо, лицо ужасным, нос - как клюв орла, у него были большие горящие глаза, руки и ноги волосатые, на руках и ногах длинные когти, а говорил он очень грубым голосом. Прежде чем начать проповедь, он назвал имена своих прихожан и спросил, хорошо ли они служили и какой успех сопутствовал их действиям, направленным против жизни короля и его невесты.

Грей Мейл, старый сумасшедший колдун, исполнявший обязанности сторожа, был достаточно глуп, чтобы ответить, "что королю пока ничего не угрожает, слава Богу", после чего дьявол в ярости сошел с кафедры и заткнул ему уши. Затем он снова взошел на кафедру и начал проповедь, приказывая им быть ему послушными слугами и делать все возможное зло. Евфимия Макалзеан и Агнес Сэмпсон, смелее остальных, спросили его, не принес ли он с собой образ или изображение короля Якова, чтобы, уколов его, вызвать у него боли и болезни. "Отец лжи" в кои-то веки сказал правду и признался, что забыл об этом, на что Евфимия Макалзеан громко упрекнула его за беспечность. Дьявол, однако, отнесся ко всему этому спокойно, хотя Агнес Сэмпсон и несколько других женщин тут же распустили на него языки. Когда они закончили браниться, он пригласил их всех на грандиозное развлечение. Был выкопан и поделен между ними свежепогребенный труп, и это было все, что у них было из съестного. В отношении выпивки он был более либерален и дал им столько отличного вина, что они вскоре повеселели. Затем Гелли Дункан заиграла на своей трубе старую мелодию, а сам дьявол пустился в пляс вместе с Эуфемией Макалзеан. Так они продолжали забавляться до петушиного крика.

ДЖЕЙМС ДЕМОНОЛОГ.

Агнес Сэмпсон, мудрая женщина из Кейта, как ее называли, добавила к своему признанию еще несколько подробностей. Она заявила, что в прошлом она подняла страшную бурю в море, бросив в него кошку, к ногам которой были привязаны четыре мужских сустава. Она также сказала, что во время своей грандиозной попытки утопить короля Якова они встретили дьявола не после плавания, но что он сопровождал их с самого начала, и что она смутно видела его вдали, катящегося перед ними по огромным волнам, по форме и размерам не отличающегося от огромного стога сена. Они встретили чужеземный корабль, богато нагруженный винами и прочим добром, взошли на него и утонули, выпив все вино и изрядно повеселившись.

Некоторые из этих разоблачений оказались слишком сильными даже для обильной веры короля Якова, и он не раз восклицал, что ведьмы были, как и их хозяин, "крайними лиарами". Но они признались и во многих других вещах, не столь абсурдных, в которых, несомненно, действительно были виновны. Агнес Сэмпсон сказала, что должна была лишить короля жизни, помазав его белье сильным ядом. Гелли Дункан угрожала своим соседям, говоря, что

пошлет за ними дьявола; и многие люди со слабым умом, чем обычно, были напуганы ею до припадков и стали подвластны им до конца жизни. Доктор Фиан также не гнушался содействовать убийству и избавлял от врага с помощью яда любого человека, который мог заплатить ему за это вознаграждение. Евфимия Макалзеан также была далеко не чиста. Несомненно, она замышляла смерть короля и использовала для этого такие средства, какие предписывали суеверия эпохи. Она была преданной сторонницей Ботвелла, которого многие ведьмы обвиняли в том, что он советовался с ними о сроках смерти короля. Все они были признаны виновными и приговорены к повешению и сожжению. Барбара Напьер, хотя и была признана виновной по другим пунктам, была оправдана по обвинению в том, что присутствовала на великом собрании ведьм в кирхе Бервика. Король был крайне недоволен и пригрозил, что обвинит присяжных в умышленной ошибке при рассмотрении дела. Они пересмотрели свой вердикт и сдались на милость короля за совершенную ими ошибку. Яков остался доволен, и Барбара Напьер была повешена вместе с Гелли Дункан, Агнес Сэмпсон, доктором Фианом и еще пятьюдесятью другими. Эуфимию Макалзеан постигла более тяжелая участь. Ее связь с дерзким и несносным Ботвеллом, а также участие в отравлении одного или двух человек, вставших на ее пути, были сочтены заслуживающими самого сурового наказания, какое только мог вынести закон. Вместо обычного приговора, предписывающего сначала задушить преступника, а затем сжечь его, несчастная женщина была обречена "быть привязанной к колу и сгореть в пепле, *быстро* и до смерти". Этот жестокий приговор был приведен в исполнение 25 июня 1591 года.

Эти судебные процессы имели самые пагубные последствия по всей Шотландии. Лэрды и министры в своих округах, вооруженные должной властью от Тайного совета, судили и осуждали старых женщин самым жестоким образом. Больше всего пострадали те, кто все еще придерживался древней веры Рима, поскольку после разоблачения лютой вражды, которую дьявол питал к королю-протестанту и его жене-протестантке, считалось, что все католики вступили в союз с силами зла, чтобы причинить горе королевству Шотландии. По самым скромным подсчетам, предполагается, что с момента принятия акта королевой Марией и до восшествия Якова на английский престол, то есть в течение тридцати девяти лет, среднее число казней за колдовство в Шотландии составляло двести в год, или в общей сложности до семнадцати тысяч. В течение первых девяти лет это число не было и на четверть таким большим, но в период с 1590 по 1593 год оно должно было превышать четыреста человек. Приведенное выше дело было необычным. Общий аспект судебных процессов будет лучше виден из дела Изабель Гоуди, которое, поскольку было бы утомительно и отвратительно перечислять их все, приводится в качестве примера, хотя оно произошло несколько позже правления Якова. Эта женщина, измученная гонениями соседей, добровольно отдала себя в руки правосудия и сделала признание, воплотившее в себе все ведьмовские наветы того времени. Она, несомненно, была мономанкой самого необычного типа. Она заявила, что заслуживает того, чтобы ее растянули на железной дыбе, и что ее преступления никогда не смогут быть искуплены, даже если ее разорвут на части дикие лошади. Она назвала длинный список своих сообщников, среди которых было около пятидесяти женщин и несколько колдунов. Они раскапывали могилы некрещеных младенцев, чьи конечности пригодились им в их чарах. Когда они хотели уничтожить урожай врага, то привязывали жаб к его плугу, а на следующую ночь сам Сатана вспахивал землю своей упряжкой и взрывал ее на весь сезон. Ведьмы могли принимать практически любой облик, но обычно они выбирали облик кошки или зайца, чаще всего последнего. Изабель рассказывала, что однажды, когда она была в таком обличье, на нее набросилась свора гончих, и ей очень трудно было спасти свою жизнь. Наконец она добралась до собственной двери, чувствуя на себе горячее дыхание преследующих ее собак. Однако ей удалось

спрятаться за сундуком и успеть произнести волшебные слова, которые только и могли вернуть ей прежнюю форму. Это были:

"Заяц! Заяц!

Господи, пошли тебе заботу!

Сейчас я в заячьем обличье;

Но я стану женщиной в скором времени!

Заяц! Заяц!

Да пошлет тебе Бог заботу!"

Если ведьм в таком облике кусали собаки, они всегда оставляли следы в человеческом облике; но она никогда не слышала, чтобы ведьму укусили до смерти. Когда дьявол назначал какое-либо общее собрание ведьм, по обычаю, они должны были передвигаться по воздуху на метлах или на кукурузных или бобовых соломинках, произнося на ходу:

"Лошадь и Патток, лошадь и вперед,

Конь и пеллаты, хо! хо! хо! хо!".

Обычно они оставляли после себя метлу или трехногую табуретку, которая, будучи положена в их постель и должным образом зачарована, принимала человеческий облик до их возвращения. Это делалось для того, чтобы соседи не узнали об их отсутствии.

Она добавила, что дьявол снабдил своих любимых ведьм слугами-импами, чтобы те присматривали за ними. Этих импов называли "Ревущий лев", "Адский вор", "Ждущий себя", "Разглагольствующий ревнитель", "Заботящийся о ничтожестве" и т. д., и они были известны по своей печени, которая обычно была желтой, печально-дурной, морско-зеленой, горохово-зеленой или травянисто-зеленой. Сатана никогда не называл ведьм по именам, которые они получили при крещении; в его присутствии им также не разрешалось так называть друг друга. Такое нарушение адского этикета, несомненно, навлекло на него самое суровое неудовольствие. Но так как какие-то обозначения были необходимы, он перекрестил их в их собственной крови, назвав "Способный и Стаут", "Переживающий за себя", "Поднимающий ветер", "Огурчик ближе всех к ветру", "Отбивающийся вниз Магги", "Дующий Кейл" и тому подобное. Сам дьявол не очень-то следил за тем, каким именем его называют, так что это был не "Черный Джон". Если какая-нибудь ведьма была настолько безрассудна, что произносила эти слова, он бросался на нее, нещадно бил и избивал, а то и разрывал шерстяной картой ее плоть. Другие имена его не волновали; однажды он дал одному знатному колдуну указание, чтобы тот, когда ему понадобится его помощь, трижды ударил по земле и воскликнул: "Встань, поганный вор!"

СЭР Г. МАККЕНЗИ.

На основании этого признания было казнено множество людей. Народные чувства были настолько сильны, что ни один человек, обвиненный в колдовстве, не был оправдан; по крайней мере, оправдательные приговоры не составляли в среднем одного из ста процессов. Поиск ведьм, или колдовство, стало ремеслом, и по стране бродили наемные бродяги, снабженные длинными булавками для втыкания в плоть предполагаемых преступников. Ни тогда, ни сейчас не было ничего необычного в том, что у пожилых людей на теле должно быть какое-то место, полностью лишенное чувств. Целью колдуна было обнаружить это место, и несчастная, у которой при уколе в него не пошла кровь, была обречена на смерть. Если ее сразу же не бросали в тюрьму, ее жизнь становилась несчастной из-за преследований соседей. О многих бедных женщинах рассказывают, что раздражение, которое они испытывали при этом, было настолько сильным, что они предпочитали смерть. Сэр Джордж Маккензи, лорд-адвокат в те времена, когда суды над ведьмами были так часты, и сам благочестиво веривший в это преступление, приводит в своем "Уголовном праве", впервые опубликованном в 1678 году, несколько примечательных примеров этого. Он говорит: "Когда я был замом судьи, я отправился осматривать нескольких женщин, которые признались в этом в судебном порядке; И одна из них, глупая, сказала мне по секрету, что призналась не потому, что была виновна, а потому, что, будучи бедной, работающей ради пропитания, и будучи оклеветанной в ведьму, она знала, что ей придется голодать, ибо никто впредь не даст ей ни мяса, ни жилья, и что все люди будут бить ее и натравливать на нее собак, и что поэтому она хотела бы уйти из мира; После этого она заплакала самым горьким образом и на коленях призвала Бога в свидетели того, что она сказала." Сэр Джордж, хотя и не возвысился полностью над предрассудками своей эпохи в этом вопросе, был достаточно дальновиден, чтобы увидеть опасность для общества от чрезмерного поощрения преследований ведьм. Он был убежден, что три четверти из них были несправедливыми и необоснованными. В уже цитировавшейся работе он говорит, что обвиняемыми в этом преступлении были в основном бедные невежественные мужчины и женщины, которые не понимали сути обвинения и принимали свои суеверные страхи за колдовство. Один несчастный, ткач, признался, что он колдун, и, когда его спросили, почему, он ответил, что "видел, как дьявол танцует, как муха, вокруг свечи!". Одна простая женщина, которая, поскольку ее называли ведьмой, верила, что она ею является, спросила судью на скамье подсудимых, может ли человек быть ведьмой и не знать об этом? Сэр Джордж добавляет, что все предполагаемые преступники подвергались в тюрьме жестоким пыткам со стороны своих тюремщиков, которые считали, что оказывают услугу Богу, досаждая и мучая их; "и я знаю, - говорит этот гуманный и просвещенный судья, - что это

использование послужило основанием для всех их признаний; И хотя бедные злоумышленники не могут доказать это обыкновение, единственными свидетелями которого являются действующие лица, судья должен ревностно относиться к нему, как к тому, что сначала вызвало признание, и из страха перед которым они не смеют от него отказаться".

Другой автор³¹, также твердо верящий в колдовство, приводит еще более прискорбный пример женщины, которая предпочла казнь как ведьма, чем жить под этим обвинением. Эта женщина, зная, что еще три человека должны были быть задушены и сожжены в ранний день, послала за приходским священником и призналась, что продала свою душу сатане. "После этого ее вызвали к судьям и приговорили к смерти вместе с остальными. Когда ее повели к месту казни, она молчала во время первой, второй и третьей молитвы, а затем, поняв, что не остается ничего другого, как встать и пойти на кол, подняла свое тело и громким голосом воскликнула: "Все, кто видит меня сегодня, знайте, что я должна умереть как ведьма, свое собственное признание; и я освобождаю всех людей, особенно священников и магистратов, от вины за мою кровь. Я беру ее полностью на себя. Пусть моя кровь будет на моей собственной голове. И, поскольку мне предстоит держать ответ перед Богом Небесным, я заявляю, что свободна от колдовства, как и любой ребенок. Но, будучи обольщенной злобной женщиной и посаженной в тюрьму под именем ведьмы, отрекшись от мужа и друзей и не видя никаких оснований для надежды когда-нибудь выйти на свободу, я сделала это признание, чтобы погубить свою собственную жизнь, будучи усталой от нее и предпочитая скорее умереть, чем жить". В доказательство необыкновенного упрямства и слепоты верующих в ведьм можно привести тот факт, что священник, рассказавший эту историю, увидел в предсмертной речи несчастной женщины лишь дополнительное доказательство того, что она была ведьмой. Действительно, верно, что "никто так не слеп, как те, кто не хочет видеть".

Однако пора вернуться к Якову VI, который по праву может разделить с папой Иннокентием, Шпренгером, Бодинусом и Мэтью Хопкинсом славу или одиозность того, что он был одновременно главным врагом и главным поощрителем колдовства. К концу шестнадцатого века многие ученые мужи, как на континенте, так и на островах Британии, пытались разубедить общественное мнение в этом вопросе. Самыми известными из них были Виерус в Германии, Пьетро д'Апоне в Италии и Реджинальд Скот в Англии. Их работы привлекли внимание ревностного Джеймса, который, помня о невольном комплименте, который его заслуги вырвали у дьявола, стремился заслужить его, продолжая оставаться "его величайшим врагом". В 1597 году он опубликовал в Эдинбурге свой знаменитый трактат "Демонология". О его замысле можно судить по следующему отрывку из введения: "Страшное изобилие, - говорит король, - в это время и в этой стране этих отвратительных рабов дьявола, ведьм или колдунов, побудило меня, возлюбленный читатель, отправить по почте этот мой трактат, не для того, чтобы, как я утверждаю, показать свою образованность и изобретательность, но только (движимый совестью) для того, чтобы таким образом, насколько могу, убедить сомневающиеся сердца многих, что такие нападения сатаны несомненно практикуются, и что орудие их заслуживает самого сурового наказания, вопреки проклятым мнениям двух, главным образом в наш век; Один из них, по имени Шотландец, англичанин, не стесняется в печати отрицать, что может существовать такая вещь, как колдовство, и таким образом поддерживает старую ошибку саддукеев, отрицая духов. Другой, по имени Виерус, немецкий врач, излагает публичную апологию всех этих ремесленников, причем, обеспечивая им безнаказанность, он явно выдает себя за представителя этой профессии". В других частях этого трактата, который автор переложил в форму диалога, чтобы "сделать его более приятным и легким", он говорит: "Ведьмы должны быть преданы смерти, согласно закону Божьему, гражданскому и имперскому закону, а также муниципальному праву всех христианских народов: Да, щадить жизнь и не поражать

того, кого Бог велит поразить и сурово наказать за столь одиозную измену Богу, не только незаконно, но и, несомненно, столь же большой грех для магистрата, как и то, что Саул пощадил Агага." Он также говорит, что преступление настолько отвратительно, что его можно доказать с помощью доказательств, которые не были бы получены против любых других преступников, - малолетние дети, не знающие природы клятвы, и люди с позорным характером являются достаточными свидетелями против них; но чтобы не обвинять невиновных в преступлении, которое так трудно оправдать, он рекомендует во всех случаях прибегать к испытанию. Он говорит: "Можно использовать два хороших средства: один - найти их след и проверить его неуязвимость; Другой - их плавание на воде, - ибо, как при тайном убийстве, если мертвая туша впоследствии окажется в руках убийцы, из нее хлынет кровь, как будто кровь взывает к небесам о мести убийце (Бог назначил этот тайный сверхъестественный знак для суда над этим тайным противоестественным преступлением), Так что, похоже, Бог назначил (в качестве сверхъестественного знака чудовищной нечестивости ведьм), чтобы вода отказалась принять в свое лоно тех, кто стряхнул с себя священную воду крещения и сознательно отказался от ее блага; - нет, не настолько, чтобы их глаза были способны проливать слезы (угрожайте и пытайте их, как хотите), пока они сначала раскаиваются (Бог не позволяет им скрывать свое упрямство в столь ужасном преступлении); хотя, особенно женский род, в остальном они способны проливать слезы при каждом удобном случае, когда им вздумается, да, хотя и распускаясь, как крокодилы."

ПЬЕТРО Д'АПОНЕ.

Когда подобные доктрины открыто провозглашались высшей властью в королевстве, и кто, провозглашая их, льстил, но не принуждал к общественному мнению, неудивительно, что печальное заблуждение должно было расти и множиться, пока род волшебников и ведьм не пополнил землю. Репутацию, которую он потерял, испугавшись обнаженного меча, он с лихвой восстановил благодаря своей смелости в борьбе с дьяволом. Кирка показала себя самым ревностным коадьютором, особенно в те благодатные дни, когда она не спорила с королем по другим вопросам доктрины и прерогатив.

Вступив на престол Англии в 1603 году, Яков оказался среди людей, которые с восхищением слышали о его славных деяниях против ведьм. Сам он не оставил после себя ни капли древних предрассудков, и его приход стал сигналом к тому, что гонения вспыхнули в Англии с такой же яростью, как и в Шотландии. В последние годы правления Елизаветы оно немного затихло, но первый же парламент короля Якова поднял эту тему. Яков был польщен их

оперативностью, и закон был принят в 1604 году. При втором чтении в Палате лордов законопроект перешел в комитет, в котором было двенадцать епископов. В нем говорилось: "Если кто-либо будет использовать, практиковать или осуществлять колдовство любого злого или недоброго духа, или будет советоваться, заключать договор или кормить любого такого духа, то за первое преступление полагается тюремное заключение на год и пребывание на столбе раз в квартал; за второе преступление - смерть".

Это незначительное наказание, похоже, применялось крайне редко. Во всех сохранившихся записях упоминается, что ведьм вешали и сжигали, или сжигали, без предварительного удушения, "живьем и быстро". На протяжении всего правления Якова, во время гражданских войн его преемника, правления Долгого парламента, узурпации Кромвеля и правления Карла II, гонения не ослабевали. Если в какое-то время оно и бушевало с меньшей яростью, то только когда хозяевами были Кромвель и индипенденты. Доктор Закари Грей, редактор издания "Гудибраса", сообщает нам в примечании к этой работе, что он сам ознакомился со списком из трех тысяч ведьм, которые были казнены только во времена Долгого парламента. В течение первых восьмидесяти лет семнадцатого века число казненных оценивалось в пятьсот человек в год, что в общей сложности составляет сорок тысяч. Некоторые из этих дел заслуживают того, чтобы их привести. Подавляющее большинство из них очень похожи на уже упомянутые; но два или три из них позволяют по-новому взглянуть на народное суеверие.

Все слышали о "ланкаширских ведьмах" - фраза, которую сейчас используют для комплимента дамам этого графства за их завораживающую красоту; но не все слышали историю, в которой она зародилась. Главным действующим лицом трагедии был злодейский мальчик по имени Робинсон. Спустя много лет он признался, что отец и другие люди подговорили его дать ложные показания против несчастных ведьм, которых он привел на костер. Время проведения этого знаменитого процесса - 1634 год. Мальчик Робинсон, чей отец был дровосеком и жил на границе Пендлского леса в Ланкашире, распространял за границей множество слухов о некой матушке Дикенсон, которую он обвинял в том, что она ведьма. Эти слухи дошли до ушей местной магистратуры, за мальчиком послали и строго допросили. Он рассказал следующую необычную историю без колебаний и пререканий, причем так открыто и честно, что никто из слушавших его не усомнился в ее правдивости. По его словам, когда он бродил по одной из лесных полян, развлекаясь сбором ежевики, он увидел перед собой двух борзых, которые, как он тогда подумал, принадлежали какому-то джентльмену, живущему по соседству. Любя спорт, он предложил устроить состязания; пустив зайца, он подстрекнул гончих к бегу. Ни одна из них не сдвинулась с места. Рассердившись на зверей, он схватил рубильник, которым собирался наказать их, как вдруг один из них предстал в образе женщины, а другой - маленького мальчика. Он сразу же узнал в женщине ведьму Мать Дикенсон. Она предложила ему немного денег, чтобы склонить его продать душу дьяволу, но он отказался. Тогда она достала из кармана уздечку и, покачав ею над головой другого мальчика, мгновенно превратила его в лошадь. Матушка Дикенсон подхватила его на руки, вскочила на коня и, поставив его перед собой, понеслась с быстротой ветра через леса, поля, болота и реки, пока они не подъехали к большому амбару. Ведьма остановилась у дверей и, взяв его за руку, повела внутрь. Там он увидел семь старух, которые тянули за семь недоуздов, свисавших с крыши. Когда они тянули, из них на пол падали большие куски мяса, куски масла, буханки хлеба, тазы с молоком, горячие пудинги, черные пудинги и другие деревенские лакомства. Занимаясь этим, они корчили такие уродливые рожи и выглядели так по-звериному, что он совсем перепугался. Наловив таким образом достаточно для обильного пиршества, они уселись и, что бы ни говорили о способе добывания ужина, показали, что их эпикуризм несколько изысканнее, чем у шотландских ведьм, которые, по признанию Гелли Дункан, пировали на плоти мертвецов в старом кирхе

Бервика. Мальчик добавил, что, как только ужин был готов, многие другие ведьмы пришли, чтобы принять в нем участие, и он назвал нескольких из них.

Вследствие этого рассказа было арестовано множество людей, а мальчика Робинсона водили от церкви к церкви, чтобы он мог указать офицерам, которые его сопровождали, на ведьм, которых он видел в амбаре. В общей сложности в тюрьму бросили около двадцати человек; восемь из них, включая мать Дикенсон, были приговорены к смерти только на основании этих показаний и казнены соответствующим образом. Среди несчастных, сочинивших эту примечательную историю, ни один не был привлечен к ответственности за лжесвидетельство, а Робинсон, отец, получил значительные суммы, угрожая людям, которые были достаточно богаты, чтобы откупиться от разоблачения.

Среди злодеев, процветавших во время долгих раздоров гражданской войны, выделяется Мэтью Хопкинс, охотник за ведьмами. Этот вульгарный парень жил в 1644 году в городке Маннингтри в Эссексе и отличился тем, что обнаружил дьявольские метки на нескольких несчастных ведьмах. Благодарность, которую он получил благодаря своему мастерству в этом деле, похоже, вдохновила его на новые усилия. В течение очень короткого времени, когда в Эссексе заходила речь о ведьме, Мэтью Хопкинс обязательно присутствовал на процессе, помогая судьям своими знаниями о "таких скотах", как он их называл. По мере того как его репутация росла, он принял титул "генерального сыщика ведьм" и отправился в путешествие по графствам Норфолк, Эссекс, Хантингдон и Сассекс с единственной целью - найти ведьм. За год он привел шестьдесят несчастных существ на костер. В качестве теста он обычно использовал плавание, которое так рекомендовал король Яков в своей "Демонологии". Руки и ноги подозреваемых связывали крест-накрест, большой палец правой руки к пальцу левой ноги, и *наоборот*. Затем их заворачивали в большую простыню или одеяло и клали на спину в пруд или реку. Если они тонули, их друзья и родственники получали слабое утешение, зная, что они невиновны; но на этом все заканчивалось: если они всплывали, что обычно случалось, когда их осторожно клали на воду, то на этом тоже все заканчивалось, поскольку их считали виновными в колдовстве и соответственно сжигали.

Другим испытанием было заставить их повторить молитву Господню и вероучение. Утверждалось, что ни одна ведьма не сможет сделать это правильно. Если она пропускала хоть одно слово или произносила его бессвязно, что в ее трепете было вполне вероятно, ее считали виновной. Считалось, что ведьмы не могут выплакать более трех слез, да и те только из левого глаза. Таким образом, сознательная невиновность многих людей, которая позволяла им стойко переносить незаслуженные пытки, не дрогнув, была истолкована их немилосердными мучителями как доказательство вины. В некоторых районах прибегали к проверке: взвешивали преступницу на церковной Библии. Если подозреваемая ведьма оказывалась тяжелее Библии, ее отпускали на свободу. Этот способ был слишком гуманным для охотников за ведьмами по профессии. Хопкинс всегда утверждал, что самыми законными способами являются укалывание и купание.

Хопкинс путешествовал по своим графствам как человек, заслуживающий внимания, в сопровождении двух своих помощников, всегда останавливаясь в главном трактире того или иного места и всегда за счет властей. Его расходы составляли двадцать шиллингов за город, а также расходы на проживание и проезд туда и обратно. Он требовал их независимо от того, находил он ведьм или нет. Если же он их находил, то требовал по двадцать шиллингов за голову в дополнение, когда их приводили на казнь. Около трех лет он занимался этим позорным ремеслом, и успех сделал его настолько наглым и хищным, что врагами его стали все и вся. Преподобный мистер Галл, священнослужитель из Хоутона в Хантингдоншире, написал памфлет, в котором опроверг его притязания и обвинил в том, что он - обычная

неприятность. Хопкинс ответил на это гневным письмом, адресованным служителям Хоутона, в котором сообщил о своем намерении посетить их город, но пожелал узнать, много ли в нем таких приверженцев колдовства, как мистер Галл, и готовы ли они принять и развлечь его с обычным гостеприимством, если он окажет им такую честь. В качестве угрозы он добавил, что если не получит удовлетворительного ответа, то "полностью откажется от их графства и отправится в такие места, где он сможет творить и наказывать не только без контроля, но и с благодарностью и вознаграждением". Власти Хоутона не были сильно встревожены этой ужасной угрозой оставить их в покое. Они очень мудро не обратили внимания ни на него, ни на его письмо.

Мистер Галл описывает в своем памфлете один из способов, использованных Хопкинсом, который должен был значительно увеличить его доходы. Это было доказательство еще более зверское, чем плавание. Он говорит, что "Главный охотник за ведьмами" обычно брал подозреваемую ведьму и сажал ее посреди комнаты на табурет или стол, скрестив ноги, или в какую-нибудь другую неудобную позу. Если она отказывалась сидеть таким образом, ее связывали крепкими веревками. Затем Хопкинс поставил людей, которые должны были наблюдать за ней в течение четырех с половиной часов, и все это время она должна была оставаться без мяса и питья. Предполагалось, что в этот промежуток времени к ней придет один из ее импов и высосет ее кровь. Так как имп мог прийти в виде осы, моли, мухи или другого насекомого, в двери или окне проделывали отверстие, чтобы он мог проникнуть внутрь. Наблюдателям приказывали внимательно смотреть по сторонам и стараться убить любое насекомое, появившееся в комнате. Если какая-нибудь муха вылетала, и они не могли ее убить, то женщина была виновна; муха была ее сообщницей, и ее приговаривали к сожжению, а двадцать шиллингов шли в карманы мастера Хопкинса. Таким образом он заставил одну старуху признаться, что, поскольку в комнате появились четыре мухи, ее посещали четыре импа, которых звали "Илемазар", "Пье-ваккет", "Пек-в-короне" и "Гризель-Гредигут".

МЭТЬЮ ХОПКИНС.[32](#)

Утешительно думать, что этот самозванец погиб в своей собственной ловушке. Разоблачение мистера Галла и его собственная хитрость ослабили его влияние среди магистратов, а население, которое стало понимать, что даже самые добродетельные и невинные не защищены от его преследований, смотрело на него с нескрываемой неприязнью. В одной из деревень в Саффолке его окружила толпа и обвинила в том, что он сам является волшебником. Против него выдвинули старое обвинение, что он с помощью колдовства выманил у дьявола некую записную книжку, в которую он, Сатана, вписал имена всех ведьм в Англии. "Таким образом, - говорили люди, - вы вычисляете ведьм не с помощью Бога, а с помощью дьявола". Напрасно он отрицал свою вину. Народ жаждал испытать его на прочность. Его быстро раздели, связали большие пальцы рук и ног. Затем его завернули в одеяло и бросили в пруд. Некоторые говорят, что он плавал, и что его вытащили, судили и казнили, не найдя других доказательств его вины. Другие утверждают, что его утопили. Одно можно сказать точно: с ним было покончено. Поскольку ни в одном реестре нет записи о его суде и казни, наиболее вероятно, что он погиб от рук толпы. Батлер увековечил этого негодяя в следующих строках своего "Гудибраса":

"Не нынешний ли парламент

A lieger to the devil sent,

Полностью уполномоченный заниматься

Выискивать восставших ведьм?

И не он ли в течение года

Не повесил три десятка из них в одном графстве?

Одних только за то, что не утонули,

А некоторые за то, что сидели над землей

Целые дни и ночи на своих штанах,

и чувствовали боль, были повешены за ведьм;

А некоторых за то, что они устраивали коварные фокусы

над зелеными гусями или птенцами индейки;

Или свиней, которые внезапно умерли

От горя неестественного, как он догадывался;

Который в конце концов оказался ведьмой,

И сделал жезл для своей груди".

В Шотландии поиск ведьм также превратился в ремесло. Их называли "обычными колющими", и, как и Хопкинс, они получали плату за каждую обнаруженную ведьму. На суде над Джанет Пистон в 1646 году магистраты Далкейта "вызвали Джона Кинкейда из Транента, обычного колющего, чтобы он применил к ней свое ремесло. Он обнаружил две отметины, сделанные дьяволом, поскольку она не чувствовала булавку, когда ее вводили в одну из указанных отметин, и отметины не кровоточили, когда булавку снова вынимали. Когда ее спросили, куда, по ее мнению, были воткнуты булавки, она указала на часть своего тела, удаленную от настоящего места. Это были булавки длиной в три дюйма" [33](#).

В конце концов эти обычные колючки стали настолько многочисленными, что их стали считать помехой. Судьи отказывались принимать их показания, а в 1678 году Тайный совет Шотландии снизошел до рассмотрения жалобы честной женщины, которую один из них непристойно обнажил, и выразил мнение, что обычные колючки - это обычные мошенники.

Но такое мнение сформировалось в высшем свете не раньше, чем сотни невинных людей стали их жертвами. Парламенты поощряли это заблуждение как в Англии, так и в Шотландии; вооружив этих парней своего рода авторитетом, они в некотором роде заставили магистратов и министров принимать их показания. Судьба одного бедного старого джентльмена, ставшего жертвой искусства Хопкинса в 1646 году, заслуживает того, чтобы о ней рассказать. Мистер Луис, почтенный священнослужитель, старше семидесяти лет, который в течение пятидесяти лет был настоятелем Фрамлингема в Саффолке, вызвал подозрение в том, что он волшебник. Будучи ярым роялистом, он не мог встретить сочувствия в то время; и даже его собственные прихожане, которым он служил так долго и так преданно, отвернулись от него, как только его обвинили. Попав в руки Хопкинса, который так хорошо знал, как привести несговорчивого к исповеди, старик, свет интеллекта которого несколько потускнел от возраста, признался, что он волшебник. Он сказал, что у него есть два импа, которые постоянно побуждают его творить зло, и что однажды, когда он гулял по берегу моря, один из них побудил его высказать пожелание, чтобы корабль, паруса которого виднелись вдали, утонул. Он согласился и увидел, как судно тонет на его глазах. На основании этого признания его судили и осудили. На суде пламя разума горело так же ярко, как и прежде. Он отрицал все, что против него выдвигали, а Хопкинс подвергся перекрестному допросу с большим тактом и суровостью. После осуждения он попросил,

чтобы по нему прочитали церковную заупокойную службу . В просьбе ему было отказано, и он повторял ее по памяти, когда его вели на эшафот.

Бедная женщина в Шотландии была казнена на основании доказательств, еще менее веских, чем эти. Джон Бэйн, обычный колюнщик, поклялся, что, проходя мимо ее двери, он услышал, как она разговаривает с дьяволом. В защиту она сказала, что это была глупая практика - разговаривать с самой собой, и несколько ее соседей подтвердили ее слова; но было принято свидетельство колющего. Он поклялся, что никто из тех, кто не был ведьмой, никогда не говорил сам с собой. На ней была найдена дьявольская метка, дополнительное свидетельство ее вины было сочтено убедительным, и она была "осуждена и сожжена".

С 1652 по 1682 год число таких процессов ежегодно уменьшалось, а оправдательные приговоры были уже не так редки, как раньше. Сомневаться в колдовстве больше не было опасно. Перед сельскими судьями еще продолжали выносить приговоры на основании самых абсурдных доказательств; но когда судьям земли приходилось выносить обвинение присяжным, они придерживались более гуманного и философского взгляда. Постепенно образованные слои населения (в те времена они входили в очень узкие рамки) открыто выражали свое неверие в современное колдовство, хотя и не были настолько смелы, чтобы полностью отрицать его существование. Между ними и приверженцами старой доктрины начались ожесточенные споры, и скептики были названы саддукеями. Чтобы убедить их, ученый и преподобный Джозеф Гланвил написал свою известную работу "Триумфатор саддукизма" и "Собрание отношений"; первая часть была задумана как философское исследование колдовства и силы дьявола "принимать смертный облик", а вторая содержала, по его мнению, множество хорошо проверенных современных примеров.

СЭР МЭТЬЮ ХЕЙЛ.

Но хотя прогресс и был достигнут, он был медленным. В 1664 году почтенный сэр Мэтью Хейл приговорил двух женщин по имени Эми Дьюни и Роуз Каллендер к костру в Сент-Эдмондсбери на основании самых нелепых доказательств. Эти две пожилые женщины, чье уродство навело их соседей на мысль, что они ведьмы, отправились в лавку, чтобы купить селедки, и получили отказ. Возмущенные предрассудками против них, они не скупилась на оскорбления. Вскоре после этого заболела дочь торговца сельдью, и поднялся крик, что ее околдовали старухи, которым отказали в селедке. Эта девочка была подвержена эпилептическим припадкам. Чтобы установить вину Эми Дьюни и Роуз Каллендер, глаза девушки плотно завязали платком, а ведьмам приказали прикоснуться к ней. Они сделали это, и с ней тут же случился припадок. На основании этих доказательств их отправили в тюрьму. После этого к девушке прикоснулся случайный человек, и сила ее воображения

была столь велика, что, подумав, что это снова ведьмы, она упала в жестоком припадке, как и прежде. Это, однако, не было принято в пользу обвиняемой.

Следующая выдержка из опубликованных отчетов о судебном процессе показывает, какого рода доказательства были получены:

"Сэмюэль Пэйси из Лейстоффа (хороший, трезвый человек), будучи приведен к присяге, заявил, что в четверг 10 октября прошлого года его младшая дочь, Дебора, около девяти лет, внезапно так ослабла, что не могла стоять на ногах, и так продолжалось до 17 числа того же месяца, когда ребенок захотел, чтобы его отнесли на берег с восточной стороны дома, смотрящий в сторону моря; и пока она там сидела, Эми Дани пришла в дом этого экзаменатора купить немного селедки, но получила отказ. Потом она приходила еще дважды, но, получив такой же отказ, ушла недовольная и ворчащая. В это время с ребенком начались страшные припадки, он жаловался на боль в животе, как будто его укололи булавками, кричал голосом, похожим на хрип, и так продолжалось до 30 числа того же месяца. Далее этот экзаменатор утверждает, что Эми Дуни давно пользовалась репутацией ведьмы, а его ребенок в промежутках между припадками постоянно взывал к ней как к причине своего расстройства, говоря, что упомянутая Эми являлась ей и пугала ее; он сам подозревал упомянутую Эми в том, что она ведьма, и обвинил ее в том, что она является причиной болезни его ребенка, и посадил ее в колодки. Через два дня после этого с его дочерью Элизабет начались такие странные приступы, что они не могли заставить ее открыть рот без помощи крана; а младший ребенок был в таком же состоянии, и к ней применили то же самое средство. Оба ребенка жаловались, что Эми Дьюни и другая женщина, чьи привычки и внешность они описывали, являлись им и мучили их, и кричали: "Там стоит Эми Дьюни! А вот и Роза Каллендер!" - другой человек, который их мучил. Их приступы не были похожи друг на друга. Иногда они хромали на правую сторону, иногда на левую, а иногда так болели, что к ним невозможно было прикоснуться. Иногда они были совершенно здоровы в других отношениях, но не *слышали*, а иногда не *видели*. Иногда они теряли речь на один, два, а однажды и на восемь дней вместе. Временами у них случались приступы обморока, а когда они могли говорить, у них начинался приступ кашля, их рвало мокротой и кривыми булавками, а однажды - большим двухпенсовым гвоздем с более чем сорока булавками; этот гвоздь он, обследуемый, видел вырванным вместе со многими булавками. Гвоздь и булавки были предъявлены в суде. Так дети пробыли два месяца, в течение которых экзаменатор часто заставлял их читать Новый Завет и заметил, что когда они доходили до слов *Господь Иисус* или *Христос*, то не могли их произнести, а впадали в припадок. Когда же они доходили до слова "*сатана*" или "*дьявол*", то указывали на него и говорили: "Это кусается, но я говорю хорошо". Видя, что его дети мучаются без надежды на выздоровление, он отправил их к своей сестре, Маргарет Арнольд, в Ярмут, желая попробовать, поможет ли им смена воздуха.

"Следующим свидетелем была Маргарет Арнольд. Будучи приведена к присяге, она сказала, что около 30 ноября Элизабет и Дебора Пэйси пришли к ней домой вместе с ее братом, который рассказал ей о случившемся и о том, что он считает своих детей заколдованными. Она, этот эксперт, не придавала этому особого значения, полагая, что дети разыгрались и сами вставили булавки себе в рот. Поэтому она вынула все булавки из их одежды и зашила их нитками, а не приколотла. Но, несмотря на это, в ее присутствии они поднимали порой не менее тридцати булавок и испытывали страшные приступы; в этих приступах они кричали на Эми Дьюни и

Роуз Каллендер, говоря, что видят их и слышат их угрозы, как и прежде; что они видели, как мыши бегали по дому; одна из них поймала одну и бросила ее в огонь, отчего та зашумела, как крыса. В другой раз, когда младший ребенок находился за дверью, ей в рот впилась какая-то тварь, похожая на пчелу, и ребенок с криком вбежал в дом, и прежде чем этот эксперт смог подойти к ней, впал в припадок, и его вырвало двухпенсовым гвоздем с широкой головкой. После этого экзаменатор спросил ребенка, откуда у нее этот гвоздь, на что она ответила: "Пчела принесла гвоздь и затолкала его мне в рот". В другие разы старший ребенок рассказывал экзаменатору, что видел, как мухи приносили ей кривые булавки. Тогда она впадала в припадок, и ее рвало этими булавками. Однажды ребенок сказал, что видел мышь, и залез под стол, чтобы поискать ее; после этого ребенок, казалось, положил что-то в свой фартук, сказав: "Она поймала ее". Затем она подбежала к огню и бросила это в огонь, в котором, как показалось исследователю, было что-то похожее на вспышку пороха, хотя она признает, что ничего не видела в руке ребенка. Однажды ребенок, лишенный речи, но в остальном очень разумный, бегал по дому и кричал "Тише, тише!", как будто увидел домашнюю птицу; но эксперт ничего не увидела. Наконец ребенок догнал что-то и бросил в огонь. После этого, когда ребенок смог говорить, этот эксперт спросил ее, что она видела в тот момент? Она ответила, что видела утку. В другой раз младший ребенок сказал после припадка, что Эми Дуни была с ней и искушала ее утопиться, перерезать себе горло или иным образом погубить себя. В другой раз они оба кричали на Эми Дьюни и Роуз Каллендер: "Почему вы сами не приходите? Почему вы посылаете своих импов мучить нас?"

СЭР ТОМАС БРАУН.

Знаменитый сэр Томас Браун, автор "Вульгарных ошибок", также был допрошен в качестве свидетеля на суде. Когда его попросили высказать свое мнение о трех лицах, присутствовавших в суде, он сказал, что, по его мнению, они были околдованы. Он сказал, что недавно в Дании были обнаружены ведьмы, которые использовали тот же способ мучить людей, вводя в их тела кривые булавки, иглы и гвозди. Он полагает, что в таких случаях дьявол действует на человеческие тела естественным образом, а именно, возбуждая и разжигая избыток гуморов; он поражает их более удивительным образом теми же болезнями, которым обычно подвержены их тела; что эти припадки могут быть естественными, только усиленными в значительной степени хитростью дьявола, сотрудничающего со злобой этих ведьм.

По окончании показаний сэр Мэтью Хейл обратился к присяжным. Он сказал, что отказывается от повторения показаний, чтобы не допустить ошибки, и сообщил присяжным, что они должны выяснить две вещи. Во-первых, были ли эти дети околдованы; во-вторых,

околдовали ли их эти женщины. Он сказал, что нисколько не сомневается в существовании ведьм; во-первых, потому что Писание это подтверждает; во-вторых, потому что мудрость всех народов, особенно нашего, предусмотрела законы против колдовства, что подразумевает их убежденность в существовании такого преступления. Он пожелал им строго следить за доказательствами и умолял Бога направить их сердца в этом важном деле, которое им предстоит решать, поскольку осудить невиновного и отпустить виновного на свободу - это мерзость для Господа.

Затем присяжные удалились и примерно через полчаса вынесли обвинительный вердикт по всем обвинениям, которых было тринадцать. На следующее утро дети пришли с отцом в дом сэра Мэтью Хейла, очень здоровые и вполне восстановившие свое обычное здоровье. Мистер Пэйси, спросив, в какое время их здоровье начало улучшаться, ответил, что они совсем поправились через полчаса после вынесения приговора.

Было предпринято множество попыток склонить несчастных женщин к признанию своей вины, но они оказались тщетными, и обе были повешены.

В период с 1694 по 1701 год перед верховным судьей Холтом прошло одиннадцать процессов по обвинению в колдовстве. Доказательства носили обычный характер, но Холт в каждом случае так успешно апеллировал к здравому смыслу присяжных, что все они были оправданы. Казалось, по всей стране распространилось общее мнение, что по этим абсурдным обвинениям было пролито достаточно крови. Время от времени пламя преследования разгоралось в отдаленных районах, но на эти случаи уже не смотрели как на нечто само собой разумеющееся. Напротив, они вызывали повышенное внимание, что, если бы не было другого доказательства, свидетельствовало о том, что они становятся редкими.

В 1711 году перед лордом верховным судьей Пауэллом рассматривалось дело о колдовстве; однако присяжные упорно выносили вердикт о виновности, хотя доказательства были обычного абсурдного и противоречивого характера, а просвещенный судья сделал все возможное, чтобы привести их к правильному заключению. Обвиняемой была некая Джейн Уэнхем, более известная как Ведьма из Уокерна; а лицами, которые якобы пострадали от ее колдовства, были две молодые женщины по имени Торн и Стрит. Свидетель по имени мистер Артур Чонси заявил, что видел Энн Торн в нескольких припадках, и что она всегда выздоравливала после произнесения молитв или если к ней приходила Джейн Уэнхем. Он рассказал, что несколько раз уколол пленницу в руки, но так и не смог извлечь из нее кровь; что видел, как ее рвало булавками, когда в ее одежде или в пределах досягаемости их не было; и что у него сохранилось несколько таких булавок, которые он готов предъявить. Судья, однако, сказал ему, что в этом нет необходимости, *поскольку, по его мнению, это были кривые булавки.*

Мистер Фрэнсис Брэгге, еще один свидетель, заявил, что странные "пирожки" из заколдованных перьев были взяты с подушки Энн Торн, и ему очень хотелось их увидеть. Он зашел в комнату, где находилось несколько таких перьев, взял две лепешки и сравнил их между собой. Оба они были круглой формы, размером больше короны; и он заметил, что маленькие перышки расположены в красивом и любопытном порядке, на равном расстоянии друг от друга, образуя столько радиусов круга, в центре которого сходились концы перьев. Он подсчитал количество этих перьев и обнаружил, что их ровно тридцать два в каждой лепешке. Затем он попытался оторвать два или три из них и заметил, что все они скреплены неким вязким веществом, которое семь или восемь раз растягивается в нить, прежде чем порвется. Сняв несколько таких перьев, он удалил пальцами вязкое вещество и обнаружил под ним, в центре, несколько коротких волосков, черных и серых, сцепленных

между собой, которые, по его мнению, были кошачьей шерстью. Он также сказал, что Джейн Уэнхем призналась ему, что заколдовала подушку и занималась колдовством в течение шестнадцати лет.

На этом месте судья прервал свидетеля и сказал, что ему очень хотелось бы увидеть заколдованное перо, и, похоже, удивился, когда ему сказали, что ни одна из этих странных лепешек не сохранилась. Его светлость спросил свидетеля, почему он не сохранил одну или две из них, и получил ответ, что все они были сожжены, чтобы избавить заколдованную особу от мучений, которые она испытывала и которые не могли быть так хорошо устранены никакими другими средствами.

Один человек, по имени Томас Айрленд, заявил, что, услышав несколько раз сильный шум и крики кошек вблизи своего дома, он вышел и спугнул их, и все они побежали в сторону коттеджа Джейн Уэнхем. Одну из них он клялся, что у нее было лицо, очень похожее на лицо Джейн Уэнхем. Другой человек, по имени Бурвилл, дал аналогичные показания и поклялся, что часто видел кошку с лицом Джейн Уэнхем. Однажды он был в покоях Энн Торн, когда туда вошли несколько кошек, и среди них - вышеупомянутая кошка. Этот свидетель мог бы порадовать суд более пространными показаниями, но судья остановил его, сказав, что он услышал достаточно.

Заклученная, в свою защиту, ничего не сказала, но заявила, что "она была чистой женщиной". Затем судья подвел итог, предоставив присяжным определить, достаточно ли выслушанных ими доказательств, чтобы лишить заключенную жизни по предъявленному обвинению. После долгого размышления они вынесли вердикт, что она виновна в соответствии с доказательствами. Затем судья спросил их, признают ли они ее виновной по обвинению в общении с дьяволом в облике кошки? Умный бригадир очень серьезно ответил: "Мы признаем ее виновной *в этом*". Тогда ученый судья с большой неохотой вынес смертный приговор; но благодаря его настойчивым усилиям наконец было получено помилование, и несчастная старуха была отпущена на свободу.

В 1716 году в Хантингдоне были повешены женщина и ее дочь - последней было всего девять лет - за то, что они продали свои души дьяволу и подняли бурю, сняв с себя чулки и сделав из них мыльную массу. По-видимому, это была последняя судебная казнь в Англии. С тех пор и до 1736 года население периодически поднимало старый крик и не раз подвергало опасности жизни бедных женщин, таская их по подозрению через пруды; но философия тех, кто в силу своего положения рано или поздно задает тон мнениям и нравам бедняков, безмолвно творила лекарство от зла. Страх перед ведьмами перестал быть эпидемическим и стал индивидуальным, задерживаясь лишь в умах, скованных закоренелыми предрассудками или огрубляющим суеверием. В 1736 году уголовный статут Якова I был окончательно вычеркнут из свода законов и больше не позорил прогрессирующий интеллект страны. Претенденты на колдовство, гадалки, фокусники и вся их свора подлежали лишь обычному наказанию для мошенников и самозванцев - тюремному заключению и столбу.

В Шотландии заблуждение также приняло те же фазы и постепенно погасло в свете цивилизации. Как и в Англии, улучшение происходило медленно. Вплоть до 1665 года мания практически не ослабевала. В 1643 году Генеральная ассамблея рекомендовала Тайному совету учредить постоянную комиссию, состоящую из любых "понимающих джентльменов или магистратов", для суда над ведьмами, число которых, как утверждалось, сильно возросло в последние годы. В 1649 году был принят закон, подтверждающий первоначальный статут королевы Марии, разъясняющий некоторые моменты последнего,

которые вызывали сомнения, и устанавливающий суровые наказания не только против самих ведьм, но и против всех, кто заключал с ними заветы или пытался с их помощью проникнуть в тайны будущего или причинить зло жизни, землям или конечностям своих соседей. В течение следующих десяти лет народное безумие по этому поводу было, пожалуй, более яростным, чем когда-либо; за это время за преступление пострадало около четырех тысяч человек. Это было следствием парламентского акта и беспрецедентной суровости магистратов; последние часто жаловались, что на двух ведьм, которых они сжигали в один день, приходилось десять на следующий: они никогда не думали, что причиной увеличения числа ведьм были они сами. За один круг, проведенный в Глазго, Эйре и Стирлинге в 1659 году, семнадцать несчастных были сожжены по приговору суда за торговлю с сатаной. За один день (7 ноября 1661 года) Тайный совет выдал не менее четырнадцати поручений на проведение судебных процессов в провинциях. В следующем году жестокость преследований, похоже, пошла на убыль. С 1662 по 1668 год, хотя "понимающие джентльмены и магистраты", о которых уже говорилось, продолжали судить и осуждать, Высокий суд юстиции имел дело только с одним преступником этого класса, и она была оправдана. Джеймс Уэлш, обычный колющик, был приговорен к публичному бичеванию на улицах Эдинбурга за ложное обвинение женщины в колдовстве; один этот факт доказывает, что высший суд проверял доказательства по этим делам с гораздо большей тщательностью и строгостью, чем несколько лет назад. Просвещенный сэр Джордж Маккензи, которого Драйден назвал "благородным остроумцем Шотландии", приложил немало усилий, чтобы ввести в суде это правило, согласно которому признания ведьм не должны иметь особой ценности, а показания колдунов и других заинтересованных лиц должны приниматься с недоверием и ревностью. Это отменяло старую практику и спасало множество невинных жизней. Хотя он твердо верил как в древнее, так и в современное колдовство, он не мог закрыть глаза на зверства, ежедневно совершаемые под именем правосудия. В своей работе "Уголовное право Шотландии", опубликованной в 1678 году, он пишет: "Исходя из ужасности этого преступления, я делаю вывод, что из всех других оно требует наиболее четкого соответствия и наиболее убедительной доказательной базы; и я осуждаю, наряду с самими ведьмами, тех жестоких и слишком бесцеремонных судей, которые сжигают людей тысячами как виновных в этом преступлении". В том же году сэр Джон Клерк уклончиво отказался выступать в качестве комиссара по делам о колдовстве, утверждая в качестве оправдания, что "сам он не был достаточно хорошим фокусником, чтобы быть должным образом квалифицированным". Взгляды, которых придерживался сэр Джордж Маккензи, были настолько благосклонны к лордам сессии, что в 1680 году ему было поручено доложить им о делах нескольких бедных женщин, которые в то время находились в тюрьме в ожидании суда. Сэр Джордж заявил, что против них нет никаких улик, кроме их собственных признаний, которые были абсурдны и противоречивы и были получены от них под жестокими пытками. Они были немедленно освобождены.

В течение следующих шестнадцати лет лорды Сессии не занимались процессами о колдовстве. Ни один из них не был занесен в протокол. Но в 1697 году произошло дело, которое по своей абсурдности не уступало ни одному из тех, что стали сигналом к мрачному правлению короля Якова. Девочка по имени Кристиана Шоу, одиннадцати лет от роду, дочь Джона Шоу из Баргаррана, была подвержена припадкам; будучи злобной, она обвинила свою служанку, с которой часто ссорилась, в том, что та ее околдовала. К сожалению, ее рассказу поверили. Побуждаемая рассказывать обо всех преследованиях дьявола, которого служанка насылала на нее, чтобы мучить, она в конце концов придумала роман, в котором фигурировал двадцать один человек. Против них не было никаких других доказательств, кроме выдумок этого лживого ребенка и признаний, которые вырвала у них боль; но на основании этого не менее пяти женщин были осуждены перед лордом Блантайром и

остальными комиссарами, специально назначенными Тайным советом для рассмотрения этого дела. Их сожгли на Зеленой площади в Пейсли. Колдун из этой партии, некто Джон Рид, который также был осужден, повесился в тюрьме. По общему мнению жителей Пейсли, его задушил дьявол, чтобы он не раскрыл в свои последние минуты слишком много нечестивых секретов колдовства. Этот процесс вызвал сильное отвращение в Шотландии. Преподобный мистер Белл, современный писатель, заметил, что в этом деле "люди более добрые и уважаемые, чем большинство их клеветников, были опорочены как ведьмы". Он добавляет, что главными виновниками были "некоторые священнослужители, отличавшиеся излишней бесцеремонностью и нелепым легковерием, а также некоторые профессора, занимавшиеся топplingом в Глазго и его окрестностях" ³⁴.

После этого судебного процесса снова прошло семь лет, когда эта тема была болезненно воспринята общественностью благодаря жестокости толпы в Питтенуине. Двух женщин обвинили в том, что они околдовали бродячего нищего, страдавшего припадками или притворявшегося таковым, чтобы вызвать жалость. Их бросили в тюрьму и пытали до тех пор, пока они не признались. Одной из них, по имени Джанет Корнфут, удалось бежать, но на следующий день ее вернули в Питтенуин отрядом солдат. На подходе к городу ее, к несчастью, встретила разъяренная толпа, состоящая в основном из рыбаков и их жен, которые набросились на нее с намерением искупать. Они оттеснили ее к берегу моря и, обвязав веревку вокруг ее тела, закрепили ее конец на мачте стоящей рядом рыбацкой лодки. Таким образом, они несколько раз уворачивали ее. Когда она была уже полумертва, матрос в лодке отрезал веревку, и толпа потащила ее по морю к берегу. Когда она лежала в беспомощности, один из мускулистых грубиянов снес дверь своей хижины, стоявшей неподалеку, и положил ее на спину. Толпа собрала на пляже большие камни и навалила их на нее, пока несчастную женщину не придавило насмерть. Никто из магистрата не сделал ни малейшей попытки вмешаться, а солдаты смотрели на это, как восхищенные зрители. Против такого преступного бездействия был поднят большой шум, но судебное расследование так и не было начато. Это произошло в 1704 году.

Следующее дело, о котором мы узнаем, - это дело Элспет Рул, признанной виновной в колдовстве перед лордом Анструтером в округе Дамфрис в 1708 году. Ее приговорили к удару раскаленным железом по щеке и пожизненному изгнанию из королевства Шотландия.

И снова длительный перерыв. В 1718 году отдаленное графство Кайтнесс, где заблуждение сохранялось во всей своей первозданной силе в течение многих лет после того, как оно прекратилось в других местах, было потрясено криками о колдовстве. Один глупый парень по имени Уильям Монтгомери, плотник, питал смертельную антипатию к кошкам, а эти животные так или иначе обычно выбирали его задний двор в качестве места своих воплей. Он долго ломал голову, пытаясь понять, почему именно его, а не других соседей, так донимают кошки. В конце концов он пришел к мудрому выводу, что его мучители - не кошки, а ведьмы. В этом его поддержала служанка, которая поклялась, что не раз слышала, как вышеупомянутые кошки разговаривали между собой человеческими голосами. В следующий раз, когда злосчастные кошки собрались на заднем дворе, доблестный плотник был начеку. Вооружившись топором, кортиком и мечом, он бросился на них. Одного из них он ранил в спину, второго - в бедро, а ногу третьего искалечил своим топором; но ни одного из них ему не удалось схватить. Через несколько дней после этого умерли две старухи из прихода; говорили, что, когда их тела положили на землю, на спине одной из них появился след от недавней раны, а на бедре другой - такой же шрам. Плотник и его служанка были уверены, что это те самые кошки, и вся округа повторила ту же историю. Каждый искал доказательства, подтверждающие эту версию; вскоре было найдено одно весьма

примечательное. Няня Гилберт, жалкое старое существо лет семидесяти, была найдена в постели со сломанной ногой. Поскольку она была достаточно уродлива для ведьмы, утверждали, что она также была одной из тех кошек, которые так плохо пострадали от рук плотника. Последний, когда ему сообщили о подозрениях, утверждал, что отчетливо помнит, как нанес одной из кошек удар тыльной стороной своей сабли, который должен был сломать ей ногу. Няню тут же стащили с кровати и бросили в тюрьму. Перед тем как подвергнуть ее пытке, она очень естественно и доходчиво объяснила, как сломала ногу, но этот рассказ не принес удовлетворения. Профессиональные уговоры мучителя заставили ее рассказать другую историю, и она призналась, что действительно была ведьмой и была ранена Монтгомери в указанную ночь; что две старухи, недавно умершие, тоже были ведьмами, и еще около десятка человек, которых она назвала. Бедняжка так страдала от того, что ее увезли из родного дома, и от пыток, которым ее подвергали, что на следующий день умерла в тюрьме. К счастью для тех, кого она назвала в своем признании, Дандас из Арнистона, в то время генеральный адвокат короля, написал шерифу-депутату, капитану Россу из Литтлдина, предостерегая его от судебного разбирательства, поскольку "дело слишком сложное и не подсудное низшему суду". Сам Дандас тщательно изучил предсказание и настолько убедился в полной глупости всего дела, что прекратил все дальнейшие разбирательства.

Через четыре года после этого тот же шериф-депутат Кайтнесса принял активное участие в другом процессе по делу о колдовстве. Несмотря на предупреждение, которое он получил, что все подобные дела в будущем должны рассматриваться вышестоящими судами, он приговорил к смерти старую женщину в Дорнохе по обвинению в околдовывании коров и свиней ее соседей. Эта бедняжка была безумна, она смеялась и хлопала в ладоши при виде "боннского огня", который должен был ее поглотить. У нее была дочь, хромая на обе руки и ноги, и одно из обвинений, выдвинутых против нее, состояло в том, что она использовала эту дочь в качестве пони в своих поездках на дьявольский шабаш, и что сам дьявол обул ее и вызвал хромоту.

Это была последняя казнь за колдовство в Шотландии. Уголовные законы были отменены в 1736 году, и, как и в Англии, будущим наказанием для всех претендентов на магию или колдовство были объявлены порка, столб или тюремное заключение.

Еще много лет после этого суеверие сохранялось как в Англии, так и в Шотландии, а в некоторых районах далеко не исчезло и по сей день. Но прежде чем проследить его дальнейшее развитие и законное исчезновение, нам предстоит увидеть, какие ужасающие разрушения оно произвело в континентальной Европе с начала XVII до середины XVIII века. Больше всего от эпидемии пострадали Франция, Германия и Швейцария. О количестве жертв в этих странах в XVI веке уже говорилось; но в начале XVII число жертв настолько велико, особенно в Германии, что, если бы их не нашли в официальных отчетах трибуналов, было бы почти невозможно поверить, что человечество когда-либо было настолько обезумевшим и заблуждающимся. Говоря словами ученого и неустоимого [Хорста³⁵](#), "мир казался большим сумасшедшим домом для ведьм и дьяволов, в котором они могли разыгрывать свои представления". Считалось, что сатана всегда готов поднять вихрь, низвергнуть молнию, уничтожить плоды земли, разрушить здоровье и парализовать конечности человека. Это убеждение, столь оскорбительное для величия и благодеяния Творца, разделяли самые благочестивые служители религии. Те, кто в своих утренних и вечерних молитвах признавал единого истинного Бога и славил его за благословения во время посева и жатвы, были убеждены, что хрупкое человечество может вступить в договор с духами ада, чтобы подрывать его законы и мешать всем его милосердным намерениям. Сменявшие друг друга папы, начиная с Иннокентия VIII и ниже, провозглашали эту

унизительную доктрину, которая распространялась так быстро, что общество, казалось, разделилось на две большие фракции - околдованных и околдовывающих.

Комиссарами, назначенными Иннокентием VIII для преследования ведьм в Германии, были Якоб Шпренгер, столь печально известный благодаря своему труду по демонологии под названием "Malleus Maleficarum, или Молот, которым сбивают ведьм"; Генрих Инститор, ученый юрист, и епископ Страсбургский. Бамберг, Трев, Кельн, Падерборн и Вюрцбург были главными местами пребывания комиссаров, которые только за свою жизнь приговорили к костру, по самым скромным подсчетам, до трех тысяч жертв. Число ведьм настолько возросло, что в Германии, Франции и Швейцарии постоянно назначались новые комиссары. В Испании и Португалии преступлением занималась только инквизиция. Невозможно найти записи этих мрачных, но теперь, к счастью, уже не существующих трибуналов; но разум отшатывается от ужаса, даже если предположить, сколько людей погибло.

Способ суда в других странах установить легче. Шпренгер в Германии, Бодин и Дельрио во Франции оставили слишком много свидетельств о зверствах, совершенных во имя справедливости и религии. Бодинус, пользовавшийся большим авторитетом и репутацией в XVII века, говорит: "Суд над этим преступлением не должен проводиться так же, как над другими преступлениями. Тот, кто придерживается обычного хода правосудия, извращает дух закона, как божественного, так и человеческого. Тот, кого обвиняют в колдовстве, никогда не должен быть оправдан, если только злой умысел обвинителя не яснее солнца; ведь так трудно представить полные доказательства этого тайного преступления, что из миллиона ведьм ни одна не была бы осуждена, если бы следовали обычному порядку!" Анри Богуэ, охотник за ведьмами, называвший себя "Великим судьей ведьм территории Сен-Клод", составил кодекс для руководства всеми лицами, участвующими в судах над ведьмами, состоящий из семидесяти статей, не менее жестоких, чем кодекс Бодинуса. В этом документе он утверждает, что одно лишь подозрение в колдовстве оправдывает немедленный арест и пытки подозреваемого. Если заключенный бормотал, смотрел в землю и не проливал слез, все это являлось неопровержимым доказательством вины! Во всех случаях колдовства свидетельство ребенка должно было быть принято против его родителя; а людям с дурным характером, хотя им и нельзя было верить под присягой в обычных случаях спора, который мог возникнуть между человеком и человеком, верили, если они клялись, что какой-либо человек околдовал их! Кто, услышав, что эта дьявольская доктрина была общепризнанным мнением церковных и гражданских властей, может удивляться тому, что тысячи и тысячи несчастных были приведены на костер? Что Кельн в течение многих лет ежегодно сжигал по триста ведьм? Район Бамберга - четыреста? Нюрнберг, Женева, Париж, Тулуза, Лион и другие города - по двести?

Можно привести несколько таких процессов, расположив их в порядке приоритета, поскольку они происходили в разных частях континента. В 1595 году одна старушка, жившая в деревне недалеко от Констанца, рассердившись на то, что ее не пригласили разделить спортивные состязания деревенских жителей в день всеобщего ликования, что-то бормотала про себя, после чего ее увидели идущей через поля к холму, где она и пропала из виду. Примерно через два часа после этого разразилась сильная гроза, которая промочила танцоров до нитки и нанесла значительный ущерб плантациям. Эту женщину, которую раньше подозревали в колдовстве, схватили и посадили в тюрьму, обвинив в том, что она вызвала грозу, наполнив отверстие вином и помешивая его палкой. Ее пытали, пока она не призналась, и на следующий вечер сожгли заживо.

ГОРОД ЛИОН.

Примерно в то же время двух колдунов в Тулузе обвинили в том, что они полночи таскали по улицам распятие, время от времени останавливаясь, чтобы плюнуть на него и пнуть, и произносили через определенные промежутки времени заклинания, чтобы поднять дьявола. На следующий день град нанес значительный ущерб урожаю, а одна девушка, дочь сапожника в городе, вспомнила, что слышала ночью крики волшебников. Ее рассказ привел к их аресту. Для получения признания были использованы обычные средства. Волшебники признались, что могут поднимать бури, когда им заблагорассудится, и назвали несколько человек, обладающих подобными способностями. Их повесили, а затем сожгли на рыночной площади, и семерых из упомянутых ими людей постигла та же участь.

Хоппо и Штадлин, два известных волшебника из Германии, были казнены в 1599 году. Они обвинили двадцать или тридцать ведьм, которые вызывали у женщин выкидыши, низводили небесные молнии и заставляли дев рожать жаб. В последнем факте несколько девушек поклялись самым положительным образом! Стадлин признался, что убил семь младенцев во чреве одной женщины.

Бодинус высоко оценивает старания следователя ведьм по имени Нидер во Франции, который преследовал так много ведьм, что не мог их сосчитать. Некоторые из этих ведьм могли одним словом заставить людей упасть замертво; другие заставляли женщин рожать не девять месяцев, а три года; третьи с помощью определенных заклинаний и церемоний могли переворачивать лица своих врагов вверх ногами или переворачивать их на спину. И хотя не нашлось ни одного свидетеля, который видел бы людей в таком ужасном состоянии, ведьмы признались, что обладали этой силой и пользовались ею. Больше ничего не требовалось для того, чтобы их посадили на кол.

В Амстердаме одна сумасшедшая девушка призналась, что может вызывать бесплодие у скота, околдовывать свиней и домашнюю птицу, просто повторяя магические слова *Turius und Shurius Inturius*! Ее повесили и сожгли. Другая женщина из того же города, по имени Корнелис ван Пурмерунд, была арестована в связи с некоторыми разоблачениями, сделанными первой. Свидетельница явилась и поклялась, что однажды выглянула в окно своей хижины и увидела Корнелис, сидящую перед огнем и бормочущую что-то дьяволу. Она была уверена, что это был дьявол, потому что слышала, как он ей отвечал. Вскоре после этого из пола поднялись двенадцать черных кошек и около получаса танцевали на задних лапах вокруг ведьмы. Затем они исчезли с ужасным шумом, оставив после себя неприятный запах. Ее также повесили и сожгли.

В Бамберге, в Баварии, с 1610 по 1640 год ежегодно казнили около сотни человек. Одна женщина, подозреваемая в колдовстве, была схвачена за то, что, неумеренно восхваляя красоту ребенка, вскоре после этого заболела и умерла. На дыбе она призналась, что дьявол наделил ее способностью причинять зло тем, кого она ненавидит, произнося слова, восхваляющие их. Если она с нежданной горячностью говорила: "Какой сильный мужчина! Какая прекрасная женщина!" "Какое милое дитя!", дьявол понимал ее и немедленно поражал их болезнями. Нет нужды рассказывать, чем закончилась судьба этого несчастного существа. Многих женщин казнили за то, что они вселяли странные вещества в тела тех, кто их обижал. Обычно выбирались кусочки дерева, гвозди, волосы, яичная скорлупа, кусочки стекла, лоскутки льна и шерстяной ткани, камешки и даже горячая гарь и ножи. Считалось, что они остаются в теле до тех пор, пока ведьмы не признаются или не будут казнены, после чего их выводят из кишечника или через рот, ноздри или уши. Современные врачи не раз сталкивались с подобными случаями, когда девушки глотали иглы, которые выводились на руки, ноги и другие части тела. Но наука того времени не могла объяснить эти явления иначе, чем силой дьявола; и каждая игла, проглоченная служанкой, стоила пожилой женщине жизни. Если же в результате этого страдал не более одного человека, округ мог считать себя счастливым. Комиссары редко останавливались на одной жертве. В большинстве случаев разоблачения на дыбе уличали полдюжины человек.

БАМБЕРГ.

Из всех записей о судах над ведьмами, сохранившихся для удивления последующих эпох, Вюрцбургская, с 1627 по 1629 год, является самой страшной. Хаубер, сохранивший этот список в своем издании *Acta et Scripta Magica*, в примечании в конце говорит, что он далеко не полный и что было еще множество других сожжений, слишком многочисленных, чтобы их указывать. Эта запись, относящаяся только к городу, а не к провинции Вюрцбург, содержит имена ста пятидесяти семи человек, которые были сожжены за два года на двадцати девяти сожжениях, в среднем от пяти до шести за один раз. В список входят три актера, четыре трактирщика, три члена общего совета Вюрцбурга, четырнадцать викариев собора, госпожа бургомистра, жена и дочь аптекаря, два хориста собора, Гёбель Бабелин, самая красивая девушка в городе, жена, два маленьких сына и дочь советника Штольценберга. Богатые и

бедные, молодые и старые страдали одинаково. В седьмом из этих зафиксированных сожжений жертвами стали бродячий мальчик двенадцати лет и четверо незнакомых мужчин и женщин, которых нашли спящими на рыночной площади. Тридцать два человека из общего числа, по-видимому, были бродягами обоих полов, которые, не сумев дать удовлетворительный отчет о себе, были обвинены и признаны виновными в колдовстве. О количестве детей в этом списке страшно даже подумать. В тринадцатом и четырнадцатом сожжениях участвовали четыре человека: маленькая девица девяти лет, девица еще меньше, ее сестра, их мать и их тетя, красивая молодая женщина двадцати четырех лет. В восемнадцатом сожжении жертвами были два мальчика двенадцати лет и девочка пятнадцати лет; в девятнадцатом - юный наследник знатного дома Ротенхан в возрасте девяти лет и еще два мальчика, одному из которых было десять, а другому двенадцать лет. Среди прочих записей фигурируют имена самого толстого Баунаха и самого богатого вюрцбургского мещанина Штайнахера. Что способствовало поддержанию заблуждения в этом несчастном городе, да и во всей Европе, так это количество ипохондриков и больных, которые добровольно признавались в колдовстве. Некоторые жертвы из приведенного выше списка винили в своей судьбе только себя. Многие, в том числе уже упомянутые жена и дочь аптекаря, притворялись колдуньями, продавали яды или пытались с помощью чар и заклинаний вызвать дьявола. Но на протяжении всего этого страшного периода заблуждения преступников были столь же велики, как и заблуждения судей. Развращенные люди, которые в обычное время были бы ворами или убийцами, добавляли к своей испорченности стремление к колдовству, иногда в надежде обрести власть над своими собратьями, а иногда в надежде остаться безнаказанными в этом мире благодаря покровительству сатаны. Одна из казненных на первом сожжении, проститутка, повторяла заклинание экзорцизма, которое должно было воскресить заклятого врага в виде козла. Этот драгоценный образец человеческой глупости был сохранен Хорстом в его "Заубербиблиотеке". Он гласил следующее, и его следовало повторять медленно, с многочисленными церемониями и взмахами рук:

"Лалле, Бачера, Маготте, Бафия, Даджам,

Вагот Хенече Амми Нагаз, Адоматор

Рафаэль Иммануил Христос, Тетраграмматон

Агра Джод Лой. Кёниг! Кёниг!"

Два последних слова были произнесены быстро и с криком, и предполагалось, что они очень нравятся Сатане, который любил, чтобы его называли королем. Если он не появлялся сразу, нужно было повторить еще один сеанс экзорцизма. Наибольшей известностью пользовалось следующее заклинание, которое следовало читать задом наперед, за исключением двух последних слов:

"Анион, Лалле, Саболос, Садо, Патер, Азиэль

Адонай Садо Вагот Агра, Йод,

Бафра! Комм! Комм!"

Когда ведьма хотела избавиться от дьявола, который иногда имел привычку затягивать свои визиты до немыслимых сроков, ей достаточно было повторить следующие слова, также задом наперед, как он обычно исчезал, оставляя после себя удушливый запах:

"Зеллианель Хеотти Бонус Вагота.

Plisos sother oseh unicus Beelzebub

Дакс! Комм! Комм!"

Этот бессмысленный жаргон вскоре стал известен всем праздным и глупым мальчишкам Германии. Многие несчастные мальчишки, которые в юности повторяли его, поплатились за свою глупость жизнью. Трое, чей возраст варьировался от десяти до пятнадцати лет, были сожжены заживо в Вюрцбурге ни за какие другие проступки. Разумеется, все остальные мальчишки в городе еще больше убедились в силе приворота. Один мальчик признался, что охотно продал бы себя дьяволу, если бы тот мог его воскресить, за хороший ужин и пирожные каждый день своей жизни, а также за пони, на котором можно кататься. Этого роскошного юнца, вместо того чтобы выпороть за его глупость, повесили и сожгли.

Небольшой округ Линдхайм был, если можно так выразиться, еще более печально известен, чем Вюрцбург, по количеству сожжений ведьм. В 1633 году была обнаружена и сожжена знаменитая ведьма по имени Помпа Анна, которая могла вызвать у своих врагов болезнь одним лишь взглядом, а также три ее спутницы. Каждый год в этом приходе, насчитывающем не более тысячи человек, в среднем казнили пять человек. В период с 1660 по 1664 год их было тридцать. Если бы казни по всей Германии были в таком ужасающем соотношении, вряд ли хоть одна семья смогла бы избежать потери одного из своих членов.

В 1627 году в Германии была очень популярна баллада под названием "Druten Zeitung", или "Ведьмин вестник". В ней, согласно титульному листу экземпляра, напечатанного в Шмалькальде в 1627 году, подробно рассказывалось: "о замечательных событиях, произошедших во Франконии, Бамберге и Вюрцбурге, с теми несчастными, которые из-за жадности или честолубия продали себя дьяволу, и о том, как они наконец получили свою награду: переложено на музыку и должно петься под мелодию Доротеи". Страдания ведьм на костре объясняются в ней с большой подробностью, поэт чрезвычайно остроумно описывает ужасные искажения боли на их лицах и крики, которые оглашали воздух, когда кого-нибудь из них сжигали заживо за более чем обычную вину. Уловка, к которой прибегли, чтобы заставить одну ведьму признаться, рассказана в этой песне как отличная шутка. Поскольку она упорно отказывалась признать, что находится в союзе с силами зла, члены комиссии предложили палачу одеться в медвежью шкуру, с рогами, хвостом и прочим, и в таком виде проникнуть в ее темницу. Женщина в темноте своей камеры не смогла распознать самозванство, чему способствовали ее собственные суеверные страхи. Ей казалось, что она действительно находится в присутствии князя ада; и когда ей сказали, что нужно сохранять мужество и что она будет освобождена от власти своих врагов, она упала на колени перед мнимым дьяволом и поклялась посвятить себя впредь, телом и душой, его служению. Германия, пожалуй, единственная страна в Европе, где заблуждение было настолько велико, что сделало такие отвратительные стихи, как эти, любимыми в народе:

"Man shickt ein Henkersknecht

Zu ihr in Gefängniss n'unter,

Den man hat kleidet recht,

Mit einer Bärnhaute,

Als wenns der Teufel wär;

Als ihm die Drut anschaute

Meints ihr Buhl kam daher.

Sie sprach zu ihm behende,

Wie lässt du mich so lang

In der Obrigkeit Hände?

Hilf mir aus ihren Zwang,

Как ты меня запутал,

Ich bin ja eben dein,

Ты мих аус дер ангст энтрейссен

O liebster Buhle mein!"³⁶

Этот редкий поэт добавляет, что, обращаясь к палачу с таким призывом, ведьма и представить себе не могла, какое жаркое из нее сделают, и добавляет в скобках: "Разве это не было прекрасной забавой! Как перья, брошенные в воздух, показывают, как дует ветер, так и эта баллада о трубачах служит для того, чтобы показать течение народных чувств в то время, когда она была написана.

Все читатели истории знакомы со знаменитым процессом над Марешаль д'Анкара, казненной в Париже в 1617 году. Хотя одним из обвинений, выдвинутых против нее, было колдовство, настоящим преступлением, за которое она пострадала, было ее влияние на разум Марии Медичи и, как следствие, влияние, которое она косвенно оказывала на недостойного короля Людовика XIII. Ее кучер дал показания, что она принесла в жертву петуха в полночь в одной из церквей, а другие клялись, что видели, как она тайно заходила в дом известной ведьмы по имени Изабелла. Когда ее спросили, каким образом она приобрела столь необычайное влияние на разум королевы-матери, она смело ответила, что не имеет над ней иной власти, кроме той, которую сильный ум всегда может оказать на слабого. Она умерла с большой твердостью.

Через два года после этого в Лабурте, у подножия Пиренеев, разыгрались сцены, гораздо более ужасные, чем все, что когда-либо происходило во Франции. Парламент Бурдо, возмущенный количеством ведьм, которые, по слухам, населяли Лабурат и его окрестности, направил одного из своих членов, знаменитого Пьера де Л'Анкара, и своего президента Эспаньеля, чтобы расследовать это дело, имея все полномочия наказать преступников. Они прибыли в Лаборт в мае 1619 года. Де Л'Анкара написал книгу, в которой изложил все свои великие деяния в этой битве с силами зла. Она полна непристойностей и абсурда, но на факты можно положиться в той мере, в какой они касаются количества судебных процессов и казней, а также странных признаний, которые пытками выбивали у несчастных преступников.

В качестве причины, по которой в Лабурте можно было найти так много ведьм, де Л'Анкара называет гористую и бесплодную местность! Он обнаружил многих из них по их пристрастию к курению табака. Из этого можно сделать вывод, что он придерживался мнения короля Якова о том, что табак - это "дьявольская трава". Когда комиссия только начала свою работу, количество людей, привлеченных к суду, составляло около сорока человек в день. Оправдательных приговоров было не более пяти процентов. Все ведьмы признавались, что присутствовали на великом Домданиле, или шабаше. На этих сатурналиях дьявол восседал на большом позолоченном троне, иногда в виде козла, иногда в виде джентльмена, одетого

во все черное, с сапогами, шпорами и шпагой, а очень часто - в виде бесформенной массы, напоминающей ствол разрушенного дерева, неясно видимый темноте. Обычно они отправлялись в Домданиэль верхом на вертелах, вилах или метлах, а по прибытии предавались вместе с извергами всем видам разврата. Однажды они имели дерзость отпраздновать этот праздник в самом центре города Бурдо. Трон главного изверга был установлен посреди площади Гальенн, и все пространство было заполнено множеством ведьм и чародеев, которые стекались к нему издалека, а некоторые приезжали даже из далекой Шотландии.

После того как двести несчастных были повешены и сожжены, число преступников, которых предстояло судить, казалось, не уменьшилось. Многих из них спрашивали на дыбе, что сказал Сатана, когда узнал, что комиссары действуют с такой жестокостью? Общий ответ гласил, что, похоже, его это не очень заботит. Некоторые из них утверждали, что дерзко упрекали его за то, что он терпит казнь их друзей, говоря: *"Прочь от тебя, лживый изверг! Ты обещал, что они не умрут! Посмотри, как ты сдержал свое слово! Они были сожжены и превратились в кучу пепла!"* В таких случаях он никогда не обижался: он приказывал прекратить состязания Домданиэля и, разводя иллюзорные костры, которые не горели, побуждал их пройти через них, уверяя, что костры, зажженные палачом, причиняют не больше боли, чем эти. Затем они спрашивали его, где их друзья, ведь они не пострадали; на что "Отец лжи" неизменно отвечал, что они счастливы в далекой стране и могут видеть и слышать все, что происходит в это время; и что если они назовут по имени тех, с кем хотели бы поговорить, то услышат их голоса в ответ. Тогда Сатана так удачно имитировал голоса ушедших ведьм, что все были обмануты. Получив ответы на все возражения, оргии возобновились и продолжались до петушиного крика.

Де л'Анкра также с большим рвением судил несчастных мономаньяков за преступление ликантропии. Несколько арестованных без пыток признались, что они *волки-птицеловы* и что по ночам они бросаются на стада и отары, убивая и пожирая их. Один молодой человек в Безансоне, с полным сознанием ужасной участи, которая его ожидала, добровольно сдался комиссару Эспаньелю и признался, что он слуга сильного изверга, известного под именем "Властелина лесов": с помощью его силы он превращался в подобие волка. Повелитель лесов" принял тот же облик, но был гораздо крупнее, свирепее и сильнее. Они вместе бродили по пастбищам в полночь, душили сторожевых псов, защищающих складки, и убивали больше овец, чем могли съесть. По его словам, он испытывал неистовое удовольствие от этих вылазок и вопил от избытка радости, разрывая клыками теплую плоть овец. Этот юноша был не одинок в своем ужасном признании: многие другие добровольно признавались, что они *волки-вепрей*, и еще большее число было принуждено пытками к такому же признанию. Таких преступников считали слишком жестокими, чтобы сначала повесить, а потом сжечь: обычно их приговаривали к сожжению заживо, а их пепел развеивали по ветру. Серьезные и ученые доктора богословия открыто поддерживали возможность таких превращений, опираясь в основном на историю Навуходоносора. Они не могли понять, почему, если он был быком, современные люди не могут стать волками по Божьему соизволению и силой дьявола. Они также утверждали, что если человек признается, то это уже достаточное доказательство, если не было никаких других. Дельрио упоминает, что одного джентльмена, обвиненного в ликантропии, подвергали пыткам не менее двадцати раз, но он так и не признался. Тогда ему дали опьяняющий напиток, и под его воздействием он признался, что был *волком*. Дельрио приводит этот случай, чтобы показать крайнюю справедливость членов комиссии. Они никогда не сжигали человека, пока он не признавался; а если одного пыточного курса было недостаточно, их терпение не

иссякало, и они испытывали его снова и снова, вплоть до двадцатого раза! Когда во имя религии совершаются подобные зверства, мы можем воскликнуть,

"Quel lion, quel tigre égale en cruauté,

Une injuste fureur qu'arme la piété?"

Суд над несчастным Урбенем Грандые, викарием Лудуна, обвиненным в околдовывании нескольких девушек в монастыре урсулинок в этом городе, был, как и в случае с маршалом д'Анкара, обвинением, к которому прибегли его враги, чтобы погубить того, против кого не могли с такой легкостью выдвинуть никакого другого обвинения. Это дело, которое в течение нескольких месяцев держало Францию в напряжении и истинный характер которого был известен уже тогда, заслуживает не более чем беглого упоминания в этом месте. Оно возникло не из-за эпидемического страха перед колдовством, который был тогда так распространен, а было совершено жалкими интриганами, поклявшимися лишить жизни своего врага. Такое обвинение не могло быть опровергнуто в 1634 году: обвиняемый не мог, по выражению Бодинуса, "сделать злобу обвинителей яснее солнца"; и его собственное отрицание, каким бы внятным, честным и прямым оно ни было, считалось ничтожным в опровержение показаний сумасшедших женщин, вообразивших себя околдованными. Чем абсурднее и противоречивее были их утверждения, тем сильнее становился аргумент, приводимый его врагами, что в них сидит дьявол. Он был сожжен заживо при обстоятельствах величайшей [жестокости](#)³⁷.

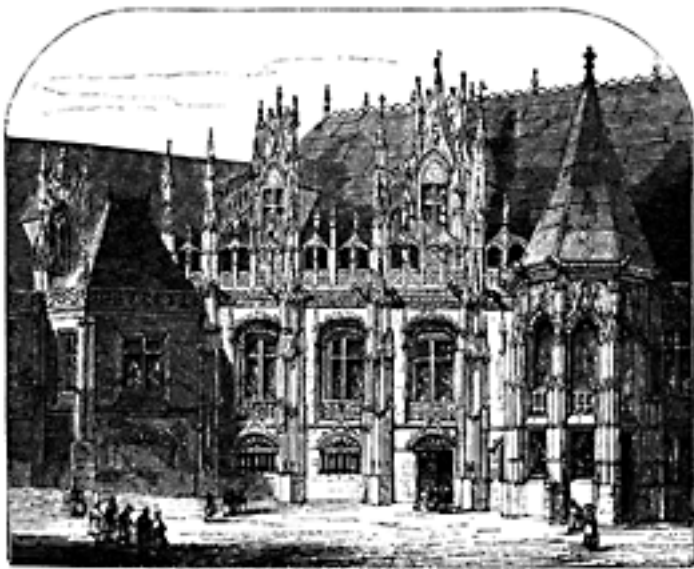
Необычный случай эпидемического страха перед колдовством произошел в Лилле в 1639 году. Одна благочестивая, но не очень здравомыслящая дама по имени Антуанетта Буриньон основала в этом городе школу, или *хоспис*. Однажды, войдя в школьную комнату, она вообразила, что видит множество маленьких черных ангелов, летающих над головами детей. В сильной тревоге она рассказала ученикам о том, что видела, предупредив их, чтобы они остерегались дьявола, чьи бесы витали вокруг них. Глупая женщина продолжала ежедневно повторять ту же историю, и сатана и его сила стали единственной темой для разговоров не только между самими девочками, но и между ними и их воспитательницами. Одна из них в это время сбежала из школы. Когда ее привели обратно и допросили, она сказала, что не убегала, а была унесена дьяволом; она ведьма, и была ею с семилетнего возраста. Несколько других девочек в школе впали в припадок от этого заявления, а придя в себя, признались, что они тоже ведьмы. В конце концов все они, числом до пятидесяти, до такой степени разыграли воображение друг друга, что признались, что они тоже ведьмы, что они посещают Домданиэль, или собрание извергов, что они могут скакать по воздуху на метле, питаться плотью младенцев или пролезать через замочную скважину.

Жители Лилля были поражены этими разоблачениями. Духовенство поспешило расследовать дело; многие из них, к их чести, открыто выразили мнение, что все это было самозванством, но не большинство; они упорно настаивали на том, что признания детей были действительными и что необходимо подать пример, сжегши их всех за ведьм. Несчастные родители, тревожась за своих отпрысков, со слезами на глазах умоляли допрашивающих капуцинов спасти их юные жизни, настаивая на том, что они были околдованы, а не заколдованы. Это мнение получило распространение и в городе. Антуанетта Буриньон, вбившая в головы детей эти нелепые представления, была обвинена в колдовстве и предстала перед советом. Обстоятельства дела показались ей настолько неблагоприятными, что она не стала оставаться на повторный допрос. Замаскировавшись,

как могла, она поспешила покинуть Лилль и скрылась от преследования. Если бы она задержалась еще на четыре часа, то была бы сожжена по приговору суда как ведьма и еретичка. Остается надеяться, что, куда бы она ни отправилась, она усвоила опасность вмешательства в юные умы, и ей больше никогда не доверяли управление детьми.

Герцог Брауншвейгский и курфюрст Менцкий были поражены жестокостью пыток, применяемых к подозреваемым, и в то же время убедились, что ни один праведный судья не сочтет признание, вырванное с помощью боли и противоречивое само по себе, достаточным доказательством, оправдывающим казнь любого обвиняемого. О герцоге Брауншвейгском рассказывают, что он пригласил к себе двух ученых иезуитов, которые, как известно, придерживались твердого мнения о колдовстве, чтобы показать им жестокость и нелепость такой практики. В городской темнице лежала женщина, обвиненная в колдовстве, и герцог, предварительно дав указания мучителям, отправился вместе с двумя иезуитами выслушать ее признание. Путем ряда искусных наводящих вопросов бедняжку в крайних мучениях заставили признаться, что она часто посещала шабаш извергов на Брокене; что она видела там двух иезуитов, которые прославились своими мерзостями даже среди ведьм; Она видела, как они принимали облик козлов, волков и других животных, и что многие знатные ведьмы рожали им по пять, шесть и семь детей, у которых головы были как у жаб, а ноги как у пауков. На вопрос, далеко ли от нее иезуиты, она ответила, что они находятся в комнате рядом с ней. Герцог Брауншвейгский увел своих изумленных друзей и объяснил им суть уловки. Для них обоих это было убедительным доказательством того, что тысячи людей пострадали несправедливо; они знали о своей собственной невинности и с содроганием думали о том, какая судьба могла бы их постигнуть, если бы враг вместо друга вложил в уста преступника такое признание. Одним из таких иезуитов был Фредерик Шпее, автор "*Cautio Criminalis*", опубликованной в 1631 году. Эта работа, разоблачающая ужасы судов над ведьмами, оказала самое благотворное влияние в Германии: Шонбрунн, архиепископ и курфюрст Менца, полностью отменил пытки в своих владениях, а его примеру последовали герцог Брауншвейгский и другие властители. Число предполагаемых ведьм сразу же уменьшилось, а жестокость мании стала ослабевать. В 1654 году курфюрст Бранденбурга издал рескрипт по делу Анны Эллерброкской, предполагаемой ведьмы, запрещающий применение пыток и клеймящий плавание ведьм как несправедливое, жестокое и лживое испытание.

Это было началом рассвета после долгого затянувшегося мрака. Трибуналы больше не приговаривали ведьм к казни сотнями в год. Вюрцбург, главный театр сожжений, сжег всего одну ведьму там, где за сорок лет до этого сжег три десятка. С 1660 по 1670 год избирательные палаты во всех частях Германии постоянно заменяли смертный приговор, вынесенный провинциальными трибуналами, пожизненным тюремным заключением или прижиганием щеки.

РУЭН.

Постепенно более правильная философия разубеждала общественное сознание. Ученые люди освободились от оков пагубного суеверия, а правительства, как гражданские, так и церковные, подавили народные заблуждения, которые они так долго поощряли. В 1670 году парламент Нормандии приговорил несколько женщин к смерти по старому обвинению в том, что они ездили на метлах к Домданиэлю; но Людовик XIV заменил приговор пожизненным изгнанием. Парламент выразил протест и направил королю следующую замечательную просьбу. Читатель, возможно, будет рад ознакомиться с этим документом. Он имеет большое значение, поскольку является последней попыткой законодательного собрания отстоять эту великую ошибку; а аргументы, которые они использовали, и примеры, которые они приводили, в высшей степени любопытны. Это делает честь памяти Людовика XIV, что он не поддался ее влиянию".

"ЗАПРОС ПАРЛАМЕНТА РУАНА КОРОЛЮ В 1670 ГОДУ.

"Сир, - Опираясь на власть, которую ваше величество передало в наши руки в провинции Нормандия, чтобы разбирать и наказывать преступления, и особенно те преступления колдовского характера, которые ведут к разрушению религии и гибели народов, мы, ваш парламент, смиренно обращаемся к вашему величеству с протестом по поводу некоторых дел такого рода, которые недавно предстали перед нами. Мы не можем позволить, чтобы письмо, адресованное по повелению вашего величества генеральному прокурору этого округа, об отсрочке наказания некоторых лиц, приговоренных к смерти за колдовство, и о приостановлении производства по нескольким другим делам, осталось незамеченным и без указания на последствия, которые могут из этого последовать. Здесь же находится письмо вашего государственного секретаря, в котором сообщается о намерении вашего величества заменить наказание этих преступников вечным изгнанием, а также узнать мнение генерального прокурора и самых ученых членов Парижского парламента, следует ли в вопросе о колдовстве следовать практике парламента Руана, а не Парижского парламента и других парламентов королевства, которые судят иначе.

"Хотя постановлениями королей, ваших предшественников, парламентам было запрещено обращать внимание на *письма де каше*; тем не менее, мы, зная, как и все королевство, о заботе, проявляемой вашим величеством о благе ваших

подданных, и о покорности и послушании вашим повелениям, которые мы всегда проявляли, приостановили все разбирательства, в соответствии с вашими приказами; надеясь, что ваше величество, учитывая важность преступления колдовства и последствия, к которым может привести его безнаказанность, соизволит вновь дать нам разрешение продолжить судебное разбирательство и вынести приговор тем, кто будет признан виновным. А поскольку после получения письма вашего государственного секретаря мы были также ознакомлены с решением вашего величества не только заменить смертный приговор, вынесенный этим ведьмам, на приговор о вечном изгнании из провинции, но и восстановить их во владении их товарами и имуществом, а также их доброй славой и характером, ваш парламент счел своим долгом по случаю этих преступлений, величайших из тех, что могут совершить люди, ознакомить вас с общими и едиными чувствами жителей этой провинции по отношению к ним; Кроме того, это вопрос, от которого зависит слава Божья и облегчение ваших страдающих подданных, которые стонут от страха перед угрозами и опасностями такого рода людей и которые ежедневно ощущают их последствия в виде смертельных и чрезвычайных болезней, которые на них нападают, и удивительного ущерба и потери их имущества.

"Вашему величеству хорошо известно, что нет преступления, столь противоречащего велениям Бога, как колдовство, которое разрушает саму основу религии и влечет за собой странные мерзости. Именно по этой причине, сир, Священное Писание карает преступников смертной казнью, Церковь и святые отцы изрекают анафемы, а канонические решения единодушно назначают самые суровые наказания, чтобы удержать от этого преступления; И что церковь Франции, воодушевленная благочестием королей, ваших предшественников, выразила столь великий ужас перед этим, что, не считая наказание в виде вечного тюремного заключения, самое строгое из тех, что она имеет право назначить, достаточно суровым, она оставила таких преступников на усмотрение светской власти.

"По общему мнению всех народов, такие преступники должны быть приговорены к смерти, и все древние придерживались того же мнения. Закон "Двенадцати таблиц", который был основным из римских законов, предписывает такое же наказание. С этим согласны все юриспруденции, а также конституции императоров, особенно Константина и Феодосия, которые, просвещенные Евангелием, не только возобновили то же наказание, но и лишили всех лиц, уличенных в колдовстве, права на апелляцию и объявили их недостойными милости князя. И Карл VIII, сир, вдохновленный теми же чувствами, принял тот прекрасный и суровый ордонанс (*cette belle et sévère ordonnance*), который предписывал судьям наказывать ведьм в зависимости от обстоятельств дела, под угрозой штрафа, тюремного заключения или увольнения с должности; и в то же время постановил, что все лица, отказавшиеся изобличить ведьму, должны быть наказаны как соучастники, а все, кто дал показания против одной, наоборот, должны быть вознаграждены.

"Исходя из этих соображений, сир, и исполняя столь святое постановление, ваши парламенты своими декретами соразмеряют наказания с виной преступников; и ваш парламент Нормандии никогда, вплоть до настоящего времени, не обнаруживал, что его практика отличается от практики других судов; ибо все книги, трактующие об этом, приводят бесконечное число декретов, приговаривающих ведьм к сожжению, или разбиванию на колесе, или к другим наказаниям. В качестве примера можно привести следующие: во времена Чилперика, как можно видеть у Григория Турского, b. vi. c. 35 его Истории Франции; все постановления

Парижского парламента, принятые в соответствии с этой древней юриспруденцией королевства, цитируемые Imbert в его Судебной практике; все те, которые цитируются Monstrelet в 1459 году против ведьм Артуа; постановления того же парламента от 13 октября 1573 года против Марии Ле Фиф, уроженки Сомюра; от 21 октября 1596 года против съера де Бомона, который в свою защиту утверждал, что обращался к помощи дьявола только для того, чтобы околдовать страждущих и излечить болезни; от 4 июля 1606 года против Франциска дю Бозе; от 20 июля 1582 года против Абея де ла Рю, уроженца Куломьера; от 2 октября 1593 года против Руссо и его дочери; от 1608 года против другого Руссо и некоего Пели за колдовство и поклонение дьяволу в субботу, под фигурой козла, как они признались; указ от 4 февраля 1615 года против Леклерка, обжаловавшего приговор Орлеанского парламента, осужденного за посещение субботы и признавшегося, как и двое его сообщников, умерших в тюрьме, что он поклонялся дьяволу, отрекся от крещения и веры в Бога, танцевал танец ведьм и приносил нечестивые жертвы; декреты от 6 мая 1616 года против человека по имени Леже по аналогичному обвинению; помилование, дарованное Карлом IX. Труа Эшель при условии разоблачения его сообщников, но затем отмененное из-за возобновления колдовства с его стороны; декрет Парижского парламента, процитированный Морнаком в 1595 году; приговоры, вынесенные в связи с поручением, данным Генрихом IV. 20 марта 1619 года против Этьена Одибера; постановления палаты Нерака от 26 июня 1620 года против нескольких ведьм; постановления парламента Тулузы от 1577 года, приведенные Григорием Толосаном, против четырехсот человек, обвиненных в этом преступлении, и все они были отмечены знаком дьявола. Кроме всего этого, мы могли бы напомнить вашему величеству о различных постановлениях парламента Прованса, особенно по делу Гофреды в 1611 году; о постановлениях парламента Дижона и парламента Ренна, последовавших примеру осуждения маршала де Рэйса, который был сожжен в 1441 году за преступление колдовства в присутствии герцога Бретани;-все эти примеры, сир, доказывают, что обвинение в колдовстве всегда каралось смертью парламентами вашего королевства, и оправдывают единообразие их практики.

"Таковы, сир, мотивы, которыми руководствовался ваш парламент Нормандии, вынося смертный приговор лицам, которые недавно предстали перед ним за это преступление. Если случалось, что в каких-то случаях эти парламенты, и Нормандский в том числе, приговаривали виновных к меньшему наказанию, чем смерть, то это происходило по той причине, что их вина не была глубочайшей; ваше величество и короли, ваши предшественники, оставили полную свободу различным трибуналам, которым они делегировали отправление правосудия, выносить такие наказания, которые были оправданы представленными им доказательствами.

"После стольких инстанций и наказаний, предписанных человеческими и божественными законами, мы смиренно просим ваше величество еще раз задуматься о необычайных результатах, которые проистекают из злобы этого рода людей; о смертях от неизвестных болезней, которые часто являются следствием их угроз, о потере вещей и имущества ваших подданных, о доказательствах вины, постоянно предоставляемых нечувствительностью следов на обвиняемых, о внезапной перевозке тел с места на место, о жертвоприношениях и ночных сборищах, и другие факты, подтвержденные свидетельствами древних и современных авторов, подтвержденные столькими очевидцами, состоящими отчасти из сообщников, отчасти из людей, не заинтересованных в судебном разбирательстве иначе, как из любви к истине, и подтвержденные, кроме того,

признаниями самих обвиняемых; И это, сир, с таким согласием и соответствием между различными случаями, что самые невежественные люди, осужденные за это преступление, говорили о тех же обстоятельствах и почти теми же словами, что и самые знаменитые авторы, писавшие о нем; все это может быть легко доказано к удовлетворению вашего величества протоколами различных судебных процессов в ваших парламентах.

"Это, сир, истины, столь тесно связанные с принципами нашей религии, что, хотя они и необычны, ни один человек до сих пор не смог поставить их под сомнение. Если некоторые и приводили в противовес этим истинам притворный канон Анцирского собора и отрывок из сочинения св. Августина в трактате о Духе и Душе, то это было необоснованно; и легко убедить ваше величество, что ни тот, ни другой не должны считаться авторитетными; кроме того, канон в этом смысле противоречил бы мнению всех последующих соборов Церкви, кардинал Бароний и все ученые комментаторы согласны, что его нельзя найти ни в одном старом издании. По сути, в тех изданиях, где он встречается, он написан на другом языке и прямо противоречит двадцать третьему канону того же собора, который осуждает колдовство, согласно всем предшествующим конституциям. Даже если предположить, что этот канон действительно был провозглашен Анцирским собором, следует отметить, что он был издан во втором веке, когда основное внимание Церкви было направлено на уничтожение язычества. По этой причине он осуждает тот класс женщин, которые говорили, что могут проходить по воздуху и через огромные пространства вместе с Дианой и Иродиадой, и предписывает всем проповедникам учить о ложности такого мнения, чтобы удержать людей от поклонения этим ложным божествам; но он не ставит под сомнение власть дьявола над человеческим телом, которая, в сущности, доказана святым Евангелием самого Иисуса Христа. Что же касается, сир, притворного отрывка святого Августина, то всем известно, что он написан не им, поскольку автор, кем бы он ни был, цитирует Бетия, который умер более чем через восемьдесят лет после святого Августина. Кроме того, еще более убедительным доказательством является тот факт, что тот же папа утверждает истинность колдовства во всех своих трудах, и особенно в "Городе Божьем", а также в первом томе, вопрос 25-й, где он утверждает, что колдовство - это общение между человеком и дьяволом, на которое все добрые христиане должны смотреть с ужасом.

"Принимая все это во внимание, сир, служащие вашего парламента надеются, что, по справедливости вашего величества, вы будете милостиво рады принять смиренные протесты, которые они позволили себе сделать. Они вынуждены, для оправдания собственной совести и во исполнение своего долга, довести до сведения вашего величества, что постановления, вынесенные ими против колдунов и ведьм, предстающих перед ними, были приняты после зрелого обсуждения всеми присутствующими судьями, и что в них не было сделано ничего, что не соответствовало бы всеобщей юриспруденции королевства и общему благополучию подданных вашего величества, среди которых нет ни одного, кто мог бы сказать, что он защищен от злобы подобных преступников. Поэтому мы умоляем ваше величество позволить нам привести в исполнение вынесенные нами приговоры и продолжить суд над другими лицами, обвиненными в том же преступлении; и что благочестие вашего величества не допустит, чтобы во время вашего правления было введено мнение, противоречащее принципам той святой религии, ради которой вы всегда так славно использовали и ваши заботы, и ваше оружие".

Людовик, как мы уже упоминали, не обратил внимания на этот призыв. Жизни старух были пощажены, а судебные преследования за простое колдовство, не связанное с другими преступлениями, были прекращены по всей Франции. В 1680 году был принят закон о наказании не ведьм, а претендентов на колдовство, гадалок, прорицательниц и отравителей.

Таким образом, свет проникал в Германию, Францию, Англию и Шотландию примерно в одно и то же время, постепенно становясь все яснее и яснее до середины XVIII века, когда колдовство было окончательно причислено к взорванным доктринам, а вера в него ограничена самой крайней вульгарностью. Дважды, однако, безумие вспыхивало снова, столь же яростно, пока длилось, как и прежде. Первый раз в Швеции в 1669 году, а второй - в Германии в 1749 году. Оба эти случая заслуживают особого упоминания. Первый - один из самых необычных, по жестокости и нелепости не превзойденный в летописях ни одного народа.

ЛЮДОВИК XIV.

Королю Швеции доложили, что в маленькой деревушке Мохра, в провинции Далекарлия, очень много ведьм, и он назначил комиссию из духовенства и мирян, чтобы проследить источник слухов и с полным правом наказать виновных. 12 августа 1669 года члены комиссии прибыли в заколдованную деревню, к великой радости легковерных жителей. На следующий день все население, насчитывающее три тысячи человек, собралось в церкви. Была прочитана проповедь, "повествующая о жалком положении тех людей, которые поддались дьявольскому заблуждению", и вознесена горячая молитва о том, чтобы Бог удалил бич из их среды.

Затем все собрание переместилось в дом настоятеля, заполнив всю улицу перед ним, где было зачитано поручение короля, в котором каждому, кто что-либо знает о колдовстве, предлагалось выйти вперед и рассказать правду. Народ охватила страсть слез; мужчины, женщины и дети начали плакать и рыдать, и все обещали рассказать, что они слышали или знали. В таком настроении они разошлись по домам. На следующий день их снова созвали, и тогда показания нескольких человек были публично взяты перед всеми. В результате семьдесят человек, включая пятнадцать детей, были взяты под стражу. Немало людей было арестовано и в соседнем округе Эльфдейл. Подвергнутые пыткам, все они признали свою вину. Они рассказали, что обычно ходили на гравийный карьер, который находился у перекрестка, где надевали на голову жилет и танцевали "круг за кругом". Затем они шли к перекрестку и трижды призывали дьявола: первый раз - низким тихим голосом, второй -

несколько громче, а третий - очень громко, со словами: "Антецессор, приди и перенеси нас в Блокулу!". Этот призыв никогда не мешал им увидеть его. Обычно он появлялся в виде маленького старичка в сером плаще, в красных и синих чулках с очень длинными подвязками. Кроме того, у него была очень высокая шапка, обмотанная лентами из разноцветного льна, и длинная рыжая борода, доходившая ему до середины головы.

Первый вопрос, который он им задал, был: будут ли они служить ему душой и телом? Получив утвердительный ответ, он велел им готовиться к путешествию в Блокулу. Прежде всего необходимо было раздобыть "несколько обрезков алтарей и опилок церковных часов". Затем Антецессор дал им рог с какой-то мазью, которой они помазались. Покончив с этими приготовлениями, он привел животных, на которых они должны были ехать, - лошадей, ослов, коз и обезьян; дав им седло, молоток и гвоздь, он произнес команду, и они отправились в путь. Ничто их не останавливало. Они пролетали над церквями, высокими стенами, скалами и горами, пока не попадали на зеленый луг, где находилась Блокула. В этих случаях они брали с собой столько детей, сколько могли, потому что дьявол, по их словам, "изводил и бил их, если они не приносили ему детей, так что у них не было для него ни мира, ни покоя".

Многие родители подтвердили часть этих показаний, заявив, что их дети неоднократно рассказывали им, что ночью их унесли в Блокулу, где дьявол избил их до синевы. Утром они видели следы, но вскоре они исчезли. Была осмотрена одна маленькая девочка, которая утвердительно поклялась, что ведьмы пронесли ее по воздуху, и, оказавшись на большой высоте, она произнесла святое имя Иисуса. Она тут же упала на землю, и в ее боку образовалась большая дыра. "Однако дьявол подхватил ее, исцелил ее бок и унес в Блокулу". Она добавила (и ее мать подтвердила ее слова), что до этого дня у нее "была очень сильная боль в боку". Это стало решающим фактором, и гвоздь убеждения вбил в сердца судей.

Место, называемое Блокула, куда их привели, было большим домом с воротами, стоявшим "на нежном лугу, которому не было видно конца". В нем стоял очень длинный стол, за которым сидели ведьмы; а в других комнатах "стояли очень красивые и изящные кровати, на которых они спали".

После совершения ряда обрядов, которыми они связывали себя душой и телом со служением Антецессору, они садились за пир, состоящий из бульона, приготовленного из колдунов и бекона, овсянки, хлеба с маслом, молока и сыра. Дьявол всегда садился на стул и иногда играл им на арфе или скрипке, пока они ели. После ужина они танцевали в кольце, иногда голые, а иногда в одежде, постоянно ругаясь и сквернословя. Некоторые из женщин добавляли подробности, слишком ужасные и непристойные, чтобы их повторять.

Однажды дьявол притворился мертвым, чтобы посмотреть, сожалеет ли о нем народ. Они тут же подняли громкий плач и выплакали по три слезинки; он был так доволен, что вскочил и обнял тех, кто больше всех упирался в своем горе.

Таковы основные подробности, рассказанные детьми и подтвержденные признаниями повзрослевших ведьм. Ничего более абсурдного никогда не рассказывалось в суде. Многие из обвиняемых противоречили сами себе самым явным образом, но члены комиссии не обращали внимания на расхождения. Один из них, пастор округа, заявил в ходе дознания, что в одну из упомянутых им ночей его мучила такая мучительная головная боль, что он не мог объяснить ее иначе, как предположив, что его околдовали. На самом деле ему казалось, что на его голове танцуют несколько ведьм. Это заявление вызвало большой ужас среди благочестивых дам, которые громко выражали свое удивление тем, что дьявол имеет власть причинить вред такому хорошему человеку. Одна бедная ведьма, которая лежала в самых

челюстях смерти, призналась, что слишком хорошо знала причину головной боли священника. Дьявол послал ее с кувалдой и большим гвоздем, чтобы она вбила его в череп. Она била по нему некоторое время, но череп был такой огромной *толщины*, что не произвел на него никакого впечатления. Все подняли руки в изумлении. Благочестивый священник благословил Бога за то, что его череп оказался таким прочным, и прославился своей толстой головой на всю жизнь. Неизвестно, хотела ли ведьма пошутить, но на нее смотрели как на преступницу, более жестокую, чем обычно. Семьдесят человек были приговорены к смерти на основании этих столь ужасных и в то же время столь нелепых признаний. Двадцать три из них были сожжены вместе на одном костре в деревне Мохра в присутствии тысяч восхищенных зрителей. На следующий день таким же образом были убиты пятнадцать детей, принесенных в жертву кровавому Молоху суеверий. Остальные тридцать два были казнены в соседнем городе Фахлуна. Кроме них, пятьдесят шесть детей были признаны виновными в колдовстве в легкой степени и приговорены к различным наказаниям, таким как бег в перчатках, тюремное заключение и публичная порка раз в неделю в течение двенадцати месяцев.

Спустя долгое время после этого случая его приводили в качестве одного из самых убедительных доказательств распространенности колдовства. Когда люди хотят построить или поддержать какую-то теорию, как они пытаются заставить факты служить им! Лживых капризов нескольких больных детей, поощряемых глупыми родителями и привлеченных суеверными соседями, было достаточно, чтобы охватить пламенем всю страну. Если бы вместо комиссаров, так же глубоко погруженных в трясину невежества, как и люди, среди которых они были посланы, были назначены несколько человек, твердых в мужестве и ясных в понимании, насколько иным был бы результат! Некоторых из сожженных несчастных детей отправили бы в лазарет, других бы хорошенько выпороли; над легковерием родителей посмеялись бы, а жизни семидесяти человек были бы спасены. Вера в колдовство сохранилась в Швеции и по сей день, но, к счастью, в летописях этой страны больше нет таких примеров прискорбного отклонения интеллекта, как только что приведенный.

В Новой Англии примерно в то же время колонисты были напуганы похожими историями о проделках дьявола. Всех сразу охватил страх, и предполагаемых преступников арестовывали день за днем в таком количестве, что тюрьмы оказались слишком малы, чтобы вместить их. Девушка по имени Гудвин, дочь каменщика, ипохондричная и подверженная припадкам, вообразила, что старая ирландка по имени Гловер околдовала ее. Два ее брата, чья конституция, очевидно, была предрасположена к подобным припадкам, точно так же срывались, крича, что дьявол и дама Гловер мучают их. Временами их суставы становились настолько жесткими, что ими невозможно было пошевелить; в то время как в других случаях, по словам соседей, они были настолько гибкими, что кости казались размягченными в сухожилия. Предполагаемую ведьму схватили, а поскольку она не могла повторить молитву "Отче наш" без ошибок, ее осудили и казнили.

Но народное волнение не утихло. Одной жертвы было недостаточно, люди с нетерпением ждали новых разоблачений. Внезапно две истеричные девочки из другой семьи ежедневно впадали в припадки, и крики о колдовстве раздавались из одного конца колонии в другой. Ощущение удушья в горле, столь частое в случаях истерии, пациенты считали вызванным самим дьяволом, который засовывал в дыхательное горло шарики, чтобы их задушить. Они чувствовали уколы шипов во всех частях тела, а одну из них рвало иглами. Случай с этими девушками, дочерью и племянницей мистера Парвиса, служителя кальвинистской часовни, привлек такое внимание, что все слабые женщины в колонии стали думать, что и они страдают подобным образом. Чем больше они размышляли над этим, тем больше

убеждались. Заражение этой душевной болезнью было таким же сильным, как если бы это был мор. Одна за другой женщины падали в обморок, а придя в себя, утверждали, что видели призраки ведьм. Если в семье было три или четыре девушки, они так воздействовали каждая на больное воображение другой, что те впадали в припадки по пять-шесть раз за день. Некоторые рассказывали, что им являлся сам дьявол, держа в руке пергаментный свиток и обещая, что если они подпишут соглашение, передав ему свои бессмертные души, то немедленно избавятся от припадков и всех недугов плоти. Другие утверждали, что видели только ведьм, которые давали им подобные обещания, угрожая, что они никогда не избавятся от болей, пока не согласятся стать дьявольскими. Когда они отказывались, ведьмы щипали, кусали или кололи их длинными булавками и иглами. Более двухсот человек, названных этими озорными провидцами, были брошены в тюрьму. Они были разного возраста и состояния, и многие из них отличались образцовым характером. Не менее девятнадцати человек были осуждены и казнены, прежде чем разум вернулся к колонистам. Самое ужасное в этой печальной истории то, что среди жертв был маленький ребенок всего пяти лет. Некоторые женщины клялись, что неоднократно видели его в компании с дьяволом и что он часто кусал их своими маленькими зубками за отказ подписать договор со злодеем. Вряд ли можно усилить чувство отвращения и омерзения, когда мы узнаем, что это безумное сообщество на самом деле судило и казнило собаку за то же преступление!

Один человек, по имени Кори, упорно отказывался признать себя виновным в предъявленном ему абсурдном обвинении. Как и положено в таких случаях, его приговорили к смерти. Рассказывают, что шериф Новой Англии, руководивший казнью, сказал, что, когда несчастный в предсмертной агонии высунул язык, он схватил трость и впихнул его обратно в рот. Если когда-либо существовал изверг в человеческом обличье, то им был этот шериф: человек, который, если знать правду, возможно, тешил себя благочестием, думал, что оказывает Богу добрую услугу, и

"Надеялся заслужить рай, превратив землю в ад!"

По-прежнему твердо веря в колдовство, убитые горем люди стали задаваться вопросом, видя, как их дорогих друзей отнимают у них эти широко распространившиеся обвинения, не было ли все это делом рук дьявола. Не вложил ли великий враг ложные показания в уста свидетелей, не были ли свидетели сами ведьмами? Каждый мужчина, которому грозила опасность потерять жену, ребенка или сестру, с жадностью принимал эту доктрину. Отвращение было столь же внезапным, как и первое безумие. В один миг колонисты убедились в своей ошибке. Судьи прекратили судебные преследования даже тех, кто признал свою вину. Последние, едва оказавшись на свободе, отказывались от своих слов, а большинство из них с трудом вспоминали о клятвах, которые вырвали у них муки. Восемь человек, которых судили и осудили, были отпущены на свободу, и постепенно девушки перестали испытывать приступы и говорить о преследованиях дьявола. Судья, вынесший приговор первому преступнику, казненному по этому обвинению, был настолько сражен горем и унижен своей глупостью, что назначил годовщину того дня торжественным покаянием и постом. Он все еще продолжал верить в колдовство; никакого нового света не пролилось на него в этом вопросе, но, к счастью для общества, заблуждение приняло милосердный оборот. Вся колония разделяла это чувство; присяжные на различных процессах открыто выражали свое раскаяние в церквях, а пострадавшие считались жертвами, а не пособниками сатаны.

Рассказывают, что индейские племена Новой Англии были крайне озадачены увлечением поселенцев и считали их либо низшей расой, либо более грешной, чем французские

колонисты, жившие поблизости, среди которых, как они заметили, "Великий Дух не посылал ведьм".

Вернувшись на европейский континент, мы обнаружим, что после 1680 года люди стали еще мудрее в этом вопросе. В течение двадцати лет население оставалось при своем мнении, но правительства в целом не давали ему никакой подпитки в виде казней. Эдикт Людовика XIV нанес удар по суеверию, от которого оно так и не оправилось. Последняя казнь в протестантских кантонах Швейцарии состоялась в Женеве в 1652 году. Различные властители Германии, хотя и не могли остановить судебные процессы, неизменно заменяли приговор тюремным заключением во всех случаях, когда мнимая ведьма обвинялась в чистом колдовстве, не связанном ни с каким другим преступлением. В 1701 году Томазиус, профессор Галльского университета, выступил с инаугурационной диссертацией "De Crimine Magiæ", которая нанесла еще один удар по падающему монстру народного заблуждения. Но столь сильная вера в колдовство не могла быть искоренена сразу: аргументы ученых людей не проникали в деревни и села, но все же они достигли великих целей; они сделали веру нерабочей и предотвратили поступление жертв, на которых она питалась и крепла столько веков.

Заблуждение снова вспыхнуло; подобно дикому зверю, раненному насмерть, оно собрало все свои оставшиеся силы для последней конвульсии, которая должна была показать, насколько могущественным оно когда-то было. Германия, вскормившая страшное заблуждение в колыбели, ухаживала за ним на смертном одре, а Вюрцбургу, где произошло столько убийств под тем же предлогом, суждено было стать местом последнего. Чтобы он не утратил и доли своей дурной славы, последнее убийство было таким же зверским, как и первое. Этот случай очень похож на дело ведьм из Мохры и Новой Англии, за исключением количества жертв. Это произошло в 1749 году, к изумлению и отвращению всей Европы.

ВИД В ВЮРЦБУРГЕ.

Несколько молодых женщин в монастыре в Вюрцбурге считали себя околдованными; как и все истеричные субъекты, они испытывали чувство удушья в горле. Они неоднократно впадали в припадки, а одна из них, проглотив иголки, извлекала их через абсцессы, которые образовывались в разных частях тела. Поднялся крик о колдовстве, и молодая женщина по имени Мария Рената Зенгер была арестована по обвинению в сговоре с дьяволом, чтобы околдовать пять девушек. В ходе судебного разбирательства было дано показание, что Марию часто видели перелезающей через стены монастыря в виде свиньи, что, отправляясь в подвал, она пила лучшее вино, пока не опьянела, а затем внезапно вставала в своем собственном виде. Другие девушки утверждали, что она рыскала по крыше, как кошка, часто проникала в их покои и пугала их своим страшным воем. Говорили также, что ее видели в образе зайца, доившей коров на лугах, принадлежащих монастырю; что она выступала в качестве актрисы на сцене театра Друри-Лейн в Лондоне и в ту же ночь возвращалась на метле в Вюрцбург и мучила юных леди болями во всех конечностях. На основании этих показаний она была осуждена и сожжена заживо на рыночной площади Вюрцбурга.

На этом страшный перечень убийств и суеверий заканчивается. С того дня вера в колдовство ушла из густонаселенных мест обитания людей и укрылась в отдаленных деревнях и районах, слишком диких, суровых и негостеприимных для того, чтобы дать привал ногам цивилизации. Грубые рыбаки и необразованные рабочие по-прежнему приписывают дьяволу и ведьмам все явления природы, которые они не могут объяснить. Катаlepsия, эта чудесная болезнь, все еще считается невежественными сплетниками делом рук Сатаны; а ипохондрики, не осведомленные наукой о природе своего недуга, свято верят в реальность своих видений. Читатель вряд ли оценит масштабы заблуждений на эту тему в самом сердце Англии в наши дни. Многие старухи проводят жизнь в страданиях от бесчувственных оскорблений соседей, которые поднимают на нее презрительный палец и улюлюкают, потому что в своей дряхлости она уродлива, злобна, возможно, безумна, а в ее внешности воплощается описание, сохранившееся в традиции о ведьмах былых времен. Даже в окрестностях больших городов сохраняется отпечаток этой некогда широко распространенной заразы. Если жертвы не падают под ее действием, то просвещение закона - это все, что предотвращает повторение сцен, столь же ужасных, как в семнадцатом веке. Можно найти сотни и сотни свидетелей, готовых поклясться в нелепостях, подобных тем, что утверждал печально известный Мэтью Хопкинс.

В ежегодном реестре за 1760 год приводится случай веры в колдовство, который показывает, насколько живучи суеверия. В маленькой деревушке Глен в Лестершире возник спор между двумя старухами, каждая из которых яростно обвиняла другую в колдовстве. В конце концов ссора достигла такого накала, что последовал вызов, и они обе согласились пройти испытание плаванием. Они разделись до белья, наняли нескольких мужчин, которые связали им большие пальцы рук и ног крест-накрест, а затем, обвязав их веревкой, бросили в бассейн с водой. Одна из них сразу же утонула, но другая еще некоторое время продолжала бороться на поверхности воды, и толпа, посчитав это безошибочным признаком ее вины, вытащила ее и потребовала, чтобы она немедленно допросила всех своих сообщников по этому делу. Она рассказала, что в соседней деревне Бертон есть несколько старух, которые "такие же ведьмы, как и она". К счастью для нее, эта негативная информация была сочтена достаточной, и студент по астрологии, или "белая ведьма", оказавшийся в это время рядом, по его указанию толпа немедленно отправилась в Бертон на поиски всех провинившихся. Посовещавшись по прибытии, они направились к дому старухи, на которую пало самое сильное подозрение. Бедное старое существо при их появлении заперло наружную дверь и

из окна комнаты наверху спросило, что им нужно. Они сообщили ей, что ее обвиняют в колдовстве и что они пришли ее осудить, одновременно убеждая ее в необходимости подвергнуться испытанию, так как, если она невиновна, об этом узнает весь мир. Когда она упорно отказывалась спуститься, они открыли дверь и силой вытащили ее в глубокую гравийную яму, полную воды. Связав ей большие пальцы рук и ног, они бросили ее в воду, где продержали несколько минут, два или три раза вытаскивая и втягивая ее за веревку вокруг ее середины. Так и не убедившись, ведьма она или нет, они наконец отпустили ее, или, правильнее сказать, оставили на берегу, чтобы она сама дошла до дома, если когда-нибудь оправится. На следующий день они повторили этот эксперимент с другой женщиной, а затем и с третьей, но, к счастью, ни одна из жертв не лишилась жизни от этой жестокости. Многие из зачинщиков бесчинств были задержаны в течение недели и предстали перед судьями на квартальных сессиях. Двое из них были приговорены к столбу и месячному тюремному заключению; еще около двадцати человек были оштрафованы на небольшие суммы за нападение и связаны обязательством соблюдать мир в течение двенадцати месяцев.

"До 1785 года, - пишет Арнот в своем сборнике и сокращении "Уголовные процессы в Шотландии", - среди секты секиристов было принято читать с кафедры ежегодное признание грехов, национальных и личных; среди первых особенно упоминалась "Отмена парламентом уголовного закона против ведьм, противоречащего явным законам Божиим"".

ДОМ ЛЕДИ ХЭТТОН, КРОСС-СТРИТ, ХЭТТОН-ГАРДЕН.

В Англии до сих пор можно найти множество домов с прибитым у порога конским башмаком (главным средством защиты от колдовства). Если какой-нибудь мудрый философ попытается снять их, то, скорее всего, он получит больше переломов костей, чем благодарностей за свое вмешательство. Пусть любой человек пройдет на Кросс-стрит, в Хэттон-Гарден, а оттуда в Блединг-Харт Ярд и узнает, какие истории до сих пор рассказывают и во что верят в одном из домов этого района, и он с изумлением спросит себя, неужели такое может быть в XIX веке. В колдовство леди Хаттон, жены знаменитого сэра Кристофера, столь прославившегося своими изящными танцами во времена Елизаветы, верят так же набожно, как в Евангелие. Здесь можно увидеть комнату, где дьявол схватил ее по истечении срока договора, который он заключил с ней, и унес ее в яму Тофета: насос, о который он ее ударил, все еще указан, а место, где было найдено ее сердце, после того как он вырвал его из ее груди своими железными когтями, получило название Двор кровоточащего сердца, в подтверждение этой истории. Остался ли конский башмак на двери дома с привидениями, чтобы отпугивать

других ведьм, неизвестно. Один из бывших обитателей дома рассказывает, что "лет двадцать назад не одна старуха неоднократно просила впустить ее в дом, чтобы убедиться, что она находится на своем месте. Одно бедное существо, явно безумное и одетое в лохмотья, подошло к двери с огромным двойным стуком, таким же громким, как у модного лакея, и прошло прямо по проходу к лошадиному ботинку. Обитатели дома были немало удивлены, особенно когда женщина плюнула на лошадиный башмак и выразила сожаление, что не может причинить ему никакого вреда, пока он остается на месте. Плюнув и пнув его еще и еще раз, она спокойно повернулась и вышла из дома, не сказав никому ни слова. Возможно, бедняжка хотела пошутить, но, скорее всего, она вообразила себя ведьмой. В Саффрон-Хилле, где она жила, ее невежественные соседи наделили ее таким характером и смотрели на нее с немалым страхом и отвращением".

Не один пример народной веры в колдовство произошел в окрестностях Гастингса еще в 1830 году. Пожилая женщина, проживавшая в Канатной аллее этого города, была настолько отталкивающей на вид, что все невежественные люди, знавшие ее, неизменно обвиняли ее в колдовстве. Она была согнута вдвое, и хотя была очень стара, ее глаза были необычайно яркими и злобными. Она была одета в красный плащ и опиралась на костыль: по всем внешним признакам это был самый настоящий *идеал* ведьмы. Сила так дорога человеческому сердцу, что эта старуха фактически поощряла народное суеверие; она не пыталась избавиться от дурного впечатления, но, казалось, радовалась, что она, старая и несчастная, может держать в трепете стольких более счастливых и сильных собратьев. Робкие девушки при встрече с ней приседали от страха, а многие готовы были пройти мило, чтобы избежать ее. Как и ведьмы былых времен, она не жалела своих проклятий для тех, кто ее обижал. Ребенок одной женщины, жившей в двух шагах от нее, страдал от хромоты, и мать постоянно утверждала, что старуха ее околдовала. Все соседи верили в эту историю. Считалось также, что она может принимать облик кошки. Толпы мужчин и мальчишек чуть ли не до смерти преследовали безобидную кошечку, полагая, что животное предстанет перед ними в истинном облике Матери.

В том же городе жил рыбак, который был объектом непрекращающихся преследований, потому что говорили, что он продан дьяволу. Говорили, что он может пролезть через замочную скважину и что он сделал ведьмой свою дочь, чтобы иметь больше власти над своими товарищами. Также считалось, что он может сидеть на остриях булавок и иголок и не чувствовать боли. Его братья-рыбаки подвергали его этому испытанию при каждом удобном случае. В питейных заведениях, которые он часто посещал, они часто втыкали длинные иглы в подушки кресел таким образом, что он не мог не уколоться, когда садился. Результат этих экспериментов подтвердил их веру в его сверхъестественные способности. Утверждали, что он ни разу не вздрогнул. Таково было мнение жителей модного города Гастингс несколько лет назад; вполне вероятно, что и сейчас оно такое же.

На севере Англии суеверия дошли до почти невыносимых масштабов. Ланкашир изобилует докторами-колдунами, шарлатанами, которые притворяются, что лечат болезни, навеянные дьяволом. О практике этих достойных людей можно судить по следующему случаю, описанному в газете Hertford Reformer от 23 июня 1838 года. Упомянутый доктор-колдун более известен под именем *Хитрый человек* и имеет большую практику в графствах Линкольн и Ноттингем. По словам автора газеты "Реформатор", его жертва, имя которой не называется, уже около двух лет страдала от болезненного нарыва, и не один медик прописывал ей лекарства, не приносящие облегчения. Некоторые из его друзей, не только в его собственной деревне, но и в соседних, убеждали его обратиться к знахарке, так как были уверены, что он находится под каким-то дурным влиянием. Он согласился и отправил свою

жену к *хитроумному человеку*, который жил в Нью-Сент-Свитинс, в Линкольне. Этот невежественный самозванец сообщил ей, что расстройство ее мужа - происки дьявола, вызванные его соседями, которые использовали для этой цели определенные чары. Судя по описанию, которое он дал, процесс был похож на тот, что использовали доктор Фиан и Гелли Дункан, чтобы накликать горе на короля Якова. Он заявил, что соседи, подстрекаемые ведьмой, на которую он указал, взяли немного воска и вылепили из него перед огнем фигуру ее мужа, настолько близко, насколько они могли его представить; затем они проткнули изображение булавками со всех сторон, повторили молитву "Отче наш" задом наперед и вознесли молитвы дьяволу, чтобы он всадил свои жала в человека, которого представляла эта фигура, так же, как они протыкали ее булавками. Чтобы противостоять воздействию этого дьявольского процесса, знахарь прописывал определенное лекарство и амулет, который нужно было носить на теле, на той части, где в основном находилась болезнь. Пациент должен был ежедневно повторять 109-й и 119-й псалмы, иначе излечение не будет эффективным. Плата, которую он требовал за этот совет, составляла гинейю.

Вера в излечение любого недуга настолько действенна, что пациент действительно почувствовал себя намного лучше после трехнедельного курса лечения по этому рецепту. Знаменитый талисман, который дал шарлатан, был впоследствии открыт и оказался куском пергамента, испещренным кабалистическими символами и знаками планет.

Соседи были в большой тревоге, что знахарь, по просьбе выздоравливающего пациента, применит какие-то средства, чтобы наказать их за притворное колдовство. Чтобы избежать наказания, они накормили другого хитроумного человека в Ноттингемшире, который рассказал им о подобном талисмане, способном уберечь их от любой злобы врагов". В заключение писатель сообщает, что "доктор, вскоре после того как с ним посоветовались, написал, что обнаружил, что его пациент страдает не от сатаны, как он думал, а от Бога, и будет оставаться в таком же состоянии до конца жизни".

Примерно в 1830 году в окрестностях Танбридж-Уэллса похожим ремеслом занимался самозванец. Он практиковал несколько лет и брал огромную плату за свои советы. Этот человек выдавал себя за седьмого сына седьмого сына и, как следствие, был наделен чудодейственной силой для лечения всех болезней, но особенно тех, что были вызваны колдовством. Его услугами пользовались не только бедняки, но и дамы, ехавшие в каретах. Эти люди часто посылали его за шестьдесят или семьдесят миль, оплачивая все его расходы, а также щедро вознаграждая его. Ему было около восьмидесяти лет, и его чрезвычайно почтенный вид в немалой степени способствовал его навязчивости. Его звали Оки или Окли.

Во Франции суеверие в наши дни распространено даже больше, чем в Англии. Гарине в своей истории магии и колдовства в этой стране приводит около двадцати случаев, произошедших в период между 1805 и 1818 годами. В последний год не менее трех трибуналов были заняты процессами, возникшими на почве этой унижительной веры: мы приведем лишь один из них. Жюлиан Дебурде, пятидесяти трех лет, каменщик, житель деревни Тилуз, расположенной недалеко от Бурдо, внезапно заболел в январе 1818 года. Поскольку он не знал, чем объяснить свой недуг, то в конце концов заподозрил, что его околдовали. Он сообщил об этом своему зятю Бридье, и они оба отправились посоветоваться с неким идиотом по имени Бодуэн, который выдавал себя за фокусника или колдуна. Этот человек сказал им, что Дебурде, несомненно, околдован, и предложил сопроводить их в дом старика по имени Ренар, который, по его словам, несомненно, является преступником. В ночь на 23 января все трое незаметно подошли к жилищу Ренара и обвинили его в том, что он с помощью дьявола насылает на людей болезни. Дебурдь упал на колени и убедительно просил вернуть ему прежнее здоровье, обещая, что не примет против

него никаких мер за содеянное им зло. Старик самым решительным образом отрицал, что он волшебник, а когда Десбурда все же упросил его снять с него заклятие, тот сказал, что ничего не знает о заклятии, и отказался его снять. Тут вмешался идиот Бодуэн, *белобрысый колдун*, и сказал своим спутникам, что облегчения от болезни не будет, пока старик не признает свою вину. Чтобы заставить его признаться, они зажгли несколько палочек серы, которые принесли с собой для этой цели, и поднесли их к носу старика. Через несколько мгновений он упал, задохнувшись и став безжизненным. Все очень встревожились и, думая, что убили человека, вынесли его и бросили в соседний пруд, надеясь представить, что он упал туда случайно. Пруд, однако, был не очень глубоким, и прохлада воды оживила старика, он открыл глаза и сел. Дебурдые и Бридые, которые все еще ждали на берегу, теперь были встревожены еще больше, чем раньше, опасаясь, что он придет в себя и донесет на них. Поэтому они бросились в пруд, схватили свою жертву за волосы на голове, жестоко избили, а затем держали под водой до тех пор, пока он не захлебнулся.

Через несколько дней после этого все трое были задержаны по обвинению в убийстве. Десбурда и Бридые признали виновными только в убийстве приотягчающих обстоятельствах и приговорили к сожжению на спине и пожизненной работе на галерах. *Белобрысый* Бодуэн был оправдан по причине невменяемости.

М. Далее Гарине сообщает, что в то время, когда он писал свои работы (1818 год), Францию заполонила раса людей, промышлявших изгнанием дьяволов и поиском ведьм. Он также добавляет, что многие священники в сельских районах поощряли суеверие своих прихожан, часто прибегая к экзорцизму, когда какие-нибудь глупцы вбивали себе в голову, что на них наложено заклятие. В качестве лекарства от этого зла он рекомендовал отправить на галеры всех этих экзорцистов, как светских, так и церковных, и был уверен, что тогда число ведьм заметно уменьшится.

Можно было бы привести множество других примеров этой затянувшейся веры как во Франции, так и в Великобритании, да и в любой другой стране Европы. Некоторые заблуждения настолько глубоко укоренились, что века не могут их устранить. Ядовитое дерево, некогда осенявшее землю, может быть срублено упорными усилиями мудрецов и философов; солнце может ясно освещать места, где ядовитые твари когда-то гнездились в безопасности и тени; но все же запутанные корни тянутся под поверхностью и могут быть найдены теми, кто копает. Другой король, подобный Якову I, может заставить их снова расти; и, что еще более озорно, другой папа, подобный Иннокентию VIII, может поднять разлагающиеся корни до силы и зелени. И все же утешительно думать, что бред прошел, что буйное безумие сменилось более мягким безрассудством и что теперь мы можем пересчитать по единицам приверженцев суеверия, которое в прежние века исчислялось десятками тысяч жертв, а его приверженцы - миллионами.

ПЛАВАЮЩАЯ ВЕДЬМА.

ПЛОЩАДЬ ДЕ ГРИВ.

МЕДЛЕННЫЕ ОТРАВИТЕЛИ.

Содержание

Пескара. Такого еще не было.

Стефано. По моему мнению,

Всем, кто только услышит, покажется

Невероятной басней.

Пескара. Трот, я расскажу тебе,

И вкратце, как только смогу, в каких степенях

Они впали в это безумие. Герцог *Миланский*.

Жестокая система отравления ядами, действующими настолько медленно, что обычным наблюдателям кажется, будто жертва умирает от постепенного угасания природы, практиковалась во все века. Те, кто интересуется этим вопросом, могут обратиться к книге Бекмана о тайных ядах в его "Истории изобретений", в которой он собрал несколько примеров этой практики у греческих и римских писателей. В начале шестнадцатого века это преступление, по-видимому, постепенно росло, пока в семнадцатом не распространилось по Европе как мор. Оно часто совершалось притворными ведьмами и колдунами, и в конце концов стало одним из направлений обучения среди всех, кто претендовал на магические и сверхъестественные искусства. В двадцать первом году правления Генриха VIII был принят закон, согласно которому это считалось государственной изменой. Те, кто был уличен в этом, должны были быть сварены до смерти.

Одним из первых по дате и едва ли уступающим по жестокости является убийство этим способом сэра Томаса Овербери, которое опозорило двор Якова I в 1613 году. Небольшой

очерк о нем станет подходящим введением в историю мании отравления, которая была столь распространена во Франции и Италии пятьдесят лет спустя.

Роберт Керр, шотландский юноша, был рано замечен Яковом I и осыпан почестями, причем ни по какой другой причине, кроме красоты его лица, мир не мог обнаружить. Якова даже в его время подозревали в пристрастии к самому отвратительному из всех преступлений; и чем больше мы изучаем его историю сейчас, тем сильнее становится это подозрение. Однако, как бы то ни было, красавец Керр, даже на людях подставлявший свою гладкую щеку для отвратительных поцелуев своего королевского господина, быстро возвысился. В 1613 году он стал лордом, верховным казначеем Шотландии, и получил английский пэрский титул виконта Рочестера. Его ждали еще новые почести.

В этом стремительном продвижении по службе он не остался без друга. Сэр Томас Овербери, секретарь короля, который, судя по некоторым угрозам в его собственных письмах, был не более чем потворщиком пороков короля и посвященным в его опасные секреты, использовал все свое влияние в подсобке, чтобы способствовать продвижению Керра, за что, несомненно, был оплачен тем или иным способом. Овербери не ограничился этой дружбой - если только она вообще могла существовать между двумя такими людьми, - но выступил в роли *антрепренера* и помог Рочестеру вступить в прелюбодейную интригу с леди Фрэнсис Говард, женой графа Эссекса. Эта женщина была человеком бурных страстей и потеряла всякое чувство стыда. Муж мешал ей, и, чтобы освободиться от него, она возбудила дело о разводе на основаниях, которые женщина, обладающая хоть каплей скромности и деликатности, скорее умерла бы, чем признала. Ее скандальный иск увенчался успехом, и не успело решение быть принято, как в масштабах величайшего великолепия начались приготовления к ее браку с лордом Рочестером.

Сэр Томас Овербери, который охотно помогал своему покровителю интриговать с графиней Эссекс, похоже, вообразил, что брак с такой гнусной женщиной может помешать его продвижению по службе. Он приложил все свое влияние, чтобы отговорить его от этого; но Рочестер был склонен к этому браку, и его страсти были столь же бурными, как и у графини. Однажды, когда Овербери и виконт прогуливались по галерее Уайтхолла, Овербери услышал: "Милорд, если вы женитесь на этой низменной женщине, вы погубите свою честь и себя. Вы никогда не сделаете этого ни с моего совета, ни с моего согласия, а если и сделаете, то лучше смотрите, чтобы стоял крепко". Рочестер в ярости бросился от него, воскликнув с клятвой: "Я поквитаюсь с тобой за это". Эти слова стали смертным приговором для несчастного Овербери. Он смертельно ранил гордость Рочестера, намекнув, что с помощью его (Овербери) средств тот может быть понижен в благосклонности короля; он попытался обуздать пылающие страсти бессердечного, беспутного и безрассудного человека.

О неосторожных словах Овербери доложили графине, и с того момента она поклялась отомстить ему самым смертоносным образом. Однако с чудовищным лицемерием они оба скрыли свои намерения, а Овербери, по ходатайству Рочестера, был назначен послом при дворе России. Эта кажущаяся благосклонность была лишь первым шагом в глубоком и смертоносном заговоре. Рочестер, притворяясь, что горячо привязан к интересам Овербери, посоветовал ему отказаться от посольства, которое, по его словам, было лишь уловкой, чтобы убрать его с дороги. В то же время он обещал встать между ним и любыми дурными последствиями, к которым может привести его отказ. Овербери попался на уловку и отказался от посольства. Яков, оскорбленный, немедленно приказал отправить его в Тауэр.

Теперь он был в безопасности, и у его врагов появилась возможность начать месть. Первое, что сделал Рочестер, - добился, используя свое влияние при дворе, увольнения лейтенанта

Тауэра и назначения на освободившуюся должность сэра Джервиса Элвеса, одного из своих приближенных. Этот человек был лишь одним из орудий; но потребовалось еще одно, и им стал Ричард Уэстон, парень, который раньше был лавочником у аптекаря. Его назначили на должность младшего смотрителя, и в этом качестве он непосредственно опекал Овербери. Пока что все благоприятствовало замыслам заговорщиков.

Тем временем коварный Рочестер писал Овербери самые дружеские письма, просил его терпеливо переносить несчастье и обещал, что его заточение не будет долгим, поскольку его друзья прилагали все усилия, чтобы смягчить недовольство короля. Все еще притворяясь крайне сочувствующим ему, он сопровождал письма подарками кондитерских изделий и других деликатесов, которые нельзя было достать в Тауэре. Все эти предметы были отравлены. Время от времени подобные подарки посылались сэру Джервису Элвесу, при этом подразумевалось, что эти предметы не отравлены, если они не сопровождаются письмами: их несчастный узник так и не попробовал. Агентом по добыче ядов была женщина по фамилии Тернер, которая раньше содержала дом с дурной славой и не раз предоставляла его в распоряжение виновных в связях Рочестера и леди Эссекс. Их готовил доктор Форман, притворный предсказатель из Ламбета, которому помогал аптекарь по имени Франклин. Оба эти человека знали, для каких целей нужны яды, и использовали свое мастерство, подмешивая их в кондитерские изделия и другие съестные припасы в таких небольших количествах, чтобы постепенно истощить организм своей жертвы. Миссис Тернер регулярно поставляла отравленные продукты эконому, который ставил их перед Овербери. Отравлена была не только его еда, но и питье. Мышьк подмешивали к соли, которую он ел, а кантариды - к перцу. Все это время его здоровье заметно ухудшалось. С каждым днем он становился все слабее и слабее и с болезненным аппетитом жаждал сладостей и желе. Рочестер продолжал сочувствовать ему и предугадывал все его желания в этом отношении, посылая ему в изобилии кондитерские изделия, а иногда куропаток и другую дичь, а также молодых свиней. В соус для дичи миссис Тернер подмешивала кантариды, а свинину отравила лунным каустиком. Как было сказано на суде, Овербери принял таким образом яд, которого хватило бы, чтобы отравить двадцать человек; но его телосложение было крепким, и он все еще держался. Аптекарь Франклин признался, что вместе с доктором Форманом приготовил семь различных видов ядов: аквафортис, мышьяк, ртуть, алмазный порошок, лунный каустик, большие пауки и кантариды. Овербери тянул так долго, что Рочестер начал проявлять нетерпение и в письме к леди Эссекс выразил удивление, что вещи не были отправлены раньше. Леди Эссекс немедленно отдала приказ сторожу немедленно покончить с жертвой. Все это время Овербери не покидало подозрение в предательстве, хотя, судя по всему, у него и мысли не было о яде. Он лишь подозревал, что его хотят заточить на всю жизнь и настроить короля против него еще сильнее. В одном из своих писем он угрожал Рочестеру, что если его не освободят в ближайшее время, то он выставит свое злодейство на всеобщее обозрение. Он говорит: "Мы с тобой, пока не пройдет много времени, предстанем перед публичным судом иного рода". * * * "Не доводите меня до крайности, чтобы я не наговорил такого, в чем и вы, и я должны раскаяться". * * * "Буду ли я жить или умру, ваш позор никогда не умрет, но останется в мире, чтобы сделать вас самым отвратительным человеком на свете". * * * "Я удивляюсь, что вы пренебрегаете тем, кому передали такие секреты". * * * "Неужели это плоды общих секретов и общих опасностей?"

СЭР ТОМАС ОВЕРБЕРИ.

Все эти уговоры и намеки на опасные тайны, хранившиеся в его доме, не могли помочь ему в отношениях с таким безрассудным человеком, как лорд Рочестер: они скорее привели бы его к жертве, чем к спасению. Рочестер, судя по всему, действовал так, как будто так и думал. Он, несомненно, воспользовался рассуждением убийцы, что "мертвецы не рассказывают сказки", когда, получив письма подобного содержания, пожаловался своей спутнице на задержку. Уэстон был подстегнут, чтобы довести злодеяние до конца; и когда терпение всех сторон было исчерпано, в октябре 1613 года ему ввели дозу едкого сублимата, который положил конец его страданиям, после того как он пробыл в их руках шесть месяцев. В самый день смерти, еще до того, как его тело остыло, его небрежно завернули в простыню и похоронили без всяких похоронных церемоний в яме на территории Тауэра.

Сэр Энтони Уэлдон в своей книге "Двор и характер Якова I" приводит несколько иной рассказ о заключительной сцене этой трагедии. Он говорит: "Франклин и Уэстон вошли в покои Овербери и нашли его в бесконечных мучениях, в спорах между силой природы и действием яда; И так как было очень похоже, что природа взяла верх в этом споре, вырывая нарывы, пятна и пятна, они, опасаясь, что это станет известно суду врачей, о нечестной игре, которая была предложена ему, согласились задушить его одеялом, что и было сделано; и так закончилась его несчастная жизнь, с заверением заговорщиков, что он умер от яда; никто не думал иначе, чем эти два убийцы."

Внезапная смерть, неприличная поспешность похорон и отказ от дознания по поводу тела укрепили подозрения, которые витали в воздухе. Слухи, вместо того чтобы шептаться, стали говорить, а родственники покойного открыто выражали уверенность в том, что их родственник был убит. Но Рочестер по-прежнему был всесилен при дворе, и никто не осмеливался произнести ни слова в его защиту. Вскоре после этого его брак с графиней Эссекс был отпразднован с особой пышностью, на церемонии присутствовал сам король.

Похоже, что Овербери знал характер Джеймса глубже, чем Рочестер ему доверял, и что он был настоящим пророком, когда предсказал, что его брак в конце концов отдалит Джеймса от его фаворитки. В это время, однако, Рочестер как никогда был в фаворе у короля; но это

продолжалось недолго - совесть, этот неусыпный наблюдатель, была в действии. Язык слухов не умолкал, и Рочестер, долгое время бывший виновным, в конце концов превратился в жалкого человека. Его щеки потеряли цвет, глаза потускнели, он стал угрюмым, беспечным и меланхоличным. Король, видя его таким, перестал получать удовольствие от его общества и начал подыскивать себе другого фаворита. Джордж Вильерс, герцог Бекингемский, пришелся ему по вкусу: он был остроумен, красив и беспринципен. Только двух последних качеств было достаточно, чтобы рекомендовать его Якову I. По мере того как влияние Рочестера падало, влияние Бекингема росло. У падающего фаворита нет друзей, а слухи о Рочестере ходили громче и настойчивее, чем когда-либо. Новый фаворит, как правило, старается ускорить падение старого; и Бекингем, желая добиться полного разорения своего предшественника в королевской милости, поощрял родственников сэра Томаса Овербери продолжать расследование странной смерти их родственника.

Яков был достаточно строг в наказании преступлений, когда сам не был замешан в них. Кроме того, он хвастался своей ловкостью в раскрытии тайн. Дело сэра Томаса Овербери нашло для него подходящее занятие. Он приступил к работе, приказав арестовать сэра Джервиса Элвеса. Джеймс на этой ранней стадии разбирательства, похоже, не знал, что Рочестер так глубоко замешан в этом деле. Пораженный ужасом перед жестокой системой медленного отравления, король послал за всеми судьями. По словам сэра Энтони Уэлдона, он опустился на колени посреди них и сказал: "Милорды судьи, недавно до меня дошли слухи, что у вас сейчас рассматривается дело об отравлении. Господи! В каком жалком состоянии будет это королевство (единственный в мире народ, славящийся гостеприимством), если наши столы превратятся в такую ловушку, что никто не сможет есть без опасности для жизни, и если среди нас появится итальянский обычай! Поэтому, милорды, я поручаю вам, как вы будете отвечать в тот великий и страшный день суда, рассмотреть его строго, без благосклонности, пристрастия или предвзятости. И если вы пощадите кого-либо из виновных в этом преступлении, то проклятие Божье ляжет на вас и ваше потомство! А если я пощажу кого-либо из виновных, то проклятие Божье ляжет на меня и мое потомство навеки!"

ГЕРЦОГ БЕКИНГЕМСКИЙ.

Проклятие обрушилось на преданный дом Стюартов, но слишком уверенно. Торжественная клятва была нарушена, и Божье проклятие легло на него и его потомство!

Следующим после сэра Джервиса Элвеса был арестован Уэстон, младший эконоом, затем Франклин и миссис Тернер, и, наконец, граф и графиня Сомерсет, к которым Рочестер был причислен после смерти Овербери.

Первым перед судом предстал Уэстон. Любопытство публики было на пределе. Больше ни о чем не говорили, и суд в день заседания был переполнен до удушья. В отчете о государственном процессе говорится, что лорд верховный судья Коук "открыл присяжным подлость и трусость отравителей, которые тайно пытаются сделать то, против чего нет средств сохранения или защиты жизни человека; и как редко можно было услышать о каком-либо отравлении в Англии, настолько это было отвратительно для нашей нации. Но дьявол научил ныряльщиков быть хитрыми в этом, так что они могут отравить на каком угодно расстоянии, потребляя *nativum calidum*, или *humidum radicale*, в один месяц, два или три, или больше, как они перечисляют, что они четырьмя способами выполняют, viz. *haustu*, *gustu*, *odore*, и *contactu*."

ЛОРД КОУК.

Когда обвинительное заключение было зачитано, Уэстон не дал никакого другого ответа, кроме "Господи, помилуй меня! Господи, помилуй меня!" Когда его спросили, как его будут судить, он отказался броситься на суд присяжных своей страны и заявил, что его будет судить только Бог. Так он продолжал делать в течение некоторого времени. В конце концов страх перед страшным наказанием за [контузию38](#) побудил его признать себя невиновным и предстать перед судом в установленном законом порядке.

Все обстоятельства против него были полностью доказаны, и он был признан виновным и казнен в Тайберне. Миссис Тернер, Франклин и сэр Джервис Элвес также предстали перед судом, были признаны виновными и казнены в период с 19 октября по 4 декабря 1615 года; однако большой суд над графом и графиней Сомерсет состоялся только в мае следующего года.

Во время суда над сэром Джервисом Элвесом выяснились обстоятельства, свидетельствующие о том, что граф Нортгемптон, дядя леди Сомерсет, и главный сокольничий сэр Томас Монсон знали об отравлении. Первый был мертв, а сэр Томас Монсон был арестован и предстал перед судом. Однако оказалось, что он был слишком опасным человеком, чтобы вести его на эшафот. Он знал слишком много одиозных секретов Якова I, и его предсмертная речь могла содержать разоблачения, которые скомпрометировали бы короля. Чтобы скрыть старую вину, пришлось взять на себя новую: суд над сэром Томасом Монсоном был доведен до крайности, а сам он отпущен на свободу.

ГРАФ СОМЕРСЕТ.

Джеймс уже нарушил свою клятву. Теперь он начал опасаться, что поступил опрометчиво, так рьяно взявшись за привлечение отравителей к ответственности. То, что Сомерсет будет признан виновным, не вызывало сомнений, а то, что он рассчитывал на помилование и безнаказанность, было столь же очевидно для короля. Находясь в Тауэре, Сомерсет уверенно утверждал, что Яков не *посмеет* привлечь его к суду. В этом он ошибался, но Яков был в агонии. Что за тайна была между ними, теперь уже никогда не узнать с уверенностью, но можно предположить. Одни считают, что это порок, к которому пристрастился король; другие утверждают, что это связано со смертью принца Генриха, добродетельного молодого человека, который питал к Сомерсету особое отвращение. Этот принц умер рано, не оплаканный своим отцом, и, как шептались в то время в обществе, был отравлен Сомерсетом. Вероятно, какое-то преступление тяжким грузом лежало на душе короля, а Сомерсет, его сообщник, не мог быть безопасно предан публичной казни. Отсюда и ужасные мучения Якова, когда он узнал, что его фаворит так глубоко замешан в убийстве Овербери. Измученный король предпринял все меры, чтобы привести узника в так называемое безопасное состояние духа. Ему тайно посоветовали признать себя виновным и положиться на милосердие короля. Тот же совет был передан графине. Бэкон получил от короля указание составить документ со всеми пунктами "милости и благосклонности" к Сомерсету, которые могли бы вытекать из доказательств; Сомерсету снова рекомендовали признать себя виновным и обещали, что никакого зла ему не будет.

Сначала судили графиню. Она дрожала и пролиwała слезы во время чтения обвинительного заключения и, понизив голос, признала себя виновной. На вопрос, почему не следует вынести ей смертный приговор, она кротко ответила: "Я могу многое отягчить, но ничто не смягчает моей вины. Я прошу пощады, и чтобы лорды ходатайствовали за меня перед королем". Ей был вынесен смертный приговор.

На следующий день граф предстал перед судом. Судя по всему, он не поверил обещаниям Якова и не признал себя виновным. С самообладанием и уверенностью в себе, которые он испытывал, вероятно, благодаря знанию характера короля, он вел жесткий перекрестный допрос свидетелей и упорно защищался. После суда, который длился одиннадцать часов, его признали виновным и приговорили к смертной казни.

ГРАФИНЯ СОМЕРСЕТСКАЯ.

Какими бы ни были тайны между преступником и королем, последний, несмотря на свою страшную клятву, побоялся подписать смертный приговор. Возможно, это был его собственный приговор. Графа и графиню заключили в Тауэр, где они пробыли почти пять лет. По истечении этого срока, к удивлению и скандалу общества и позору его главного судьи, они оба получили королевское помилование, но им было приказано жить в отдалении от суда. После того как граф был признан виновным в преступлении, его поместья были конфискованы, но Яков пожаловал ему из их доходов доход в 4000 фунтов стерлингов в год! Бесстыдство не могло идти дальше.

О дальнейшей жизни этих преступников ничего не известно, кроме того, что любовь, которую они прежде питали друг к другу, сменилась отвращением и что они месяцами жили под одной крышей, не обмениваясь ни единым словом.

Разоблачение их злодеяний не остановило практику отравлений. Напротив, как мы увидим далее, это породило безумное подражание, которое является столь странной чертой человеческого характера. Предполагается, что сам Джеймс с большой долей вероятности стал ее жертвой. В примечаниях к книге Харриса "Жизнь и сочинения Якова I" содержится много информации на эту тему. Вина Бекингема, хотя и не полностью установленная, опирается на обстоятельства, вызывающие подозрения, более веские, чем те, которых было достаточно, чтобы привести сотни людей на эшафот. Мотивами, побудившими его совершить преступление, являются желание отомстить за холодность, с которой король в последние годы своего правления стал относиться к нему; страх, что Яков намерен унижить его; надежда, что огромное влияние, которым он обладал на разум наследника, продлится в течение нового царствования, если старое будет закончено.

Во втором томе Harleian Miscellany есть трактат под названием "Предвестник мести", написанный Джорджем Эглишем, доктором медицины и одним из лекарей короля Якова. Харрис, цитируя его, говорит, что он полон злобы и предрассудков. Она явно преувеличена, но, тем не менее, является одним из звеньев в цепи доказательств. Эглишем говорит: "Король был болен агу, герцог воспользовался случаем, когда все королевские доктора-врачи были на обеде, и предложил ему принять белый порошок, от которого тот долго отказывался; но, преодолев лъстивую настойчивость, он принял его в вине, и ему сразу стало хуже и хуже, он впал в многочисленные обмороки и боли, и сильные потоки в животе, и так мучился, что его величество громко кричал об этом белом порошке: "Господи, если бы я никогда его не принимал!"". Затем он рассказывает, как графиня Бекингемская (мать герцога) приложила пластер к сердцу и груди короля, после чего тот потерял сознание, задышал коротко и в агонии; что врачи воскликнули, что король отравлен; Бекингем велел вывести их из комнаты, одного из них заключил в свою камеру, а другого удалил от двора; после смерти

его величества его тело и голова распухли сверх меры, волосы вместе с кожей головы прилипли к подушке, а ногти на пальцах рук и ног расшатались." Кларендон, который, кстати, был приверженцем герцога, дает совершенно иной отчет о смерти Джеймса. Он говорит: "Она была вызвана агеей (после короткого недомогания от подагры), которая, встретившись со многими гуморами в толстом громоздком теле пятидесяти восьми лет, в четырех или пяти приступах унесла его из мира, - после смерти которого было поднято множество скандальных и клеветнических разговоров, без малейшей окраски и основания, как выяснилось при самом строгом и злобном рассмотрении, которое можно было произвести долгое время спустя, во времена свободы, когда никто не боялся оскорбить величество и когда преследование самых высоких упреков и клеветы против королевской семьи считалось весьма почетным." Несмотря на это уверенное заявление, мир вряд ли удастся убедить в том, что в слухах, ходивших за границей, не было правды. Расследования, которые были начаты, не были строгими, как он утверждает, и все неконституционное влияние могущественного фаворита было использовано, чтобы их провалить. В знаменитых обвинениях, выдвинутых против Бекингема графом Бристолем, отравление короля Якова стояло последним в списке; и страницы истории свидетельствуют о том, что в то время от них удалось избавиться.

Человек, у которого Бекингом, как говорят, приобрел свои яды, был некий доктор Лэмб, фокусник и эмпирик, который, помимо торговли ядами, выдавал себя за предсказателя. Народная ярость, которая сравнительно безболезненно обрушилась на его покровителя, была направлена против этого человека, пока он не смог спокойно появляться на улицах Лондона. Его судьба была меланхоличной. Прогуливаясь однажды по Чипсайду, замаскированный, как он думал, от всех наблюдателей, он был узнан несколькими праздными мальчишками, которые стали улюлюкать и забрасывать его камнями, выкрикивая: "Отравитель! Отравитель! Долой волшебника! Долой его!" Очень скоро собралась толпа, и доктор бросился бежать, спасая свою жизнь. Его преследовали и схватили на Вуд-стрит, а оттуда за волосы протащили по трясине до Сент-Полс-Кросс; толпа била его палками и камнями и кричала: "Убейте волшебника! Убейте отравителя!"

КРЕСТ ПАВЛА; СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК.

Карл I, узнав о беспорядках, выехал из Уайтхолла, чтобы подавить их; но он прибыл слишком поздно, чтобы спасти жертву. Все кости в его теле были сломаны, и он был совершенно мертв. Чарльз был крайне возмущен и оштрафовал город на шестьсот фунтов за неспособность предать главарей бунта правосудию.

Но именно в Италии отравления были наиболее распространены. Похоже, что с самого начала в этой стране на него смотрели как на вполне оправданное средство избавления от

врага. Итальянцы XVI и XVII веков травили своих противников с такой же бескомпромиссностью, с какой современный англичанин подает иск в суд на того, кто причинил ему вред. Писания современных авторов сообщают нам, что, когда Ла Спара и Ла Тофания занимались своим адским ремеслом, дамы так же открыто ставили бутылочки с ядом на свои туалетные столики и так же беззастенчиво использовали их против других, как современные дамы используют для себя *Eau de Cologne* или лавандовую воду. Влияние моды настолько сильно, что даже убийство может рассматриваться как преступление.

В мемуарах последнего герцога Гиза, предпринявшего в 1648 году квикскую попытку захватить власть в Неаполе, мы находим несколько любопытных сведений о том, как в народе относились к отравлению. Человек по имени Дженнаро Аннезе, который после короткой и необычной карьеры рыбака Масаньелло стал своего рода генерал-капитаном населения, оказался настолько несносным для герцога Гиза, что приверженцы последнего решили убить его. Капитана гвардии, как очень хладнокровно сообщает нам сам герцог, попросили взять на себя эту обязанность. Ему было предложено, что самым действенным орудием будет *лика*, но тот с благочестивым ужасом поднял глаза на это предложение. Он был готов *отравить* Дженнаро Аннезе, когда бы к этому ни обратились; но отравить его, сказал он, было бы позорно и неподобающе для офицера гвардии! Наконец, яд был согласован, и Аугустино Молла, адвокат, входивший в доверие герцога, принес бутылку с жидкостью, чтобы показать ее своему господину. Герцог сам рассказал об этом:

"Августино пришел ко мне ночью и сказал: "Я принес тебе то, что освободит тебя от Дженнаро. Он заслуживает смерти, и не так уж важно, по какой моде свершится над ним правосудие. Посмотри на этот пузырек, полный чистой и прекрасной воды: через четыре дня она покарает все его измены". Капитан стражи обязался дать ему ее; а так как она совсем не имеет вкуса, Дженнаро ничего не заподозрит".

Герцог далее сообщает нам, что доза была принята должным образом, но Дженнаро, к счастью для себя, в тот день не ел на обед ничего, кроме капусты, заправленной маслом, которая, действуя как противоядие, вызвала обильную рвоту и спасла ему жизнь. В течение пяти дней он сильно болел, но никогда не подозревал, что его отравили.

Со временем торговля ядами стала прибыльным делом. Через одиннадцать лет после этого в Риме оно достигло таких масштабов, что нерасторопное правительство было вынуждено вмешаться. Бекман в своей "Истории изобретений" и Лебре в "Журнале материалов для истории государственной церкви" рассказывают, что в 1659 году папе Александру VII стало известно, что множество молодых женщин признались на исповеди, что отравили своих мужей медленными ядами. Католическое духовенство, которое, как правило, свято хранит тайну исповеди, было потрясено и встревожено необычайной распространенностью этого преступления. Хотя они воздерживались от раскрытия имен кающихся, они считали себя обязанными сообщить главе Церкви о творящихся бесчинствах. В Риме также поговаривали, что молодых вдов необычайно много. Также отмечалось, что если какая-либо пара жила вместе несчастливо, то муж вскоре заболел и умирал. Папские власти, начав расспрашивать, вскоре узнали, что в Риме образовалось общество молодых жен, которые с какой-то таинственной целью собираются по ночам в доме старухи по имени Иеронима Спара. Эта старуха была известной ведьмой и гадалкой и выступала в роли президента молодых вираго, несколько из которых, как выяснилось впоследствии, принадлежали к первым семьям Рима.

Для того чтобы получить положительные доказательства практики этого женского конклава, правительство наняло одну даму для беседы с ними. Она оделась в самом роскошном стиле,

и, будучи снабжена деньгами, без особого труда, изложив свою цель, добилась аудиенции у Ла Спары и ее сестер. Она притворилась, что находится в крайнем душевном смятении из-за неверности и жестокого обращения мужа, и умоляла Ла Спару дать ей несколько капель чудесного эликсира, эффективность которого в отправлении жестоких мужей в "последний долгий сон" так превозносилась римскими дамами. Ла Спара попала на удочку и продала ей несколько капель по цене, соизмеримой с предполагаемым богатством покупательницы.

Полученный таким образом ликер был подвергнут анализу, и оказалось, что это, как и предполагалось, медленный яд; прозрачный, безвкусный и жидкий, как тот, о котором говорил герцог Гиз. На основании этих данных дом был окружен полицией, а Ла Спара и ее спутники взяты под стражу. Ла Спара, которую описывают как маленькую уродливую старушку, подвергли пыткам, но она упорно отказывалась признать свою вину. Другая женщина, по имени Ла Гратиоза, оказалась менее стойкой и выложила все секреты адского братства. Если принять признание, вырванное в муках на дыбе, за его истинную ценность (а это совсем не так), то все равно остается достаточно доказательств, чтобы убедить потомков в их виновности. Они были признаны виновными и приговорены, в зависимости от степени их вины, к различным наказаниям. Ла Спара, Гратиоза и три молодые женщины, отравившие своих мужей, были повешены вместе в Риме. До тридцати женщин были публично выпороты на улицах, а некоторые, чье высокое положение уберегло их от более унижительного наказания, были изгнаны из страны и обложены крупными штрафами. Через несколько месяцев после этого еще девять женщин были повешены за отравление, а еще одна группа, среди которых было много молодых и красивых девушек, была выпорота полуголой на улицах Рима.

Такая суровость не остановила практику, и к яду прибегали ревнивые женщины и скупые мужчины, желающие вступить в наследство отцов, дядей или братьев. Поскольку он не имел ни вкуса, ни цвета, ни запаха, его вводили, не вызывая подозрений. Умелые продавцы составляли яд разной степени крепости, так что отравителям достаточно было сказать, хотя бы они, чтобы их жертвы умерли через неделю, месяц или полгода, и им подбирали соответствующие дозы. Продавцами были в основном женщины, из которых наиболее известной была карга по имени Тофания, причастная таким образом к смерти около шестисот человек. Эта женщина, судя по всему, торговала ядами с самого детства и жила сначала в Палермо, а затем в Неаполе. Занимательный путешественник, отец Лебат, в своих письмах из Италии приводит множество любопытных сведений о ней. В 1719 году, когда он находился в Чивита-Веккья, вице-король Неаполя обнаружил, что в этом городе широко продается яд, который называется "*аквета*", или "маленькая вода". Проведя дальнейшее расследование, он выяснил, что Тофания (которой к тому времени было уже около семидесяти лет и которая, похоже, начала свои злодеяния вскоре после казни Ла Спары) рассылала большое количество этого яда во все части Италии в маленьких флаконах с надписью "Манна святого Николая Баррийского".

Гробница святого Николая Баррийского праздновалась по всей Италии. Считалось, что из нее сочится чудодейственное масло, которое исцеляло почти все недуги, присущие плоти, если получатель пользовался им с должной степенью *веры*. Ла Тофания искусно дала такое название своему яду, чтобы скрыть бдительность таможенников, которые, как и все остальные, благочестиво почитали святого Николая де Барри и его чудесное масло.

Яд был похож на тот, что изготовил Ла Спара. Врач Ганеман, отец гомеопатической доктрины, пишущий на эту тему, утверждает, что он состоял из нейтральных солей мышьяка, вызывая у жертвы постепенную потерю аппетита, обморок, грызущие боли в желудке, упадок сил и истощение легких. Аббат Гальярди говорит, что несколько капель этого средства

обычно подливали в чай, шоколад или суп, и его действие было медленным и почти незаметным. Гарелли, врач императора Австрии, в письме к Гофману говорит, что это был кристаллизованный мышьяк, растворенный в большом количестве воды путем отвара, с добавлением (с какой-то необъяснимой целью) травы *цимбальрии*. Неаполитанцы называли его *Aqua Toffnina*, а по всей Европе он стал известен под именем *Aqua Tophania*.

Несмотря на то что эта женщина вела столь обширную торговлю, встретиться с ней было крайне сложно. Она жила в постоянном страхе перед разоблачением. Она постоянно меняла имя и место жительства, а притворяясь человеком великого благочестия, месяцами жила в монастырях. Всякий раз, когда она больше обычного опасалась разоблачения, она искала церковной защиты. Вскоре она узнала о том, что ее разыскивает вице-король Неаполя, и, согласно своей практике, укрылась в монастыре. Либо поиски ее были не очень тщательными, либо ее меры были приняты очень хорошо, потому что ей удалось ускользнуть от бдительности властей в течение нескольких лет. Что еще более необычно, так это то, что, демонстрируя разветвленность ее системы, ее торговля продолжалась в том же объеме, что и раньше. Лебат рассказывает, что она так сочувствовала бедным женам, которые ненавидели своих мужей и хотели от них избавиться, но не могли позволить себе купить ее чудесную воду, что делала им подарки.

Однако ей не позволили играть в эту игру вечно; в конце концов ее обнаружили в женском монастыре и отрезали путь к отступлению. Вице-король несколько раз обращался к настоятелю с просьбой выдать ее, но безрезультатно. Настоятельница, поддерживаемая архиепископом епархии, постоянно отказывалась. Вследствие этого общественное любопытство было настолько возбуждено дополнительным значением преступницы, что тысячи людей посетили монастырь, чтобы взглянуть на нее.

Терпение вице-короля, похоже, было исчерпано этими задержками. Будучи человеком здравомыслящим и не слишком ревностным католиком, он решил, что даже церковь не должна защищать столь зверскую преступницу. Поставив под сомнение привилегии женского монастыря, он послал отряд солдат, которые переломили стены и унесли ее *vi et armis*. Архиепископ, кардинал Пиньятелли, был крайне возмущен и пригрозил отлучить от церкви и наложить интердикт на весь город. Все низшее духовенство, воодушевленное дружеским чувством, взялось за дело и так подействовало на суеверных и фанатичных людей, что они готовы были подняться всей массой, чтобы взять штурмом дворец вице-короля и спасти пленницу.

Это были серьезные трудности, но вице-король был не из тех, кого можно было запугать. Более того, он действовал с редким сочетанием проницательности, хладнокровия и энергии. Чтобы избежать дурных последствий угрозы отлучения, он поставил стражу вокруг дворца архиепископа, полагая, что тот не будет настолько глуп, чтобы произнести анафему, которая приведет к голоду город и его самого в нем. Рыночники не осмелились бы приехать в город с провизией, пока он оставался под запретом. Для него самого и его призрачных собратьев такая мера доставила бы слишком много неудобств; и, как предвидел вице-король, добрый кардинал приберег свои громы для другого случая.

Но оставалось еще население. Чтобы утихомирить их шум и предотвратить надвигающийся мятеж, агенты правительства ловко смешались с народом и разнесли по городу весть о том, что Тофания отравила все колодцы и фонтаны города. Этого оказалось достаточно. Народное чувство было немедленно обращено против нее. Те, кто еще мгновение назад считал ее святой, теперь поносили ее как дьяволицу и жаждали ее наказания не меньше, чем раньше, чтобы она спаслась. Тогда Тофанию подвергли пытке. Она призналась в длинном

списке своих преступлений и назвала всех, кто ее нанимал. Вскоре после этого ее задушили, а труп перебросили через стену в сад монастыря, откуда она была похищена. По всей видимости, это было сделано для того, чтобы примирить духовенство, позволив ему, по крайней мере, похоронить ту, кто укрылся в его стенах.

После ее смерти мания отравления, похоже, утихла; но нам еще предстоит узнать, чем она завладела французским народом в более ранний период. Она настолько укоренилась во Франции между 1670 и 1680 годами, что мадам де Севинье в одном из своих писем выражает опасение, что француз и отравитель станут синонимами.

Как и в Италии, первым о распространенности этого преступления правительство узнало от духовенства, которому женщины высокого ранга, а также некоторые представительницы среднего и низшего сословий, признавались в исповеди, что отравили своих мужей. Вследствие этих разоблачений два итальянца по имени Экзили и Глазер были арестованы и брошены в Бастилию по обвинению в изготовлении и продаже наркотиков, использовавшихся для этих убийств. Глазер умер в тюрьме, а Экзили оставался без суда несколько месяцев; там же вскоре он познакомился с другим заключенным, по имени Сент-Круа, чей пример еще больше распространил преступление среди французского народа.

Самой известной из отравительниц, получивших свои пагубные знания от этого человека, была мадам де Бринвилье, молодая женщина, связанная как рождением, так и браком с некоторыми из самых знатных семей Франции. Похоже, с самых ранних лет она была бессердечной и развращенной; если верить ее собственному признанию, она погрязла в пороке еще в подростковом возрасте. Однако она была красива и образованна, а в глазах всего мира казалась образцовой и доброй. Гийо де Питаваль в "Селебрити" и мадам де Севинье в своих письмах изображают ее мягкой и приятной в манерах, а на ее лице не видно следов злой души. В 1651 году она вышла замуж за маркиза де Бринвилье, с которым прожила несколько лет несчастливо. Он отличался развязным, рассеянным характером и стал средством знакомства Сент-Круа со своей женой, человеком, который омрачил ее жизнь и тянул ее от преступления к преступлению, пока ее проступки не стали столь велики, что разум содрогается, вспоминая о них. К этому человеку она воспылала страстью, чтобы удовлетворить которую, сразу же погрузилась в пучину греха. Ее затянуло в самые отвратительные глубины, прежде чем возмездие настигло ее.

Она успела показать себя миру с лучшей стороны и без особого труда добилась законного развода с мужем, который не умел скрывать свои пороки. Этот шаг вызвал сильную обиду в ее семье. После этого она, по-видимому, полностью сбросила маску и так открыто вела интриги со своим любовником Сент-Круа, что ее отец, месье д'Обри, оскандалившись ее поведением, добился *выдачи ему кассеты* и заключил его в Бастилию на двенадцать месяцев.

БАСТИЛИЯ.

Сент-Круа, побывавший в Италии, разбирался в ядах. Он знал кое-что о секретах отвратительного Ла Спара и совершенствовался в них по наставлениям Экзили, с которым у него быстро завязалась своего рода дружба. Он показал ему, как готовить не только жидкие яды, используемые в Италии, но и *порошок череды*, который впоследствии стал так известен во Франции. Как и его хозяйка, он казался приветливым, остроумным и умным и не подавал виду, что в его сердце грызут две свирепые страсти, месть и жадность. Обе эти страсти он хотел утолить на несчастной семье д'Обрэ: месть - потому что они посадили его в тюрьму, а жадность - потому что они были богаты. Безрассудный и экстравагантный, он постоянно испытывал нужду в деньгах, и ему некого было снабжать ими, кроме мадам де Бринвилье, чьей собственной доли было далеко не достаточно, чтобы удовлетворить его потребности. С ужасом думая о том, что между ним и богатством может встать какое-либо препятствие, он задумал отравить месье д'Обрэ, ее отца и двух братьев, чтобы унаследовать имущество. Три убийства - ничто для такого злодея. Он сообщил о своем плане мадам де Бринвилье, и она без малейших колебаний согласилась помочь ему: он взялся приготовить яды, а она - их применить. Рвение и готовность, с которыми она приступила к работе, кажутся неправдоподобными. Сент-Круа нашел ее способной ученицей, и вскоре она стала таким же экспертом в изготовлении ядов, как и он сам. Чтобы проверить силу первых доз, она вводила их собакам, кроликам и голубям. Затем, желая быть более уверенной в их действии, она ходила по больницам и вводила их больным беднякам в супы, которые приносила в качестве благотворительности.³⁹ Ни один из ядов не был предназначен для убийства с первой дозы, так что она могла попробовать их один раз на человеке, не опасаясь убийства. Такой же зверский эксперимент она опробовала на гостях за столом своего отца, отравив голубя! Для большей уверенности она отравила и себя! Убедившись с помощью этой отчаянной попытки в действенности снадобья, она раздобыла в Сен-Круа противоядие и, устранив все сомнения, приступила к операции над седовласым отцом. Первую дозу она ввела собственными руками в его шоколад. Яд подействовал. Старик заболел, а его дочь, полная нежности и тревоги, наблюдала за ним у постели. На следующий день она дала ему немного бульона, который рекомендовала как очень питательный. Он также оказался отравленным. Таким образом, она постепенно истощила его организм, и менее чем через десять дней он превратился в труп! Его смерть казалась настолько результатом болезни, что не вызвала никаких подозрений.

Когда два брата прибыли из провинции, чтобы отдать последние печальные почести своему государю, они нашли свою сестру настолько опечаленной, насколько могла бы желать даже сыновняя привязанность: но молодые люди приехали только для того, чтобы погибнуть. Они стояли между Сент-Круа и уже наполовину зажатом золотом, и их судьба была предрешена. Сен-Круа нанял человека по имени Ла Шоссе, чтобы тот помогал вводить яды, и менее чем через шесть недель они оба отправились в свой долгий дом.

Подозрение теперь было возбуждено; но все было сделано так осторожно, что оно не нашло никого, к кому можно было бы привязаться. У маркизы была сестра, и она, после смерти родственников, имела право на половину имущества. Меньшее, чем все, не могло удовлетворить Сент-Круа, и он решил, что она должна умереть той же смертью, что и ее отец и братья. Однако она была слишком недоверчива и, покинув Париж, избежала гибели, которая ее подстерегала.

Маркиза совершила эти убийства, чтобы доставить удовольствие своему любовнику. Теперь она хотела совершить еще одно убийство по собственному почину. Она хотела выйти замуж за Сен-Круа, но, хотя и разошлась с мужем, не была разведена. Она решила, что проще отравить его, чем обращаться в суд за разводом, в котором ей, возможно, будет отказано. Но Сент-Круа больше не испытывал любви к своему провинившемуся орудию. Плохие люди не восхищаются теми, кто так же плох, как они сами. Хотя сам он был злодеем, у него не было желания жениться на такой же, и он вовсе не жаждал смерти маркизы. Однако он, похоже, вступил в заговор и снабдил ядом ее мужа, но позаботился о том, чтобы предусмотреть и средство защиты. Ла Бринвилье отравил его в один день, а Сент-Круа дал ему противоядие на следующий. Так он некоторое время метался между ними и в конце концов спасся, с разрушенной конституцией и разбитым сердцем.

Но день расплаты был уже близок, и страшное несчастье вывело убийства на чистую воду. Природа ядов, составленных Сент-Круа, была настолько смертоносной, что, работая в своей лаборатории, он был вынужден надевать маску, чтобы не задохнуться. Однажды маска сползла, и несчастный погиб в своих преступлениях. Его труп был обнаружен на следующее утро в убогом домике, где он оборудовал свою лабораторию. Поскольку у него не было ни друзей, ни родственников, полиция завладела его вещами. Среди прочих вещей была найдена небольшая коробка, к которой был прикреплен следующий необычный документ:

"Смирренно прошу тех, в чьи руки может попасть эта шкатулка, оказать мне услугу и передать ее только в руки маркинииссы де Бринвилье, проживающей на улице Нейв-Сен-Поль, поскольку все, что в ней находится, касается ее и принадлежит только ей, и, кроме того, в ней нет ничего, что могло бы пригодиться кому-либо, кроме нее. Если она умрет раньше меня, я желаю, чтобы она была сожжена со всеми вещами, которые в ней содержатся, не открывая и не изменяя ничего. Чтобы никто не мог сослаться на незнание, я клянусь Богом, которого я обожаю, и всем, что считается самым священным, что я утверждаю только правду: и если мои намерения, справедливые и разумные, как они есть, будут нарушены в этом пункте кем-либо, я взываю к их совести, как в этом мире, так и в том, который будет, чтобы я мог разгрузить свою. Я заявляю, что это моя последняя воля. Совершено в Париже, 25 мая 1672 года. (Подпись) Сент-Круа".

Эта искренняя просьба, вместо того чтобы вызвать уважение, как предполагалось, возбудила любопытство. Шкатулку открыли и обнаружили в ней бумаги и несколько склянок с порошками. Последние были переданы химику для анализа, а документы были оставлены в полиции и вскрыты. Среди них был обнаружен вексель маркизы де Бринвилье на тридцать

тысяч франков по заказу Сен-Круа. Другие бумаги имели большее значение, поскольку уличали ее и ее слугу, Ла Шоссе, в недавних убийствах. Как только ей сообщили о смерти Сент-Круа, она попыталась завладеть его бумагами и шкатулкой, но, получив отказ, поняла, что нельзя терять времени, и немедленно ушла. На следующее утро полиция вышла на ее след, но ей удалось бежать в Англию. Ла Шоссе повезло меньше. Совершенно не зная о роковом несчастье, которое вывело его злодейства на чистую воду, он и не мечтал об опасности. Его арестовали и предали суду: подвергнутый пыткам, он признался, что ввел яд месье д'Обрэ, а за это получил от Сен-Круа и мадам де Бринвилье сто пистолетов и обещание пожизненной ренты. Его приговорили к тому, чтобы заживо сломать на колесе, а маркизу, по умолчанию, приговорили к обезглавливанию. Его казнили в марте 1673 года на площади де Грив в Париже.

Ла Бринвилье, по-видимому, почти три года прожил в Англии. В начале 1676 года, решив, что суровое преследование закончилось и она может рискнуть вернуться на континент, она тайно отправилась в Льеж. Несмотря на ее осторожность, французские власти вскоре узнали о ее возвращении; с муниципалитетом города были быстро достигнуты договоренности о том, что агенты французской полиции смогут арестовать ее в пределах своей юрисдикции. С этой целью из Парижа выехал Дегре, офицер *маршала*. Прибыв в Льеж, он обнаружил, что она нашла убежище в стенах монастыря. Здесь рука закона, как бы длинна она ни была, не могла дотянуться до нее: но Дегре был не из тех, кого можно сбить с толку, и он прибег к хитрости, чтобы добиться того, чего не могла добиться сила. Замаскировавшись под священника, он попросил разрешения войти в монастырь и добился беседы с Ла Бринвилье. Он сказал, что, будучи французом и проезжая через Льеж, не может покинуть этот город, не нанеся визит даме, чья красота и несчастья так прославлены. Ее тщеславие было польщено комплиментом. Дегре увидел, по вульгарному, но меткому выражению, "что он попал к ней в слепую"; он ловко продолжал изливать язык любви и восхищения, пока обманутая маркиза не была окончательно выведена из равновесия. Без долгих уговоров она согласилась встретиться с ним за стенами монастыря, где их любовная интрига могла бы быть осуществлена более удобно, чем внутри. Верная назначенной встрече с предполагаемым новым любовником, она пришла и оказалась не в объятиях галанта, а под стражей полицейского.

Суд над ней не заставил себя долго ждать. Доказательств против нее было предостаточно. Одного предсмертного заявления Ла Шоссе было бы достаточно, чтобы осудить ее; кроме того, были таинственный документ, приложенный к шкатулке Сен-Круа, ее бегство из Франции и, что было сильнее и губительнее всех доказательств, бумага, написанная ее собственным почерком, найденная среди вещей Сен-Круа, в которой она подробно рассказывала ему о злоключениях своей жизни и говорила об убийстве отца и братьев в выражениях, не оставлявших сомнений в ее виновности. Во время судебного процесса весь Париж был в волнении. Ла Бринвилье была единственной темой для разговоров. Все подробности ее преступлений были опубликованы и с жадностью поглощены, а идея тайного отравления впервые зародилась в головах сотен людей, которые впоследствии стали виновны в этом.

16 июля 1676 года Высший уголовный суд Парижа вынес ей обвинительный приговор за убийство отца и братьев, а также за покушение на жизнь сестры. Ее приговорили к тому, что она должна была быть притащена на катафалке, с голыми ногами, веревкой на шее и горящим факелом в руке, к большому входу в собор Нотр-Дам, где она должна была совершить *почетную поправку* на глазах у всего народа; отсюда ее должны были доставить

на площадь де Грев, и там обезглавить. После этого ее тело должно было быть сожжено, а пепел развеян по ветру.

После вынесения приговора она полностью признала свою вину. Похоже, она смотрела на смерть без страха, но ее поддерживало не мужество, а безрассудство. Мадам де Севинье рассказывает, что, сидя на плетне по пути на эшафот, она просила своего духовника оказать влияние на палача и поставить себя рядом с ней, чтобы его тело скрыло от ее глаз "этого мерзавца Дегре, который заманил ее в ловушку". Она также спросила у дам, прильнувших к окнам, чтобы наблюдать за процессией, на что они смотрят, добавив: "Вы пришли посмотреть на красивое зрелище, правда!" На эшафоте она смеялась, умирая так же, как и жила, - безрассудно и бессердечно. На следующий день жители толпами приходили собирать ее прах, чтобы сохранить его как реликвию. Ее считали святой мученицей, а ее прах, как предполагалось, был наделен божественной благодатью, способной исцелять от всех болезней. Народная глупость часто канонизировала людей, чьи притязания на святость были крайне сомнительны; но отвратительная глупость толпы в этом случае никогда не была превзойдена.

Перед ее смертью было возбуждено дело против месье де Пенотье, казначея провинции Лангедок и генерального приемника духовенства, которого одна дама по имени Сен-Лоран обвинила в том, что он отравил ее мужа, покойного генерального приемника, чтобы добиться его назначения. Обстоятельства этого дела никогда не разглашались, и было оказано огромное влияние, чтобы оно не дошло до суда. Известно, что он был в близких отношениях с Сент-Круа и мадам де Бринвилье, и считалось, что он приобретал у них свои яды. Последняя, однако, отказалась говорить что-либо, что могло бы его уличить. В итоге расследование было прекращено, после того как Пенотье провел несколько месяцев в Бастилии.

Кардинал де Бонзи был обвинен тогдашними сплетниками в сообщничестве с Пенотье. Имения кардинала были обременены выплатой нескольких больших аннуитетов; но примерно в то время, когда отравления вошли в моду, все аннуитеты умерли, один за другим. Кардинал, рассказывая об этих аннуитантах, впоследствии говорил: "Благодаря моей звезде я пережил их всех!" Один остроумный человек, увидев его и Пенотье, едущих в одной карете, воскликнул в связи с этим выражением: "Вот и кардинал де Бонзи со своей звездой!"

Именно тогда мания отравлений начала овладевать народным сознанием. С этого времени и до 1682 года тюрьмы Франции кишели обвиняемыми в этом преступлении; и весьма необычно, что количество других преступлений сократилось в той же пропорции. Мы уже видели, до каких масштабов она была распространена в Италии. Во Франции она была, если возможно, превзойдена. Дьявольская легкость, с которой эти убийства совершались с помощью этих не имеющих запаха и вкуса ядов, соблазняла злонамеренных. К ним прибегали и ревность, и месть, и алчность, и даже мелкая злоба. Те, кого страх разоблачения удерживал бы от использования пистолета или кинжала, или даже сильных доз яда, которые убивают сразу, без страха использовали медленные яды. Коррумпированное правительство того времени, хотя и могло спокойно смотреть на злодеяния такого богатого и влиятельного придворного, как Пенотье, было потрясено, увидев, что преступление распространяется среди народа. В глазах Европы имя француза было фактически опозорено. Людовик XIV, чтобы положить конец этому злу, учредил так называемую *Chambre Ardente*, или Горящую палату, с широкими полномочиями для суда и наказания заключенных.

В это время особенно прославились две женщины, которые способствовали гибели сотен людей. Обе они жили в Париже, и звали их Лавуазен и Лавигоро. Как и Спара и Тофания,

которым они подражали, они продавали свои яды в основном женщинам, которые хотели избавиться от своих мужей, и, в некоторых случаях, мужьям, которые хотели избавиться от своих жен. Их предполагаемым занятием было повивальное искусство. Они также выдавали себя за гадалок, и их посещали люди из всех слоев общества. Богатые и бедные толпились у их *мансард*, чтобы узнать секреты будущего. Их предсказания касались в основном смерти. Женщинам они предсказывали скорое расставание с мужьями, а нуждающимся наследникам - конец богатых родственников, заставивших их, по выражению Байрона, "ждать слишком, слишком долго". Как правило, они заботились о том, чтобы их предсказания сбылись. Они говорили своим несчастным работодателям, что в доме появится какой-нибудь знак приближающейся смерти, например, разбитое стекло или фарфор; и платили слугам немалые гонорары за то, чтобы те как бы случайно разбили его точно в назначенное время. Благодаря своей профессии повитух они были знакомы с секретами многих семей, которые впоследствии обращали в страшную пользу.

Неизвестно, как долго они занимались этим ужасным ремеслом, прежде чем их обнаружили. Обнаружение, наконец, настигло их в конце 1679 года. Их судили, признали виновными и сожгли живьем на площади де Грев 22 февраля 1680 года, после того как им продырявили руки раскаленным железом, а затем отрубили их. Их многочисленные сообщники в Париже и провинциях также были обнаружены и преданы суду. По одним данным, в главных городах было повешено тридцать, по другим - пятьдесят человек, в основном женщины.

Лавуазен вела список посетителей, которые приходили к ней в дом, чтобы приобрести яды. Эта бумага была изъята полицией при ее аресте и изучена трибуналом. Среди имен были обнаружены имена маршала де Люксембурга, графини де Суассон и герцогини де Буйон. Маршал, по-видимому, был виновен лишь в позорном безрассудстве, посетив женщину такого рода, но народная молва того времени вменяла ему нечто большее, чем просто безрассудство. Автор "Мемуаров о делах Европы после Утрехтского мира" пишет: "Жалкая шайка, торговавшая ядом и пророчествами, утверждала, что он продался дьяволу и что молодая девушка по имени Дюпен была отравлена с его помощью. Среди прочих историй, по их словам, он заключил договор с дьяволом, чтобы женить своего сына на дочери маркиза Лувуа. На это зверское и абсурдное обвинение маршал, который сдался в Бастилию при первом же обвинении против него, ответил с чувством гордости и невинности: "Когда Матье де Монморанси, мой предок, женился на вдове Людовика ле Гроса, он обратился не к дьяволу, а к Генеральному штату, чтобы заручиться поддержкой дома Монморанси для несовершеннолетнего короля". Этот храбрый человек был заключен в камеру длиной шесть футов с половиной, а суд над ним, который прерывался на несколько недель, продолжался в общей сложности четырнадцать месяцев. Приговор ему не вынесли".

Графиня Суассонская бежала в Брюссель, не желая подвергаться риску судебного разбирательства, и так и не смогла избавиться от прилипшего к ней клейма, что она пыталась отравить королеву Испании дозой порошка для престолонаследия. Герцогиня Буйонская была арестована и предана суду Арденской палаты. Однако выяснилось, что она не имела никакого отношения к медленным ядам, а просто пыталась проникнуть в тайны будущего и удовлетворить свое любопытство, увидев дьявола. Один из председателей Шамбре, Ла Рейни, маленький уродливый старичок, очень серьезно спросил ее, действительно ли она видела дьявола; на что дама ответила, глядя ему прямо в лицо: "О да! Я вижу его сейчас. Он в виде маленького уродливого старичка, очень нездорового, и одет в мантию государственного советника". Месье ла Рейни благоразумно воздержался от дальнейших расспросов дамы, обладающей столь острым и готовым языком. Герцогиня была заключена в Бастилию на несколько месяцев, но, так как против нее ничего не было

доказано, она была освобождена по ходатайству своих влиятельных друзей. Суровое наказание преступников такого масштаба могло бы способствовать ослаблению лихорадки подражания в среде вульгарных людей, но их сравнительная безнаказанность имела обратную тенденцию. Бегство Пенотье и его нанимателя, богатого кардинала де Бонзи, имело самые пагубные последствия. Еще два года преступление продолжало бушевать и было окончательно подавлено только после того, как костер запылал или петля захлестнула около сотни человек.⁴⁰

ДВОРЕЦ В ВУДСТОКЕ.

ДОМА С ПРИВИДЕНИЯМИ.

Содержание

Вот это стук!... Тук-тук-тук!... Кто там, во имя Вельзевула?... Кто там, во имя дьявола? Тук-тук-тук! Никогда не бывает тихо? Макбет.

Кто не видел или не слышал о каком-нибудь доме, закрытом и непригодном для жилья, пришедшем в упадок, пыльном и унылом, из которого в полночь доносились странные звуки - воздушные стуки, бряцание цепей и стоны возмущенных духов? Дом, в который люди считали небезопасным заходить после наступления темноты, который годами оставался без жильца и который ни один арендатор не стал бы занимать, даже если бы ему за это платили? В Англии сегодня сотни таких домов; сотни во Франции, Германии и почти во всех странах Европы, которые отмечены знаком страха - места, которых робкие люди избегают, а благочестивые благословляют себя и просят защиты, проходя мимо, - обиталища призраков и злых духов. Таких домов в Лондоне множество, и если бы какой-нибудь тщеславный хвастун, уверенный в марше интеллекта, взял на себя труд найти и сосчитать их, он бы убедился, что интеллект должен еще сделать несколько огромных шагов, прежде чем эти старые суеверия удастся искоренить.

Идея о существовании таких домов - это пережиток верования в ведьм, который заслуживает отдельного внимания из-за своей сравнительной безвредности и того, что он является не столько безумием, сколько глупостью народа. В отличие от других представлений, возникших на почве веры в колдовство, о которых мы уже достаточно подробно говорили,

эта идея не отправила ни одного несчастного на кол или виселицу, а лишь нескольких - на скамью подсудимых.

Многие дома были осуждены как дома с привидениями, и их избегали слабые и доверчивые люди из-за обстоятельств, которые сами по себе были пустяковыми, и которым нужен был только энергичный ум, чтобы сразу прояснить ситуацию и рассеять все тревоги. Один дом в Экс-ла-Шапель, большое заброшенное здание, оставался необитаемым в течение пяти лет из-за таинственных стуков, которые раздавались в нем в любое время дня и ночи. Никто не мог объяснить причину этих звуков, и в конце концов страх стал настолько чрезмерным, что люди, населявшие дома по обе стороны, отказались от аренды и ушли жить в другие кварталы города, где было меньше шансов на вторжение злых духов. От долгого отсутствия жильцов дом в конце концов стал настолько разрушенным, мрачным и жалким по внешнему виду и настолько напоминал место, где, как можно предположить, обитают призраки, что мало кто решался пройти мимо него после захода солнца. Стук, раздававшийся в одной из верхних комнат, был не очень громким, но очень регулярным. Окрестные сплетники утверждали, что часто слышали стоны из подвалов и видели, как свет перемещался от одного окна к другому сразу после полуночного звона. Сообщалось, что призраки в белых одеяниях вырывались из окон и стрекотали, но все эти истории не поддавались расследованию. Однако стук был фактом, который никто не мог оспорить, и владелец предпринял несколько безрезультатных попыток выяснить его причину. Комнаты окроплялись святой водой, злым духам священник в соответствующей форме приказывал отправиться к Красному морю, но стуки продолжались, несмотря на все, что можно было сделать. В конце концов случайность обнаружила причину и восстановила спокойствие в округе. Владелец, страдавший не только умом, но и карманом, продал здание по разорительно низкой цене, чтобы избавиться себя от лишних хлопот. Новый владелец находился в одной из комнат на втором этаже, когда услышал, как дверь с большим шумом задвигается и тут же распаивается, примерно на два дюйма, не больше. Он постоял минуту, наблюдая за происходящим, и то же самое повторилось во второй и третий раз. Он внимательно осмотрел дверь, и вся тайна была раскрыта. Задвижка на двери была сломана, так что ее невозможно было закрепить, и она качалась в основном на нижней петле. Непосредственно напротив находилось окно, в котором одно стекло было разбито; когда ветер дул с определенной стороны, тяга воздуха была настолько сильной, что с некоторой силой расшатывала дверь. Не имея защелки, она снова распаивалась, и при новом порыве ее снова сдувало. Новый хозяин не теряя времени послал за стекольщиком, и таинственные звуки прекратились навсегда. Дом был заново оштукатурен и покрашен, и вновь обрел утраченное доброе имя. Однако только через два-три года за ним окончательно закрепилась популярность, и многие люди даже тогда всегда избегали проходить мимо него, если могли добраться до места назначения по какой-либо другой улице.

Похожая история описана сэром Вальтером Скоттом в его "Письмах о демонологии и колдовстве", героем которых был родовитый и видный джентльмен, хорошо известный в политическом мире. Вскоре после того, как он унаследовал свой титул и поместья, среди слуг поползли слухи о странном шуме, который раздавался по ночам в семейном особняке и причину которого никто не мог установить. Джентльмен решил выяснить это сам и стал наблюдать с этой целью вместе с одним из домашних, который состарился в семье и, как и все остальные, шептал странные вещи о том, что стук начался сразу после смерти его старого хозяина. Эти двое наблюдали за шумом до тех пор, пока он не стал слышен, и наконец проследили, что стук доносится из небольшой кладовой, где хранилась разная провизия для семьи, и ключ от которой был у старого дворецкого. Войдя туда, они некоторое время не слышали звуков, по которым их вычислили. Наконец звук был услышан, но гораздо

тише, чем казалось, когда они находились вдали, и их воображение было более возбуждено. Тогда они без труда обнаружили причину. Крыса, пойманная в старомодную ловушку, вызвала шум своими попытками вырваться, в ходе которых ей удалось поднять дверь своей тюрьмы на определенную высоту, но затем она была вынуждена ее уронить. Шум падения, раздавшийся по дому, стал причиной таинственных слухов, которые, если бы не расследование владельца, по всей вероятности, приобрели бы такую дурную славу, что ни один слуга не стал бы в нем жить. Об этом обстоятельстве сэру Вальтеру Скотту рассказал сам джентльмен, с которым это случилось.

СЕНТ-ЛУИ.

Но, как правило, дома, которые приобрели такой характер, были в большей степени обязаны этим мошенничеству живых людей, чем подобным случайностям. Шесть монахов разыграли подобный трюк с достойным королем Людовиком, чье благочестие закрепило за ним в летописях его собственной страны прозвище "Святой". Выслушав от своего духовника теплые хвалебные речи о доброте и образованности монахов ордена святого Бруно, он выразил желание основать их общину под Парижем. Бернар де ла Тур, настоятель, прислал шестерых братьев, и король подарил им красивый дом в деревне Шантильи. Так случилось, что из их окон открывался прекрасный вид на старинный дворец Вовер, который был построен для королевской резиденции королем Робертом, но уже много лет стоял заброшенным. Достойные монахи решили, что этот дворец как раз подойдет им, но их скромность была настолько чрезмерной, что они постеснялись попросить короля о его пожаловании в надлежащей форме. Это затруднение было не преодолимо, и монахи приложили всю свою изобретательность, чтобы найти другой план. Дворец Вовер никогда не вызывал нареканий, пока они не стали его соседями; но, так или иначе, почти сразу после этого он начал приобретать дурную славу. По ночам из него доносились жуткие крики, из окон внезапно вспыхивали синие, красные и зеленые огни и так же внезапно исчезали, слышался лязг цепей и вой людей, испытывающих сильную боль. Эти волнения продолжались несколько месяцев, к великому ужасу всех окрестных жителей и даже благочестивого короля Людовика, которому в Париж регулярно доставляли все эти слухи с целыми грудями добавок, накопившихся по дороге. Наконец в полночь в главном окне дворца появился призрак, одетый во все зеленое, с длинной белой бородой и змеиным

хвостом, и, страшно завывая и потрясая кулаками над пассажирами, стал на свое место. Шесть монахов из Шантильи, которым все это было должным образом рассказано, были крайне разгневаны тем, что дьявол устраивает подобные выходки прямо напротив их жилища, и наемкнули комиссарам, присланным Людовиком Святым для расследования этого дела, что если им будет позволено поселиться во дворце, то они очень скоро очистят его от злых духов. Король был совершенно очарован их благочестием и выразил им свою признательность за их бескорыстие. Тут же был составлен акт, на нем поставили королевский знак, и дворец Вовер стал собственностью монахов Святого Бруно. Документ датирован 1259 годом. Беспорядки немедленно прекратились, огни исчезли, а зеленый призрак (так говорили монахи) навсегда упокоился под волнами Красного моря.⁴¹

В 1580 году некий Жиль Блакр взял в аренду дом в пригороде Тура, но, рассказавшись в своей сделке с хозяином, Питером Пике, он попытался убедить его расторгнуть договор. Однако Петр был доволен своим арендатором и его условиями и не хотел идти на компромисс. Вскоре после этого по всему Туру распространился слух, что в доме Жилия Блакра водятся привидения. Сам Жиль утверждал, что искренне верит в то, что его дом является местом встречи всех ведьм и злых духов Франции. Шум, который они производили, был ужасен и совершенно не давал ему спать. Они стучали в стены, завывали в дымоходах, разбивали оконные стекла, разбрасывали кастрюли и сковородки по всей кухне, а стулья и столы танцевали всю ночь напролет. Толпы людей собирались вокруг дома, чтобы послушать таинственные звуки: было замечено, что кирпичи отделяются от стены и падают на улицу на головы тех, кто не произнес заклятие перед выходом из дома утром. Так продолжалось некоторое время, Жиль Блакр подал жалобу в гражданский суд Тура, и Питер Пике был вызван для объяснения причин, по которым договор аренды не должен быть аннулирован. Бедный Петр не смог ничего возразить, и суд единодушно решил, что при таких обстоятельствах никакой договор аренды не может быть действительным, и аннулировал его, обрекая неудачливого владельца на все расходы по иску. Петр обратился в Парижский парламент, и после долгого разбирательства тот подтвердил договор аренды. "Не потому, - сказал судья, - что не было полностью и удовлетворительно доказано, что в доме обитают злые духи, а потому, что в процессе рассмотрения дела в гражданском суде Тура была допущена неформальность, которая сделала его решение недействительным и не имеющим силы".

Аналогичное дело рассматривалось в парламенте Бурдо в 1595 году в отношении одного дома в этом городе, который был сильно потревожен злыми духами. Парламент назначил определенных церковников для обследования и представления им отчета, и после их утвердительного заключения о том, что в доме обитают привидения, договор аренды был аннулирован, а арендатор освобожден от уплаты арендной платы и [налогов](#)⁴².

Одна из лучших историй о доме с привидениями - история королевского дворца в Вудстоке в 1649 году, когда комиссары, присланные из Лондона Долгим парламентом, чтобы завладеть им и уничтожить все эмблемы королевской власти, были изгнаны из-за страха перед дьяволом и раздражения, которое они испытывали от плутоватого кавалера, который играл импа до восхищения. Комиссары, в то время не боявшиеся никакого дьявола, прибыли в Вудсток 13 октября 1649 года. Они разместились в апартаментах покойного короля, превратили прекрасные спальни и отхожие места в кухни и буфеты, зал совета - в пивоварню, а столовую - в место для хранения дров. Они сорвали с себя все знаки королевского достоинства и с величайшим неуважением относились ко всему, что напоминало им об имени или величии Карла Стюарта. Некий Джайлс Шарп сопровождал их в качестве клерка и поддерживал их усилия, по-видимому, с величайшим рвением. Он помог им выкорчевать

старое благородное дерево, только потому, что оно называлось *королевским дубом*, и бросил его обломки в столовую, чтобы разжечь веселый огонь для членов комиссии. Первые два дня они слышали странные звуки в доме, но не обращали на них внимания. Однако на третий день они начали подозревать, что попали в дурную компанию, поскольку услышали, как им показалось, что под их кроватью завелась сверхъестественная собака, которая грызет их постельное белье. На следующий день стулья и столы начали танцевать, очевидно, по собственной воле. На пятый день что-то вошло в спальню и ходило взад-вперед, а принесся из отхожего места грелку, так шумело ею, что им показалось, будто в ушах звонят пять церковных колоколов. На шестой день они швыряли тарелки и блюда по всей столовой. На седьмой они проникли в спальню в компании нескольких полениц дров и умыкнули мягкие подушки, предназначенные для членов комиссии. На восьмую и девятую ночи военные действия прекратились, но на десятую кирпичи в дымоходах стали локомотивом и всю ночь гревели и плясали по полу и вокруг голов членов комиссии. На одиннадцатое число демон сбежал с их бриджей, а на двенадцатое наполнил их кровати такими оловянными блюдами, что они не могли в них забраться. В тринадцатую ночь стекла необъяснимым образом стали трескаться, и во всех частях дома задрожали. Четырнадцатого числа раздался шум, словно выстрелили сорок артиллерийских орудий, и посыпались булыжники, которые так встревожили членов комиссии, что, "пораженные ужасом, они зывали друг к другу о помощи".

Сначала они попробовали применить молитвы, чтобы отогнать злых духов; но, не добившись результата, всерьез задумались, не лучше ли оставить это место на произвол дьяволов, населяющих его. Однако в конце концов они решили попробовать еще немного, и, попросив прощения за все свои грехи, легли спать. В ту ночь они спали вполне комфортно, но это была всего лишь уловка их мучителя, чтобы убаюкать их ложной безопасностью. Когда же на следующую ночь они услышали шум, то стали льстить себе, что дьявол изгнан, и приготовились, соответственно, на всю зиму поселиться во дворце. Эти симптомы с их стороны послужили сигналом к новым волнениям среди дьяволов. 1 ноября они услышали, как кто-то медленно и торжественно ходит вверх и вниз по отхожему месту, и сразу после этого на них обрушился ливень камней, кирпичей, раствора и битого стекла. 2-го числа в отхожем месте снова послышались шаги, по звуку очень похожие на шаги огромного медведя, которые продолжались около четверти часа. Когда шум прекратился, на стол с силой бросили большую кастрюлю для разогрева пищи, а затем несколько камней и челюстную кость лошади. Некоторые из самых смелых, вооружившись шпагами и пистолетами, отважно прошли в отхожее место, но ничего не обнаружили. В ту ночь они боялись ложиться спать и сидели, разводя костры во всех комнатах и зажигая свечи и лампы в большом количестве, думая, что, поскольку изверги любят темноту, они не станут беспокоить компанию, окруженную таким количеством света. Однако их обманули: по дымоходам спустили ведра с водой и погасили огонь, а свечи задули, сами не зная как. Некоторые из слуг, улегшихся в постель, были облиты гнилой водой из канавы, когда они лежали, и встали в сильном испуге, бормоча бессвязные молитвы и явля изумленным взорам комиссаров свое белье, все пропитанное зеленой влагой, и костяшки пальцев, красные от ударов, которые они в то же время получили от невидимых мучителей. Пока они говорили, раздался шум, похожий на гром или выстрел целого артиллерийского парка, и все они упали на колени, моля о защите Всевышнего. Тогда один из комиссаров встал, а остальные все еще стояли на коленях, и мужественным голосом, во имя Бога, спросил, кто там был и что они сделали, чтобы их так беспокоили. Ответа не последовало, и шум на некоторое время прекратился. Однако вскоре, как сказали члены комиссии, "дьявол пришел снова и привел с собой семь дьяволов, худших, чем он сам". Оказавшись в темноте, они зажгли свечу и поставили ее в дверном проеме, чтобы она освещала сразу две палаты; но ее

внезапно задули, и один из членов комиссии сказал, что он "видел подобие того, как лошадиное копыто ударяет свечу и подсвечник в середину палаты, а затем делает три царапины на нюхательном табаке, чтобы потушить его". После этого тот же человек осмелился достать свой меч; но он утверждал, что едва успел вынуть его из ножен, как невидимая рука схватила его и стала тянуть за него, а затем нанесла ему такой сильный удар по рукояти, что он был совершенно ошеломлен. Затем снова начались звуки; тогда все они единодушно удалились в палату присутствия, где и провели ночь, молясь и распевая псалмы.

К этому времени они убедились, что бесполезно бороться с силами зла, которые, казалось, решили сделать Вудсток своим. Это случилось в субботу вечером; повторившись в воскресенье, они решили немедленно покинуть это место и вернуться в Лондон. К утру вторника все их приготовления были закончены, и, отряхнув пыль с ног, посвятив Вудсток и всех его обитателей inferнальным богам, они наконец отправились в [путь43](#).

Прошло много лет, прежде чем была обнаружена истинная причина этих беспорядков. Во время Реставрации было установлено, что все это дело рук Джайлса Шарпа, доверенного клерка комиссаров. Этот человек, настоящее имя которого было Джозеф Коллинз, был скрытым роялистом и всю свою раннюю жизнь провел в недрах Вудстока, так что знал все его лазейки и закоулки, а также многочисленные лазейки и тайные ходы, которыми изобиловало здание. Комиссары, никогда не подозревая об истинном положении его дел, но полагая, что он революционер до мозга костей, полностью положились на него; доверием, которым он злоупотребил, как описано выше, к своему собственному удовольствию и удовольствию тех немногих кавалеров, которых он допустил к секрету.

Не менее необычным и столь же ловким был трюк, разыгранный в Тедворте в 1661 году в доме мистера Момпессона, о котором так подробно повествует преподобный Джозеф Гланвил под названием "Демон Тедворта" и приложенный, среди прочих доказательств колдовства, к его знаменитой работе под названием "Триумфальный сатанизм" (Sadducismus Triumphatus). Примерно в середине апреля вышеупомянутого года мистер Момпессон, вернувшись в свой дом в Тедворте из поездки в Лондон, был извещен женой, что во время его отсутствия их беспокоили самые необычные шумы. Через три ночи после этого он сам услышал шум; ему показалось, что это был "сильный стук в его двери и снаружи его стен". Он немедленно встал, оделся, достал пару пистолетов и смело пошел вперед, чтобы обнаружить нарушителя порядка, полагая, что это должен быть грабитель; но, пока он шел, шум, казалось, шел то впереди, то позади него; и когда он подошел к двери, из которой, как он думал, он исходил, он ничего не увидел, но все еще слышал "странный полый звук". Он долго ломал голову, обыскивая каждый уголок дома, но, ничего не обнаружив, снова лег спать. Не успел он устроиться под одеждой, как шум снова начался, еще более яростный, чем прежде, очень похожий на "стук и барабанный бой по крыше дома, а затем постепенно уходящий в воздух".

Так продолжалось несколько ночей, когда мистеру Момпессону пришло в голову, что некоторое время назад он отдал приказ арестовать и посадить в тюрьму бродячего барабанщика, который ходил по стране с большим барабаном, мешая спокойным людям и выпрашивая милостыню, и что он задержал барабан этого человека, и что, вероятно, барабанщик был колдуном и послал злых духов преследовать его дом, чтобы отомстить ему. С каждым днем он все больше укреплялся в своем мнении, особенно когда звуки приобрели, по его мнению, сходство с ударами барабана, "как при разгоне караула". Когда миссис Момпессон уложили в постель, дьявол, или барабанщик, очень любезно и заботливо воздержался от обычного буйства, но, как только она восстановила силы, снова начал "в более грубой манере, чем прежде, преследовать и досаждал маленьким детям, и бить их

кровати с такой силой, что все ожидали, что они разлетятся на куски". В течение часа, как повторял достойный мистер Момпессон своим удивленным соседям, этот адский барабанщик "отбивал" "Круглоголовых и рогоносцев", "Тат-ту" и несколько других военных моментов так же ловко, как любой солдат". Когда это продолжалось достаточно долго, он сменил тактику и стал царапать своими железными когтями под детской кроватью. "5 ноября, - рассказывает преподобный Джозеф Гланвил, - он поднял сильный шум; и слуга, заметив, что две доски в детской комнате, кажется, двигаются, попросил его дать ему одну из них. На что доска подошла (ничего не двигая, как он видел) на расстояние ярда от него. Мужчина добавил: "Нет, дай мне ее в руки", после чего дух, дьявол или барабанщик подтолкнул ее к нему так близко, что он мог до нее дотронуться". "Это, - продолжает Гланвил, - происходило днем, и его видела целая комната, полная людей. В то утро от него остался сернистый запах, который был очень неприятен. Вечером в дом пришел священник, некий мистер Крэгг, и несколько соседей с визитом. Мистер Крэгг отправился с ними на молитву, стоя на коленях у кровати детей, где дух стал очень беспокойным и громким. Во время молитвы дух удалился на чердак, но вернулся, как только молитва была закончена; затем, на глазах у всех, стулья сами собой зашагали по комнате, детские ботинки были сброшены через голову, а все свободные вещи перемещались по комнате. В это же время в священника бросили посох, который ударил его по ноге, но так удачно, что прядь шерсти не могла бы упасть более мягко". В другой раз деревенский кузнец, человек, которому не было дела ни до призраков, ни до дьявола, спал вместе с лакеем Джоном, чтобы тот тоже услышал тревоги и излечился от своей недоверчивости, когда в комнате "раздался шум, как будто кто-то подковывал лошадь, и кто-то пришел, как будто с парой щипцов", и большую часть ночи щипал и щелкал бедного кузнеца по носу. На следующий день оно пришло, пыхтя, как запыхавшаяся собака; тогда одна из присутствующих женщин взяла палочку, чтобы постучать по нему, "которая была внезапно выхвачена из ее руки и отброшена; и компания поднялась, и комната вскоре наполнилась *кровавым шумным запахом*, и было очень жарко, хотя и без огня, в очень резкую и суровую зиму. Оно пролежало в кровати, пыхтя и царапаясь, часа полтора, а потом ушло в соседнюю комнату, где немного постучало и, кажется, погремело цепью".

Слух об этих удивительных происшествиях вскоре распространился по всей стране, и люди из дальних и ближних краев стекались в дом с привидениями Тедворта, веря или сомневаясь, как велела им их натура, но все они были полны сильного любопытства. Судя по всему, слава об этих событиях дошла до королевского слуха, и король послал нескольких джентльменов расследовать обстоятельства и составить отчет о том, что они видели или слышали. Были ли королевские комиссары более благоразумными людьми, чем соседи мистера Момпессона, и требовали более четких и убедительных доказательств, чем они, или же полномочия, которыми они были вооружены, чтобы наказать любого, кто будет уличен в этом обмане, напугали злодеев, точно не известно; но сам Гланвил неохотно признается, что все время, пока они находились в доме, шумы прекратились, и ничего не было слышно и видно. "Однако, - говорит он, - что касается тишины в доме, когда там находились придворные, перерыв мог быть случайным, или, возможно, демон не хотел давать столь публичное свидетельство о тех операциях, которые могли бы убедить тех, кому он предпочел бы оставаться в неверии в его существование".

Как только королевские комиссары удалились, адский барабанщик возобновил свои выходки, и сотни людей ежедневно присутствовали здесь, чтобы послушать и удивиться. Слуге мистера Момпессона посчастливилось не только слышать, но и видеть этого настойчивого демона: он пришел и встал у изножья его кровати. "Точной формы и пропорций он не мог определить, но видел огромное тело с двумя красными и сверкающими глазами, которые некоторое время неотрывно смотрели на него, а потом исчезли". Неисчислимы были

его выходки. Однажды оно мурлыкало, как кошка; било детей по ногам до крови; втыкало длинный шип в кровать мистера Момпессона, а нож - в кровать его матери; наполняло пеплом кастрюли; прятало Библию под решеткой; чернило деньги в карманах людей. "Однажды ночью, - пишет г-н Момпессон в письме к г-ну Гланвилю, - явилось семь или восемь этих дьяволов в форме людей, которые, как только раздался выстрел, скрылись в беседке"; это обстоятельство могло бы убедить г-на Момпессона в смертоносности его преследователей, если бы он не принадлежал к числу тех, кто хуже слепых, закрывающих глаза и отказывающихся видеть.

Тем временем барабанщик, предполагаемый виновник всех бед, отбывал срок в Глостерской тюрьме, куда он был помещен как негодяй и бродяга. Однажды его навестил некий человек из окрестностей Тедворта и спросил, какие новости в Уилтшире и не говорят ли там много о барабанном бою в доме одного джентльмена? Посетитель ответил, что ничего другого не слышал, на что барабанщик заметил: "Я сделал это; я досадил ему; и он никогда не успокоится, пока не принесет мне удовлетворение за то, что отобрал у меня барабан". Несомненно, парень, который, похоже, был цыганом, говорил правду, и шайка, членом которой он был, знала о шумах в доме мистера Момпессона больше, чем кто-либо другой. Однако после этих слов он предстал перед судом в Солсбери по обвинению в колдовстве и, будучи признан виновным, был приговорен к перевозке; приговор, который, несмотря на свою мягкость, вызвал немалое удивление в ту эпоху, когда подобное обвинение, доказанное или нет, обычно гарантировало кол или виселицу. Гланвил утверждает, что шум прекратился сразу же, как только барабанщик был отправлен за море; но так или иначе ему удалось вернуться из перевозки, "подняв бурю и напугав моряков, как говорили"; тогда беспорядки немедленно возобновились и продолжались с перерывами в течение нескольких лет. Конечно, если сообщники этого бродячего цыгана были столь настойчивы в мучениях бедного слабого мистера Момпессона, то их настойчивость - самый необычный пример того, на что способна месть. В то время многие считали, что сам мистер Момпессон был в курсе всего этого дела и разрешал и поощрял эти проделки в своем доме ради дурной славы; но более вероятно, что цыгане были настоящими преступниками и что мистер Момпессон был встревожен и озадачен не меньше, чем его доверчивые соседи, чье возбужденное воображение придумало не малую часть этих историй,

"Которые катились и по мере того, как катились, заметно увеличивались в размерах".

Много подобных случаев в XVII веке можно почерпнуть у Гланвила и других писателей того периода; но они не настолько отличаются от этих, чтобы оправдать подробное описание. Самый известный из всех домов с привидениями приобрел дурную славу гораздо ближе к нашему времени; обстоятельства, связанные с ним, настолько любопытны и служат образцом легкой доверчивости даже хорошо информированных и здравомыслящих людей, что заслуживают небольшого упоминания в этой главе. Призрак в Кок-Лейн, как его называли, долгое время держал Лондон в волнении и был темой разговоров среди ученых и неграмотных, во всех кругах, от княжеского до крестьянского.

ДОМ С ПРИВИДЕНИЯМИ В КОК-ЛЕЙН.

В начале 1760 года в Кок-Лейн, неподалеку от Уэст-Смитфилда, в доме некоего Парсонса, приходского клерка церкви Святого Сепульхре, жил биржевой маклер по фамилии Кент. Жена этого джентльмена умерла в младенчестве в предыдущем году, и его невестка, мисс Фанни, приехала из Норфолка, чтобы содержать его дом. Вскоре между ними возникла взаимная симпатия, и каждая из них составила завещание в пользу другой. Несколько месяцев они прожили в доме Парсонса, который, будучи человеком нуждающимся, занимал деньги у своего постояльца. Между ними возникли разногласия, и мистер Кент покинул дом, возбудив судебный процесс против приходского клерка о возврате своих денег.

Пока это дело находилось на рассмотрении, мисс Фанни внезапно заболела оспой; несмотря на все заботы и внимание, она умерла через несколько дней и была похоронена в склепе при Клеркенвельской церкви. Парсонс начал намекать, что смерть бедной леди была несправедливой и что мистер Кент был к ней причастен из-за своего нетерпения вступить во владение имуществом, которое она ему завещала. В течение почти двух лет больше ничего не говорилось, но, судя по всему, Парсонс обладал настолько мстительным характером, что никогда не забывал и не прощал разногласий с мистером Кентом и того, что ему пришлось судиться за одолженные деньги. Сильные страсти гордыни и скупости тихо работали все это время, вынашивая планы мести, но отвергая их один за другим как неосуществимые, пока, наконец, не предложили один примечательный. В начале 1762 года по всем окрестностям Кок-Лейн разнеслась тревога, что в доме Парсонсов обитает призрак бедной Фанни, и что дочь Парсонсов, девочка лет двенадцати, несколько раз видела и разговаривала с духом, который, кроме того, сообщил ей, что она умерла не от оспы, как сообщалось в настоящее время, а от яда, подмешанного мистером Кентом. Появившийся Парсонс постарался подтвердить эти сведения и в ответ на многочисленные расспросы заявил, что его дом каждую ночь и в течение двух лет, фактически со дня смерти Фанни, беспокоят громкие стуки в двери и в стены. Подготовив таким образом невежественных и легковверных соседей к тому, чтобы они сами поверили или преувеличили то, что он им рассказал, он послал за джентльменом более высокого класса, чтобы тот пришел и стал свидетелем этих необыкновенных происшествий. Джентльмен пришел и обнаружил дочь Парсонса, к которой явился дух и которой он ответил, в постели, сильно дрожащей, только что увидевшей призрак и вновь получившей сообщение, что она умерла от яда. Кроме того, из каждой части комнаты слышался громкий стук, который так смутил не очень ясное

понимание посетителя, что он ушел, боясь сомневаться и стыдясь верить, но с обещанием привести на следующий день священника прихода и еще нескольких джентльменов, чтобы они рассказали о тайне.

На следующую ночь он вернулся, приведя с собой трех священников и еще около двадцати человек, включая двух негров, и, посоветовавшись с Парсонсом, они решили просидеть всю ночь и ждать прихода призрака. Парсонс объяснил, что, хотя призрак никогда не покажется никому, кроме его дочери, он не возражает против ответов на вопросы, которые может задать ему любой из присутствующих, и что выражает свое утверждение одним стуком, отрицание - двумя, а недовольство - чем-то вроде царапанья. Затем ребенка положили в кровать вместе с сестрой, и священнослужители осмотрели кровать и постельное белье, чтобы убедиться, что не было никакого обмана, если постучать по какому-либо веществу, спрятанному среди одежды. Как и в предыдущую ночь, было замечено, что кровать сильно трясется.

КОМНАТА В ДОМЕ С ПРИВИДЕНИЯМИ В [КОК-ЛЕЙН44](#).

Через несколько часов, в течение которых все ждали с образцовым терпением, в стене послышался таинственный стук, и ребенок заявил, что видит призрак бедной Фанни. Затем священнослужитель серьезно задал следующие вопросы через посредство Мэри Фрейзер, служанки Парсонса, к которой, как было сказано, покойная леди была очень привязана. Ответы были получены обычным способом - стуком или стуками:

"Вы беспокоитесь из-за плохого обращения с вами со стороны мистера Кента?" - "Да".

"Вы безвременно умерли от яда?" - "Да".

"Как был введен яд: в пиве или в пурпуре?" - "В пурпуре".

"Сколько времени прошло до вашей смерти?" - "Около трех часов".

"Может ли ваш бывший слуга, Морковка, дать какую-нибудь информацию о яде?" - "Да".

"Вы сестра жены Кента?" - "Да".

"Были ли вы замужем за Кентом после смерти вашей сестры?"

"Кто-нибудь еще, кроме Кента, причастен к вашему убийству?" - "Нет".

"Можете ли вы, если хотите, показаться кому-нибудь на глаза?" - "Да".

"Вы сделаете это?" - "Да".

"Вы можете выйти из этого дома?" - "Да".

"Вы намерены следовать за этим ребенком повсюду?" - "Да".

"Вам приятно, что вам задают эти вопросы?" - "Да".

"Облегчает ли это вашу беспокойную душу?" - "Да".

[Тут раздался таинственный шум, который некоторые присутствующие мудрецы сравнили с трепетанием крыльев].

"За какое время до смерти вы сказали своему слуге, Морковке, что вас отравили? За час?" - "Да".

[К присутствовавшей при этом Морковке обратились, но она утвердительно заявила, что это не так, поскольку за час до смерти покойная была совершенно безмолвна. Это поколебало веру некоторых зрителей, но допрос был продолжен].

"Как долго Морковка жила с вами?" - "Три или четыре дня".

[К Морковке снова обратились, и она сказала, что это правда].

"Если мистер Кент будет арестован за это убийство, признается ли он?" - "Да".

"Будет ли ваша душа спокойна, если его за это повесят?" - "Да".

"Его повесят за это?" - "Да".

"Через сколько времени?" - "Через три года".

"Сколько священнослужителей в этой комнате?" - "Три".

"Сколько негров?" - "Два".

"Эти часы (показывает один из священнослужителей) белые?" - "Нет".

"Они желтые?" - "Нет".

"Голубые?" - "Нет".

"Черные?" - "Да".

[Часы были в черном футляре из шагреновой кожи].

"В какое время сегодня утром вы уйдете?"

Ответом на этот вопрос были четыре стука, очень отчетливо слышные каждому присутствующему; и, соответственно, ровно в четыре часа призрак отправился в расположенный неподалеку публичный дом Wheatsheaf, где напугал моего хозяина и его даму почти до полусмерти, постучав в потолок прямо над их кроватью.

Слух об этих происшествиях очень скоро распространился по Лондону, и каждый день Петушиный переулок становился непроходимым из-за толп людей, которые собирались вокруг дома приходского клерка в надежде увидеть призрака или услышать таинственные стуки. В конце концов, из-за такого наплыва желающих попасть в дом с привидениями, было решено пускать туда только тех, кто заплатит определенную плату, что было очень удобно для нуждающегося и любящего деньги мистера Парсонса. И в самом деле, дело приняло такой оборот, что он был очень доволен: он не только отомстил, но и заработал на этом. Призрак, как следствие, каждую ночь устраивал свои выходы, к большому удовольствию многих сотен людей и большому недоумению еще большего числа.

Однако, к несчастью для приходского клерка, призрак был вынужден дать несколько обещаний, которые полностью уничтожили его репутацию. В ответ на вопросы преподобного мистера Олдрича из Клеркенуэлла оно пообещало, что не только будет следовать за маленькой мисс Парсонс, куда бы она ни пошла, но и сопровождать его или любого другого джентльмена в склеп под церковью Святого Иоанна, где покоится тело убитой женщины, и даст знать о своем присутствии отчетливым стуком по гробу. Предварительно девушку отвезли в дом мистера Олдрича, расположенный неподалеку от церкви, где собралась

большая компания дам и джентльменов, известных своими знаниями, званием или богатством. Около десяти часов вечера первого февраля девушку привезли из Кок-Лейн в карете, и несколько дам уложили ее в постель в доме мистера Олдрича; предварительно был проведен строгий осмотр, чтобы убедиться, что в постельном белье ничего не спрятано. Пока джентльмены в соседней комнате размышляли, стоит ли им в полном составе идти в склеп, их позвали в спальню дамы, которые в большой тревоге утверждали, что призрак пришел, и что они слышали стук и царапанье. Джентльмены вошли, решив не поддаваться на обман. Маленькая девочка на вопрос, видела ли она призрака, ответила: "Нет, но она почувствовала его на спине, как мышь". Тогда ей предложили поднять руки с кровати, и, держа их в руках, кто-то из дам вызвал дух обычным способом, чтобы тот ответил, находится ли он в комнате. Вопрос был задан несколько раз с большой торжественностью, но в ответ в стенах не раздалось ни привычного стука, ни царапанья. Тогда призрака попросили стать видимым, но он не пожелал выполнить просьбу. Затем его попросили подать знак о своем присутствии каким-либо звуком, прикоснуться к руке или щеке любой дамы или джентльмена, находящегося в комнате; но и эту просьбу призрак не выполнил.

Наступила значительная пауза, и один из священников спустился по лестнице, чтобы допросить отца девушки, который ждал результатов эксперимента. Он категорически отрицал наличие какого-либо обмана и даже заявил, что сам однажды видел и разговаривал с ужасным призраком. Это было доведено до сведения компании, и было единогласно решено устроить призраку еще одно испытание; священнослужитель громко возвестил предполагаемому духу, что джентльмен, которому он обещал явиться в склеп, вот-вот отправится туда, где он требует исполнения своего обещания. В час после полуночи все они отправились в церковь, и джентльмен, о котором идет речь, вместе с другим джентльменом вошел в склеп один и занял место рядом с гробом бедной Фанни. Призрак призвали явиться, но он не явился; призвали постучать, но он не постучал; призвали почесаться, но он не почесался; и двое удалились из хранилища с твердой уверенностью, что все это было обманом Парсонса и его дочери. Однако нашлись и другие, которые не захотели так поспешно делать выводы и предположили, что они, возможно, шутили с этим ужасным и сверхъестественным существом, которое, обиравшись на них за их самонадеянность, не соизволило ответить им. И снова, после серьезного совещания, все согласились, что если призрак и отвечает кому-то, то только мистеру Кенту, предполагаемому убийце, и, соответственно, попросили его спуститься в склеп. Он отправился туда вместе с несколькими другими людьми и вызвал призрака, чтобы тот ответил, действительно ли он отравил ее. Поскольку ответа не последовало, вопрос задал мистер Олдрич, который призвал его, если это действительно дух, положить конец их сомнениям, подать знак о своем присутствии и указать на виновного. Так как ответа не последовало в течение получаса, а все эти олухи ждали с самым похвальным упорством, они вернулись в дом мистера Олдрича и приказали девушке встать и одеться. Ее строго осмотрели, но она упорно продолжала утверждать, что не прибегала к обману и что призрак действительно явился ей.

Так много людей, открыто выражая свою веру в реальность визита, отождествляли себя с ним, что Парсонс и его семья были далеко не единственными, кто был заинтересован в продолжении иллюзии. Результат эксперимента убедил большинство людей; но этих людей не могли убедить никакие доказательства, какими бы положительными они ни были, и поэтому они распространили слух, что призрак не появился в склепе, потому что мистер Кент заранее позаботился о том, чтобы гроб убрали. Этот джентльмен, чье положение было весьма болезненным, немедленно нашел компетентных свидетелей, в присутствии которых

склеп был вскрыт, а гроб бедной Фанни открыт. Затем их показания были опубликованы, и мистер Кент предъявил Парсонсу, его жене, дочери, служанке Мэри Фрейзер, преподобному мистеру Моору и одному торговцу, двум самым известным покровителям обмана, обвинение в заговоре. Процесс состоялся в Королевском суде 10 июля перед лордом-главным судьей Мэнсфилдом, и после двенадцатичасового расследования все участники заговора были признаны виновными. Преподобный мистер Моор и его друг были сурово отчитаны в открытом суде, и им было рекомендовано выплатить прокурору денежную компенсацию за клевету, которую они приложили к его персоне. Парсонса приговорили к трем ударам в столб и двухлетнему тюремному заключению, его жену - к одному году, а слугу - к шести месяцам заключения в Бридуэлле. Печатник, которого они наняли, чтобы тот опубликовал отчет о ходе заседания для их выгоды, также был оштрафован на пятьдесят фунтов и освобожден от должности.

Точный способ, которым был осуществлен обман, так и не был объяснен. Стучать в стену, судя по всему, должна была жена Парсонса, а царапать - маленькая девочка. То, что столь неуклюжий мог обмануть кого-либо, не может не вызывать удивления. Но так бывает всегда. Если в любой нелепости, сколь бы велика она ни была, первенствуют два или три человека, то обязательно найдется множество подражателей. Как овцы в поле, если один расчистит дорогу, остальные последуют за ним.

Примерно через десять лет после этого Лондон снова был встревожен историей о доме с привидениями. Стоквелл, недалеко от Воксхолла, место действия нового призрака, стал почти таким же знаменитым в анналах суеверий, как Петушиный переулок. Миссис Голдинг, пожилая дама, которая жила одна со своей служанкой Анной Робинсон, была крайне удивлена вечером Двенадцатого дня 1772 года, когда заметила необычайный переполох среди своей посуды. Чашки и блюда с грохотом падали в дымоход, кастрюли и сковородки вихрем неслись вниз по лестнице или через окна, а окорока, сыры и буханки хлеба разлетались по полу, словно в них сидел дьявол. По крайней мере, к такому выводу пришла миссис Голдинг; сильно встревожившись, она пригласила нескольких соседей остаться с ней и защитить ее от лукавого. Однако их присутствие не остановило восстание фарфора, и через некоторое время все комнаты в доме были усеяны его осколками. В конце концов к беспорядку присоединились стулья и столы, и все выглядело настолько серьезным и необъяснимым, что соседи, опасаясь, что в следующий момент сам дом охватит приступ движения и завалит их по самые уши, оставили бедную миссис Голдинг терпеть все это в одиночку. В этом случае призраку торжественно внушали, что он должен уйти, но разрушения продолжались все так же, как и прежде, и миссис Голдинг в конце концов решила покинуть дом. Вместе с Энн Робинсон она укрылась в доме соседа, но его стекло и посуда тут же подверглись такому же преследованию, и он был вынужден неохотно дать ей уведомление об уходе. Старая леди, вынужденная таким образом вернуться в свой дом, терпела беспорядки еще несколько дней, а затем, заподозрив, что причиной всех бед является Анна Робинсон, уволила ее со службы. Необычные явления сразу же прекратились и в дальнейшем никогда не возобновлялись; этого факта уже достаточно, чтобы указать на истинную нарушительницу спокойствия. Спустя долгое время Энн Робинсон призналась во всем преподобному мистеру Брейфилду. Этот джентльмен доверил историю мистеру Хоуну, который опубликовал объяснение этой тайны. Энн, судя по всему, очень хотела иметь чистый дом, чтобы вести интригу с любовником, и для достижения своей цели прибегла к этой хитрости. Она расставила фарфор на полках таким образом, что он падал при малейшем движении, и прикрепила конские волосы к другим предметам, чтобы можно было незаметно для всех спустить их из соседней комнаты. Она была очень ловкой в этом деле и могла бы

составить грозную конкуренцию многим жонглерам по профессии. Полное объяснение этой истории можно найти в "Ежедневнике".

Последний случай народной паники, вызванной появлением в доме привидения, произошел в Шотландии зимой 1838 года. 5 декабря обитатели фермы Балдаррох в округе Банкори, Абердиншир, были встревожены, заметив, что по двору и помещению летает множество палок, гальки и комьев земли. Они пытались, но тщетно, выяснить, кто виновен в этом; а камнепад продолжался пять дней подряд, и в конце концов они пришли к выводу, что причина этого - только дьявол и его импы. Слух об этом вскоре распространился по всей стране, и сотни людей приехали из дальних и ближних мест, чтобы посмотреть на выходы дьяволов Балдарроха. На пятый день ливень из комьев и камней снаружи помещения прекратился, и действие переместилось внутрь. Ложки, ножи, тарелки, горшочки с горчицей, скалки и плоские ружья вдруг обрели способность к самодвижению, с вихрем носились из комнаты в комнату и грохотали по дымоходам так, что никто не мог этого объяснить. Крышка от горшочка с горчицей была засунута служанкой в шкаф в присутствии десятков людей и через несколько минут вылетела в дымоход, к всеобщему ужасу. Кроме того, раздавался сильный стук в двери и по крыше, а куски палок и гальки били по окнам и разбивали их. Все окрестности были охвачены тревогой, и не только люди вульгарные, но и образованные, респектабельные фермеры в радиусе двадцати миль выражали свою веру в сверхъестественный характер этих событий и возносили благочестивые молитвы о сохранении от козней лукавого. Как только зазвучала нота страха, посетители, как это обычно бывает во всех чудесных историях, стали соревноваться друг с другом, кто станет свидетелем самых необычных происшествий; и в течение недели в приходах Банчори-Тернан, Друмоак, Дуррис, Кинкардин-О'Нил и во всех прилегающих районах Мернса и Абердиншира было принято считать, что дьявол был замечен за ударами молотка по крыше дома в Балдаррохе. Один старик утверждал, что однажды ночью, после того как он побывал на странных играх ножей и горчичников, он встретил призрак огромного черного человека, "который со свистом кружил вокруг его головы, создавая ветер в ушах, который чуть не сорвал с него чепец", и что он преследовал его таким образом на протяжении трех миль. Также утверждалось и верилось, что все лошади и собаки, приближавшиеся к этой заколдованной земле, немедленно подвергались воздействию; что один маловерный джентльмен излечился от недоверия, встретив маслбойку, прыгавшую в дверь, когда он сам выходил; что с домов срывало крыши, а несколько риксов на кукурузном дворе танцевали кадрили под звуки дьявольской волынки, вновь доносившиеся с горных вершин. Женщины из семьи преследуемого фермера Балдарроха также держали язык за зубами, раздувая своими странными историями волну народного удивления. Сама добрая жена и все ее слуги рассказывали, что всякий раз, когда они ложились спать, их атаковали камнями и другими снарядами, некоторые из которых проникали под одеяла и легонько постукивали по пальцам ног. Однажды вечером по чердаку, где сидели рабочие, внезапно пронесся башмак, и один из мужчин, попытавшийся поймать его, поклялся, что он был таким горячим и тяжелым, что не смог его удержать. Говорили также, что "медвежья колотушка" (нечто вроде ступки, используемой для обмолота ячменя) - предмет такого веса, что для его перемещения требуется несколько человек, - самопроизвольно покинула амбар и перелетела через крышу дома, упав у ног одной из служанок и ударив ее, но не причинив ей ни малейшего вреда и даже не вызвав у нее тревоги; Ей было хорошо известно, что все предметы, брошенные дьяволом, теряют свой удельный вес и не могут причинить никому вреда, даже если они падают на голову человека.

Среди лиц, привлеченных в Балдаррох этими событиями, были наследник, священник и все старейшины Кирка, под руководством которых было немедленно начато расследование.

Результаты расследования не оглашались несколько дней, а тем временем слухи продолжали распространяться по всему Нагорью, увеличивая каждое загадочное происшествие тем больше, чем дальше оно удалялось от дома. Говорили, что когда добрая жена ставила на огонь кастрюлю с картошкой, каждая картофелина, когда вода закипала, превращалась в демона и жутко ухмылялась, когда она поднимала крышку; что не только стулья и столы, но и морковь и репа скакали по полу самым веселым образом, какой только можно себе представить; Туфли и сапоги совершали все эволюции горского броска без видимого руководства их движениями; кусок мяса оторвался от крюка, на котором висел в кладовке, и оказался перед огнем, откуда его не смогли снять все обитатели дома, пока он не прожарился добела; затем он с огромным грохотом вылетел в дымоход. В самом Балдаррохе вера была не столь экстравагантной, но фермер был настолько убежден, что причиной всех беспорядков является только дьявол и его импы, что проехал сорок миль до старого фокусника по имени Вилли Форман, чтобы за солидную плату убедить его снять чары с его участка. Разумеется, нашлись здравомыслящие и образованные люди, которые, лишив распространяемые истории их преувеличения, приписали все остальное одной из двух причин: во-первых, что какие-то цыгане или бродячие знахари, спрятавшиеся на соседней плантации, развлекались, работая на доверчивости деревенских жителей; или, во-вторых, что обитатели Балдарроха сами занимались этим обманом по тем или иным причинам, которые никому не были ясны. В последнее мнение мало кто верил, поскольку фермер и его семья пользовались большим уважением, а многие люди самым открытым образом выражали свою веру в сверхъестественные силы, поэтому они не хотели опускать руки, признаваясь в том, что их обманули.

Наконец, после двух недель непрерывных шумов, весь фокус был раскрыт. Двух служанок строго допросили, а затем отправили в тюрьму. Оказалось, что они одни стояли у истоков всего этого дела, а необычайная тревога и доверчивость хозяина и хозяйки вначале, а затем соседей и деревенских жителей сделали их задачу сравнительно легкой. Все, что им понадобилось, - это немного обычной ловкости; и, сами того не подозревая, они раздули тревогу, придумывая удивительные истории. Это они расшатывали кирпичи в дымоходах, так расставляли посуду на полках, что она падала при малейшем движении. Словом, они проделывали те же фокусы, что и служанка в Стоквелле, с теми же результатами и ради той же цели - удовлетворения любви к озорству. Не успели их поместить в окружную тюрьму, как шум прекратился, и большинство людей убедилось, что все это чудо совершил человек. Некоторые, наиболее набожные и суеверные, все еще оставались при своем мнении и отказывались слушать любые объяснения.

Эти истории о домах с привидениями, особенно в прошлом и нынешнем веке, как бы они ни заставляли нас краснеть за народную глупость, все же радуют своими результатами; ведь они показывают, что общество значительно улучшилось. Если бы Парсонс и его жена, а также другие организаторы обмана на Кок-лейн жили на двести лет раньше, они, возможно, не нашли бы большее число обманутых, но их бы повесили как ведьм, а не посадили в тюрьму как бродяг. Изобретательную Анну Робинсон и хитрых девчонок из Балдаррока, несомненно, постигла бы та же участь. Поэтому приятно размышлять о том, что, хотя в мире, возможно, столько же глупости и легковерия, сколько и в одном классе общества, в другом больше мудрости и милосердия, чем когда-либо было известно раньше. Законодатели, вычеркивая из свода законов абсурдные или кровожадные постановления своих предшественников, делают один шаг к обучению людей. Остается надеяться, что недалек тот день, когда законодатели будут учить народ более прямыми средствами и предотвратят повторение подобных заблуждений, а также многих других, более страшных, которые можно было бы привести, обеспечив каждому ребенку, рожденному в пределах их владений,

образование в соответствии с развитием цивилизации. Если призраки и ведьмы еще не полностью уничтожены, то в этом виноваты не столько невежественные люди, сколько закон и правительство, которые не позаботились об их просвещении.

НАРОДНЫЕ ГЛУПОСТИ ВЕЛИКИХ ГОРОДОВ.

La faridondaine-la faridondon,

Да здравствует Фаридондон! Беранже.

Народный юмор большого города - неизменный источник развлечений для человека, чьи симпатии достаточно гостеприимны, чтобы охватить всех ему подобных, и кто, пусть даже сам он утонченный, не будет презирать скромное остроумие или гротескные особенности пьющего механика, убогого нищего, порочного ежа и всей пестрой группы праздных, безрассудных и подражательных людей, которые кишат в переулках и на улицах мегаполиса. Тот, кто ходит по большому городу в поисках поводов для слез, может найти на каждом углу множество поводов для душевных терзаний; но пусть такой человек идет своей дорогой и наслаждается своим горем в одиночестве - мы не из тех, кто хотел бы его сопровождать. Страдания нас, бедных землян, не облегчаются от сочувствия тех, кто просто охотится за ними, чтобы пожалеть о них. Плачущий философ слишком часто ухудшает зрение от своего горя и становится неспособным из-за своих слез увидеть средства от зла, о котором он сожалеет. Поэтому часто оказывается, что человек без слез - самый верный филантроп, как и самый лучший врач, который носит веселое лицо даже в самых тяжелых случаях.

Так много перьев было использовано для того, чтобы указать на страдания и осудить преступления и пороки, а также более серьезные безрассудства людей, что наше не будет увеличивать их число, по крайней мере, в этой главе. Наша нынешняя задача будет менее неблагородной, и, бродя по оживленным местам больших городов, мы будем искать только развлечений и отмечать по мере прохождения несколько безобидных глупостей и причуд бедняков.

И, во-первых, где бы мы ни гуляли, мы не можем не слышать фразу, которую с восторгом повторяют и принимают со смехом мужчины с грубыми руками и грязными лицами, нахальные мясники и мальчишки на побегушках, распутные женщины, кучера, водители кабриолетов и праздные люди, слоняющиеся по углам улиц. Ни один человек не произносит эту фразу, не вызвав смеха у всех, кто ее слышит. Кажется, что она применима к любым

обстоятельствам и является универсальным ответом на любой вопрос; короче говоря, это любимая сленговая фраза дня, фраза, которая, пока длится ее короткий сезон популярности, бросает штрих веселья и резвости на существование убогой бедности и невостребованного труда, и дает им повод смеяться так же, как и их более удачливым собратям из высших слоев общества.

Лондон особенно плодovit на такого рода фразы, которые возникают внезапно, никто не знает, в каком именно месте, и за несколько часов пронизывают все население, никто не знает, как. Много лет назад любимой фразой (ведь, хотя и односложной, она сама по себе была фразой) было Quoz. Это странное слово необычайно приглянулось народу и очень скоро приобрело почти безграничный смысл. Когда вульгарное остроумие хотело выразить свое недоверие и одновременно вызвать смех, не было такого надежного средства, как этот популярный сленг. Когда человека просили об услуге, которую он не хотел оказывать, он выражал свое чувство беспрецедентного самомнения поклонника восклицанием *Quoz!* Когда озорник хотел досадить пассажиру и повеселить своих товарищей, он смотрел ему в лицо и кричал "*Квоз!*", и это восклицание никогда не подводило. Когда спорщик хотел усомниться в правдивости своего оппонента и избавиться от аргументов, которые он не мог опрокинуть, он произносил слово *Quoz*, презрительно скривив губы и нетерпеливо пожав плечами. Универсальное односложное слово передавало весь его смысл и не только говорило оппоненту, что он лжет, но и что он вопиюще ошибается, если думает, что кто-то настолько глуп, что поверит ему. В каждом питейном заведении звучал "*Куоз*", на каждом уличном углу шумели, а все стены на многие мили вокруг были исписаны мелом.

Но, как и у всех земных вещей, у *Квоза* был свой сезон, и он исчез так же внезапно, как и возник, чтобы никогда больше не быть любимцем и кумиром населения. Новый претендент сместил его со своего места и удерживал неоспоримое господство до тех пор, пока, в свою очередь, он не был сброшен со своего первенства, а на его место не был назначен преемник.

"*Какая шокирующая плохая шляпа!*" - вот фраза, которая была следующей в моде. Не успела она стать общепринятой, как тысячи праздных, но зорких глаз стали следить за пассажиром, чья шляпа показывала хоть какие-то признаки, пусть даже незначительные, старинной службы. Тут же раздавался клич, и, подобно боевому кличу индейцев, ему вторили сотни разноголосых глоток. Он был мудрым человеком, который, оказавшись в этих обстоятельствах "наблюдателем всех наблюдателей", смиренно нес свои почести. Тот, кто проявлял признаки недоброжелательности по отношению к обвинениям, брошенным на его шляпу, только усугублял внимание к себе. Толпа быстро понимает, что человек раздражителен, и, если он принадлежит к своему классу, любит поиздеваться над ним. Когда такой человек в такой шляпе проходил в те дни по многолюдному району, он мог считать себя счастливым, если его раздражение ограничивалось криками и воплями жителей. Неприятная шляпа часто срывалась с его головы и бросалась в сточную канаву каким-нибудь шутником, а затем поднималась, покрытая грязью, на конце палки, к восхищению зрителей, которые держались за бока от смеха и восклицали в паузах своего веселья: "*О, какая ужасная плохая шляпа!*" "*Какая шокирующая плохая шляпа!*" Многие нервные бедняки, чей кошелек не мог потянуть такие расходы, несомненно, покупали новую шляпу раньше времени, чтобы избежать подобного разоблачения.

Происхождение этой необычной поговорки, которая несколько месяцев веселила мегаполис, не столь туманно, как то, что окутывает происхождение *Куоза* и некоторых других. В районе Саутварк проходили ожесточенные выборы, и одним из кандидатов был выдающийся шляпник. Этот джентльмен, агитируя избирателей, использовал несколько профессиональный способ примирения их доброй воли и подкупа, не давая им понять, что их

подкупили. Всякий раз, когда он обращался к избирателю или встречал его, чья шляпа была не из лучшего материала или, будучи таковой, пережила свои лучшие дни, он неизменно говорил: *"Какая у вас ужасно плохая шляпа; зайдите ко мне на склад, и вы получите новую!"* В день выборов это обстоятельство запомнилось, и его противники воспользовались им по максимуму, подстрекая толпу непрерывно повторять: *"Какая ужасная шляпа!"* все время, пока к ним обращался уважаемый кандидат. Из Саутварка фраза распространилась по всему Лондону и на некоторое время стала главным сленгом сезона.

Hookey Walker, образованное от припева популярной баллады, тоже было в свое время в большом ходу и служило, как и его предшественник *Quoz*, ответом на все вопросы. Со временем фаворитом стало только последнее слово, которое произносилось со своеобразной тягучестью на первом слоге и резким поворотом на последнем. Если бойкая девочка-служанка требовала поцелуя от парня, который ей был безразличен, она задирала свой маленький носик и кричала *"Уокер!"*. Если пыльный человек попросит у своего друга взаймы шиллинг, а друг либо не сможет, либо не захочет ему уступить, то вероятным ответом ему будет: *"Уокер!"* Если пьяный человек шатался по улицам, а мальчик дергал его за хвост или мужчина нахлобучивал ему на глаза шляпу, чтобы посмеяться над ним, шутка всегда сопровождалась одним и тем же восклицанием. Так продолжалось два-три месяца, и *"Уокер!"* ушел со сцены, чтобы больше никогда не возрождаться для развлечения того или иного будущего поколения.

Следующая фраза была самой абсурдной. Кто ее придумал, как она возникла и где впервые прозвучала - неизвестно. Нет ничего достоверного, кроме того, что в течение нескольких месяцев она *была* сленгом лондонцев и доставляла им огромное удовольствие. *"Вот он идет с выпученным глазом!"* или *"Вот она идет с выпученным глазом!"*, в зависимости от пола того, о ком шла речь, было на слуху у каждого, кто знал город. Трезвомыслящая часть общества была озадачена этой непонятной поговоркой не меньше, чем вульгарные люди были от нее в восторге. Мудрые считали ее очень глупой, многие - очень смешной, а праздные развлекались тем, что писали ее мелом на стенах или на памятниках. Но *"все яркое должно померкнуть"*, даже на сленге. Люди устали от своего увлечения, и *"Вон он идет с выпученным глазом!"* больше не звучала в привычных местах.

Через некоторое время после этого в моду вошла еще одна очень странная фраза в виде дерзкого и не всегда уместного вопроса: *"Ваша мама продала свой мангл?"*. Но его популярность не была такой бурной и сердечной, которая обеспечивает долгое сохранение популярности. Что препятствовало ее прогрессу, так это то, что она не могла быть хорошо применима к старшим слоям общества. Поэтому его карьера была недолгой, а затем он канул в Лету. Его преемник пользовался более широкой известностью и заложил настолько глубокий фундамент, что годы и меняющиеся моды не смогли его искоренить. Это выражение - *"Flare up!"* - и по сей день является общеупотребительным. Оно появилось во времена реформаторских бунтов, когда Бристоль был почти наполовину сожжен разъяренными жителями. Говорят, что пламя *вспыхнуло* в преданном городе. Было ли что-то особенно пленительное в звучании или в идее этих слов, трудно сказать; но какова бы ни была причина, они сильно зашекотали толпу и вытеснили с поля боя все другие сленги. По всему Лондону не было слышно ничего, кроме *"flare up!"*. Оно отвечало на все вопросы, разрешало все споры, применялось ко всем людям, всем вещам и всем обстоятельствам и внезапно стало самым всеобъемлющим выражением в английском языке. О человеке, переступившем границы приличия в своей речи, говорили, что он *вспыхнул*; о том, кто слишком часто посещал джин-шоп и в результате пострадал, говорили, что он *вспыхнул*. Привести себя в ярость; выйти на ночную прогулку, встревожить окрестности или устроить

беспорядки в любой форме - это значит *вспыхнуть*. Ссора влюбленных - *это вспышка*; боксерский поединок между двумя черномазыми на улице - тоже; проповедники смуты и революции рекомендовали английской нации *вспыхнуть*, как французам. Это слово было так любимо, что люди повторяли его ради самого его звучания. Им нравилось слышать, как его произносят их собственные органы; и рабочие, когда в пределах слышимости не было никого, кто мог бы откликнуться на призыв, часто пугали аристократические отголоски Запада известной сленговой фразой Востока. Даже в мертвые часы ночи уши тех, кто засиделся допоздна или не мог уснуть, приветствовал один и тот же звук. Пьяница, бредущий домой, доказывал, что он все еще мужчина и гражданин, призывая в паузах своего икоты "*разгорайся!*". Пьянство лишило его способности к упорядочиванию всех других идей; его интеллект опустился до уровня грубого человека, но он цеплялся за человечность последней ниточкой народного клича. Пока он мог издавать этот звук, у него были права англичанина, и он не мог спать в канаве, как собака! Он шел вперед, нарушая своим криком тихие улочки и уют людей, пока измученная природа не смогла его больше поддерживать, и он бессильно скатился на дорогу. Когда через некоторое время полицейский наткнулся на него, когда он лежал, этот блюститель порядка направил на его лицо весь свет своего фонаря и воскликнул: "Вот бедный дьявол, который *вспыл*!" Затем появились носилки, на которых жертву глубокого запоя отнесли в сторожку и уложили в грязную камеру, среди десятка таких же несчастных, как и он сам, которые приветствовали своего нового товарища громким, протяжным криком "*Зажигай!*".

Эта фраза была настолько универсальна, а ее популярность столь продолжительной, что один спекулянт, не знавший о быстротечности сленга, основал еженедельную газету под ее названием. Но он был подобен человеку, построившему свой дом на песке; фундамент под ним рассыпался, и фраза вместе с газетой была смыта в могучее море бывших вещей. В конце концов люди устали от однообразия, и "*вспыхнуть*" стало вульгарным даже среди них. Постепенно оно перешло к маленьким мальчикам, не знавшим мира, и со временем совсем кануло в Лету. Сейчас его уже не услышишь как элемент народного сленга, но слова по-прежнему используются для обозначения любой внезапной вспышки огня, беспокойства или недоброжелательности.

Следующая фраза, которая понравилась миллиону, была менее лаконичной и, похоже, изначально предназначалась для подростков, которые напускали на себя вид мужественности раньше времени. "*Твоя мама знает, что ты гуляешь?*" - это был провокационный вопрос, адресованный молодым людям с более чем разумной развязностью, которые курили сигары на улицах и носили накладные усы, чтобы выглядеть неотразимыми. Мы видели немало тщеславных парней, которые не могли допустить, чтобы женщина прошла мимо них, не взглянув на нее исподлобья, и сразу же становились ничтожными от одного только произнесения этой фразы. Подмастерья и лавочники в воскресной одежде относились к этой фразе с отвращением и свирепо смотрели, когда ее применяли к ним. В целом фраза имела весьма благотворное влияние и в тысяче случаев показала юному Тщеславию, что оно и вполтину не такое уж милое и привлекательное, каким себя считало. Что делало ее такой провокационной, так это сомнение в способности человека, к которому она была обращена, к самоориентированию. "*Твоя мама знает, что ты ушла?*" - это был вопрос с насмешливым беспокойством и заботой, подразумевающий сожаление и беспокойство по поводу того, что столь юному и неопытному в делах большого города человеку позволено бродить по городу без присмотра родителей. Отсюда и гнев тех, кто был близок к зрелости, но еще не достиг ее, всякий раз, когда они становились предметом обсуждения. Это не нравилось даже старшим; а наследник герцогского дома и воинского имени, к которому их применил извозчик, не знавший его звания, был так

возмущен оскорблением, что вызвал обидчика в магистрат. Парень хотел навязаться его светлости, запросив двойную плату за проезд, которая ему полагалась; а когда его светлость воспротивился этому требованию, его оскорбительно спросили, "знает ли его мать, что он вышел?". Все водители на трибуне присоединились к этому вопросу, и его светлость был вынужден спастись от их смеха, уходя с такой поспешностью, какую только позволяло его достоинство. Тот сослался на незнание, что его клиент - лорд, но оскорбленное правосудие оштрафовало его за ошибку.

Когда эта фраза отслужила свой срок, она угасла, как и ее предшественники, и вместо нее воцарилось "*Кто вы?*". Этот новый фаворит, подобно грибу, кажется, вырос за одну ночь или, как лягушка в Чипсайде, свалился под внезапным ливнем. В один день он был неслышим, неизвестен, неизобретен; в другой - он пронизывал Лондон. Каждый переулок гудел от него, каждое шоссе было музыкальным,

"И улица за улицей, и переулок за переулком

Единый неизменный клич".

Фраза была произнесена быстро, с резким звуком на первом и последнем словах, оставив середину не более чем придыханием. Как и все ее аналоги, пользовавшиеся широкой популярностью, эта была применима практически ко всем обстоятельствам. Любителям простого ответа на простой вопрос она совсем не понравилась. Наглость использовала его, чтобы обидеть, невежество - чтобы не выдать себя, а шутовство - чтобы вызвать смех. Каждого нового посетителя пивной бесцеремонно спрашивали: "*Кто ты?*", и если он выглядел глупо, чесал голову и не знал, что ответить, со всех сторон раздавались крики бурного веселья. Авторитетного спорщика нередко ставили на место, а самонадеянность любого рода пресекалась одним и тем же вопросом. Когда популярность этой игры была на пике, один джентльмен, почувствовав руку вора в своем кармане, резко обернулся и поймал его на месте преступления, воскликнув: "*Кто ты?*". Толпа, собравшаяся вокруг, аплодировала до самого эха и считала, что это была самая великолепная шутка, которую они когда-либо слышали, само остроумие, сама суть юмора. Еще одно обстоятельство подобного рода придало этой фразе дополнительный импульс и вдохнуло в нее новую жизнь и бодрость как раз в тот момент, когда она уже угасала. Сцена произошла в главном уголовном суде королевства. Перед судом стоял заключенный; преступление, в котором он был обвинен, было явно доказано против него; его адвокат был заслушан не в свою защиту, а в оправдание, настаивая на его прежней хорошей жизни и характере как на причине для снисходительности суда. "А где ваши свидетели?" - спросил председательствующий судья. "Прошу вас, милорд, я знаком с заключенным, и более честного человека никогда не было на свете", - ответил грубый голос с галереи. Служители суда переглянулись, а незнакомцы разразились плохо сдерживаемым смехом. "*Кто вы?*" - спросил судья, внезапно подняв голову, но с невозмутимой серьезностью. Суд забился в конвульсиях; смех перешел в хохот, и прошло несколько минут, прежде чем тишина и приличия были восстановлены. Вернув себе самообладание, служители приступили к тщательным поискам осквернителя, но его не нашли. Никто его не знал, никто его не видел. Через некоторое время дела суда снова пошли своим чередом. Следующий заключенный, приведенный на суд, предвкушал благоприятные перспективы, узнав, что торжественные уста представителя правосудия произнесли популярную фразу так, словно он ее прочувствовал и оценил. Можно было не опасаться, что такой судья проявит излишнюю суровость. Его сердце было с народом; он понимал его язык и нравы и делал поблажки соблазнам, толкавшим его на преступление. Так думали многие заключенные, если судить по тому, что ученый судья неожиданно приобрел огромную

популярность. Похвала его остроумию была во всех устах, а *"Кто ты?"* продлил свой срок аренды и, как следствие, еще на один срок завладел благосклонностью публики.

Но не следует думать, что между господством одной сленговой фразы и другой не было никаких промежутков. Они не возникали в одной длинной линии непрерывной преемственности, а делили с песней владение народной благосклонностью. Таким образом, когда люди были настроены на музыку, сленг безрезультатно выдвигал свои претензии; а когда они были настроены на сленг, сладкий голос музыки тщетно завлекал их. Около тридцати лет назад Лондон звучал одним хором, любовью к которому, казалось, был сражен каждый. Девочки и мальчики, юноши и старики, девы, жены и вдовы - все были одинаково музыкальны. У них была абсолютная мания петь; и хуже всего было то, что, подобно доброму отцу Филиппу из романа *"Монастырь"*, они, казалось, были совершенно не в состоянии изменить свою мелодию. *"Вишня спелая!"* *"Вишня спелая!"* - это был всеобщий крик всех бездельников в городе. Каждый немелодичный голос произносил его; каждая сумасшедшая скрипка, каждая треснувшая флейта, каждая хрипая труба, каждый уличный орган звучали в том же духе, пока ученые и тихие люди не затыкали в отчаянии уши или не убегали за много миль в поля или леса, чтобы побыть в покое. Эта чума продолжалась целых двенадцать месяцев, пока само название вишни не стало отвратительным в стране. Наконец волнение улеглось, и прилив благосклонности направился в новое русло. Была ли это другая песня или сленговая фраза, трудно определить на таком расстоянии; но несомненно, что очень скоро после этого люди сошли с ума от драматической темы, и ни о чем другом, кроме *"Томми и Джерри"*, слышать было нельзя. Словесное остроумие достаточно долго развлекало народ, и он стал более практичным в своем отдыхе. Каждый юноша в городе был охвачен яростным желанием отличиться, сбив с ног *"чарли"*, запершись на всю ночь в сторожке или устроив ссору среди распутных женщин и черномазых мужчин в низких притонах Сент-Джайлса. Подражающие мальчишки наравне со старшими совершали подобные подвиги, пока эта недостойная страсть (а она была таковой) не отжила, как и прочие глупости, свой положенный срок, и город не стал веселиться по другой моде. Затем верхом вульгарного остроумия считалось отвечать на все вопросы, положив острие большого пальца на кончик носа и покрутив пальцами в воздухе. Если один человек хотел оскорбить или разозлить другого, ему достаточно было сделать этот кабалистический знак у него перед лицом, и цель была достигнута. На каждом углу улицы, где собиралась группа, зритель, которому было достаточно любопытно наблюдать за их движениями, обязательно видел пальцы некоторых из них у своего носа, либо в знак недоверия, удивления, отказа или насмешки, не успев пронаблюдать и двух минут. Некоторые остатки этого абсурдного обычая можно наблюдать и по сей день, но он считается низким даже среди вульгарных людей.

Примерно шестнадцать лет назад Лондон снова стал самым нелепым образом музыкальным. *Голос народа* до хрипоты распевал дифирамбы *"Море, море!"*. Если бы какой-нибудь незнакомец (и философ) прошелся по Лондону и послушал этот всеобщий хор, он мог бы построить очень красивую теорию о любви англичан к морскому делу и о нашем признанном превосходстве над всеми другими народами в этой области. *"Неудивительно, - мог бы сказать он, - что этот народ непобедим на океане. Любовь к нему смешалась с их повседневными мыслями; они празднуют его даже на рыночной площади; их уличные менестрели возбуждают им благотворительность; и высокие и низкие, молодые и старые, мужчины и женщины, воспевают ло пеаны в его хвалу. Любовь не воспевается в национальных песнях этой воинственной расы - Вакх для них не бог; они люди более суровые и думают только о "Море, море!" и средствах завоевания на нем"*.

Таково, несомненно, было бы его впечатление, если бы он опирался только на свои уши. Увы, в те дни для утонченных музыкальных ушей были велики муки, когда диссонанс с его тысячей разновидностей тональности заводил этот ужасающий гимн - от него не было спасения. Перелетные менестрели Савойи подхватывали эту мелодию и разносили ее по длинным просторам тихих улочек, пока самые сокровенные и уютные квартиры не наполнялись ее эхом. Люди были вынуждены терпеть это плаксивое зло целых шесть месяцев, изнемогая от отчаяния и страдая *морской болезнью* на суше.

Впоследствии появилось еще несколько песен, но ни одна из них, за исключением одной, под названием "All round my Hat", не пользовалась особой популярностью, пока один американский актер не представил гнусную песню под названием "Jim Crow". Певец исполнял свои куплеты в соответствующем костюме, с гротескной жестикующей и резким кружением тела в конце каждого куплета. Эта песня сразу же пришлась по вкусу всему городу, и в течение нескольких месяцев уши людей, соблюдающих порядок, были оглушены бессмысленным припевом -

"Крутись, крутись, крутись,

And do just so-

Поворачивай и крутись,

И прыгай, Джим Кроу!"

Уличные менестрели чернили свои лица, чтобы придать стихам должный эффект; а безотцовщина, которой приходилось выбирать между воровством и пением, чтобы заработать на жизнь, выбирала последнее, как более выгодное, пока общественный вкус оставался в этом направлении. Непристойный танец, сопровождающий его, можно было увидеть в полном совершенстве в рыночные ночи на любой большой площади; и слова песни можно было услышать, пронзая весь этот шум и гул постоянно движущейся толпы. Он, спокойный наблюдатель, который в дни расцвета популярности этой песенки,

"Сидел у общественной дороги,

густо усыпанной летней пылью, и видел поток

Людей, спешащих туда и сюда,

Многочисленных, как мошки на вечернем блеске".

мог бы воскликнуть вместе с Шелли, что

"Миллион, с яростными песнями и танцами маньяков,

Бушевали вокруг".

Философ-теоретик, которого мы уже представляли себе солилующим над английским характером и составляющим свое мнение о нем на основе их чрезмерной любви к морской песне, мог бы, если бы он снова неожиданно попал в Лондон, составить другую, весьма правдоподобную теорию, объясняющую наши неустанные усилия по отмене работорговли. "Благосклонные люди!" - мог бы сказать он, - "как безграничны ваши симпатии! Ваши несчастные африканские братья, отличающиеся от вас только цветом кожи, так дороги вам, и вы так мало жалеете о двадцати миллионах, которые вы заплатили за них, что вам нравится, чтобы они постоянно были у вас на виду. Джим Кроу - представитель этой обиженной расы, и как таковой он является кумиром вашего населения! Посмотрите, как все они поют ему

дифирамбы, как подражают его особенностям, как повторяют его имя в минуты досуга и отдыха! Они даже вырезают его изображения для украшения своих очагов, чтобы его дело и его страдания никогда не были забыты! О, филантропическая Англия! О, авангард цивилизации!"

Таковы некоторые особенности лондонской толпы, когда ни бунт, ни казнь, ни убийство, ни воздушный шар не нарушают ровного течения их мыслей. Это причуды массы - безобидные глупости, с помощью которых они неосознанно пытаются облегчить груз забот, давящий на их существование. Мудрый человек, даже если он улыбнется им, не откажется от сочувствия и скажет: "Пусть они наслаждаются своими жаргонными фразами и припевами, если хотят; и если они не могут быть счастливы, пусть хотя бы веселятся". Для англичанина, как и для француза, о котором поет Беранже, может найтись утешение в такой маленькой вещи, как песня, и мы можем согласиться с ним в том, что

"Au peuple attristé

Ce qui rendra la gaîté,

C'est la GAUDRIOLE!

O гүә!

C'est la GAUDRIOLE!".

ШЕРВУДСКИЙ ЛЕС.

НАРОДНОЕ ВОСХИЩЕНИЕ ВЕЛИКИМИ ВОРАМИ.

[Содержание](#)

Джек. Где мы найдем еще таких практичных философов, которым не страшен страх смерти!

Уот. Разумные люди и правдивые!

Робин. Испытанные мужеством и неутомимые!

Нед. Кто здесь не умрет за своего друга?

Гарри. Кто здесь есть, кто бы предал его ради своих интересов?

Мат. Назовите мне шайку придворных, которые могли бы сказать то же самое!

Диалог воров в опере "Нищий".

То ли дело в том, что народ, испытывая муки нищеты, сочувствует смелым и изобретательным грабителям, отнимающим у богачей излишки, то ли в интересе, который люди в целом испытывают к рекордам опасных приключений, но несомненно, что население всех стран с восхищением смотрит на великих и успешных воров. Возможно, обе эти причины в совокупности придают их карьере очарование в глазах общественности. Почти в каждой стране Европы есть свой традиционный вор, чьи подвиги описываются со всем изяществом поэзии, а прегрешения

"Записаны в рифму,

И распеваются детьми в последующих мелодиях "[45](#)."

Те путешественники, которые занимались изучением национальных нравов и особенностей, часто замечали и отмечали это чувство. Ученый аббат ле Блан, проживший некоторое время в Англии в начале XVIII века, в своих забавных письмах об английской и французской нациях рассказывает, что он постоянно встречал англичан, которые не менее тщеславно хвастались успехами своих разбойников, чем храбростью своих войск. Рассказы об их обращении, хитрости или щедрости были у всех на устах, а известный вор был своего рода героем, пользующимся большой репутацией. Он добавляет, что толпа во всех странах, будучи легко ранимой, в целом с беспокойством смотрит на преступников, идущих на виселицу; но английская толпа смотрит на такие сцены с необычайным интересом: она с удовольствием наблюдает, как они решительно проходят через свои последние испытания, и аплодирует тем, кто достаточно бесчувственен, чтобы умереть, как они жили, храбра справедливость Бога и людей: таким, мог бы добавить он, был известный разбойник Макферсон, о котором в старой балладе говорится:

"Sae rantingly, sae wantonly,

Sae dauntingly gaed he:

Он играл на пружине и танцевал вокруг нее

Под деревом виселицы".

Среди этих традиционных разбойников самым известным в Англии, а может быть, и в любой другой стране, является Робин Гуд, имя которого народная любовь окружила особым ореолом. "Он грабил богатых, чтобы раздать бедным"; и наградой ему стала бессмертная слава, десятины которой было бы более чем достаточно, чтобы вознаградить благодетеля его рода. Романтика и поэзия не преминули сделать его своим; а Шервудский лес, по которому он бродил со своими веселыми людьми, вооруженными длинными луками и облаченными в зеленые одежды Линкольна, стал местом паломничества и классическим местом, священным для его памяти. Те немногие его добродетели, которые не обеспечили

бы ему похвалы, будь он честным человеком, прославлялись в народе на протяжении семи веков и никогда не будут забыты, пока существует английский язык. Его благотворительность по отношению к бедным, галантность и уважение к женщинам сделали его самым выдающимся вором во всем мире.

Среди английских воров более позднего времени кто не слышал о Клоде Дювале, Дике Терпине, Джонатане Уайлде и Джеке Шеппарде - рыцарях дороги и города, чье своеобразное рыцарство вызывало одновременно страх и восторг в Англии восемнадцатого века? Слава Терпина неизвестна ни одной части мужского населения Англии, достигшей десятилетнего возраста. Его чудесная поездка из Лондона в Йорк поразила воображение миллионов; его жестокость, когда он посадил старуху на костер, чтобы заставить ее сказать ему, где она спрятала свои деньги, воспринимается как хорошая шутка; а его гордая осанка на эшафоте - как добродетельный поступок. Аббат ле Блан, писавший в 1737 году, говорит, что его постоянно развлекали рассказами о Терпине: как, ограбив джентльменов, он щедро оставлял им достаточно денег для продолжения путешествия и брал с них обещание никогда не доносить на него, и как скрупулезно эти джентльмены держали свое слово. Однажды ему рассказали историю, от которой собеседник был в высшей степени в восторге. Турпин или другой известный грабитель остановил человека, который, как он знал, был очень богат, с обычным приветствием: "Ваши деньги или ваша жизнь!" Но, не найдя у него более пяти или шести гиней, он позволил себе в самой любезной манере умолять его никогда не выходить так плохо обеспеченным; добавив, что, если он попадется ему на глаза и у него будет не больше такой ничтожной суммы, он хорошенько его отлупит. Другая история, рассказанная одним из поклонников Терпина, касалась ограбления, которое он совершил в отношении мистера К. недалеко от Кембриджа. Он забрал у этого джентльмена часы, табакерку и все деньги, кроме двух шиллингов, и, прежде чем уйти, потребовал от него честное слово, что тот не станет преследовать его и не предстанет перед судом. Обещание было дано, и они расстались очень вежливо. После этого они встретились в Ньюмаркете и возобновили свое знакомство. Мистер К. сдержал свое слово; он не только не отдал Турпина под стражу, но и похвастался, что честным путем выиграл часть своих денег. Терпин предложил поспорить с ним на какую-то любимую лошадь, и мистер Си принял пари с такой же любезностью, как и лучший джентльмен Англии. Терпин проиграл пари и немедленно выплатил деньги, и был так поражен великодушным поведением мистера К., что сказал ему, как сильно сожалеет о том, что из-за пустяка, который произошел между ними, они не могут выпить вместе. Рассказчик этого анекдота очень гордился тем, что Англия - родина такого разбойника.⁴⁶

Не менее знакома жителям Англии и карьера Джека Шеппарда, такого жестокого негодяя, какой когда-либо позорил свою страну, но претендующего на всеобщее восхищение. Он не грабил, как Робин Гуд, богатых, чтобы облегчить участь бедных, и не грабил с неприличной вежливостью, как Терпин; но он сбежал из Ньюгейта с кандалами на конечностях. Это достижение, неоднократно повторенное, окружило его преступное чело венком бессмертия и сделало его образцовым вором среди населения. На момент казни ему было не более двадцати трех лет, и он умер, вызывая жалость у толпы. Его похождения были единственной темой для разговоров в течение нескольких месяцев; типографии были заполнены его чучелами, а сэр Ричард Торнхилл написал прекрасную картину с его изображением. Следующие хвалебные стихи в адрес художника появились в "Британском журнале" от 28 ноября 1724 года:

"Торнхилл! Это твоя заслуга - озолотить славой

Неизвестных и возвышать скромное имя;

Чтобы форма ускользала от могилы,

И Шеппарда от забвения спасти!

Апеллес Александр Дрю.

Сезар - Аврелий;

Кромвель в трудах Лилли блистает,

А Шеппард, Торнхилл, живет в твоих!"

Это был весьма двусмысленный комплимент, который мог означать, что если Апеллес достоин рисовать монархов, то Торнхилл достоин рисовать воров. Но художник не воспринял его в таком свете, как и публика; они сочли стихи очень аккуратными, меткими и лестными. Слава Джека была столь велика, что его сочли очень подходящей темой для сцены; и некто Турмонд придумал пантомиму под названием "Арлекин Джек Шеппард" и с большим успехом представил ее в театре Друри-Лейн. Все сцены были написаны с натуры, включая публичный дом, который грабитель часто посещал на Клэр Маркет, и камеру, из которой он совершил побег в Ньюгейте.⁴⁷

Преподобный мистер Виллетт, редактор "Летописи Ньюгейта", опубликованной в 1754 году, рассказывает о любопытной проповеди, которую, по его словам, слышал его друг, произнесенной уличным проповедником примерно во время казни Джека. Оратор, рассказав о том, как люди заботятся о своем теле и как мало заботятся о своей душе, продолжил проповедь следующим образом, чтобы проиллюстрировать это положение: "У нас есть замечательный пример этого в известном злоумышленнике, хорошо известном по имени Джек Шеппард. Какие удивительные трудности он преодолел! Какие поразительные поступки совершил! И все это ради вонючей, жалкой туши, едва стоящей повешения! Как ловко он взломал цепь висячего замка кривым гвоздем! Как мужественно он разорвал путы, взобрался по дымоходу, вырвал железный прут, пробил себе путь сквозь каменную стену, заставил разлететься перед собой крепкую дверь темного входа, пока не добрался до выводов из тюрьмы, а затем, прикрепив одеяло к стене колышком, выкрался из часовни! Как смело он спустился на крышу дома токаря, как осторожно спустился по лестнице и выбрался на улицу!

"О, если бы вы все были такими, как Джек Шеппард! Не заблуждайтесь, братья мои - я имею в виду не плотское, а духовное чувство, ибо я предлагаю одухотворить эти вещи. Какой позор будет, если мы не сочтем за труд приложить столько же усилий и столько же глубоких мыслей для спасения наших душ, сколько он сделал для сохранения своего тела!

"Итак, позвольте мне увещевать вас: откройте замки ваших сердец гвоздем покаяния! Разорвите оковы ваших любимых похотей, поднимитесь по трубе надежды, возьмите оттуда перекладину благой решимости, проломите каменную стену отчаяния и все твердыни в темном входе в долину смертной тени! Поднимитесь к зацепкам божественной медитации, закрепите покрывало веры шипом Церкви, спустите себя в токарню смирения и спуститесь по лестнице смирения! Так вы придете к двери освобождения из тюрьмы беззакония и избежите когтей этого старого палача - дьявола!"

Джонатан Уайлд, чье имя увековечил Филдинг, не был любимцем народа. Он не обладал ни одной из тех добродетелей, которые в сочетании с преступлениями составляют характер

великого вора. Он был жалким парнем, который доносил на своих товарищей и боялся смерти. Толпа не могла простить ему такой подлости; по дороге в Тайберн они забрасывали его грязью и камнями, выражая свое презрение всеми возможными способами. Совсем иначе вели себя Терпин и Джек Шеппард, которые умерли в самом опрятном одеянии, с носовыми букетами в петлицах и с мужеством, которого ожидает толпа. Предполагалось, что тело Терпина будет передано хирургам для вскрытия; но люди, увидев, что несколько человек деловито занимаются его извлечением, внезапно набросились на них, спасли тело, с триумфом пронесли его по городу, а затем похоронили в очень глубокой могиле, заполненной негашеной известью, чтобы ускорить процесс разложения. Они не хотели, чтобы труп их героя, человека, проскакавшего от Лондона до Нью-Йорка за четыре с половиной часа, был изуродован грубыми руками невоспитанных хирургов.

Смерть Клода Дюваля, судя по всему, была не менее триумфальной. Клод был вором-джентльменом. По словам Батлера, в знаменитой оде, посвященной его памяти, он

"Научил диких арабов на дороге

Грабить более мягко;

Брать призы более услужливо, чем те.

Кто никогда не был воспитан *в сытости*;

И как вешать более изящно.

Чем когда-либо было известно скучной английской нации".

На самом деле он был розовым цветом вежливости, а его галантность по отношению к представительницам прекрасного пола была воистину легендарной. Когда его наконец поймали, заточив в "каменные стены, цепи и железные решетки", их горе было соразмерно его редким достоинствам и великой славе. Батлер рассказывает, что в его темницу

"Приходили дамы со всех концов,

Чтобы предложить близким узникам свои сердца.

Которые он принимал как должную дань.

* * * *

Никогда отважный рыцарь, чтобы облегчить

страдающих дам, таких ужасных подвигов не совершал,

Как слабые девицы ради него

горделиво бы взялись,

И, отважно стремясь искупить

Потерю мира и свою собственную,

Соревновались, кому выпадет честь лечь,

И жизнь с ним разменять".

Среди известных разбойников Франции нет никого, кто мог бы сравниться со знаменитым Эймериго Тетенуар, процветавшим во времена правления Карла VI. Этот парень возглавлял четыре или пять сотен человек и владел двумя очень сильными замками в Лимузене и Оверни. В нем было много от феодального барона, хотя он не имел никаких доходов, кроме тех, что давала ему дорога. После смерти он оставил необычное завещание. "Я отдаю и завещаю, - сказал разбойник, - тысячу пятьсот франков часовне Святого Георгия на ремонт, который ей может понадобиться; моей милой девочке, которая так преданно любила меня, я отдаю две тысячи пятьсот; а излишек я отдаю моим товарищам. Я надеюсь, что все они будут жить как братья и разделят это между собой полюбовно. Если же они не смогут договориться, и среди них зародится дьявол раздора, то в этом нет моей вины; и я советую им взять хороший крепкий острый топор и вскрыть мой крепкий ящик. Пусть они похватаются за то, что в нем лежит, а дьявол ухватит заднюю часть". Жители Оверни до сих пор с восхищением рассказывают о смелых подвигах этого разбойника.

В более поздние годы французские воры были такими отъявленными негодяями, что не оставляли места для народного восхищения. Знаменитый Картуш, чье имя в их языке стало синонимом слова "разбойник", не обладал ни благородством, ни вежливостью, ни преданной храбростью, которые так необходимы для создания героя-разбойника. Он родился в Париже в конце XVII века и был заживо сломан на колесе в ноябре 1727 года. Однако он был достаточно популярен, чтобы его пожалели после смерти, а затем стал темой для любимой драмы, которая носила его имя и с большим успехом ставилась во всех театрах Франции в 1734, 5 и 6 годах. В наши дни французам повезло с разбойником гораздо больше; Видок претендует на то, чтобы соперничать со славой Терпина и Джека Шеппарда. Он уже стал героем многих апокрифических историй, уже его соотечественники хвастаются его многочисленными достижениями и выражают сомнение, что какая-либо другая страна в Европе может породить такого умного, такого опытного, такого джентльмена, как Видок.

В Германии есть свои Шиндерханны, в Венгрии - свои Шубри, а в Италии и Испании - целый сонм разбойников, чьи имена и подвиги знакомы детям и населению этих стран как обиходные слова.

Итальянские бандиты известны во всем мире, и многие из них не только очень религиозны (после моды), но и очень милосердны. Благотворительность из такого источника настолько неожиданна, что люди в восторге от нее. Один из них, попав в руки полиции, воскликнул, когда его уводили: "Ho fatto più carità!" - "Я отдал на благотворительность больше, чем все три монастыря в этих провинциях". И парень говорил правду.

В Ломбардии бережно хранят память о двух отъявленных разбойниках, которые процветали около двух веков назад при испанском правительстве. Их история, по словам Макфарлейна, содержится в маленькой книжке, хорошо известной всем детям провинции, и читается ими с гораздо большим энтузиазмом, чем Библия.

Шиндерханнес, разбойник с Рейна, очень любим на берегах реки, которую он так долго держал в страхе. Крестьяне рассказывают множество забавных историй⁴⁸ о том, как он разыгрывал богатых евреев или слишком самонадеянных служителей правосудия, о его княжеской щедрости и неустрашимой храбрости. Короче говоря, они гордятся им и не больше согласны, чтобы память о его достижениях исчезла из их реки, чем если бы скала Эренбрайтштайн разлетелась на куски от пороха.

Есть еще один герой-разбойник, о характере и подвигах которого жители Германии отзываются с восхищением. Мауш Надель был капитаном большой банды, которая в 1824, 5 и 6 годах промышляла на Рейне, в Швейцарии, Эльзасе и Лотарингии. Как и Джек Шеппард,

он прославился среди населения своим опаснейшим побегом из тюрьмы. Будучи заключенным в Бремене, в темнице на третьем этаже тюрьмы этого города, он сумел спуститься вниз, не привлекая внимания часовых, и переплыть Везер, хотя и был тяжело нагружен кандалами. Когда он преодолел половину пути, его заметил часовой, который выстрелил в него и попал в икру ноги, но неустрашимый разбойник отбил, добрался до берега и скрылся из виду прежде, чем служители правосудия успели подготовить лодки для его преследования. Его снова поймали в 1826 году, судили в Майенсе и приговорили к смертной казни. Он был высоким, сильным, красивым мужчиной, и его злодейская судьба вызвала большое сочувствие по всей Германии. Дамы особенно громко выражали сожаление, что ничего не удалось сделать, чтобы спасти героя, столь привлекательного и приключений столь романтических, от ножа старосты.

Мистер Чарльз Макфарлейн, говоря об итальянских бандитах, замечает, что злоупотребления католической религии с ее исповедями и отпущениями грехов способствуют преступлениям такого рода. Но он добавляет более правдиво, что священники и монахи не сделали и половины того зла, которое совершили балладники и сказочники. Если бы он сказал еще и о драматургах, список был бы полным. На самом деле театр, который может рассчитывать на процветание в материальном смысле, только потворствуя вкусам народа, постоянно обращается к летописи воров и бандитов за своими самыми любимыми героями. Эти театральные разбойники, с их живописными нарядами, дикими местами обитания, веселыми, бесшабашными, дьявольски беззаботными манерами, поражают воображение и, что бы ни говорили их защитники, оказывают весьма пагубное влияние на общественную мораль. В мемуарах герцога де Гиза о революции в Неаполе в 1647 и 1648 годах говорится, что манеры, одежда и образ жизни неаполитанских бандитов были настолько пленительны на сцене, что власти сочли необходимым запретить представление драм, в которых они играли, и даже запретить их костюмы на маскарадах. В это время бандиты были так многочисленны, что герцогу не составило труда собрать из них армию, чтобы помочь ему в его попытках захватить трон Неаполя. Он так описывает их:⁴⁹ "Их было три тысячи пятьсот человек, из которых самому старшему не исполнилось и пяти с половиной сорока лет, а самому младшему было больше двадцати. Все они были высокого роста и хорошо сложены, с длинными черными волосами, большей частью завитыми; плащи из черной испанской кожи, с рукавами из бархата или золотой ткани; суконные бриджи с золотыми шнурками, большинство из них алые; кушаки из бархата, обшитые золотом, с двумя пистолетами на каждом боку; на поясе висела тесак, соответствующим образом отделанный, шириной в три пальца и длиной в два фута; на поясе висел ястребиный мешок, а на шее висела пороховница с большой шелковой лентой. Некоторые из них носили огнестрельные ружья, другие - мушкетеры; все они были обуты в хорошие башмаки, с шелковыми чулками, и у каждого на голове была шапочка из золотой или серебряной ткани разных цветов, что очень радовало глаз".

Опера "Нищий", поставленная в нашей стране, - еще один пример того, какое восхищение вызывают вора на сцене. О необычайном успехе этой пьесы, когда она была впервые поставлена, говорится в примечаниях к "Дунсиаде", которые цитирует Джонсон в своей "Жизни поэтов": "Эта пьеса была принята с большим овацией, чем когда-либо известная. Помимо того, что в Лондоне она шла шестьдесят три дня без перерыва и была возобновлена в следующем сезоне с такими же овациями, она распространилась по всем большим городам Англии; во многих местах ее играли в тридцатый и сороковой раз; в Бате и Бристоле и т. д. - пятьдесят. Она проникла в Уэльс, Шотландию и Ирландию, где ее играли двадцать четыре дня подряд. Дамы носили с собой любимые песни в веерах, а дома украшали ширмами. Слава о ней принадлежала не только автору. Исполнительница роли Полли, до

того малоизвестная, сразу же стала любимицей всего [города](#)⁵⁰ ; ее картины гравировались и продавались в огромных количествах; была написана ее жизнь, изданы книги писем и стихов к ней, а из ее высказываний и шуток составлены памфлеты. Кроме того, она вытеснила из Англии на тот сезон итальянскую оперу, которая в течение десяти лет с успехом шла на сцене". Д-р Джонсон в своей жизни автора говорит, что Херринг, впоследствии архиепископ Кентерберийский, осуждал оперу как поощряющую не только порок, но и преступления, делая героем разбойника и оставляя его в конце концов безнаказанным; и добавляет, что говорили даже, что после выставки шайки разбойников явно умножились. Доктор сомневается в этом утверждении, приводя в качестве довода то, что разбойники и грабители редко посещают театральные залы, и что никто не мог вообразить, что может спокойно грабить, увидев на сцене отпетых Мачитов. Но если бы Джонсон захотел убедиться в этом, он мог бы легко обнаружить, что разбойники и грабители домов действительно часто посещают театр и что нет ничего более вероятного, чем то, что смехотворное представление успешного злодейства побудит молодых и уже порочных людей подражать ему. Кроме того, есть весомый авторитет сэра Джона Филдинга, главного магистрата Боу-стрит, который утверждал и подтверждал записями своего офиса, что количество воров значительно увеличилось в то время, когда эта опера была так популярна.

Есть и другой пример такого же результата, гораздо более близкий к нашим временам. Шиллеровские "Рёбер", эта замечательная пьеса, написанная зеленым юношей, извратила вкус и воображение всех молодых людей в Германии. Искусный критик нашей страны (Хэзлитт), говоря об этой пьесе, утверждает, что она была первой, которую он когда-либо читал, и такой эффект она произвела на него, что "она оглушила его, как удар". По прошествии пяти с половиной лет он не мог ее забыть; она все еще была, по его собственным словам, "старым обитателем в камерах его мозга", и он даже тогда не настолько оправился от нее, чтобы описать, как это было. Высокоумный, метафизический вор, ее герой, вызывал такое горячее восхищение, что несколько сырых студентов, желая подражать герою, которого они считали столь благородным, оставили свои дома и колледжи и отправились в леса и глухие места, чтобы взимать взносы с путешественников. Они думали, что, подобно Мавру, будут грабить богатых и произносить красноречивые речи, обращенные к заходящему солнцу или восходящей луне, помогать бедным, когда встретят их, и пить флаги рейнского со своими свободными товарищами на труднопроходимых горных перевалах или в палатках в гуще лесов. Но небольшой опыт здорово охладил их мужество; они обнаружили, что настоящие, повседневные разбойники совсем не похожи на условных бандитов со сцены, и что три месяца в тюрьме, с хлебом и водой в качестве пропитания и сырой соломой для лежания - это очень хорошо, чтобы читать об этом у собственного камина, но не очень приятно, чтобы подвергнуться этому в своей собственной персоне.

Лорд Байрон с его солилоквизирующими, высокодуховными ворами в некоторой степени извратил вкус малолетних рифмоплетов своей страны. Однако пока они проявляют больше здравого смысла, чем их собратья из Германии, и не уходят в леса или на автострады. Как бы они ни восхищались корсаром Конрадом, они не пойдут в море и не поднимут за него черный флаг. Только словами, а не делами они подтверждают свое восхищение, заваливая периодические издания и музыкальные магазины страны стихами, описывающими невест пиратов и разбойников, а также всевозможные разбойничьи приключения.

Но больше всего вреда приносит драматург, и Байрону приходится отвечать за меньшее количество грехов такого рода, чем Гею или Шиллеру. С помощью декораций, изящных платьев и музыки, а также ложных представлений, которые они передают, они, сами того не ведая, развращают вкус публики,

"Vulgaires rimeurs!

Какую силу имеют искусства, чтобы разрушать нравы!"

В грошовых театрах, которыми изобилуют бедные и густонаселенные районы Лондона и которые посещают в основном люди праздные и беспутные, сказки о ворах и убийцах вызывают большее восхищение и собирают больше зрителей, чем любые другие виды представлений. Здесь лакей, грабитель и разбойник изображаются в своих естественных красках и дают приятные уроки преступности своим восхищенным слушателям. Глубочайшая трагедия и широчайший фарс представлены в карьере убийцы и вора, и им аплодируют пропорционально их глубине и размаху. Всякий раз, когда совершается необычайно жестокое преступление, его показывают заново, со всеми его отвратительными происшествиями, скопированными из жизни, для развлечения тех, кто однажды станет его подражателем.

С простым читателем дело обстоит совсем иначе, и большинство людей не прочь узнать о приключениях известных мошенников. Даже в художественной литературе они восхитительны: вспомните богатую событиями историю Гиль Бласа де Сантильяна и великого негодяя дона Гусмана д'Альфарахе. Здесь нет страха перед подражанием. Поэты тоже могут, не причиняя вреда, воспевать таких героев, когда им заблагорассудится, пробуждая в нас сочувствие к печальной судьбе Джемми Доусона, Гилдероя или Макферсона Бесстрашного; или воспевать в неумирающих стихах злодеяния и месть великого шотландского вора Роб Роя. Если музыкой своих сладких рифм они смогут убедить мир в том, что такие герои - всего лишь заблуждающиеся философы, родившиеся на несколько веков позже, и испытывающие одновременно теоретическую и практическую любовь к

"Старое доброе правило, простой план,

"Кто может, тот берет,

Что они должны сохранять, кто может;"

Возможно, мир станет мудрее и согласится на какое-то лучшее распределение своих благ, с помощью которого воры смогут примириться с эпохой, а эпоха - с ними. Вероятность же, однако, такова, что очарователи будут очаровывать напрасно, как бы мудро они ни очаровывали.

ПОЕДИНОК МЕЖДУ ДЮ ГЕСКЛИНОМ И ТРУССЕЛЕМ.

ДУЭЛИ И ИСПЫТАНИЯ.

Содержание

Жил один древний мудрец-философ,
Который клялся, что мир, как он мог доказать,
был помешан на поединках. Гудибрас.

Большинство авторов, объясняя происхождение дуэли, выводят ее из воинственных привычек тех варварских народов, которые заполнили Европу в первые века христианской эры и которые не знали такого эффективного способа улаживать свои разногласия, как острое меча. На самом деле дуэль в ее примитивном и широком понимании означает не что иное, как поединок, и является универсальным средством, к которому прибегают все дикие животные, включая человека, чтобы получить или защитить свои владения или отомстить за нанесенные оскорбления. Две собаки, рвущие друг друга за кость, или два бантама, дерущиеся на навозной поляне за любовь какой-нибудь красивой курицы, или два дурака на Уимблдонском поле, стреляющие друг в друга в угоду законам оскорбленной чести, в этом отношении стоят на одной ступени, и все они - просто дуэлянты. По мере развития цивилизации наиболее осведомленные люди, естественно, стали стыдиться такого способа разрешения споров, и в результате были приняты некоторые законы для получения возмещения за нанесенные обиды. Тем не менее было много случаев, когда обвинения обвинителя не могли быть опровергнуты никакими положительными доказательствами со стороны обвиняемого; и во всех этих случаях, которые должны были быть чрезвычайно многочисленными на ранних стадиях развития европейского общества, прибегали к бою. Его решение не подлежало обжалованию. Предполагалось, что Бог окрыляет руку того, чье дело справедливо, и дарует ему победу над противником. Как хорошо замечает [Монтескье51](#), эта вера не была неестественной для народа, только что вышедшего из варварства. Поскольку их нравы были исключительно воинственными, человека, лишенного мужества, главной добродетели его товарищей, небезосновательно подозревали в других пороках, помимо трусости, которая, как правило, сосуществует с вероломством. Поэтому тот, кто проявлял себя наиболее доблестно в поединке, освобождался общественным мнением от любого

преступления, в котором его могли обвинить. Как необходимое следствие, общество было бы сведено к своим первоначальным элементам, если бы люди мысли, в отличие от людей действия, не придумали некоторые средства для укрощения необузданных страстей своих собратьев. С этой целью правительства начали ограничивать в самых узких пределах случаи, в которых было законно доказывать или отрицать вину в одиночном бою. По закону бургундского короля Гондевальда, принятому в 501 году, во всех судебных процессах вместо клятвы разрешалось доказывать вину боем. Во времена Карла Великого бургундская практика распространилась по всей империи франков, и не только претенденты на справедливость, но и свидетели, и даже судьи были обязаны защищать свое дело, свои доказательства или свое решение на острие меча. Людовик Дебонёр, его преемник, попытался исправить растущее зло, разрешив дуэль только при обжаловании преступлений, в гражданских делах или при рассмотрении вопросов, связанных с судебным приказом, а также в делах рыцарского суда или при посягательствах на рыцарское достоинство человека. От этих судебных разбирательств не освобождались только женщины, больные и увечные, а также лица моложе пятнадцати и старше шестидесяти лет. Экклезиастам разрешалось выпускать вместо себя чемпионов. Со временем эта практика распространилась на все судебные процессы по гражданским и уголовным делам, которые должны были решаться в бою.

Духовенство, чье господство было интеллектуальным, никогда не одобряло систему юриспруденции, которая так стремилась подчинить все дела сильной руке. С самого начала они выступили против дуэлей и старались, насколько им позволяли предрассудки их эпохи, обуздать воинственный дух, столь чуждый принципам религии. На Валентийском, а затем и на Трентском соборе они отлучили от церкви всех, кто участвует в дуэли, и не только их, но даже помощников и зрителей, объявив этот обычай адским и отвратительным, введенным дьяволом для разрушения души и тела. Они также добавили, что князья, потворствующие дуэлям, должны быть лишены всей временной власти, юрисдикции и господства над теми местами, где они разрешили их проводить. Далее мы увидим, что этот пункт только поощрял ту практику, которую он должен был предотвратить.

Но кощунственной ошибкой тех ранних веков было ожидать, что Всемогущий, когда бы к нему ни обратились, сотворит чудо в пользу несправедливо обвиненного человека. Священство, осудив дуэль, не осудило принцип, на котором она была основана. Они по-прежнему поддерживали популярную веру в божественное вмешательство во все споры и разногласия, которые могут возникнуть между народами или отдельными людьми. Именно этот принцип регулировал ордалии, которые они всем своим влиянием поддерживали против дуэли. В первом случае право решать, виновен человек или невиновен, полностью принадлежало им, а во втором они вообще не имели никакой власти или привилегии. Не стоит удивляться, что по этой причине, если не по какой-либо другой, они стремились уладить все разногласия мирным путем. Пока это преобладало, они, как и хотели, были первой партией в государстве; но пока сильная рука индивидуальной доблести могла быть судьей во всех сомнительных случаях, их власть и влияние становились второстепенными по сравнению с властью и влиянием знати.

Таким образом, не только ненависть к кровопролитию побуждала их пускать в ход молнии отлучения против сражающихся: это было желание сохранить за собой власть, которую, по справедливости, они в те времена лучше всего умели носить. Зародыши знаний и цивилизации лежали в границах их ордена; ведь они были представителями интеллекта, как дворяне - физической силы человека. Чтобы сосредоточить эту власть в Церкви и сделать ее судьей последней инстанции во всех апелляциях, как в гражданских, так и в уголовных делах,

они учредили пять способов судебного разбирательства, управление которыми полностью находилось в их руках. К ним относились: присяга евангелистам; крестное и огненное испытание - для лиц высшего сословия; водное испытание - для более скромных классов; и, наконец, *корневое*, или хлебно-сырное, испытание - для членов их собственного тела.

Клятва евангелистов принималась следующим образом. Обвиняемый, которого допускали к этому доказательству, пишет Поль Хей, граф дю Шастеле, в своих "Мемуарах о Бертроне дю Гесклине", клялся на экземпляре Нового Завета и на мощах святых мучеников или на их гробницах, что он невиновен во вменяемом ему преступлении. Кроме того, он должен был найти двенадцать признанных честных людей, которые должны были одновременно поклясться, что считают его невинным. Такой способ судебного разбирательства приводил к очень большим злоупотреблениям, особенно в делах о спорном наследстве, когда самый упорный клятвопреступник был уверен в своей победе. Это злоупотребление было одной из главных причин, которые привели к тому, что предпочтение было отдано суду боем. Нет ничего удивительного в том, что феодальный барон или капитан ранних веков должен был предпочесть шансы на честный поединок со своим противником способу, при котором твердое лжесвидетельство всегда будет успешным.

Суд креста, к которому Карл Великий просил своих сыновей прибегать в случае возникновения между ними споров, происходил следующим образом: когда человек, обвиненный в каком-либо преступлении, заявлял под присягой о своей невинности и обращался к кресту за решением в его пользу, его приводили в церковь, перед алтарем. Священники заранее готовили две палки, точно такие же, как одна, на одной из которых была вырезана фигура креста. С большой тщательностью и многочисленными церемониями их заворачивали в большое количество тонкой шерсти и клали на алтарь или на мощи святых. Затем возносилась торжественная молитва к Богу, чтобы Он благоволил судом своего святого креста узнать, невиновен или виновен обвиняемый. Затем священник подходил к алтарю, брал одну из палочек, и помощники благоговейно разворачивали ее. Если на ней был изображен крест, то обвиняемый был невиновен, если же креста не было, то он был виновен. Было бы несправедливо утверждать, что приговоры, вынесенные таким образом, во всех случаях были ошибочными; и было бы абсурдно полагать, что они были полностью оставлены на волю случая. Многие верные приговоры, несомненно, были вынесены, и, по всей вероятности, очень добросовестно; ведь мы не можем не верить, что священники старались заранее убедиться путем тайного расследования и строгого изучения обстоятельств, невиновен или виновен апеллянт, и в соответствии с этим брали в руки перекрещенную или неперекрещенную палку. Хотя всем остальным наблюдателям палки, завернутые в шерсть, могли показаться совершенно одинаковыми, те, кто их заворачивал, без труда отличали одну от другой.

В случае с огненным ордером право принимать решения столь же однозначно оставалось в их руках. Обычно считалось, что огонь не сожжет невинных, и духовенство, конечно, заботилось о том, чтобы невинные или те, кого они хотели или были заинтересованы объявить таковыми, были предупреждены перед испытанием, чтобы без труда уберечь себя от огня. Один из способов испытания заключался в том, что раскаленные лемеха клали на землю на определенном расстоянии друг от друга, а затем, завязав глаза обвиняемому, заставляли его босиком пройти по ним. Если он регулярно переступал через свободные места, избегая огня, его признавали невинным; если же обжигался, то объявляли виновным. Поскольку никто, кроме священнослужителей, не вмешивался в расстановку лемехов, они всегда могли заранее рассчитать результат испытания. Чтобы признать человека виновным, достаточно было расставить их на неодинаковом расстоянии, и

обвиняемый обязательно наступал на один из них. Когда Эмму, жену короля Этельреда и мать Эдуарда Исповедника, обвинили в виновной близости с Олвином, епископом Винчестерским, она таким образом очистила свою личность. На карту была поставлена репутация не только их ордена, но и королевы, поэтому обвинительный вердикт нельзя было выносить ни на одном из лемехов, которыми орудовали священники. Это испытание называлось *Judicium Dei*, а иногда *Vulgaris Purgatio*, и могло проводиться несколькими другими способами. Один из них заключался в том, чтобы держать в руке кусок раскаленного железа весом в один, два или три фунта. Когда мы читаем, что не только мужчины с твердыми руками, но и женщины с более мягкой и нежной кожей могли делать это безнаказанно, мы должны быть уверены, что руки были предварительно натерты каким-то консервантом, или что внешне раскаленное железо было просто холодным железом, окрашенным в красный цвет. Другой способ заключался в погружении обнаженной руки в котел с кипящей водой. Затем священники заворачивали ее в несколько складок льна и фланели и держали пациента в церкви под своим исключительным присмотром в течение трех дней. Если по истечении этого срока на руке не появлялось шрама, то невиновность обвиняемого была твердо [установлена](#)⁵².

Что касается водного испытания, то и здесь не обошлось без проблем. Это было испытание только для бедных и скромных, и то, утонут они или поплывут, не имело большого значения. Как и ведем в более современные времена, обвиняемых бросали в пруд или реку; если они тонули и погибали, их оставшиеся в живых друзья утешались тем, что они были невиновны; если они плавали, то были виновны. В любом случае общество избавлялось от них.

Но из всех испытаний, которые духовенство приберегало для себя, то, которое с наименьшей вероятностью могло привести к признанию виновности кого-либо из членов его корпуса. Самое преступное из существующих чудовищ вышло чистым, когда его судили таким способом. Оно называлось "*Корснел*" и проводилось следующим образом. На алтарь клали кусок ячменного хлеба и кусок сыра, а обвиняемый священник, в полном каноническом облачении и в окружении всех помпезных аксессуаров римской церемонии, произносил определенные заклинания и с большим рвением молился в течение нескольких минут. Суть молитвы сводилась к тому, что если он виновен в преступлении, в котором его обвиняют, то Бог пошлет своего ангела Гавриила, чтобы тот остановил его горло, и он не смог бы проглотить хлеб и сыр. Нет ни одного случая, чтобы священник был задушен подобным [образом](#)⁵³.

Когда при папе Григории VII обсуждался вопрос о том, следует ли вводить в Кастилии григорианский распев вместо мусарабского, подаренного святым Исидором Севильским церквям этого королевства, было возбуждено очень много недобрых чувств. Церкви отказались принять нововведение, и было предложено решить дело поединком двух чемпионов, по одному от каждой стороны. Духовенство не согласилось на такой способ решения, который они считали нечестивым, но не возражало против того, чтобы испытать достоинства каждого песнопения с помощью огненного испытания. Тогда развели большой костер и бросили в него книгу григорианского и мусарабского песнопений, чтобы пламя, отказавшись сжечь их, решило, какой из них наиболее угоден Богу. Кардинал Бароний, который утверждает, что был очевидцем этого чуда, рассказывает, что книгу григорианского песнопения не успели положить на огонь, как она выскочила неповрежденной, зримо и с большим шумом. Все присутствующие подумали, что святые приняли решение в пользу папы Григория. Через некоторое время огонь был потушен, но, что удивительно, другая книга святого Исидора была найдена покрытой пеплом, но не пострадавшей ни в малейшей

степени. Пламя даже не нагрело ее. После этого было решено, что обе книги одинаково угодны Богу и что они должны использоваться по очереди во всех церквях [Севильи](#)⁵⁴.

Если бы испытания ограничивались подобными вопросами, миряне почти не возражали бы против них; но когда они были введены как решающие во всех спорах, которые могут возникнуть между человеком и человеком, противодействие всех тех, чьей главной добродетелью была личная храбрость, было неизбежно возбуждено. В самом деле, дворяне с самого раннего возраста стали смотреть на них завистливыми глазами. Они не замедлили понять их истинную цель, которая заключалась не в чем ином, как в том, чтобы сделать Церковь последней апелляционной инстанцией во всех делах, как гражданских, так и уголовных: и не только по этой причине, которая сама по себе была достаточной, дворяне предпочитали древний способ одиночного боя, но они придерживались его, потому что оправдание, полученное благодаря тем проявлениям мужества и решительности, которые давало сражение, было более достойным в глазах их соратников, чем то, для достижения которого требовалось совсем немного или вообще ничего. К этим причинам можно добавить еще одну, которая, возможно, была более действенной, чем любая другая, чтобы повысить авторитет судебного поединка за счет испытания. Благородный институт рыцарства начинал укореняться, и, несмотря на крики духовенства, война стала единственным делом жизни и единственным элегантным занятием аристократии. Был введен прекрасный дух чести, любое посягательство на которую должно было быть отомщено только в списках, на глазах у аплодирующих толп, чей вердикт одобрения был гораздо более приятным, чем холодное и формальное оправдание на суде. Лотарь, сын Людовика I, отменил в своих владениях казнь через огонь и испытание крестом; но в Англии они были разрешены до времен Генриха III, в начале правления которого они были запрещены указом совета. Тем временем крестовые походы довели институт рыцарства до полного совершенства. Рыцарский дух вскоре добился уничтожения системы ордалий и утвердил судебный поединок на слишком прочной основе, чтобы его можно было поколебать. Правда, с падением рыцарства как института пали турнир и поединок в списках; но поединок, их детище, сохранился до наших дней, не поддаваясь усилиям мудрецов и философов искоренить его. Среди всех ошибок, завещанных нам варварской эпохой, она оказалась самой живучей. Она поставила расхождение между разумом и честью человека, поставила здравомыслящего человека в один ряд с глупцом и заставила тысячи людей, осуждающих ее, подчиниться ей или практиковать ее.

Те, кому интересно узнать, как регулировались эти поединки, могут обратиться к ученому Монтескье, где они найдут подробное изложение кодекса древних дуэлей.⁵⁵ Он справедливо замечает, говоря о ясности и совершенстве этих правил, что, как было много мудрых дел, которые велись очень глупо, так было и много глупых дел, которые велись очень мудро. Нет более наглядного примера, чем мудрые и религиозные правила абсурдного и богохульного испытания боем.

В эпоху, которая прошла между крестовыми походами и новой эрой, открывшейся с изобретением пороха и книгопечатания, укоренилась более рациональная система законодательства. Жители городов, занятые торговлей и промышленностью, соглашались с решениями своих судей и магистратов, когда между ними возникали какие-либо разногласия. В отличие от вышестоящего класса, их привычки и нравы не заставляли их искать поле боя по каждому незначительному поводу. Спор о цене мешка кукурузы, тюка сукна или коровы можно было удовлетворительнее разрешить перед мэром или судебным приставом своего округа. Даже воинственные рыцари и дворяне, какими бы ссорящимися они ни были, начали понимать, что суд в бою потеряет свое достоинство и величие, если

к нему слишком часто прибегать. Правительства также разделяли это мнение и неоднократно ограничивали случаи, в которых было законно прибегать к этой крайности. Во Франции до времен Людовика IX дуэли разрешались только в случаях *величавой измены, изнасилования, поджога, убийства и кражи со взломом*. Людовик IX, сняв все ограничения, сделал их законными в гражданских делах. Это не дало положительных результатов, и в 1303 году Филипп Справедливый счел необходимым ограничить их в уголовных делах государственными преступлениями, изнасилованием и поджогом, а в гражданских - вопросами спорного наследства. Рыцарству было позволено быть лучшим судьей своей собственной чести, и оно могло защищать ее или мстить за нее в зависимости от случая.

Среди самых ранних дуэлей, о которых сохранились сведения, - весьма необычная, состоявшаяся в правление Людовика II (878 г. н. э.). (878 Г. Н.Э.). Однажды утром Ингельериус, граф Гастинуа, был обнаружен своей графиней мертвым в постели. Гонтран, родственник графа, обвинил графиню в убийстве мужа, которому, как он утверждал, она была давно неверна, и потребовал от нее вызвать на бой чемпиона, чтобы тот, убив его, доказал ее [вину](#)⁵⁶. Все друзья и родственники графини верили в ее невиновность, но Гонтран был настолько крепким, смелым и известным воином, что никто не осмелился встретиться с ним, и, как причудливо говорит Брантом, "*mauvais et poltrons parens estaient*". Несчастливая графиня уже начала отчаиваться, как вдруг появился защитник в лице Ингельериуса графа Анжуйского, мальчика шестнадцати лет, которого графиня держала на руках в купели крещения и который получил имя ее мужа. Он нежно любил свою крестную мать и предлагал сражаться за нее против любого противника. Король пытался отговорить великодушного юношу от его затеи, ссылаясь на огромную силу, испытанное мастерство и непобедимую храбрость претендента, но тот упорствовал в своем решении, к великому огорчению всех придворных, которые говорили, что это жестоко - позволить столь храброму и прекрасному ребенку броситься на такую резню и смерть.

ПОЕДИНОК МЕЖДУ ИНГЕЛЬЕРИУСОМ И ГОНТРАНОМ.

Когда списки были подготовлены, графиня должным образом признала своего чемпиона, и бойцы приступили к поединку. Гонтран с такой яростью набросился на своего противника и с такой стремительностью ударил его по щиту, что тот потерял равновесие и покатился по земле. Молодой граф, когда Гонтран упал, провел копьем по его телу, а затем, разбежавшись, отрубил ему голову, которую, по словам Брантома, "он преподнес королю, который принял ее очень милостиво и был очень рад, как если бы кто-то сделал ему подарок в виде города". Невинность графини была объявлена с великим ликованием; она поцеловала своего крестника и плакала над его шеей от радости в присутствии всех собравшихся.

Когда в 1162 году Роберт де Монфорт обвинил графа Эссекса перед королем Генрихом II в том, что тот предательски упустил из рук королевский штандарт Англии во время стычки с валлийцами в Коулшилле, пять лет назад, последний предложил доказать истинность обвинения в одиночном бою. Граф Эссекс принял вызов, и списки были подготовлены недалеко от Рединга. Огромное количество людей собралось, чтобы стать свидетелями сражения. Сначала Эссекс сражался стойко, но, потеряв самообладание и самоконтроль, он дал преимущество своему противнику, которое вскоре решило исход поединка. Его ссадили с коня, и он был так тяжело ранен, что все присутствующие подумали, что он мертв. По просьбе его родственников монахам аббатства Рединг разрешили вынести тело для погребения, и Монфорт был объявлен победителем. Эссекс, однако, был не мертв, а лишь оглушен, и под присмотром монахов через несколько недель оправился от телесных повреждений. Но душевные раны были залечены не так легко. Хотя он был верным и храбрым подданным, все королевство считало его предателем и трусом, потому что он был побежден. Он не мог позволить себе вернуться в мир, лишившись доброго мнения своих товарищей; поэтому он стал монахом и провел остаток своих дней в стенах аббатства.

Дю Шастеле рассказывает о необычной дуэли, которая была предложена в [Испании](#)⁵⁷. Христианский дворянин из Севильи послал вызов мавританскому кавалеристу, предлагая доказать ему любым оружием, какое тот выберет, что религия Иисуса Христа свята и божественна, а религия Магомета нечестива и проклята. Испанские прелаты не хотели, чтобы христианство было скомпрометировано в пределах их юрисдикции результатом такого поединка; мавританский кавалерист, возможно, оказался бы сильнее, и они приказали рыцарю под страхом отлучения снять вызов.

Тот же автор рассказывает, что при Отто I среди юристов возник вопрос, должны ли внуки, потерявшие отца, делиться поровну с дядями в имуществе деда после смерти последнего. Сложность этого вопроса была признана настолько непреодолимой, что никто из юристов того времени не смог его разрешить. В конце концов было решено, что он должен решаться в одиночном бою. Соответственно, были выбраны два чемпиона, один из которых выступал за, а другой - против требований маленьких детей. После долгой борьбы поборник дядьев был побежден и убит; таким образом, было решено, что право внуков установлено и что они должны пользоваться той же частью имущества своего деда, что и их отец, если бы он был жив.

Под столь же странными, а зачастую и более легкомысленными предложениями дуэли продолжались в большинстве стран Европы на протяжении всего XIV и XV веков. Памятный пример незначительности предлога, под которым человека могли заставить драться на дуэли до смерти, приводится в мемуарах отважного коннетабля Дю Гесклена. Преимущество, полученное им в стычке перед Ренном против Уильяма Брембре, английского капитана, настолько овладело духом Уильяма Трусселя, избранного друга и спутника последнего, что ничто не могло удовлетворить его, кроме смертельной схватки с

коннетаблем. Герцог Ланкастерский, к которому Труссель обратился за разрешением сразиться с великим французом, запретил битву, как не оправданную обстоятельствами. Тем не менее Труссель горел яростным желанием скрестить оружие с Дю Гесклином и искал любого случая, чтобы поссориться с ним. Имея такую хорошую волю к этому, он, конечно, нашел способ. Его родственник попал в плен к коннетаблю, в руках которого он оставался до тех пор, пока не смог заплатить выкуп. Труссель решил сделать из этого ссору и отправил гонца к Дю Гесклину, требуя освободить пленника и предлагая залог в качестве выкупа в отдаленный срок. Дю Гесклен, получивший уведомление о враждебных целях англичанина, отправил ответ, что не примет залог и не отпустит пленника, пока не будет выплачена вся сумма выкупа. Как только этот ответ был получен, Труссель послал констеблю вызов, требуя возмещения ущерба, нанесенного его чести отказом от залога, и предлагая смертный бой, который должен состояться тремя ударами копьем, тремя ударами мечом и тремя ударами кинжалом. Дю Гесклен, хотя и лежал в постели с агеей, принял вызов и уведомил маршала д'Андрегема, генерал-лейтенанта короля в Нижней Нормандии, чтобы тот назначил день и место боя. Маршал сделал все необходимые приготовления, но при условии, что тот, кто будет побежден, заплатит сто флоринов золотом за пиршество дворянам и джентльменам, которые были свидетелями поединка.

Герцог Ланкастерский очень рассердился на своего капитана и сказал ему, что будет позором для его рыцарства и его нации, если он вынудит его вступить в бой с храбрым Дю Гесклином в то время, когда тот ослаблен болезнью и лежит на кушетке страданий. В ответ на эти заявления Труссель, устыдившись, послал Дю Гесклину уведомление, что готов отложить поединок до тех пор, пока он полностью не выздоровеет. Дю Гесклен ответил, что не может и думать об отсрочке боя после того, как все дворяне получили уведомление о нем; что у него осталось достаточно сил, чтобы не только встретить, но и победить такого противника, как он; и что если он не появится в списках в назначенное время, то он везде будет публиковать его как человека, недостойного называться рыцарем или носить на боку почетную шпагу. Труссель передал это надменное послание герцогу Ланкастеру, который немедленно дал разрешение на сражение.

В назначенный день оба бойца появились в списках, в присутствии нескольких тысяч зрителей. Дю Гесклена сопровождал весь цвет французской знати, включая маршала де Бомануара, Оливье де Мони, Бертрана де Сен-Перна и виконта де ла Беллиера; англичанин же явился не более чем с обычной свитой из двух секундантов, двух оруженосцев, двух кутилье или даггерменов и двух трубачей. Первая атака оказалась неблагоприятной для коннетабля. Он получил такой сильный удар по щитовидной руке, что упал вперед налево на шею своей лошади; ослабев от лихорадки, он был почти повержен на землю. Все его друзья думали, что он уже никогда не сможет оправиться, и стали сожалеть о его несчастье; но Дю Гесклен собрал все свои силы для решительных действий и во время второй атаки нанес удар в плечо своего врага, который повалил его на землю, смертельно ранив. Затем он спрыгнул с коня, со шпагой в руке, намереваясь отрубить голову павшему врагу, когда маршал д'Андрегем бросил на арену золотой жезл в знак прекращения военных действий. Дю Гесклен был провозглашен победителем под радостные возгласы толпы и, удалившись, оставил поле боя более слабым бойцам, которые впоследствии должны были стать развлечением для народа. Четыре английских и столько же французских оруженосцев некоторое время сражались на бесцельных копьях, когда французы получили преимущество, спорт был объявлен оконченным.

Во времена Карла VI, примерно в начале пятнадцатого века, парижский парламент назначил знаменитую дуэль. Сьер де Карруж отсутствовал в Святой земле, и его дама была нарушена

сьером Легрисом. Карруж, вернувшись, вызвал Легриса на смертный бой за двойное преступление - нарушение и клевету, поскольку тот отрицал свою вину, утверждая, что дама была добровольной участницей. Утверждения дамы о своей невиновности не были признаны парламентом доказательством, и поединок был назначен со всеми церемониями. "В назначенный день, - пишет [Брантом58](#), - дама приехала на колеснице, чтобы стать свидетельницей зрелища; но король заставил ее сойти, сочтя ее недостойной, поскольку в его глазах она была преступницей, пока ее невиновность не была доказана, и заставил ее встать на эшафот, чтобы ожидать милости Божьей и этого приговора битвы". После непродолжительной борьбы сеньор де Карруж одолел своего врага и заставил его признаться в изнасиловании и клевете. Затем его отвели на виселицу и повесили в присутствии толпы; невиновность дамы была провозглашена герольдами и признана ее мужем, королем и всеми зрителями".

Подобные сражения происходили постоянно, пока неудачный исход одного из них не заставил французского короля Генриха II торжественно заявить, что он больше никогда не допустит подобных поединков, будь то гражданские или уголовные дела или честь джентльмена.

Это памятное сражение произошло в 1547 году. Франсуа де Вивонн, лорд Ла Шатаньерай, и Ги де Шабо, лорд Жарнак, были друзьями с ранней юности и отличались при дворе Франциска I галантностью своей осанки и великолепием своей свиты. Шатенери, знавший, что средства его друга не слишком велики, однажды доверительно спросил его, как ему удастся быть так хорошо обеспеченным? Жарнак ответил, что его отец женился на молодой и красивой женщине, которая, любя сына гораздо больше, чем государя, снабжала его деньгами, сколько он хотел. Ла Шатанье выдал эту подлую тайну дофину, дофин - королю, король - своим придворным, а придворные - всем своим знакомым. Через некоторое время эта информация достигла ушей старого лорда де Жарнака, который немедленно послал за своим сыном и потребовал сообщить, каким образом возникло это сообщение и был ли он настолько гнусен, чтобы не только поддерживать такую связь, но и хвастаться ею? Де Жарнак с негодованием отрицал, что когда-либо говорил это или давал повод так говорить, и попросил отца сопровождать его в суд и встретиться с его обвинителем, чтобы увидеть, как тот его посрамит. Они отправились в путь, и младший де Жарнак, войдя в комнату, где находились дофин, Ла Шатаньери и несколько придворных, воскликнул вслух: "Тот, кто утверждал, что он поддерживает преступную связь со своей тещей, - лжец и трус!" Все взгляды обратились к дофину и Ла Шатенери, когда тот выступил вперед и заявил, что де Жарнак сам признался в том, что так оно и было, и он добьется от него еще одного признания в этом. Подобное дело не могло быть опровергнуто никакими законными доказательствами, и королевский совет постановил, что дело должно решаться в единоборстве. Король, однако, высказался против [поединка59](#) и под страхом своего великого недовольствия запретил им обоим продолжать это дело. Но в следующем году Франциск умер, и дофин, теперь уже Генрих II, который сам был скомпрометирован, решил, что поединок должен состояться.

Списки были составлены во дворе замка Сен-Жермен-ан-Ле, и 10 июля 1547 года было назначено для поединка. Картели участников поединка, сохранившиеся в "Мемуарах де Кастельно", были следующими:

"Картель Франсуа де Вивонна, господина из Ла-Шатаньери.

"Сир,

"Узнав, что Ги Шабо де Жарнак, находясь в последнее время в Компьене, утверждал, что тот, кто сказал, будто он хвастался, что имел преступную связь со своей тещей, нечестивец и негодяй, я, сир, с вашей доброй волей и удовольствием отвечаю, что он нечестиво лгал и будет лгать столько раз, сколько будет отрицать, что говорил то, что, как я утверждаю, он говорил; ибо, повторяю, он несколько раз говорил мне и хвастался этим, что спал со своей тещей.

"Франсуа де Вивонн".

На это картель де Жарнак ответил:

"Сир,

"С вашей доброй воли и разрешения я заявляю, что Франсуа де Вивонн солгал в том обвинении, которое он на меня возвел и о котором я говорил с вами в Компьене. Поэтому я покорнейше прошу вас, сир, чтобы вы соблаговолили предоставить нам честное поле, дабы мы могли сразиться в этой битве насмерть".

"Ги Шабо."

Приготовления велись с величайшим размахом, король сообщил о своем намерении присутствовать. Ла Шатаньери был уверен в победе и пригласил короля и сто пятьдесят главных придворных особ отобедать с ним вечером, после битвы, в великолепном шатре, который он приготовил в конце списков. Де Жарнак не был столь уверен в себе, хотя, возможно, был более отчаянным. В полдень назначенного дня бойцы встретились, и каждый дал обычную клятву, что не носит при себе никаких чар или амулетов, не использует никакой магии, чтобы помочь своему противнику. Затем они нападали друг на друга с мечом в руках. Ла Шатаньери был сильным, крепким мужчиной и уверенным в себе; де Жарнак был проворным, гибким и готовым к худшему. Некоторое время бой длился сомнительно, пока де Жарнак, одолеваемый тяжелыми ударами противника, не прикрыл голову щитом и, пригнувшись, не попытался компенсировать недостаток силы ловкостью. В этой позе он нанес два удара по левому бедру Ла Шатаньери, который оставил его неприкрытым, чтобы не мешать движению ноги. Каждый удар оказался успешным, и, к изумлению всех зрителей и большому сожалению короля, Ла Шатаньери перевернулся на песок. Он схватил свой кинжал и в последний раз попытался ударить де Жарнака, но тот не смог устоять на ногах и бессильно упал в объятия помощников. Тут вмешались офицеры, и де Жарнак, объявленный победителем, упал на колени, обнажил голову и, сцепив руки, воскликнул: "*O Domine, non sum dignus!*". Ла Шатаньери был настолько удручен результатом поединка, что решительно отказался от перевязки своих ран. Он сорвал повязки, наложенные хирургами, и скончался через два дня после этого. С тех пор любое хитрое и непредвиденное нападение французы стали называть *coup de Jarnac*. Генрих был так опечален потерей своего любимца, что дал торжественную клятву, о которой уже упоминалось, что никогда больше, пока он жив, не допустит дуэли. Некоторые авторы, в том числе и Мезерай, утверждают, что он издал королевский указ, запрещающий их. Другие сомневаются в этом, а поскольку ни в одном из судов не было зарегистрировано такого эдикта, представляется наиболее вероятным, что он так и не был издан. Это мнение подкрепляется тем фактом, что через два года после этого совет приказал провести еще одну дуэль в аналогичных формах, но с меньшим великолепием, ввиду низкого ранга участников. Нигде не говорится, что Генрих вмешался, чтобы предотвратить его, несмотря на свою торжественную клятву; напротив, он поощрял его и назначил маршала де ла Марка следить за тем, чтобы он проводился в соответствии с правилами рыцарства. Спорщиками были Фендиль и д'Агерре, два дворянина, которые, поссорившись в покоях короля, перешли от слов к ударам. Совет, получив информацию об

этом деле, постановил, что оно может быть решено только в списках. Маршал де ла Марк, с разрешения короля, назначил местом сражения город Седан. Фендиль, который был плохим фехтовальщиком, хотел избежать встречи с д'Агерром, одним из самых искусных людей того времени; но совет авторитетно приказал ему сражаться или быть лишенным всех почестей. Д'Агерр появился на поле боя в сопровождении Франсуа де Вандома, графа де Шартра, а Фендиля сопровождал герцог Неверский. Фендиль, судя по всему, был не только неумелым фехтовальщиком, но и чистым трусом; тот, кто, подобно Коули, мог бы осыпать этого человека проклятиями,

"Фактор смерти", который принес

Страшные мечи в этот мирный мир".

В первой же схватке он был сброшен с коня и, признав на земле все, что требовал от него победитель, позорно ускорал с арены.

Возникает соблазн рассматривать смерть Генриха II как приговор ему за его лжесвидетельство в вопросе дуэли. На грандиозном турнире, устроенном по случаю бракосочетания его дочери, он сломал несколько копий в поединках с самыми храбрыми рыцарями того времени. Стремясь к еще большей славе, он не успокоился, пока не сразил и молодого графа де Монтгомери. Он получил рану в глаз от копья своего противника и умер от ее последствий вскоре после этого, на сорок первом году жизни.

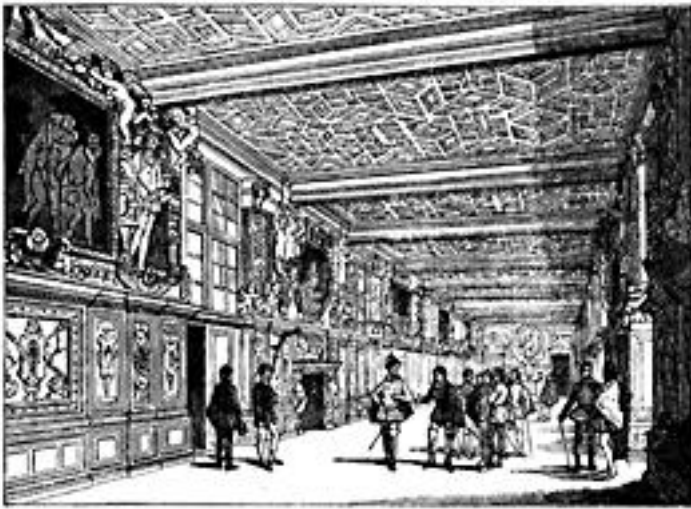
В последующие царствования Франциска II, Карла IX и Генриха III практика дуэлей возросла до угрожающих размеров. Дуэли не были редкостью в других странах Европы в тот же период; но во Франции они были настолько частыми, что историки, говоря об этой эпохе, называют ее "эпохой фурора дуэлей". Парижский парламент старался, насколько это было в его силах, препятствовать этой практике. Декретом от 26 июня 1559 года он объявил всех лиц, присутствующих на дуэлях или пособничающих им, мятежниками против короля, нарушителями закона и общественного спокойствия.

Когда Генрих III был убит в Сен-Клу в 1589 году, молодой дворянин по имени Л'Исле-Мариво, который был очень любим им, принял его смерть так близко к сердцу, что решил не переживать его. Не считая самоубийство почетной смертью и желая, по его словам, умереть славно, отомстив за своего короля и господина, он публично заявил о готовности сразиться насмерть с любым, кто станет утверждать, что убийство Генриха не было большим несчастьем для общества. Другой юноша, пылкого нрава и испытанной храбрости, по имени Мароллес, поверил ему на слово, и день и место поединка были немедленно назначены. Когда настал час и все были готовы, Мароллес обратился к своему секунданту и спросил, есть ли у его противника только *casque* или шлем, или же он носит *sallade*, или головной убор. Получив ответ, что только шлем, он весело сказал: "Тем лучше; ибо, сэр мой секундант, вы будете считать меня самым злым человеком на свете, если я не вобью свое копье прямо в середину его головы и не убью его". По правде говоря, он сделал это с первого же удара, и несчастный Л'Исль-Мариво скончался без единого стога. Брантом, рассказывающий эту историю, добавляет, что победитель мог поступить с телом как угодно: отрубить голову, утащить за пределы лагеря или посадить на осла; но, будучи мудрым и очень учтивым джентльменом, он оставил его родственникам покойного, чтобы они с почестями похоронили его, довольствуясь славой своего триумфа, благодаря которому он приобрел немалую известность и почет среди парижских дам.

ГЕНРИХ IV.

При вступлении на престол Генриха IV этот монарх решил выступить против дуэлей; но таково было влияние на него раннего воспитания и предрассудков общества, что он так и не смог найти в себе силы наказать человека за это преступление. Он считал, что это способствует воспитанию воинственного духа в его народе. Когда рыцарственный Креки потребовал у него разрешения сразиться с доном Филиппом де Савуаром, он, как сообщается, сказал: "Иди, и если бы я не был королем, я бы стал твоим секундантом". Неудивительно, что, когда стало известно о таком расположении короля, его эдикты привлекали мало внимания. Месье де Ломени в 1607 году подсчитал, что с момента воцарения Генриха в 1589 году в этих конфликтах погибло не менее четырех тысяч французских дворян, что за восемнадцать лет составило четыре или пять человек в неделю, или восемнадцать в месяц! Сюлли, который сообщает об этом факте в своих "Мемуарах", не высказывает ни малейшего сомнения в его точности; и добавляет, что в основном благодаря легкомыслию и непродуманному добродушию его королевского повелителя дурной пример так опустошил двор, город и всю страну. Этот мудрый министр посвятил этому вопросу много своего времени и внимания, ибо ярость, по его словам, была такова, что причиняла ему тысячу страданий, а также и королю. Вряд ли в так называемом хорошем обществе можно было найти человека, который не участвовал дуэли в качестве главного или секунданта; а если такой человек и был, то главным его желанием было избавить себя от обвинения в непротивлении, поссорившись с кем-нибудь. Сюлли постоянно писал письма королю, в которых молил его возобновить эдикты против этого варварского обычая, ужесточить наказание преступников и никогда, ни в коем случае, не давать помилования даже тому, кто ранил другого на дуэли, а тем более тому, кто лишил жизни. Он также советовал учредить некий трибунал, или суд чести, для рассмотрения обидных и клеветнических высказываний, а также всех тех дел, которые обычно приводят к дуэли; и чтобы правосудие, осуществляемое этим судом, было достаточно быстрым и суровым, чтобы успокоить истца и заставить обидчика раскаяться в своей агрессии.

ГАЛЕРЕЯ В ФОНТЕНБЛО.

Генрих, на которого так горячо наседал его друг и министр, созвал чрезвычайный совет в галерее дворца Фонтенбло, чтобы рассмотреть этот вопрос. Когда все члены совета были в сборе, его величество попросил, чтобы какой-нибудь человек, сведущий в этом вопросе, сделал ему доклад о происхождении, ходе и различных формах дуэли. Сюлли самодовольно замечает, что никто из членов совета не дал королю повода похвалить их за эрудицию. Более того, все они хранили молчание. Сюлли молчал вместе с остальными, но вид у него был такой знающий, что король повернулся к нему и сказал: "Великий господин! По вашему лицу я догадываюсь, что вы знаете об этом деле больше, чем хотели бы, чтобы мы верили. Я молю вас, и даже приказываю, чтобы вы сказали нам, что вы думаете и что вам известно". Хитрый министр отказался, как он говорит, из простой вежливости к своим более невежественным коллегам; но, когда король снова надавил на него, он начал рассказывать о дуэлях как в древние, так и в современные времена. Он не сохранил эту историю в своих мемуарах; и поскольку никто из присутствовавших министров или советников не счел нужным сделать это, мир лишился беседы, которая, несомненно, была ученой и примечательной. В результате был издан королевский указ, который Сюлли не замедлил разослать по самым отдаленным провинциям с четким уведомлением всех заинтересованных сторон о том, что король настроен серьезно и применит всю строгость закона для наказания нарушителей. Сам Сюлли не сообщает нам, каковы были положения нового закона; но отец Маттиас был более откровенен, и от него мы узнаем, что маршалы Франции были созданы судьями рыцарского суда для рассмотрения всех дел, в которых затрагивалась честь дворянина или кавалера, и что те, кто прибегает к дуэли, должны быть наказаны смертью и конфискацией имущества, а секунданты и помощники должны потерять свой ранг, достоинство или должности и быть изгнаны от двора своего государя.⁶⁰

Но воспитание и предрассудки его эпохи так сильно повлияли на разум короля, что, хотя разум осуждал, симпатии одобряли дуэль. Несмотря на эту угрожающую суровость, число дуэлей не уменьшилось, и мудрому Салли все еще приходилось сетовать на распространенность зла, грозившего обществу полной дезорганизацией. В последующее царствование эта практика преобладала, если можно так выразиться, в еще большей степени, пока кардинал де Ришелье, более способный бороться с ней, чем Сюлли, не привел несколько суровых примеров в самых высших классах. Лорд Герберт, английский посол при дворе Людовика XIII, в своих письмах повторяет замечание, сделанное еще при Генрихе IV, о том, что редко можно было встретить француза, живущего в хорошем обществе, который не убил бы своего человека на дуэли. Аббат Милло говорит об этом периоде, что дуэльное

безумие совершало самые ужасные опустошения. Мужчины были просто помешаны на борьбе. Каприз и тщеславие, а также возбуждение страсти навязывали необходимость поединка. Друзья были вынуждены вступать в ссоры своих друзей или сами быть вызванными за отказ, а месть стала наследственной во многих семьях. Считалось, что за двадцать лет было выдано восемь тысяч писем о помиловании тем, кто убил других в одиночной схватке⁶¹.

Другие авторы подтверждают это утверждение. Амело де Уссэ в своих "Мемуарах" говорит по этому поводу, что в первые годы правления Людовика XIII дуэли были настолько распространены, что обычным разговором людей при встрече утром было: *"Знаете ли вы, кто дрался вчера?"*, а после обеда: *"Знаете ли вы, кто дрался сегодня утром?"*. Самым печально известным дуэлянтом в тот период был де Бутевиль. Совсем не обязательно было ссориться с этим убийцей, чтобы быть вынужденным драться с ним на дуэли. Когда он слышал, что кто-то очень храбр, он шел к нему и говорил: *"Люди говорят мне, что вы храбрец; мы с вами должны драться вместе!"* Каждое утро самые отъявленные храбрецы и дуэлянты собирались у него дома, завтракали хлебом и вином и упражнялись в фехтовании. Месье де Валенсей, впоследствии возведенный в ранг кардинала, пользовался большим уважением у де Бутевиля и его банды. Не проходило и дня, чтобы он не участвовал в той или иной дуэли в качестве главного или секунданта; однажды он бросил вызов самому де Бутевиллю, своему лучшему другу, потому что де Бутевиль дрался на дуэли, не пригласив его стать своим секундантом. Эта ссора была утихомирена только обещанием де Бутевиля, что в следующем поединке он не преминет воспользоваться его услугами. С этой целью он в тот же день отправился на прогулку и поссорился с маркизом де Портом. Месье де Валенсей, согласно договоренности, имел удовольствие служить его секундантом и провести через тело месье де Кавау, секунданта маркиза де Порте, человека, который никогда не причинял ему вреда и которого, как он впоследствии признался, он никогда не видел.

Кардинал Ришелье уделил много внимания этому плачевному состоянию общественных нравов и, похоже, согласился со своим великим предшественником Сюлли, что ничто, кроме самой строгой суровости, не может положить конец этому злу. К этой теме его болезненно принуждали враги. Маркиз де Темин, которому Ришелье, тогдашний епископ Лузона, нанес обиду некоторыми представлениями, которые он сделал Марии Медичи, решил, поскольку он не мог бросить вызов церковнику, бросить вызов его брату. Возможность для этого вскоре нашлась. Феминес, обратившись к маркизу де Ришелье, в оскорбительном тоне пожаловался, что епископ Лусонский нарушил его веру. Маркиз возмутился и манерой, и содержанием его речи и с готовностью принял вызов. Они встретились на улице д'Ангулем, и несчастный Ришелье получил удар в сердце, от которого мгновенно скончался. С этого момента епископ стал убежденным противником дуэльной практики. Разум и порыв братской любви объединили в нем отвращение к дуэли, и когда его власть во Франции была прочно установлена, он решительно взялся за ее пресечение. В своем "Политическом завещании" он собрал свои мысли по этому поводу в главе, озаглавленной "Способы прекращения дуэлей". Несмотря на изданные им эдикты, дворяне продолжали драться по самым ничтожным и абсурдным поводам. Наконец Ришелье подал ужасный пример. Печально известный де Бутевиль бросил вызов маркизу де Боврону и сразился с ним; и хотя сама дуэль не была смертельной для обоих, ее последствия оказались роковыми для обоих. Ришелье решил, что закон должен настигнуть их обоих, и они были преданы суду, признаны виновными и обезглавлены. Так общество избавилось от одного из самых кровожадных негодяев, когда-либо загрязнявших его.

СУЛЛИ.

В 1632 году два дворянина сразились на дуэли, в которой оба были убиты. Служители правосудия были извещены о нарушении закона и прибыли на место боя прежде, чем друзья сторон успели вынести тела. В соответствии с суровым кодексом кардинала по этому вопросу, тела были бесславно раздеты и повешены на виселице вниз головой, в течение нескольких часов, на виду у всего народа.⁶² Эта суровость на время отрезвила неистовство народа, но вскоре была забыта. Умы людей были слишком глубоко пропитаны ложным представлением о чести, чтобы их можно было привести к правильному образу мыслей: какими бы яркими ни были примеры, Ришелье не мог убедить их идти по правильному пути, хотя и мог наказать их за выбор неправильного пути. При всей своей проницательности он неверно оценил дух дуэли. Дуэлянт боялся не смерти, а позора и презрения своих товарищей. Как заметил Эддисон более восьмидесяти лет спустя: "Смерти было недостаточно, чтобы удержать людей, которые сделали своей славой презрение к ней; но если бы каждый, кто дрался на дуэли, стоял на скамье подсудимых, это быстро уменьшило бы число этих мнимых людей чести и положило бы конец столь абсурдной практике". Ришелье никогда не думал об этом.

Сюлли рассказывает, что в его время немцы тоже были сильно увлечены дуэлями. Было три места, где драться было разрешено: Вицбург во Франконии, Успах и Галле в Швабии. Туда, конечно, съезжалось огромное количество людей и убивали друг друга с санкции закона. В более ранний период в Германии считалось позорным отказываться воевать. Тот, кто сдавался противнику из-за простой раны, не лишившей его трудоспособности, считался бесславленным и не мог ни стричь бороду, ни носить оружие, ни садиться на лошадь, ни занимать какую-либо должность в государстве. Павшего на дуэли хоронили с большой пышностью и великолепием.

В 1652 году, сразу после достижения Людовиком XIV совершеннолетия, состоялась отчаянная дуэль между герцогами де Бофором и де Немуром, каждый из которых сопровождался четырьмя кавалерами. Будучи родными братьями, они долгое время были врагами, и их постоянные разногласия вносили большую дезорганизацию в войска, которыми они командовали по отдельности. Каждый из них долго искал случая для боя, который, наконец, произошел из-за недоразумения, связанного с местами, которые они должны были занять в совете. Они сражались на пистолетах, и при первом же выстреле герцог де Немур был ранен в тело и почти мгновенно скончался. После этого маркиз де Вилларс, поддерживавший Немура, бросил вызов Эрикуру, секунданту герцога де Бофора, человеку, которого он никогда прежде не видел; приняв вызов, они сражались еще более отчаянно, чем их начальники. Этот поединок на шпагах продолжался дольше первого и был более захватывающим для шести оставшихся джентльменов, которые остались наблюдать за ним. Результат оказался роковым для Эрикура, который упал, пронзенный в сердце шпагой де Виллара. Более дикого зрелища, чем это, трудно себе представить. Вольтер

говорит, что такие дуэли случались часто, а составитель "Словаря анекдотов" сообщает нам, что количество секунд не было фиксированным. Нередко их было десять, или двенадцать, или двадцать, и они часто сражались вместе после того, как их соперники были выведены из строя. Высшим знаком дружбы, которую один человек мог проявить по отношению к другому, было избрать его своим секундантом; и многие джентльмены так хотели служить в этом качестве, что старались перевести любое незначительное недоразумение в ссору, чтобы иметь удовольствие участвовать в ней. Граф де Бюсси-Рабутен в своих "Мемуарах" приводит такой пример. Он рассказывает, что однажды вечером, когда он выходил из театра, джентльмен по имени Брюк, которого он раньше не знал, очень вежливо остановил его и, отведя в сторону, спросил, правда ли, что граф де Тианж назвал его (Брюка) пьяницей? Бюсси ответил, что не знает, так как редко видит графа. "О, он ваш дядя!" - ответил Брюк; "и поскольку я не могу получить от него удовлетворения, так как он живет так далеко в стране, я обращаюсь к вам". "Я понимаю, на что вы намекаете, - ответил Бюсси, - и, поскольку вы хотите поставить меня на место моего дяди, я отвечаю, что тот, кто утверждал, будто он назвал вас пьяницей, сказал неправду!" "Это сказал мой брат, - ответил Брюк, - а он еще ребенок". "Тогда отлупите его за ложь", - ответил де Бюсси. "Я не позволю называть моего брата лжецом, - ответил Брюк, решив с ним поссориться, - так что беритесь и защищайтесь!" Они оба выхватили шпаги на людной улице, но были разделены зрителями. Однако они договорились сразиться в будущем, причем по всем правилам дуэли. Через несколько дней после этого к нему обратился джентльмен, которого де Бюсси никогда раньше не видел и не знал даже по имени, и спросил, не может ли он иметь честь служить его секундантом. Он добавил, что не знает ни его, ни Брюка, кроме как по репутации, но, решив стать секундантом одного из них, решил сопровождать де Бюсси как более храброго человека из них двоих. Де Бюсси искренне поблагодарил его за вежливость, но попросил прощения, так как уже нанял четырех секундантов и боялся, что, если он возьмет еще кого-нибудь, дело превратится не в дуэль, а в сражение.

Когда на подобные ссоры смотрели как на нечто само собой разумеющееся, состояние общества должно было быть поистине ужасным. Людовик XIV очень рано заметил это зло и так же рано решил его исправить. Однако только в 1679 году, когда он учредил "Ардентальную палату" для суда над медлительными отравителями и претендентами на колдовство, он опубликовал эдикт против дуэлей. В том же году был обнародован его знаменитый эдикт, в котором он повторил и подтвердил суровые постановления своих предшественников Генриха IV и Людовика XIII и выразил решимость никогда не помиловать ни одного преступника. Этим знаменитым указом был учрежден верховный суд чести, состоящий из маршалов Франции. При вступлении в должность они были обязаны предоставить каждому, кто подаст на них обоснованную жалобу, такое возмещение, которое удовлетворит справедливость дела. Если какой-либо дворянин, на которого подана жалоба, откажется подчиниться предписанию суда чести, он мог быть наказан штрафом и тюремным заключением; а если это невозможно, по причине его отъезда из королевства, его имущества могли быть конфискованы до его возвращения.

Каждый, кто посылал вызов, независимо от причины обиды, лишался всякой защиты от суда чести, отстранялся на три года от занятия любой должности в государстве, а затем заключался в тюрьму на два года и приговаривался к уплате штрафа в размере половины своего годового дохода.

Тот, кто принимал вызов, подвергался такому же наказанию. Любой слуга или другое лицо, сознательно ставшее носителем вызова, в случае признания его виновным, приговаривался

к стоянию на столбе и публичному бичеванию за первое преступление, а за второе - к отправке на галеры на три года.

Любой человек, который фактически сражался, должен был считаться виновным в убийстве, даже если смерть не наступила, и должен был быть наказан соответствующим образом. Лица, принадлежащие к высшему сословию, должны были быть обезглавлены, а представители среднего сословия - повешены на виселице, а их телам было отказано в христианском погребении.

Одновременно с изданием этого сурового эдикта Людовик потребовал от своих главных дворян обещания никогда не вступать в дуэль ни под каким предлогом. Он никогда не отступал от своего решения преследовать всех дуэлянтов со всей строгостью, и многие из них были казнены в разных частях страны. Следствием этого стало некоторое ослабление этого зла, и в течение нескольких лет не было ни одной дуэли там, где ранее их было двенадцать. В память об этом обстоятельстве по прямому указанию короля была выбита медаль. Он настолько преследовал эту цель, что в своем завещании особенно рекомендовал своему преемнику следить за исполнением своего эдикта против дуэлей и предостерегал его от любой необоснованной снисходительности к тем, кто его ослушается.

Раньше на Мальте существовал необычный закон, касающийся дуэли. По этому закону она была разрешена, но только при условии, что стороны должны были сражаться на одной конкретной улице. Если же они осмеливались уладить свою ссору в другом месте, их считали виновными в убийстве и наказывали соответствующим образом. Что еще очень необычно, они были обязаны под угрозой наказания сложить мечи, если об этом попросит священник, рыцарь или женщина. Однако не похоже, чтобы дамы или рыцари пользовались этой мягкой и благодетельной привилегией в какой-либо степени; первые слишком часто сами становились причиной дуэлей, а вторые слишком сочувствовали уязвленной чести сражающихся, чтобы пытаться разнять их. Только священники были великими миротворцами. Брайдон говорит, что на стене напротив места, где был убит рыцарь, всегда рисовали крест, а на "улице дуэлей" он насчитал около двадцати таких [крестов](#)⁶³.

В Англии частные дуэли также стали практиковаться в скандальных масштабах в конце XVI - начале XVII веков. Теперь судебные поединки стали более редкими, но в истории упоминается несколько их случаев. Один из них был учрежден в царствование Елизаветы, а другой - во времена Карла I. Сэр Генри Спелман рассказывает о том, что произошло в царствование Елизаветы, что весьма любопытно, тем более если учесть, что это было совершенно законно и что подобные поединки оставались таковыми вплоть до 1819 года. В суде общей юрисдикции было возбуждено дело о восстановлении определенных прав на владение поместьем в графстве Кент, и ответчик предложил доказать в единоборстве свое право на сохранение владения. Истец принял вызов, и суд, не имея возможности приостановить разбирательство, согласился с кандидатурами чемпионов, которые должны были сражаться вместо принципалов. Королева велела сторонам пойти на компромисс; но когда ее величеству было представлено, что закон оправдывает их действия, она разрешила им продолжать. В назначенный день судьи Общего суда и все адвокаты, участвовавшие в деле, явились в качестве судей на поединок в местечко Тотилл-Филдс, где были подготовлены списки. Чемпионы были готовы к поединку, и истца и ответчика публично призвали выйти вперед и признать их. Ответчик назвал свое имя и признал своего чемпиона с соблюдением всех формальностей, но истец не явился. Без его присутствия и полномочий бой не мог состояться; и его отсутствие было расценено как отказ от претензий, он был объявлен не судимым и навсегда лишен права возобновлять свой иск перед любым другим судом.

ЛОРД БАКОН.

Королева, по-видимому, лично не одобряла такой способ разрешения спорных претензий, но ее судьи и юрисконсульты не сделали никаких попыток изменить этот варварский закон. Практика частных дуэлей вызывала большее негодование, поскольку была повседневным явлением. Во времена Якова I англичане настолько заразились французским безумием, что Бэкон, будучи генеральным прокурором, прибегнул к помощи своего мощного красноречия, чтобы добиться исправления этого зла. В Звездной палате были представлены обвинения против двух лиц, по имени Прист и Райт, в участии в дуэли в качестве главного и второго, и по этому случаю он выступил с обвинением, которое было так высоко оценено лордами Совета, что они приказали напечатать его и распространить по стране, как вещь "весьма достойную и достойную того, чтобы о ней помнил и знал весь мир". Он начал с рассмотрения природы и величины зла дуэли. "Она нарушает мир, отвращает от войны, навлекает беду на частных лиц, опасность на государство и презрение к закону. Что касается причины этого, - заметил он, - то первым мотивом его, несомненно, является ложное и ошибочное воображение о чести и заслугах; но затем, будучи семенем этого зла, оно питается суетными рассуждениями и зелеными и недозрелыми представлениями. К этому можно добавить, что люди почти утратили истинное понятие и понимание стойкости и доблести. Ибо стойкость различает основания для ссоры, справедливы ли они, и не только справедливы, но и достойны ли они, и назначает лучшую цену человеческим жизням, чем отдавать их попусту. Нет, это слабость и недостойное поведение человека, если он ставит свою жизнь в зависимость от таких лживых представлений. С жизнью человека нельзя шутить; она должна быть принесена в жертву почетным заслугам, общественным заслугам, добрым делам и благородным приключениям. Она стоит как крови, так и денег. Не является либеральностью изобилие денег по любому тщетному поводу, как и не является стойкостью излияние крови, если только причина этого не стоит того" ⁶⁴.

Самым примечательным событием, связанным с дуэлями в это царствование, стал поединок между лордом Санквиром, шотландским дворянином, и неким Тернером, мастером фехтования. Во время поединка между ними его светлость случайно выколол глаз острием шпаги Тернера. Тернер выразил большое сожаление по поводу этого обстоятельства, а лорд Санкир перенес потерю со всей философией, на которую был способен, и простил своего противника. Через три года после этого лорд Санкир оказался в Париже, где был постоянным гостем при дворе Генриха IV. Однажды в ходе беседы любезный монарх поинтересовался, как он потерял глаз. Санкир, гордившийся тем, что является самым искусным фехтовальщиком эпохи, покраснел, ответив, что его поразила шпага мастера фехтования. Генрих, забыв о своем предполагаемом характере антидуэлиста, небрежно, как само собой разумеющееся, поинтересовался, жив ли этот человек? Больше ничего сказано не было, но этот вопрос глубоко запал в гордое сердце шотландского барона, который вскоре после этого вернулся в Англию, горя жаждой мести. Сначала он решил вызвать

мастера фехтования на одиночный бой, но, поразмыслив, счел несовместимым со своим достоинством встретиться с ним как с равным в честном и открытом поединке. Поэтому он нанял двух брадобреев, которые набросились на мастера фехтования и убили его в его собственном доме в Уайтфрайерс. Убийцы были схвачены и казнены, а за поимку их нанимателя назначена награда в тысячу фунтов. Лорд Санквир скрывался несколько дней, а затем сдался суду в надежде (к счастью, ложной), что правосудие опровергнет свое имя и будет снисходительно относиться к убийце, потому что он дворянин, который, руководствуясь ложным соображением чести, решил взять месть в свои руки. В его пользу прибегали к самым мощным уговорам, но Джеймс, к его чести, был глух к ним. Бэкон, выступая в роли генерального прокурора, довел дело до приговора, и 29 июня 1612 года он умер смертью преступника на виселице, воздвигнутой перед воротами Вестминстер-холла.

Что касается публичной дуэли, или испытания боем, требуемого с санкции закона для прекращения ссоры, которую обычное правосудие могло решить с трудом, то Бэкон был в равной степени против этого и считал, что ни в коем случае не следует его разрешать. Он предлагал объявить в государстве постоянное и твердое решение полностью отменить его; позаботиться о том, чтобы это зло больше не разжигалось и не подпитывалось его юмором, но чтобы все лица, уличенные в этом, были строго наказаны Звездной палатой, а знатные особы изгнаны из суда.

В последующее царствование, когда Дональд Маккей, первый лорд Рей, обвинил Дэвида Рамзи в государственной измене, в том, что тот вместе с маркизом Гамильтоном замыслил покушение на корону Шотландии, последний бросил ему вызов, чтобы тот подтвердил свое утверждение единоборством.⁶⁵ Сначала правительство намеревалось рассмотреть дело по общему праву, но Рамзи решил, что у него будет больше шансов спастись, если он обратится к старому и почти отмененному обычаю, но который по-прежнему был правом каждого человека при рассмотрении дела о государственной измене. Лорд Рей с готовностью принял вызов, и оба были заключены в Тауэр до тех пор, пока не получили гарантии, что явятся в определенный день, назначенный судом для решения вопроса. Управление делом было передано Вестминстерскому суду, а граф Линдсей был назначен лордом-констеблем Англии для этой цели. Незадолго до назначенного дня Рамзи по существу признался во всем, в чем его обвинил лорд Рей, после чего Карл I прекратил разбирательство.

Но в Англии в этот период между людьми возникали более серьезные споры, чем те простые личные дела, которые порождают дуэли. Люди Содружества не поощряли подобную практику, а покоренная аристократия перенесла свои привычки и предрассудки в другие страны и проводила дуэли при иностранных дворах. Однако парламент Кромвеля - хотя в то время зло не было столь вопиющим - опубликовал в 1654 году указ о предотвращении дуэлей и наказании всех, кто в них замешан. Карл II, после своего восстановления, также издал прокламацию на эту тему. В его правление состоялась позорная дуэль, печально известная не только своими обстоятельствами, но и снисходительностью, проявленной к главным преступникам.

Ничтожный герцог Бекингем, развративший графиню Шрусбери, был вызван ее мужем на смертный бой в январе 1668 года. Карл II попытался предотвратить дуэль, руководствуясь не соображениями общественной морали, а страхом за жизнь своей фаворитки. Он отдал приказ герцогу Альбемарлю заточить Бекингема в своем доме или принять другие меры, чтобы помешать ему драться. Альбемарль проигнорировал приказ, решив, что король сам может предотвратить бой более надежными средствами. Встреча состоялась в Барн-Элмс; на ней присутствовали раненый Шрусбери, его родственник сэр Джон Тэлбот и лорд Бернард Говард, сын графа Арундела. Бекингема сопровождали два его иждивенца, капитан Холмс и

сэр Джон Дженкинс. По варварскому обычаю эпохи, не только главные, но и секунданты вступили в бой друг с другом. Дженкинс был пронзен в сердце и оставлен мертвым на поле боя, а сэр Джон Тэлбот тяжело ранен в обе руки. Сам Бекингем, избежав легких ранений, пронзил своего несчастного противника насквозь, а затем покинул поле боя вместе с несчастной женщиной, виновницей всех бед, которая, переодевшись пажом, ожидала исхода поединка в соседнем лесу, держа лошадь своего жениха, чтобы избежать подозрений. Было оказано большое влияние, чтобы уберечь виновных от наказания, и хозяин, как и фаворитка, без особого труда помиловал всех. В королевской прокламации, выпущенной вскоре после этого, Карл II официально помиловал убийц, но заявил о своем намерении никогда не оказывать в будущем никакой милости подобным преступникам. После этого трудно сказать, кто был более печально известен - король, фаворитка или куртизанка.

Во времена правления королевы Анны неоднократно поступали жалобы на распространенность дуэлей. Аддисон, Свифт, Стил и другие писатели использовали свои мощные перья для его осуждения. Особенно Стил в газетах *Tatler* и *Guardian* разоблачал ее нечестивость и нелепость и старался как аргументами, так и насмешками привести своих соотечественников к правильному образу мышления.⁶⁶ Его комедия "Сознательные любовники" содержит восхитительное разоблачение злоупотребления словом "честь", которое ввергает людей в столь прискорбную ошибку. Свифт, пишущий на эту тему, заметил, что не видит ничего плохого в том, что плуты и дураки стреляют друг в друга. Эддисон и Стил заняли более высокую позицию; последний в "Гардиан" подытожил почти все, что можно сказать по этому вопросу, следующими впечатляющими словами: "Христианин и джентльмен - это несовместимые названия одного и того же человека. Вы не можете рассчитывать на вечную жизнь, если не прощаете обид, и ваша земная жизнь станет некомфортной, если вы не готовы совершить убийство в ответ на оскорбление; ибо здравый смысл, как и религия, настолько изгнаны из мира, что люди превозносят свои страсти и преследуют пустяки с максимальной мстительностью, так мало они знают, что прощать - это самое трудное поле, к которому может прийти человеческая природа. Трус часто сражался, трус часто побеждал; но трус никогда не прощал". Стил также опубликовал памфлет, в котором подробно рассказал об эдикте Людовика XIV и мерах, принятых этим монархом, чтобы излечить своих подданных от их убийственной глупости.

8 мая 1711 года сэр Чолмели Диринг, член парламента от графства Кент, был убит на дуэли мистером Ричардом Торнхиллом, также членом Палаты общин. Через три дня после этого сэр Питер Кинг вынес этот вопрос на рассмотрение законодательного органа и, подробно остановившись на тревожном росте этой практики, добился разрешения внести законопроект о предотвращении и наказании дуэлей. В тот же день он был прочитан в первый раз и предписан ко второму чтению на следующей неделе.

Примерно в то же время внимание верхней палаты парламента было привлечено к этой теме самым болезненным образом. Двое из самых известных членов палаты сразились бы, если бы королева Анна не получила уведомление об их намерении и не потребовала обещания, что они воздержатся; а через несколько месяцев после этого двое других членов палаты лишились жизни в одной из самых примечательных дуэлей в истории. Первый случай, который, к счастью, закончился без встречи, произошел между герцогом Мальборо и графом Паулетом; вторая, роковая, встреча произошла между герцогом Гамильтоном и лордом Моуном.

Первая возникла в результате дебатов в лордах по поводу поведения герцога Ормонда, отказавшегося рисковать общим столкновением с врагом, в ходе которых граф Паулет

заметил, что никто не может сомневаться в мужестве герцога Ормонда. "Он не был похож на некоего генерала, который вел войска на убой, чтобы заставить большое количество офицеров биться головой в битве или о каменные стены, чтобы набить свои карманы, избавляясь от их комиссионных". Все почувствовали, что замечание было адресовано герцогу Мальборо, но он промолчал, хотя явно страдал. Вскоре после того, как палата разошлась, графа Паулета посетил лорд Мохун, который сообщил ему, что герцог Мальборо желает прийти к объяснению с ним по поводу некоторых выражений, которые он употребил в ходе дебатов того дня, и поэтому просит его "поехать и немного подышать воздухом в деревне". Граф Паулет не подал виду, что не понял намека, но прямо спросил его, не принес ли он вызов от герцога. Лорд Мохун ответил, что его послание не требует объяснений и что он [лорд Мохун] будет сопровождать герцога Мальборо. После этого он удалился, а граф Паулет вернулся домой и сообщил своей даме, что отправляется на дуэль с герцогом Мальборо. Его госпожа, опасаясь за безопасность своего господина, уведомила о его намерении графа Дартмута, который немедленно, от имени королевы, послал к герцогу Мальборо и приказал ему не выезжать за границу. Он также приказал, чтобы дом графа Паулета охраняли два часовых; приняв эти меры предосторожности, он сообщил королеве обо всем случившемся. Ее Величество немедленно послала за герцогом, выразила свое отвращение к обычаю дуэли и потребовала от него честного слова, что он не будет продолжать. Герцог дал соответствующее слово, и дело было прекращено.

Прискорбная дуэль между герцогом Гамильтоном и лордом Моуном произошла в ноябре 1712 года и была вызвана следующими обстоятельствами. Между этими двумя дворянами уже одиннадцать лет тянулась тяжба, и в результате они относились друг к другу с некоторой холодностью. Они встретились вместе 13 ноября в покоях мистера Орлебара, магистра канцелярии, и в ходе беседы герцог Гамильтон высказался о поведении одного из свидетелей по делу, заявив, что это человек, в котором нет ни правды, ни справедливости. Лорд Мохун, несколько ошеломленный таким замечанием в адрес свидетеля, выступавшего на его стороне, поспешно ответил, что в мистере Уайтворте, о котором шла речь, столько же правды и справедливости, сколько и в герцоге Гамильтоне. Герцог ничего не ответил, и никто из присутствующих не подумал, что он обиделся на сказанное; выходя из комнаты, он низко и учтиво приветствовал лорда Мохуна. Вечером генерал Макартни дважды вызывал герцога с вызовом от лорда Мохуна и, не увидев его, в третий раз отправился за ним в таверну, где нашел его и передал свое послание. Герцог принял вызов, и на следующий день после полудня, а это было воскресенье, 15 ноября, в семь утра была назначена встреча.

В этот час они собрались в Гайд-парке, причем герцога сопровождал его родственник полковник Гамильтон, а лорда Мохуна - генерал Макартни. Они перепрыгнули через канаву в место, называемое Питомником, и приготовились к бою. Герцог Гамильтон, обращаясь к генералу Макартни, сказал: *"Сэр, вы - причина этого, пусть будет так, как будет"*. Лорд Мохун не хотел, чтобы секунданты вступали в бой, но герцог настоял на том, чтобы *"Макартни принял участие в танце"*. Все было готово, два главных героя заняли свои позиции и так отчаянно сражались на шпагах, что через некоторое время оба упали, смертельно раненные. Лорд Мохун скончался на месте, а герцог Гамильтон - на руках своих слуг, когда они несли его к карете.

Эта несчастливая развязка вызвала сильнейшее волнение не только в метрополии, но и по всей стране. Тори, опечаленные потерей герцога Гамильтона, возложили ответственность за смертельный бой на партию вигов, чей лидер, герцог Мальборо, так недавно подал пример политических дуэлей. Они называли лорда Мохуна забиякой из фракции вигов (он уже убил трех человек на дуэли и дважды был судим за убийство) и открыто утверждали, что ссора

была сфабрикована между ним и генералом Макартни, чтобы лишить страну услуг герцога Гамильтона, убив его. Также утверждалось, что рана, от которой умер герцог, была нанесена не лордом Моуном, а Макартни; и все средства использовались для распространения этого убеждения. Полковник Гамильтон, против которого и Макартни суд присяжных вынес вердикт об умышленном убийстве, сдался через несколько дней после этого и был допрошен перед тайным советом, заседавшим в доме лорда Дартмута. Он заявил, что, увидев, как лорд Мохун упал, а герцог на него, он бросился на помощь герцогу; и чтобы легче было ему помочь, он отбросил оба их меча, а когда поднимал герцога, *увидел, как Макартни толкнул его*. После этих показаний был немедленно издан королевский указ, предлагавший вознаграждение в 500 фунтов стерлингов за поимку Макартни, к которому герцогиня Гамильтон впоследствии добавила еще 300 фунтов.

При дальнейшем допросе полковника Гамильтона выяснилось, что нельзя полагаться на все его показания, и что он противоречит сам себе в нескольких важных моментах. Он был привлечен к суду в Олд-Бейли по обвинению в убийстве лорда Мохуна, и все политические круги Лондона были в лихорадочном ожидании результата. Вся партия тори молилась за его оправдание, а толпа тори за много часов до начала процесса окружила двери и все проспекты, ведущие к зданию суда. Допрос свидетелей продолжался семь часов. Преступник по-прежнему продолжал обвинять генерала Макартни в убийстве герцога Гамильтона, но в остальном, как писали тогдашние газеты, нечестно уклонялся. Его признали виновным в непредумышленном убийстве. Этот положительный вердикт был встречен всеобщими аплодисментами, "не только судом и всеми присутствующими джентльменами, но и простым народом, проявившим бурное удовлетворение, о чем они свидетельствовали громкими и многократными криками" ⁶⁷.

Когда народный восторг улегся и люди начали здраво рассуждать, они не поверили утверждениям полковника Гамильтона о том, что Макартни заколол герцога, хотя все признавали, что он был слишком занят и самонадеян. Гамильтона сторонились все его бывшие товарищи, а жизнь стала для него настолько невыносимой, что он продал гвардию и ушел в частную жизнь, в которой и умер с разбитым сердцем через четыре года после этого.

Генерал Макартни сдался примерно в то же время и был привлечен к суду Королевской скамьи за убийство. Однако его признали виновным только в непредумышленном убийстве.

На открытии сессии парламента в 1713 году королева в своей речи упомянула о частоте дуэлей и рекомендовала законодательному органу разработать какое-нибудь быстрое и эффективное средство против них. Соответствующий законопроект был выдвинут, но отменен во втором чтении, к большому сожалению всей здравомыслящей части общества.

В 1765 году состоялась знаменитая дуэль между лордом Байроном и мистером Чавортом. Спор возник на ужине в клубе и касался того, у кого из них больше дичи в поместьях. Разъяренные вином и страстью, они мгновенно удалились в соседнюю комнату и стали сражаться на шпагах через стол при слабом мерцании сальной свечи. Мистер Чаворт, который был более искусным фехтовальщиком из них двоих, получил смертельную рану и вскоре после этого скончался. Лорд Байрон предстал перед судом палаты лордов за это убийство; и поскольку выяснилось, что дуэль не была преднамеренной, а состоялась сразу и в пылу страсти, его признали виновным только в непредумышленном убийстве и приказали освободить от должности после уплаты гонорара. Это был очень плохой пример для страны, и дуэли, конечно же, не стали позорными после такого приговора.

Во Франции к этому относились более строго. В 1769 году парламент Гренобля рассмотрел дело о проступке сьера Дюшеля, одного из своих членов, который вызвал на дуэль капитана

фламандского легиона и убил его. Слуга Дюшеля выступал в качестве секунданта и был привлечен к суду вместе со своим хозяином за убийство капитана. Они оба были признаны виновными. Дюшелас был заживо сломан на колесе, а слуга осужден на пожизненное заключение на галеры.

В ноябре 1778 года в Бате состоялась варварская и ожесточенная дуэль между двумя иностранными авантюристами - графом Райсом и виконтом дю Барри. Возник спор по поводу азартной игры, в ходе которого дю Барри опроверг утверждение другого, сказав: "Это неправда!". Граф Райс немедленно спросил его, знает ли он весьма неприятное значение употребленных им слов. Дю Барри ответил, что прекрасно понимает их смысл и что Райс может трактовать их так, как ему заблагорассудится. Вызов был немедленно брошен и принят. За ним послали секундантов, которые, прибыв с небольшим опозданием, всей компанией, хотя было уже далеко за полночь, отправились в местечко под названием Клавертон-Даун, где оставались с хирургом до рассвета. Затем они приготовились к схватке, каждый из них был вооружен двумя пистолетами и шпагой. Секунданты наметили место, и Дю Барри выстрелил первым, ранив своего противника в бедро. Затем граф Райс поднял свой пистолет и смертельно ранил Дю Барри в грудь. Бойцы были настолько разъярены, что не желали останавливаться; оба отошли на несколько шагов, а затем, бросившись вперед, разрядили друг в друга свои вторые пистолеты. Ни один из выстрелов не возымел действия, и оба, отбросив пистолеты, приготовились закончить кровопролитную схватку на шпагах. Они заняли свои места и уже надвигались друг на друга, как вдруг виконт дю Барри зашатался, побледнел и, упав на землю, воскликнул: "*Я требую вашей смерти!*". Его противник только и успел ответить, что дарует ее, как несчастный дю Барри перевернулся на траву и с тяжелым стоном скончался. Оставшийся в живых участник этого жестокого поединка был перенесен в свой дом, где пролежал несколько недель в опасном состоянии. Тем временем присяжные заседали над телом Дю Барри и с позором вынесли вердикт о непредумышленном убийстве. Граф Райс, придя в себя, был обвинен в убийстве, несмотря на этот вердикт. На суде он долго защищал свое поведение, ссылаясь на справедливость дуэли и ее непредумышленный характер, и в то же время выражал глубокое сожаление по поводу несчастной смерти Дю Барри, с которым его на протяжении многих лет связывали узы самой крепкой дружбы. Эти соображения, по-видимому, оказали влияние на присяжных, и этот яростный дуэлянт был вновь признан виновным только в непредумышленном убийстве и избежал лишь номинального наказания.

Дуэль, менее примечательная по обстоятельствам, но более - по рангу сторон, состоялась в 1789 году. Участниками поединка стали герцог Йоркский и полковник Ленокс, племянник и наследник герцога Ричмонда. Поводом для обиды послужил герцог Йоркский, который в присутствии нескольких гвардейских офицеров заявил, что в ресторане Daubigny's в адрес полковника Ленокса были сказаны слова, которым не должен подчиняться ни один джентльмен. Полковник Ленокс подошел к герцогу на параде и публично спросил его, делал ли он подобное утверждение. Герцог Йоркский, не ответив на его вопрос, холодно приказал ему оставаться на своем посту. Когда парад закончился, он воспользовался случаем, чтобы публично заявить в ординарской комнате перед полковником Леноксом, что не желает никакой защиты от своего звания принца и должности командира; добавив, что, когда он не на службе, он носит простое коричневое пальто, как рядовой джентльмен, и готов, как таковой, дать удовлетворение. Полковник Ленокс не желал ничего лучшего, чем получить удовлетворение, то есть рискнуть прострелить герцогу тело или быть застреленным самому. Он бросил вызов его королевскому высочеству, и они встретились на Уимблдонском поле. Полковник Ленокс выстрелил первым, и мяч просвистел мимо головы его противника, так

близко к ней, что задел его выступающий локон. Герцог отказался стрелять в ответ, и секунданты вмешались, и дело закончилось.

Вскоре после этого полковник Ленокс был вовлечен в другую дуэль, возникшую на этой почве. Некий мистер Свифт написал памфлет, посвященный спору между ним и герцогом Йоркским, на некоторые выражения которого он так сильно обиделся, что решил, будто ничто, кроме выстрела в писателя, не сможет их искупить. Они встретились на Уксбриджской дороге, но ни одна из сторон не понесла ущерба.

Ирландцы издавна славились своей любовью к дуэлям. Малейшего оскорбления, которое только можно представить, что один человек может нанести другому, было достаточно, чтобы спровоцировать вызов. Сэр Джона Баррингтон в своих мемуарах рассказывает, что до Союза, во время спорных выборов в Дублине, не было ничего необычного в том, что за день происходило три-двадцать дуэлей. Даже во времена меньшего возбуждения они были настолько распространены, что обычные летописцы событий считали их недостойными упоминания, за исключением случаев, когда один или оба участника боя погибали.

В те дни в Ирландии не только военным, но и представителям всех профессий приходилось прокладывать себе путь к известности с помощью шпаги или пистолета. Каждая политическая партия имела свой штатный корпус хулиганов, или, как их называли, пожирателей огня, которые готовились стать вредителями общества, проводя все свое свободное время за стрельбой по мишеням. Они хвастались тем, что могут поразить противника в любую часть тела, и еще до начала встречи решали, убьют ли они его, искалечат или изуродуют на всю жизнь - уложат на двенадцать месяцев на койку страданий или просто поцарапают конечность.

Зло достигло угрожающей высоты, когда в 1808 году королю Георгу III представилась возможность продемонстрировать в яркой форме свое неприятие этой практики и показать пример ирландцам, что такие убийства не должны совершаться безнаказанно. В июне 1807 года между майором Кэмпбеллом и капитаном Бойдом, офицерами 21-го полка, расквартированного в Ирландии, возник спор о том, как правильно подавать команду на параде. По этому незначительному поводу завязалась жаркая перепалка, в результате которой Кэмпбелл бросил Бойду вызов. Вскоре после этого они удалились в столовую, и каждый расположился в углу, расстояние до которого по косой составляло всего семь шагов. Здесь, без присутствия друзей или секундантов, они выстрелили друг в друга, и капитан Бойд упал, смертельно раненный между четвертым и пятым ребром. Вошедший вскоре хирург обнаружил его сидящим на стуле, рвотным и испытывающим сильную агонию. Его отвели в другую комнату, майор Кэмпбелл последовал за ним, испытывая сильное душевное потрясение. Бойд прожил всего восемнадцать часов и незадолго до смерти, отвечая на вопрос своего противника, сказал, что дуэль была нечестной, и добавил: "Вы поторопили меня, Кэмпбелл, вы плохой человек". "Боже правый!" - ответил Кэмпбелл, - "не скажете ли вы перед этими джентльменами, что все было нечестно? Разве вы не сказали, что готовы?" Бойд слабо ответил: "О, нет! Вы же знаете, я хотел, чтобы вы подождали и пригласили друзей". Когда его снова спросили, все ли было честно, умирающий слабо пробормотал: "Да", но через минуту сказал: "Вы плохой человек!" Кэмпбелл был в сильном волнении и, судорожно сжав руки, воскликнул: "О, Бойд! Ты самый счастливый человек из них двоих! Вы прощаете меня?" Бойд ответил: "Я прощаю вас - я сочувствую вам, как, я знаю, и вы мне". Вскоре после этого он скончался, а майор Кэмпбелл бежал из Ирландии и несколько месяцев жил с семьей под чужим именем в окрестностях Челси. Однако в августе 1808 года он был задержан и предстал перед судом в Армаге. Находясь в тюрьме, он заявил, что если его признают виновным в убийстве, то он должен пострадать в качестве примера для дуэлянтов

в Ирландии; однако он старался подбодрить себя надеждой, что присяжные осудят его только за непредумышленное убийство. На суде было доказано, что дуэль состоялась не сразу после нанесения оскорбления, а что майор Кэмпбелл отправился домой и пил чай со своей семьей, прежде чем искать Бойда для смертельной схватки. Присяжные вынесли ему вердикт об умышленном убийстве, но рекомендовали помиловать его, сославшись на то, что дуэль была честной. Его приговорили к смерти в следующий понедельник, но затем дали отсрочку на несколько дней. Тем временем в его пользу были предприняты самые активные усилия. Его несчастная жена встала на колени перед принцем Уэльским, чтобы убедить его использовать свое влияние на короля в пользу ее несчастного мужа. Все, что могла сделать любящая жена и мужественная женщина, она испробовала, чтобы добиться королевского милосердия; но Георг III был непреклонен, поскольку ирландский вице-король уверял, что необходим пример. Поэтому закону было позволено идти своим чередом, и жертва ложного духа чести умерла смертью преступника.

Самые заядлые дуэлянты современности - студенты университетов Германии. Они дерутся под самыми легкомысленными предложениями и решают на шпагах и пистолетах школьные споры, которые в других странах решаются более безобидным способом - кулаками. Одно время среди этих дикарей было принято отдавать предпочтение бою на мечах, так как с их помощью можно было отрезать носы своим противникам. Изуродовать их таким образом было предметом честолюбия, и немецкие дуэлянты подсчитывали количество этих отвратительных трофеев, которые они уносили с собой, с таким же удовлетворением, как успешный полководец - провинции, которые он уменьшил, или города, которые он взял.

Но было бы утомительно вдаваться в мельчайшие подробности всех дуэлей современности. Если рассмотреть общие причины, которые их вызывали, то окажется, что в каждом случае они носили либо самый банальный, либо самый недостойный характер. Парламентские дуэли в свое время были очень распространены, и среди имен тех, кто запятнал свою репутацию подобной практикой, можно назвать Уоррена Гастингса, сэра Филипа Фрэнсиса, Уилкса, Питта, Фокса, Граттана, Куррана, Тирни и Каннинга. Как трудно даже высокому уму освободиться от пут, которыми его опутало глупое мнение, - нет ни одного из этих знаменитых людей, который в тайне души не осуждал бы глупость, которой он поддался. Узы разума, хотя и прочные как железо, легко разорвать; но узы глупости, хотя и легкие и хрупкие, как камыши у ручья, не позволяют самому твердому сердцу разорвать их. Полковник Томас, офицер гвардии, убитый на дуэли, в ночь перед смертью добавил к своему завещанию следующий пункт: "Прежде всего, я отдаю свою душу Всемогущему Богу в надежде на его милость и прощение за тот нерелигиозный шаг, который я теперь (в соответствии с неоправданными обычаями этого злого мира) вынужден совершить". Сколько людей находилось в таком же состоянии духа, как этот мудрый и неразумный человек! Он знал свою ошибку и ненавидел ее, но не мог противостоять ей, опасаясь мнения предвзятых и несмышленных людей. Никто другой не смог бы упрекнуть его за отказ от дуэли.

Список дуэлей, возникших по самым унижительным причинам, можно было бы растянуть почти до бесконечности. Отец Стерна дрался на дуэли из-за гуся, а великий Роли - из-за трактирного счета.⁶⁸ Десятки дуэлей (многие из которых были смертельными) происходили из-за споров в карты или за место в театре; сотни вызовов, сделанных и принятых ночью, в приступе пьянства, закончились на следующее утро смертью одного или обоих антагонистов.

Две самые известные дуэли современности возникли по причинам не более достойным, чем ссора собаки и благосклонность проститутки: дуэль между Макнамарой и Монтгомери - из первой, а дуэль между Бестом и лордом Камелфордом - из второй. Собака Монтгомери

напала на собаку, принадлежащую Макнамаре, и каждый хозяин вмешался в защиту своего животного, после чего начались громкие слова. В результате был брошен и принят вызов на смертный бой. Стороны встретились на следующий день, и Монтгомери был застрелен, а его противник тяжело ранен. Это дело произвело большую сенсацию, а Хивисайд, хирург, который присутствовал на роковом поле, чтобы оказать помощь в случае необходимости, был арестован как соучастник убийства и помещен в Ньюгейт.

В дуэли между Бестом и лордом Камелфордом использовались два пистолета, которые считались лучшими в Англии. Один из них считался немного лучше другого, и было решено, что воюющие стороны должны бросить по куску денег, чтобы решить вопрос о выборе оружия. Выиграл лучший, и при первом же выстреле лорд Камелфорд был смертельно ранен. Но его судьбе мало кто сочувствовал: он был закоренелым дуэлянтом, участвовал во многих подобных встречах, и кровь не одного его товарища лежала на его двери. Что посеял, то и пожнет, и жестокий человек встретил достойную смерть.

Теперь остается только отметить средства, которые были предприняты, чтобы остановить распространение этого безумия ложной чести в различных странах цивилизованного мира. Усилия правительств Франции и Англии уже упоминались, и их безуспешность слишком хорошо известна. Те же усилия привели к тем же результатам и в других странах. В деспотических странах, где воля монарха была сильно выражена и энергично поддержана, зло на некоторое время уменьшалось, но только для того, чтобы снова увеличиться, когда смерть ослабляла железную хватку, и появлялся преемник с менее решительными взглядами на предмет. Так было в Пруссии при великом Фридрихе, о неприятии дуэлей которого рассказывает популярный анекдот. О нем рассказывают, что он разрешил дуэли в своей армии, но только при условии, что бойцы будут сражаться в присутствии целого батальона пехоты, специально набранного для наблюдения за честной игрой. Последние получили строгий приказ, когда один из поединщиков падает, немедленно стрелять в другого. Добавим, что известная решимость короля фактически положила конец этой практике.

Император Австрии Иосиф II был столь же тверд, как и Фридрих, хотя принятые им меры были не столь необычны. Следующее письмо объясняет его взгляды на этот вопрос:

"Генералу * * * * *

"Мой генерал,

"Вы немедленно арестуете графа К. и капитана В. Граф молод, вспыльчив, находится под влиянием ошибочных представлений о рождении и ложного духа чести. Капитан В. - старый солдат, решающий все споры с помощью шпаги и пистолета, и он принял вызов молодого графа с неподобающей теплотой.

"Я не потерплю дуэлей в своей армии. Я презираю принципы тех, кто пытается оправдать эту практику и хладнокровно пробивает друг другу тело.

"Когда у меня есть офицеры, которые храбро подвергают себя всем опасностям, встречаясь с врагом, которые в любое время проявляют мужество, доблесть и решимость в атаке и обороне, я высоко их ценю. Хладнокровие, с которым они встречают смерть в таких случаях, полезно для их страны и в то же время повышает их собственную честь; но если среди них есть люди, готовые пожертвовать всем ради своей мести и ненависти, я их презираю. Я считаю такого человека не лучше римского гладиатора".

"Прикажите провести военный суд над этими двумя офицерами. Расследуйте предмет их спора с той беспристрастностью, которой я требую от каждого судьи; а тот, кто виновен, пусть будет принесен в жертву своей судьбе и законам.

"Такой варварский обычай, соответствующий эпохе тамерланов и баязетов и часто имевший столь печальные последствия для отдельных семей, я подавлю и накажу, даже если он лишит меня половины моих офицеров. Есть еще люди, которые умеют сочетать в себе характер героя с характером хорошего подданного; и таким может быть только тот, кто уважает законы".

"Август, 1771. Джозеф "69.

В Соединенных Штатах Америки кодекс значительно отличается. В одном или двух диких и простых штатах далекого Запада, где еще не было ни одной дуэли, нет никакого специального закона по этому вопросу, кроме того, который содержится в Декалоге, где говорится: "Не убий"; но дуэли везде следуют шагам современной цивилизации; и к тому времени, когда житель глубинки превращается в гражданина, он впитывает ложные понятия о чести, распространенные в Европе и вокруг него, и готов, как и его предки, улаживать свои разногласия с помощью пистолета. В большинстве штатов наказанием за вызов, драку или выступление в роли второго является одиночное тюремное заключение и каторжные работы на срок менее года, а также лишение права занимать любые государственные должности в течение двадцати лет. В Вермонте наказанием является полное лишение права занимать должности, лишение прав гражданства и штраф; в смертельных случаях - такое же наказание, как и для убийц. В Род-Айленде участник драки, если смерть не наступила, должен быть доставлен на виселицу с веревкой на шее и сидеть в таком положении в течение часа, подвергаясь ударам толпы. По решению магистрата он может быть заключен в тюрьму на год. В Коннектикуте наказанием является полное лишение права занимать должность или работать, а также штраф в размере от ста до тысячи долларов. Законы Иллинойса требуют, чтобы некоторые должностные лица штата перед получением зарплаты давали клятву, что они никогда не участвовали и не будут участвовать в [дуэли](#)70.

Среди эдиктов против дуэлей, изданных в разное время в Европе, можно упомянуть эдикт Августа, короля Польши, в 1712 году, который предусматривал смертную казнь для принципалов и секундантов и незначительные наказания для тех, кто бросил вызов. В 1773 году в Мюнхене был также опубликован указ, согласно которому и главных, и секундантов, даже если на дуэли никто не был ни убит, ни ранен, вешали, а их тела хоронили у подножия виселицы.

В 1838 году король Неаполя издал указ против дуэлей, в котором смертная казнь назначалась всем, кто был причастен к смертельной дуэли. Тела убитых и тех, кто может быть казнен в результате дуэли, должны быть похоронены в неосвященной земле без каких-либо религиозных церемоний; на месте дуэли не должно быть воздвигнуто никакого памятника. Наказание за дуэли, в которых ранен один из участников или оба, а также за те, в которых не было нанесено никакого ущерба, варьируется в зависимости от случая и состоит из штрафа, тюремного заключения, лишения звания и почестей, а также неспособности занимать какую-либо государственную должность. Носители вызовов также могут быть наказаны штрафом и тюремным заключением.

Можно было бы предположить, что столь суровые законы, принятые во всем цивилизованном мире, окончательно искоренят обычай, распространенность которого должен осуждать каждый мудрый и добрый человек. Но хмурые взгляды закона никогда не учили и не научат людей отказаться от этой практики, пока в их сердце живет чувство, что законодатель ей сочувствует. Суровый судья на скамье подсудимых может сказать несчастному, которого какой-то нечестный противник назвал лжецом: "Если ты бросаешь ему вызов, ты замышляешь убийство и виновен в нем!" Но тот же самый судья, лишенный государственных одежд и живущий в мире с другими людьми, скажет: "Если вы не бросите ему вызов, если вы не рискнете выставить себя убийцей, на вас будут смотреть как на подлого негодяя, непригодного для общения с вашими товарищами и не заслуживающего ничего, кроме их презрения и насмешек!" Виновато общество, а не дуэлянт. Женское влияние, которое так мощно направляет мужчин либо к добру, либо к злу, в данном случае играет злую роль. Простая животная храбрость, к сожалению, так очаровывает женский глаз, что успешный дуэлянт слишком часто рассматривается как своего рода герой; а мужчина, который отказывается драться, хотя и обладает большей храбростью, считается полтрупом, которого можно растоптать. Мистер Грейвс, член американского законодательного собрания, который в начале 1838 года убил на дуэли мистера Силли, искренне и красноречиво сказал на заседании Палаты представителей, сокрушаясь о неудачном исходе этой встречи, что общество виновато в этом больше, чем он сам. "Общественное мнение, - сказал раскаявшийся оратор, - практически является главным законом страны. Все остальные законы, как человеческие, так и божественные, перестают соблюдаться; да, они увядают и гибнут в соприкосновении с ним. Именно этот первостепенный закон этой нации и этой палаты заставил меня под страхом бесчестия подчиниться кодексу, который невольно втянул меня в это трагическое дело. На головах этой нации и у дверей этого Дома покоится кровь, которой были запятнаны мои несчастные руки!"

До тех пор, пока общество находится в таком настроении; пока оно считает, что человек, отказывающийся ответить на оскорбление, заслужил это оскорбление и должен быть подвергнут соответствующему наказанию; до тех пор, надо полагать, дуэли будут существовать, какими бы суровыми ни были законы. Люди должны получать возмещение за нанесенные обиды; и когда эти обиды такого рода, что ни один трибунал не примет их к рассмотрению, обиженные возьмут закон в свои руки и исправят себя в мнении своих товарищей, рискуя своей жизнью. Как бы мудрец ни презирал мнение мира, мало найдется таких, кто не предпочел бы сто раз подвергнуть свою жизнь опасности, чем быть осужденным жить в обществе, но не в нем - порицаемым словом для всех, кто знает их историю, и клеймом для презрения, на которое можно указать пальцем.

Единственным действенным средством для уменьшения силы обычая, который является позором цивилизации, кажется учреждение суда чести, который должен рассматривать все эти деликатные и почти неосязаемые проступки, которые, тем не менее, ранят так глубоко. За образец можно взять суд, учрежденный Людовиком XIV. Сейчас ни один человек не сражается на дуэли, если ему принесено достойное извинение; и обязанностью этого суда должно стать беспристрастное рассмотрение жалобы каждого человека, оскорбленного в его чести, словом или делом, и принуждение обидчика к публичному извинению. Если он отказывался от извинений, он становился нарушителем второго закона; преступником против высшего суда, а также против человека, которого он обидел, и мог быть наказан штрафом и тюремным заключением, причем последнее должно было длиться до тех пор, пока он не поймет ошибочность своего поведения и не сделает уступку, которую требовал суд.

Если после учреждения этого трибунала найдутся люди столь кровожадные, что их не удовлетворяют мирные решения, и они прибегнут к старому и варварскому способу обращения к пистолету, можно будет найти способ справиться с ними. Повесить их как убийц было бы бесполезно, ведь таких людей смерть мало чем пугала. Только стыд мог бы образумить их. Транспортировка, колесование или публичная порка, возможно, были бы достаточны.

РЕЛИГИЯ.

Содержание

Старая старая фуфайка,

Ржавые фуражки и куртки,

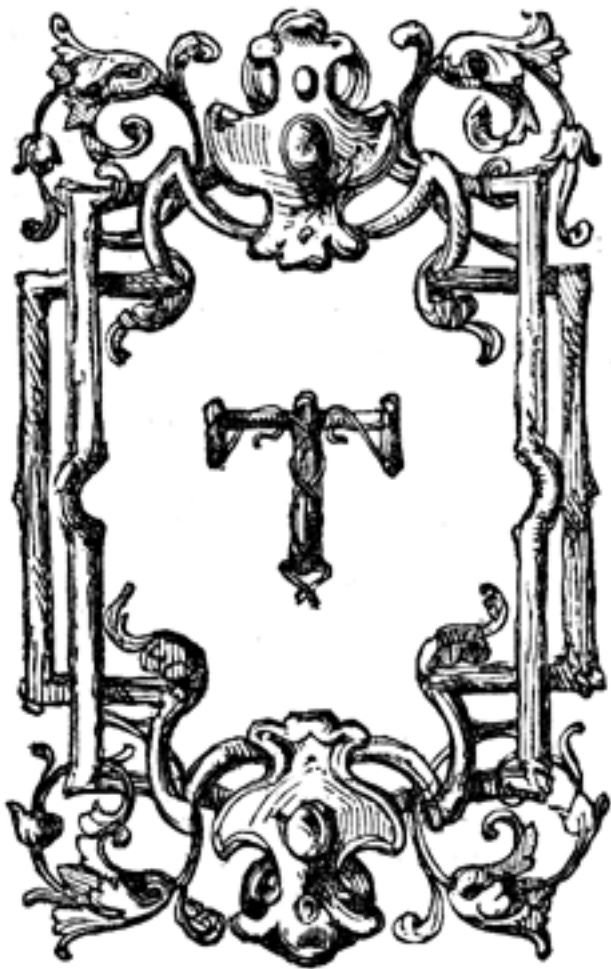
Вручил бы Лотианцам три, в куртках,

И гильдию из буксира;

А также парритч-патч и старые соленые спинки,

До наводнения.

Бернс.

Любовь к реликвиям никогда не будет

искоренена, пока чувства и привязанности будут обитать в сердце. Эту любовь легче всего возбудить в самых лучших и добрых натурах, и мало кто из них достаточно черств, чтобы насмехаться над ней. Кто не дорожил бы прядью волос, украшавшей когда-то лоб верной жены, ныне остывшей от смерти, или свисавшей с шеи любимого младенца, спящего сейчас под сеном? Ни один! Это домашние реликвии, чья священная ценность понятна всем: трофеи, спасенные из пожирающей могилы, которые для любящего человека не имеют цены. Как дорога для оставшегося в живых человека книга, над страницами которой он корпел вместе с ушедшим! Насколько выше ее ценность, если та рука, теперь уже холодная, написала на листке мысль, мнение или имя! Кроме этих милых домашних реликвий, есть и другие, которые никто не может осудить: реликвии, освященные тем восхищением величием и добром, которое сродни любви; например, экземпляр "Флорио" Монтеня с именем Шекспира на листе, написанный самим поэтом всех времен; кресло, хранящееся в Антверпене, в котором сидел Рубенс, когда писал бессмертное "Сошествие с креста"; или телескоп, хранящийся во Флорентийском музее, который помогал Галилею в его возвышенных открытиях. Кто бы не смотрел с почтением на несомненную стрелу Вильгельма Телля, мечи Уоллеса или Хэмпдена или Библию, чьи листы были перевернуты каким-нибудь суровым старым отцом веры?

Так принцип реликвизма освящается и закрепляется любовью. Но от этого зародыша чистоты как многочисленно потомство заблуждений и суеверий! Люди, преклоняясь перед великими и всем, что к ним относится, забыли, что доброта - составная часть истинного величия, и выставили себя дураками ради челюстной кости святого, ногтя апостола, носового платка, которым сморкался король, или веревки, на которой повесили преступника. Желая спасти хоть какую-то малость из могил своих предшественников, они

смешали знаменитое и позорное, известное и не известное. Великие святые, великие грешники; великие философы, великие шарлатаны; великие завоеватели, великие убийцы; великие министры, великие воры; у всех и каждого были свои поклонники, готовые перерыть всю землю от экватора до любого полюса, чтобы найти хоть одну их реликвию.

Современный реликвизм берет свое начало в веках, непосредственно предшествовавших крестовым походам. Первые паломники в Святую землю привезли в Европу тысячи апокрифических реликвий, на приобретение которых они потратили все свои запасы. Самым любимым было дерево истинного креста, которое, как и масло вдовы, никогда не убывало. В традициях Римской церкви принято утверждать, что императрица Елена, мать Константина Великого, впервые обнаружила подлинный "*истинный крест*" во время своего паломничества в Иерусалим. Император Феодосий подарил большую часть креста святому Амвросию, епископу Милана, который усыпал его драгоценными камнями и поместил в главной церкви города. Его унесли гунны, которые сожгли его, после того как извлекли содержащиеся в нем драгоценные камни. Фрагменты, якобы вырезанные из него, в XI и XII веках можно было найти почти в каждой церкви Европы, и, если бы они были собраны в одном месте, их хватило бы на строительство собора. Счастлив был тот грешник, который мог увидеть одну из них; еще счастливее тот, кто обладал ею! Чтобы заполучить их, с радостью преодолевали величайшие опасности. Считалось, что они оберегают от всех бед и исцеляют от самых неизлечимых болезней. К святыням, где они хранились, ежегодно совершались паломничества, а с почитателей собирались немалые доходы.

Следующими по известности были драгоценные реликвии - слезы Спасителя. Кем и каким образом они были сохранены, паломники не спрашивали. За их подлинность ручались христиане Святой земли, и этого было достаточно. Слезы Девы Марии и слезы Святого Петра также можно было приобрести, бережно упакованные в маленькие шкатулки, которые благочестивые люди могли носить в своей груди. После слез следующими по ценности реликвиями были капли крови Иисуса и мучеников, а также молоко Девы Марии. Волосы и ногти на ногах также были в большом почете и продавались по завышенным ценам. Тысячи паломников ежегодно посещали Палестину в XI и XII веках, чтобы приобрести мнимые реликвии для внутреннего рынка. У большинства из них не было других средств к существованию, кроме полученной таким образом прибыли. Многие ногти, отрезанные от грязной ноги какого-нибудь недобросовестного церковника, продавались по цене бриллианта в течение шести месяцев после отделения от родительского пальца под предлогом, что они когда-то принадлежали святому или апостолу. Пальцы Петра были необычайно плодовиты, ведь во время Клермонского собора в Европе было столько гвоздей, что хватило бы на целый мешок, и все они, как благочестиво считалось, выросли на святых ногах этого великого апостола. Некоторые из них до сих пор хранятся в соборе Экс-ла-Шапель. Благочестивые люди приезжают за сотню немецких миль, чтобы полюбоваться на них.

В Порт-Рояле, в Париже, с большой осторожностью хранится шип, который, как утверждают священники этой семинарии, является одним из тех самых шипов, которые опоясывали святую голову Сына Божьего. Как он попал туда и кем был сохранен, так и не было выяснено. Это тот самый знаменитый шип, который прославился во время долгих разногласий янсенистов и моленистов и который произвел чудесное исцеление мадемуазель Перье: просто поцеловав его, она излечилась от давней болезни глаз.⁷¹

Какой путешественник не знаком с Санта Скала, или Святой лестницей, в Риме? Они были привезены из Иерусалима вместе с настоящим крестом императрицей Еленой и взяты из дома, в котором, согласно народной традиции, жил Понтий Пилат. Считается, что это

ступени, по которым поднимался и спускался Иисус, когда его привели в присутствие римского правителя. В Риме они пользуются величайшим почитанием: ступать по ним - кощунство. Только колени верующих должны касаться их при подъеме или спуске, и то лишь после того, как паломники благоговейно поцелуют их.

Европа до сих пор кишит этими религиозными реликвиями. Вряд ли в Испании, Португалии, Италии, Франции или Бельгии найдется римско-католическая церковь без одной или нескольких из них. Даже небогатые деревенские церкви могут похвастаться наличием чудотворных бедренных костей бесчисленных святых римского календаря. Экс-ла-Шапель гордится настоящей *шасской*, или бедренной костью Карла Великого, которая лечит хромоту. В Галле хранится бедренная кость Девы Марии; в Испании - семь или восемь, и все они, как говорят, являются несомненными реликвиями. В Брюсселе в свое время хранились, а возможно, и сейчас хранятся, зубы святого Гудула. Верующим, страдающим от зубной боли, достаточно было помолиться, посмотреть на них и получить исцеление. Некоторые из этих святых костей были захоронены в разных частях континента. Считается, что через некоторое время из них начинает сочиться вода, которая вскоре образует источник и исцеляет все болезни верующих.

Любопытно отметить, с какой жадностью во все века и во всех странах стремятся завладеть какой-нибудь реликвией тех, о ком много говорят, даже за их преступления. Когда Уильяма Длиннобородого, вождя лондонского населения в царствование Ричарда I, повесили в Смитфилде, было проявлено величайшее желание заполучить хоть волос с его головы или лоскуток с его одежды. Женщины приезжали из Эссекса, Кента, Саффолка, Сассекса и всех окрестных графств, чтобы собрать плесень у подножия его виселицы. Считалось, что волосок из его бороды оберегает от злых духов, а часть одежды - от болей.

В более современные времена с такой же жадностью добывали реликвию незадачливого Масаньелло, рыбака из Неаполя. После того как он благодаря благосклонности толпы вознесся на вершину власти, более деспотичной, чем та, которую когда-либо имел монарх, он был застрелен той же толпой на улице, словно бешеная собака. Его безголовое туловище несколько часов тащили по трясине, а ночью бросили в городской ров. На следующий день народные чувства вновь обратились в его пользу. Его труп разыскали, облачили в королевские одежды и пышно похоронили при свете факелов в соборе, при этом на церемонии присутствовало десять тысяч вооруженных людей и столько же скорбящих. Рыбацкое платье, в которое он был одет, толпа разорвала в клочья, чтобы сохранить как реликвию; дверь его хижины толпа женщин сорвала с петель и с жадностью разрезала на мелкие кусочки, чтобы сделать из них образки, шкатулки и другие памятные вещи. Скучная мебель его бедного жилища стала цениться больше, чем украшения дворца; земля, по которой он ходил, считалась священной и, собранная в маленькие флакончики, продавалась на вес золота и носилась в груди как амулет.

Почти столь же необычным было неистовство, проявленное населением Парижа при казни зверской маркизы де Бринвилье. В случае с Масаньелло, не запятнавшим себя личными преступлениями, для народного удивления были основания. Но карьера мадам де Бринвилье была такого рода, что не вызывала иных чувств, кроме отвращения и омерзения. Ее признали виновной в отравлении нескольких человек и приговорили к сожжению на площади Грев, а ее прах развеяли по ветру. В день казни жители города, пораженные ее изяществом и красотой, выступили против суровости приговора. Их жалость вскоре переросла в восхищение, и к вечеру она была причислена к лику святых. Ее прах усердно собирали; даже обугленные дрова, которые помогли ее сжечь, охотно покупались населением. Считалось, что ее пепел предохраняет от колдовства.

В Англии многие люди питают необычайную любовь к мощам воров и убийц, а также других крупных преступников. Вербки, на которых они были повешены, очень часто покупаются коллекционерами по гинее за фут. Большие суммы были заплачены за веревку, на которой повесили доктора Додда, и за те, что совсем недавно вершили правосудие над мистером Фаунтлероем за подлог и над Тертеллом за убийство мистера Уира. Убийство Марии Мартен, совершенное Кордером в 1828 году, вызвало огромный интерес по всей стране. Люди приезжали из Уэльса и Шотландии, и даже из Ирландии, чтобы посетить сарай, где было похоронено тело убитой женщины. Каждый из них стремился увезти с собой какой-нибудь памятник о своем визите. Куски двери сарая, черепица с крыши и, прежде всего, одежда бедной жертвы, были предметом жадного интереса. Локон ее волос продавался за две гиней, и покупатель считал себя счастливым, получив его так дешево.

К дому на Кэмбервелл-лейн, где в 1837 году Гринакр убил Ханну Браун, стекалось столько народу, что было сочтено необходимым разместить на месте сильный отряд полиции. Толпа так стремилась заполучить реликвию дома этого жестокого преступника, что полиции пришлось применить силу, чтобы предотвратить унос столов и стульев, и даже дверей.

В прежние времена с рукой преступника, подвергнувшегося казни, было связано необычное суеверие. Считалось, что если просто потереть мертвую руку о тело, то больной, страдающий от королевского зла, мгновенно исцелится. Палач в Ньюгейте в прошлом получал немалый доход от этой глупой практики. Считалось, что обладание рукой имеет еще большую эффективность в лечении болезней и предотвращении несчастий. Во времена Карла II до десяти гиней считалось небольшой ценой за одну из этих отвратительных реликвий.

Когда весной 1838 года был застрелен маньяк Том, или Куртений, охотники за реликвиями сразу же бросились на поиски памятника столь необычной личности. Его длинная черная борода и волосы, отрезанные хирургами, попали в руки его учеников, которые хранили их с величайшим благоговением. Локон его волос стоил очень дорого, причем не только среди его последователей, но и среди более состоятельных жителей Кентербери и его окрестностей. С дерева, на которое он упал, когда в него стреляли, любопытные сдирали всю кору; за письмо с его подписью платили золотыми монетами; а его любимая лошадь стала такой же знаменитой, как и ее хозяин. Леди и джентльмены съезжались в Боутон с расстояния в сто пятьдесят миль, чтобы побывать на месте той роковой стычки и погладить по спине коня "безумного мальтийского рыцаря". Если бы за его могилой не следили в течение нескольких месяцев, тело было бы выкопано, а кости увезены в качестве памятника.

Среди китайцев нет более ценной реликвии, чем *сапоги*, которые носил праведный судья. В интересном описании Китайской империи, приведенном Дэвисом, нам сообщается, что всякий раз, когда судья необычайной честности покидает свой пост, весь народ собирается, чтобы оказать ему честь. Если он покидает город, где председательствовал, толпа сопровождает его от резиденции до ворот, где его сапоги снимают с большой церемонией, чтобы сохранить в зале правосудия. На их место тут же ставят новую пару, которую, в свою очередь, снимают, чтобы освободить место для других, прежде чем он успеет поносить их пять минут; считается, что для их освящения достаточно, чтобы он их просто надел.

Среди самых любимых реликвий современности в Европе - тутовое дерево Шекспира, ива Наполеона и стол при Ватерлоо, на котором император писал свои депеши. Табакерки из тутового дерева Шекспира - сравнительно редкое явление, хотя на рынке их, несомненно, больше, чем когда-либо было сделано из дерева, посаженного великим бардом. Под этим именем проходит множество чужеземных деревьев. То же самое можно сказать и о столе

Наполеона при Ватерлоо. Оригинал давно уничтожен, а вместе с ним и круглый десяток подделок. Многие сохраняют простую деревянную палочку, другие делают из нее броши и всевозможные украшения, но гораздо большее число предпочитает использовать их в качестве табакерок. Во Франции из них делают *бонбоньерки*, и они пользуются большим уважением у многих тысяч людей, чьи щеки все еще пылают, а глаза все еще сверкают при имени Наполеона.

Пули с поля Ватерлоо и пуговицы с мундиров солдат, павших в бою, до сих пор являются любимыми реликвиями в Европе. Но та же изобретательность, которая нашла новые столы после того, как старые были разрушены, отлила новые пули для любопытных. Многие, кто считает себя обладателем пули, которая помогла установить мир на земле в тот памятный день, на самом деле являются владельцами отвала, впервые извлеченного из руды спустя дюжину лет после этого. Пусть все любители подлинных реликвий хорошо посмотрят на свои деньги, прежде чем расставаться с ними с цицеронами, которые кишат в деревне Ватерлоо!

Мало кто из путешественников останавливался на одиноком острове Святой Елены, чтобы не срезать веточку с ивы, склонившейся над могилой Наполеона до того, как тело было увезено правительством Луи Филиппа. Многие из них с тех пор были посажены в разных частях Европы и выросли в деревья, такие же большие, как их родитель. Охотники за реликвиями, которым не удается раздобыть веточку от оригинала, довольствуются одной из них. Несколько таких деревьев растут в окрестностях Лондона.

Но в реликвиях, как и во всех других вещах, есть польза и злоупотребление. Несомненные реликвии великих людей или великих событий всегда будут привлекательны для мыслящих и утонченных людей. Мало найдется тех, кто не присоединился бы к Коули в экстравагантном желании, представленном в его строках "написанных, сидя в кресле, сделанном из останков корабля, на котором сэр Фрэнсис Дрейк совершил кругосветное плавание:".

И я сам, который теперь тоже любит тишину,

Почти так же сильно, как и любое кресло,

И в путешествие отправился бы

На старое колесо той колесницы взглянуть,

Которое Фаэтон так опрометчиво затормозил.

Сноски

164. Гиберт де Ножан.

[Возвращение](#)

165. Гиберт де Ногент.

[Возвращение](#)

166. Гиберт де Ногент.

[Возвращение](#)

167. M. Wilken's Geschichte der Kreuzzüge.

[Возврат](#)

168. Вилькен.

Возврат

169. Фульхер Шартрский; Гиберт де Ножан; Виталь.

Возвращение

170. Вильгельм Тирский; Миллс; Вилькен и др.

Возвращение

171. Vide William of Tyre.

Возврат

172. Гиберт де Ногент приводит любопытный пример подражания этих малолетних крестоносцев. Он рассказывает, что во время осады Антиохии христианские и сарацинские мальчики каждый вечер выходили из города и лагеря в большом количестве под командованием капитанов, выбранных из своей среды. Вооруженные палками вместо мечей и камнями вместо стрел, они выстраивались в боевой порядок и, выкрикивая каждый боевой клич своей страны, сражались с величайшим отчаянием. Некоторые из них потеряли глаза, а многие стали калеками на всю жизнь от полученных в таких случаях ранений.

Возвращение

173. Разграбление Витри стало несмываемым позором для Людовика VII. Его предшественники долгое время оказывали сопротивление возмутительной власти пап, и Людовик продолжил ту же политику. Церковный капитул Буржа, избрав архиепископа без его согласия, объявил выборы недействительными и принял суровые и оперативные меры против несговорчивого духовенства. Тибо граф де Шампань взялся за оружие, защищая папскую власть, и закрепился в городе Витри. Людовик немедленно вышел на поле боя, чтобы покарать мятежника, и осадил город с такой силой, что граф был вынужден сдаться. Около тринадцати сотен жителей, половина из которых были женщины и дети, укрылись в церкви; когда ворота города были открыты и сопротивление прекратилось, Людовик бесчеловечно приказал поджечь святое здание, и тысяча человек погибла в пламени.

Возвращение

174. Филипп, архидиакон Льежского собора, написал подробный отчет обо всех чудесах, совершенных святым Бернардом за тридцать четыре дня его миссии. В среднем их было около десяти в день. Ученики святого Бернарда горько сетовали на то, что народ стекается вокруг их учителя в таком количестве, что они не могут увидеть и половины совершаемых им чудес. Но они охотно доверяли чужим глазам, насколько хватало веры в чудеса, и, казалось, соревновались друг с другом, чья доверчивость окажется больше.

Вернуться

175. Иаков из Витри; Уильям де Нангис.

Возврат

176. Желание сравнить двух великих людей искушало многих писателей утопить Фридриха в реке Циднус, в которой так неосмотрительно купался Александр (Q. Curt. lib. iii. c. 4, 5); но, судя по походу императора, я скорее полагаю, что его Салеф - это Каликаднус, поток менее известный, но с более длинным течением.

Возвращение

177. Стоу.

Вернуться

178. Elémens de l'Histoire de France

Возврат

179. Strutt's Sports and Pastimes.

Возврат

180. Ричард оставил после себя высокую репутацию в Палестине. Его имя наводило такой ужас, что женщины Сирии еще долго пугали им своих детей. Каждый непослушный ребенок замирал, когда ему говорили, что идет король Ричард. Даже мужчины разделяли панику, вызванную его именем; и сто лет спустя, когда лошадь шарахалась от любого предмета на пути, ее всадник восклицал: "Что! Ты думаешь, что король Ричард в кустах?"

Вернуться

181. Ниже приводится список некоторых из уничтоженных таким образом произведений искусства, составленный современным греческим автором Никетой: 1-е. Колоссальная Юнона с форума Константина, голова которой была так велика, что четыре лошади едва могли дотащить ее от места, где она стояла, до дворца. 2d. Статуя Париса, подносящего яблоко Венере. 3d. Огромная бронзовая пирамида, увенчанная женской фигурой, которая поворачивалась от ветра. 4-е. Колоссальная статуя Беллерофона из бронзы, которая была разбита и брошена в печь. Под внутренним ногтем задней ноги лошади с левой стороны была найдена печать, завернутая в шерстяную ткань. 5-е. Фигура Геракла работы Лисимаха таких огромных размеров, что большой палец равнялся в обхвате талии человека. 6-е. Осел и его погонщик, отлитый по приказу Августа после битвы при Актиуме в память о том, что он обнаружил положение Антония с помощью погонщика осла. 7-е. Волк, сосущий римских близнецов. 8-я. Гладиатор в схватке со львом. 9-е. Бегемот. 10-й. Сфинксы. 11-е. Орел, сражающийся со змеей. 12-й. Прекрасная статуя Елены. 13-е. Группа с чудовищем, несколько напоминающим быка, вступающим в смертельную схватку со змеей; и многие другие произведения искусства, слишком многочисленные, чтобы их упоминать.

Вернуться

182. См. Якоб де Ворагин и Альберик.

Возврат

183. Elémens de l'Histoire de France.

Возврат

184. Миллс в своей истории называет имя этого вождя "Аль-Малек аль-Дакер Рок неддин Абульфет Бибарс аль-Али аль-Бундокдари аль-Салехи".

Вернуться

185. Читатель узнает инцидент, который сэра Вальтер Скотт ввел в свой прекрасный роман "Талисман" и который, с правами, на которые претендуют поэты и романтики, он представляет как происшедший с королем Ричардом I.

[Вернуться](#)

186. См. статью "Демонология" в шестом томе Foreign Quarterly Review.

[Возврат](#)

187. Histoire de la Magie en France. Rois de la seconde race, p. 29.

[Возврат](#)

188. М. Мишо в своей "Истории крестовых походов", М. Гингенэ в "Литературной истории Италии" и некоторые другие критики возражают против поэмы Тассо, что он приписывает крестоносцам веру в магию, которой в то время не существовало. Если бы эти критики обратились к эдиктам Карла Великого, они бы увидели, что Тассо был прав, и что склонность выискивать недостатки в великом произведении ввела их в заблуждение.

[Вернуться](#)

189. Entstehungsgeschichte der freistädtlichen Bünde im Mittelalter, von Dr. F. Kortüm. 1827.

[Возврат](#)

190. Боден, с. 95; Гарине, с. 125; Антидемон де Серкье, с. 346.

[Возвращение](#)

191. Таблье. См. также Boguet, Discours sur les Sorciers; и М. Jules Garinet, Histoire de la Magie, p. 150.

[Возврат](#)

192. Foreign Quarterly Review, vol. vi. p. 41.

[Возврат](#)

193. Новости из Шотландии, сообщающие о проклятой жизни доктора Фиана.

[Возврат](#)

194. Невидимый мир сатаны раскрыт, преподобный Г. Синклер.

[Возврат](#)

195. Эта иллюстрация, изображающая Мэтью Хопкинса, осматривающего двух ведьм, которые признаются ему в именах своих импов и знакомых, скопирована из книги Колфилда "Мемуары выдающихся личностей", 1794, где она взята с чрезвычайно редкого оттиска.

[Вернуться](#)

196. Pitcairn's Records of Justiciary.

[Возврат](#)

197. Предисловие к "Мемориалам Лоу" под редакцией Шарпа.

[Возврат](#)

198. Заубербиблиотека, Тиль 5.

[Возврат](#)

199. К ней в тюрьму прислали помощника палача; его нарядили в медвежью шкуру, как будто он дьявол. Когда ведьма увидела его, она подумала, что это ее знакомый.

Она быстро сказала ему: "Почему ты так долго оставил меня в руках магистрата? Вызволь меня из их власти, как ты обещал, и я буду принадлежать только тебе. Помоги мне избавиться от этих мук, о ты, мой самый дорогой дьявол [или любовник]!"

Возвращение

200. Очень наглядный рассказ о казни этого несчастного джентльмена можно найти в превосходном романе мсье Альфреда де Виньи под названием "Синька Марс"; если же читатель желает получить полное и точное описание всех обстоятельств одного из самых необычных судебных процессов в истории, он может обратиться к работе, опубликованной анонимно в Амстердаме в 1693 году, под названием "История дьяволов из Лудуна, или Владения религий урсулинок, осуждения и подавления Урбена Грандье" (*Histoire des Diables de Loudun, ou de la Possession des Religieuses Ursulines, et de la Condemnation et du Supplice d'Urbain Grandier*).

Возвращение

201. Наказание для непокорных выражалось словами *onere, frigore, et fame*. Под первым подразумевалось, что преступник должен лежать на спине на земле, а на его тело кладут тяжести, постепенно увеличивая их, пока он не потеряет сознание. Иногда наказание не доходило до такого срока, и жертве давали прийти в себя, после чего она подвергалась второй части, *frigore*, которая заключалась в том, что она стояла обнаженной под открытым небом в течение определенного времени на виду у всего народа. Третья часть, или *слава*, была еще более ужасной: согласно уставу, "он должен был питаться самым грубым хлебом, который только можно было достать, и водой из ближайшей раковины или лужи к месту казни; и в тот день, когда у него была вода, он не должен был есть хлеб, а в тот день, когда у него был хлеб, он не должен был пить воду"; и в этих мучениях он должен был находиться столько, сколько выдержит природа.

Возвращение

202. Вольтер отрицает это в своем труде "Век Людовика XIV", но не указывает, по какой причине. Его слова таковы: "Это неправда, что она применяла свои яды в больницах, как говорит народ, и как написано в "Селебританских причинах", сочинении адвоката без причины и для народа".

Вернуться

203. Медленное отравление - преступление, которое, к несчастью, возродилось в Англии в течение последних нескольких лет и достигло масштабов, достаточных для того, чтобы бросить пятно на национальный характер. Отравителями в основном были женщины из низших слоев общества, а их жертвами - мужья или дети. Мотивом преступления в большинстве случаев было самое низкое, что только можно себе представить, - желание получить от похоронных клубов, на которые они подписывались, премию, или деньги на погребение. Недавний закон, ограничивающий продажу мышьяка и других ядов, как можно надеяться, если не искоренит это отвратительное преступление, то хотя бы ограничит его. 1851 год.

Вернуться

204. Garinet, *Histoire de la Magie en France*, p. 75.

Возвращение

205. Ibid. p. 156.

Возвращение

206. Продолжение д-ром Х. Мором коллекции отношений Гланвила в доказательство колдовства.

Возврат

207. Женщина, чей призрак, как говорят, проявлялся в Кок-Лейн, была похоронена в крипте или монастыре Святого Иоанна в Клеркенвелле. Свод состоит из двух приделов, причем южный гораздо уже, чем другой, - именно здесь она и была похоронена.

Лет семь назад я делал набросок живописной двери с трилистником, ведущей в эту часть хранилища; в то время здесь царила большая неразбериха с гробами, останками тел, некоторые из которых были высушены, как мумии, и т. д. Я не мог найти лучшего места, чем один из гробов. Мальчик пономаря, который держал мой фонарь, сообщил мне, что это гроб *Царапающейся Фанни*, и это напомнило мне историю о Петушином переулке. Я снял крышку гроба и увидел лицо красивой женщины с аквилинным носом; эта черта осталась безупречной - редкий случай, так как хрящи в большинстве случаев разрушаются. Останки стали адипоцером и прекрасно сохранились. Говорили, что она была отравлена пагубным пуншем, но это было юридически опровергнуто; и, если я правильно помню, было объявлено, что она умерла от оспы; от этой болезни не было ни малейшего признака; но поскольку некоторые минеральные яды имеют тенденцию делать тела адипоцерными, здесь были некоторые доказательства в поддержку первого утверждения. В то время я навел справки у мистера Берда, церковного старосты, человека уважаемого и рассудительного; и он дал мне доброе заверение, что этот гроб всегда считался тем, в котором лежала женщина из Кок-Лейн. С тех пор в хранилище навели порядок, а вышеупомянутый гроб вместе с другими убрали.

Ниша у окна на рисунке Комнаты призраков - это место, где находилось изголовье кровати и где были слышны царапанье, стук и т. д. Такова традиция этого дома. Миссис Кинг, которая владеет этим помещением, сообщила мне, что ее семья владеет домом около восьмидесяти лет.- Дж. В. Арчер.

Вернуться

208. Изнасилование Лукреции у Шекспира.

Возврат

209. Аббат во втором томе в письме № 79, адресованном месье де Бюффону, приводит следующие любопытные сведения о разбойниках 1737 года, которые не лишены интереса и в наши дни, хотя бы потому, что свидетельствуют о значительном улучшении, происшедшем с того времени. "В путешествиях принято класть десять или дюжину гиней в отдельный карман, как дань первому, кто придет потребовать у них право на паспорт; обычай, установившийся здесь в пользу разбойников, которые являются почти единственными блюстителями шоссейных дорог в Англии, сделал это необходимым; соответственно, англичане называют этих парней "джентльменами дороги", правительство позволяет им осуществлять свою юрисдикцию над путешественниками, не доставляя им особых хлопот. По правде говоря, они довольствуются тем, что забирают деньги у тех, кто подчиняется без споров; но, несмотря на их хваленую гуманность, жизнь тех, кто пытается скрыться, не всегда в

безопасности. Они очень строго и сурово взимают свою пошлину, и если у человека нет средств, чтобы заплатить ее, он может получить по голове за свою бедность.

"Лет пятнадцать назад эти разбойники, желая сохранить свои права, расклеили у дверей богатых людей в Лондоне бумаги, прямо запрещающие всем людям, какого бы качества и состояния они ни были, под страхом смерти выходить из города без десяти гиней и часов. В плохие времена, когда на дорогах почти ничего нельзя достать, эти парни собираются в шайки, чтобы собирать пожертвования даже в самом Лондоне, и стражники редко беспокоятся о том, чтобы помешать им в их деле".

Возвращение

210. После выхода в свет первого издания этого тома приключения Джека Шеппарда были возрождены. Роман, посвященный реальной или сказочной истории взломщика, благодаря своей необычайной популярности стал еще одним подтверждением утверждений, приведенных в тексте. Шестой отчет инспектора тюрем северных округов Англии содержит массу информации о пагубном влиянии таких романов и основанных на них драм. Инспектор допросил нескольких мальчиков, посещавших тюремную школу в Нью-Бейли в Манчестере, из показаний которых взяты следующие отрывки, касающиеся этой темы:

"Дж. Л. (14 лет). Первый раз я был в театре, когда смотрел Джека Шеппарда. Рядом с домом было два или три мальчика, которые собирались пойти, и они попросили меня. Я взял шесть пенсов из денег, которые еженедельно откладывал на одежду. В следующий раз, когда я пошел, а это было через неделю, я одолжил деньги у одного мальчика; я вернул их ему в субботу после этого. Затем я ходил много раз. Я брал деньги у матери из кармана, когда она садилась, а я рядом с ней. В ее кармане было больше шести пенсов. Я очень полюбил театр и часто обкрадывал людей, чтобы попасть туда. *Я думал, что этот Джек Шеппард был умным парнем*, раз сумел сбежать и ограбить своего хозяина. *Если бы мне удалось выбраться из тюрьмы, думаю, я был бы таким же умным, как он*: но после всех его подвигов его все-таки прикончили. Я взял эту книгу из библиотеки в Доул-Филд. За три тома я заплатил по два пенса за книгу. Я также приобрел "Ричарда Терпина" в двух томах и заплатил столько же. Я видел Оливера Твиста и думаю, что Ловкий Ловкач очень похож на некоторых здешних мальчишек. Я здесь за то, что нащупал карман в 25 фунтов.

"Н. С. (15 лет). Когда мы приехали в Манчестер, я пошел на спектакль и увидел Джека Шеппарда в первый же вечер, когда он вышел на экраны. На улицах на досках и на стенах висели его фотографии; на одной из них он залез в карман в церкви. Джек Шеппард мне очень понравился. В тюрьме я не сидел. Я работал на складе за 6 с. 6 д. в неделю и получал из них 6 д., на которые регулярно ходил на спектакли. После этого я видел Джека Шеппарда четыре раза за неделю. Я достал деньги из своего мешка тайком, без ведома хозяина. Однажды я занял 10 шиллингов на имя моей матери у миссис --, владелицы магазина, с которой она имела дело; с этими деньгами я пошел на спектакль.

"Дж. М'Д. (15 лет). Я слышал о Джеке Шеппарде: мне рассказал о нем один знакомый парень, который видел спектакль и сказал, что было *очень весело* наблюдать, как он вырывается из тюрьмы.

"Дж. Л. (11 лет). Дважды был на спектакле и видел Джека Шеппарда. В первый раз ходил с братом, во второй - один. Деньги на второй раз я взял у матери в доме, с дымохода, где она оставила шесть пенсов. Это был первый вечер, когда играли Джека Шеппарда. О нем много говорили, и по всем стенам висели красивые картинки с его изображением. Я считал его очень умным парнем, но больше всех веселился Блюскин. Сначала я отправился на рынок и начал с воровства яблок. Я также знал одного парня, --, которого перевезли, и ходил с ним два или три раза. Самое большее, что я получил, - это 10 фунтов из кассы".

Отчет инспектора о правонарушениях среди несовершеннолетних в Ливерпуле содержит много информации того же рода; но уже было приведено достаточно цитат, чтобы показать пагубные последствия обожествления великих воров бездумными романистами.

[Вернуться](#)

211. Полный рассказ об этом известном грабителе, да и вообще о европейских ворах и бандитах, см. в очень забавной работе по этой теме мистера Чарльза Макфарлейна.

[Возвращение](#)

212. См. также *Foreign Quarterly Review*, vol. iv. p. 398.

[Возвращение](#)

213. Лавиния Фентон, впоследствии герцогиня Болтонская.

[Возврат](#)

214. *Esprit des Loix*, liv. xxviii. chap. xvii.

[Возврат](#)

215. Очень похожим на него является испытание огнем у современных индусов, которое описывается в "Восточных мемуарах" Форбса, т. i. с. xi.: "Когда человек, обвиненный в смертном преступлении, решает пройти испытание огнем, его на несколько дней заключают в тюрьму; его правую руку и кисть покрывают толстой воощенной тканью, завязывают и запечатывают в присутствии соответствующих офицеров, чтобы предотвратить обман. В английских округах на покров всегда ставили герб Компании, а заключенного помещали под охрану европейцев. В назначенное для испытания время на огонь ставят котел с маслом; когда оно закипает, в сосуд опускают кусок денег; руку пленника снимают и омывают в присутствии его судей и обвинителей. Во время этой части церемонии присутствующие брамины обращаются с мольбами к божеству. Получив их благословение, обвиняемый погружает руку в кипящую жидкость и вынимает монету. После этого руку снова запечатывают до времени, назначенного для повторной экспертизы. Затем печать срывается; если не обнаруживается никаких изъянов, заключенный объявляется невиновным; если же наоборот, он несет наказание, соответствующее его преступлению"... На этом суде обвиняемый, прежде чем погрузить руку в кипящее масло, обращается к стихии: "Ты, о огонь, пронизывающий все. О причина чистоты! Дающая свидетельства о добродетели и грехе, объяви истину в этой моей руке!" Если бы не было жонглирования, то решения, принимаемые на этом испытании, были бы одинаковыми; но так как одни объявляются виновными, а другие невиновными, то ясно, что брамины, подобно христианским священникам средних веков, практикуют некоторый обман, спасая тех, кого они хотят считать невиновными.

Возвращение

216. Испытание, очень похожее на это, до сих пор практикуется в Индии. Вместо хлеба и сыра выбирается освященный рис. Нередки случаи, когда силой воображения виновные не могут проглотить ни одного зернышка. Сознавая свое преступление и страшась кары небесной, они чувствуют удушье в горле, когда пытаются это сделать, падают на колени и признаются во всем, что на них возложено. То же самое, несомненно, произошло бы с хлебом и сыром Римской церкви, если бы это было применено к кому-либо еще, кроме церковников. У последних было слишком много мудрости, чтобы попасться в ловушку собственного изготовления.

Вернуться

217. Histoire de Messire Bertrand du Guesclin, par Paul Hay du Chastelet, liv. i. ch. xix.

Возврат

218. Esprit des Loix, liv. xxviii. ch. xxv.

Возврат

219. Mémoires de Brantôme touchant les Duels.

Возврат

220. Histoire de Messire Bertrand du Guesclin, liv. i. ch. xix.

Возврат

221. Mémoires de Brantôme touchant les Duels.

Возврат

222. Хотя в данном случае Франциск показал себя противником дуэлей, в своем собственном случае он не имел такого же возражения. Каждый читатель истории должен помнить его ответ на вызов императора Карла V. Император написал, что не сдержал своего слова и что он будет поддерживать их ссору в одиночку против него. Франциск ответил, что он лжет - *qu'il en avait menti par la gorge*, - и что он готов встретиться с ним в одиночку в любое время и в любом месте.

Возвращение

223. Le Père Matthias, tome ii. livre iv.

Возврат

224. Elémens de l'Histoire de France, vol. iii. p. 219.

Возврат

225. Mercure de France, vol. xiii.

Возврат

226. Путешествие Брайдона по Мальте, 1772 г.

Возврат

227. См. "Жизнь и характер лорда Бэкона" Томаса Мартина, адвоката.

Возврат

228. См. "История дома и клана Маккей".

Возврат

229. См. Spectator, № 84, 97 и 99; Tatler, № 25, 26, 29, 31, 38 и 39; Guardian, № 20.

Возвращение

230. Post-Boy, 13 декабря 1712 г.

Возврат

231. В какой-то период своей жизни Рэли был заядлым дуэлянтом, и о нем говорили, что он участвовал в большем количестве поединков такого рода, чем любой другой известный человек среди его современников. Не один его товарищ лишился жизни; но он прожил достаточно долго, чтобы убедиться в греховности своего поведения, и дал торжественную клятву никогда больше не драться на дуэли. Следующий анекдот о его стойкости хорошо известен, но его стоит повторить:

В одной из кофеен между ним и молодым человеком возник спор по какому-то пустяковому поводу, и последний, выйдя из себя, дерзко плюнул в лицо ветерану. Сэр Уолтер, вместо того чтобы пробить его насквозь, как сделали бы многие, или вызвать на смертный бой, спокойно достал платок, вытер лицо и сказал: "Молодой человек, если бы я мог так же легко стереть с моей совести пятно от вашего убийства, как я могу стереть этот плевок со своего лица, вы бы не прожили больше ни минуты". Молодой человек тут же попросил прощения.

Вернуться

232. См. "Письма Иосифа II к знатым князьям и государственным деятелям", впервые опубликованные в Англии в журнале The Pamphleteer за 1821 год. Первоначально они были опубликованы в Германии за несколько лет до этого и проливают свет на характер этого монарха и события его правления.

Вернуться

233. Американская энциклопедия, статья. Дуэли.

Возврат

234. Вольтер, Век Людовика XIV.

Вернуться

КОНЕЦ ТОМА. II.

ЛОНДОН:

НАПЕЧАТАНО ЛЕВИ, РОБСОНОМ И ФРАНКЛИНОМ,
ГРЕЙТ НЬЮ СТРИТ, ФЕТТЕР ЛЕЙН.